

МИНУВШЕЕ

17

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

17

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Редакционная коллегия: Николай Богомолов, Жан Бонамур, Эльда Гарэтто, Александр Добкин, Джон Мальмстад, Ричард Пайпс, Марк Раев, Дмитрий Сегал, Анатолий Смелянский

Главный редактор: Владимир Аллой

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

17

ATHENEUM — ФЕНИКС

МОСКВА — С.-ПЕТЕРБУРГ

1994

ББК 63. 3(2)

М 62

М 62   **Минувшее: Исторический альманах. 17. — М.; СПб.:
Atheneum; Феникс. 1995. 598 с., ил.**

ISBN 5-85042-001-0

ISBN 5-85042-018-5

В настоящем выпуске читатель найдет: воспоминания гетмана Украины П.П.Скоропадского о его правлении в 1918; мемуары об И.Г.Эренбурге в Киеве и Крыму в 1919-1921; рассказы В.Ардова о Маяковском, Есенине, Мейерхольде; письма М.А.Волошина; очерки искусствоведа и критика А.Л.Волынского о женщинах, встреченных им на жизненном пути; окончание переписки Б.Л.Пастернака с Р.Н.Ломоносовой; размышления одного из крупных деятелей РПЦ о положении церковной иерархии в 1920-е гг.; записки смотрителя Трубецкого бастиона Петропавловской крепости (1899-1917)...

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

М $\frac{4702010206-003}{Д 20 (03) - 95}$ 95 без объявл.

ББК 63.3 (2)

ISBN 5-85042-001-0 (Феникс)
ISBN 5-85042-018-5

© «Феникс», 1995
World © «Atheneum», 1995

ВОСПОМИНАНИЯ

П.П. Скоропадский
«УКРАИНА БУДЕТ!..»
Из воспоминаний
Публикация А.Варлыго

Проблема государственного устройства Украины, избравшей путь независимости, стоит перед ней не впервые. Этот же вопрос болезненно решался и после крушения Российской империи в 1917. Эксперименты с государственным устройством Украины быстро следовали тогда один за другим: на смену Народной республике, управлявшейся социалистами, пришла Украинская Держава во главе с гетманом. Им стал аристократ, недавний царский генерал Павел Петрович Скоропадский (1873-1945). Просуществовать этой форме украинской государственности суждено было недолго.

Почему генерал царской свиты, участник и герой японской и Первой мировой войн оказался во главе нового государства, построенного на обломках Империи, которой он служил верой и правдой? Была ли Украинская Держава (официальное название гетманской Украины) опереточной страной, поддерживаемой немецкими штыками, как внушали нам советские историки? Желал ли Скоропадский на самом деле восстановления Российской империи, в чем обвиняли его украинские радикалы и чего ожидали от него великорусские круги? Настоящая публикация в некоторой мере помогает ответить на поставленные вопросы и вводит в оборот новый источник об украинской, да и российской революции 1917 и последовавшей за ними гражданской войной¹.

---

¹ См., напр.: Гунчак Т. Україна: Перша половина ХХ століття: Нариси політичної історії. Київ, 1993. С.141-154; Папакін Г.В. Гетьман Павло Скоропадський: штрихи до портрета // Скоропадський П. Спомини. Київ, 1992. С.3-9; Полонська-Василенко Н. Історія України 1900-1923 рр. Київ, 1992. С.80-106; Россия и Украина: Из дневников Н.М. Могилянского и писем к нему П.П. Скоропадского. 1919-1926 / Публикация А.А. Сергеева // Минувшее: Исторический альманах. Вып.14. М.; СПб., 1993. С.253-274. Материал, содержащийся в последней из названных публикаций, служит как бы логическим завершением публикуемых здесь мемуаров: налицо эволюция политических взглядов экс-гетмана от «общерусскости» к украинской ориентации.

29 апреля 1918 в Киеве собрался «Хліборобський конгрес «Конгресс земледельцев), присутствовало около 8000 участников², преимущественно крестьян. В речах, звучавших в этом собрании, было отчетливо выражено решительное недовольство политикой Украинской Центральной Рады и ее социалистическими новшествами. В итоге решено было установить твердую власть на Украине в форме гетманства. П.П. Скоропадский единогласно был избран на этот пост. В тот же день, практически без борьбы, сторонники гетманского переворота захватили все государственные учреждения, Центральная Рада была распущена. Скоропадский обратился с «Грамотой ко всему украинскому народу» и опубликовал «Закон о временном устройстве Украины». Грамота сообщила, что скоро будет разработан избирательный закон и пройдут выборы в Украинский Сейм, до созыва которого гетман берет на себя всю полноту власти в Украине, провозглашалось также возобновление права частной собственности и гарантировались права трудящихся³. Одновременно было сформировано первое правительство Скоропадского, во главе которого некоторое время спустя стал Н.П.Василенко. Именно здесь у гетмана возникли первые осложнения с деятелями национальной ориентации: более радикальные украинские политики, которых гетман поначалу пытался привлечь к сотрудничеству в государственном аппарате, уже в мае 1918 выразили свое недовольство тем, что кабинет министров неукраинский, так как в него не вошли члены тех групп, которые создавали первое украинское государство⁴. Радикалы протестовали «против запрета ряда съездов, против деятельности местной администрации, позволяющей разного рода излишества, против назначения на должности неукраинцев, против военной политики гетмана»⁵. В мае был образован Український Національно-Державний (Национально-Государственный) Союз, начавший борьбу против гетманства как «буржуазного и неукраинского»⁶. Велась борьба и с «другой стороны». В то время на Украине было относительно спокойно, отсутствовал голод, и на ее территорию хлынул поток беженцев из России. Большинству из них идея о какой бы то ни было самостоятельности, а тем более — государственности Украины, даже в самой отвлеченной форме, была совершенно чужда. Переведя дыхание после прелестей «большевистского рая», эти люди (ярко, хотя и поверхностно, изображенные М.А.Алдановым в романе «Бегство») объединялись в различные организации и составили значительную силу.

Все это ослабляло созидательные начала в деятельности Скоропадского и его правительства. В итоге, невольно содействуя друг другу, радикальные украинцы и сторонники «единой и неделимой» привели гетманство к краху. 14 декабря 1918 П.П. Скоропадский отрекся от власти, передав ее своему последнему правительству, и выехал за границу.

---

² Полонська-Василенко Н. Указ. соч. С.80.

³ Там же. С.81.

⁴ Там же. С.85.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Всего семь с половиной месяцев продолжалось гетманство П.П. Скоропадского. Этот период в истории Украины был наполнен непрерывной борьбой: внешней — с большевиками и внутренней — с русскими великодержавниками и украинским радикалами. При практическом отсутствии собственных вооруженных сил власть гетмана была зависима от немцев. Кроме того, выполняя условия Брестского договора, Украина поставляла Германии и Австро-Венгрии продовольствие. Крестьянство ждало от правительства Скоропадского решения земельного вопроса. Но этот вопрос — едва ли не самый больной на всем пространстве бывшей Российской империи — так и не был разрешен.

Между тем у гетманства были не только нерешенные проблемы. За этот непродолжительный отрезок времени произошло немало ценного: были установлены дипломатические отношения — сперва с Германией, Австрией, Швейцарией, Болгарией, Польшей, Финляндией, а затем — с Францией, Англией и другими странами; были учреждены банки и создана собственная денежная система, упорядочена работа транспорта (во время всеобщей разрухи!); проведена судебная реформа. Особенно значительными были достижения в области культуры: учреждены национальные Академия наук, библиотека и Архив, созданы государственные драматический и оперный театры, симфонический оркестр, осуществлялась обширная издательская деятельность, много было сделано в области просвещения и образования. К сожалению, все эти ростки украинской государственности почти не получили развития в дальнейшем: пришедшая на смену гетманству Директория тоже оказалась «калифом на час», а Деникин не принимал Украину в расчет. Воцарившиеся же на 70 лет большевики превратили идею об украинской государственности даже не в «оперетку» (каковой они называли гетманство), а в трагический и кровавый фарс.

В эмиграции Скоропадский еще больше украинизировался⁷, здесь он сблизился с идеологом украинского правого движения В.Липинским. Бывший гетман стал для этого течения украинской эмиграции знаменем национально-государственного строительства⁸. Несмотря на то, что гетманство, по мысли В.Липинского, по сути было формой монархического правления, Скоропадский и его сторонники, до эмиграции, по крайней мере, до 1920, собственно, не были приверженцами монархии, это подтверждает и первый манифест гетмана, сообщающий о созыве Сейма⁹. В 1920—1930-е идея гетманского украинского государства пользовалась определенным успехом в странах, где традиционно было много эмигрантов с Украины, и не только в Германии и Австрии, но и в США и Канаде¹⁰. Позднее Скоропадский разошелся с В.Липинским и сблизился с другим деятелем украинской эмиграции, более далеким от политической практи-

⁷ Папакін Г.В. Указ. соч. С.7.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С.8.

¹⁰ До 1917 П.П. Скоропадский только интересовался украинскими вопросами, но какого-либо участия в «бурлящей» украинской жизни начала XX века не принимал.

ки — историком Д.И. Дорошенко. Судьба распорядилась таким образом, что после 1933 (прихода к власти Гитлера) Скоропадский хотя и жил в Германии до самого дня своей гибели от ранения в апреле 1945, но на службе у нацистов не состоял, а ведь можно уверенно сказать, что возможности для этого он имел неограниченные.

Полный объем публикуемых здесь воспоминаний свыше 20 авторских листов. Для публикации мы отобрали цельные, наиболее содержательные, ранее не публиковавшиеся¹¹ фрагменты, сократив очевидные повторы. Все сокращения нами отмечены знаком /.../. Рукопись датирована 2 мая 1919. Ксерокопия машинописи, по которой осуществляется настоящая публикация, была любезно предоставлена нам покойным Ю.А. Петренку. По его словам, оригинал хранится в одном из архивов США или Канады. Проверить это мы не имели возможности. При подготовке текста мы привели его в соответствие с правилами современной орфографии, постаравшись при этом максимально сохранить индивидуальные особенности авторской манеры. Заголовок публикации дан нами.

Записывая свои впечатления, я не особенно считался с тем, как будут судить меня мои современники, и делаю это не для того, чтобы входить с ними в полемику. Я нахожу необходимым правдиво записать все, что касается моей деятельности за период с конца 1917 года по январь 1919 года. Лично не чувствую ни охоты, ни способности создавать интересные мемуары, но события, центром которых мне пришлось быть за этот период времени, сложность только что пережитой мною политической обстановки заставляют меня записать то, что не изгладилось из моей памяти.

Может быть, будущим историкам революции мои записки пригодятся. Прошу их верить, что все мною записанное будет верно, т.е., что я буду заносить так, как мне казалось положение в данное время, а там правильно ли я мыслил или неправильно, в этом поможет разобраться будущее. Жаль, конечно, что у меня нет под рукой необходимых документальных справок, но заинтересовавшийся моими записками будет всегда в состоянии найти все для него необходимое в архивах.

Прежде чем начать пересказ всего мною пережитого в эту интересную эпоху, я не могу не остановиться на одном факте, который меня сильно поражал и которому я до сих пор не могу дать точного определения. Как это могло случиться, что среди всех окружавших меня людей за время особенно моего гетманства

---

¹¹ О публикации перевода воспоминаний Скоропадского на украинский язык см. прим. 4 к тексту.

было так мало лиц, которые в вопросе о том, как мыслить Украину, которую мы созидали, мыслили бы ее так, как я. Было два течения как в социальных так и в национальных вопросах, оба крайние, ни с тем ни с другим я не мог согласиться и держался середины. Это трагично для меня, но это так, и, несомненно, это способствовало тому, что я рано или поздно должен был или всех убедить идти за мной, или же уйти. Последнее и случилось: оно логично не должно было произойти теперь, а случилось просто из-за грубой ошибки Entente'ы¹. Исполни они мое желание, т.е. пришли они своего представителя в Киев, лишь бы видели, что меня фактически поддерживает Entente, этого не произошло бы, и, я думаю, задача восстановления порядка не только в Украине, но и в бывшей России, тем самым была бы значительно облегчена. Теперь же я не хочу быть пророком, но не вижу, каким образом можно добиться в этой стране давно всеми желанного правового порядка.

Благодаря моему деду и отцу, семейным традициям, Петру Яковлевичу Дорошенко, Василию Петровичу Горленко, Новицкому² и другим, несмотря на свою службу в Петрограде, я постоянно занимался историей Малороссии, всегда страстно любил Украину не только как страну с тучными полями, с прекрасным климатом, но и со славным историческим прошлым, с людьми, вся идеология которых разнится от московской; но тут разница между мною и украинскими кругами та, что последние, любя Украину, ненавидят Россию; у меня этой ненависти нет. Во всем этом гнете, который был так резко проявлен Россией по отношению ко всему украинскому, нельзя обвинять русский народ; это была система правления; народ в этом не принимал никакого участия; потому мне и казалось, да и кажется до сих пор, что для России единой никакой опасности не представляет федеративное устройство, где бы всякая составная часть могла свободно развиваться: в частности, на Украине существовали бы две параллельные культуры; когда все особенности украинского мирозерцания могли бы свободно развиваться и достигать известного высокого уровня; если же все украинство — мыльный пузырь, то оно само собою просто было бы сведено на нет.

Я люблю русский язык, украинцы его терпеть не могут; по крайней мере, делают вид, что не любят его; я люблю среднюю Россию, Московщину — они находят, что эта страна отвратительна; я верю в великое будущее России, если только она переустроится на новых началах, где все бы части ее в решении вопросов имели одинаковый голос и где бы не было того, как теперь, например, когда в Москве в известных кругах смотрят на Украину, как хозя-

ин смотрит на работника; украинцы этому будущему не верят и т.д. и т.д. Нет ни одного пункта, в котором я бы в этих вопросах с ними сходилась.

С другой стороны, великорусские круги на Украине невыносимы, особенно теперь, когда за время моего гетманства туда собралась чуть ли не вся интеллигентная Россия: все прятались под мое крыло и до комичности жалко, что эти же самые люди рубили сук, на котором сидели, стараясь всячески подорвать мое значение вместо того, чтобы укреплять его, и дошли до того, что меня свалили. Это особенно ясно будет видно при дальнейшем изложении фактов: великорусские интеллигентные круги были одним из главных факторов моего свержения.

Эти великороссы совершенно не понимали духа украинства. Простое объяснение, что все это вздор, что выдумали украинство немцы и австрийцы ради ослабления России, — неверно. Вот факт: стоило только центральному русскому правительству ослабнуть, как немедленно со всех сторон появились украинцы, быстро захватывая все более широкие круги среди народа. Я прекрасно знаю класс нашей мелкой интеллигенции. Она всегда увлекалась украинством; все мелкие управляющие, конторщики, телеграфисты всегда говорили по-украински, получали «Раду»³, увлекались Шевченко, а этот класс наиболее близок к народу. Сельские священники в заботах о насущном пропитании своей многочисленной семьи под влиянием высшего духовенства, которое до сих пор лишь за малым исключением все великорусское (московского направления), не высказываются определенно. Но если поискать, то у каждого из них найдется украинская книжка и скрытая мечта осуществления Украины. Поэтому когда великороссы говорят: украинства нет, то сильно ошибаются, и немцы и австрийцы тут ни при чем, т.е. в основе они ни при чем.

Конечно, общение с Галицией имело громадное значение для усиления украинской идеи среди некоторых кругов. Но это общение произошло естественно: тут ни подкуп, ни агитация не имели существенного значения. Просто люди обращались во Львов, т.к. отношение ко всему украинскому в этом городе было свободно. Естественно, что со временем за это украинство ухватилось и австрийское правительство и немецкое, но я лично убежден, что украинство жило среди народа, а эти правительства лишь способствовали его развитию, поэтому мнение великороссов, что украинства нет, что оно искусственно создано нашими бывшими врагами, — неверно. Точно так же неверно, что к украинству народ не льнет, народ страшно быстро его воспринимает без всякой пристегнутой к нему социальной идеи. Великороссы говорят: народ не

хочет Украины, но воспринимают ее потому, что украинские деятели вместе с украинством сулят этому народу всякие социальные блага, поэтому народ из-за социальных обещаний льнет к украинству. Это тоже неверно: в народе есть любовь ко всему своему украинскому, но он не верит пока в возможность достижения этих желаний; он еще не разубежден в том, что украинство не есть нечто низшее. Это последнее столетиями вдальбивали ему в голову и поэтому у него нет еще народной гордости, и, конечно, всякий украинец, повысившись в силу того или другого условия по общественной лестнице из народа, немедленно переделывался в великоросса со всеми его положительными и отрицательными качествами. Великороссы совершенно не признают украинского языка, они говорят: «Вот язык, на котором говорят в деревнях крестьяне, мы понимаем, а литературного украинского языка нет. Это — галицийское наречие, которое нам не нужно, оно безобразно, это набор немецких, французских и польских слов, приноровленных к украинскому языку». Бесспорно, что некоторые галичане говорят и пишут на своем языке; безусловно верно, что в некоторых министерствах было много этих галичан, которые досаждали публике своим наречием, но верно и то, что литературный украинский язык существует, хотя в некоторых специальных вопросах он не развит. Я вполне согласен, что, например, в судопроизводстве, где требуется точность, этот язык нуждается еще в большем развитии, но это частности. Вообще же это возмутительно презрительное отношение к украинскому языку основано исключительно на невежестве, на полном незнании и нежелании знать украинскую литературу.

Великороссы говорят: «Никакой Украины не будет», а я говорю: «Что бы то ни было, Украина в той или другой форме будет. Не заставишь реку идти вспять, так же и с народом, его не заставишь отказаться от его идеалов. Теперь мы живем во времена, когда одними штыками ничего не сделаешь». Великороссы никак этого понять не хотели и говорили: — «все это оперетка» — и довели до Директории с шовинистическим украинством со всей его нетерпимостью и ненавистью к России, с радикальным насаждением украинского языка и в добавок ко всему этому — с крайними социальными лозунгами. Только кучка людей из великороссов искренне признавала федерацию; остальные из вежливости говорили мне: «Федерация, да!», но тут же решительно делали все для того, чтобы помину от Украины не было.

Затем в области социальных реформ среди великороссов господствует полнейшее непонимание. Кстати, к великороссам я отношу весь наш помещичий класс, т.е. и малороссов, поскольку

у них одно и то же мировоззрение. Наш украинец — индивидуалист, никакой социализации ему не нужно. Он решительно против этого. Русские левые круги навязывают свои программы, которые к Украине неприменимы. Я всегда считал, что украинское движение уже хорошо тем, что оно проникнуто сильным национальным чувством, что, играя на этих струнах, можно легче всего спасти народ от большевизма. Я, например, хотел создать казачество из хлеборобов, но в ответ на это какие только палки в колеса не вставляли мне великорусские деятели. Казалось ясно — главный враг большевизм великорусский, и затем наш внутренний украинский. Для борьбы с ним нужна физическая сила. Создавать войско, конечно, хорошо, но это требует времени, а главное при создании Армии, какие лозунги мог бы я дать. При царском режиме были: Царь, Вера и Отечество. Единственный понятный крестьянству лозунг — Земля. Насчет воли — они сами изверились что-то, но землю подавай всю. Что бы из этого вышло, предоставляю судить каждому. Я и решил эту необходимую силу создать из хлеборобов, воспитав их в умеренном украинском духе, без ненависти к России, но с сознанием, что они не те, которые в России стали большевиками. Я решил, группируя их в сотни, полки, коши, перевести их в казачество или скорее возобновить старое казачество, которое испокон веков у нас было. Так как все эти казаки-хлеборобы — собственники, то естественно, что идеи большевизма не прилипали бы к ним. Я являлся их непосредственным главою; общность интересов заставила бы их быть преданными мне. Это страшно укрепило бы мою власть, и несомненно, что тогда можно было бы спокойно проводить и аграрную и другие коренные реформы. Но никто меня не поддержал; министры два раза проваливали проект, и в конце концов я сам провел это осенью, и то в каком-то искаленном виде, без всякого сочувствия со стороны министров и большинства старост, так что фактически ввести это в жизнь не представлялось возможным.

Для меня понятно отношение великорусских кругов к моим начинаниям: они не хотели Украины и думали, что можно целиком вернуться к старому, а я хотел Украину не враждебную Великороссии, а братскую, где все украинские стремления находили бы себе выход. Тогда фактически эта искусственно разжигаемая галичанами ненависть к России не имела бы почвы и в конце концов исчезла бы вовсе.

Когда я был выбран хлеборобами в Гетманы, в своей первой Грамоте я изложил свою программу и этой программы, одобренной моими же выборщиками, я свято придерживался. Я действительно думал, что люди понимают, что украинское движение

имеет право на существование. Конечно, самостоятельность, которой тогда приходилось строго придерживаться из-за немцев, твердо на этом стоявших, для меня никогда не была жизненна, но я думал, — да так бы оно и было — немцы изменили бы свою политику в сторону федерации Украины с Россией.

Я указывал на эту необходимость, будучи в Берлине, и видел полное сочувствие; у немцев все было к этому подготовлено. Но для русских кругов, как оказалось, я был лишь переходной стадией между Центральной Радой и полным уничтожением украинства. Если были некоторые круги, которые признавали федерацию, автономию или что-нибудь подобное, то дело тут вовсе не в украинской идее, а исключительно в смысле удобства для обывателей иметь децентрализованную Россию. Удобнее какому-нибудь сахарозаводчику или горнозаводчику из Киевской или Екатеринославской губернии ехать в Киев и сразу в кругу министров получить необходимые ему справки и разрешения вместо того, чтобы тащиться в Петроград и там высидживать в передних разных сановников... Одним словом, вся эта группа хотела решительного возврата к старому, как с точки зрения национальной, так и с точки зрения социальной. Были оттенки: например, некоторые совершенно не понимали украинства, хотя сами были природными украинцами. Они были податливее других, но они только сочувствовали начинаниям в искусстве и в области некоторых исторических воспоминаний. Казачеству они сочувствовали потому, что это напоминало старое казачество, жупаны, бунчуки и т. под.; вообще это говорило их художественному чутью, но глубины вопроса они не воспринимали и поэтому не считали все это дело спешным. Да и таких было мало. Для других, коротко говоря, революции не было. Нужно было вернуться к старому, для этого, по их мнению, был необходим временно я.

Украинские влиятельные круги — главным образом, социалистические; к ним относится справа небольшая кучка социал-федералистов и несколько человек беспартийных; затем слева — масса всякого, совершенно разложившегося элемента, выдававшего себя за украинцев, а потом, при известных обстоятельствах, попадавшего в Союз Русского Народа. Социалистические элементы на Украине — значительно умереннее великорусских. В этом отношении их социализм умеряется действительно сильным национальным чувством. Интернационализма великорусского нет, и, конечно, на этой почве, если высшие классы к ним прислушались бы, не поддаваясь им, а помогая мне создавать действительную силу, можно было бы найти путь к соглашению. У украинцев ужасная черта — нетерпимость и желание добиться

всего сразу. В этом отношении меня не удивит, если они решительно провалятся. Кто желает все сразу, тот в конце концов ничего не получает. Мне постоянно приходилось говорить им об этом, но это для них неприемлемо. Например, с языком: они считают, что русский язык необходимо совершенно вытеснить. Помню, как пришлось потратить много слов для депутации, которая настаивала на украинизации университета Св. Владимира. Причем интеллигенции на Украине почти нет: все это полуинтеллигенты. Если они, т.е. Директория, не образумится и снова выгонит всех русских чиновников и посадит туда всех своих безграмотных молодых людей, то из этого выйдет хаос, не лучше того, что было при Центральной Раде. Когда я говорил украинцам: «Подождите, не торопитесь, создавайте свою интеллигенцию, своих специалистов по всем отраслям государственного управления», они сейчас же вставали на дыбы и говорили: «Це не можливо».

Верно, эта обстановка, счастливо сложившаяся для украинского движения, вскружила всем этим украинским деятелям голову, и они закусили удила, но думаю, что не надолго. Галичане интеллигентнее, но, к сожалению, их культура из-за исторических причин слишком разнится от нашей.

Затем среди них много узких фанатиков в особенности в смысле исповедывания идеи ненависти к России. Вот такого рода галичане и были лучшими агитаторами, посылаемыми нам австрийцами. Для них неважно, что Украина без Великороссии задохнется, что ее промышленность никогда не разовьется, что она будет всецело в руках иностранцев, что роль их Украины — быть населенной каким-то прозябающим селянством. Тут, кстати сказать, эта ненависть разжигается униатскими священниками.

С точки зрения социальной, галичане умереннее, они даже не социалисты, а просто очень демократично настроенные люди. В этом отношении они были бы нам очень полезны и умерили бы пыл нашей интеллигенции, воспитанной в русских школах со всеми их отрицательными чертами. Но из-за этой ненависти к Великороссии мне приходилось много с ними бороться. Эта ненависть у них настолько сильна, что идеям большевизма, чего доброго, на Украине они не будут перечить.

Почти вся промышленность и помещичья земля на Украине принадлежит великороссам, малороссам и полякам, отрицающим все украинское. Из-за ненависти к этим национальностям, очень может быть, галичане, а наши украинцы и подавно, скажут, что большевизм им на пользу, так как он косвенно способствует вытеснению этих классов из Украины.

Винниченко говорил (не мне), но мне передавали, что для создания Украины он считает необходимым, чтобы по ней прокатилась волна большевизма. Я лично этого не слышал, но охотно верю, так как знаю точку зрения таких людей. Разве можно было мне идти рука об руку с подобными людьми.

Затем есть еще одна черта, — но это уже касается многих деятелей — беспринципность, полное отсутствие благородства. Жаловались, что при старом режиме было воровство, но нельзя себе представить, во сколько раз оно увеличилось теперь, за время революции. Да дело не в этом. Наполеон достигал великих результатов, имея в числе своих маршалов и других крупных сподвижников презрительное количество мошенников.

Возвращаясь к вопросу разницы точек зрения великороссов и украинцев, я резюмирую: великороссы всех партий Украины не хотят. Правые круги почему-то видели во мне монархический принцип и поэтому несколько поддерживали меня. Я им был нужен как переходная ступень от Центральной Рады к возврату старого режима. Российские либералы, будучи совершенно того же мнения относительно возврата к старому в смысле единой России, видя во мне все же человека демократического образа мышления, относились ко мне, не скажу, чтобы враждебно, нет, скорее благосклонно, но без всякого единодушия, без всякой активности.

Украинцы в начале поддерживали меня, думая, что я пойду с ними полностью и приму всю их галицийскую ориентацию. Но я с ними не согласился, и они, в особенности в последнее время, резко пошли против меня. Лично я понимал, что Украина на существование имеет полное основание, но лишь как составная часть будущей российской федерации, что необходимо поддерживать все здоровое в украинстве, отбрасывая его темные и несимпатичные стороны. Великороссам же надо указать их определенное место.

Признавая две параллельные культуры, как глава государства я старался относиться к обоим лагерям совершенно беспристрастно и объективно. Я глубоко верю, что только такая Украина жизнenna, что она наиболее соответствует духу простого народа, что все остальные точки зрения суть, с одной стороны, не более и не менее как революционная накипь; с другой, — старый русский правительственный взгляд, теперь уже отживший: «держаться и не пущать».

Я глубоко верю, что если бы люди были искренни и хоть немного отрешились от собственных личных интересов, если бы было больше доверия друг к другу, мои мысли по этому вопросу, проведенные в жизнь, могли бы примирить всех. Я глубоко верю,

что эта точка зрения в конце концов возьмет верх, но, конечно, жаль, что теперь это все будет достигнуто с большими потрясениями и с реками крови; в то время как если бы мое правление продолжалось дольше, все было бы достигнуто совершенно спокойно.

В области социальных реформ я считаю, что мы должны на Украине вести крайне демократическую политику, но отнюдь не проводить в жизнь те крайние социалистические лозунги, которые Директория собирается проводить, что несомненно приведет к большевизму.

Затем я думаю, что политика моя была правильна в том отношении, что я постоянно рассматривал аграрный вопрос не с точки зрения экономической, а, приняв, главным образом, во внимание политическую сторону жизни страны. С точки зрения экономической аграрная реформа не выдерживала критики, она просто в данное время не была нужна. С точки зрения политической она была крайне необходима, и тут приходилось руководствоваться лишь государственной необходимостью, а не интересами частных лиц. Этого-то земельные собственники, по крайней мере их правление, простить мне не могли.

Вообще, возвращаясь к прошлому, скажу, если бы мне снова пришлось стать во главе правительства Украины, я лично ни на йоту не изменил бы своих убеждений в том, что нужно для народа Украины.

У правых кругов все было основано на усилении полиции, на арестах, скажу прямо, на терроре. Никаких уступок, совершенное пренебрежение психологией масс. У левых все было основано на насилии толпы над более состоятельными классами, на демагогии, на потакании низменным инстинктам селянства и рабочих.

Я лично стоял за твердую власть, не останавливающуюся ни перед чем; одновременно с этим я признавал необходимость созидательной деятельности в области национального вопроса, а в сфере социальной проводил целый ряд демократических реформ. Конечно, тут нужно было известное счастье для того, чтобы провести государственный корабль через все подводные камни, которых, как будет видно при дальнейшем изложении фактов, было очень много. Счастье мне в данном случае не улыбнулось. Но мой уход несколько не изменил моего мнения. Я все же считаю, что тот тернистый путь в области внутренней политики, который я избрал, единственно верный. Те люди, которые за мною не пошли или не хотели идти, потому что это не совпадало с их личными выгодами, или не могли идти в силу тех закоренелых понятий, которыми они были насквозь пропитаны и от которых

они отрешиться не могли, те люди были не правы: будущее их в этом убедит.

В разгар любой революции только люди с крайними лозунгами при известном счастливом стечении событий становились вождями и имели успех. Я это знал, но на мое несчастье я пришел к власти в тот момент, когда для страны, измученной войной и анархией, в действительности была нужна средняя линия, линия компромиссов. Отсутствие политического воспитания в России; взаимное недоверие; ненависть; деморализация всех классов, особенно усилившаяся во время войны и последовавшей за ней революции; полная оторванность страны от внешнего мира, дающая возможность всякому толковать мировые события, как это ему кажется выгодным; военная оккупация — все эти условия мало сулили успеха в моей работе, но, взяв власть не ради личной авантюры, я и теперь не изменил своего мнения.

Я вел свой дневник с начала 1915 г. по ноябрь 1917 г. Затем вихрь событий заставил меня прекратить мои записки. В частности, это было связано с невозможностью иметь при себе записную книжку, где я мог бы правдиво описывать события, не боясь, чтобы все записанное мною попало в руки людей, которым не надо было бы знать, как я смотрю на тот или другой вопрос. Теперь этот интересный промежуток моей жизни придется восстанавливать по памяти; думаю, что справлюсь с этим.

Многие товарищи по войне, знакомые, друзья, не находящиеся все время при мне, не понимали, каким образом Скоропадский, все время бывший на войне, никогда не занимавшийся политикой, а украинской подавно, не имевший никаких связей с немцами, вдруг оказался гетманом всея Украины, поддержанный немцами.

Каким образом все это произошло? Конечно, как это всегда бывает, начались всякие нелестные для меня предположения. Изменил России, продался немцам, преследует личные выгоды и т.п. Я считаю ниже своего достоинства опровергать истерические выкрики всей этой мелкой публики. Скажу лишь одно, что я сам не понимаю, как все это произошло. Меня, если можно так выразиться, выдвинули обстоятельства. Не я вел определенную политику для достижения всего этого, меня события заставили принять то или другое решение, которое приближало меня к гетманской власти.

/.../4

Первые дни Гетманства были какие-то сумбурные. Поэтому теперь, когда я хочу последовательно их описать, я предвижу мно-

го затруднений. Прежде всего, нужно было спешно сформировать Совет Министров и объявить о его составе. Николай Николаевич Устимович⁵ чуть ли не в первый день заболел, но успел пригласить профессора Василенко⁶ на должность министра народного просвещения. Таким образом, ввиду болезни Председателя Совета Министров, его обязанности исполнял тот же Василенко. У меня и у министров, уже вошедших в состав кабинета, была тенденция как наиболее его украинизировать. Для этого Василенко хотел пригласить министром юстиции Шелухина⁷. Последний согласился, но на следующий день отказался, заявив, что партия социалистов-федералистов потребовала в случае занятия им поста выхода его из партии. Помню, что речь еще шла о Михновском и о Липинском⁸, но обоих не было тогда в Киеве. Были также переговоры с социалистом-федералистом Никовским на пост министра труда, но и Никовский⁹ отказался. С ним, кажется, вел переговоры еще Николай Николаевич Устимович. На должность военного министра украинцы все время мне предлагали Грекова, и первое время немцы его тоже хотели, но я решительно был против: уж больно он казался мне ненадежным в нравственном отношении.

Первые два-три дня велись бесконечные переговоры то с одним, то с другим кандидатом. Пока же уже назначенные министры временно взяли на себя и другие портфели.

В своей Грамоте я указал, что Председатель Совета Министров назначается мною и представляет мне списки министров на мое утверждение, после чего весь состав Совета Министров отчитывается передо мною. Составляя Грамоту, первоначально я этого не хотел, и лишь в последнюю минуту, перед тем как подписать Грамоту и сдать ее в печать, я согласился на это. Тут было несколько лиц, мнение которых я уважал, и которые меня убедили пойти на это. Их фамилии по некоторым причинам я не называю. Теперь я считаю, что сделал большую ошибку, согласившись. Я знаю, что этим своим мнением вызову нареkania. Но мне это безразлично. Теперь я убежден, что работа тогда шла бы значительно усиленными темпами и не было бы отклонений от намеченной мною политики. Это более соответствовало идее диктатора, у которого сосредоточивается вся власть. Так как я сразу попал в руки Совета Министров, где партийность играла большую роль, та или другая комбинация голосов приводила к принятию случайных решений.

Мне скажут, что я имел право смещать Председателя Совета Министров. Конечно, имел и делал это. Но какой труд представляет формирование нового министерства, это я знаю по восьми-

месячному сроку моего Гетманства, три раза пройдя через это испытание. Не надо забывать, что людей у нас вообще мало, а в условиях, при которых создавалась тогда Украина, этот вопрос стоял еще острее. Приходилось мириться со всеми этими осложнениями. Надо, конечно, оговориться, что тот первоначальный порядок ответственности каждого из министров передо мною я допускал лишь на короткий срок, а не как явление постоянное.

Не имея парламента или другого аналогичного учреждения, я старался встречаться с людьми самых различных направлений. В первые дни на прием приходили почти исключительно представители различных партий и союзов, выставляющие своих кандидатов на еще не занятые посты министров. Особенно сильный нажим делали на меня областной Союз Земельных Собственников, Протофис и украинские партии. Я выслушивал их, но не поддавался. У тех и у других были неприемлемые списки. Принятие такого списка было бы одобрением программы крайней партии, чего, как я уже неоднократно говорил, я не хотел.

Вечером, кажется, первого же дня — ко мне несколько полтавцев, фамилий их не помню. Среди них был граф Капнист, бывший член Государственной Думы; он представил мне целый ряд доказательств, что Николай Николаевич Устимович не годится на должность председателя Совета Министров. Я не касался тех доводов, выставленных этими господами, но видел, что добрейший Николай Николаевич, который был очень полезен во время переворота, не справится с такой трудной должностью. Мне было очень неприятно думать о том, что, несмотря на его помощь, придется все же сместить его. Я чувствовал, что для общей пользы это сделать необходимо. Когда он поправился, через несколько дней я вызвал его и сообщил свое решение. Я ожидал протеста и обиды. Он же мне просто ответил:

— Я вам, пан гетман, человек преданный. Если вы считаете, что я не гождусь, приказывайте. Я лично ничего не добиваюсь.

Он остался со мною в хороших отношениях до последнего дня моего Гетманства. Я уважаю его и считаю бесчестно и благородным человеком, что, к сожалению, в наше время встречается не так уж часто.

За короткий срок посты министров были распределены следующим образом:

инженер Бутенко — министр путей сообщения;
профессор Василенко — министр народного просвещения;
профессор Чубинский — министр юстиции;
профессор Вагнер — министр труда;
доктор Любинский — министр здравоохранения;

еврей Гутник — министр промышленности;
Ржепецкий — министр финансов;
Соколовский¹⁰ — министр продовольствия;
Гижицкий — державный секретарь.

Остальные портфели были распределены временно следующим образом:

Василенко — Председатель Совета Министров;
Вишневский — министр внутренних дел, товарищ министра;
полковник Сливинский — военный начальник ген. штаба;
капитан Максимов — морское министерство, начальник генерального штаба;

Василенко — министерство иностранных дел, он же и исповедания.

В таком составе состоялось первое заседание. Мне нужен был Председатель Совета Министров. Я уже давно хотел Петра Яковлевича Дорошенко, но он отказывался, отговариваясь болезненным состоянием. Я очень сожалел об его отказе. Наконец я вспомнил о Федоре Андреевиче Лизогубе¹¹, видном земском деятеле, впоследствии начальнике канцелярии наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича, кажется, товарище министра при Временном Правительстве. Лично я его не знал, но его репутация говорила сама за себя. После некоторой телеграфной проволочки он приехал и занял предлагаемое ему место. С министром иностранных дел было осложнение: предполагался Дмитрий Дорошенко¹², но тут внезапно вмешались немцы. Я получил письмо, в котором Греннер¹³ просил меня не назначать его. Оказалось, он получил сведения, что Дорошенко австрийской ориентации. Не знаю, насколько это правда, но, во всяком случае, Дорошенко самым категоричным образом это отвергал. Он написал письмо, побывал у немцев, и в конце концов инцидент уладился, а он вошел в состав кабинета на правах управляющего министерством как бы с испытательным сроком. Большое осложнение произошло из-за министра исповедания. Замещение этого портфеля ввиду предстоящего открытия Украинского Церковного Собора имело большое значение. Наконец этот пост занял профессор Зиньковский¹⁴. Военного министра положительно нечем было заместить. Пересматривая списки начальствующих в украинской армии лиц, армии, в которой существовали лишь слабые кадры, я вспомнил о генерале Лигнау. В 1917 году мой корпус дрался рядом с Седьмым Сибирским корпусом, где начальником штаба был генерал Лигнау. Тогда он мне очень понравился своей энергией, спокойствием и толковостью. Я немедленно вызвал его из дивизии, которой он командовал, и временно назначил его на пост

товарища военного министра до утверждения его на этой должности, уже после назначения мною военного министра. Он согласился. На должность министра земледелия был назначен — это уже был личный выбор Лизогуба — Колокольцев¹⁵, харьковский земский деятель, агроном, пользующийся прекрасною репутациею. А должность морского министра очень долгое время временно исполнял капитан Максимов. Портфель министра внутренних дел взял на себя Ф.А. Лизогуб.

/.../¹⁶

В первые дни Гетманства попутно с вопросом формирования кабинета для меня особой заботой было установление определенных отношений как с немецким Оберкоммандо, так и с послом Муммом¹⁷ и австрийским посланником Принцигом. Мне пришлось нанести визит фельдмаршалу Эйхгорну¹⁸ и двум указанным лицам. Эйхгорн был почтенный старик в полном смысле этого слова, умный, очень образованный, с широким кругозором, благожелательный — недаром он был внуком философа Шеллинга. У него не было совершенно той заносчивости и самомнения, которые наблюдались иногда у германского офицерства. Мой первый визит был оставлен с некоторой торжественностью. Я считал долгом на это обратить внимание, конечно, не из тщеславия, но, зная, насколько немцы, особенно военные, придают значение мелочам этикета. Я не хотел, чтобы мое появление было истолковано как поездка на поклон, а хотел, чтобы оно было принято, как простой долг вежливости фельдмаршалу. Греннер, его начальник штаба, в этом отношении был человеком чрезвычайно понятливым, и мой престиж у немцев он никогда не ронял, да я и сам в этом отношении считал своей обязанностью быть щепетильным.

Посол Мумм был дипломатом старого закала, у него была какая-то напускная важность, но с первого визита она начала постепенно испаряться.

Что касается Принцига (Princig Ritter von Herwalt), то это был уже, очевидно, дипломат второго класса. Впрочем, на него так и смотрели его коллеги. Он вел очень сложную и, по-моему, неудачную политику.

С первого же визита я заметил, что отношения между немцами и австрийцами были далеко не очень нежными. Австрийцы все время давали понять, что во всех вопросах они были бы податливей немцев. На самом же деле, говоря беспристрастно, с немцами у меня установились значительно более простые и опре-

деленные отношения, нежели с австрийцами. Во всех вопросах Оберкоммандо шло навстречу, в то время как австрийцы были чрезвычайно любезны на словах, но на деле делали Бог знает что. Не говоря уже о том, что в немецкой армии было несравненно больше порядка и меньше грабежа населения, в то время как у австрийцев все это доходило время от времени до возмутительных размеров. Как образец австрийского вероломства я могу указать на действия знаменитого в то время у нас майора Флейшмана. Он, будучи у меня в первые дни Гетманства, сам предложил переговорить с Коновальцем¹⁹, начальником сичевиков, с целью привести последних к сознанию необходимости подчиниться мне. Как мне донесла моя разведка, это оказалось совершенно наоборот: тот самый майор восстановил их против меня, почему и пришлось сичевиков обезоружить и совершенно расформировать. Покончив с этими официальными визитами, можно было уже устанавливать более определенные отношения.

Как я говорил, народу у меня ежедневно перебивало очень много. В начале я установил общие приемы два раза в неделю: по средам и пятницам. Потом необходимость иметь один день совершенно свободным, чтобы успевать ознакомиться с докладами особой важности, заставила меня сократить приемы до одного раза в неделю. На приемы приходили исключительно просители. С чем тут только не хлопотали! Наряду с жизненными, насущными вопросами ко мне обращались со всяким вздором. Помню, один полковник не нашел ничего лучшего, как принести мне громадное дело с просьбою утвердить ему графский титул. Он никак не мог понять, что я считаю себя не вправе делать такие распоряжения. Но вместе с этим приходилось видеть много горя во всех классах населения. Два года революции в корне разбили всю жизнь, но особенно печально было положение офицерства. Во всех украинских городах и особенно в центрах было громадное скопление офицеров, слоняющихся без всякой цели. Уже существовали некоторые организации, но они владели жалкое существование и часто принимали совершенно нежелательное направление для офицерского звания. Раненые и искалеченные оставались совершенно без всякой помощи со стороны правительства.

В первые же дни своего управления я говорил по этому поводу с Советом Министров. Учета этим офицерским массам не было никакого. Брать их на службу я не мог, так как не выяснил точки зрения немцев по вопросу формирования армии. Тогда я решил вызвать представителей ото всех организаций и под пред-

седательством товарища военного министра составить нечто вроде временного комитета, который бы все вопросы, связанные с улучшением быта офицерства, разбирал бы и представлял бы на мое рассмотрение. К сожалению, из всего этого комитета получился, как мне доложил военный министр, форменный скандал. Оказывается, что на заседаниях этого комитета было принято направление, совсем несогласное с моим желанием и действительным положением вещей. Появилось много представителей, которые совсем не отдавали себе отчета в том, для чего их пригласили. Помню, например, что мне было доложено мнение какого-то полковника о необходимости выдать по 2000 рублей всем участвовавшим в войне, безотносительно генерал ли, офицер или солдат, и делу конец. В результате из всех этих заседаний ничего путного не вышло. Конечно, мы не могли удовлетворить такие аппетиты, когда даже на самые насущные нужды в то время у нас денег не было. Дело это пошло, как говорится, криво. Военным министром было истрачено 50 миллионов рублей, а офицерство так и не было устроено, как я этого хотел. Играло тут большую роль и то, что в некоторых организациях были совершенно неподходящие люди. Например, в обществе «Георгиевских кавалеров», столь много говорившем сердцу всякого военного уже одним своим названием, было невозможное управление, которое занималось неподходящими делами до такой степени, что вся эта грязь появилась в газетах, и я назначил ревизию управления этого союза.

В таком же положении были и раненые. Была масса вдов и сирот. Однажды у меня как-то появились три женщины, одна старая, две молодых. Оказывается, что это были вдовы офицеров, мать и две дочери, мужа которых были убиты большевиками в один и тот же день. Они остались без всяких средств к существованию с кучей маленьких детей на руках. Пенсий никаких. Таких просителей было очень и очень много. Все они являлись ко мне особенно в первое время.

Вместе с тем в течение всей недели я принимал представителей различных партий. Конечно, украинские партии были на первом месте. Они были очень недовольны, что среди министров было мало так называемых «щірих українців». На это я им говорил:

— Почему же вы не пришли, когда мы вас звали? Ведь и такой-то и такой-то был приглашен, но вы сами отказывались, а теперь, когда вы видите, что дело пошло, вы обижаетесь!

Через несколько дней по провозглашении Гетманства ко мне явились представители объединенных украинских партий и тоже жаловались на это, причем они заявляли, что готовы идти со

мной и поддерживать меня, если я ясно скажу, как я смотрю на то, что представляет из себя Гетман, то есть является ли он Президентом Республики или чем-нибудь большим и если я им укажу срок созыва Сейма, причем Сейм в их понятии был Учредительным собранием. На это я им ответил, что я всецело придерживаюсь моей Грамоты, в которой все объявлено и никогда добровольно от нее не отойду. Согласиться на роль президента Республики в то время я считал гибельным для всей страны: лучше было не начинать всего дела. Страна, по-моему, может быть спасена только диктаторской властью, только волею одного человека можно восстановить у нас порядок, разрешить аграрный вопрос и провести те демократические реформы, которые так необходимы стране. Я всегда это исповедывал и остаюсь при этом мнении и теперь.

Я прекрасно знаю, что западные люди в большинстве не разделяют моего взгляда; я вполне верю, что они правы, когда дело касается их страны, но у нас в Великороссии и на Украине это положительно немыслимо иначе. Весь вопрос состоит лишь в том, чтобы человек, стоящий во главе, действительно хотел провести обещанное им. Я действительно хотел этого и потому был убежден в своей правоте и с этим убеждение сойду, вероятно, в могилу. Теперь, следя за политикой, за действиями правительств различных стран в русском вопросе, я, к сожалению, вижу, насколько мало Запад знаком с нашими условиями, с нашей психологией. Я совершенно не проповедую возврата к старому режиму, но для проведения новых, более здоровых начал в нашей жизни это может быть сделано путем единоличной власти, опирающейся хоть на небольшую силу, но все же силу. Другого пути у нас нет и не будет долгое время. Все эти совещания различных общественных групп, все эти разрозненные действия отдельных войсковых начальников, сговаривающихся между собою, никакого положительного результата дать не могут.

/.../²⁰

Я так подробно остановился на этом вопросе для того, чтобы указать условия моей работы, в особенности в смысле подыскания себе помощников. Людей абсолютно не было. Меня всегда удивляло, что все как-то смотрели на ту работу, которую творили, как на дело, которое создавалось лично для меня, а не как на широкую государственную творческую работу.

Прошло два месяца с тех пор, как Гетманство пало. Я не успел закончить еще эти воспоминания, как уже те предсказания, которые я делал на первых страницах моих записей, сбылись.

Петлюра и Винниченко²¹ исчезли из Киева; дальше будет хуже: большевизм zalьет всю Украину. Не будет ни Украины, ни России. Неужели украинцам от этого лучше, неужели великорусские круги выиграли что-нибудь? Неужели моя деятельность носила какой-нибудь личный характер? Я далек был от этого и до сих пор не вижу ни малейшего повода к таким толкованиям. Меня этот вопрос настолько интересует, что я был бы очень благодарен, если бы кто-нибудь мне конкретно указал, на чем же, собственно, базировалось такое мнение. Такое заявление нисколько не затронуло бы моего самолюбия, так как, несомненно, вина в конце концов моя. Одно из основных достоинств всякого стоящего у власти уметь убедить людей идти за ним, а для этого необходимо прибегать к целому ряду действий несколько театрального характера. Я к ним не прибегал. Я был настолько убежден в правоте своего дела, настолько мало думал о себе, имея в виду только одно — создание порядка в этой громадной стране. Я верил, что ради этого меня поддержат без всяких демагогических приемов с моей стороны, для меня совершенно неприемлемых.

Мне казалось, что каковы бы ни были у людей политические убеждения, кроме негодяев, которым при анархии легче ловить рыбу, все пойдут за мной. Украинцы пойдут потому, что никогда Украина не получила бы такого определенного облика государства, как при мне, никогда их мечты не были бы так близки к осуществлению, как при Гетманстве. Я настолько этим проникся, что и теперь не изменил своего взгляда. Я убежден, что Украина может существовать только в форме Гетманства. Конечно, роль Гетмана должна быть существенно урезана в сравнении с теми правами, которые я себе лишь временно присвоил для проведения в жизнь всех тех начинаний, которые иначе проведены быть не могут. Великороссам и вообще лицам, отрицающим Украину, мне казалось, нужно было идти в то время со мною, так как это был единственный крупный оплот против большевизма.

С падением Гетманства последний оплот против большевизма рухнул, так как Краснов, взятый большевиками во фланге, тоже должен был рано или поздно отступить перед ними. Что же касается Деникина, я, видя его честность, его преданность России, его организаторские способности, скажу: он ничего крупного сделать не мог, Россия им не была освобождена от большевиков. Скорее Колчак подходил как человек, но я боюсь говорить о его деле, так как вся обстановка, в которой он работал, мне мало известна.

Гетманская Украина представляла громаднейший и богатейший плацдарм, поддерживавший здоровое украинство, но тем не

менее не враждебный России. Все ее помыслы были обращены на борьбу с большевизмом. Только с Украины можно было нанести решительный удар по большевикам, только Украина могла поддержать и Дон и Деникина без обращения к иностранным державам. С падением Гетманщины неминуемы были Петлюра и Винниченко с галицийской ориентацией, совершенно нам, русским украинцам, не свойственной, с униатством, с крайней социалистической программой наших доморожденных демагогов, которая, несомненно, вела к большевизму, или же настоящий большевизм со всеми последствиями, окончательным разорением прекрасного края и страшным усилением российского большевизма.

Как только хлеб с Украины, так недостающий большевикам, польется широкою рекою на север, произойдет окончательный подрыв военного уважения к небольшевистским начинаниям в бывшей России среди союзников и немцев. Меня даже не удивило бы, если бы на Западе родилась теория сближения с нашими насильниками. Ведь не следует забывать, что Запад населен людьми реальной политики, а не господами, парящими в облаках, как большинство русских, не говоря уже об украинцах, которые, ничего еще не имея, воображают, что вся вселенная у их ног.

Казалось, что моя политика ясна, и для всех не только приемлема, но и желательна. Но на самом деле она не была ясна. Почему, я спрашиваю себя и не нахожу ответа. Может быть, виновата внутренняя политика. С этим я отчасти согласен. И роль помещиков в вопросе о вознаграждении за убытки, и не всегда подходящие деятели на местах, и, наконец, военная немецкая оккупация сильно раздражали народ и, в частности, и меня. Об этом мне придется говорить подробно позднее. А пока скажу лишь одно: наши помещики стояли на точке зрения возвращения к старому. Они хотели получить за все до копейки, — не только за то, что было у них взято или уничтожено во время аграрных беспорядков. К сожалению, бывали, и не редко, случаи, когда суммы своих убытков они сильно преувеличивали. Пока правительственная власть не была еще налажена, помещики пользовались этим и всякими несправедливыми путями выколачивали деньги из крестьян. Потом по мере усиления власти правительства эти факты прекратились.

Особенно на первых порах во главе уездов стояли иногда совсем неподходящие люди. Помню, в Сквирском уезде был даже какой-то карательный отряд, который отчаянно бесчинствовал. Дошло дело до драки. Несколько офицеров было зверски убито, причем отряд этот называл себя гетманским и собирал деньги с крестьян на гетманский паек. Когда я об этом узнал, было про-

изведено следствие, и виновные отданы под суд, но факт остается фактом.

Наконец, политика немцев и особенно австрийцев не была способна привлечь к себе жителей Украины. Я неоднократно говорил с генералом Греннером и просил его совместно выработать систему, при которой немецкие войска оставались бы в стороне от народонаселения с тем, чтобы наши власти поставляли все необходимое немецкой армии. Конечно, это было трудно, так как у нас самих власть еще не была налажена.

С немцами дело еще шло, но с австрийцами все не клеилось, так как грабей там просто-напросто был узаконен, и все мои разговоры с австрийскими представителями ни к чему не приводили. Взятничество и обман были доведены до колоссальных размеров. Все это было отвратительно, но, несмотря на все эти отдельные факты, в общем, народу жилось лучше, нежели раньше и позже, так как все-таки была какая-то власть и намечался порядок. Любой хозяин знал, что он может выйти на свое поле и что результат работы будет принадлежать ему. Он знал, что никакие набеги на его дом не будут разрешены и т.п. Вот почему только бездомная голытьба участвовала в восстаниях Петлюры и Шинкаря²².

У первого главную роль сыграли возвращающиеся после краха Австрии пленные; села мало реагировали на его отчаянные призывы. С началом немецкой дезорганизации не народ поднял мятеж, народ хотел одного лишь спокойствия. Это было дело украинских социалистических партий, для которых рисовалась заманчивая картина захвата власти перед предполагавшимся приходом Антанты. К этому их также подбивали галичане, которым важно было представить Антанте ненастоящую картину той Украины, которая действительно существовала, т.е. имела резкую грань между галицийскою Украиною и нашею. На самом деле это были две различные страны. Вся культура, религия, мировоззрение жителей были у них совершенно другие. Галичане же хотели представить Антанте картину якобы единой Украины, которая вся крайне враждебна России, причем в этой Украине главнейшую роль играли бы сами галичане. Наш народ этого не захотел бы никогда. А то, что галичане так поступили, логично. Они только выигрывали от того, что наши социалистические партии шли на это. И это тоже понятно. Ни я, ни правительство не хотели крайнего социализма, особенно нашего русского беспочвенного, немедленно вырождающегося в буйный большевизм. Но почему украинские умеренные партии не понимали, что гибнет их заветная мечта, так как даже федерация дала бы полную воз-

возможность развития украинского народа? Почему русские всех оттенков считали, что гетманская Украина могла бы погибнуть, не касаясь их? Мне очень бы хотелось получить на это ответ. Обвинения в недемократичности — ложь. Уже один всеобщий избирательный закон в Сейме, открытие которого должно было состояться 15 февраля 1919 года, опровергает это заявление. Я увлекся. Возвращаюсь к работе военного министерства в начале Гетманства.

Как я говорил раньше, генерал Рогоза²³ принял министерство в отвратительном состоянии: там совершенно не было в настоящем смысле слова военной организации. Какие-то молодые люди носили мундиры различных чинов и покроев, но были ли это военные, и офицеры в частности, никому не было известно. Эта компания занималась больше политикой, нежели порученным им делом. В первые же дни управления министерством Рогозе пришлось сменить начальника канцелярии, какого-то полковника, т.к. оказалось, что появляющиеся время от времени прокламации против нового правительства печатались в типографии военного министерства. Тогда этими господами было устроено какое-то сборище в здании военного министерства и провозглашалась смерть Гетману при общем сочувствии всех этих маленьких «маратер». Каких трудов мне стоило, чтобы Рогоза отстранил от должности командира киевского корпуса, который, может быть, и был почтенным генералом, но ровно ничего не делал и, несмотря на безобразия в Охочьем полку, ничего не предпринял для приведения его в порядок.

Вопреки этому с первого же дня в военном министерстве пошла работа по созиданию армии. Разрабатывались программы школ, уставы новой воинской повинности, особенно дисциплинарной. С последним вышла неприятность. Генерал Рогоза, желая быть либеральным, сам взялся разработать устав и внес в него много новшеств, которые почти сводили на нет дисциплинарную власть, в особенности младших начальников. Конечно, все это было бы хорошо, если бы при этих условиях армия все же могла бы быть боеспособна и дисциплинирована, но, наученные опытом, мы знаем, что значит отнимать дисциплинарную власть у начальников. И я, и корпусные командиры, приглашенные мною для личного выяснения многих вопросов, решительно воспротивились этому. Старик обиделся, но подчинился. Вообще же о генерале Рогозе я навсегда сохраню память как о хорошем человеке, но в революционное время создавать армию ему было не по плечу.

Дело все же шло. Мы решили, что к весне у нас должна была бы быть армия уже вполне подготовленная, и она была бы. В

уставе воинской повинности было решено сделать некоторые изменения в том смысле, чтобы главная тягота службы ложилась на имущественный класс. Мы считали, что это единственное средство обезопасить себя от большевизма. Хотя по опыту Сердюцкой дивизии этот способ комплектования новобранцев у нас, в конце концов, вряд ли принес бы существенную пользу, как это впоследствии и оказалось. Дело в том, что мало кто в 20 лет обладает собственностью. А если родители их состоятельны, то это еще не значит, что дети не подвергнутся заразе большевизма. По крайней мере, командиры полков Сердюцкой дивизии мне об этом говорили, указывая на целый ряд примеров.

Помощниками у Рогозы были генерал Лигнау, о котором я говорил раньше, и генерал Корниенко по хозяйственной части. Этот последний остался для меня загадкой. Работал ли он хорошо или нет, я ничего сказать не могу. Рогоза стоял за него горой. И хотя условия хозяйственной части были у нас очень тяжелы, все же я не так уж уверен, что у Корниенко не было злой воли при проведении некоторых мероприятий. Было ли это случайностью, падает ли вина на генерала Корниенко или нет, мне так и не удалось выяснить. Получив уведомление, что Харьковский корпус не имеет оружия (я за этим следил лично), я неоднократно запрашивал сам у Корниенко, выслано ли оружие, и, наконец, получил лично от него ответ, что оружие выслано. На самом деле оказалось, что оружие выслано не было.

На Украине остались запасы всевозможного оружия, снарядов и самого разнообразного имущества от наших действующих армий. Эти по своей величине сказочные запасы были разбросаны по всей Украине. Конечно, их главная масса находилась в ближайшем тылу наших бывших армий в Подольско-Волынской и части Киевских губерний. Я не понимаю, чем вызывалась ничтожная выдача, которая производилась у меня в Украинском корпусе и касалась самого необходимого оружия, обмундирования и снаряжения, в то время как в тылу всего было вдоволь. Как бы то ни было, а то, что находилось на Украине, было достаточно для снаряжения не одной, а нескольких крупных армий. Все это имущество еще во времена Центральной Рады было передано в военное министерство, причем заведовал этим делом некий генерал Стойкин, бывший начальник этапно-хозяйственной части Особой армии, человек чрезвычайно оборотистый. Я не хочу его ни в чем обвинять, но утечка казенного имущества и незаконная его распродажа достигли колоссальных размеров, — особенно в санитарном и обмундировочном отделе, — именно в это время. Было ясно, что если не принять быстрых мер, имущество, являющееся

такой громадной ценностью, может растаять без всякой пользы для государства. Этот вопрос обсуждался в Совете Министров, и здесь для меня совершенно неожиданно пришли к новому решению. Большинство министров было против всего военного и тем самым — против создания армии. Многие министры не верили в возможность сделать настоящих солдат из этого распропагандированного населения. Особенно не верил Кистяковский²⁴, в скором времени сменивший Гижицкого на посту державного секретаря и поэтому заседавший тоже в Совете. Остальные министры также не верили в возможность иметь хорошие кадры офицеров и не рассчитывали на бессеребренность наших интендантских органов в то время общего развала, гомерической спекуляции и самого наглого и бесстыдного воровства. Исходя из этого, они решили выделить все имущество, оставшееся после распада наших армий, и передать его в ведение особого уполномоченного по делам имуществ. Этому уполномоченному были даны громадные права, и Совет выдвинул на этот пост Юрия Кистяковского²⁵. Его мне рекомендовали как человека выдающейся воли и энергии. Мотивом для выделения имущества из состава военного министерства было прежде всего желание удовлетворить частью этого имущества острую нужду населения в лекарственных средствах и мануфактуре, а для этого создать одно нейтральное учреждение. Сведения, которые я получил при этом о расхищенном имуществе, представляли отвратительную картину. По вопросу выделения имущества мы с военным министром Рогозой пришли к согласию. Эта система, у которой было много оснований, была в корне неправильна. При существующем тогда направлении умов среди министров в вопросе создания армии военное министерство стало как бы неравноправным. Оно было лишено собственного имущества и принуждено обращаться за всем к особоуполномоченному, что при взаимном недоверии лиц, служащих в военном министерстве и в главном управлении по ликвидации военного имущества, создало лишние трения и проволочки времени; часто эти дела разбирались лично мной. Со временем всякие дополнения к закону об особоуполномоченном изменили дело к лучшему, но все-таки это не было поставлено до конца правильно.

Кадры корпусов набирались всюду. Особенно чувствовался большой недостаток в хороших кадровых офицерах. Тогда, когда подходящих офицеров было много, я не мог добиться от немцев согласия на формирование корпусов, как я уже об этом писал выше. За это время денкикинские бюро по вербовке, о которых немцы не знали, но которые у нас функционировали, набрали очень много хороших офицеров. Таким образом, когда я наконец добился

своего, офицерский вопрос стал довольно остро, и особенно плохо было с унтер-офицерами. Те, которые вербовались, были совсем неподходящими для настоящей армии: они являлись почти что большевистским элементом. Все-таки некоторых из них временно набирали, рассчитывая за зиму воспитать уже своих во вновь сформированных школах. Следовательно, для регулярной новой армии создавались все учреждения воспитательного и вспомогательного характера. Формировались кадры восьми корпусов и Сердюцкая дивизия. Оружие и всякое имущество было разбросано по всей Украине. Казарм не было, так как старые хорошие были заняты немцами и австрийцами, а те, что остались, были непригодными.

Заготовок по продовольствию и фуражу не было, о них нужно было позаботиться. Первое время министры относились чрезвычайно отрицательно к вопросу формирования армии и урезывали всюду ассигновки, тем самым не давая возможности поставить армию на твердую ногу в денежном отношении. У генерала Корниенко как-то не клеился сметный вопрос, пока это дело не дошло до меня. Я устроил общее заседание с товарищем министра финансов Курилло, и тогда дело пошло как будто лучше.

Кроме кадров постоянной армии у нас была еще бригада Натиева²⁶. Грузин по происхождению, он еще при Раде, до большевиков, взялся за формирование отдельной части, которая принимала участие в январских киевских боях. На нее обратила внимание Центральная Рада, и тогдашнее министерство дало Натиеву возможность усилиться. Сначала, кажется, Натиева направили для приведения в порядок Екатеринославской губернии, а затем — Таврической.

Натиев был военным человеком и, я думаю, хорошим. Во всяком случае, я знаю, что его бригада дралась недурно, несмотря на то, что у него, за малым исключением, был набран всякий сброд. Мне говорили, что в национальном отношении это было какое-то смешение языков, но благодаря появлению там нескольких украинских самостийников со временем бригада приняла все-таки некоторый украинский облик. Пока она была в бою, она приносила пользу. Рада платила очень большие деньги, чуть ли не 300 рублей солдату, что по тогдашним временам было заманчиво. Когда же пришли немцы и большевики скрылись, в бригаде начались скандалы и разложение, как это всегда бывает с частями, набранными с сосенки да с бору и стоящими без боевого дела.

Я часто получал предупреждения, что у Натиева творится что-то неладное, что там готовится бунт и восстание против меня, но при посылке туда для расследования всегда все ограничи-

валось донесениями о несерьезных поступках. Немцы предлагали мне расформировать эти части из-за их неблагонадежности. Я же этого не хотел, во-первых, потому что, как-никак, это единственные части, которые доказали на деле свою пригодность, во-вторых, у Натиева было громадное количество всякого имущества и оружия, которое в случае расформирования этих частей могло быть конфисковано немцами. Поэтому я решил постараться очистить эту бригаду от преступных элементов. Так как Натиев был хотя и хорошим военным, но человеком слабым в той новой сравнительно мирной обстановке, в которую ему с бригадой пришлось попасть, взамен его я назначил некоего генерала Бочковского, прекрасного начальника дивизии. Я знал его еще во время войны, когда временно командовал 8-м корпусом Деникина. Бочковский стоял во главе 14-й дивизии тоже временно, и мне тогда очень понравился как решительный, твердый и знающий свое дело человек.

Кроме этой бригады было еще около 60000 всяких войск, сформированных при Центральной Раде. Все это были наемные солдаты, большинство из которых было нельзя никак разоружить, несмотря на наше желание, так как почти все они несли караульную службу при учреждениях и складах.

Еще Флейшман заявил мне, что Австрия формирует части из военнопленных украинцев. Он показывал мне их мундирную одежду и очень носился с этими формированиями. По опыту я знал, что из военнопленных, пробывших в большинстве случаев несколько лет в плену, особого толка не выйдет. Немцы весной привели дивизию «сынежупанников». Все носились с этой дивизией, находили ее вышколенной, потом же пришлось ее спешно расформировать. В ней были люди, которым совершенно не хотелось драться против большевиков. Я думаю, что то же самое произошло с дивизией «сирожупанников», сформированной австрийцами. Кроме того, я совершенно не был убежден в том, что она воспитывалась в желательном для меня духе. В июле я видел сводный полк, который оказался, как я и ожидал, негодным. Офицерский же состав мне понравился. Смотр был очень торжественный. Офицерство было потом приглашено ко мне на завтрак, и я долго с ним говорил. К сожалению, я не видел остальных полков. Между прочим, некоторые из них уже во время восстания стали на сторону Директории, хотя об этом я еще не имею окончательных данных.

Вот и все военные силы, с которыми мне пришлось иметь дело после провозглашения Гетманства. Я уже неоднократно говорил, что сначала немцы не хотели допускать формирования украинской армии. Об этом всегда говорилось в очень любезной форме, но было ясно, что тут играют роль какие-то причины, кото-

рые мне неизвестны. Конечно, тут была боязнь, как бы я, сформировав с их помощью армию, не пошел против них самих. Это было бы даже при желании мудрено, имея более 400000 немцев и австрийцев на своей территории, но во всяком случае, я думаю, что немаловажную роль в этом отношении сыграл некий полковник Freiherr von Stolzenberg, о котором я тоже как-то упоминал. Этот господин вел какую-то особую политику, не столько немецкую, сколько австрийскую, в то время очень ясно вырисовывавшуюся. В общем, это была политика крайнего украинства галицкого направления. Немцы же в этом отношении смотрели на дело несравненно разумнее.

И вот я узнал, что в то время, когда я уже был Гетманом, Штольценберг вел усиленные переговоры с Голубовичем²⁷ и со всеми наиболее видными деятелями Центральной Рады. Хотя я знал Штольценберга, но совсем не понимал его действий. Я решил взять быка за рога и поехал к нему. Как потом мне говорили немцы, это ему очень польстило. В разговоре с ним я увидел, что он, действительно, стоит за то, чтобы все министры у меня были исключительно украинцы известного шовинистического толка. Он выражал полное сочувствие некоторым из деятелей, от которых мы только что освободились. Когда я заговорил с ним об армии, он как-то так настойчиво указывал мне, что армия мне не нужна. Я тогда же подумал, не он ли является виновником того, что мне не дают права на формирование желательных мне 8-ми корпусов. Тогда же я решил, что нужно от него как-нибудь освободиться, и при первом же удобном случае намекнул об этом генералу Греннеру. Штольценберга тогда убрали, но перед отъездом он побывал у меня и сказал мне, что теперь он мою политику понимает и разделяет в главных вопросах мое мнение. Конечно, лучше поздно, чем никогда. Я думаю, что тут не обошлось без давления того же хитрого Флейшмана, который имел несомненно большое влияние на Штольценберга. Когда Штольценберга уволили, у меня с немцами установились вполне приличные отношения, которые в общем выразались в том, что я шел навстречу их желаниям, когда это не наносило нам серьезного ущерба или могло быть истолковано впоследствии моим выходом из того состояния полного нейтралитета, в котором мы находились.

Генерал Греннер свою известность, насколько я знаю, приобрел, главным образом, во время своего военного управления железными дорогами в Германии. Лично у нас установились хорошие отношения. Я никогда не видел у него желаний что-нибудь урвать, что, к сожалению, широко практиковалось его подчиненными, которые каждый шаг, каждую бумагу истолковывали в

пользу Германии, а когда все это не выходило, то не гнушались указывать, что сила может дать и право. Этого в Греннере совершенно не было. Во всех чрезвычайных случаях поэтому я указывал ему на то, что так нельзя, и он принимал у себя меры к прекращению этих безобразий. В политических и национальных вопросах он разделял мое мнение, что создать государство с теми наличными силами украинцев, которые у нас были, совершенно невозможно. Он прекрасно разбирался во всех подвохах австрийцев и немедленно парировал их удары.

Вообще, если бы не было Греннера, особенно в первое время, мне было бы значительно труднее. Я видел, что имею дело хотя и с начальником штаба армии, которая, конечно, не пришла сюда ради наших прекрасных глаз, но во всяком случае с человеком вполне приличным, благожелательным, широких политических взглядов, безусловно честным настолько, что он при мне не стеснялся неоднократно критиковать немецкую политику за их заигрывание с большевиками. Когда я ему говорил, что это унижительно для такой страны, как Германия, что это не доведет ее до добра, он совершенно откровенно высказывался в том же духе, указывая, что он неоднократно писал об этом в Берлин. При этом он говорил:

— Что с ними поделаешь? Они там не видят.

Вообще высшее немецкое командование на Украине в мае 1918 года состояло из блестящих людей. И Эйхгорн, и Греннер — два выдающихся немецких военачальника и разумных политика.

В мае я дал обед в честь фельдмаршала Эйхгорна со всем Советом Министров и старшими чинами Оберкоммандо. Немцы любят хорошую еду. Нужно было видеть, с каким умилением старый фельдмаршал ел блюда, приготовленные нашим поваром. Через несколько дней мне был дан обед в Оберкоммандо фельдмаршалом.

У нас у всех странная черта (я это особенно часто наблюдал в Киеве, видя массу людей): война и все последующие события как-то разделили всех людей на два лагеря: на антантофилов и германофилов, причем сторонники одной и другой стороны доходят в своей любви к тем или другим странам до крайности, совершенно забывая, что они прежде всего русские, украинцы или поляки. Поляки, как это ни странно, тоже подвержены этому и даже в более страстной форме. Я знал в Киеве одного видного поляка, ярого германофила, который являлся ко мне для того, чтобы предупредить о всех планах Антанты против немцев, вероятно, предполагая, что это дойдет до немцев. Я этой точки зрения не понимаю. Но я понимаю, что в нашем положении, когда не видно просвета, можно прибегать и к Антанте, и к немцам в соответствии с тем,

что возможно и что выгоднее для своей страны, но обращаясь к ним, все же нужно оставаться тем, кем ты родился, т.е. русским, украинцем или поляком (к сожалению, теперь все эти народности находятся в отвратительном положении, некоторые даже гибнут). У нас же как раз наоборот, если он сторонник Антанты, то готов родину продать ради ее торжества или продать своего земляка для блага Германии. Я не считаю себя лучше других, но у меня этих крайностей нет. Я не германофил и не сторонник Антанты; я готов честно работать и с теми и с другими, если они дают что-нибудь моей стране. Это не значит идти по ветру и выискивать, где лучше. Нет. Если бы кто-нибудь задался целью вникнуть в мою политику на Украине, он мог бы видеть, что я честно относился и к немцам, и к союзникам. Когда мы были отрезаны от союзников, я работал с немцами, стараясь извлечь максимум пользы и дать минимум, но относился честно к принятым обязательствам. Когда у немцев вспыхнула революция, я им откровенно сказал, что сделаю все от меня зависящее для того, чтобы войти в соглашение с Антантой. Я также честно относился бы к своим обязанностям по отношению к Антанте и старался бы получить от них максимум при договорах, давая им минимум. Если у человека всегда на первом плане его родина, другого способа действий быть не может. Когда я имел возможность помочь союзникам или покровительствуемым ими народностям, я это делал. Помню, сколько неприятных минут я пережил, когда, кажется, генерал Осинский, командир польского корпуса, хлопотал, чтобы его корпус не расформировали; также помню историю с арестованными консулами, являющимися в глазах немцев шпионами. Я хочу сказать, что я всегда считал необходимым не причислять себя к числу германофилов и к поклонникам союзников, оставаясь искренно благожелательным и к тем, и к другим. Я убежден, что только таким образом мы можем внушить другим государствам уважение к себе.

Мне непонятны наши славянские крайности. Мне ответят на это, что мы вели войну с немцами, имея на своей стороне союзников, и должны остаться с этими союзниками. Я считаю, что прежде всего мы должны были воевать до конца с союзниками против немцев. Но это не было сделано и не по нашей вине, так как у нас в тылу и в армии разразилась революция, какой свет еще не видывал. В этой революции, так несвоевременно разразившейся, виноваты не только руководящие круги России, очень виноваты и немцы, которым на руку была анархия в России; очень виноваты и некоторые из наших союзников, которые России не понимали и не думали, что *la Révolution Rose*²⁸, как ее называли французы в некоторых своих газетах, окончится лишь свержением

Государя. Раз воевать было фактически нельзя, нужно было думать лишь о спасении своей страны от все увеличивающейся анархии и рассчитывать на свои собственные силы, и если невозможно было надеяться на успех, то прибегнуть к силам иностранных государств. Но прибегать к иноземной поддержке — это, повторяю, не значит становиться французом или немцем, а значит оставаться тем, кто ты есть — русским, украинцем или поляком; и взамен некоторых выговоренных ценностей получать обещанные за них услуги.

/.../29

Читая теперь газеты, я часто встречаю в них указания на реакционную политику нашего правительства. Объективно рассуждая, я с этим совершенно не согласен. Уже только по своему составу видно, что в нем не было никакой реакционности. Все министры кабинета были деятелями Временного Правительства. То, что министры подвергались атакам справа, то, что в провинции попадались люди, действовавшие, особенно в первое время, реакционно, не подлежит сомнению, но то, что все направление и дух правительства от этого страдали, так это — сознательная выдумка.

Мы задалась целью провести демократические реформы, так же как и аграрную. Я и теперь считаю, что дальше нельзя было пока идти. Впрочем, мы уже видели несколько примеров, из которых последний: Киевская Директория, которая просуществовала в Киеве не больше трех недель, покатила в сторону большевизма, не удержавшись на позициях разумного социализма. И так будет у нас впереди еще очень долго, что бы ни говорили и наши, и западные социалисты, занимающиеся благополучием Украины.

Во главе министерства промышленности стоял председатель Одесского Биржевого комитета Гутник, человек очень умный, мне рекомендованный, на которого я возлагал большие надежды. Но фактически он ничего не сделал. У меня был ряд проектов. Неоднократно я говорил о них Гутнику. Он все обещал, но ничего не предпринимал. А мог бы, так как и времени, и знаний, и людей у него было достаточно. Не нужно забывать, что, убегая от прелестей коммунистической жизни, к нам на Украину съехалась масса торгового коммерческого народа, полного энергии и желания работать. Стоило только министру дать толчок, и частная инициатива заработала бы. Но этого я не наблюдал. Люди, приехавшие для того, чтобы заняться здоровым делом, не находя отклика, или ничего не делали, или же пускались в спекуляции и тем

самым наносили колоссальный вред стране. Я просил Гутника насколько возможно больше демократизировать промышленность, считая, что это у нас теперь один из наиболее важных вопросов, но он ничего не сделал.

У нас расхищали торговый флот, а также часть судов коммерческого типа, принадлежащих морскому ведомству и не нужных ему. Мировая война шла к концу. Был целый ряд проектов составить общество с полуправительственной, получастною инициативой и с такими же капиталами для эксплуатации этих судов. Теперь, когда весь мир страдает от недостатка транспортных судов, такое общество принесло бы громадную пользу Украине. Гутник говорил: «Да, да», — и ничего не делал. В конечном счете я был очень доволен, когда его заменил Меринг. Я думал, что в Гутнике, как в еврее, я найду настоящего коммерческого человека с инициативой, но ошибся; он не принес пользы ни Украине, ни своим компатриотам, о которых, видно, тоже не заботился.

В первое время кроме организационной работы, которая требовала много времени, был церковный вопрос. Из-за него в первые дни Гетманства я попал в ужасное положение. Я был к нему очень мало подготовлен, а разбирать это сложное дело и вести политику этого вопроса пришлось мне. Я шел осторожно, ощущая среди хора нареканий справа и слева.

В жизни Украины этот вопрос имеет громадное значение. Обстановка была такова, что одновременно с установлением Центральной Рады образовалась Церковная Рада. В эту Церковную Раду вошли разнородные элементы: несколько либеральных священников украинцев, находящих, что на Украине духовенство находится под гнетом высшего церковного духовного управления, и что необходимо впредь все высшее духовенство назначать из украинцев; несколько расстриженных священников и выборные люди, далеко не всегда представляющие из себя деловой и расудительный элемент; также несколько солдат.

В таком составе Церковная Рада представляла из себя революционное учреждение, не считающееся ни с церковными канонами, ни с правами, сочувствующее всяким переворотам, а если нужно, то и насилиям. Это учреждение повело решительную борьбу с высшим духовенством на Украине, почти сплошь великорусским. В украинском вопросе оно стояло за украинизацию Церкви, за богослужение на украинском языке, а, главное, за отделение Украинской Церкви от Московской; другими словами, за автокефалию. Последнее, кажется, предполагалось объявить при помо-

щи украинских штыхов, а если нужно, то и пригласить к себе на Собор Константинопольского и Антиохийского патриархов.

Еще при Церковной Раде собрался Украинский Церковный Собор, в который целиком вошла Церковная Рада, имевшая там главенствующее значение. Но в январе пришли большевики — и Церковному Собору пришлось немедленно разъехаться. Затем, с водворением Центральной Рады, в феврале месяце Церковный Собор был восстановлен и начало его заседаний было назначено Центральною Радою и, кажется, на 5 или на 6 мая.

Но тут произошло следующее: еще зимою митрополит Владимир был зверски убит в Киево-Печерской Лавре. Управлял митрополией временно Киевский Преосвященный Никодим. Необходимо было назначить нового митрополита. На этом особенно настаивал Никодим. Конечно, он не выносил даже имени Церковного Украинского Собора и Церковной Рады, наделавших ему столько хлопот. Он и его сторонники боялись, чтобы на место митрополита не попало лицо, которому бы симпатизировал Украинский Церковный Собор. Поэтому-то и большинство архиереев не желали созыва Собора. Они доказывали, что Собор незаконный. Украинцы же, члены Собора и Церковной Рады, большими депутациями являлись ко мне. Одни доказывали, что невозможно и чуть ли не преступление собирать Собор; другие же, наоборот, находили, что не собирать Собор — значит пренебрегать интересами украинского народа. Это значит, что архиереи будут по-прежнему жить и глумиться над маленьким местным духовенством и т.д. Первые с пеною у рта и большим озлоблением говорили, что Украинский Собор ведет к Унии; вторые с пеною у рта доказывали, что Собор ничего общего с Униатством не имеет, что, наоборот, проникновение Униатства возможно из-за архиереев, действующих только насилием и стоящих очень далеко от сельского духовенства и народа. Я решил, что Собор должен состояться. Я исходил из той точки зрения, что впервые собравшийся Собор, в том же составе, Московский патриарх и архиереи считали каноничным и даже законным. На каком же основании я мог его теперь запретить?

Конечно, я не хотел разрыва с высшим духовенством и поэтому решил при удобном случае с ним переговорить. В то время, не зная еще направления общей политики и насколько я сумею удержать ее в своих руках, я очень боялся, как бы не произошел церковный раскол, если не найдутся пути к легкому разрешению этого вопроса. Я допускал появление у нас двух Церквей: Московской, к которой примкнул бы почти целиком Киев, и Украинской, вкрапленной почти по всей территории Украины. Первоначально я

хотел отложить начало заседаний Собора. Это было мне на руку, так как у меня было бы время основательнее ознакомиться с глубокою сущностью этого вопроса и со всеми его тайными пружинами. Но время не ждало, необходимо было назначить митрополита, да и украинцы особенно настаивали на созыве Собора. Почему они настаивали, я понять не мог, так как было ясно, что они провалятся. Слишком уж они были слабы, но они, видимо, этому не верили, переоценивая свои силы, и почти ежедневно являлись ко мне депутациями с этою настоятельною просьбою. Великорусское духовенство хотело и добилось, что на епархиальном Киевском Соброре был избран Харьковский преосвященный Антоний. Несмотря на обращение Совета Министров к патриарху Тихону, в котором правительство просило его войти с ним в соглашение по поводу назначения митрополита, патриарх ответил уклончиво, но все-таки назначил Антония на Киевскую митрополию кафедру. Я думаю, патриарх, при всем моем глубоком уважении к нему, в этом деле был не прав. Но дело было сделано, и пришлось искать другой выход.

Я пригласил 13 епископов и решительно потребовал назначения срока созыва Собора. Они согласились. Созыв назначен был, если не ошибаюсь, на 7-е или 14-е июня. В Совете Министров было решено, что, ничего не имея против назначения преосвященного Антония митрополитом Киевским, правительство передает вопрос об его окончательном признании таковым Церковному Собору. Пусть сам народ решит это дело, близкое сердцу всякого православного. Митрополит Антоний был в курсе всех этих осложнений. Он, человек безусловно большого ума, написал мне с большим достоинством письмо, в котором признавал мою власть, и приехал в Киев. Я принял его с подобающим почетом, ясно ему сказав, что он принят мною не как митрополит Киевский, а как Харьковский, впредь до решения Собора, который открывал свою деятельность через несколько дней.

Как все там произошло, я не вдаюсь в подробности, но через несколько дней в Софийском соборе в моем присутствии было торжественное служение. Было сказано несколько прекрасных проповедей, в том числе митрополитом Антонием, и в результате Собор утвердил назначение высокопреосвященного Антония митрополитом. Мне пришлось с ним довольно часто видеться, и я считаю себя обязанным несколько остановиться на этой выдающейся личности. Но прежде всего я хотел высказать мнение, которое я себе составил по поводу церковной распри, угрожающей одно время сильно разгореться у нас и неизвестно к чему приведшей бы.

Лично я — глубоко верующий православный христианин и бесконечно привязанный к нашему православию, но без искреннего сожаления я не могу смотреть на то, во что обратилась наша Церковь из-за возмутительной политики, которую вела старая правительственная Россия по отношению к ней. Вера задушена, все живое, светлое в нашей религии убито, осталась какая-то мертвяще холодная обрядовая сторона. Во главе Церкви стояли и стоят до сих пор чиновники. Я знаю, что патриарх Тихон — выдающийся человек по своему уму и духу, но он далек нам, украинцам, а главное, между нами и им барьер в лице тех же прежних архиереев и всех их присных. Вообще, я верю, что Россия возродится, но возродится только на федеративных или широко автономных началах. Точно так же и Церкви нужна децентрализация и децентрализация широкая. Нужно, чтобы положительно все церковные дела решались у нас, связь с Московскою Церковью должна быть духовная в лице патриарха. Нужно, чтобы высшее духовенство назначалось из местных людей, нужно воскресить православие, разжечь наши сердца любовью к вере, как было у нас в старину, а это возможно только тогда, когда люди, стоящие во главе, будут сами жить интересами народа и близко к нему стоять. Среди теперешних иерархов очень много почтенных людей; но каким образом человек, родившийся и всю свою жизнь пробывший, скажем, в Калужской губернии, может воспринимать среду и особенности населения Подольской губернии? Духовное различие между калужским жителем и волынским такой иерарх, обыкновенно, объясняет стремлением к Униатству или тайною работою последнего. А это далеко не так. Все мировоззрение жителя севера или юга совершенно различно. Ему не нравится великорусский архиерей, но это совсем не значит, что он тянется в Унию. Последняя делает у нас на Украине большие успехи. Эти успехи временные, они не прочны. Я убежден, что они только и возможны ввиду того разлада, который существует у нас в Церкви.

Сельское духовенство необходимо поднять, перевоспитать его. Но эти пришлые люди, стоящие во главе Церкви, не в состоянии сделать этого. В этом отношении я вполне согласен с украинцами, но они хотят автокефалию, а я этого положительно не хочу. Не говоря уже о том, что автокефалия может создать церковную распрю у нас в народе, так как далеко не все не только не хотят автокефалии, но даже и автономии Украинской Церкви. К тому же в данное время у нас нет людей, вполне подходящих, чтобы дать Церкви при автокефалии должное направление. Но распространение у нас Униатства, действительно, является опасностью.

Униатство большая сила. Граф Шептицкий³⁰, человек чрезвычайно умный и ловкий, пользуется всяким удобным случаем для добывания себе прозелитов. Я читал распространяемые им листки. Они чрезвычайно ловко составлены. Он умеет захватить украинца и душой, и телом, играя на национальном чувстве и любви к Украине. Недаром он все более и более импонирует нашей украинской молодежи. Вот если бы наше высшее духовенство в этом отношении брало с него пример, я думаю, мы бы все пылали любовью к своей вере. Несчастье также и в том, что и в социальном отношении наше высшее духовенство не подходит к народу, который ему приходится пасти. Ведь оно почти сплошь черносотенное в полном смысле этого слова. Черносотенство украинцам не годится, это не в их натуре. Митрополит Антоний, как я уже писал выше, безусловно умный человек, не сумел привязать к себе свою паству. При всем его уме он уже слишком самодержавного направления, что опять-таки не годится у нас, так как народ наш, действительно, убежденный демократ. С митрополитом Антонием я был с виду в хороших отношениях и совершенно не разделял его взглядов. Собственно говоря, он тоже черносотенец старой школы и ничего другого, кроме как посадить в тюрьму, расстрелять, обратиться за содействием в полицию для воздействия на массы и утверждения православия не имеет. Скажу откровенно, что создать теплую церковную атмосферу он не может. Слава Богу, что на патриарший престол был избран преосвященный Тихон. Он десятью головами выше Антония, который, как мне передавали, являлся тоже кандидатом на это высокое избрание.

Если бы я хотел что-нибудь лично для себя, то с митрополитом Антонием я мог бы великолепно сговориться. Помню, как он думал найти во мне слабые струнки и чуть ли не с первого дня намекал, что нужно непременно устроить что-нибудь вроде коронации. Я это отклонил. Он удивился.

Среди епископов не было полного единодушия. Преосвященный Евлогий, митрополит Владимир Одесский — все эти люди совсем различного типа. Среди них выделялся митрополит Антоний: он всех своих подчиненных умел держать в руках.

Министр Зиньковский, человек очень мягкий, совершенно не знал, как ему быть с митрополитом Антонием, который все настаивал на своем и ненавидел и министерство, и министра. Митрополит говорил мне:

— Вы, пан гетман, остерегайтесь кутейников! Это народ неверный.

Иначе как кутейником, он Зиньковского не называл. Был один вопрос, в котором Антоний, по-моему, был вполне прав.

Он был против богословских факультетов при наших университетах и считал необходимым направить все усилия на достижение более высокого уровня обучения студенчества Духовной Академии. Я был с ним согласен, что создание этих богословских факультетов при нашей теперешней церковной разрухе преждевременно, если не вполне излишне. Василенко тоже разделял мнение Зиньковского о необходимости этих факультетов, но все это осталось лишь на бумаге.

Совету Министров пришлось потратить много времени в министерстве земледелия на урегулирование двух вопросов, не терпящих отлагательства. Первый состоял в том, что еще во время Рады фельдмаршал Эйхгорн издал приказ, по которому урожай со всех засеянных полей, захваченных у частных владельцев, являлся достоянием посеявшего. Этот приказ меня всегда удивлял, указывая, как мало немецкое Оберкоммандо считалось с бывшим правительством Рады, если вмешивалось в такие дела. Как бы там ни было, когда собственность была восстановлена, этот вопрос потребовал разрешения, но тут произошел целый ряд инцидентов. С одной стороны, занявшие поля заявили, что есть приказ и урожай принадлежит им; с другой, крестьяне-собственники говорили, что этот приказ их разоряет, потому что вопрос не столько в деньгах и в зерне для продажи, сколько в соломе для подстилки скоту и в семенах для посева. Немцы же, соглашаясь в душе с правильностью взгляда о необходимости пересмотреть этот вопрос, тем не менее торжественно заявляли, что приказ германского фельдмаршала не может быть изменен. На все это было потрачено много времени, но в результате все же пришли к заключению оставить урожай в пользу захватчиков, а собственникам земли выплачивать известную долю деньгами и давать известное количество семян для посева и соломы для подстилки.

Было еще несколько законов относительно арендных земель. Очень волновавшийся Союз Хлеборобов обратил внимание Совета Министров, главным образом, на вопрос о купле и продаже земли. В моей Грамоте собственность была восстановлена. Нотариусы со всех концов Украины начали бомбардировать министра юстиции запросами, можно ли утверждать сделки на землю. Этот вопрос вызвал аграрную реформу.

По существу, аграрная реформа стояла уже на очереди к рассмотрению, о ней также говорилось и в моей Грамоте, но на ее проведение в жизнь требовалось очень много времени и подготовки. Так или иначе, нужно было предварительно наладить пра-

вительственную машину, сформировать министерства, иметь свои правительственные органы на местах, а для всего этого необходимо было время. Теперь же на очереди стоял немедленный ответ нотариусам. Было бы легко ответить утвердительно и на этом успокоиться, но, с одной стороны, нужно было показать народу, что у правительства не только на словах, а и на деле, есть стремление увеличить земельную площадь, принадлежащую мелким собственникам; с другой стороны, желание всячески препятствовать повышению цен на землю при распродаже ее селянам, заставили правительство издать закон, по которому всякий крупный участок земли может быть продан полностью исключительно лишь в Державный Земельный Банк или селянам, причем в последнем случае участок должен быть не больше 25 десятин. Многие селяне были благодарны. Помещиков этот закон стеснял. Колокольцев, как я писал выше, очень много работал, да и было над чем. Такого министерства, какого бы он хотел, не было и в помине. Земля вернулась к законным собственникам. Касающиеся земли принципы, положенные в 3-й Универсал Центральной Рады, были отменены. Весь штат служащих состоял, главным образом, из социал-революционеров, которым новое положение вещей совсем не нравилось. Поэтому начавшийся саботаж еще больше увеличивал трения между министром и его подчиненными. Колокольцев, хотя и уроженец Харьковской губернии, не говорил по-украински, но в смысле преданности делу создания Украины был непогрешим. Служащие министерства, ссылаясь на то, что он якобы не украинец, как они, обвиняли его в преследовании украинцев. Дело зашло очень далеко. Его распоряжения не исполнялись некоторыми чиновниками. У него же в министерстве, как оказалось, печатались возмутительные прокламации с призывом не исполнять его распоряжений и т.п., одним словом, происходил форменный саботаж. Тогда Колокольцев принял самостоятельно решительные меры: в Центральном управлении он отстранил от должности всех чиновников и набрал новых. Скандал получился громадный. Принципиально Колокольцев был прав: или должен был продолжаться прежний хаос, и тогда положительно нельзя было бы ничего провести в жизнь, или же нужно было принять крутые меры. Я находил, что в то время можно было бы сделать некоторую дифференциацию между служащими и не так уж огульно удалить всех. Скажем, например, чем были виноваты машинистки, не принимавшие никакого участия в этом деле и временно оставшиеся без куска хлеба. Ко мне повалили депутации. В некоторых других министерствах в знак протеста начались забастовки, впрочем, быстро закончившиеся. В результате Коло-

кольцев не отменил своего распоряжения, но невиновных принял обратно.

Как трудно было сразу что-нибудь двинуть на Украине, доказывает хотя бы такая мелочь, тормозившая дело: когда я хотел усилить работу министерства по выделению селян на отруба, так как ко мне постоянно приходили люди и просили их скорее разверстать, землемерных инструментов оказалось всего около тысячи на всю Украину, да и тех не хватало. Мы заказали в Германии новые, но сколько времени ушло на это! Я мог бы привести много других подобных случаев.

С первых же дней я приказал начать разработку нового аграрного закона, но для этого нужны были какие-нибудь статистические данные. В министерстве таковых не было, и снова надолго произошла задержка. Новые данные пришлось добывать на местах. Но Колокольцев человек был решительный и энергичный и рьяно взялся за дело. Кроме того, он был искренне предан идее проведения аграрной реформы на разумных основаниях. Я верил, что с таким помощником я сумею разрешить этот коренной вопрос нашей политики, несмотря на все противодействия крупных собственников.

/.../31

Мне хочется подробнее остановиться на одном учреждении, которое для всех правительств являлось камнем преткновения. Такой гений, как Наполеон, на нем провалился в конце концов. В первые же дни Гетманства ко мне пришел Гижницкий, который хотя и был только державным секретарем, но все же не мог постоянно не вмешиваться [в то], что его, собственно говоря, не касалось.

— Нам, пан гетман, необходимо иметь свою разведку, мы ничего не знаем. Нужно, чтобы вы были постоянно осведомлены, что происходит внутри страны, получая сведения не только из министерства внутренних дел, но и от собственного органа. Кроме того, масса людей, которые не сочувствуют перевороту, могут произвести покушение. Наконец, может быть подготовлен переворот, а мы об этом и ничего знать не будем до последней минуты.

При первом же свидании с Лизогубом я переговорил с ним по этому поводу. Решено было, что вся агентурная часть будет сосредоточиваться в министерстве внутренних дел, но в так называемом «особом отделе штаба Гетмана» будет вестись агентура, обязанностью которой будет следить за всеми лицами и партиями, готовящими покушение на меня и вообще стремящимися

к перевороту. Чтобы не было разногласий и ссор между этими двумя учреждениями, было решено все сведения, получаемые в особом отделе, также передавать Лизогубу после доклада в министерстве внутренних дел, но при этом я сказал Лизогубу:

— Федор Андреевич, этот отдел мне не нужен. Я доверяю Вам, и Вы великолепно можете справиться с делом в Вашем департаменте Державной Варты, но я настаиваю на создании особого отдела потому, что времена изменчивы. Вы, может быть, впоследствии не будете министром внутренних дел, и я решительно не хочу, чтобы меня осведомляло исключительно одно лицо. Может статься, в виду политических соображений мне придется иметь дело с министром внутренних дел, которому я не буду доверять так, как Вам. Поэтому эту связь между особым отделом и Вами я учреждаю лишь временно и удерживаю за собой право прервать ее, когда буду иметь человека, заменяющего Вас.

Так и было решено. Следовательно, департамент полиции, так называемый департамент Державной Варты, во главе с бывшим товарищем прокурора Виленского окружного суда Аккерманом был учрежден. В очень недолгий срок эта должность была замещена Шкляревским, но потом ввиду каких-то недоразумений, теперь не помню каких, он был назначен на должность чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел, а на его место — Аккерман. Начальником же особого отдела был также бывший товарищ прокурора Бусло. Оба они были честные люди, но полиция тем не менее была далеко не на высоте. Я думаю, что при тогдашних условиях было почти невозможно ориентироваться в той сложной политической обстановке; уже одно присутствие немцев очень осложняло работу. Нужно было, по крайней мере, я так сам делал и требовал того от других, стараться тонко разбираться, где действительно дело принимало опасный оборот для правительства и для меня, а где это было просто, как у нас всегда полагалось по отношению к власти, фрондирование, пустая оппозиция, дальше разглагольствования не идущая.

Если взять картину, которая тогда рисовалась полиции, то получится следующее: русский большевизм, пустивший глубокие корни по всей Украине, главным образом, с легкой руки Раковского, председательствующего мирной комиссии по установлению соглашения с большевиками во всех спорных вопросах. Конечно, в теснейшей связи с северными большевиками были наши украинские. Затем уже шли русские социал-революционеры и социал-демократы и их украинские сотоварищи.

Различие программ не мешало, чтобы во многих отношениях тактика действий этих партий, особенно социал-революционеров,

нисколько не отличалась от действий большевиков. Затем на свет выступали великорусские партии, особенно беспокойным был Союз Русского Народа. Малый по численности и слабый по влиянию, он брал своим нахальством. Кадетская партия играла в Киеве незначительную роль, но набежавшие со всех сторон России различные деятели этой партии сразу приподняли ее дух. Конечно, они не пропагандировали вооруженного бунта, но своей разлагающей проповедью и постоянной критикой, не будучи при этом осведомленными в достаточной степени, поддерживали антиправительственные элементы.

Затем немалую роль играли как великорусские националисты, так и различные политические польские партии. Первые были против лозунга «Украина», вторые вели свою собственную линию. Тут имела большое значение ненависть к немцам, а попутно и к нам. Войдя в сношения с эмиссарами Антанты, желавшими больших беспорядков на Украине, в результате которых немцы не получили бы никакого продовольствия, эти господа тоже стремились восстановить народ.

Затем существовала агитация против меня. Эта пропаганда исходила от Униатов и Венского двора, выставляющих в гетманы кандидатуру эрцгерцога Вильгельма, молодого человека, основательно подготовившегося к своей роли, так как он изучил украинский язык, ходил в украинской рубашке и своим поведением привлекал на свою сторону украинцев шовинистического оттенка.

Старая Центральная Рада, разбредшаяся по всей стране, вела усиленную агитацию против Гетманства.

Немцы всячески поддерживали новое правительство, но австрийцы вели настолько неопределенную политику, что мне приходилось лично по этому поводу просить объяснений от графа Форгача³², в скором времени сменившего Принцига, и особенно князя Фюрстенберга, часто заменявшего Форгача.

Протофис (промышленность, торговля, финансы и сельское хозяйство) представлял из себя далеко не такую серьезную силу, каковою он пытался себя выставить. Но в смысле своих замыслов и желаний играть роль, можно было предположить, что он действительно представлял собою всю промышленность и торговлю, и финансы, и сельское хозяйство на Украине и держал их в руках. Земельные собственники и Протофис старались всячески заставить меня проводить их политику.

Кроме того, в Киеве сосредоточилось громадное количество преступных элементов, прикрывающихся всевозможными партиями, а на самом деле не состоящих в них. Эти люди пакостили и творили всякую мерзость ради личных интересов. Правитель-

ственным органам было чрезвычайно трудно разобраться во всех этих партиях, с одной стороны, с другой — что уже положительно требовало громадного труда и таланта — уметь разобраться, где преступление, а где просто болтовня против правительства. Если принять в соображение, что агентов особого отдела, которым можно доверять, было очень мало, то не нужно удивляться, что иногда факты получали совершенно не то освещение, которое необходимо было им придать. Всякие мелкие события политической жизни представлялись мне Вартою заслуживающими особого внимания правительства и моего, хотя в сущности это были пустяки. В других случаях не обращалось серьезного внимания на то, что впоследствии разрасталось в серьезную заботу правительства.

Последние годы анархии научили всех, занимающихся конспирацией, умело вести свои дела. Что до правительства, — да нечего греха таить — и меня, то несмотря на обвинения нас в реакционности, мы были слишком большими законниками и всегда требовали точных фактов тогда, когда нам представляли лишь косвенные доказательства. Поэтому немудрено, что антиправительственные элементы находили пути для продолжения своей работы. Но и Игорь Кистяковский, и оба начальника полиции не разбирались в политике, особенно в украинских вопросах.

После разгона Центральной Рады все ее члены и имеющие к ней отношение не успокоились. Они разъехались по местам и сразу воспользовались тяжелыми условиями, в которые было поставлено новое правительство, чтобы всячески его дискредитировать; например, только одна немецкая оккупация объяснялась народу как союз великих панов, выбравших Гетмана и приведших немцев, чтобы отнять у народа землю. Исполнение договора о предоставлении немцам хлеба объяснялось народу как продажа правительством украинского народного богатства ради личных выгод министров и Гетмана. Делалось, конечно, это очень ловко. Местные власти таких «страдателей за народ» арестовывали. Сейчас же поднимался крик, что сажают невинных. Были факты, но редкие, когда людей арестовывали без достаточной вины. Такие случаи доходили до меня, и я приказывал этих людей освобождать. Но все эти отдельные случаи — капля в море по сравнению с той массой действительно виновных в стремлении свергнуть Гетманство и снова ввергнуть страну в анархию, в которой она находилась и до, и после нас.

Правые черносотенные партии безобразничали. К ним, к сожалению, примыкала часть офицерства. Эти правые были просто озлоблены, что никакой роли не играли, и вели работу в пользу монархии. К ним же присоединилась масса, которая, глядя на разло-

жение России, действительно скорбела и в Гетмане, и в его правительстве видела лишь изменников русскому народу. Над всеми этими партиями крикливо летали так называемые деятели старой России всех направлений и оттенков, так или иначе желавшие играть роль. Среди них были очень почтенные, но они терялись в хоре какой-то необъяснимой злобы или равнодушия к нашему делу. Я неоднократно пытался с ними сговориться, но это было безрезультатно. Недаром Краснов при свидании как-то мне сказал:

— Ох, уж эти общественные деятели, они все погубят!

Я думал тогда, что это не касалось меня, но вижу, ошибся.

Сколько пользы эти люди могли бы принести, если бы, во-первых, они сами сговорились и выработали у себя внутреннюю дисциплину; во-вторых, если бы они вдумчиво относились к существующим в России силам, которые что-то творили, и не требовали обязательного исключительного проведения в жизнь их планов. Эти планы они обыкновенно вырабатывали без достаточных оснований, так как не знали всех тех условий, в которых протекала жизнь страны. Общественные деятели, среди которых, повторяю, были очень известные не только у нас, но и за границей, конечно, многим импонировали. Они влияли на министров, на немцев и на предстителей Антанты, особенно сильно на последних. Общественные деятели имели большую связь в высших кругах Киева. Если бы они решительно помогли мне и правительству, а не стали оппозицией или же, в лучшем случае, критиками, моя задача была бы значительно облегчена. Они совершенно не догадывались, что идея Украины существовала не только среди кучки немецких агентов, но и среди народа, в котором ее укрепила революция. Если бы они подошли к вопросу Украины непредвзято, если бы они на украинских деятелей смотрели не свысока, а, познакомившись с ними, узнав их требования, указали бы свои, из этого обмена мнений могла бы получиться большая польза для общего дела. Но этого и в помине не было.

— Украины не нужно. Вот придет Антанта, и Гетмана, и всей этой опереточной страны не будет, — таково было их мнение.

При всем моем уважении к отдельным личностям из этой среды я должен сказать, что теперь никто из тех, кто был тогда на Украине, а также и тех, кто заседает в Париже, никто из них не способен выдвинуться и сделать что-нибудь для России. Это люди, все еще живущие старыми понятиями, люди с предрассудками. Не они вытащат Россию из той ямы, куда она попала. Не вытащат ее также и наши вожди социалистических партий: они уже производили свои эксперименты. Это люди тоже конченные. Если о наших общественных деятелях еще говорят, то это лишь в силу инер-

ции или ввиду их личных стремлений, чтобы о них говорили. Несомненно, что в конце концов должны отыскаться новые люди с новыми мыслями, чувствами и с новой энергией. Где они? Я их не вижу, но они придут. Что же касается нынешних общественных деятелей, то для меня нет сомнения, что эти люди пройдут для России бесследно. Я внимательно следил за их работой в Киеве.

Чем больше я вникаю в пережитое мною на Украине, тем более я прихожу к заключению, что народ не виноват во всех ужасах, которые мы пережили. Я совершенно не увлекаюсь народом, и когда мне недавно рассказывали с умилением об одном бедном генерале, умиравшем в каком-то лагере для военнопленных, и об одном солдате, трогательно за ним ухаживавшем, я — грешный человек — не пролил слезы, а подумал, что наверняка солдат рассчитывал получить что-либо за свои хлопоты или от самого генерала, или от его родственников. Несмотря на отсутствие всякой сентиментальности по отношению к нашему народу, меня всегда глубоко оскорбляет, когда я слышу, особенно здесь, за границей, нелестные отзывы о том самом народе, который в известных условиях способен более, нежели любой западноевропейский народ, проявить чувство глубокой христианской любви и самоотречения. Я видел на какие зверства и нерусские способности, когда народ сбит с толку, когда анархия всплывает на поверхность общественного моря. Теперь в России большевизм, народ попал в руки сумасшедших идеалистов и громадного числа всяких иностранных и уголовных элементов. Но кто в этом виноват? Наш забитый народ безусловно не виноват.

Виновата наша интеллигенция всех оттенков и направлений. Одни без всякого знания народа, без научного организаторского опыта, благодаря зависти ко всему выше их стоящему или же из-за какого-то пошлого сентиментализма с громадной ни на чем не основанной самоуверенностью решили облагодетельствовать народ; другие, не желающие ни на йоту поступиться своей выгодой, тянут его в другую сторону. В результате все более мягкое выкидывается из обихода, и остаются всего лишь две полосы: большевизм слева, в который переходят все учения наших социал-революционеров и социал-демократов, и большевизм справа, который теперь тоже хотя и в загоне, но при первом же удобном случае воспрянет духом не хуже своего антипода. Все остальные партии болтаются без всякой поддержки в народе и все более и более отрываются от него. Одна из причин такого явления состоит в незнании народа, его настоящих жизненных, экономических, разумных домоганий, в слабом подражании Западу и в боязни показаться мало либеральными. Если бы эти средние партии левой

группы отбросили вечное самодовольство, рисование своим либерализмом, если бы они хотели действительно пожертвовать собою для народа, а не для приобретения популярности, они нашли бы дорогу, как подойти к народу с действительно жизненной программой. Кроме того, партиям нужно было бы еще привить себе способность отрешиться хотя бы от части своих выгод. Ведь в конце концов все эти кадеты хотя и готовы идти на очень широкую аграрную реформу, потому что у большинства из них нет собственной земли или она их мало интересует, но уже в промышленности или в финансовых вопросах никаких уступок не признают, находя для этого всегда отговорки. На Украине я хотел сближения этих рядом стоящих умеренных партий, но в этом мне удалось достигнуть очень малого. Может быть, только со временем я чего-нибудь добился бы.

Сам народ хочет просто улучшения своего быта, однако разобратся во всех этих вопросах он совершенно не может. Раньше при старом правительстве ему говорили, что все зло от бунтовщиков, лупи их, — он и лупил. Теперь ему говорят:

— Все зло от буржуа, лупи его! — он его лупит, так как думает, что это единственное средство улучшить свое положение.

Все эти программы, даже считающиеся теперь умеренными партии вроде социал-революционеров, несравненно левее тех убеждений, которые живут в здоровой массе народа. Только война с развращающею деятельностью революционного правительства довела до того, что большинство народа поверило, что нужно просто отобрать у собственников землю, ничего им за нее не уплатив. Но как только народ начинает отходить от угара, напущенного на него левой интеллигенцией, он сам начинает сознавать, что тут какая-то ложь и что так решать вопрос нельзя. На Украине еще при мне и в скором времени после падения Гетманства на сельском съезде были выяснены постановления, что землю нужно взять, но за плату.

Ужасная политика, которую Германия вела по отношению к России, не могла, конечно, не отразиться у нас на Украине. Насколько я мог узнать немцев, далеко не все [приветствовали большевиков], то есть, скажу, добрые три четверти из тех, которых я видел, были против сближения Германии с большевиками и находили эту политику пагубною для них самих. Они били большевиков с искренним удовольствием и возмущались ими, может, даже больше, нежели многие из русских. Если во время войны центр сочувствия большевикам был в среде немецкого генерального шта-

ба, то, несомненно, во время Гетманства он перешел в министерство иностранных дел, а военные были решительно против этого сочувствия.

Еще при Центральной Раде велись переговоры с большевиками. В мае немцы заключили с ними временное перемирие и настоятельно требовали переговоров с большевиками по установлению границ между Совдепией и Украиной, а затем решения по целому ряду вопросов первостепенного значения.

Не помню точно, какого числа в начале июня приехала в Киев мирная делегация во главе с Раковским³³. Нашим правительством была сделана крупнейшая ошибка, когда оно назначило заседания этой мирной конференции в Киеве; это дало возможность большевикам начать свою агитацию. Переговоры ни к чему не привели, что было уже видно с первых дней. Единственно хорошая сторона заключалась в том, что это дало возможность спасти массу народа от прелестей коммунистической жизни.

Заседания продолжались все лето. Представителем на переговорах с нашей стороны я назначил Шелухина. Это был безусловно выдающийся человек как в умственном, так и в нравственном отношении. Один из числа украинских деятелей, он был очень ценим и уважаем мною. Во время наших бесед мы не ограничивались вопросами мирных переговоров. Его очень умеренные политические взгляды резко менялись, когда дело заходило о самостоятельности Украины; тут он часто впадал в крайности. Если бы не это, он был бы чрезвычайно желательным в составе правительства. Я верил ему, и до последнего дня он остался в моих глазах честным, открытым человеком.

Моя жизнь протекала в какой-то лихорадочной работе, приходилось работать до полного изнеможения. При всем желании показываться публично я имел возможность делать это очень редко. Это было, конечно, пробелом в моей деятельности, так как ничто так не популяризирует, как личные появления. В мае месяце мне пришлось поехать на открытие украинского клуба. Был концерт, после концерта ужин. В это первое появление я был удивлен теплым приемом, который мне был оказан. Писательница Черняховская³⁴ сказала очень милое приветствие. Я говорю, что был удивлен этим приемом, так как там собрались наиболее «ширые» украинские деятели, которые вообще имели повод сомневаться в том, что я был их ориентации.

Затем пришлось поехать на панихиду на место убийства митрополита Владимира. Там я оказался почти один среди простого

народа, и мне пришлось проталкиваться, чтобы дойти до духовенства. Мне было приятно общаться с простым народом, хотя полиция предупреждала меня этого не делать. После панихиды я поехал в Лавру, где настоятель Лавры отслужил над могилой митрополита краткую литию. Вообще, среди простого народа никакого антагонизма по отношению к себе я не чувствовал. Наоборот, в толпе я испытывал чувство какого-то нравственного успокоения, что-то говорило мне, что путь, выбранный мною, был правилен.

Единственным моим относительным отдыхом, который я позволял себе довольно редко, были праздничные поездки на пароходе по Днепру. Обычно мы выезжали часа в 2-3 пополудни, ужинали на палубе и возвращались к десяти часам вечера. Эти поездки были для меня большим наслаждением. Не говоря о красотах Днепра, они мне были приятны тем, что я мог приглашать на пароход лишь тех, кого хотел. Обычно я просил проехаться со мною людей, с которыми я мог спокойно обсуждать животрепещущие в то время вопросы. Мы часто останавливались в каком-нибудь месте и шли купаться. Мне особенно памятно одно такое купание на повороте реки верстах в 20-ти от Киева. Течение было очень сильное. Я с моим сыном 14-ти лет выбрался на середину реки. Нас уносило течением, мне было весело и вместе с тем страшно за мальчика. Среди безотрадной жизни, которую приходилось вести запертым в душной комнате, мне, всю свою жизнь любившему воздух и движение, эти поездки казались особой благодатью, и о них я мечтал задолго до того. Я мало вникал в жизнь дома, абсолютно не успевая заняться этим делом. Все было передано начальнику штаба, и он докладывал мне о своих предположениях и предложениях.

/.../

Немцы были очень предупредительны, и отношения у нас установились, в общем, вполне сносные. Но я часто удивлялся, как хорошо они наблюдали за мной. Абсолютно каждый мой шаг был им известен. Вообще, мой дом представлял узел всевозможных темных организаций. Иногда для проверки я говорил кому-нибудь под страшным секретом какую-нибудь новость и смеялся, когда через некоторое время узнавал, что в такой-то группе были приняты такие-то меры, о чем мне уже доносила моя разведка. Было очевидно, что этот «страшный секрет» уже донесен куда следует. Военные люди не знают всей этой гнусной закулисной политической игры, всех тех невидимых пружин, которые играют

человечеством. Только уже будучи Гетманом, я умел разбираться во всех этих обыкновенных низменных хитросплетениях, основным мотивом которых были личная нажива и всевозможные интересы самого частного характера, причем всю эту мерзость всегда облакают в красивые формы заботы о народе, стремления провести честные демократические принципы и проч. И об этом я читаю между строк во всех пересматриваемых теперь от нечего делать газетах и смеюсь от души.

/.../

Огромная площадь Зверинца находилась вблизи киевской крепости. Вся земля принадлежала военному ведомству. Но на часть земли, не знаю, на достаточном ли основании, претендовал город. Эта земля сдавалась в аренду, но возведение капитальных построек прежним правительством не разрешалось. Существующая киевская крепость утратила всякое значение, а между тем быстро растущий Киев испытывал потребность в площади. Я поручил Лизогубу в Совете Министров разобрать вопрос о ликвидации существующей киевской крепости и составить план новой части города на месте Зверинца, причем предполагалось использовать все последние западные достижения по строительству городов, так как теперь центром правительственной жизни Украины становился Киев, и необходимо было иметь много казенных зданий для высших правительственных учреждений.

Предполагалось часть земли продать и на вырученные деньги построить здания, необходимые правительству. Тут же должны были быть построены образцовые рабочие поселки. Вообще, план был грандиозный и вполне осуществимый. Совет Министров пошел энергично навстречу, и первоначальная работа была поручена инженеру Чубинскому. За время Гетманства это дело подвигалось очень быстро. Попутно с постройкою города разрабатывался вопрос кольцевой киевской железной дороги, которую осуществить было очень легко, так как всего-навсего пришлось бы построить несколько соединительных веток. Вместе с дорогой предполагалось создать города-сады из уже существующих поселков, расположенных в очень живописной и здоровой местности. Все это было уже на ходу.

Оборачиваясь назад, я стараюсь быть вполне объективным и не останавливаюсь перед признанием своих ошибок. Скажу, что наше правительство в одном очень важном для государственного

управления деле было возмутительно слабо и бездарно. Эту ошибку я начал исправлять, но поздно. Я хочу указать, что население совершенно не было осведомлено о нашей работе. Пресса и какая-либо пропаганда совершенно отсутствовали. Это дело у меня совершенно не клеилось, несмотря на то, что я с первого же дня моего управления страной отдавал себе отчет в значении прессы и вообще правильной постановке пропаганды. В этом я очень сильно виню Федора Андреевича Лизогуба и Ржепецкого. Они все время откладывали это дело, жалея денег, а когда принялись за него, то перепоручили это, видимо, людям неталантливым, в результате это дело так и заглохло.

Хотя в моей Грамоте была объявлена свобода слова и печати, тем не менее с первого же дня пришлось ввести цензуру и сильные ограничения этой свободы, главным образом из-за отделов информации, помещавших постоянно заведомо неверные сведения, волновавшие население.

Итак, цензура была введена, но за неимением цензоров и вообще людей, подготовленных к этому, знающих, чего мы добиваемся и местные условия, получалась полнейшая бессмыслица. Статьи, которые действительно нельзя было пропускать, беспрепятственно появлялись на свет Божий, и наоборот, безобидные статьи и речи, произнесенные председателем Совета Министров, по личному усмотрению какого-то чиновника цензурного отдела либо не пропускались, либо пропускались в печать со всякими пропусками. Дело дошло до того, что я приказал подавать себе все статьи, которые были запрещены цензурою. Каждый отдельный случай сопровождался всевозможными объяснениями. Я приказал уволить одного из цензоров за слишком бесцеремонную работу, но от этого мало что изменилось. Я вызвал к себе министра Кистяковского. Он только разводил руками и говорил, что у него нет людей. Я был слишком мало знаком с этим делом, чтобы авторитетно объяснить, кто тут виноват, но бессмысленная работа цензоров заставила меня предположить, что тут просто злая воля.

Что касается создания прессы, то и тут дело было не лучше. В начале вопросы, связанные с прессой, были сосредоточены в министерстве внутренних дел у товарища министра Вишневского. Я с ним много об этом говорил, и был выработан целый план действий. На директора пресс-бюро Донцова очень много жаловались министры. Он был человек действительно неважный, но я думаю, что из него можно было бы выжать пользу, если бы это дело пользовалось сочувствием в Совете Министров.

Время проходило, но ничего в этой области не делалось. Я настаивал, чтобы Федор Андреевич Лизогуб поскорее поставил этот

вопрос на повестку дня в Совете. Он все откладывал его из-за других еще более важных и спешных дел. Наконец целое заседание или даже несколько было посвящено прессе. Начались бесконечные трения: каждый министр высказывал свое мнение, и в результате фактически ничего не было решено. Мне казалось, что тут во многом был виноват Вишневский, товарищ министра внутренних дел, в ведении которого был весь этот вопрос.

Кистяковский, сменивший Гижичко в должности державного секретаря, казалось, судя по его заявлениям, важность прессы понимал и придавал ей большое значение. Не имея никакого отношения к этому делу, он все же им интересовался, указывал, как это нужно наладить, вел переговоры. У него была целая стройная система, которая мне нравилась. Из-за важности прессы я тогда решил передать ее в ведение державного секретаря, и он рьяно взялся за дело. Кроме правильной постановки дела с ежедневной прессою, между прочим, было решено создать еще особое украинское издательство, которое выпускало бы только одну хорошую украинскую литературу для народа. У Кистяковского были заседания с целым рядом лиц. Все настаивали на приобретении очень большого дома, который стал бы дворцом прессы. Замашки были очень широкие. Информация должна была быть правильно поставлена. Кроме прессы тут должен был сосредоточиться весь отдел пропаганды, кинематограф, плакаты и т.п. Началось с того, что дом купили и освободили его. Затем нужно было достать печатную машину. Относительно их дело обстояло очень остро на Украине. Наконец удалось купить ее в Почаевской Лавре, но при доставке эта машина вывалилась из вагона железной дороги под откос и там и осталась лежать. Затем пропали какие-то части. В результате эта машина была куплена, кажется, Протофисом, который тоже издавал свою газету. Об этом я узнал поздно. Кистяковский был уже в то время министром внутренних дел, державным секретарем — Завадский³⁵. Последний, очевидно, был не в курсе дела. Мне представили целый ряд неопровержимых доказательств, что тут виноват лишь Господь Бог. Я, грешный человек, этому не особенно поверил, но время уже ушло.

Нужно сказать, что на Украине не было ни одной хорошей, то есть действительно серьезной газеты, разбиравшейся в данной обстановке и понимавшей свою задачу в такую трудную историческую минуту. Только в последние дни Гетманства начала выходить прекрасная газета «Мир», сумевшая сразу завоевать внимание общества.

/.../³⁶

Редко какому-нибудь правительству приходилось работать при такой постоянной злой критике, каковая почему-то особенно развилась в Киеве. Главными критиками были приезжие. Вот характерный пример. Приезжает измученный человек из коммунистического рая на Украину. О том, чтобы его выпустили на Украину, велась предварительно обширная переписка с датскими или немецкими посланниками в Петрограде или Москве. Я посылал его прошение в министерство иностранных дел для немедленного ходатайствования о пропуске. Первые дни по приезде человек молчит, спит, пьет и ест — это первая стадия. Вторая — хвалит, находит, что Украина прелесть: и язык такой благозвучный, и климат хороший, и Киев красивый, и правительство хорошее — все разумно — одним словом, рай! За это время он успевает кое-кого повидать из ранее приехавших, и вот недели через две входит в третью фазу. Он все еще весел и любезен, находит, что все хорошо, но вот он ездил на извозчиках, и они показались уж очень плохими, и мостовые местами неважные. Почему это держат таких градоначальников?

— Да позвольте, — говорю я ему. — Вы вспомните, что в Совдепии было, мы ведь всего месяца два как работаем, разве можно теперь думать об извозчиках и мостовых? Благодарите Бога, что вы живы.

— Так-то оно так, но все же... — Уходит и на довольно долгий срок.

Я уже понимал, что для него наступила четвертая фаза. Обыкновенно он уже не приходит ко мне на дом. Его можно встретить или на улице, или же где-нибудь в театре. Он прекрасно одет, сыт, румян и чрезвычайно важен.

— Знаете вы, что я вам скажу: ваша Украина вздор, не имеет никаких данных для существования. Несомненно, что все это будет уничтожено. Нужно творить единую и нераздельную Россию, да и украинцев никаких нет, это все выдумка немцев. Потом, знаете ли, ну почему это в правительстве держат таких людей?.. — и пошла критика, и критика без конца.

Кончалось обыкновенно тем, что он заявлял, что очень занят, так как заседает в таком-то и таком-то центральном комитете, где имеются вполне определенные взгляды Антанты о будущей их политике по отношению к России, и что ему нужно спешить, иначе он опоздает.

Чтобы остаться уже в роли беспристрастного наблюдателя, нужно указать еще на другую категорию приезжих, которые из третьей фазы не переходили в четвертую, а находили утешение или в бешеной спекуляции, или же делались постоянными завсег-

датами всяких «Би-ба-бо», «Шато-де-флер» и других подобных заведений, которые в Киеве несмотря на периодические гонения со стороны министерства внутренних дел, к сожалению, всегда процветали.

Количество приезжающих, занимавшихся критикой или спекуляцией, во много раз превосходило количество безобидных забулдыг, старающихся наверстать безвозвратно потерянное для кутежей время в Совдепии. Все это для действующих в правительстве лиц было иногда неприятно, так как им и без того было трудно, а критикующие были иногда людьми с именами, которые и при новом режиме все-таки сохраняли свой удельный вес.

Однако среди великороссов далеко не все разделяли их мнение. Все-таки были люди, которые хотя и не играли серьезной роли в киевской политике, но воспоминания о которых как о благороднейших и честнейших людях я сохранию на всю жизнь. Видно было, что всей душою они хотели мне помочь в моем трудном положении. Среди них я могу назвать Николая Николаевича Шебеко, бывшего посла в Вене, и генерала Головина. Оба они не состояли на службе в Украинской Державе. Головину я предложил один из высших постов в армии, но он отказался по состоянию здоровья и оставил за собою лишь разбор документов, касающихся войны. Они довольно часто бывали у меня, понимали идею во всей ее широте и совершенно бескорыстно помогали мне, насколько могли.

Если правительство не особенно рьяно боролось со всеми шайтанами, то в защиту его нужно сказать, что оно очень много сделало для искусства. Все вопросы искусства были выделены в одно главное управление, во главе которого стоял Петр Яковлевич Дорошенко, подчинявшийся министру народного просвещения.

Министр Василенко был в дружеских отношениях с Дорошенко, поэтому тут недоразумений не было и быть не могло. Лично я очень любил доклады Дорошенко, так как это была единственная область, где я кроме нравственного удовлетворения ничего другого не испытывал. Сделаю краткий перечень всего, что было создано в этой области. Нам удалось в течение этого года создать Державный драматический театр. У Петра Яковлевича были грандиозные планы. Он хотел организовать и Державный оперный театр, но это, во-первых, стоило бы огромных денег, а во-вторых, в данное время не имело бы особого значения. Я не вижу никакой разницы, петь ли «Фауста» на русском, французском или

украинском языке: все три либретто одинаково плохи, и язык тут роли не играет. Державный драматический театр, как мне казалось, сыграл бы очень благородную роль в культурной истории Украины. До сих пор украинские театры существовали в России с определенными репертуарами, мало меняющимися, как, например, «Наталка-Полтавка» и т.п., и далее этого не шли. Это было хорошо, но все же украинский театр не выходил из рамок местного репертуара, а с европейским не был знаком. Теперь же Державному драматическому театру нужно было осваивать мировое искусство, знакомя нашу столь невежественную во всем, что касается Украины, киевскую публику с украинским языком. Конечно, это можно было достигнуть лишь при действительно хорошем составе артистов и хорошей постановке. К моему великому удивлению недостатка не было ни в хороших артистах, ни в хорошей постановке. Многие артисты уже жили на Украине, другие приехали из России, в том числе и режиссер, который был приглашен из Московского Художественного театра. Беда была только в отсутствии помещений, так как все театры были законтрактованы. Театр, который мы хотели взять себе, был занят каким-то немецким кафе-шантаном. Зная, как Эйхгорн всегда шел мне навстречу, я написал ему письмо по этому поводу, и он приказал передать мне, что исполнит мое желание и напишет мне об этом. К сожалению, на следующий день он был убит. Новое немецкое начальство находило, что теперь мое желание исполнить невозможно.

Тогда было решено взять другой театр, но тут пришлось иметь дело с какой-то опереткою, которая изобретала всевозможные способы, чтобы остаться в этом театре. Наконец после бесконечной волокиты дело уладилось, и со дня открытия театра в октябре месяце спектакли имели большой успех и были хорошо приняты даже самой взыскательной великорусской публикой, не говоря уже об украинцах, которые были в восторге. У этого театра был европейский репертуар, включающий многие пьесы, которые никогда еще не ставились, а кроме того, драмы Ибсена, Гауптмана и даже Шекспира.

Мы также помогли Молодому Украинскому Театру³⁷ встать на ноги. Петр Яковлевич всегда шел навстречу театру старика Садовского, одного из могикан старого украинского искусства, и Саксаганского³⁸, особенно славившегося своими постановками.

В области музыки был создан Державный оркестр, который должен был знакомить публику с лучшими произведениями украинского и классического репертуара. Была основана школа кобзарей, которой я придавал большое значение. Кобзарей всегда любили у нас, и среди народа они имели успех. Их репертуар, в

свое время чрезвычайно выдержанный и высокохудожественный, постепенно начал приходить в упадок. Мы хотели удержать кобзарей на той художественной высоте, на которой они стояли раньше.

В Главное Управление по делам искусства перешло также все кинематографическое дело. Кинематограф предполагалось широко распространить среди народа с воспитательною и научною целью.

Решили создать Национальный музей. Его хотели построить на новом участке города, на месте бывшего Зверинца, так сильно пострадавшего от взрыва. Пока же все экспонаты собирались в Киевском Городском музее. Музеем были сделаны богатые пожертвования.

Отдельвалось новое здание Ольгинской гимназии, куда думали перенести Академию Художеств. Субсидировались различные школы художественного значения. Вообще все шло хорошо, и я думаю, что это начинание и теперь не может заглухнуть. Наряду с этим Петр Яковлевич, человек культурный и образованный, любовно относился ко всем памятникам и учреждениям русского искусства всех эпох: в этом отношении пасынков не было. Также разрабатывался проект памятника Шевченко. Этот вопрос окончательно не был решен, но думали поставить его перед Михайловским монастырем.

Когда я понял, что осуществление издания украинской классической литературы не предвидится в недалеком будущем, я передал все это в ведение Петру Яковлевичу. Тут грянули события, которые отодвинули все эти вопросы, столь животрепещущие и важные для украинского народа, на задний план.

Я искренне жалею, что все задуманное в этой области я не успел претворить в жизнь.

Я уже дал краткий очерк личности Василенко³⁹. Он очень много работал, но встретился с почти непреодолимыми трудностями. Главным недостатком было отсутствие подходящего педагогического персонала и необходимых учебников. Еще в мае месяце я провел заседание при участии Василенко и директора департамента, ведавшего этим вопросом, и они еще тогда ломали себе голову, как сделать, чтобы успеть напечатать учебники для начальных школ к осени. Их немедленно заказали за границей, но до начала учебного года их еще не было, и это меня волновало. Василенко, просвещенный человек, но, к сожалению, его помощники были далеко не из удачных. У него было любовное и деловитое

отношение к украинскому языку и громадное уважение ко всей русской культуре без всякого шовинизма. Это-то и не нравилось его ближайшим помощникам, и они не шли ему навстречу. Ему все говорили об этом, и он все обещал сделать у себя радикальные перемены среди высшего состава министерства, но время шло, а он их не делал. Я не стану входить во все подробности наших переживаний в деле народного просвещения на Украине за время Гетманства, а лишь укажу на все сделанное и на те вопросы, которые были в процессе разработки.

Начальные школы были в состоянии полного развала. Главной заботой министерства было создание условий, при которых с осени могли бы возобновиться занятия. Во многих школах не было учителей, а школьные здания, особенно в прифронтовой полосе, были в ужасном состоянии. В связи с новыми требованиями, предъявляемыми министром к сельским учителям, в Киеве было проведено несколько учительских съездов. Василенко придавал им большое значение. Одним из животрепещущих вопросов этого времени было увеличение жалования учителям как начальным, так и средних учебных заведений. Этот проект почему-то очень долго разрабатывался и долго не проходил через Совет Министров, а между прочим, он был действительно из очень спешных, так как при существующих окладах невозможно было жить. Перед окончанием работы одного учительского съезда, желая поближе познакомиться с учителями, я пригласил весь состав съезда, человек 200, к себе позавтракать. Закон о прибавке жалования был уже разрешен, и поэтому за завтраком я объявил об этой прибавке. Нужно было видеть, какая это была радость.

Как я припоминаю, прибавки были основательные. За завтраком я обратился ко всем с приветствием и, между прочим, указал, что прошло то время, когда в течение 250 лет Россия угнетала Украину. Нужно ли было об этом говорить — это вопрос чрезвычайно спорный. Но меня удивило то, что некоторые представители великороссов приняли это как нечто ужасное. Ко мне являлись люди, просили объяснений, толкований и т.д.

— Все можно было простить Скоропадскому, но этого простить нельзя!

А я считаю, что великороссам несравненно разумнее было бы сказать:

— Да, это было, но теперь этого не будет, это прошло.

В средней школе Василенко находил особые трудности. Существовал резкий антагонизм между русским и украинским учительским персоналом: и та и другая сторона предъявляли несомнимые требования. С одной стороны, украинцы хотели укра-

иницировать все до единой гимназии, с другой, русские делали все, чтобы украинцы ровным счетом ничего не получили. Как пример я могу указать на украинские гимназии в Киеве. Если не ошибаюсь, в этом городе 12 русских гимназий, может быть, больше, но во всяком случае не меньше. Предполагалось открыть 4 украинских. Сначала министр находил возможным уладить все самостоятельно, но потом неприязнь между украинцами и великороссами обострилась. Тогда мне пришлось самому улаживать этот спор. Ко мне явились и директора гимназий, и родительские комитеты одной и другой стороны. Украинцы были вне себя, оттого, что не имели помещений для украинских гимназий. Великороссы находили бесконечные отговорки и всячески тормозили размещение украинских гимназий. Я приказал начальнику своего штаба лично ознакомиться со всеми вариантами для разрешения этого вопроса. Я остановился на одном из них и чуть ли не силою передал освобожденные помещения украинским гимназиям. Нужно отметить, что вопрос шел не о сокращении числа русских гимназий, а лишь о том, чтобы потесниться и дать возможность детям украинцев занимать половину учебного дня. Нужно было разместить младшие классы в единственно свободном в Киеве здании одного из женских монастырей, которое, по словам начальника штаба, было монастырью не нужно и пустовало. Монастырская администрация, не разобравшись, что это для украинской гимназии, сначала согласилась, а затем, узнав, что это для украинских детей, отказала под предлогом возможного соблазна для монахинь. В это дело вмешался митрополит, но я никак не мог согласиться, что малолетние мальчики могли бы соблазнить взрослых монахинь, и отвел это помещение под гимназию.

По разработанному проекту было решено открыть на Украине до 50 гимназий, но за недостатком учительского персонала это число пришлось несколько сократить. Да я особенно и не жалел об этом. В начале важно было не столько стремиться к увеличению числа учебных заведений, сколько важно было их упорядочить. За время Центральной Рады во многих селах были открыты гимназии на бумаге, а на деле их фактически или не было, или же многие из них влачили печальное существование.

Я лично обращал особое внимание министра Василенко на создание специальных заведений по подготовке более подходящего состава учителей. С этим классом людей я очень хорошо знаком, потому что у меня в корпусе, особенно в украинском, было около 60 процентов офицеров из учителей сельских школ. В общем, я вынес убеждение, что это прекрасный материал, несмотря на то, что у них подготовка ниже всякой критики. Такого учителя прежде

нужно самого образовать и воспитать, чем дать ему в руки детей. Однако этот кардинальный вопрос, такой важный для народного образования, остался лишь в проекте. Василенко не успевал справляться с уже начатыми делами. Коньком Василенко были высшие учебные заведения. За это дело он взялся рьяно, с почти юношеским пылом. В июне месяце появились законы об открытии двух украинских университетов: одного в Киеве, другого в Каменец-Подольске. При Центральной Раде был создан народный университет, но это была пародия на высшее учебное заведение, да и украинского там почти ничего не было. Украинцы, которые — не в обиду будь им сказано — любят сразу брать широкий размах, не сообразуясь ни с какими жизненными условиями, еще в мае прислали ко мне депутацию с ходатайством об украинизации университета Св. Владимира. Мне показалось это диким и невозможным: расстроить в корне один из старейших университетов, пользовавшийся громадным влиянием и авторитетом в стране, в которой и так страдали от отсутствия достаточного количества высших учебных заведений. Однако открытие нового хорошо оборудованного украинского университета я считал чрезвычайно желательным. Я переговорил с Василенко, и оказалось, что та же мысль родилась у него уже давно, и он уже подготовил материал для претворения ее в жизнь. Работа закипела, прошел закон об ассигновке украинских денег. С трудом подыскали украинских профессоров, назначили ректора. Я назначил комиссию для подыскания желательного помещения во главе с П.Я. Дорошенко.

Комиссия остановилась на строящемся великолепном здании артиллерийского училища, которое ввиду того, что уже имелось прекрасное подобное же училище в Одессе, было излишне. Университет был размещен великолепно, ничем не хуже, если не лучше многих старых. С Каменец-Подольским университетом все обошлось значительно легче, так как там и город, и все общество пошло навстречу. В сентябре оба университета были торжественно открыты.

Хотя Киев и был главным культурным центром всего юга России, тем не менее он всегда был провинциальным городом. Теперь же, когда он в некотором роде стал столицей 40-миллионного населения, в нем, особенно в первое время, чувствовался ужасающий недостаток в людях науки и в действительно культурных украинцах.

Украинцы все время говорят о том, что для создания Украины я пользовался русскими силами. Да иначе одними украинскими силами ничего нельзя было создать серьезного! Действительно культурный класс украинцев очень малочислен. Это и является

бедою украинского народа. Есть много людей, горячо любящих Украину и желающих ее культурного развития, но сами-то эти люди — русской культуры, и они, заботясь об украинской культуре, нисколько не изменяют русской. Узкое же украинство — исключительно продукт, привезенный нам из Галиции, чью культуру перенимать целиком нам не имеет никакого смысла. Никаких шансов на успех нет, и было бы просто преступно, так как там, собственно говоря, и культуры нет. Ведь галичане живут обедками с немецкого и польского стола. Уже один их язык это ясно отражает: на пять слов у них четыре польского и немецкого происхождения. Я галичан очень уважаю и ценю за то, что они глубоко преданы своей родине, а также и за то, что они действительно демократы и понимают, что быть демократом не значит действовать по-большевистски, как это, к нашему стыду, происходит у нас.

У них все же есть свой образованный класс, и это дает уверенность, что галичане сумеют сохранить свою народность. Великороссы и наши украинцы общими усилиями создали русскую науку, русскую литературу, музыку и искусство, и отказываться от этого своего высокого и хорошего для того, чтобы перенять то убожество, которое нам, украинцам, так наивно-любезно предлагают галичане, просто смешно и немыслимо. Нельзя упрекнуть Шевченко, что он не любил Украину, но пусть мне галичане или кто-нибудь из наших шовинистов скажет по совести, что будь он теперь жив, он отказался бы от русской культуры, от Пушкина, Гоголя и других великих писателей России и признал бы лишь галицийскую культуру. Несомненно, он, ни минуты не задумываясь, сказал бы, что от русской культуры он отказаться не может и не желает, чтобы украинцы отказались от нее. Но одновременно с этим он работал бы над развитием своей собственной, украинской культуры, если бы условия давали ему возможность это делать. Насколько я считаю необходимым, чтобы дети дома и в школе говорили на том же языке, которому учила их мать, знали подробно историю своей Украины, ее географию, насколько я полагаю необходимым, чтобы украинцы работали над созданием своей собственной культуры, настолько же я считаю бессмысленным и губительным для Украины оторваться от России, особенно в культурном отношении. При свободном развитии русской и украинской культуры мы можем расцвести. Если же мы теперь откажемся от русской культуры, мы будем лишь подстилкою для других наций и никогда ничего своего великого создать не сумеем.

Для того, чтобы восполнить недостаток в научных силах, мы составили списки лиц, которых желательно было бы привлечь для работы на Украине. Мы пользовались для этого так называе-

мым Державным поездом, который был установлен по соглашению с Совдепией. Этим же поездом мы привлекли к себе нескольких выдающихся и подходящих нам по своим убеждениям работников из числа людей науки и искусства. Это дало возможность Василенко внести проект о создании Украинской Академии Наук. Я горячо сочувствовал этому начинанию. Была собрана комиссия под председательством профессора Вернадского⁴⁰, и закон об учреждении академии со всеми необходимыми ассигновками прошел. Уже и помещение для начала работ академии было подыскано. Но теперь, конечно, все это рухнуло. А там предполагалось иметь особый отдел для разработки украинского языка и обращалось большое внимание на создание отдела по естествоведению Украины, причем этому отделу предполагалось придать значение главным образом практическое. Кроме того, было решено издать новую историю Украины. Есть старая история Украины, Малороссии, есть история Грушевского⁴¹, но это меня не удовлетворяло. Старые издания тенденциозны и написаны не в том освещении, какое было необходимо и какое соответствовало бы исторической правде. Я с радостью познакомился с профессором Багалеем⁴², жившим в Харькове и приехавшим в Киев для участия в создании проекта Украинской Академии Наук. Он, между прочим, посвятил себя украинской истории и уже начал ее писать в совершенно новом освещении, которое мне очень нравилось. Я все хотел с ним переговорить о необходимости поставить это дело шире, чтобы издание это было насколько возможно более исчерпывающим, включающим весь тот громадный материал, который имелся у нас, но как-то не успел это сделать окончательно, о чем искренно жалею. Не знаю, подумает ли теперь правительство о таком важном деле.

Василенко имел много врагов, его безбожно критиковали. Во многих вопросах, может быть, критика была и права: кто не ошибается во время работы. Во всяком случае несомненно, что какие бы Украине ни предстояли впереди испытания, Василенко и его деятельность оставят свой след.

Германия признала Украину в этнографических границах. Согласно Брест-Литовскому договору, это был основной принцип для будущего проведения украинских границ. Получался абсурд, но об этом украинские дипломаты мало беспокоились.

С одной стороны, оказывалось, что Украина вклинивалась в самое сердце областей Войска Донского, захватывая при этом Ростов. Таким образом, Дон окончательно отрезался от моря.

С другой стороны, Крымский полуостров, сравнительно мало населенный украинцами, не входил в состав Украины. Посмотрев на карту, можно сразу понять, что такое государство не жизнеспособно. Нужно заметить, что если бы в силу каких-либо условий такие границы в конце концов установились, несомненно, Крым сделался бы злейшим врагом Украины. Весь этот богатейший украинский край, гранича с враждебным Крымом, — что для Украины и ее торговли представляет вечную угрозу, — был бы обречен на медленное увядание, так как его порты Одесса и Мариуполь находились бы под непосредственными ударами со стороны Крыма.

Будущее самого Крыма тоже было неясно. С одной стороны, немцы утвердились там, и Крым все более и более нравился им. Каковы были планы немцев, мне доподлинно не было известно, но из разговоров с ними я чувствовал, что получение морской базы в Крыму было для них чрезвычайно желательно. А так как там было много немецких колонистов, то мне казалось, что их планы заходили еще дальше. С другой стороны, Турция, имевшая очень много эмиссаров в Крыму, проводила свою политику среди крымских татар.

Было много различных слухов. Так, мои агенты доносили о планах Турции и татар о создании автономной от Турции области. Насколько все это было серьезно обосновано, я не знаю.

/.../

С Кубанью и Черноморской областью у нас установились очень дружеские отношения. Предполагалось заключить союз и даже ввести Кубань в состав Украины на автономных началах. Я этого очень хотел, но считал, что с этим спешить не нужно. Во-первых, мне было неясно, что делается на Кубани и Черноморье, какое там действительно настроение в этом отношении. Во-вторых, я думал, прежде чем привлечь к себе другие области, что важнее всего добиться порядка у себя. Когда это будет достигнуто, то многие области сами собою присоединятся к нам. Немцы, с которыми мне приходилось говорить об этом и без которых фактически я не мог предпринять серьезных военных действий, весной и в начале лета не имели определенной линии поведения. Я хотел отправить дивизию Натиева на Кубань. Тогда же в Бердичеве я начал формирование Черноморского коша для посылки на Черноморье, но у немцев постоянно были какие-то затруднения, мешавшие им определенно высказаться по этому поводу. А Черноморье прислало ко мне очень толковую депутацию, с которой мы разработали весь план действий для борьбы с большевиками. Когда же немцы выяснили наконец все свои недоразу-

меня, было уже поздно: они сами уже разлагались... Их политики я понять не мог. С Алексеевым⁴³ я находился в частной переписке. Однажды я написал ему, прося принять кое-какие меры, касающиеся моего личного имущества. Он мне любезно ответил. Затем он неоднократно просил меня быть посредником в освобождении офицеров его армии, арестованных немцами по подозрению в шпионаже на Украине в пользу Антанты, и в вербовке кадров. Я помогал ему как мог: офицеры были освобождены.

Что до просьб Алексеева об оружии, патронах и снарядах для его армии, то я всегда шел ему навстречу. У меня был список всех офицеров его армии, находящейся на Украине. Я их не отличал от своих, особенно в первое время, и считал, что мы делали общее дело, каждый в тех условиях, в которых находился, и теми путями, которые ему были доступны. Затем Алексеев умер. Узнав об этом, я отслужил торжественную панихиду в своей домово́й церкви, о чем приказал объявить в прессе.

Его заменил Деникин. Отношения сразу же изменились, началась сильнейшая агитация среди офицеров против меня и против вступления их в формируемые мною части. Появились возмутительные статьи в газетах, с которыми часто было связано имя Шульгина⁴⁴. Лично меня это не трогало, наоборот, это служило поводом к тому, что я получил устные и письменные выражения негодования от многих очень почтенных людей. Но это сильно вредило делу, так как в слабую, несплоченную, распутившуюся офицерскую массу это внесло еще большее разложение. Тогда, видя какой оборот принимает дело, я назначил служившего у нас в генеральном штабе полковника Кислова моим представителем к Деникину. Я лично принял Кислова, подробно объяснил ему положение дела. Он произвел на меня очень хорошее впечатление. Я считал его очень подходящим человеком, так как он был начальником штаба Корнилова. Я ждал присылки ко мне такого же представителя, но он ко мне не явился, хотя я знал, что у Деникина был неофициальный представитель в Киеве, работавший как бы в подполье. Изменения к лучшему в этом отношении не произошло до конца Гетманства. Наоборот, как выяснится при дальнейшем изложении событий, дело приняло совершенно невозможный оборот. Насколько все это было полезно России, предоставляю решать самим читателям.

Один важный факт особенно свидетельствует о захватнической политике немцев. Дело в том, что на Украине остались неисчерпаемые резервы разного оружия, снарядов и военного имущества. Еще при Центральной Раде немцы под шумок начали вывозить его, пользуясь неразберихою, происходившей до Гетман-

ства. Когда я вступил в управление страной, мы обратили внимание на это имущество и, как я уже писал, для приведения этого имущества в порядок было назначено специальное главное управление с широкими, чуть ли не диктаторскими полномочиями. Немцам это не понравилось. Они придирались к главному уполномоченному:

— Почему это не военный человек, — говорили они, — мы хотим иметь дело только с военными людьми, и т.д.

В результате они доказывали, что все склады они отбивали у большевиков, когда вытесняли их с Украины, и поэтому все является их военной добычей. Конечно, это не выдерживало критики, по этому принципу им могла принадлежать вся Украина. Мы возражали по этому поводу в целом ряде комиссий. Наконец немцы постановили, что $3/5$ всего военного имущества принадлежит им и австрийцам, а $2/5$ — нам. Это они заявили безапелляционно, несмотря ни на какие наши доводы. Сила была за ними. Нам пришлось смириться. Я отправился к Греннеру, туда же ходил и Рогоза. В конечном итоге Греннер заявил, что если нам для наших формирований что-нибудь нужно, то все будет выдаваться и сверх $2/5$. Так это впоследствии и делалось. Этим оружием мы снабжали и Южную, и Добровольческую Армию, и свои офицерские хлеборобские организации. В конце концов немцами было вывезено мало.

С легкой руки майора Флейшмана, с первых же дней начавшего какую-то сложнейшую интригу, с австрийцами у меня установились чрезвычайно вежливые отношения при полном моем недоверии к ним, что вскоре и оправдалось. Ко мне начали поступать донесения агентов, что в Александровске австрийским полком, состоящим из украинцев, командует эрцгерцог Вильгельм, который при помощи окружающих его лиц, особенно какого-то полковника, ведет усиленную агитацию за провозглашение его Гетманом.

Из истории Украины мы знаем, что такой фарс — вещь довольно обыкновенная, но для этого надо было бы выбрать более подходящее время, а в данный момент это было неправдоподобно.

Однако через некоторое время, когда подобные сообщения участились, это вызвало у меня интерес: я послал проверить эту информацию, оказавшуюся верной... К эрцгерцогу Вильгельму стекались все элементы, недовольные новым режимом. Он выдавал себя за преданнейшего украинца, назывался Василько, говорил только по-украински, носил украинскую рубашку. Его эмиссары разъезжали по Украине. Уже были некоторые части, с которыми они завели сношения. В дивизии Натиева без ведома последнего

составилось совершенно определенное ядро приверженцев эрцгерцога. Подобные конспирации существовали и в больших городах. Я очень недоверчиво относился к сведениям, полученным агентурным путем, но тут из целого ряда сопоставлений и мелких фактов оказалось, что все было верно. Немцы не были в курсе дела. Официальное австрийское командование и граф Форгач говорили, что они ничего не знают и не сочувствуют этому. В дальнейшем же выяснилось, что все это поддерживалось и субсидировалось австрийским двором и католическими кругами. Я решительно попросил Греннера и Мумма прийти мне на помощь.

Через некоторое время эрцгерцога убрали. Потом он перешел через Липинского, нашего представителя в Вене, о своем желании приехать ко мне объяснить. Я попросил его не беспокоиться, находя, что его приезд может лишь раздуть это дело.

Главная беда с австрийцами состояла в том, что на словах мы с ними определенно договаривались об одном, а на деле выходило совсем другое. Здесь в большой степени было виновато состояние их армии, отличавшейся самыми грабительскими наклонностями. У немцев этого не было.

В июне в Киев приехал главнокомандующий австрийской армией. Он побывал у меня, и я ему немедленно отдал официальный визит и больше его не видел.

Некоторое время спустя приехал генерал, в ведении которого был район Одессы; там отношения с нашими властями никак не налаживались. Создавалось впечатление, что немцы действительно хотели порядка, а австрийцам он был нежелателен. Назначенный еще при Центральной Раде генерал-губернатором юга Украины бывший ее деятель был смещен с должности не помню уже по какой причине. Совет Министров решил, и я подтвердил, что место генерал-губернатора не будет замещено, но при австрийском командовании будет назначен представитель Совета Министров.

После долгих поисков остановились на Гербеле. Он согласился, но некоторое время спустя попросил, чтобы ему увеличили полномочия. Совет Министров почти что согласился с этим. Однако прежде чем вопрос этот был решен положительно, генерал Греннер, узнав из разговора с одним из министров об этом, воспротивился такому решению, считая наделение Гербеля, члена австрийского Оберкоммандо, такими правами опасным. Это довольно интересно в том смысле доверия, которое было у немцев по отношению к австрийцам.

Гербелю не дали прав, которые он просил, и через некоторое время он ушел. На его место был приглашен генерал Раух, недав-

но приехавший из Совдепии, где ему долго пришлось сидеть у большевиков. Моим представителем при главнокомандующем австрийскими силами на Украине был генерал Семенов, мой товарищ по Пажескому корпусу. Он давал нам совершенно определенные сведения о состоянии армии и о том нарастающем неудовольствии и постепенном развале, которые чувствовались на Украине чуть ли не с первых дней прихода австрийцев. Лучше других частей были венгерские, но и они вели себя невыносимо по отношению к местным жителям. Польза от них сводилась на нет из-за громадного вреда, приносимого ими делу умиротворения в занятой ими стране.

Строгости в австрийской армии было больше, чем в немецкой, но порядка было меньше, да, очевидно, и начальство было не на высоте из-за спекулятивных тенденций. Они позволяли себе совершенно недопустимые действия. Я помню, например, что возник вопрос, на каком основании австрийский генерал дал в Одессе как-то компании, наполовину армянской, наполовину еврейской, право рыбной ловли да еще при помощи траления, запрещенного законом. Подобные превышения власти встречались на каждом шагу. Это было невыносимо.

Граф Форгач считался у австрийцев одним из лучших дипломатов, недаром его прислали на Украину. Чрезвычайно мягкий в обращении, но одновременно с этим решительный и немилосердный, он действительно хорошо знал свое дело. Он сам мне рассказывал, что в Сербии его ненавидели так, что всех собак в Белграде называли «форгачами». Когда он гулял, то дети так звали собак на улице, но, как он говорил, это на него нисколько не действовало. У меня с ним были чрезвычайно осторожные отношения. Думаю, что в деле эрцгерцога Василько он действительно не принимал никакого участия. Россию он ненавидел; это было видно по всему. К Украине относился с интересом потому, что она могла войти в орбиту постоянного влияния Австрии, а при известных счастливых для Австрии обстоятельствах она могла быть включена четвертою державою в состав Австрийской империи. Теперь это кажется диким, но эта мысль кое у кого была. У Форгача были постоянные сношения с нашими украинскими шовинистами; всякое назначение на службу в правительстве, не согласное с их желаниями, всякий шаг правительственного лица, в котором чувствовалось подозрение, что это лицо не крайний шовинист, немедленно становились ему известными, и он обычно косвенным путем, чрезвычайно мягко, но настойчиво, доводил эти факты до моего сведения. Его планы были обширны, но они не осуществлялись, и уже в первых числах сентября он исчез, передав посольство

князю Фюрстенбергу. Это тоже доказывает его ловкость, что он вовремя убрался и не попал в глупое положение, в котором оказался князь Фюрстенберг — посланник правительства, которое больше не существовало.

По отношению к большевикам мы не вели никакой политики. Единственным соглашением, заключенным с ними, была отправка державных поездов в Москву и в Петроград. Эти поезда являлись истинным благодеянием для несчастных, которых мы оттуда вывозили. А нам это давало возможность получать из Совдепии людей, которые нам действительно были необходимы для правительственного аппарата. Таким образом на Украину приехали ученые, специалисты по различным вопросам, крупные фабриканты, банковские деятели, люди искусства.

Второе соглашение касалось наших консулов в Совдепии. Они принесли много пользы украинцам, проживавшим там, охраняя их от большевистских мерзостей.

При своем наступлении немцы не дошли до предполагавшейся границы Украины с Совдепией и провели демаркационную линию несколько ближе. Нужно было видеть горе, которое испытывали люди, приезжавшие ко мне, когда узнавали, что севернее демаркационной линии мы фактически не в состоянии управлять страной. Сколько слез и отчаяния вызывало это известие. Это были не помещики, даже не мелкие собственники, знавшие, что все их добро будет сожжено, и умолявшие помочь спасти их жен и детей, а простые люди. Я тоже был в отчаянии, но немцы ни за что не соглашались идти в наступление и со своей точки зрения были правы, так как и без того фронт был растянут и разбросан.

Немцы вели удивительную политику: на севере они были в самом тесном контакте с большевистским правительством, у нас они противобоедействовали всяким большевистским начинаниям и разделялись с большевиками без всякого милосердия. В то время в немецких частях никаких признаков разложения не было. Киевское Oberkommando не одобряло политики центрального правительства, и Греннер постоянно в своих докладах указывал, что Германии пора идти на разрыв с большевиками на севере, но берлинские дипломаты были совершенно другого мнения.

Большевики встретили мое появление на Украине с негодованием. Большевистская пресса Бог знает что писала про меня. Особенно она изощрялась, когда нам пришлось принять меры против них. Помню, как мы смеялись, когда, бросив терзать меня, пресса этих негодяев принялась за окружающих меня людей, и когда по-

явился в какой-то газете портрет Ханенко, самого безобидного и незлобивого человека, с надписью: «Малюта Скуратов Скоропадского». Тут же сообщалось, что в застенках Ханенко погибли тысячи «наших братьев», тогда как Ханенко кроме хозяйственных распоряжений по дому фактически ничем другим не занимался. Такое отношение ко мне мне было безразлично, но чрезвычайно тяжело было то, что жена и дети находились в Петрограде. Сведений о них я не имел никаких, и о том, что я жив и здоров, они узнали только из газет, когда на следующий день после Киевского переворота моя грамота была перепечатана в газетах Петрограда и Москвы.

Наконец в конце мая вернулся поручик Крига, посланный мною еще в марте, и привез сведения, что все у меня в доме благополучно. Я был бесконечно счастлив и решил немедленно каким-нибудь образом перевести всю свою семью в Киев. Но как это сделать, не обратив внимания большевиков и тем самым не подвергнуть ее преследованиям, для меня было абсолютно неясно. Были всякие варианты, но ничего не выходило. К немцам я не обращался, думая, что они мне в таком важном для меня деле помочь не смогут, особенно ввиду той ненависти, какую я вызываю там, судя по совдеповской прессе.

Но оказалось, что в то время немцы были всемогущи. Фон Мумм, к которому я обратился, телеграфировал графу Мирбаху⁴⁵, и несколько дней спустя я имел возможность не только послать человека в Петроград, но и послать целый поезд, который благополучно вывез из Петрограда, кроме моей жены, и других беженцев, и в 48 часов по дореволюционному расписанию 19 июня старого стиля благополучно доставил всех в Киев без всяких происшествий. Конечно, я с грустью должен был признать, что не я и мое правительство сумели так подействовать на большевиков, а немецкое.

Моя семья поселилась у меня в доме. Дом представлял столько неудобств для житья: даже при самых скромных желаниях ни семье, ни прислуге нельзя было как-нибудь мало-мальски сносно устроиться. Вообще моя жизнь с семьей во время Гетманства мне часто напоминала *le luxe et la misère*⁴⁶. С одной стороны, большие обеды и завтраки с большим количеством лиц, которых приходилось приглашать по той или другой причине, имеющей отношение к службе или политике, с другой, вынужденное размещение детей в ванной комнате, так как другого помещения не было... Несмотря на эти неудобства, это жилье, наша жизнь, особенно

еда стоили страшно дорого казне, которая по постановлению Совета Министров платила за все. Всякие изменения в моем быте повлекли бы за собой увеличение расходов, что стесняло меня. Мне говорили, что в этом доме, приспособленном лишь для жизни генерал-губернатора дореформенного времени, абсолютно нельзя было разместить всех жильцов, таких как части конвоя, ординарцев и некоторых других должностных лиц, которые по роду своей службы должны были жить в доме. Кроме того было необходимо — и я этого очень хотел — разместить Совет Министров и свою личную канцелярию. Для этого мне всегда указывали на необходимость переезда во дворец, который я временно отвел для размещения там министерства внутренних дел. Я этого не хотел, особенно в начале. Мне не хотелось уподобляться Керенскому, который, несмотря на многоречивые демократические уверения, начал с того, что разместился в Зимнем Дворце, где его конвоирам было душно, особенно осенью.

Когда встал вопрос о пристройке, расчет показал, что это будет стоить казне несколько сот тысяч и в результате все равно окажется плохо. Тогда я предложил Совету Министров обсудить вопрос о моем переезде во дворец или же ассигновать деньги на перестройку моего дома, причем просил это дело решить без моего участия, совершенно не считаясь с моими удобствами. Совет решил, что в данное время при такой перегруженности работой министерства внутренних дел всякий переезд серьезно нарушит функционирование этого учреждения. Поэтому было решено, что в доме, в котором я находился, будет произведена перестройка.

Жизнь в этом доме оставила у моей жены и у меня самые грустные и тяжелые воспоминания. В этом виновата не только та удушливая атмосфера, в которой я жил и которая невольно коснулась и моей семьи, но и работа, которая положительно меня изнуряла, а также тяжелая утрата моего сына, Павла, которую мы там понесли. Во время этого тяжелого периода моей жизни было большим утешением получать некоторые трогательные выражения сочувствия от разных лиц.

30-го июля нового стиля, окончив завтрак, мы с генералом Раухом хотели пройтись по саду, примыкающему к моему дому. Не сделав и нескольких шагов, мы услышали сильный взрыв не вдалеке от дома. По звуку я понял, что взрыв произошел от сильной ручной гранаты. Были посланы ординарцы, вернувшиеся с сообщением, что вблизи нашего дома брошена бомба в фельдмаршала Эйхгорна, возвращавшегося к себе после завтрака, и что он

теперь лежит на мостовой, видимо, тяжело раненный. Я и мой адъютант побежали туда. Там мы застали действительно тяжелую картину: фельдмаршала перевязывали и укладывали на носилки, рядом с ним на других носилках лежал его адъютант Дресслер с оторванными ногами, и не было сомнения, что он умирал. Я подошел к фельдмаршалу, он узнал меня. Я пожал ему руку, мне было чрезвычайно жаль этого почтенного старика. Он был умный, дальновидный и сердечный человек. В том трудном положении, в котором я находился, он несмотря на то, что был как бы не у дел, так как всеми вопросами ведал генерал Греннер, умел умиротворять все страсти. Это был безусловно честный, неподкупный человек. Он явился на Украину с армией и, в сущности, мог сильно увеличить требования, которые немцы предъявляли нам. Многие на его месте сделали бы это, так как мы были совершенно бессильны, особо в первое время. В нем же, наоборот, я находил всегда полное сочувствие и содействие во всех вопросах, когда он видел, что действия некоторых лиц или частей шли в ущерб нам и не вызывались никакими другими соображениями, кроме желания сорвать. Он этому противился. Помню, что за несколько дней до его смерти я запросто пришел к нему. Он сам сварил кофе, и в разговоре я указал на целый ряд беззаконий, которые позволял себе кое-кто из его многочисленных подчиненных. Возмущившись, он обещал принять меры для пресечения подобных действий. Я чувствовал, что его уход может лишь осложнить и без того тяжелое положение на Украине.

Вообще я уже указывал, что до прихода немцев я их не знал. Совершая время от времени путешествия по Германии в качестве туриста, я не мог назвать это знакомством. Поэтому, войдя с ними в контакт, я питал к ним чрезвычайно сложные чувства: с одной стороны, мне было чрезвычайно тяжело видеть их фактическими хозяевами Украины, с другой стороны, я сознавал, что в конкретный момент они могли нам помочь. Имея с ними постоянный контакт по роду своей деятельности, я их разделял на три класса.

Прежде всего это военный класс, он пришел к нам безусловно честным. Высшее командование ни в какие спекуляции не пускалось, не сочувствовало им. В политическом отношении все: Эйхгорн, Греннер и ближайшие их помощники — все они требовали соблюдения Брест-Литовского договора и все новые требования считали излишними. Они смотрели на Украину доброжелательно и не хотели ее экономического краха. Наоборот, они всегда приходили на помощь во все затруднительные моменты. По своим убеждениям они были демократы, особенно Греннер. Наши разго-

воры с ним касались аграрной реформы, на которую он смотрел разумно и был против всяких демагогических приемов, желая действительного проведения в жизнь этой реформы с наименьшими потрясениями. Им было очень трудно разбираться в этом вопросе, хотя они добросовестно изучали всю литературу об Украине, изготовленную главным образом во Львове: они часто видели, что в реальности получается совершенно не то, что написано в этих книгах. Так, например, в вопросе назначения министров в украинское министерство: благодаря постоянному паломничеству украинских партий и личному сочувствию Украине среди представителей военного класса, которое проявлялось в разговоре со мной, им казалось желательным назначение на посты министров украинцев. Я говорил им, что и сам хочу этого, и в доказательство указывал, что после переворота я уже приглашал многих украинцев, но они отказались. Я просил этих представителей указать конкретных кандидатов, так как при всем моем желании я не видел таковых. Ведь недостаточно быть украинцем и желать блага Украине: нужно иметь еще некоторые другие данные для того, чтобы стать министром. Если уже и при этом составе, который у нас есть, мы часто ошибаемся, даже имея людей с государственным опытом — по своему служебному положению и/или по участию в общественных делах, — то что же будет, когда в моем министерстве будут люди, единственным достоинством которых является то, что они украинцы. Немцы соглашались и более до поры до времени к этому вопросу не возвращались. Второстепенные же начальники ни в какую политику не вдавались, но исполняли свой долг и были честны. Так продолжалось до осени. К сожалению, после немецкой революции все изменилось, и их пресловутая исполнительность и честность подверглась сильнейшим потрясениям. Было просто невероятно, как быстро пошло разложение их армии, коснувшееся не только солдат, но и офицеров. Особенно это затронуло нестроевых должностных лиц. Таков был первый класс.

Затем шли дипломаты. Как все дипломаты, они приспособлялись: они согласовывали свою политику с министерством иностранных дел, с императором и его окружением, а затем с рейхстагом и, наконец, с социалистами. Их политика менялась соответственно и была нерешительной. Однако с фон Муммом можно было очень хорошо работать. Сам по себе это был добрый человек, но очень уставший от жизни, очень честолюбивый, подверженный лести, старый холостяк с большой дозой сентиментализма. Он понимал, что создать Украину украинскими силами нельзя. Никакого украинского шовинизма он не поддерживал. Он

делал le strict nécessaire⁴⁷ из того, что требовало в этом отношении его министерство. Его заместитель граф Бергхейм, более острый человек, очень образованный и умный, но то, что называется menfichiste⁴⁸, в последнее время играл большую роль. По отношению ко мне он остался до конца честным и порядочным человеком. Главным невидимым воротилой всего дела у дипломатов был генеральный консул Тиль, бывший консул в Японии в течение 25 лет, который совершенно не знал Украины, но, благодаря своему уму и умению разбираться в сложных вопросах, довольно быстро к нам приспособившийся. То, что его упрекали чуть ли не в большевизме, это сплошной вздор. Все эти господа несомненно явились на Украину с широчайшими планами, недаром их сопровождали выдающиеся специалисты по финансам, промышленности и торговле: создавались всякие проекты открытия банков; представители различных фирм рыскали по Украине; в Германии образовывались различные общества для эксплуатации наших богатств; производилось давление на министров в вопросах предоставления железнодорожных концессий и т.п. Из таких крупных дельцов, как Мельхиор, я хорошо знал Витфельда. Он два раза посетил меня, и я поражаюсь его хорошей осведомленности в наших делах. Не случайно этот человек был вызван с Украины и назначен одним из директоров Круппа. Но вся подготовительная работа дипломатов так и осталась в области проектов. Уже с июля чувствовался перелом в военных успехах немцев, и все их мечты об экономическом захвате Украины отошли на задний план. Свою вывозную торговлю с Украиной на первых порах они организовали очень плохо. Почему так случилось, я не берусь теперь подробно объяснять. Насколько я помню, они создали в Берлине общество Ausfuhr Gesellschaft⁴⁹, которое, вероятно, состояло из господ не особенно умных, но обладающих колоссальными аппетитами. Насколько известно, это общество навезло так много различных товаров, цены на которые были баснословны даже по нынешним временам. Например, совершенно простой плуг стоил 300 рублей. Когда никто не стал у них покупать, они очень удивились. Мумм надеялся, что это начало крупного товарообмена и торжественно пригласил наших министров поехать с ним на станцию осмотреть только что прибывший поезд с образцами.

Наряду с этими крупными фирмами и дельцами из Германии понаехала масса всякой сволочи, просто каких-то голодных шакалов, которые наносили громадный вред нам и Германии, хотя это меня уже не касалось. К этим людям примазывались и наши многочисленные деятели того же рода. Получалась какая-то ко-

лоссальная спекулятивная каша, причем немецкие шакалы действовали с невероятной наглостью, злоупотребляя на каждом шагу выражениями как то: «наше правительство этого требует» и т.д. Наши спекулянты пристроились к ним, надеясь, что благодаря нахальству их немецких коллег их спекуляция будет еще удачнее. Несколько таких типов я вывел на чистую воду. Так как одно время они стали являться ко мне, я сговорился с Оберкоммандо, что без ведома немецкого начальства я никого не буду принимать. К чести немецкого высшего командования и дипломатов надо сказать: они не поддерживали этих господ, но, к сожалению, сами немцы были бессильны что-либо с ними сделать, так же как и я, несмотря на все принимаемые мною меры. Таков был класс дипломатов.

Был еще класс ученых, различных исследователей по специальным вопросам и журналистов. Что касается ученых, то я, воспитанный в глубоком уважении к немецкой науке, при более близком знакомстве с ними несколько в них разочаровался. Мне казалось, что раз они считают себя людьми науки, то можно было бы ожидать от них большей вдумчивости и правильной оценки фактов. На самом же деле ничего подобного не было. Была лишь одна погоня за дешевыми лаврами, демагогические приемы, теория и громадное самомнение. Я далек от желания это обобщать, но у большинства это было так. Мне попадались статьи и рефераты некоторых из этих профессоров, и я могу с уверенностью сказать, что ни одна статья не была написана объективно. Наоборот, все писалось предвзято и при полном игнорировании действительности. Если когда-нибудь мои воспоминания будут изданы, эти профессора увидят, насколько их интерпретация отличалась от действительного положения дел.

/.../50

Сам Кистяковский не был правым, но легко поддавался влиянию других, когда видел, что ему аплодируют. Очевидно, он был орудием в чужих руках, иначе я себе не могу объяснить легкомыслие, проявлявшееся у него на каждом шагу. Сначала он энергично взялся за создание — и действительно создал — на местах вооруженных сил. Но это было не так легко. Нужно было подобрать начальников, провести ряд людей по штату, добиться вооружения и обмундирования. На территории всей Украины было около ста сотен полицейской варты, приносящих большую пользу. Состав людей оставлял желать, конечно, много лучшего, так как среди них было много такого элемента, который, я думаю,

мало чем отличался от большевиков: ведь приходилось брать в большинстве случаев тех же людей, которые при Центральной Раде служили в так называемых комендантских сотнях. Но все же постепенно мы подбирали нужных лиц и нежелательных элементов изгоняли, чем многого достигли. Не нужно забывать, что фактически в деревнях это была наша единственная сила. Мне это нравилось и я думал, что Кистяковский одновременно с этим начнет проведение в жизнь других мер, уже не полицейского характера. Закон о выборах в земские и городские управления прошел. Я думаю, что по состоянию наших культурных сил левее идти было нельзя, по крайней мере, опыт последних двух лет показал, что представляют наши земства и городские думы при всеобщем избирательном законе. Верно, что Кистяковский управлял страной, так сказать, в междуцарствие, когда старые революционные земства уже отбыли свое и показали свою полнейшую нежизнеспособность, а новые выборы еще не прошли. Когда страна смогла бы зажечь нормальной жизнью, когда земства и думы заработали бы, а это, по условиям техники выборов, нельзя было провести в жизнь ранее ноября. Но все же своими действиями, полицейским вмешательством для наведения порядка Кистяковский принес много вреда, но если бы он исполнил свои обещания, то есть, создав полицию, одновременно уговорил бы партии вести широкую пропаганду наших идей в своей среде и привлек бы их к работе, он бы смягчил сгушавшееся недовольство. Для министра эта задача была чрезвычайно трудная и рассчитывать на то, чтобы страна могла успокоиться, когда рядом в Великороссии бушует крайний большевизм, у нас на Украине, население которой связано тысячами нитей, было невозможно. Но это настроение и недовольство можно было смягчить при известной творческой работе. Помню, как однажды Петр Яковлевич Дорошенко прочел мне письмо от Рачинского, очень образованного человека, бывшего товарища министра народного просвещения. Он писал ему, между прочим, говоря о политическом положении страны: «Скоропадский слишком рано произвел переворот, так как все народонаселение еще жаждет большевизма. Только тогда, когда оно лично испытает на себе все прелести его практического применения, только тогда можно было бы рассчитывать на успех». Я тогда подумал, может быть, Рачинский и прав, но дожидаться полного разорения всего ради создания чего-то нового, это уж больно пессимистическая теория. Даже если все представить естественному течению, то и после большевизма еще не наступит время обеспечить порядок, так как власть перейдет ко всяким другим социалистическим партиям. Благодаря своей теоретической так-

тике и связи со всякими разрушительными элементами, они мало чем отличались от большевиков. Страна при их режиме воскреснуть не могла бы. Социалистические партии у нас были необходимы для сокращения аппетитов правых партий. Но когда они возглавляли правительство, то были бездарны и вредны.

Неудивительно, что я и правительство допустили на Украине много ошибок при почти катастрофических условиях и стихийных бедствиях: большевизм в России, взрывы, забастовки, внезапное бегство и грабеж австрийцев, быстрое разложение немцев, прекращение дипломатических связей с другими государствами, требование немцев выполнения условий мирного соглашения Рады с Антантой по продаже хлеба, отсутствие людей и сил, на которые можно было бы опереться, и т.д. Украина была государством со всеми правильно функционирующими учреждениями, с определенным планом действий, с финансовым бюджетом, с определенной программой создания армии, формирование которой должно было начаться к весне, с восстанавливающейся промышленностью, с определенными международными отношениями. Мы должны были уйти. К власти пришла Директория; просуществовала три недели и тоже должна была уйти. Но за эти три недели всякая государственность Украины была разрушена в корне. Большевики уже застали *tabula rasa*. Действия Директории ничем не отличались от действий большевиков: та же конфискация имущества, ювелирных магазинов, то же бесправие граждан, то же неуважение к людям науки, те же легкомысленные неисполнимые обещания народу отдать землю и т.д., а ведь если взять всех этих петлюр и винниченко в отдельности, то и они совсем не такие уж левые. Помню разговор с зашедшим ко мне Винниченко о его социальных теориях, которые мало отличались, может, от моих, а я далеко не крайний левый. Но раз они тянут за собой целую партию или скорее партия тянет их, то, чтобы удержаться у власти, они естественно должны скатываться все левее и левее, пока не доберутся до полнейшего абсурда. К тому же у них наблюдалась полнейшая переоценка своих сил. Мы шли постепенно, ощупью, они же ни в чем не сомневались, не советовались ни с кем и рубили сплеча: выйдет не выйдет, все равно. К нашим украинским деятелям социалистических партий примешивался еще национальный шовинизм — ужасное явление, признающее самое дерзкое насилие над личностью. Для них было неважно, что среди народа националистическое движение существует, хотя пока и в слабой степени. Им безразлично, что наш украинец будет всегда украинцем русским в отличие от украинцев галицийских. В один день они всех перекрещивают в украинцев, нисколько не заботясь

о духовной стороне индивидуумов, над которыми производят опыты. Например, с воцарением Директории, кажется, через три дня вышел приказ об уничтожении в Киеве всех русских вывесок и замене их украинскими. Это был вздор, но это было типичным насилием над населением, где настоящих украинцев максимум было 20%. В результате, вместо привлечения к Украине неукраинских масс, они насаждали ненависть даже среди людей, которые были дотоле скорее приверженцами [создания Украины] и считали [эту идею] действительно справедливой и имеющей жизненные основания. В оправдание украинцев я должен сказать, что в их шовинизме очень виноваты русские. Их мрачная нетерпимость и злоба даже ко всякому невинному проявлению украинства, их втоптывание в грязь всего, что дорого каждому украинцу, вызвали противодействие. Казалось бы, культурные классы должны были бы от этого отказаться, но на самом деле этого не было, наоборот, эти культурные классы и являлись самыми нетерпимыми по отношению ко всему украинскому. Поляки в этом отношении вели себя значительно ловчее: они украинцев ненавидели (поляки — естественные враги украинцев), но они значительно разумнее вели свою политику, и этой бессмысленной нетерпимости у них не было или, по крайней мере, они скрывали ее. Лично я уважаю поляков. Мне приходилось иметь с ними дело, и я думаю, если бы не их ловко скрываемые в душе великодержавные претензии на некоторые губернии правобережной Украины, как на лакомый кусочек, который при счастливых условиях мог бы достаться Польше, с культурной стороны они были бы полезны Украине. Украинцы же исторически ненавидят поляков. Эта ненависть питается теперь еще сознанием, что все крупные землевладельцы на правобережной Украине — поляки, и в этом отношении земля находится в цепких руках. А в губерниях, где пахотной землей владеют русские, ее площадь быстро тает: например, в Кролевецком уезде Черниговской губернии всего в руках русских помещиков осталось лишь 1,5% общей площади пахотной земли, находящейся в обработке. На правобережной Украине, где земля в руках поляков, почти что нет уменьшения польского помещичьего землевладения: например, в Сквирском уезде Киевской губернии до сих пор до 50% этой пахотной земли находится в обработке польских помещиков. Конечно, при таких условиях рассчитывать на то, что украинский народ останется к полякам, по крайней мере, равнодушным, трудно.

/.../³¹

Неопределенное положение с флотом усугублялось еще неизвестным будущим Крыма и Севастополя: отойдут ли они к Украине или, по крайней мере, в сферу ее влияния. Без разрешения этого вопроса нельзя было окончательно решить, какого рода нам нужен флот. Что касается Крыма, как я уже говорил, в Брест-Литовском договоре о нем не упоминалось: его положение было самое неопределенное. Там хозяйничали немцы, чего они хотели достигнуть, нам было неизвестно. Турки же вели пропаганду среди татар. Несмотря на то, что Крым не принадлежал Украине, она несла целый ряд расходов и по эксплуатации железных дорог Крыма, и по содержанию его почт и телеграфа, и даже конских депо. Там было какое-то правительство, деятельность которого не ощущалась. Наше министерство иностранных дел повело на свой страх и риск довольно наивную украинскую агитацию: какие-то молодые люди в украинских костюмах в Ялте и в окрестных городках убеждали публику сделаться украинцами. Это не имело, конечно, успеха, но никому и не вредило.

Так продолжалось до конца июня, когда в один прекрасный день ко мне зашел Федор Андреевич Лизогуб и заявил, что он получил телеграмму от генерала Сулькевича, объявившего себя главой правительства и дерзко настаивавшего, чтобы к его правительству обращались на русском языке, так как украинского языка он не понимает. Начало было плохое. Вся переписка и вообще все официальные сношения, как с немцами, австрийцами, так и со всеми другими государствами происходили на украинском языке. Нам же они отвечали на своем языке: так было принято. Официальным языком на Украине был украинский, и не генералу Сулькевичу было менять заведенный порядок.

Через некоторое время мы узнали, что новое Крымское правительство повело новую далеко не дружественную Украине политику и преследовало цель образования самостоятельного государства, причем все было пропитано каким-то антагонизмом. Я рассуждал так: во всяком случае при некоторых обстоятельствах немцы не прочь были утвердиться в Крыму. Турция с татарами тоже протягивала к Крыму руки. Украина же не могла жить, не владея Крымом: это было бы какое-то туловище без ног. Крым должен был принадлежать Украине, безразлично, на каких условиях: будет ли это обозначать полное слияние или широкую автономию. Последнее должно было зависеть от желания самих крымчаков, но нам надо было быть вполне застрахованными от враждебных действий со стороны Крыма. В экономическом отношении Крым фактически не мог существовать без нас. Далее я полагал, что если Украина войдет в состав России, то и автоном-

ный Крым также войдет в нее. Таким образом он не станет ни немецким, ни турецким, что в то время было вполне вероятным, так как самостоятельным он мог быть только для видимости и зависел бы либо от нас, либо от Германии. Я решительно настаивал перед немцами о передаче нам Крыма на каких угодно условиях, конечно, приняв во внимание все экономические, национальные и религиозные интересы крымчаков. Немцы колебались. Отношения с новым Крымским правительством обострились все больше и больше. Меня это сильно волновало, тем более, что, по крайней мере, часть крымчаков посылала ко мне целый ряд депутатий, искренне выражая желание самой тесной связи с Украиной и считая, что всякая другая комбинация губельна и для Крыма, и для нас.

Наконец дело дошло до того, что наш Совет Министров постановил прекратить сношения с этим новым правительством и до выяснения обоюдных отношений прервать экономические связи. Это была мера, может быть, и слишком решительная, но она все-таки доводила до Крымского правительства, что то направление, которое оно приняло, не может дать счастья Крыму.

В это же самое время, между прочим, я узнал от немцев, кажется, от офицера Оберкоммандо майора Гассе, что проездом в Берлин в Киев приехал граф Татишев²², один из наиболее видных министров нового Крымского правительства. Гассе сказал мне, что Татишев хотел бы видеть меня. Узнав о его желании, я прямо сказал Гассе, что очень рад его принять, полагая, что это приведет к улучшению обострившихся отношений. Но не желая принимать его официально, я просил графа приехать ко мне не под своей фамилией, а под фамилией «ну, скажем, Селивачева». Я сказал первую попавшуюся мне на язык фамилию. Я много принимал всякого народа, и фамилия Селивачев ничего не говорила ни уму, ни сердцу тех, кто в то время следил за мною. Таким образом Татишев прошел бы незамеченным. Действительно, в условленный час под фамилией Селивачева он явился ко мне в сопровождении германского офицера. Я сказал ему, что принимаю его как частное лицо, как графа Татищева, и хотел было перейти к дальнейшему разговору (хотя присутствие немецкого офицера меня стесняло), как граф Татишев принял официальный вид и настойчиво ответил, что он находится здесь как министр Крымского правительства, добавив к тому же, что он русский. Я вежливо его перебил, сказав, что в таком случае я не знаю, почему он хотел меня видеть, встал и простился с графом. Я никогда не мог понять, что хотел Татишев. Потом он говорил, что его ввели в заблуждение. Но тогда зачем же, приходя ко мне как официальное

лицо, он назвался Селивачевым. Станный способ официально являться и соглашаться именовать себя другим именем! Я полагал, что если бы граф Татищев пожелал говорить со мною просто, а не как министр Крымского правительства, многое можно было бы выяснить и избежать неприятного разговора для обеих сторон.

С генералом Черевячукиным мы так же просто переговорили, и сразу же между нами установились самые искренние и хорошие отношения. Эти отношения между Доном и Украиной не прекращались вплоть до моего ухода. Однако тот приезд Татищева навел меня на мысль, что едет он в Берлин неспроста и что необходимо для противодействия его начинаниям немедленно послать туда кого-нибудь и от нашего правительства, чтобы выяснить, чего будет добиваться Татищев, и решительно настаивать на том, что Украина без Крыма существовать не может.

Кстати, нужно было выяснить в Берлине и вопрос о флоте. Об этом я сообщил Лизогубу и решил, что он с Палтовым и с Кочубеем в качестве секретаря поедут в Берлин. По окончании официальных сношений по этому вопросу все трое выехали в Берлин 17 августа по новому стилю.

Эта поездка в Берлин дала хорошие результаты, и вопросы о Крыме и флоте, казалось, разрешились в нашу пользу. По первому вопросу немцы поддержали наши домогания. По второму — дело осложнялось. Как выяснилось через посланного нами представителя министерства финансов, немцы связывали вопрос о флоте с расчетом наших денежных обязательств по отношению к Германии. Сюда же немцы включали также и расчеты с Великобританией. Другими словами, все денежные обязательства Российской империи делились между Украиной и Соединенной империей, флот же принимался как имущество общероссийское, за которое Украине приходилось заплатить в пропорциональном размере большую сумму, кажется, 200 миллионов рублей. Несмотря на величину этой суммы, в разговорах с министром я считал, что флот составлял значительно большую стоимость по нынешним временам и заслуживал, чтобы мы выплатили эту сумму, раз другого способа завладеть флотом не было, тем более, что каждый день промедления способствовал его разграблению. Но министр финансов решительно высказался в Совете Министров против этого и тем самым спас громадную сумму, ответственность за потерю которой падала бы на меня и правительство. Я признаю свое ошибочное мнение и считаю, что я должен быть благодарен министру Ржевскому за то, что он предотвратил этот колоссальный расход.

Итак, поездка Лизогуба в Берлин принесла много пользы, но дело не было выяснено окончательно: флот все еще был в неопределенном положении, а с Крымом дело только налаживалось. Когда все это должно было окончательно решиться, было неизвестно. В Берлине Лизогуб и его спутники были очень хорошо приняты. Им никаких новых требований не предъявили, чего я особенно боялся, отпуская их туда.

К августу наша внешняя политика сделала большие успехи. Конечно, люди, принимавшие участие в этом, чувствовали, на каком зыбком песке строилось все наше здание. Они прекрасно понимали, что о каком-нибудь серьезном успехе можно будет говорить тогда, когда достигнутое будет признано державами Антанты, то есть в зависимости от окончания мировой войны и отношений, которые установятся между нами и представителями Антанты. Но все же тогда казалось, что все нами творимое создавалось для достижения порядка, а порядок этот и нашу предстоящую борьбу с большевиками могут приветствовать только Франция и ее союзники.

Ко мне приходили постоянно люди: одни не сочувствовали Украине, другие якобы сочувствовали слишком русофильскому кабинету, настаивали на проведении или тех или иных мер, часто разговор кончался высказыванием их предположений, что после войны Антанта не признает сделанного нами. На это я стереотипно отвечал: Антанте нужно иметь правительство, с которым она могла бы говорить, Антанту нужно убедить, что мы творили и достигли порядка, которого нет в остальной России, что наша политика не прогерманская, а наша собственная. Наконец Антанту нужно убедить, что мы можем представлять для нее коммерческие выгоды и уплатить наши долги. Всем этим требованиям мы отвечали, поэтому я ни минуты не сомневался, что Антанта признает дело, которое мы сделали, и оно не пропадет.

— Но вы и ваше правительство работаете с немцами!

— Трудно было бы работать с американцами или другими союзниками, когда страна занята немецкими и австрийскими войсками, когда я не имею никакой возможности не только с ними снестись лично, но и послать своего агента. По окончании войны придут союзники, мы так же будем работать и с союзниками, как до сих пор работали с немцами. Я не германофил и не антангист, я хочу блага своей стране, но я признаю, что в нашем печальном положении приходится идти на жертвы. Немцы, явившиеся со своими войсками, пришли сюда не просто так, и Антанта не пожелает нам помочь, если мы ей ничего не дадим. Это ясно.

Обыкновенно всякий приходивший ко мне всегда считал, что он знает все намерения Антанты до мельчайших подробностей и что Антанта, конечно, в этом отношении придерживается образа мыслей говорящего или его партии. Особенно в этом отношении были великолепны великороссы. Они не сомневались, что Антанта всецело, несмотря ни на какие затраты, поддерживает их точку зрения. Помещики всегда доказывали, что Антанта действительно против отчуждения, украинцы — что Антанта стоит за их крайнюю ориентацию. Все это было бы смешно, но вместе с тем страшно мешало делу, так как несомненно, что политика Антанты не представлялась мне такой ясной, и доводы этих господ только сбивали меня.

К августу Германия признала правительство Украины, так как ратификация мира, заключенного Радой, состоялась 24 июля 1918 года. Представители Германии и Австрии торжественно передали мне сообщения своих правительств о признании моего правительства на Украине. Турция и Болгария, Дон, Кубань, Грузия и Финляндия также признали Украину и прислали своих представителей. Несколько позже прислала своего посланника Польша. С некоторыми нейтральными государствами мы также обменялись представителями, хотя было очевидно, что в данном случае вопрос окончательного установления отношений зависел от окончания войны. Масса всевозможных агентов не только из центральных государств, но главным образом из нейтральных, ежедневно прибывали в Киев со всевозможными предложениями. Несмотря на мою любовь к простоте мне пришлось выработать небольшой церемониал для торжественного приема посланников. Такие приемы происходили обыкновенно в большой зале, где выставлялся караул в парадной форме, как и конвой. Со своей стороны, во все эти государства мы посылали свои миссии. В Берлин поехал барон Штейнгель⁵³, честнейший и благороднейший украинец с немецкой фамилией, но по-немецки не говоривший, что, конечно, являлось большим минусом для его деятельности. В Вену поехал Липинский, ширый украинец, но без той узости, которая отличает таких господ от остальных смертных. Мне он очень нравился. В Болгарию поехал Шульгин⁵⁴, человек, которого я очень уважаю, в высшей степени порядочный, служивший министром иностранных дел при Раде, но совершенно не принадлежавший ни по образованию, ни по духу к людям того правительства. В Турцию был послан Суковкин⁵⁵, о нем я ничего не могу сказать, ни хорошего, ни плохого. Это был выбор министра Дорошенко. Суковкина я не знал. В Швецию командировали генерала Бажанова, в Швейцарию — доктора Лукашевича: последнее назна-

чение было не из удачных. В Финляндию был назначен Лосский. Вообще наше дипломатическое представительство налаживалось: в Берлине был куплен для миссии прелестный дом, где Штейнгель за время своего пребывания в Берлине устроил несколько официальных приемов. Я останавливаюсь на всех этих мелочах, так как считаю, что после всего того развала, который у нас был в одной части, и самой крупной, Российской империи, заведились международные отношения уже на европейских основаниях. Внешнюю политику я вел вместе с Палтовым. Дорошенко специализировался на Галиции и дальше этого не шел. Кстати, с Галицией, еще тогда входившей в состав Австрийской империи, у нас были самые дружественные и братские отношения. Постоянные приезды всяких политических деятелей Галиции содействовали укреплению этих отношений, хотя, конечно, большинство из них были сторонниками Рады, так как им казалось, что Рада была более радикально украински настроена. Несомненно, многие из них рботали против меня.

Теперь, когда нашей Украины фактически нет, можно подвести итог, какое из правительств сделало больше для создания украинской государственности: Рада ли со своими многообещающими заявлениями или же мое правительство, которое считалось щирыми украинцами враждебным украинству. Пусть беспристрастно оценят, что ни до, ни после Гетманства Украина не подходила так близко к государственности и что с ней так не считались, как во время Гетманства, несмотря на то, что она была наводнена чужеземными войсками. В деле народного образования и искусства то, что главным образом воспитывает национальность, было сделано во сто крат больше без всякого дикого насилия, чем при Раде, а затем Директории. Одно создание двух университетов уже говорило само за себя. Но в ту пору народное образование стояло на втором плане, главным же было создание государственности, и самые ярые враги украинства должны были это признать. Казалось, мы являлись единственной здоровой частью бывшей России, и друг и недруг проникался к нам уважением. Если бы Гетманство выстояло, Антанта не могла бы нас не признать: слишком много было создано. Мы становились уже на собственные ноги, и стояли бы крепко, дотяни мы только до весны, когда бы у нас была готова армия. Великороссия, пойми она нашу работу, не могла бы относиться к нам враждебно: тот курс политики, принятый мною с первого дня управления страной, ясно доказывал, что, создавая Украину, я не боролся, а помогал Великороссии. Денежная и другая поддержка военным снаряжением, санитарным имуществом и т.д. всем, кто боролся за восста-

новление России; наш союз с Доном; готовящийся союз с Кубанью; переговоры с Грузией — все это ясно доказывало. Я глубоко убежден, что моя политика была правильна и в отношении Великобритании, и в отношении Украины. Только идя тем путем, которым я шел, можно было создать Украину, и тем же путем можно было во сто крат легче восстановить Россию. Я глубоко презираю всех тех русских, из которых одни с пеною у рта защищают Германию, другие — политику Антанты, забывая, кто они. Я не скрываю, что хочу лишь широко децентрализованной России; чтобы жила Украина и украинский народ; чтобы в теснейшем союзе отдельных областей и государств Украина занимала достойное место, и чтобы все эти области и государства сливались бы, как равные с равным, в одном могучем организме по имени Великая Россия. Что бы там ни было, но я не сомневаюсь, что в конце концов так и будет. Но это могло бы быть тогда или, по крайней мере, значительно скорее, нежели может быть достигнуто теперь при создавшихся условиях. А к этому дело шло у нас вполне ясно: уже намечалась та связь Украины с Доном, Кубанью и Грузией. Я имел уже несколько заседаний по этому поводу с представителями этих областей; выработывалась определенная программа работы и было предложено всем их представителям обратиться к своим правительствам за соответственными разрешениями, чтобы действовать в намеченном направлении. Для начала предполагалось образовать в Киеве совет из представителей заинтересованных правительств, чтобы решить все общие вопросы. Но мое последнее министерство, о котором я буду говорить позже, и особенно почтеннейший господин Афанасьев, министр иностранных дел, не поняли этого, и поэтому ничего не получилось.

В то время с поляками у нас был один вопрос о Холмщине и притом обоюдно неразрешимый. Они настаивали, чтобы этот край принадлежал всецело им; украинцы, наоборот, — чтобы Холмщина была украинской. Если смотреть на это с точки зрения этнографической, то, казалось бы, северную часть следовало бы уступить Польше, но зато вся средняя и южная часть, население которых составляли украинцы, должны были бы перейти к нам. Поляки хотели, чтобы граница прошла по Бугу. Я решительно высказался против этого. Австрия из-за своей внутренней политики в последнее время была вынуждена поддерживать поляков в этом вопросе. Граф Форгач настаивал на польской точке зрения, но я не шел навстречу его домоганиям. Вообще, уже начиная с вопроса о Kronland⁵⁶, который предполагалось создать из Галиции, но не созданный при министерстве Бурьяна, о чем мне

было сообщено, как о *fait accompli*⁵⁷, я понял, что с Форгачем лучше ни в какие сношения не входить: он был явно против Украины.

/.../

Одной из основных ошибок немцев было их самое настоятельное и категоричное требование введения у нас хлебной монополии для выполнения договора о вывозе 60 миллионов пудов хлеба. Я не могу сказать, кто здесь являлся главным виновником: генерал ли Греннер, посол ли Мумм или кто-либо другой. Я лично неоднократно доказывал им, что эту меру постигнет печальная участь. Немцы настаивали на своем в течение всего лета. Монополия была введена, но ни одного лишнего пуда зерна немцы не получили. Они страшно возбудили против себя селянство и весь помещичий класс; австрийцы же под шумок покупали хлеб из-под полы, что внесло еще большую неразбериху. Министр Гербель, сменивший безвольного Соколовского, был особенно против монополии. Он неоднократно убеждал в этом немцев и перетянул на свою сторону весь Совет Министров за исключением Гутника. Чем Гутник при этом руководствовался, я не знаю. Немецкая хлебная политика, так же как и торговая, даже с их точки зрения была неудачна, но упрямство, проявляемое в деле хлебной монополии, окончательно подорвало их престиж в глазах многих. Я на них за эту монополию был страшно зол, так как враги нашего режима ловко использовали ее против нас.

Ничто так не раздражало селянство, как запрет свободной продажи хлеба. Гербель полагал, что при свободной продаже хлеб мог бы беспрепятственно притекать и в общем не вздорожать. За отмену монополии с ослаблением немецкого влияния ухватились, но было уже поздно: восстание уже началось, и немцам было уже безразлично, так как они не могли больше требовать хлеба.

По возвращении из Германии все эти вопросы: и земельный, и промышленный, и эта проклятая монополия занимали все мое время. Однако в течение сентября и октября я думал, что дело действительно пойдет на лад.

24 октября я праздновал 6 месяцев установления Гетманства и был в радужном настроении. Казалось, все складывалось хорошо. Я устроил ужин, на который были приглашены все участники апрельского переворота. После ужина мы сфотографировались. Потом я долго разглядывал ту фотографию: кто только не участвовал в перевороте; это были люди самых различных полити-

ческих партий, самых разнообразных профессий и социального положения.

Во внешнеполитическом плане дела Украины шли отлично. Мы готовили миссии в нейтральные страны, и если можно было, то и в страны Антанты, чтобы указать им на нашу деятельность и работу. В то время я действительно верил в освобождение России с помощью Антанты и Украины. Мы представляли из себя уже, несмотря ни на какие идущие на убыль внутренние раздоры, вполне самостоятельное государство с налаживающимся правительственным аппаратом. Наши друзья и наши враги учитывали роль, которую играла Украина в международных отношениях. Несомненно, что в новейшей истории после поражения Германии и начала революции крушение Гетманства являлось событием, которое, с одной стороны, убило на многие годы, если не навсегда, Украину, но с другой стороны, на долгое время уничтожило надежду на спасение России от большевистского ига у самых больших оптимистов. Я бы очень теперь хотел видеть тех русских патриотов, с таким остервенением терзавших тогда мое имя на всех перекрестках за идею Украины, которую я проповедовал, а сейчас вымаливающих крохи всяких подачек от иностранцев. Украина всегда раскрывала двери всем несчастным, давала миллионные денежные субсидии и Южной, и Астраханской, и Северной армиям, и Дону, и всем тем, кто хотел помочь в борьбе с большевизмом. Когда Украина была накануне выступления, и уже формировалась своя армия из великорусских элементов для этой борьбы, все эти жалкие люди, погубившие большое дело, забыли, что они — русские и трепетали перед Антантой, а до этого за несколько месяцев большинство из них раболепствовало перед немцами. Я хотел, чтобы мы сами спаслись, пользуясь иностранной помощью постольку, поскольку это было бы нам выгодно. Но никогда я не отождествлял наши интересы с интересами немцев. А они, эти люди, всецело восприняли точку зрения Антанты. Я понимаю, что их, представителей гордых наций победителей, теперь презирают. Я их тоже презираю. И почему это у русских сложилось мнение, что кто-то должен их спасти? На чем это все было основано? Но нужно было видеть, как они были в этом убеждены, сколько копий они из-за этого ломали. Теперь я их не видел, интересно было бы знать их мнение. Наверно, нашли других спасителей! Что касается украинцев, поднявших народ всякими демагогическими приемами, их психологию я понимаю. Вождам украинского движения я не мог уступить места: они были слишком

левые. Их неудовлетворенное самолюбие с одной стороны, а с другой — злоба на немцев, наводивших порядок; хлебная монополия; невозможность быстрого разрешения земельного вопроса; северный большевизм, манивший деморализованные толпы своею проповедью грабежа и насилия; бегство австрийцев; возвращение из плена сотен тысяч всякого озлобленного бесшабашного люда из Австрии и вздорожание предметов первой необходимости — все это послужило благоприятной почвой для всяких восстаний.

Я понимаю, что наши украинские демагоги воспользовались всем этим, но они же, свергнув Гетманство, уничтожили и Украину, как уже определившуюся единицу. Теперь украинцам придется начинать все сначала. Я глубоко убежден, что северный большевизм к нам бы не проник, если бы весь государственный аппарат был един и украинские партии не приняли бы участия в восстании. Обоюдными усилиями всех формирований, имевшихся в нашем распоряжении, можно было бы не отдать Украину на большевистскую погибель. Но ни руководящие русские круги этого не поняли, ни украинцы не могли, хотя бы временно, отказаться от своих мелких честолюбивых расчетов ради большого дела.

В сентябре и октябре я был превосходно осведомлен, что делалось в левых украинских партиях. В большинстве своем народ оставался совершенно спокоен и, несмотря на полное отсутствие стремления укрепить гетманскую власть в Совете Министров, власть эта все же укрепилась в сознании народа. У меня был небольшой, но прекрасно функционирующий аппарат, дававший мне вполне точные сведения о недовольстве низов некоторыми единичными местными органами управления, но в общем ни озлобления, ни возмущения не было. Лично я становился у них популярным. Все это достигалось порядком, начинавшим проникать и в деревню. Все бесчинства, как со стороны деморализованной сельской массы, так и со стороны карательных отрядов, действовавших сначала на свой страх и риск, постепенно прекращались.

В середине сентября состоялось открытие Украинского университета. В то время была раскрыта масса заговоров, целью одного из них было покушение на меня. В день открытия университета я с утра получил из двух источников вполне серьезное предупреждение, что покушение должно состояться обязательно в этот день. (Подобные предупреждения я получал постоянно. Потом уж я просил мне не сообщать о них, а передавать начальнику штаба, обязанностью которого было охранять меня). Мне говорили, что мне положительно не следует ехать. Тем не менее я поехал и не пожалел. Вся церемония была очень хорошо задумана и проведена. Тот самый Швец⁵⁹, сидящий теперь в Директории,

сказал мне при моем появлении приветственную речь. В начале было молебствие, потом я сказал речь и передал универсал об открытии первого украинского университета ректору. Начались речи. После слова ректора, по выработанному церемониалу, я уехал. Тут было два момента, о которых я не могу не упомянуть. В моих словах проскальзывала нотка примирения Украины с Россией. Обдумывая свою речь дома, с одной стороны, я хотел непременно отметить, что наука особенно должна быть свободна от шовинизма, с другой стороны, указать, что старая верховная власть на Украине всегда заботилась о просвещении народа. В качестве примера я привел гетмана Мазепу, о любви которого к просвещению, искусству и религии все знали. Я сказал об этом без всякой задней мысли, но нужно было бы слышать, как зашипели со всех сторон. Нужно было понять, какой дух непримиримости живет по отношению ко всякой нестандартной мысли. Я терпеть не могу украинского шовинизма, но должен сказать, что он искусственно поддерживается многими дикими выходками его преследователей.

Из университета я пошел осматривать батареи Сердюцкой дивизии, и там мое сердце радовалось наметившемуся порядку. В то же самое время речи в университете продолжались. Среди них была речь Винниченко, особенно понравившаяся студентам, хотя все приветствия встречались очень шумными овациями. Сидевший среди гостей генеральный консул Тилле, исполнявший обязанности посланника вместо Мумма из-за его отъезда и из-за болезни графа Бергхейма, это заметил, и, видимо, его это поразило настолько, что он счел долгом при первой же встрече со мной об этом сказать. Вообще, судя по этому разговору, было видно, что Винниченко вырос в глазах немцев. В течение всего Гетманства они имели сношения со всеми партиями, но находили их недостаточно подготовленными для государственной деятельности. Осеню же эти сношения особенно усилились, и Винниченко основательно завоевал их сердца. Они были особенно приятно поражены тем, что Винниченко выставлял себя как чрезвычайно умеренного социалиста и постоянно лишь жаловался на гетманский режим, якобы угнетавший украинцев. То, что Винниченко был человеком весьма левых взглядов и суждений, это куда ни шло, а вот главное было то, что он был демагогом, находящимся во власти прямо-таки антигосударственных элементов. Было ясно, что он никогда не сумеет придерживаться левизны, а несомненно будет скатываться к полному большевизму, на что, впрочем, уже указывали и факты. Но немцы ему верили, и он приобретал у них все большее и большее влияние главным образом у дипломатов: во-

енные в этом отношении были тяжелы на подъем и оставались при своих прежних убеждениях.

В начале октября на меня началось давление, чтобы я сделал кабинет более национальным. Лично я очень хотел частичных изменений в кабинете в более национальном духе и не касавшихся главных деятелей, чтобы в большей степени удовлетворить стремление украинства, нежели я это мог сделать при существующем кабинете. Тем самым я мог бы успокоить выразителей украинства, больше сблизиться с ними и смягчить их настроение, сильно усугублявшееся главным образом из-за политики Кистяковского.

Я так смотрел на решение этого вопроса, потому что видел действительно не государственных, а только партийных деятелей, которые в большинстве случаев — я знал это по опыту — не годились на высшие государственные должности. Лизогуб был того же мнения. У нас уже намечалось несколько освобождающихся по различным причинам портфелей. Нужно было как можно скорее заместить эти должности, и все были бы удовлетворены, но быстрые решения были не в духе Лизогуба, он ежедневно оттягивал, а я настаивал. Например, он никак не мог покончить с министром труда Вагнером, который при всех своих достоинствах был абсолютно не в состоянии при существующих комбинациях что-либо провести в своем министерстве, и т.д. Время шло. Тут произошел целый ряд событий, которые значительно усилили роль наших социалистических партий.

В стране проводилась не реакционная, как принято теперь говорить, а разумная либеральная политика. Но на местах правительство слишком мало считалось с тем, что революция еще не окончилась, что люди еще возбуждены, и что все элементы, которые за время революции всплыли на поверхность, не принимались в расчет министром внутренних дел Кистяковским, поэтому они бросались в явную оппозицию.

Внешняя политика резко изменилась. В октябре Австрия распалась. Ее войска в полнейшем беспорядке бежали по всем дорогам на запад, продавая и бросая свое имущество. Добрая половина Украины была освобождена от всякого чужеземного влияния, с одной стороны, с другой — уход австрийских войск давал возможность всем нашим элементам сильно поднять голову.

Кистяковский все же неплохо смог организовать варту, раз, несмотря на уход австрийцев, в стране оставался порядок, а всякие поползновения сразу пресекались.

Военная партия в Германии больше не играла никакой роли: все дело перешло в руки социалистического министерства Шейде-

мана⁶⁰. Таким образом, политический курс, который был взят раньше правительством на Украине, и люди, которые до тех пор в нем находились, больше не подходили в сложившейся ситуации. Немецкие дипломаты это понимали и получали соответственные инструкции из Берлина с целью влиять на меня. У нас мало кто это понимал. Помню, сколько депутатий, особенно от Протофиса и от союза землевладельцев приходило ко мне просить не менять кабинета. Я и сам того не хотел в такой мере, в какой это пришлось сделать. Проволочки Лизогуба в принятии решительных мер привели к трениям между министрами. В конце концов я попросил Лизогуба и министров, которых я не мог заменить, прийти ко мне. На этом заседании мы решили, что они останутся в новом кабинете, а прежний будет распущен, что я и сделал в тот же вечер.

Переговоры о новом министерстве, формирование которого я поручил Лизогубу, тянулись 10 дней. Все это время я единолично правил страной. Осложнения с составлением министерства были чрезвычайные. Я хотел, чтобы в нем украинские элементы были представлены в достаточном количестве, но чтобы одновременно не было значительного уклона влево, который мог бы свести на нет всю нашу работу. Украинский национальный союз, в который объединились все украинские партии во главе с Винниченко, с одной стороны, с другой — Протофис и союз землевладельцев и прочие мучили меня с утра до вечера. Немцы стояли за большую украинизацию и в этом отношении давили на меня, намекая, что при более русском и правом кабинете центральное немецкое правительство может вывести свои войска и поставить меня в очень трудное положение. Был даже момент, когда Лизогуб отказался было совсем от формирования кабинета. Наконец на десятый день кабинет был сформирован в следующем составе⁶¹:

министр внутренних дел	Рейнбот
министр юстиции	Вязлов
министр земледелия	Леонтович
министр промышленности	Меринг
министр финансов	Ржепецкий
военный министр	Рогоза
морской министр	Максимов
министр труда	Славинский
министр народного просвещения	Стебницкий
министр вероисповедания	Лотоцкий
министр путей сообщения	Бутенко
контролер	Петров
министр продовольствия	Гербель

министр иностранных дел

Дорошенко

министр здравоохранения

Любинский

Председателем в конце концов остался Лизогуб.

Новый кабинет был буржуазный и явно украинский. Украинцы страшно хотели, чтобы министром внутренних дел был кто-нибудь из них, но сами же не могли мне указать подходящего кандидата. Так на Рейнботе временно и остановились. У министров нового кабинета было желание к совместной и слаженной работе. Мне думалось, что дело смогло бы пойти на лад, и в первое время, действительно, все шло хорошо.

Левые партии не дремали. События шли своим чередом и все более толкали их к большим требованиям. В это время на севере активизировались большевики и концентрировали значительные силы на наших северных границах. Немцев было недостаточно, и я послал туда один полк из бригады генерала Бочковского (бывшей бригады Натиева). По свидетельству самих же немцев, этот полк проявил отвагу. Им командовал Балбачан⁶², который впоследствии вместе с украинскими партиями поднял уже давно готовившееся в Харькове восстание, о чем мы были осведомлены. Они не столько имели что-либо против меня, сколько считали, что кабинет был не слишком украинский. Это был сплошной вздор и доказывало их политическую неподготовленность, потому что в смысле действительного государственного строительства прежний кабинет был вполне на высоте. Верно, что все условия внутренней политики были против нас, и никакое министерство, задавшее целью действительно восстановить порядок, не могло бы этого сделать без принятия сильных мер. Честолюбивые вожди партии хотели сами играть роль, а Кистяковский с ними не считался. Неудовлетворенность их честолюбия и заставила их пользоваться всеми средствами, чтобы восстановить народ против Гетманства, не считаясь с тем, что они рушат все, что было уже сделано для Украины.

Дело дошло до того, что Винниченко пошел на переговоры с большевиками. Кистяковский арестовал многих украинцев, но не русских, принадлежавших к большевикам и левым социал-революционерам, занимавшихся пропагандою у нас. Украинцы подняли страшный крик, доказывая всем, что это гонение на украинцев. Министры-украинцы в Совете приняли, конечно, сторону арестованных; начались трения. Рейнбот, человек мягкий, здесь не поддавался. Вязлов же, украинец, стоял на точке зрения, что без суда никого нельзя держать под арестом. Он был прав, но что было делать министру внутренних дел, у которого была масса косвенных данных о противозаконной деятельности того или другого

лица, но не было возможности доказать на суде его виновность. Левые украинские партии всюду на Украине образовывали ячейки для будущего восстания. Народу говорилось все, что на ум взбредет: что я, например, привел немцев, что я не хочу дать землю народу, что я устроил монополию на хлеб и т.д. и т.д. Многие из мелких служащих в правительстве своими возмутительными самочинными действиями играли на руку господам, готовившим восстание.

Немцы проявляли мало интереса ко всему, что у нас творилось. Они сами были под гипнозом украинских левых партий. К тому же их симпатии были далеко не на стороне некоторых членов правительства, которые, сообразив, что дело немцев проиграно, сразу стали относиться к ним с пренебрежением, а все свои симпатии перенесли на Антанту. Эта черта многих, живших в Киеве и имевших дело с немцами, сослужила нам плохую службу. Я постоянно говорил:

— Господа, нужно помнить, что единственной серьезной силой являются пока немцы. Когда придет Антанта, вы можете высказать вашу радость по поводу того, что она является победительницей в мировой войне, но пока сдерживайте ваши порывы.

Это не возымело действия. А немцы, оскорбленные таким отношением, давали свободный ход событиям. Новые министры по специальным вопросам проводили политику старого кабинета; в общем ничего не изменилось. Как я уже говорил, один лишь Вязлов проявлял особое энергичное желание освободить всех арестованных украинцев или предать их суду. Русское общество, все союзы, образовавшиеся у нас под прикрытием, особенно в этот период проявляли свою деятельность. Их лейтмотивом было: «Антанта победила, она немедленно придет и восстановит Россию, единую, нераздельную, великую. Она будет буржуазной монархией». Когда им задавали вопрос, почему будет так, они отвечали: «Антанта хочет возвращения миллиардов, взятых в долг Россией». Никакие доводы противника, его мнение не принимались в расчет. Милая Украина, которую они еще так недавно любили и куда они стремились, как в обетованную землю, стала им ненавистна. «Она будет сметена без остатка», — это мне лично сказал один безобидный человек, далеко не правый, приходившийся мне даже дальним родственником. Главное, что они ненавидели, это был язык, хотя язык частному человеку приходилось слышать лишь в официальных канцеляриях и читать на нем лишь «Державный вестник». Они совершенно упускали, даже с чисто великорусской точки зрения, все положительные стороны Украины, о которых я, кажется, уже много раз писал в своих записках и ка-

ковые, повторяю, являлись единственными главными факторами спасения России от большевизма.

Только национальные чувства можно противопоставить большевизму, даже теперь, когда на Украине все идет как нельзя хуже из-за антигосударственности правящего элемента. Тем не менее, если на Украине будет большевизм, то, во-первых, он так долго не продлится, как в Великороссии; во-вторых, он будет мягче и уже в вырождающейся форме. Кроме того, я был убежден, что само селянство будет его вытеснять. Но у нас в Киеве этого не понимали. Сразу началось пренебрежительное отношение к нам.

Мне придется тут невольно коснуться очень болезненной для меня стороны вопроса: это вопрос формирования офицерских отрядов. Как я говорил, по возвращении из Берлина началось формирование особого корпуса. Предполагалось его дальнейшее разворачивание с целью в подходящий момент выступить против Совдепии. С одной стороны, планировалось войти в контакт с Красновым и с изъявившими желание немцами с запада перейти в наступление и общими усилиями трех армий сжать большевиков. С другой стороны, мы хотели, чтобы все наши центры были застрахованы от всяких случайностей, и для этого формировали в больших городах офицерские дружины, особенно в Киеве, где начальником дружины был генерал Кирпичев. Условием вступления в эти отряды была аполитичность. Единственным назначением этих отрядов было поддержание порядка и борьба со всякой формой воинствующего большевизма. Кроме того, так как в формируемых корпусах украинской армии были одни лишь кадровые офицеры — новобранцы должны были прибыть в ноябре, — на совещании с корпусными командирами я приказал немедленно сформировать в каждом из 48 полков по одной сильной офицерской роте, хорошо снабженной пулеметами, главное назначение которых было поддерживать порядок в провинции. Офицерам, не сочувствующим Украине, разрешалось вступать в особый корпус, чины которого сохранили русскую форму с погонами. Так же было и в городских дружинах. Остальные офицеры могли вступать в украинские корпуса. Следовательно, казалось, никакого насилия над убеждениями не было; цель же для всех была общая: поддержание порядка.

Тем не менее с первого же дня начались всевозможные осложнения. Во-первых, появились то ли самозванные, то ли действительно назначенные представители армии Деникина, проповедовавшие, что все эти части должны признать Деникина. Это вносило в офицерскую среду раскол.

Затем появились длиннейшие статьи в газетах, особенно в знаменитом «Голосе России» — не будь добром он помянут, — внесшем столько разногласия в ряды защитников Киева. В этих статьях комментировался снова, не знаю, апокрифический или настоящий приказ Деникина о своем назначении главнокомандующим всех сил, борющихся с большевиками. Потом пошли толки о том, что Деникин заявил, будто все офицеры, не признавшие его власти, будут преданы полковым офицерским судам и т.д. В результате одни части объявили себя приверженцами Деникина, другие остались на моей стороне. Из-за всех бестактностей — не берусь здесь определенно сказать чьих — в простое, ясное для всех дело был внесен разлад. Среди частей, признавших Деникина, началась агитация против существующего правительства. Вообще в такую трудную минуту я всячески старался избежать искусственно провоцировавшегося зла и хотел, чтобы как можно больше людей имело возможность принять участие в столь благородной и важной борьбе против большевизма. Я вызвал к себе начальников, но они твердо стояли на своем.

Одновременно с этим далеко не все офицерство отозвалось на призыв идти на защиту городов или в особый корпус. Большинство настоящих офицеров пало в боях с немцами или стало инвалидами. Теперешняя офицерская масса представляла из себя людей самых различных профессий, призванных на службу во время войны. Держава не могла, как я уже указывал, взять их всех на свое попечение, хотя на них было истрачено до 50 миллионов карбованцев, но это была капля в море по сравнению с тем, что стоила бы действительно настоящая помощь. Поэтому многие офицеры с целью наживы устроились в Киеве.

В то время Киев особенно был городом самой беззастенчивой спекуляции: там наживались и тратились бешеные деньги. Несмотря на все меры, принимавшиеся нами, вплоть до увеличения числа следователей, призванных вылавливать спекулянтов, ничего не помогало. Очень многие офицеры, не пристроенные на службе, бросались на всякие прибыльные авантюры, иногда совсем не совместимые с офицерским званием, и наживали большие деньги. Такие офицеры уже не годились для боевой службы, и сознавая в душе, что свернули с правильного офицерского пути, они изобретали всевозможные отговорки, лишь бы только не отозваться на призыв или усыпить свою совесть. Они много, много принесли вреда.

Вначале я не отдавал себе отчета во всех этих осложнениях, и, зная, что в Киеве до 15 тысяч офицеров, был вполне спокоен, что со всякими враждебными силами, даже в случае ухода немцев, я справлюсь. Кроме офицерских формирований, еще в июле в

Киевской, Полтавской, Черниговской и Харьковской губерниях мы начали формирование отрядов из хлеборобов и подходящих людей по усмотрению губернских старост. В некоторых местах эти формирования прошли очень удачно. Конечно, все зависело от энергии и расторопности местного начальства.

Прекрасно сформированная Сердюкская дивизия подавала большие надежды, и я, несмотря на недовольство со всех сторон, знал, что могу на нее положиться. Командный и офицерский состав был отличный, жаль, что все казаки были сплошь новобранцы. Таково было положение в вопросе обороны до начала ноября.

В нашем генеральном штабе я тоже заметил разлад, происходивший, вероятно, по тем же причинам, что и в офицерских корпусах. Я поехал в главное управление генерального штаба и имел там разговор с офицерами. Думаю, что они меня поняли. Во всяком случае, о шатаниях в образе их мыслей я больше уже не слышал: в подавляющем большинстве они честно исполняли свое дело.

Как я уже говорил, в Киеве из-за сложившихся обстоятельств, главным из которых, конечно, был разлад нормальной коммерческой жизни страны, страшно росла спекуляция, но спекуляция квартирами была особенно отвратительной. Вначале так было и при Раде: вопросом распределения квартир ведал комендант города. По этому поводу был выработан специальный закон. За мое правление положение с квартирами значительно осложнилось из-за увеличения правительственного аппарата, служащим которого необходимо было жить в городе; из-за приезда всевозможных немцев и из-за притока беженцев из Совдепии: квартирный вопрос принял дикие формы. Спекуляция квартирами и злоупотребление служебным положением перешли всякие границы. После всестороннего обсуждения был проведен целый ряд законов для урегулирования этого вопроса, но злоупотребления продолжались и вносили много недовольства в среду мирных обывателей. Я не хочу, не имея явных доказательств, обвинять определенных лиц, но мне кажется, что тут были замешаны люди, на которых я полагаюсь, не сомневаясь в их честности. Наша бесчестность — это несчастье для человека, стоящего у власти! Как трудно с ней бороться законными путями!

Что касалось внешней политики, то нам представлялось необходимым выслать новые делегации. Это делалось, но делалось совершенно не в том масштабе и не с той быстротой, которая была нужна в данный момент. Совет Министров бесконечно долго обсуждал каждую ассигновку и безбожно ее урезывал. Я неодно-

кратно был вынужден по просьбе Дорошенко или Палтова лично вмешиваться и настаивать на увеличении ассигнования.

Из лиц, намеченных на дипломатические посты, назову Коростовца, бывшего посла в Пекине при старом режиме. Его мы направляли в Америку, но предварительно он был послан в Яссы.

Бывшего начальника штаба Дашкевича-Горбацкого направили в Румынию, где он был очень любезно принят королем и королевой, но я думаю, что это назначение было не вполне удачно по многим причинам. В Париж должна была быть послана целая миссия. Кроме того предполагалось, что поедут некоторые из сочувствующих нашему делу и имеющих влияние у Антанты; многие и поехали. Эти люди не были на службе у Украины и не являлись даже частными платными агентами, а делали это, понимая, что мы заслужили всяческую поддержку с точки зрения и России, и Украины. Вместе с тем они вполне правильно предвидели, что всякие недоброжелательные элементы, главным образом, из-за недомыслия начнут губить наше дело.

В октябре в Яссы были вызваны многие из русских общественных деятелей, и там состоялся целый ряд заседаний совместно с представителями Антанты. В общем настроение на этом съезде было не очень в нашу пользу. Как русские представители не понимали, что они губили дело, которое могло спасти Россию! Антанта очень неохотно входила в сношения с нашими представителями. Благодаря своим прежним связям в Румынии Коростовец все же виделся и неоднократно говорил с представителями держав Согласия. Маркиз де Сент-Олер и вся французская миссия, видимо, была радикально настроена против нас, и потребовалось много времени, прежде чем эти господа уразумели, что в интересах же Франции и союзников смотреть на нас иначе. Я был довольно хорошо осведомлен обо всем, что делалось в Яссах, но до сих пор не могу понять, почему Антанта и особенно французы, которые более всех были заинтересованы в поддержании порядка на Украине — а этот порядок мог быть поддержан лишь Гетманством — не прислали ко мне немедленно своего представителя. Мне было совершенно неважно, признали ли меня союзники официально или нет; мне было важно, чтобы в Киеве было определенное лицо, представляющее Антанту, с которым я мог бы лично говорить. Здесь, по-моему, очень повлияла дезинформация, данная союзникам русскими кругами, которым Антанта верила, но которые фактически ничего не понимали. Французы или бельгийцы, которые бывали у меня, представляли из себя второстепенные элементы. Я им говорил перед их отъездом во Францию:

— Вы видите, что творится, и вы видите, что делает ваше правительство?

— Да, вы правы. Наше правительство будет потом жалеть, но будет поздно.

Живя на Украине, они прекрасно видели ошибки своих соотечественников.

Сведения о недовольстве среди левых украинских партий все красноречивее говорили о готовящемся восстании. В это же самое время Раковский со своими делегатами, прибывшими в Киев для мирных переговоров, вел самую энергичную большевистскую агитацию. В течение всего лета я неоднократно говорил немцам, что из мирных переговоров ничего путного выйти не может, что для всей этой компании вопрос вовсе не в том, чтобы прийти к какому-нибудь окончательному решению вопросов между Украиной и советским правительством, а исключительно в том, чтобы, пользуясь в Киеве правом некоторой экстерриториальности, развивать всевозможными способами большевистскую пропаганду в стране. Немцы считали, что переговоры должны вестись, что перерыв в переговорах поведет к прекращению перемирия, что их войска, стоящие на Украине, будут вновь втянуты в военные действия. Мы неоднократно ловили большевиков с поличным, указывали на это немцам, но те, хотя и входили в пререкания с большевистскими представителями, все же настаивали на продолжении переговоров.

В этих условиях мы дожили до начала ноября, когда у немцев уже появились ясные признаки некоторого разложения в армии. Пока это еще было только заметно по отдельным мелким фактам. Помню, что в это время приехал со своим сыном принц Леопольд Баварский, генерал-фельдмаршал и главнокомандующий всеми войсками Восточного фронта. Он побывал у меня, а на следующий день сделал смотр немецким войскам, находящимся в Киеве. Будучи у себя дома, я услышал военную музыку и увидел через окно несколько проходящих немецких гусарских эскадронов. Я видел эти части весной и тогда тоже наблюдал за ними из окна. Теперь они уже проходили без того внутреннего порядка, сразу бросающегося в глаза всякому профессионалу в военном деле. Лошади были плохо вычищены, и приемка всей амуниции, и людской, и конской была уже далеко не той. Oberкомандо окончательно потеряло свое значение: все перешло в руки дипломатов.

Наконец наступило 9 ноября, день, который я всегда считал последним днем моего Гетманства. Через четыре дня после этого обстоятельства так трагически сложились, что фактически

власть была вырвана у меня из рук. Я надеялся хотя бы временно спасти положение, но вышло иначе.

В тот день от барона Штейнгеля я получил из Берлина подробный отчет о том, что произошло в Германии (революция, императорская власть свергнута, всюду бунты и т.д.). А от украинцев из Украинского Национального Союза я получил прокламацию, в которой сообщалось о созыве 17 ноября украинского национального конгресса, причем из повестки дня и из состава самого конгресса я понял ясно и определенно, что дело идет о свержении Гетманства.

Я понимал, что у нашей армии были лишь офицерские кадры, и потому на нее мало рассчитывал; что объединенные украинские партии представляли громадный аппарат для пропаганды своих идей среди населения; и что от немцев теперь можно было ожидать максимум нейтралитета, но не активных действий против врагов Гетманства. Я пришел к заключению, что мне оставалось принять один из двух путей. Первый путь — это стать самому во главе украинского движения, постаравшись все захватить в свои руки. Осуществление этого рисовалось мне таким образом: я бы сам объявил о созыве национального конгресса, причем состав членов изменил бы, дополнив его членами не только одних левых партий. В этом случае я мог бы изменить решения, на которые рассчитывали Винниченко и компания, и так, немного поступившись, удержаться у власти. Палтов, с которым я говорил по этому поводу, поддержал меня. Он находил это целесообразным и красивым, хотя рискованным. Я лично мало верил в успех такого решения, так как еще утром получил уведомление о раскрытии заговора с целью восстания после ареста начальника части моей охраны полковника Аркаса. При его допросе выяснилось, что конгресс конгрессом, а восстание все равно будет поднято. Было ясно, что тут никакие изменения в составе конгресса не повлияли бы на положение дел. Вместе с тем я боялся, что, став на путь уступок, мне пришлось бы сделать их целый ряд, причем я находился бы в руках людей, которые без сомнения повели бы Украину к гибели.

Второй путь — это не допустить конгресса и использовать в Киеве офицерские формирования (в одном только Киеве у нас было до 15 000 офицеров) и если надо, то объявить всеобщую офицерскую мобилизацию. Затем, когда опасность миновала бы, я вновь направил бы государственный корабль по тому пути, которого я придерживался всегда и от которого я никогда не отказывался. Я считал этот второй путь проще и более мне по душе; он сулил лучшее разрешение конфликта.

На следующий день я видел много украинцев. Я не был вообще против высказывания украинцами своих пожеланий, но находил, что момент выбран совершенно неудачно. Я понимал, что конгресс, решив определенные вопросы, не сможет остановить анархию. Я говорил украинцам об этом, и многие из них, даже целые партии, вполне соглашались со мной. Немцы стояли за проведение конгресса. Вообще они смотрели на этот вопрос чрезвычайно мрачно и рассматривали созыв конгресса не как попытку свержения гетманской власти определенными партиями, а как народное желание. Винниченко нужно отдать честь: он ловко сумел их обработать.

Переговоры заняли несколько дней. В это самое время ко мне пришло несколько человек, к которым я питал безусловное доверие (называть их пока я считаю преждевременным). Среди них было лицо, занимавшее вполне определенное положение, которое мне заявило, представив веские аргументы, что Антанта и в особенности Франция, главное государство, оперирующее на Украине, не желает решительно говорить с украинским правительством до тех пор, пока оно стоит на самостоятельности. Он также сказал, что самое главное, только федеративная Украина может иметь успех у них, что на днях приезжает уполномоченный представитель держав Согласия, который только войдет в переговоры при ясно выраженном новом курсе украинского правительства. Это требование совпадало и с моими взглядами. Я находил, что проведение этого нового курса преждевременно, так как участников федерации требовалось два, а Украина была одна. Требование Антанты я принял к сведению.

10 или 11 ноября из Ясс прибыл целый ряд лиц, между прочим, и украинцы, а также мои личные агенты, и все подтвердили вышеизложенное. Они же мне сообщили, что представитель Украинского Национального Союза совершенно не был принят представителями Антанты; причем если я провозглашу Украину федеративной, обещалось немедленное прибытие войск держав Согласия. Этому я не поверил. Во всяком случае, рассмотрев карту, решил, что если войска и придут, то придут слишком поздно. Да и они в то время мне не особенно были нужны. Если бы приехал сам господин Энно и категорически передал бы немцам требование Антанты защищать мое правительство, дело было бы выиграно. В Совете Министров украинские министры настаивали на созыве национального конгресса. В этом отношении они или кривили душой, или были очень наивны. Они все время ссылались на то, что допущен же был еврейский конгресс, забывая или делая вид, что они не знают, какая разница между программой украин-

ского конгресса и еврейского. На еврейском конгрессе не стояла на повестке дня фраза: «Порядок керування Україною»⁶³ и все в том же духе. Наконец, у евреев не было подготовлено восстание.

13 ноября в Совете Министров обсуждался вопрос: допустить или не допустить конгресс. Восемью голосами против семи допущение конгресса в данное время было отклонено. Я согласился с этим решением. Поскольку было ясно, что при недопущении конгресса левые украинские партии немедленно примут агрессивные меры, то мне необходимо было создать более решительный кабинет и военные силы, более подходящие для этого момента. Я решил опереться на русский офицерский состав и на свою Сердюкскую дивизию, на которую я рассчитывал при всех обстоятельствах. Русскому офицерскому составу я должен был немедленно объявить о федерации, так как мне все уши прожужжали, что если это будет сделано, то весь офицерский состав станет горой ради России за гетманскую Украину.

13 ноября я распустил кабинет и тут же с Палтовым написал грамоту, в которой я с политической, культурной и экономической точки зрения развития Украины объявлял, что отныне мы должны работать для будущей федерации с Россией.

На следующий день многие отдельные лица различных политических взглядов приходили ко мне и поздравляли с таким решением, но пресса, особенно украинская, встретила это решение холодно.

Вечером 14 ноября я узнал, что Петлюра, освобожденный за несколько дней до этого из-под ареста, уехал в Белую Церковь к сичевикам, которые в тот же день начали наступление на Фастов, но были остановлены частями киевского корпусного командира Волховского. Я и до сих пор считаю, что единственной причиной такого подъема среди повстанцев в первое время была появившаяся, как гром среди белого дня, грамота о федерации. Если бы она не появилась, я убежден, что сичевики из-за социальных вопросов не пошли бы против меня, да и многие украинские партии не сдвинулись бы с места. Социал-федералисты, партия демократических хлеборобов и Шеметовская даже при этих условиях тоже не пошли бы, но они больше понимали обстановку. Большинство же украинцев считало, что я предал Украину. Я думаю, время покажет, кто предал Украину: я или Директория. Я не говорю уже о том, что вообще только враг мог желать беспорядков такого рода на Украине. Даже если бы многие народные домогания не находили себе отклика в сердце правительства, [само] время начала [этого восстания] уничтожало все плоды нашей работы. Это относилось как к Украине, так и к Великороссии.

Что касается последней, то в своих воспоминаниях я забыл указать на сближение, которое установилось в то время между Украиной и Доном и которое вызвало настоятельную потребность в моем свидании с Красновым, состоявшемся в середине октября. Чтобы никто нам не мешал, мы решили съехаться в Скороходове, небольшой станции между Полтавой и Харьковом. В течение нескольких дней до поездки я чувствовал себя больным, но все надеялся поправиться. А тут вышло так, что накануне выезда я схватил сильную инфлуэнцу. Было уже поздно откладывать свидание, так как мне дали знать, что Краснов выехал. Я дошел до вагона и сел и только к моменту свидания поднялся навстречу Краснову. Во время завтрака я провозгласил тост за его здоровье. Он же, увлекшись, ответил мне очень красивой речью, которая, к сожалению, совсем не совпадала с внутренним и внешним политическим официальным курсом, проводимым Украиной. Мы решили энергично помогать друг другу в борьбе с большевиками. Украина шла на широкую помощь и деньгами, и военным снаряжением. Я хотел было с ним частным образом поговорить об его речи, но забыл, что я приписываю исключительно своей болезни. Расставшись с ним, я вспомнил об его речи и приказал ему телеграфировать, но было поздно, он уже передал ее во все харьковские газеты. Началась страшная кутерьма.

В то время совершенно не находя нужным менять свою политику, на обеде в честь нового кабинета министров я произнес речь с целью прекращения кривотолков, положения которой восстанавливали наши прежние взгляды на все вопросы, связанные с внутренней и внешней политикой. Так этот инцидент и закончился. Но результат поездки был громадный как для Дона, так и для Украины. Не знаю, понимают ли великорусские круги теперь, но в то время совершенно не понимали значение укрепления и сохранения Украины. Тогда не понимали, что Россия могла легко быть восстановлена только при условии, что гетманская Украина будет укрепляться и приводить в исполнение свой ясно намеченный план спасения России. Украинцы, привыкшие работать в подполье, совершенно не понимали нашей политики. Я же сознавал, что для того, чтобы Украина имела право на существование, чтобы она играла действительно мировую роль, было недостаточно стараться защищаться в своих границах и всякое стремление к более широкой политике считать чуть ли не изменой Украине. Украинцы были против помощи Дону, против идеи вытеснения большевиков из Великороссии. Единственное, что могло бы действительно заинтересовать Антанту в идее Украины, так это борьба с Советской Россией. Только это и могло бы в глазах мира

и в глазах великороссов примирить ее с новой нарождающейся государственностью на Украине. У украинцев удивительно узкие взгляды на вопросы политики отдельного государства. Они не считаются ни с действительностью, ни с историей; они только и знают, что твердят: «Хочімо самостійну Україну», забыв, что для того, чтобы достигнуть, я уже не говорю, полной самостоятельности, а простого права на существование государства, это право нужно завоевывать мечом и политикой, которая заставила бы сами силы, имеющие значение при решении этого вопроса, желать, чтобы такое государство существовало. Из-за своего неудачного географического положения Украина должна завоевывать свою самостоятельность со значительно большим трудом, нежели это было бы необходимо при более счастливых обстоятельствах. Украинцы этого совершенно не принимают в расчет, и если теперь новое правительство не поймет этого, оно доведет идею Украины до полнейшего краха. К этому пока дело идет с быстротой, превышающей все мои ожидания. Но великороссы должны понять, что старого не вернуть, и что как бы ни была ошибочна политика украинцев, Украина не погибнет, а снова и снова будет добиваться того, чего ей не дают. В данное время мы вернулись к временам старых гетманов. Украине снова предстоит решить жгучий вопрос: «з москалями чи з ляхами». Другого решения вопроса нет. Но наученная горьким опытом, она будет осторожнее подписывать договор с одними или с другими. Это вопрос, главным образом, правительства, которое будет у власти на Украине, и течений среди народа, которые будут господствовать в то время в его среде. Лично я думаю, что на комбинации с поляками народ не пойдет ни при каких условиях, но Переяславский договор должен быть и обдуман, и проведен в жизнь украинцами с большей осторожностью.

Если мои заметки попадут в руки великороссов и широких украинцев, я не оберусь всевозможных обвинений. Одни будут говорить: «Изменник русскому делу, а еще русский генерал и т.д.», другие будут упрекать меня в «зраде українству». Мне это безразлично. Россия может возродиться только на федеративных началах, а Украина может существовать только будучи равноправным членом федеративного государства. У русских кругов до сих пор живо сознание, что с Украиной — это только оперетка, что теперь ей можно дать хоть и самостоятельность, а потом все это пойдет насмарку. Это колоссальная ошибка русских кругов, унаследованная от старой политики. Она привела к ослаблению и недоверию к идее великой России. Все окраины думают так: «Окрепнет Великороссия и снова примется угнетать националь-

ности, входящие в состав Российского государства». Я видел много украинцев, высказывавших подобные опасения. Да нечего далеко ходить, тот же самый Винниченко, сидя у меня в кабинете, говорил при мне одному украинскому федералисту, что он и сам ничего не имеет против федерации, но коли теперь говорить о федерации, то впоследствии русские ничего не дадут, а поэтому нужно стоять за самостоятельность до конца; только настойчивость приведет к федерации.

То, что было тогда сказано Винниченко, я скоро проверил на практике. Как только я объявил о федерации с Россией, я сразу понял, что Винниченко был прав.

Через несколько дней после появления этой грамоты великорусские круги уже никакой Украины совершенно не признавали. Когда выяснилось, что сичевики начали наступление на Фастов и генерал Волховский их остановил, я решил, что восстание начинается и что объектом повстанцев является Киев. Я был спокоен: у нас в Киеве было 15 тысяч офицеров.

В то же самое время появились прокламации за подписью Директории, в которую входили Винниченко, Петлюра и Швец, тот самый, который за несколько дней до этого завтракал у меня, а еще раньше встречал меня с приветственной речью на открытии университета. В этой прокламации они объявляли, что власть переходит к Директории, что создается Украинская Народная Республика, что я — русский генерал и узурпатор, захвативший власть для уничтожения украинства. Они прохаживались на мой счет и на счет русских офицеров. Одним словом, все было, как полагается. Это меня мало тронуло, но что неприятно поразило, так это тот самый Балбачан, который только что был произведен в полковники за действительно хорошие действия против большевиков. Теперь он восстал со своим полком и захватил Харьков. Подробности этого захвата и роль, которую при этом сыграл генерал Лигнау, для меня совершенно не ясны. Во всяком случае, сведения, что будто бы он перешел на сторону большевиков, я думаю, не верны. Однако в его пути было что-то нечисто, и я с грустью должен сознаться, что это не подлежит сомнению. Впрочем, желая быть осторожным в своих обвинениях, я подожду разъяснений этого дела, которое, несомненно, когда-нибудь получит более полную интерпретацию. Это известие показало серьезность положения.

/.../64

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Антанта (фр.).

² *Дорошенко* Петр Яковлевич (1857-1919) — украинский общественный и культурный деятель, врач. Убит большевиками в Одессе; *Горленко* Василий Петрович (1853-1907) — литературный критик и искусствовед, активный сотрудник «Киевской старины»; вероятно, далее имеется в виду *Новицкий* Иван Петрович (1844-1890) — украинский историк, этнограф и журналист, или, возможно, что речь идет о *Новицком* Якове Павловиче (1847-1925) — украинском фольклористе, этнографе и педагоге.

³ «*Рада*» — первая ежедневная украинская газета, издававшаяся в Киеве с 28 сентября 1906 по 2 августа 1914.

⁴ Пропущенный фрагмент воспоминаний (около 200 машинописных страниц) опубликован в переводе на украинский язык В.Липинским в журнале «Хліборобська Україна» (Відень [Вена. — А.В.]). 1922-1925. Кн. IV, V. В наше время переиздан в Киеве: Скоропадський П. Указ. соч. Здесь Скоропадский рассказывает об украинизации им корпуса в 1917, подробности о деятельности Украинской Центральной Рады и взятии им на себя груза «гетманской булавы».

⁵ *Устимович* Николай Николаевич (1863-1918) — украинский общественный и политический деятель.

⁶ *Василенко* Николай Прокофьевич (1866-1935) — историк права, член ЦК кадетской партии, в 1917 — товарищ министра просвещения Временного Правительства. Академик ВУАН, президент ВУАН (1921). Скоропадский вспоминал о Василенко: «Он обладал всеми качествами и недостатками наших профессоров. Он, кажется, всю жизнь провел на Украине, во всяком случае, в области исторических исследований, насколько я знаю, посвятил себя исключительно ей. Работал очень много, /.../ но я его обвиняю в том, что он все хотел обновить состав своих ближайших помощников, да так и не обновил. Я думаю, что тут играла роль его врожденная мягкость. А из-за этого у него в министерстве было много элементов, которые шли вразрез с его указаниями».

⁷ *Шелухин* Сергей (1864-?) — украинский юрист и общественный деятель, поэт (псевдоним С.Павленко), журналист. После 1917 — глава революционного комитета в Одессе, член Украинской Центральной Рады. В 1919 — член украинской делегации на мирных переговорах в Париже. С 1922 — профессор украинского университета в Праге; автор так называемой кельтской гипотезы о происхождении Руси.

⁸ *Липинский* Вячеслав (1882-1931) — землевладелец, политический деятель, историк и публицист (см. о нем: Минувшее: Вып. 14. М.; СПб., 1993. С. 273-274); *Михновский* Микола (1873-1924) — украинский общественный и политический деятель, автор первой брошюры Радикальной украинской партии (РУП) «Самостійна Україна» (1900), основатель (с А.Макаренко) Украинской Народной Партии, автор ее брошюры «10 заповедей»; издавал в Харькове еженедельник «Сніп» (1912- 1913); один из организаторов украинской армии. Расстрелян большевиками.

⁹ *Никовский* Андрей (1885-1942) — украинский общественный деятель, писатель и литературовед. В 1913-1914 — редактор газеты «Рада»; в 1915 — редактор журнала «Основа» (Одесса); в 1917 — член Украинской Центральной Рады; первый председатель Украинского Национального Союза, противостоявшего гетману. В 1920 — министр иностранных дел УНР. После эмиграции вернулся в Украину. В 1930 — осужден на процессе «Спілки визволення України».

¹⁰ *Бутенко* Борис (?-1926) — инженер путей сообщения. Умер в эмиграции (Будапешт). Скоропадский в пропущенном нами далее фрагменте писал о нем: «Бутенко был первый, который согласился быть министром еще до переворота. Тогда он много мне помогал. Я ему долгое время верил. Боюсь власть в заблуждение, но я думаю, что я в нем ошибся». *Чубинский* Михаил Павлович (1871-?) — юрист, представитель социологической школы в криминологии, профессор Харьковского университета. С 1920 — у Деникина, затем — профессор в Югославии. Скоропадский писал о нем: «Профессор Чубинский, министр юстиции, был кадет чистой воды. Он прекрасно говорил, знал это и любил себя слушать, что в достаточной степени затягивало заседания Совета Министров. В обыкновенное время он был бы прекрасным министром юстиции, соблюдающим всегда закон, но в наше время мне казался ужасно медлительным. Правые неоднократно бегали ко мне, указывая на то, что правосудие слишком медленно налаживается из-за Чубинского. Я защищал его, но в душе и сам был того же мнения. Он был чистым украинцем; его отец написал гимн, который потом был принят на Украине: "Ще не вмерла Україна". Однако это не помешало тому, что Чубинского-сына украинцы не признавали, с чем я был не согласен». *Вагнер* Юлий (1865-?) — зоолог, профессор Киевского Политехнического института, в 1917-1918 — член партии народных социалистов. Скоропадский вспоминал о нем: «Профессор Вагнер, министр труда, к сожалению, не обладал способностью убеждать своих коллег в правоте своих мнений, не пользовался никаким влиянием в Совете Министров». *Любинский* Юрий (1840-1920) — врач-фармаколог. Скоропадский писал о нем: «Министр здравоохранения, доктор Любинский, был хорошим и честным человеком. В Совете никогда не говорил, но свое дело делал. Он как-то уживался со всеми партиями. И великороссы, и украинцы к нему хорошо относились». *Гутник* Сергей — одесский промышленник, член российской кадетской партии. Умер в эмиграции. Скоропадский вспоминал о нем: «Скажу лишь одно: у него был блестящий ум, но он очень мало сделал для Украины». *Ржепецкий* Антон Карлович — российский деятель на Украине, кадет. Скоропадский писал о нем: «Прежде он был членом Думы, председателем земледельческого синдиката и 5 лет просидел в банках. /.../ Человек он был неглупый, но односторонний. Он всю жизнь провел в банках и, очевидно, имел дело только с людьми буржуазного склада ума, поэтому у него вышло, что, кроме так называемых буржуев, никого нет. Все остальное для него не существовало». *Соколовский* Юрий (?-1922) — украинский агроном. Скоропадский писал о нем: «Соколовский знающий свое дело человек, т.к. много проработал на этом поприще, был совершенно безволен».

¹¹ *Лизогуб* Федор Андреевич (1851-1928) — председатель Полтавской земской управы (1901-1915), позднее возглавил у Скоропадского Совет Министров. Умер в эмиграции. В пропущенном фрагменте П.П. так характеризовал его: «Федор Андреевич Лизогуб принадлежит к известному украинскому роду, члены которого играли далеко не второстепенную роль. Небольшого роста, с седою довольно коротко остриженной бородкою, благовоспитанный, с мягкими манерами, он производил очень благоприятное впечатление особенно на иностранцев, тем более, что хорошо говорил по-французски и тем самым легко входил с ними в непосредственный контакт, а не пользовался переводчиками, которые обыкновенно комкают мысль говорящего. Я считал его безусловно честным человеком и верил, что он сознательно никаких действий, идущих вразрез с моими желаниями, тайно от меня не предпримет. Но у него были недостатки, и главными из них были самомнение и обидчивость. Когда он на кого-нибудь обижался, то объективно уже рассуждать не мог, а обижался он часто. Он был также чрезвычайно подвержен лести. Этим его можно было забрать в руки и помыкать им, как хочешь. К сожалению, некоторые этим пользовались. Происходя из семьи, где с величайшим уважением относились всегда к земской деятельности, я имел преувеличенное понятие о крупных деятелях этого рода. Мне всегда казалось, что землец почему-то человек широких горизонтов, большого размаха, что переход от большой земской деятельности к государственной легок и естественен. С годами свое убеждение я радикально изменил. Сколько бы я ни встречал крупных земских деятелей всех калибров ума и политических оттенков, я ни разу не видел, чтобы эти люди действительно преуспевали на государственном поприще. Они привыкли оглядываться на то, что скажет земское собрание, и без него ни шагу. Все это хотя и очень конституционно, но для творческой работы в момент революционного кризиса далеко не так уж хорошо. У Лизогуба тоже не было размаха, свободного творчества и смелости, и в этом отношении он, при всем своем желании быть мне полезным, не был на необходимой высоте».

¹² *Дорошенко* Дмитрий Иванович (1882-1951) — украинский историк, публицист, политический и общественный деятель. В Украинской Центральной Раде занимал посты Председателя Генерального Секретариата и Генерального секретаря внутренних дел.

¹³ *Греннер* В. — немецкий генерал, начальник штаба группы армий «Киев».

¹⁴ *Зиньковский* (Зеньковский) Василий Васильевич (1881-1962) — русский религиозный философ украинского происхождения.

¹⁵ *Колокольцев* Василий — помещик, политический деятель, инициатор закона о праве продажи и покупки земли. В октябре 1918 подписал «Записку девятиерых» о необходимости возобновления единой России.

¹⁶ В пропущенном фрагменте П.П. Скоропадским дана характеристика некоторых деятелей своего окружения, использованная нами в комментарии.

¹⁷ *Мумм фон Шварценштайн Альфонс*, барон (1859-1924) — немецкий дипломат, в 1918 — посол в Киеве. Совместно с генералом Греннером причастен к гетманскому перевороту, сторонник восстановления единой России.

¹⁸ *Эйхгорн Герман* (1948-1918) — генерал-фельдмаршал, командующий немецкими оккупационными войсками на Украине, убит в июле 1918 эсером Б.Донским в Киеве.

¹⁹ *Коновалец Евген* (1891-1938) — полковник армии УНР, видный украинский военный и политический деятель. Командир Корпуса січових стрельців в противоветманском восстании.

²⁰ В пропущенном фрагменте Скоропадский рассказывает о конструировании им дееспособной власти, в частности — о создании армии.

²¹ *Петлюра Симон Васильевич* (1879-1926) — политический деятель, публицист, литературный критик. См.: Петлюра С. Статті, листи, документи. Т.1. Нью-Йорк, 1956; Т.2. Нью-Йорк, 1976; *Винниченко Владимир Кириллович* (1880-1951) — известный украинский писатель и левый политический деятель. Свои взгляды и воспоминания об украинской революции, активным участником которой он являлся, изложены им в книге: *Відродження нації*. Ч.І-ІІІ. Київ; Відень, 1920.

²² *Шинкарь Николай* — украинский военный деятель, при Центральной Раде — начальник Киевского военного округа, позже — украинский левый социалист-революционер.

²³ *Рогоза Александр* (?-1919) — генерал царской армии, командующий IV российской армией в Первую мировую войну.

²⁴ *Кистяковский Игорь Александрович* (1876-?) — юрист-цивилист, доцент Киевского и Московского университетов, кадет.

²⁵ Вероятно, имеется в виду Игорь Кистяковский.

²⁶ *Натиев* — украинский генерал осетинского происхождения, отличился в боях с большевиками под Полтавой и Ромоданом. Замучен в 1919. Об украинской армии в гетманский период см. также: *Історія українського війська*. Львів, 1936. С.421-461.

²⁷ *Голубович Всеволод* (1890-?) — украинский политический деятель, инженер по специальности. При Центральной Раде — генеральный секретарь путей сообщения, затем — торговли и промышленности. Возглавил украинскую делегацию на мирных переговорах в Бресте, в январе 1918 после IV Универсала Центральной Рады, провозгласившего независимость Украины 9 (22) января 1918, — председатель Совета министров (до гетманского переворота). В 1930-е — репрессирован.

²⁸ Роза революции (*фр.*).

²⁹ В пропущенном фрагменте Скоропадский рассказывает о деятельности министерства финансов во главе с Ржепецким. Гетман писал: «Ржепецкий много сделал для правильной постановки дел. Он выработал

новую налоговую систему; учредил Державный банк; Земельный банк; перетянул старых служащих из Петербургской экспедиции заготовления бумаг и блестяще поставил дело. /.../ Насколько хорошо было наше финансовое положение еще в октябре, доказывает то, что мы с Ржепецким надеялись провести смету нового года без дефицита».

³⁰ *Шенцицкий* Андрей (1865-1944) — граф галицийский, украинский церковный и общественный деятель, греко-католический митрополит, мценат. В 1899-1900 — епископ станицлавский (ныне Станислав — Ивано-Франковск), с 1900 — архиепископ во Львове, митрополит Галиции, после прихода российских войск в Галицию сослан в Россию (1914-1917). Основатель Украинского Национального музея, Богословской Академии. См. о нем: Библиотека журнала «Пам'ятки України». Кн.2: Українське відродження і національна церква. Київ, 1990. С.69-85.

³¹ В пропущенном фрагменте Скоропадский критически оценивает деятельность земств, а также пишет о своих попытках в начале гетманства найти общий язык с С.В. Петлюрой. Отмечая, что попытки эти встретили положительный отклик, Скоропадский характеризует Петлюру как сентиментального идеалиста и чрезвычайно честолюбивого человека, искреннего в своем отношении к Украине. Далее гетман выражает сожаление, что Петлюра перешел в оппозицию, а не помог работе правительства.

³² *Форгач* Янош — австро-венгерский дипломат, венгр, в 1918 — австро-венгерский посол при Центральной Раде, проявил себя врагом украинских стремлений к независимости.

³³ *Раковский* Христиан Георгиевич (1873-1941) — советский государственный деятель. В 1918-1923 — председатель СНК УССР, затем — полпред СССР в ряде стран. Репрессирован.

³⁴ *Старицкая-Черняховская* Людмила Михайловна (1868-1941) — украинская писательница, актриса и общественная деятельница.

³⁵ *Завадский* Сергей (1871-1943) — юрист и судебный деятель дореволюционной России (товарищ обер-прокурора Синода). В эмиграции (Прага) работал в русских научных учреждениях, выступал против украинского сепаратизма.

³⁶ В пропущенном фрагменте рассказывается о работе министерств продовольствия и путей сообщения.

³⁷ Речь идет о новаторском «*Молодом театре*», созданном талантливым режиссером и актером Лесем Курбасом (1887-1937, расстрелян). См.: Молодий театр: Генеза, завдання, шляхи. Київ, 1991.

³⁸ *Садовский* (Тобилевич) Микола Карпович (1856-1933) — украинский актер, режиссер, театральный деятель. В 1906 создал собственный театр (театр Садовского) в Полтаве, первый украинский стационарный театр; *Саксаганский* (Тобилевич) Панас Карпович (1859-1940) — украинский актер, режиссер, театральный деятель, брат М.Садовского. Основал в 1918 Народный театр в Киеве, на базе которого в 1922 был создан Театр им. М.Заньковецкой.

³⁹ См. прим. 6.

⁴⁰ Почти общепринято, что деятельность *В.И. Вернадского* по организации Украинской Академии имела место лишь в силу сложившихся обстоятельств. Не оспаривая, что этот крупнейший ученый принадлежит академическим традициям Запада, заметим, что о своем украинском происхождении *В.И.* никогда не забывал и искренно содействовал становлению украинской национальной науки. *В.И.* писал: «Дети вышли разные — очень дружные — но сын православный и русский без всяких украинских симпатий — а дочка украинка, в этой области душевно близкая мне» (Из письма Вернадского к *А.В. Гольштейн*, 1920 — хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета, Нью-Йорк; фонд *А.В. Гольштейн*). См. также: Дражевська Л. Володимир Іванович Вернадський (1863-1945) // 125 років Київської української академічної традиції: 1861-1986. Нью-Йорк, 1993. С.377-406.

⁴¹ *Грушевский* Михаил Сергеевич (1866-1934) — украинский историк, академик, организатор национальной науки, политический деятель (Председатель Украинской Центральной Рады). П.П. упоминает о его фундаментальной работе «Історія України-Руси» (Львів; Київ, 1899-1937; вышло 9 томов, охвативших период до 1658), а также «Очерк истории украинского народа» (СПб., 1904; 2-е издание — 1906; 3-е — 1911) и др.

⁴² *Багалеі* Дмитрий Иванович (1857-1932) — украинский историк и организатор национальной науки, профессор Харьковского университета, академик.

⁴³ *Алексеев* Михаил Васильевич (1857-1918) — генерал, участник Первой мировой войны, один из главных организаторов Добровольческой армии.

⁴⁴ *Шульгин* Василий Витальевич (1878-1976) — публицист, политический деятель, редактор газеты «Киевлянин».

⁴⁵ *Мирбах* Вильгельм фон (1871-1918), граф — германский посол в РСФСР с апреля 1918.

⁴⁶ Блеск и нищета (*фр.*).

⁴⁷ Самое необходимое (*фр.*).

⁴⁸ От фр.: je m'en fich (мне наплевать) — безалаберный, с наплевательским отношением.

⁴⁹ Экспортная компания (*нем.*).

⁵⁰ В пропущенном фрагменте рассказывается об убийстве Эйхгорна.

⁵¹ В пропущенном фрагменте рассказывается о деятельности министерства юстиции и морского министерства.

⁵² Вероятно, *Татищев* Борис Алексеевич (1876-?) — директор канцелярии МИД и советник I политического отделения (1916 — ноябрь 1917), статский советник, камергер.

⁵³ *Штейнгель* (Штайнгаиль) Федор Рудольфович, барон (1870-?) — российско-украинский общественный деятель, член 1-й Государственной Думы, член Товариства Українських Поступовців (ТУП — Общество украинских постепеновцев), в 1918 — посол Украины в Берлине, основал музей археологических и этнографических находок на Волыни.

⁵⁴ *Шульгин* Александр Яковлевич (1889-?) — историк, политический деятель, племянник В.В. Шульгина. В 1917 — генеральный секретарь Украинской Центральной Рады по национальным делам; в 1919 — посол УНР в Болгарии и глава украинской делегации на Мирной конференции в Париже; позднее — профессор западно-европейской истории Украинского университета в Праге. Труды по истории Франции; «Очерки новейшей истории Западной Европы».

⁵⁵ *Суковкин* Михаил — российско-украинский государственный деятель, земский деятель на киевщине; в 1917 — киевский губернский комиссар.

⁵⁶ Коронная земля (нем.).

⁵⁷ Уже случившееся, свершившийся факт; нечто бесспорное (*фр.*).

⁵⁸ В пропущенном фрагменте говорится о попытках создания собственной украинской армии, поездке гетмана в Германию по приглашению императора, встрече с императором и канцлером Германии; о попытках проведения аграрной реформы.

⁵⁹ *Швец* Федор Петрович (1882-?) — украинский общественный и политический деятель, с ноября 1918 — член Директории УНР, позднее — проф. Украинского ун-та в Праге; исследователь в области геологии.

⁶⁰ *Шейдеман* Филипп (1865-1939) — один из лидеров социал-демократической партии Германии, в 1918-1919 — во главе Совета народных уполномоченных (правительства).

⁶¹ *Вязлов* Андрей (1862-1919) — юрист, общественный деятель, депутат 1-й Государственной Думы, принадлежал к украинской фракции и Союзу Автономистов, член ТУП, при Центральной Раде — губернский комиссар на Волыни; *Рейнбот* Владимир — российский деятель на Украине; *Леонтович* Владимир (1866-?) — украинский общественный деятель и писатель (псевдоним В.Левенко); *Меринг* Сергей — российский политик, враг украинской государственности; *Славинский* Максим Иванович (1868-1945) — украинский поэт, переводчик, литературовед и публицист. Редактор «Украинского вестника», выходявшего в С.-Петербурге (1906), делегат Временного Правительства к Центральной Раде по вопросу об автономии в будущей России (1917), глава миссии УНР в Праге (1919), позднее — профессор Украинского Педагогического института в Праге; *Стебницкий* Петр Януарьевич (1862-1923) — украинский писатель и общественный деятель (псевдоним П.Смуток), ведущий сотрудник российского правительственного журнала «Вестник финансов, промышленности и торговли», руководитель С.-Петербургского телеграфного агентства, один из главных деятелей С.-Петербургского украинского общества, в сентябре 1917 — комиссар по делам Украины при Временном Прави-

тельстве, в 1918 — заместитель главы делегации Украины на переговорах с Россией. См. также о нем: П.Я.Стебницький: 1862-1923. Киев, 1926; *Лотоцкий* Александр Игнатьевич (1870-1939) — украинский писатель, общественный и религиозный деятель, один из основателей издательства «Вік», губернский комиссар Буковины в 1917, затем генеральный писарь в Генеральном Секретариате В.К. Винниченко. У Скоропадского сначала — государственный контролер во 2-м кабинете Голубовича. В 1919 — посол УНР в Константинополе, один из инициаторов восстановления Украинской Автокефальной православной Церкви. В эмиграции — профессор Украинского университета в Праге и кафедры теологии в Варшавском университете; позднее — директор Украинского научного института в Варшаве (труды по истории украинского церковного права; под псевдонимом Білоусенко — детские книжки и учебники; публицистика в киевской «Раде» и «Украинской жизни»), см. о нем также: Джерела до новітньої історії України. Т.ІІІ: Матеріяли до історії літератури і громадської думки: Листування з американських архівів. 1857-1933. Нью-Йорк, 1992. С.402-403.

⁶² *Балбачан* (Балбочан) (?-1919) — полковник, 18 сентября 1918 в Харькове произвел переворот против гетманских властей. Затем (9 июня 1919) неудачно пытался выступить против С.В. Петлюры в Проскурове.

⁶³ Порядок управления Украиной (укр.).

⁶⁴ В пропущенном фрагменте П.П. рассказывает о своих сомнениях: самому встать во главе украинского движения или опереться на офицерские формирования в Киеве. Выбрав последнее и опубликовав Универсал о федерации с Россией (13 ноября), Скоропадский окончательно разорвал с украинскими партиями, отвернувшимися от него.

Последние страницы мемуаров повествуют об уходе с Украины немецких войск и наступлении Директории.

Ядвига Sommer

ЗАПИСКИ

Публикация, предисловие и примечания Б.Я.Фрезинского

Внимательные читатели мемуаров Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (а в 1960-е эти мемуары читала вся страна), несомненно, отметили предупреждение автора о том, что, говоря о близких ему живых людях, он будет многим связан, что вынуждает «опускать занавеску исповедальни». А потому, встречая в многотомной книге Эренбурга иные женские имена, упомянутые едва ли не пунктирно, но так, что за подчеркнутой сдержанностью автора читалось нечто куда более значительное, они не могли не обратить на эти имена особого внимания. Так было сказано о парижских встречах с молоденькой эмигранткой Лизой, ставшей впоследствии известной поэтессой Елизаветой Полонской (Эренбург не написал ни о пылком романе, ни о дружбе, сохранившейся на всю жизнь, но это можно было прочесть между строк). Так возникло на страницах второй части мемуаров имя юной киевской студентки Ядвиги. Подробно, в нескольких главах Эренбург рассказывает о долгом путешествии осенью 1919 из Киева в Коктебель, о нелегкой жизни в Крыму, о драматическом путешествии на Кавказ, а затем в Москву осенью 1920 — и всюду в этих главах рядом с именем жены Эренбурга художницы Любы Козинцевой мелькает имя Ядвиги. Это она, услышав ночью шум на палубе, позвала на помощь и спасла Эренбурга от пьяного белого офицера, пытавшегося «крестить» еврея в море; это она ухаживала в Коктебеле за Любой, которую свалил тиф («Тоненькая смуглая Ядвига, похожая на героинь итальянских неореалистических фильмов, с утра до ночи стирала белье»). В московских прогулках 1921 снова появляется ее имя: «В день моего рождения Ядвига печально сказала, что не смогла раздобыть подарка — ни цветов, ни леденца; шутя она добавила, глядя на звездное небо: "Я тебе дарю Кассиопею...".». Затем это имя исчезает со страниц книги, чтобы неожиданно появиться в шестой, последней из опубликованных при жизни автора, части, где Эренбург вспоминает поездку в Ярославль летом 1945: «Не помню, что было на вечере в Ярославле, но там я увидел Ядвигу. Она ласково улыбалась, как в Коктебеле. Ничего не ска-

жешь — моя молодость меня искала...» Перед этим Эренбург был в Ленинграде и встретился там с Полонской. «Горько встретиться со своей молодостью, особенно когда на душе нет покоя; умиляешься, пробуешь подтрунить над собой, нежность мешается с горечью», — в таком контексте слова «молодость меня искала» звучали особенно щемяще¹. Я обратил внимание на все это давно, еще читая мемуары в «Новом мире», и потому не удивился впоследствии, когда в эренбургской «Книге для взрослых» (она написана в 1936) в одной из биографических глав нашел имя Ядвиги.

Все это, как принято говорить в таких случаях, пронеслось у меня в голове, когда в апреле 1972 мой близкий, а теперь уже покойный друг, собравший уникальную иконографию русских писателей XX века, М.А. Балцвинник позвонил мне и со значением в голосе спросил, не говорит ли мне что-нибудь имя «Ядвига»? Ответ был незамедлительным: «Спутница Эренбурга в его скитаниях 1919-1921 годов». К этому я добавил, что никаких ее следов в своих эренбургских разысканиях не нашел — да и как искать по одному имени (спросить у близких Эренбурга казалось неудобным). «Так вот, — не без победного торжества заявил мой друг, — я вчера с ней виделся и долго говорил». После некоторой паузы мне было любезно объявлено, что, так уж и быть, я приглашен на следующую встречу.

Так 24 апреля 1972 я оказался в необыкновенно уютной красного дерева гостиной Екатерины Константиновны Лившиц, вдовы знаменитого поэта, переводчика и мемуариста Бенедикта Лившица. Уют этот был воссозданным и выстрадан годами лагерей и ссылки, долгой бездомной жизнью — все это, как и смерть единственного сына, свалилось на Е.К. после ареста и гибели ее мужа в 1938. Екатерина Константиновна, несмотря на все пережитое, сохраняла необычайный жизненный заряд; она как бы соединяла в себе светскую львицу с тертой эзичхой, и это соединение не казалось противоестественным. Несомненный вкус к жизни, веселость нрава, любовь к острому словцу во вполне светской беседе, интерес ко всему на свете, легкость на подъем — такой она оставалась до последних дней. Е.К. достойно входит в круг русских жен, спутниц обреченных деятелей культуры 1910-1930-х, в круг, который на наших глазах превращается в легенду, как это уже было с женами декабристов.

На столь броском фоне очень сдержанная, немногословная, замедленная в движениях, оснащенная слуховым аппаратом, высокого роста, в строгом и элегантном костюме, со спокойной улыбкой, не оставлявшей ее лица, Ядвига Иосифовна Sommer выглядела достаточно контрастно. Они были подругами в Киеве 1918-1919-х, затем судьба развела их на полвека, и вот встреча в Питере, куда Я.И. приехала по приглашению Е.К. (жила она попеременно то в Ярославле, то в Москве у дочери).

Старинная бронзовая лампа под колпаком ярким световым пятном освещала круглый стол, накрытый белой хрустящей скатертью; нас ждал ужин. Я забросал Я.И. вопросами (все они сводились к Эренбургу и его

¹ В 1960-е Я.И. отдыхала в Эстонии, в Эльве, и там встретила с Е.Г. Полонской. «О нас написано на соседних страницах "Люди, годы, жизнь"», — сказала она Полонской, но та не отозвалась.

окружению), старательно избегая всего, что могло показаться бестактным. Я.И. спокойно и неторопливо отвечала; было видно, что предстоящий разговор ею тщательно продуман. Е.К. прерывала длинные монологи живыми репликами, эпизодами воспоминаний («Когда Бенедикта Константиновича арестовали, я позвонила Эренбургам в Москву. Люба сказала, что как раз выезжает в Ленинград. При встрече в Питере она рассказала, что положение Эренбурга полностью неопределенно: то ли ему дадут визу и их отпустят в Париж, то ли его возьмут»). Когда Я.И. рассказывала о созданной Эренбургом в Киеве студии художественного слова, которую она посещала, Е.К. игриво спросила: «Ну, и чему же он вас, Ядвига, там учил? Искусству страсти нежной?» — но Я.И. оставалась невозмутимой.

Когда мы ушли (я узнал об этом впоследствии из письма Я.И.), Е.К. печально сказала: «Мы для них — только экспонаты былого...»

Придя домой, я тщательно записал все услышанное.

Так началось наше знакомство; оно продолжалось более десяти лет. Мы встречались и беседовали в Питере, Москве, Ярославле; интенсивно переписывались (у меня сохранилось лишь две сотни писем Я.И.); мне кажется, что я довольно хорошо узнал Ядвигу Иосифовну. Конечно, стержнем всего этого был Эренбург, и теперь я могу лишь сожалеть, что мало спрашивал Я.И. о ней самой, так что могу сообщить читателям немного.

Ядвига Иосифовна Соммер — киевлянка, она родилась в 1901 в польской семье (у нее было двойное имя Ядвига-Евгения, и в советских документах значилось лишь второе; Ядвигой ее звали друзья юности; в силу историко-литературного происхождения нашего знакомства мне это тоже было позволено). Польская национальность, кажется, тоже исчезла из документов — во всяком случае, в энциклопедии «Герои Советского Союза» брат Я.И. (Андрей Иосифович Соммер) значится украинцем. Впрочем, Я.И. многие считали скрытой еврейкой не только из-за отчества и нерусской фамилии, но и потому, что она всегда открыто и непримиримо выступала против антисемитизма. Если не ошибаюсь, ее отец был военным и рано погиб, а брат, окончив в 1914 Полтавский кадетский корпус, также стал профессиональным военным, дослужившись до генеральского чина в Советской Армии (судя по той же биографии, его не обошли репрессии 1930-х: окончив Военную академию в 1936, он попал на фронт лишь в 1943 — надо думать, прямо из лагеря).

У Я.И. был твердый характер. Она умела не замечать людей, ей неприятных, и, наоборот, быть неизменно внимательной, доброй и ласковой к друзьям. Послевоенные годы Я.И. работала доцентом Ярославского педагогического института, преподавала литературу. «У всех нас, — писала она мне, — жителей Великого Государства, жизнь серая, смутная, безрадостная, и каждый ищет какую-нибудь заслонку, чтобы прикрыть безобразное. Для меня такой заслонкой служат книги». Нет ни одного письма Я.И., где бы она не говорила о прочитанном, о тех книгах, которые готовятся к печати или уже вышли и разыскиваются ею. Вот наудачу несколько фрагментов: «Если действительно выйдут Ахматова и Мандельштам, я готова за них отдать всю мою месячную пенсию» (1973);

«Читаю по-русски мало (по-французски — Камю). Прочла письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой (изданы в Праге) — горькая книга» (1973); «Ходят слухи, что вскоре у нас будет издан "Доктор Живаго". Правда ли?» (1974); «В №5 "Нового мира" напечатаны интересные записки Гр.Козинцева о "Маленьких трагедиях" и об уходе Толстого. Я очень обрадовалась, что моя трактовка "Пира во время чумы" совпала с его мнением, отношусь к нему с большим пиететом» (1974); «Письмо Неруды Эренбургу прелестно, оно растрогало меня до слез» (1975)... Значительную часть чтения Я.И. составлял самиздат, но об этом мы могли говорить лишь при встрече (перлюстрация ни для кого не была секретом). Иногда Я.И. и хотела поделиться читательской радостью, но распристенными знаками, вроде небезызвестного Цезаря Карловича (аббревиатура этого имени обозначала для нас власть в целом) она не пользовалась, а подвести корреспондента считала немислимым, так что, встретив в письме слова «Шестьсот страниц прочла. Хорошо читать классиков», — не сразу можно было догадаться, что речь идет об «Архипелаге ГУЛаг» Солженицына.

В те беспросветно глухие времена книги были главной радостью жизни Я.И. «Для меня невыносима мысль, — читаю в одном из первых ее писем, — что меня лишают тех духовных ценностей, которые мне более нужны, чем пища, одежда и прочие материальные блага. Я не хочу иметь телевизор, который вколачивает мне в голову те мысли и образы, которые мне чужды. Вот почему я хорошо понимаю книжников и сочувствую им».

Поверив в юности словам, написанным на знаменах революции, Я.И. долгое время сохраняла в себе эту веру, но реальная жизнь оказалась сильнее — ко времени нашего знакомства от былых привязанностей мало что осталось, разве что глубокий, продуманный атеизм. «Я считаю религиозные верования свидетельством либо необразованности, либо слабости душевной», — это из письма 13 июня 1976. И в ответ на некоторые мои сомнения на сей счет: «Если наука "не отвечает на некоторые вопросы", она тем самым побуждает к исканиям, к борьбе, к творчеству. А вера только утешает. Она нужна слабым и ленивым. Я не принимаю никакой веры, никакой религии, не хочу ничего "обожествлять". Я не знаю, правда ли, что всякая философия религиозна, но если это так, то ее место там же, где находится теология».

Многое из того, о чем писал Достоевский, было воспринято Я.И. очень лично. «Нельзя строить рай, земной или небесный, — пишет она, — на крови, от такого рая все равно откажешься (вернешь "билет"), а если "воспользуешься" им, то это уже будет не рай. Но человечество всегда шло только таким путем. И потому натура человека безнадежно испорчена». Вообще, самыми любимыми писателями Я.И. были Пушкин, Достоевский и Томас Манн, она не пропускала ни одной публикации об их творчестве.

Внутренне не принимая политического режима, Я.И., чтобы не повредить близким, внешне вынуждена была держаться лояльно. Перечитывая ее письма, по отдельным лишь фразам восстанавливаешь в памяти со-

бытия тех лет, вызывавшие наш острый и горький отклик: «Коржавин исключен из Союза писателей» (1973); «К Катаеву потеряла уважение, как, впрочем, и к некоторым другим» (это в связи с подписанием коллективных писем против А.Д. Сахарова в октябре 1973), а в следующем письме уточнение: «Имя В.К[атаева] употребила в качестве ширмы — я ему цену знаю давно; что касается В.Б[ыкова] — без него его женили» — западные радиостанции сообщили, что Быков опротестовал употребление его имени в антисахаровской кампании; 10 декабря 1975 сообщили о присуждении А.Д. Сахарову Нобелевской премии мира, и счастливая Я.И., как бы делясь этой радостью, отправила мне бандероль — шла она долго, и я не увязал ее получение с памятным событием, что огорчило Я.И.: «Вы так уныло приняли книгу, посланную Вам с целью отметить знаменитый день. Подозреваю, что Вы не обратили внимания на дату».

«Вы спрашиваете, куда нам плыть. Нашли кому задать этот вопрос. Для меня давно земля окутана смогом, и цели нет предо мной». И — спустя три года, продолжая давний разговор: «Что касается человечества, к нему — это мое крепкое убеждение — и невозможно относиться по-доброму; если подходить к нему исторически, то можно только изумляться, сколько крови и грязи налипло на нем, какая страсть к преступлению, к самоистреблению обуревала его во все эпохи его существования. И если оно погибнет, то по собственной вине — туда ему и дорога. Оно производит иногда выдающихся (умом, добротой, талантом, гениальностью) людей, которые пытаются тащить его за собой и без которых "заглохла б нива жизни". Их можно любить, ими гордиться и восхищаться, перед ними преклоняться. Существуют и обыкновенные хорошие люди, казалось бы, достойные доброго отношения. Однако сколько в них эгоизма, душевной черствости, невнимания к "ближнему", нежелания ради кого бы то ни было поступить своими удобствами, переложить на свои плечи часть чужого бремени, наконец, просто нечуткости. К этим людям можно относиться по-доброму, но нужно им многое прощать. На это способны немногие».

Уже в самые первые встречи я стал уговаривать Я.И. написать воспоминания. Возможно, уговоры возымели действие, и в ноябре 1973 Я.И. сообщила мне: «Начала немножко писать воспоминания — тягостное это занятие. Не знаю, выйдет ли». О ходе работы я узнавал из писем: «Я пишу помаленьку, но трудно — никак не могу загнать себя в тень»; «Выяснилось, что весь июнь пробуду в Старове в полном одиночестве — вот тогда-то займусь вплотную воспоминаниями», — и, наконец, последнее сообщение 26 июня 1974: «Записками своими недовольна: интимно получается, не для посторонних глаз. Оставила покамест, но, вероятно, уничтожу, м.б., попытаюсь еще раз».

Так погиб первый вариант записок; чтобы помочь второй попытке, я посылал Я.И. книги, опубликованные и архивные материалы, списки полезных изданий — хотелось помочь ей воссоздать общую атмосферу давних лет. В ее письмах нахожу следы этой работы: «Спасибо за справки по истории Киева. Они мне очень пригодятся как ориентиры»; «Спасибо

за "Вопросы литературы" ["номер с письмами Эренбурга. — Б.Ф.]. Стоили мне эти письма бессонной ночи... Мне очень трудно их читать: я слышу его живой голос, вижу усмешку, жесты. Замечательно то место, где он говорит о своей иллюзорной цельности — очень часто трудно было определить, где кончается его улыбка (скептическая) и начинается пафос. Он сам этого не знал. Но чаще пафос переходил в усмешку, чем наоборот»; «Вздумала посмотреть "Страницы жизни" Всеволода Рождественского, собственно одну главу "Коктебель". Прочла, с трудом преодолевая отвращение к его языку»; «Воспоминания А.Цветаевой я закончила. Мемуары обеих — Аси и Али² — меня немного ободрили: они откровенно сознаются в провалах памяти. А мне так стыдно было их признать...»; «У А.Гладкова³ правильное замечание о монологичности И.Г. Эту особенность его общения с людьми я хорошо знала, и она подчас даже тяготила меня. Хотя и была у него привычка, высказав какое-нибудь суждение, тут же спрашивать: "Что?", но это вовсе не звучало приглашением высказаться; без всякой паузы И.Г. продолжал говорить сам».

Особенно взволновали Я.И. присланные мною тексты писем Эренбурга, сохранившихся в волошинском архиве, — речь идет о двух письмах 1920: одно адресовано Я.И., а второе — Волошину, и Я.И. в нем упоминается. «Почему письмо, адресованное мне, оказалось в архиве М.А., могу только предполагать, — немедленно отозвалась Я.И., — И.Г. пишет из Коктебеля в Феодосию художнику Богаевскому, у которого останавливался Волошин, очевидно, в расчете, что Макс передаст мне письмо. М.Б., М.А. меня не нашел, потому что я уже ушла в Коктебель (обычно я ходила пешком туда и обратно, т.к. транспорта тогда не было), а м.б., передал мне поручение И.Г. на словах или выполнил сам. А письмо так и осталось у него. Я только помню, что болезнь Любы началась без меня, а затем я выхаживала ее, проводя возле нее дни и ночи. У И.Г. болело сердце, и я не позволяла ему ничего делать, да он ничего и не умел... Мне очень неприятно, что эта записка попала в архив...»

В июле 1974 в Лисьем Носу, на даче у Е.К. Лившиц я показал Я.И. сделанные мною записи ее рассказов. Она их оставила у себя для просмотра, а потом написала мне: «Единственное чувство, которое вызвали во мне Ваши записки, был стыд, что я не оправдала Ваших надежд, что я растеряла в течение своей долгой жизни те впечатления, которые в свое время формировали мой характер, мое мировоззрение, определяли поведение. Этими впечатлениями я обязана тому, что И.Г. любовно делился со мной своим душевным богатством». Мне кажется, что мои записки помогли Я.И. — она увидела, что если не напишет сама, то останутся загадки, домыслы, сплетни. Свои записки я вел от лица Я.И., и в связи с этим мне был дан совет: «Мне хотелось бы только, чтоб Вы изменили форму: не сплошным потоком от первого лица, а в виде своего рассказа». Стало ясно, что Я.И. снова будет писать о дружбе с Эренбургом.

² Воспоминания дочери М.Цветаевой А.С. Эфрон в 1975 напечатал журнал «Звезда».

³ См.: Гладков А. Поздние вечера // Воспоминания об Илье Эренбурге. М., 1975.

О том, как продвигалась эта работа, Я.И. сообщала мне регулярно: «Вы спрашиваете о моих записках. Они будут, но я уже не стану так растекаться мыслью по древу, как в первом варианте. Поняла, что необходимо сделать выжимки, дать то, что интересно для характеристики И.Г. и его окружения» (октябрь 1974); «Если раньше я не могла иногда выдавить из себя ни одной строки, то теперь я писала запоем. Мне остается написать небольшое заключение, отредактировать, затем перечитать "Люди, годы, жизнь" (чего я сознательно не сделала раньше), чтобы уточнить некоторые даты, исправить неточности и т.п.» (февраль 1975); «Мои записки почти закончены, я хотела послать часть их Вам на отзыв. Но я не могу здесь отдать напечатать их на машинке. Если уж Ленинград превратили в унылую провинцию⁴, то Ярославль всегда был провинциальным городом. А это значит, что машинистка разнесет по всему городу басни обо мне, и на меня будут пальцем показывать. Придется мне, видимо, взять записки в Старово, там на свободе их спокойно переписать и послать Вам рукопись» (апрель 1975); «Я попутно исправляю всякие погрешности. Буду посылать Вам записки частями — мне необходимо знать Ваше впечатление от самого начала. Я не знала, что Вы уже приступили к своей работе над летописью (мне очень нравится само название)⁴. Но вряд ли Вам мои записки что-нибудь дадут — ведь это просто история одной дружбы» (май 1975); «Посылаю Вам киевский период. Жду Вашего отзыва. Да, я оставила место для эпиграфа, но пока еще не придумала» (май 1975); «Не бойтесь задеть мое самолюбие, у меня его попросту нет. Если бы мне с самого начала сказали, что все это никуда не годится, я бы бросила писать. Но, поскольку Вы эту работу приняли, я хочу сделать ее хорошо... Больше всего мне хотелось бы предпослать в качестве эпиграфа к моим запискам следующие слова: "Самое страшное в жизни — это думать о прошлом. Оно может быть плохим, может быть хорошим, но оно неисправимо, невозвратимо. Перебрав все виденное и сделанное в прошлом, больше всего думаешь о том, какие ошибки были сделаны и какие последствия в конце жизни они имели. И нельзя ни исправить ошибки в прошлом, ни изменить их последствия в настоящем". Я поместила бы такой эпиграф, если бы это уже не сделал А.Н. Рубакин в книге "Над рекой времени"» (июнь 1975); «Спасибо за ответы на мои вопросы. Теперь я займусь третьей главой, а в Ярославле доработаю записки в целом... Примите во внимание, что я жила вне политики, газет не читала. Я поверила в справедливость революции и в то, что только большевики могут довести ее до полной победы, и этой вере оставалась верна многие годы. Спорить об этом с И.Г. я избегала, чтобы его не раздражать. Деникинцы, натворив безобразий в первые же дни, объявили о жестокостях большевистской чрезвычайки и открыли для обозрения жителей ее подвалы. Я не верила и смотреть не ходила. Но как об этом написать? Потом была атака красных на предместье Киева. Почему вернулся И.Г.? Да потому, что атака была отбита. Вы считаете, что об этом следует напи-

---

⁴ Начатая мною работа над Летописью жизни и творчества И.Эренбурга не была завершена; иной ее вариант (в соавторстве с В.Поповым) издан в 1993.

сать? .../ Лучше эпизод ссоры с Волошиным опустить, хотя я понимаю Ваше желание его осветить, поскольку Вы можете привлечь к делу известное письмо. Уж очень мелко и пакостно и само оскорбление и дальнейшее поведение М.А., судя по письму И.Г. А слова мои "я была причиной ссоры" зачеркните, тем более, что и по существу это неверно: *причиной* ссоры я не была. Разве я виновата, что мужчины определенного сорта любят говорить скабрёзности о женщинах. У И.Г. не было к этому склонности» (июнь 1975); «Я, право же, больше ничего не могу из себя выжать, о Максе же не хочу, т.к. плохо говорить о нем считаю неудобным, а хорошего в нем заметила мало. Не в Записках, а Вам лично могу сказать, что все в нем было как-то неприятно: величественная фигура ("олимпийский бог, венчанный полевыми цветами", он и впрямь носил венки на кудрях), покровительственная и вместе елейная манера, цепкий и масляный взгляд, а вместе какая-то фальшь... Весь июль я буду зверски работать, чтобы закончить записки» (июль 1975); «Я могла бы уже отослать Вам третью главу, но мне хочется включить в нее воспоминания об И.Г. моей дочери. Я как-то в письме попросила ее написать, что она помнит о двух встречах с ним — у нас в Ярославле и у Эренбургов в Москве на улице Горького. Она неожиданно быстро откликнулась, сообщив, что напишет» (июль 1975); «Записки я закончила, переписала, хотя и не очень аккуратно. Это подарок Вам. Только одна просьба: если вздумаете печатать, то после моей смерти» (сентябрь 1975); «Когда начну снова просматривать Записки (сейчас не могу — опостытели), я Вам еще надоюм просьбами внести те или иные поправки» (октябрь 1975).

Поправок, действительно, еще вносилось немало, и окончательный вариант текста Я.И. передала мне в 1976. «Я с полным доверием вручаю Вам Записки, зная, что *память Эренбурга не страдает*», — это из письма 13 июня 1976. Кому могла прийти в то время мысль, что мы доживем до крушения режима, что в обозримом будущем наступят времена, когда все оценки поменяются — вместо красного — белое, и наоборот. Я.И. очень боялась навредить Эренбургу упоминанием о том, что он не все одобрял у красных. Теперь его на всех углах обвиняют в том, что он не все одобрял у белых.

Конечно, Записки от этой осторожности пострадали, и ряд эпизодов, суждений и оценок так в них и не попал. Например, рассказ о том, как Леонид Леонов в октябре 1941 в обстановке всеобщей паники сказал Эренбургу: «Я останусь в Москве, я же русский, я надену крест, выйду на улицу, неужто немцы меня убьют?», а после разгрома немцев под Москвой как ни в чем не бывало писал антифашистские опусы...

Я.И. читала свои Записки лишь самым близким людям. «Когда был у меня Миша⁵, — писала она мне осенью 1977 года, — я ему прочла коктейльскую главу. Он спросил, не могла бы я сделать Записки более общественно значимыми, т.е. писать больше об Эренбурге, Мандельштаме, Волошине, чем о себе. Я сказала ему, что этого и Вы добивались от меня, но потом, очевидно, махнули рукой, поняв, м.б., что это не в моих воз-

---

⁵ Литературовед М.Л. Андреев, внук Я.И.

можностях. Мои Записки могли бы стать более ценными, если бы а) я вела дневник и б) если бы сам И.Г. не написал своих мемуаров». В последние годы она часто возвращалась к прежним дням, но, считая свой долг исполненным, от каких-либо литературных предложений отказывалась.

Под занавес судьба нанесла Я.И. жестокий удар — в 1981 после изнурительной болезни умерла ее единственная и любимая дочь. «Это мое самое большое горе в жизни», — написала Я.И. в письме. Вскоре я навестил ее в Москве — Я.И. очень сдала; ее единственным утешением оставались книги...

Ядвига Иосифовна Соммер скончалась в Москве 19 января 1983. Ее Записки печатаются здесь полностью по рукописи; фрагменты из них были использованы в комментариях к последнему изданию мемуаров Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (М., 1990) и в Летописи жизни и творчества Эренбурга (Т.1. СПб., 1993).

Илью Григорьевича Эренбурга я хорошо знала в 1919-1921 годах, много раз встречала и потом. Последний раз я его видела на обсуждении «Оттепели» в каком-то московском клубе, а последнее письмо от него получила в 1959 году.

Сорок лет.

Поздно принялась я писать свои воспоминания — мне 75 лет. Память ослабела, некоторые страницы жизни словно песком занесло, имена и даты забылись, совершенно стерлись бытовые подробности. Но то, о чем я буду писать, я вижу отчетливо. Ни на йоту я не отступлю от правды.

Мне придется рассказывать не только об И.Г. и людях, его окружавших, но и о себе. Это необходимо для того, чтобы читающий эти записки мог судить о значительности и ценности приведенных свидетельств, суждений, отношений.

Начну с внешности И.Г.

Фотографий Эренбурга сохранилось бесчисленное множество, а все-таки они не дают полного представления о его фигуре во весь рост. Крупная голова, широкая сутулая спина и тонкие ноги, семенящая торопливая походка, худые, узкие, с длинными пальцами и продолговатыми, красивой формы ногтями руки, слабые руки: когда он в Коктебеле пытался колоть дрова, я не могла смотреть на его тщетные усилия, и кончалось тем, что отбирала топор. Ему было 28, мне 19 лет, сноровки не было у обоих, и все же я лучше справлялась с этим делом. Когда И.Г. сидел, у него был вид солидного человека, но эта солидность пропадала при ходьбе. Помнится, в Литгазете было напечатано фото Хрущева и идущего рядом И.Г.¹ (происходила встреча Н.С. с писателями на правительственной даче в июле 1960 г.). Вероятно, не без дур-

ного умысла газета поместила фото, на котором И.Г., казалось, подобострастно изгибаясь, торопится за главой государства. На самом деле, ни тени угодливости не было в отношении и в обращении И.Г. с Хрущевым — во всем виновата походка: И.Г., сменя, явно не поспевал за широким шагом своего собеседника.

Я видела И.Г. в трудных и опасных обстоятельствах: при нападении белогвардейских казаков на наш вагон осенью 19-го года, на катере «Русь», когда его по обледенелой палубе ташил за борт пьяный офицер², во время шторма на Черном море, когда зигзагами прыгала груженная солью баржа за ведущим ее паролотом, то скользя в пропасть, то взлетая на гребень высокой, как гора, волны — всюду и всегда, в любых обстоятельствах И.Г. вел себя со спокойным достоинством и исключительным мужеством.

В этом человеке была бездна иронии, но не было веселости: он никогда не смеялся, он усмехался, кривя рот. Но беспощадная ирония совмещалась в нем с некоторой долей сентиментальности — это очень ощутимо в его стихах и прозе. И.Г. так любил иногда пожалеть себя, почувствовать себя обиженным, несчастным. Когда, уехав из Тифлиса, мы остановились на ночлег в какой-то чайхане на Военно-Грузинской дороге, Люба³ и я, не сговариваясь, стали писать своим новым друзьям-грузинам (была возможность отправить утром письма в Тифлис), И.Г. долго сидел молча, грустно и обиженно качая головой.

Но большей частью ирония крепко сдерживала проявление чувств И.Г.: растроганность, душевное волнение обнаруживались подчас только смущенной улыбкой, иногда даже усмешкой над собой.

Для характеристики человека очень существенно его отношение к людям. В обращении с ними И.Г. был сдержан и вежлив. Даже в состоянии раздражения он никогда не был грубым — свидетельством его подлинной, я бы сказала, органической интеллигентности. Благодаря ироническому складу ума И.Г. быстро подмечал недостатки и смешные стороны окружающих, говорил о них насмешливо. Но никогда не унижался до злословия, в его оценках людей всегда было больше великодушия, понимания, чем осуждения (лучшее доказательство — его мемуары). Он мог говорить и даже писать о долгах Мандельштама, мог дразнить М.П. Кудашеву словами И.Северянина: «Это все для ребенка, это все для ребенка»⁴, но при этом он горячо любил О.Э. и дружески относился к Майе.

Если же что-нибудь в человеке его возмущало, отталкивало, он стремился уйти, отстраниться от него. В таких случаях И.Г. прибегал к характерному жесту: сложив ладони обеих рук, он при-

слонял их к уху и отклонялся в сторону, как бы не желая видеть и слышать того, кто вызвал его негодование. О дурных поступках людей, особенно близких, он говорил с грустью.

Насилия, которым мы подвергались во время путешествия из Киева в Феодосию, заставляли его надолго замкнуться, он тяжело их переживал в душе.

Еще следует сказать о деловитости И.Г., отмеченной в печати Ф.Левиным («Из глубин памяти»⁵). Только эта деловитость спасла нам жизнь во время пребывания в Крыму. Об этом я расскажу ниже.

Меня всегда поражала исключительная память Эренбурга, та россыпь знаний, которая так богато обнаруживалась и в его произведениях и в личном общении. В 19-21 годах у него не было никакой библиотеки; когда много позже я бывала у него в Москве на улице Горького, я видела книжный шкаф, обклеенный вырезанными из папиросных коробок цветными полосками и картинками (временная прихоть, успокаивающее нервы занятие, как в Коктебеле — создание акварелек, иллюстрирующих детские стихи, а в старости — коллекционирование и разведение цветов); но он, этот шкаф был набит книгами самого И.Г. и их переводами на языки чуть ли не всего мира⁶. Я не слишком часто видела его читающим книги (другое дело — газеты, которых он, по его словам, терпеть не мог — ему претил специфический «газетный» язык, — а все же читал постоянно); он не делал вырезок, выписок; записные книжки его отличались, как известно, краткостью исключительной. Очевидно, только отличная память сохранила в его мозгу такую массу знаний и всегда преподносила в нужную минуту. Как правило, память больше теряет в течение жизни человека, чем накапливает, — она расточительна. Она и коварна, т.к. склонна ошибаться. Но Эренбург не ошибался.

Душевная жизнь И.Г. была очень сложной, убеждения рождались и вынашивались в результате мучительных раздумий. Между тем находились люди, мыслившие примитивно и трафаретно, которые позволяли себе обвинять Эренбурга в недомыслии, ренегатстве и одергивать его с высоты своего величия.

Я хочу обрисовать эволюцию политических взглядов И.Г., которая совершалась на моих глазах. Мы все, дети века, ее пережили — это черта эпохи, но у каждого она протекала по-разному, следовательно, это и черта личности.

Особенностью И.Г., которая в нем оставалась неизменной на протяжении всей жизни, было его критическое отношение к любой власти. Как человек мыслящий, он оставлял за собой право независимо судить о ней. Он хорошо понимал природу власти как

таковой. Вот почему Эренбург не пользуется полным признанием ни на Западе, ни в СССР — нигде его не считают по-настоящему «своим».

Он мучительно пережил Октябрьскую революцию, признавал ее историческую необходимость, но в то же время его отталкивало, как и других гуманистов (Короленко, Горький), варварство стихийных мстителей, накопивших «горы ненависти, злобы» (Ленин, «Толстой как зеркало русской революции») за испытанные народом страдания. Он часто цитировал пушкинскую фразу о народном бунте, «бессмысленном и беспощадном», говорил о пролитых потоках крови. Высоко ценя созданную человечеством культуру, он не мог примириться с разрушением ее памятников, не мог спокойно говорить о сожженных библиотеках и картинных галереях, о разрушенных церквях, о том, с какой яростью народ уничтожает ценности, созданные его же трудом и гением, уничтожает потому, что они составляют собственность помещиков и капиталистов. «Где же вера в торжество революции, в то, что власть и богатство и все дары культуры будут принадлежать народу?» — говорил он.

Когда установилась власть большевиков, И.Г. пристально следил за общим направлением политики и за отдельными мероприятиями. Он сомневался, что в отсталой России можно построить социализм. «Кто же будет строить? — спрашивал он меня. — Где найдутся строители? И куда денут врагов советской власти? Врагов многочисленных и непримиримых? Ведь их не переубедишь и не перевоспитаешь за короткий срок. Значит что же? Диктатура? Насилие? Физическое уничтожение? Разве может среди морей крови расцвести "благоуханный остров" социализма?»

И он спрашивал меня: «Средневековые алхимики пытались превратить отбросы в золото. Современные алхимики сумеют ли превратить зло в добро?»

Сочувствовал ли И.Г. белым? Если и были у него какие-нибудь иллюзии, они рассеялись быстро⁷, при первом же знакомстве с «подвигами» деникинской армии. Деникинцы, взяв Киев, откровенно заявили о себе жуткими погромами, расстрелами красных, террором. Началась полоса жизни под их властью, не сулившей ничего доброго: контрразведка свирепствовала, офицерство вело разгульную жизнь.

Вспоминаю наши разговоры осенью 19-го года. И.Г. соглашался с тем, что во время 6-месячного пребывания большевиков в Киеве чувствовалось какое-то дуновение свежего ветра, проникновение новых отношений между людьми, ощущалась попытка перестроить жизнь — приучить всех людей работать, подобрать

беспризорных детей, приобщить массы к искусству (даже улицы запестрели плакатами, призывами, знаменами), вдохновить небывалыми задачами молодежь — тогда как при белых жизнь сразу окрасилась в темные, мрачные тона: будущее сулило одно — реставрацию, возвращение к прогнившему режиму, еще более омраченному хаосом, беспорядками, неуверенностью во всем.

И.Г. уехал в Крым, в Коктебель.

Там, в доме М.А. Волошина, в условиях «убежища», для И.Г. настало время раздумий, осмысления того потрясения, которое переживала Россия, и ее путей. В результате долгих и мучительных сомнений, колебаний явилось твердое убеждение в закономерности и необратимости исторического процесса, но отсюда было еще далеко до его оправдания. В дальнейшем жизнь в Москве привела И.Г. к мысли, что «голодные крестины куда привлекательнее самых пышных похорон»⁸. Впрочем, хоронить западную цивилизацию, капиталистический мир было еще рано: надежды на всемирную революцию не оправдались.

Обстоятельства заставили Эренбурга уехать в Париж, и там он написал свою первую книгу о двух мирах⁹.

С тех пор наши встречи стали редкими, поэтому я не берусь писать о дальнейшей эволюции политических взглядов И.Г. Но о ней можно судить по его собственным признаниям в книге «Люди, годы, жизнь».

Киев

Наша первая встреча произошла весной 19-го года. Я хорошо знала появившиеся недавно в Киеве сборники стихов Эренбурга «Одуванчики», «Стихи о канунах», «Молитва о России»¹⁰. Вдруг я услышала, что автор в Киеве и открыл студию для молодых поэтов и любителей поэзии. Я стихов не писала, не грешна, но любила и изучала пристально. Набралась храбрости и записалась, аккуратно посещала занятия. Их проводил всегда И.Г., других руководителей я не видела, м.б. потому, что запоздала.

Помню первое впечатление об И.Г. Он вошел в аудиторию быстро и неслышно, как будто несколько смущенный, остановился у стола, опустив руки и плечи. Одежда на нем сидела мешковато, волосы были взъерошены. Заговорил тихо и сразу, без предисловий, приступил к беседе.

Несколько слов о внешнем облике И.Г. Я не привыкла обращать внимания на одежду своих собеседников, интересоваться ею. Поэтому запомнила немного. Больше всего мне нравилось, когда

И.Г. надевал в летнее время голубую или кремовую рубашку, у него даже лицо светлело от нее. Запомнила знаменитую пижаму песочного цвета, которую он носил в Коктебеле. Сначала штаны были длинные, потом, когда их порвала собака, Люба подрезала их до колен. Фигура было довольно колоритная: волосы торчали, как у дикобраза, спина сутулая, ноги босые и... легкомысленные штанишки.

Полная метаморфоза произошла в Париже. Вскоре после отъезда И.Г. за границу я получила сделанную, очевидно, в лучшем ателье фотографию, на которой он выглядел во всем новеньком, только что от портного, совсем, как «денди лондонский».

Еще запомнился мне его пышный и невыносимо алый галстук, в котором И.Г. приехал из-за границы, кажется, в 34-м году. Я долго не могла отвести глаз от этого украшения, но потом поняла, что это просто дань моде, а не собственному вкусу.

Из занятий в студии ничего не помню, кроме одного неприятного эпизода. И.Г. прочитал строку из своего сборника, изменив в ней одно слово: вместо «первого» — «первый» и предложил исправить ошибку. Все чувствовали и понимали, что смысл и ритм требуют замены, но бывает так: вдруг «заколodило», никто не мог догадаться, какое слово и как нужно изменить. И.Г. бился с нами минут 10 и наконец был вынужден сам раскрыть карты. Видно было, что ему досадна такая тупость аудитории. Все были очень сконфужены.

Я заметила, что И.Г. обычно приходит и уходит с молчаливой и сумрачной девушкой, Лизой Молдавской¹¹. У нее были длинные косы, круглое украинское лицо и большие черные глаза. Впрочем, она, кажется, была еврейка: глаза были скорбные, как у всех евреев. Однажды Лиза не пришла на вечерние занятия. Все студенты быстро разлетелись, я выходила последняя, вслед за мной вышел И.Г. Вежливо осведомился, в какую сторону я иду. Я жила в то время в общежитии дошкольных курсов (где училась) на Бибиковском бульваре. Он жил на Рейтарской, а студия помещалась на Николаевской, в Липках. Нам было по пути, мы свернули на Владимирскую и долго шли по ней. Народу было мало. Время было весеннее; недавно прошел дождь, улицы блестели, дышалось легко. Я была в берете и черной суконной накидке. Мы заговорили о любимых поэтах и сразу нашли общий язык. И.Г. спросил, знаю ли я его стихи. Я прочла запомнившееся стихотворение из «Одуванчиков». И.Г. вел меня под руку, проводил до общежития, поцеловал руку. Много лет спустя, это было примерно в 42 году, моя дочь Таня¹² вернулась вечером из института, ее провожал однокурсник. Она вбежала радостная, румяная, со снежинками в воло-

сах, бросилась ко мне на шею: «Мама, Леня поцеловал мне руку!» Она была счастлива, моя девочка, как ее мать 23 года назад. Мне не с кем было поделиться радостью, я пришла и тихонько легла, но долго не могла уснуть.

С тех пор И.Г. не уходил больше с Лизой Молдавской. Каждый раз он провожал меня. Как-то шли мы с ним еще засветло по Марининско-Благовещенской. Вдруг он, прощаясь, прислонил меня (именно так) к стене какого-то дома и поцеловал в губы при всем честном народе, прошептал: «Любимая! Ненаглядная!» Помню, в общежитие он прислал мне букет чудесных ирисов. Это случилось в тот день, когда я выкурила свою первую папиросу. И.Г. несколько раз предлагал мне закурить, я отказывалась, тогда он сказал: «Вам пойдет папироса». Я и решила поупражняться предварительно дома. Конечно, мне стало плохо, закружилась голова, я легла. В эту минуту мне принесли ирисы.

Помню еще эпизод, связанный с курением. Однажды мы встретились утром, и И.Г. повел меня в какое-то кафе. В нем было по-домашнему уютно, народу не было, мы одни. Удобно расположились в глубоких соломенных креслах за круглым столом, покрытым чистой скатертью. Хозяйка, полька, пожилая и очень достойная женщина, напоила нас кофе со сладными булочками, после чего И.Г. закурил сигару и предложил мне. Я говорю: «Не знаю, с какого конца за нее приняться». — «Я тебя научу». Срезал кончик, зажег, подал. И тут хозяйка кафе не выдержала: «Как вам не стыдно, господин! Вы ведь взрослый человек, а ваша спутница — девочка». Короче, она его отчитала, очень была возмущена. И.Г., смущенный, молча выслушал упреки, — возразить ведь было нечего, — встал, расплатился, и мы вышли.

Жаль, что я не сделала выводов из этого урока, после того 30 лет курила. А так легко было бросить!

Между тем Лиза постаралась со мной познакомиться и однажды пригласила к себе. Она была немного старше меня, и ей легко удалось найти дорогу к моему сердцу. Лиза рассказала, как она любит И.Г., и вынудила меня к откровенности. Мне очень понравилась наша беседа, и я, гордясь, думала про себя: «Как у Достоевского!»

И попало же мне от И.Г.! Когда мы увиделись, он уже знал от Лизы о нашей встрече и изъязвил меня своими ироническими замечаниями. Он эту сцену воспринял как обыкновенную безудержную девчоночью болтовню и стыдил меня и издевался. Вот из этого урока я сделала выводы и, хоть мне часто приходилось впоследствии выслушивать откровенные излияния на интимные темы, сама я никогда больше не распустила язык.

Мы встречались с И.Г. в греческом кафе на Софиевской улице, о котором он пишет в своих воспоминаниях¹³. Мы сидели там часами, и он мне рассказывал. Как много он рассказывал! Я постепенно узнала о его детстве, юности, о том, как он был большевиком, как эмигрировал; как жил в Париже, маялся, голодал, работал на погрузке (это со своими слабыми руками!), как стал поэтом, посещал «Ротонду»¹⁴. Рассказывал о своих друзьях: А.Н. Толстом¹⁵, М.А. Волошине¹⁶, Т.И. Сорокине¹⁷, о жене своей Кате¹⁸ и дочери Иринке¹⁹, о подругах: Е.Г. Полонской²⁰, Шанталь²¹. Говорил о своей любви к Парижу (описывал его подробно), о французских поэтах и художниках; впервые я узнала от него биографию Франсуа Вийона — И.Г. читал мне наизусть свои переводы²²; о Пикассо²³ я слышала раньше, но имена Сутина²⁴, Шагала²⁵, Модильяни²⁶ прозвучали для меня впервые. Познакомил меня с русским философом Степуном²⁷, заинтересовал Хлебниковым²⁸.

И.Г. много рассказывал о 1-й мировой войне. С особенным волнением он говорил, как потрясла его тупость и бессмысленная жестокость немцев, подпиливших в садах на занятой ими французской территории чудесные цветущие яблони. Вид увядающих деревьев истерзал его: ему казалось, что и он в ответе перед ними — ведь он тоже человек. А 2-я мировая война «обогатила» его новыми переживаниями. В книге «Стихи 1938-1958» он пишет:

Был час один — душа ослабла.
Я видел Глухова сады
И срубленных врагами яблонь
Еще не зрелые плоды.
Дрожали листья. Было пусто.²⁹

И.Г. нашел во мне благодарную слушательницу. Я не замечала убогой обстановки кафе, грузчиков, играющих в домино, и поэтов. Приходили туда Осип Эмильевич³⁰ с Надей Хазиной³¹, поэт Маккавейский³², вероятно, еще многие другие — они меня не интересовали, я смотрела на них, как на досадную помеху, т.к. прекращался, хоть временно, поток воспоминаний, признаний, рассуждений И.Г.

Но вот что интересно отметить. Расставшись в 21-м, мы встретились в 26-м году. Когда стали вспоминать прошлое, перебирать старых знакомых, И.Г. удивился, что я многих забыла, приписывал это моей дурной памяти. Позднее я поняла, что не в этом дело — просто память у него была другая. У него уже образовалась профессиональная писательская память: каждый человек представлял для него интерес, он запоминал его внешность, мане-

ру одеваться, его словечки, высказывания, любил проследить дальнейшую судьбу. Меня в то время книги интересовали больше, чем люди. С тех пор мне приходилось встречать немало начинающих писателей. Я проверяла: если он внимателен к людям, их поведению, мнениям, образу жизни, можно рассчитывать, что писатель из него выйдет; если же он сосредоточен только на себе, он скоро выдохнется.

Впоследствии я по-особому читала Эренбурга: было занятно встречать в его романах знакомые детали, ситуации, мысли, выражения, выхваченные из жизни, но трансформированные, творчески преобразованные.

Возвращаюсь к греческому кафе. И.Г. читал много своих стихов, особенно любил цитировать «Пугачью кровь», «Судный день», «Молитву о России». Я выросла убежденной атеисткой, поэтому религиозные мотивы не встречали у меня никакого отклика. Но я чувствовала за ними мятущуюся душу и глубокое страдание, эти стихи надрывали мне сердце. На протяжении многих лет нашей дружбы мне часто приводилось слышать, как И.Г. читает свои стихи. Впечатления наслаивались одно на другое, но я долго не могла понять, почему стихи в его чтении так сильно хватают за душу.

Однажды в деревне я услышала причитания молодой матери над ее погибшим мальчиком. Слова были бессвязны и почти бессмысленны, но рвавшиеся из уст женщины вопли выражали такое лютое горе, такое неутолимое страдание, как будто все матери мира оплакивали своих мертвых детей.

Многие стихи Эренбурга, созданные как бы одним дыханием, напоминали мне с тех пор эти горестные вопли.

Додумать не дай, оборви, молю, этот голос.
Чтоб память распалась, чтоб та тоска раскололась...

.....
Не дай доглядеть, окажи, молю, эту милость,
Не видеть, не вспомнить, что с нами в жизни случилось.³³

Как сочетались эти душевные муки И.Г. с его трезвостью и скептицизмом? Трудно сказать. Вероятно, так же, как горячая лава с покрывающей ее застывшей коркой.

Иногда И.Г. читал чужие стихи: «Настанет день, печальный, говорят» М.Цветаевой³⁴, «Я не слышал рассказов Оссиана», «Декабрист», «Я изучил науку расставанья»³⁵ О.Мандельштама, «Марбург», «Коробка с красным померанцем» Б.Пастернака³⁶ и др.

Свои рассказы И.Г. подчас облакал в стихотворную форму — такие импровизации длились часами.

Меньше всего мы говорили о политике: и место было неподходящее, да и взгляды были разные. Я твердо стояла за социализм, за большевиков, меня увлекали поэты революции, романтика революции. И.Г. приводил мне пример небольшого шведского городка, где, по его мнению, все рабочие были прекрасно обеспечены материально и жили на началах справедливости и равенства с капиталистами. Он спрашивал меня, нужен ли социализм таким рабочим. Я уклончиво отвечала, что если существует такой город, то это исключение. Эрудиции И.Г. я противопоставляла свою непоколебимую убежденность, основанную не на разуме, а на чувстве. И.Г. относился к этому расхождению во взглядах в общем добродушно³⁷.

Вскоре в наших отношениях произошел перелом: И.Г. решил познакомить меня с Любой. Он сообщил мне о своем намерении жениться, охарактеризовал Любу и ее семью (которая противилась тогда этому браку) и предложил встретиться. Я молча приняла удар. Я не думала, во что выльются наши отношения, не строила никаких иллюзий, но меня тогда потрясло, что он мог говорить одновременно «любимая» и ей, и мне. И.Г., вероятно, боялся моей реакции и с опаской на меня поглядывал, но я сидела, как замороженная.

На другой день они вместе пришли в студию, когда там никого не было, кроме меня. И.Г. познакомил нас, оставил вдвоем в комнате, а сам куда-то исчез. Люба начала светскую *causerie*³⁸. Он появился в тот момент, когда она закончила фразу, а я не успела отреагировать. И.Г. усмехнулся и спросил: «Вы так и молчали все время?» — «Нет, — сказала Люба, — я рассказывала Ядвиге Иосифовне...» Этим был задан тон нашим отношениям. Мы, почти ровесницы (она старше меня на год), никогда не звали друг друга по имени, только по имени-отчеству и на вы. И вообще у всех троих было принято (с первой до последней встречи) величать друг друга и обращаться на вы. Только наедине мы оставляли этот светский тон.

Вскоре И.Г. рассказал мне, как их регистрировала Ванда, знакомая мне девушка, веселая, остроумная, живая. В то время запись всех актов гражданского состояния производилась в одном помещении. Он был в восторге, слушая, как Ванда жонглировала своими бумажками: «Вам свидетельство о смерти? А вам записать младенца? Вы вступаете в брак? А вы уже решили развестись? Скоро же вы! И двух месяцев не прошло, как поженились». Потом по требованию родителей Любы их обвенчал раввин. И опять

И.Г. рассказывал со смехом, как ему пришлось во время церемонии шепотом попросить у Любы булавку, чтобы пристегнуть сползающие брюки.

Внешне в их жизни ничего не изменилось. И.Г. не переехал к Козинцевым, Люба не переехала к нему. В это время И.Г. стал часто поговаривать, как бы он хотел отправиться к Максиму Волошину, пожить в Коктебеле. Но это было невозможно: в Крыму были белые, между ним и Киевом пролегал фронт.

Эренбург тщательно следил за событиями по газетам. Если я приходила на Софиевскую утром, то всегда заставляла его обложженным ворохом газет. Он часто сообщал мне политические новости, газет я тогда не читала. Но реагировали мы на события по-разному. Эренбург иронически относился ко всем мероприятиям большевиков. Я же им сочувствовала, ненавидела царизм и белых. Все мои друзья были комсомольцами и коммунистами. Помню, летом 19 года красные покидали Киев. По Крещатику спешно уходили красноармейцы, усталые, запыленные, с мрачными лицами. Я шла и плакала, пришла зареванная в кафе. И.Г. позидебался над моими слезами. Но вскоре красные вернулись, отбив натиск белых.

Между тем я закончила курсы дошкольных работников, куда поступила после закрытия Высших женских курсов, где проработала два года. Всех моих товарищей разослали в разные города. Меня же И.Г. не отпустил. Он в это время работал с О.Э.³⁹ в Тео, театральном отделе Губнаробраза. Он попросил записать меня в штат его воспитательниц, т.к. организовывал театральные зрелища в детских домах. И я стала работать под его руководством.

И.Г. воспользовался идеями и опытом театра импровизации для художественного воспитания детей. Это было прекрасное и очень своевременное начинание. По его совету я взяла для постановки сказку Андерсена «Соловей». Познакомившись с детьми указанного мне детдома, я рассказала им сказку, затем предложила поиграть в «Соловья». Дети сами распределили между собой роли, но вначале смущались и едва выжимали из себя скудные реплики. Игру стали повторять каждый день, и постепенно дети освоились, стали придумывать свои слова, действовать живой и свободной. Встречая с моей стороны поощрение своих «находок», они перестали стесняться. С каждой репетицией («игрой») текст пьесы удлинялся, придумывались новые мизансцены, диалог становился более слаженным. Декорации нам не требовались, в театре импровизации, как в детских играх, господствует условность. Но очень строго и настойчиво дети требовали, чтобы были необ-

ходимые, с их точки зрения, аксессуары: звонок, занавес (его сшили из детдомовских одеял); понадобились также зрители.

Я успела поставить лишь один спектакль. И.Г. на нем присутствовал.

Власти сменились в Киеве. Пришли денкинцы, и сразу же — говорили, что с разрешения командования — какая-то «дикая», или «осетинская» дивизия стала громить евреев. Это продолжалось несколько дней. Мне хочется описать собственные впечатления от пережитых мною жутких ночей.

Я жила в это время не у себя в Лукьяновке, а у подруги на Жиланской улице⁴⁰, заселенной в основном еврейскими богачами. Эдварда жила во дворе, во флигеле, с родителями, людьми среднего достатка. К вечеру улица замирала: ни пешего, ни конного. Ворота всюду были завалены изнутри штабелями дров, парадные двери заперты на все замки, засовы, цепочки, в вестибюле дежурили двое жильцов, сменяясь каждые два часа. Как только темнело, воцарялась могильная тишина. Но вот вдаль начинало что-то грохотать, все слышнее, ближе, и вдруг из-за угла на улицу врывались несколько грузовиков с орущими солдатами. Первый грузовик, облюбовав какой-нибудь дом, останавливался и начинал «наступление», другие катили дальше. Стук, грохот, удары прикладами в двери, угрозы стрелять по окнам.

Удивительное дело! Дежурные, к которым сбегались мужчины со всего дома, не выдерживали и сами открывали входы. Солдаты ломались в квартиры. К этому времени весь дом был охвачен паникой и... выл. Этот вой из соседних домов слышали мы с Эдей, сидя в темной передней на сундучке, накрывшись одной шалью, тесно прижавшись друг к другу и замирая от ужаса.

Только к утру все стихало.

В эти страшные дни в одной из киевских газет появилась подлая статья Шульгина «Пытка страхом»⁴¹. Я еще как-то могла объяснить себе поведение пьяных, озверевших дикарей, но понять, как мог образованный человек, депутат Киевской думы их оправдывать, то есть фактически натравливать... Я спрашивала об этом И.Г. Что он мог сказать мне? И чтобы отвлечь от тяжелых мыслей, он, смеясь, рассказывал мне, как робкий офицерик заскочил к Козинцевым и сунул в карман серебряный портсигар, стыдливо пробормотав: «Беру на память».

Несчастный Киев! Сколько раз в нем менялись власти, город обстреливался, бои вспыхивали даже в центре, на перекрестках устанавливали пулеметы, и они трещали, простреливая все пространство улиц, т.ч. нельзя было нос высунуть за пределы подворотни. Сколько раз я оказывалась приплюснутой к воро-

там чужих дворов на Крещатике, Владимирской, Б.Житомирской!

Помнится, ранней осенью 19 года Красная Армия осаждала город, пытаясь отбить его у денкинских войск. И.Г. воспринимал это как серьезную угрозу для себя. На его совести была статья «Добро пожаловать!»⁴², о которой он впоследствии не мог говорить без содрогания. Он решил уходить, как сотни напуганных людей. С ним, естественно, собралась Люба, их путь лежал в Харьков, к отцу И.Г. Как в их компании очутилась я — совершенно не помню. Как могла меня отпустить мама и как я могла оставить ее — мне непонятно. Я ли вызвалась сопровождать И.Г., он ли предложил мне не расставаться с ним — не знаю, не знаю. Я помню только дорогу на Святошино, по которой бесконечно шагали какие-то люди, больше мужчины, женщин было мало, с котомками за плечами и в руках, иные с мешками, одетые плохо, в какие-то потертые, старые пальто. М.Б., погода была пасмурная, но у меня осталось от них впечатление сплошной серости. Иногда мелькало знакомое лицо, но люди тут «не узнавали» друг друга. Помню профессора Довнар-Запольского. Он, отец моих приятелей Славы и Води, убежденных большевиков, был монархистом, членом Союза русского народа (оба сына его погибли: Водя был убит, Слава, младший, мой сверстник, воевал, умер от сыпняка). Мне стало, помню, мучительно стыдно оказаться в одном ряду с черносотенцем.

Поздно вечером мы пришли в Святошино, стали искать ночлег. Нам удалось влезть в вагон, уже забитый людьми, но вскоре они куда-то исчезли. Вагон похож был на современный купейный. Примостились мы, конечно, в проходе. Не помню, как мы спали (вероятно, на полу, больше не на чем), только знаю, что ночь провели скверно. Я не остереглась, позабыв, что купе заняты людьми, и громко сказала: «Хоть бы большевики победили!» — «Вы хотите, чтобы нас избили и вышвырнули отсюда?» — отчитал меня И.Г.

Наутро распространилась весть о том, что белые отбили большевиков. И мы вернулись. Дороги не помню. Очевидно, шла очумелая от усталости. Очнулась только, когда проходили по Крещатику, возле трупа, валявшегося у парадного входа в дом. Кажется, именно в этот день я единственный раз была в семье Любы, куда меня пригласили передохнуть. Помню мать Любы и Гришу Козинцева⁴³ с товарищами — они вбежали веселые, оживленные, с какими-то вестями.

Под властью белых опостылела оседлая жизнь, всех потянула дорога, «стала вновь Россия кочевой».

Почему Эренбург рвался в Крым? Вероятно, многим художникам необходимо «убежище», чтобы могли отстояться впечатления, чтобы обдумать быстротекущую жизнь, чтобы творить. И.Г. знал, что дом М.А. Волошина будет для него таким убежищем, — и, действительно, там родилась его книга стихов «Раздумья»⁴⁴, там он пришел к определенным политическим выводам, там понял, что его место — в Москве.

И.Г. оказался, к моему удивлению, отличным организатором: хорошо обдумал свой план, подготовил его выполнение, подобрал подходящую компанию: в нее вошли братья Мандельштамы, Осип и Александр Эмильевичи, театральный художник И.Рабинович⁴⁵ и другие. Затем И.Г. предложил ехать и мне. Я этого никак не ожидала и заранее грустила, страхась разлуки. «Откуда я возьму деньги на дорогу, на жизнь?» — это был единственный вопрос, возникший у меня. И.Г. объяснил, что денег надо немного, что нужно мобилизовать внутренние ресурсы, а он, И.Г., обменяет эти несчастные дензнаки на валюту. А мои педагогические способности могут найти приложение в любом месте: в белогвардейском Крыму так же, как в белогвардейском Киеве. Мне показалось это убедительным. Ехать очень хотелось. Правда, меня грыз еще один вопрос: а мама? Но все уладилось. Мама поняла, что меня не удержишь (мне было очень плохо дома из-за вечных неладов со старшим братом), и отпустила без просьб, без слез, без упреков. Она принесла большую жертву: отдала мне все сохранившиеся от лучших времен драгоценности, огромный медвежий воротник на шубу, тонкое кружевное покрывало на кровать. Все это я загнала на толкучке, деньги отдала И.Г. и стала готовиться к отъезду.

Вот в чем проявилась деловитость И.Г.: он нашел единственное средство сохранить быстро падавшие в цене деньги.

Чтобы было понятно мое согласие, должна сказать, что после женитьбы И.Г. я старалась незаметно отдалиться от него: часто пропускала условленные встречи или сокращала их до минимума, ссылаясь на мамины поручения и т.п. И.Г. тревожился и огорчался. Потом, видимо, понял нарочитость моего поведения и стал «выяснять отношения».

— Ты хочешь расстаться со мной? Почему? Разве тебе плохо со мной?

Нет, мне было хорошо с ним.

— Ты так привязана к родным и друзьям?

— О, нет!

— Боишься сплетен?

— Если ты не боишься, то я и подавно.

— Так не надо ломать дружбу. Это преступление передо мной и перед собой.

Это была хорошая, честная дружба с оттенком некоторого опекуинства с его стороны — это естественно, он был почти на 10 лет старше меня. Я могла бы ему сказать: «И смело вам себя вверяю». Я ему вверилась безоговорочно, без всяких сомнений, и он не обманул моего доверия. Я не думаю, чтоб эта ноша была так уж легка для И.Г.: иногда я проявляла свой дурной характер, подчас раздражала его своей наивностью да мало ли еще чем, я была причиной его ссоры с М.А., иногда дико тосковала по маме, по своим друзьям, по Киеву и однажды даже пыталась утопиться, но И.Г. никогда и ничем не обидел меня, всегда был заботлив, мягок и предупредителен и легко прощал мои вины.

Надо отдать должное и Любе. Наши отношения были всегда (за исключением времени, когда она болела) холодными и отчужденными, но вполне корректными. А ведь она могла, имела право требовать, чтобы наше трио было ликвидировано, чтобы я не мешала ей жить. Впрочем, мы с ней квиты: если я и причиняла ей неудобства, если стесняла ее, то все же я, а не кто другой, выходила ее от сыпного тифа.

Итак, мы готовились к отъезду. Вскоре одна встреча несколько омрачила наши отношения. Как-то вечером я пришла в наше кафе с Борисом Фельденкрайзом, моим сверстником и другом, моей первой любовью. Мы давно не встречались, впрочем, оба не теряли друг друга из виду. Это была прощальная встреча. Мы сидели и тяжело молчали, как вдруг неожиданно появился И.Г. Он подошел ко мне, я его познакомила с Борей, и он, насупившись, сел за мой стол. Беседа не клеилась, говорил один Борис, я молчала, мне было не по себе. И.Г. выпил чашечку кофе и, будто за этим только пришел, поднялся и спросил меня: «Вы идете? Нам по пути». Я сказала: «Да» и хотела встать, но Боря шепнул мне: «Останься», — таким умоляющим тоном, что я не могла ему отказать.

— То есть нет, — неловко поправилась я, — я еще не могу уйти.

Ссутулившись, И.Г. быстро вышел.

Я высоко ценю, что он никогда не напоминал мне об этом вечере, он понял все без слов. Понял, что мне надо было проститься с моей юностью, с друзьями, с родным и любимым Киевом, с самым дорогим человеком, так как в Борисе было сосредоточено все.

В середине октября 19 года мы уехали.

Жизнь для меня началась невиданная, полная неожиданностей и странностей, сумбурная, но безумно интересная. Оторвавшись от родной почвы, я смотрела на мир большими глазами, замирая от удивления, и стремилась впитать как можно больше впечатлений. Я жила согласно стихам Блока:

Душа моя рада
Всякому гаду
И всякому зверю.
И о всякой вере.⁴⁶

Не скажу, чтобы я *принимала* гада и зверя и всякую веру, но я вознамерилась их понять. Понять каждого и научиться говорить с каждым. Во время нашего двухнедельного путешествия в теплушке я отдалилась несколько от Эренбурга, подружилась больше всего с поэтом Гуревичем⁴⁷ и его молоденькой женой, а в основном тратила время на длинные беседы со всякими случайными попутчиками. Помню пономаря Ростовской церкви, казачку, какого-то усатого фельдшера. Удивительно, как мало нужно, чтобы чужой человек вдруг почувствовал к тебе доверие и рассказал, как на духу, свою жизнь, — только умей сочувственно слушать.

Мы все тяжело переживали дорожные происшествия: налет белых казаков на наш вагон, пощечину, полученную комендантом вагона от дикого поручика-антисемита.

Эренбурги уехали в Харьков к отцу, а я должна была ждать их в Ростове. Заботу обо мне взяли на себя, очевидно, по просьбе И.Г., Мандельштамы и Гуревичи. Помню нелепую первую ночь. Меня поместили в хорошие по тем временам условия — в приемную администратора то ли кино, то ли ресторана. Там было, по крайней мере, тепло и стояла тахта. Только что я прилегла, как в комнату ворвалась раскрашенная девица и бросилась ко мне с криком: «Спасите, он убьет меня! Спрячьте меня!» Куда я могла ее спрятать? Но видя, что ее не преследуют, она тут же уселась на моей тахте и спокойно стала смотреться в зеркальце, таратора все время о том, что ее хахаль приревновал к кому-то и с ножом погнался за ней. Я поняла, что передо мной проститутка и, несмотря на дикую усталость, стала «изучать» эту разновидность рода человеческого, сравнивая ее с знакомыми образами из «Воскресения» Толстого, «Ямы» Куприна и рассказов Л.Андреева. Вскоре пришла старуха, покрыла мою собеседницу темным платком и увела куда-то. Когда я рассказала позже эту историю И.Г., он ужаснулся.

Я ждала возвращения Эренбургов около месяца. Ростов произвел на меня отвратительное впечатление, он был переполнен белогвардейцами. Весь этот месяц прошел под знаком дружбы с Катей К., киевлянкой, которая входила в кружок «Куков» (Кружок учащихся киевлян). К нему принадлежали Борис Фельденкрайз, братья Довнар-Запольские (именем Води Д.-З. названа одна из улиц Киева⁴⁸), Миля Казаков, Катя Трощенко⁴⁹, Катя К., Алеша Селивановский⁵⁰ и я. Катя первая указала мне на «ложное положение», в котором я находилась. Она предупреждала, что люди будут плохо обо мне думать (и, по ее словам, «будут правы»), уговаривала меня не ехать в Крым, остаться в Ростове. Катя была старше и, вероятно, умнее меня, но была очень осторожна в жизни, считалась с мнением даже тех людей, которых презирала в душе. Я была беспечна, безудержна и умела проходить мимо моралистов с их ординарным мышлением и мещанскими предубеждениями. Я уверяла Катю, что эти подозрения неосновательны.

— Но люди думают иначе, — стояла она на своем.

— Я не хочу и не буду с этим считаться.

Когда много лет спустя я рассказала И.Г. об этих разговорах, он коротко сказал: «Я не допустил бы, чтоб ты осталась».

Из Ростова мы уехали на пароходе «Возрождение», затем пересели на катерок «Русь». В дороге я познакомилась и много говорила с чахоточной еврейской девушкой, и она, узнав, что я еду в Феодосию, где буду искать работу, предложила давать уроки ее братишке, который не ладил с арифметикой и русской грамматикой. Это мне пригодилось впоследствии.

И вот мы в Коктебеле.

Максимилиан Александрович Волошин, его мать Елена Оттобальдовна⁵¹, его подруга Татьяна Давидовна⁵², которую все звали Татидой, жили на втором этаже; внизу две комнаты занимали Мария Павловна Кудашева⁵³ (ставшая впоследствии женой Романа Роллана) с трехлетним сынишкой и матерью-француженкой, не знавшей ни слова по-русски. А приехали в Коктебель Эренбурги, братья Мандельштамы и я, остальные наши спутники отселись.

Рядом с матерью, носившей мужскую одежду, М.А. выглядел женоподобным, несмотря на крупную величественную фигуру. Очевидно, он, как комедианты Грэма Грина⁵⁴, играл задуманную роль, роль «олимпийского бога, венчанного полевыми цветами». Он носил длинную белую вышитую по подолу хламиду, подпоясанную крученым шелковым шнуром с кистями, и венок на пышных кудрях. Его покровительственная и вместе елейная манера, цепкий масляный взгляд создавали впечатление какой-то фальши

и были неприятны мне. У меня сложилось мнение, что у И.Г. и М.А. не было настоящей близости, их объединяло «ремесло» и общий круг знакомых.

Е.О. (Пра, так все ее звали за глаза) была суровой женщиной (позже я поняла, что, м.б., она относилась к нам по заслугам: почему-то не пришло в голову ни Любе, ни мне предложить ей свои услуги по хозяйству — ведь она для нас готовила. Впрочем, м.б., мне изменяет память, м.б., она отклонила нашу помощь). М.А. относился ко мне добродушно-покровительственно, но я, очевидно, не интересовала его. Перед О.Э. я благоговела, понимая, что он гений, с А.Э.⁵⁵ отношения были товарищеские.

Я любила, когда И.Г. просил О.Э. читать стихи. Как сейчас вижу его приподнятую голову с торчащим хохолком, красиво изогнутый профиль и слышу страстную, патетическую мелодию: «Я изучил науку расставанья...». Главной моей отрадой была богатейшая библиотека М.А., в которой я ночевала первую ночь и к которой в дальнейшем имела беспрепятственный доступ. У меня разбегались глаза в этом величественном помещении. Вначале я набросилась на французские стихи (Верлена, Рембо, Аполлинера), но Люба как-то посмеялась над моим произношением, и я сразу бросила французский, стала читать русских поэтов и прозаиков 20 века. Видя мою любовь к книге, Люба часто, смеясь, предсказывала, что я буду «ученой женщиной».

Мы заняли две комнаты в первом этаже, рядом с Майей, через коридорчик. Мне нравилась Майя. Нравилась ее внешность: точеное личико, тусклые волосы, подстриженные коротко и висевшие прямыми прядями, простая, скромная одежда. Зимой она надевала тулупчик, валенки, пуховой платок, варежки. Впрочем, одеваться она не умела, летом носила какие-то бесформенные платья. Она почти не улыбалась, не смеялась, но была своеобразно красива. Потом я поняла, что вся ее стать была продуманным кокетством. Маленькая и худенькая, она казалась беззащитной, но обладала сильной волей и решительным характером. И.Г. часто подшучивал над ней, повторяя: «Это все для ребенка, это все для ребенка!» Он не доверял ее материнским чувствам. И правда, материнство как-то не шло Майе. Макс относился к ней дружески и всегда целовал, прощаясь вечером.

Я сказала И.Г., что отправлюсь в Феодосию и буду искать работу. Он поставил условие: выходные дни я буду проводить в Коктебеле. И я ушла. Не помню, каким образом я познакомилась с моей будущей хозяйкой (вероятно, по рекомендации кого-нибудь из знакомых М.А.), забыла ее имя, фамилию, адрес. Она предложила мне заниматься с ее дочкой немецким языком. Оплата

шла натурой: комната (вернее, кровать в ее комнате), завтрак и вечерний чай. А за обед я договорилась давать уроки братишке моей спутницы. Хозяйка моя была немка, не знаю, зачем ей понадобилась репетиторша (вероятно, затем, чтобы познакомиться с М.А., чего она и добилась с моей помощью). Помню, она была придирчива и капризна, сурово меня отчитывала за какие-то пу-стыки. Я отмалчивалась.

А в субботу после полудня я отправилась в Коктебель, пешком, конечно, так как никакого транспорта между Феодосией и Коктебелем тогда не существовало. Отшагав 18 километров, к вечеру я приходила к Эренбургам. Так прошло месяца два. За это время Эренбурги, помнится, однажды приезжали в Феодосию на вечер В.В. Вересаева. Он жил в Коктебеле, а в Феодосии устроил читку своей новой пьесы⁵⁶. Собралось много народу в помеще-нии какой-то столовой, которая по вечерам превращалась в клуб. В.В. читал прочувствованно, иногда утирал слезы. Он был мягкий человек, добрый и сострадательный. Из всей пьесы (была она пя-тиактная, растянутая и скучная) мне запомнилась одна деталь: сестра милосердия умела по запаху больного отличать сыпной тиф от возвратного. Публике пьеса не понравилась, стали рас-ходиться. Под конец остались одни знакомые. В.В. был очень огорчен. Помню, как нежно И.Г. его утешал.

Однажды вечером я пришла в Коктебель оживленная, радост-ная, т.к. почувствовала себя счастливой среди хороших людей. Вечное недовольство мадам, ее подозрительность, сухость меня замучили. Я не жаловалась, т.к. не видела выхода. Но вдруг меня поразили потеплевшие глаза И.Г., его участливое внимание к мо-им словам. Потом он задумался. Когда я прилегла отдохнуть в своей комнате, он вошел, сжал мне руку и сказал: «Завтра погов-орим». Утром И.Г. предложил мне бросить хозяйку и остаться в Коктебеле.

— А что я буду делать? — спросила я.

У него уже был готов план. Надо отправиться в деревню (там жили одни болгары), обойти все дома, предлагая свои услуги в качестве репетитора. Дети учились в русской школе и знали рус-ский язык. В этот же день я обошла все дома. В одном из них мне за урок предложили маленькую комнату (я подумала, что это луч-ше, по крайней мере, дети будут приходиться ко мне, а не я к ним); другие родители согласились платить молоком и яйцами.

Итак, все наладилось. Я распрощалась со своей хозяйкой и поселилась в деревне. Эренбурги уже давно пытались наладить свое хозяйство: завели мангал, Пра снабдила их посудой, а за про-дуктами ходили в деревню, рыбу покупали на берегу. И.Г. любил

топить печку (голландку); когда оставался один уголь («жар»), варил в медной посуде кофе на молоке по рецепту хозяйки нашего киевского кафе. Он называл его «султанским» (потому что на молоке).

Я обычно занималась с ребятами все утро, затем отправлялась в дом Волошина. Готовили обед мы все втроем по очереди. Надо было колоть дрова, топить печку, разжигать углями мангалку и что-нибудь варить. И.Г. хозяйничал очень забавно, поскольку раньше, кроме макарон, варить ничего не умел: каждые пять минут он озабоченно спрашивал, когда нужно солить кашу, как чистить рыбу. Мы с Любой были так же невежественны в области кулинарии. Конечно, еда была скудная.

И.Г. писал стихи и читал мне каждое новое стихотворение. Вся книга «Раздумия» создана у меня на глазах.

Между тем после холодной и снежной зимы, необычной для Коктебеля, пришла весна. Как прелестны были невысокие зеленющие холмы в окрестностях дачного поселка! Летом, когда они стали бурными, т.к. солнце выжигало траву, И.Г. говорил, что ландшафт этот представляется ему преддверьем Дантова ада, но мне это сравнение не нравилось: я не находила ничего зловещего в мягких, округлых линиях холмов.

Весной мои ученики стали отпадать. Тут у И.Г. появилась хорошая идея — организовать детскую площадку. Как всегда, ему это удалось. В Феодосии какой-то Крымсоюзбанк взялся ее финансировать, т.е. платить зарплату (тогда это называлось «жалованьем») мне как заведующей и Эренбургу как воспитателю (в таком назначении сыграла свою роль национальность). Фактически роли были распределены наоборот, что было совершенно естественно. Мы даже не ожидали, что к нам явится такая масса ребят, дошколят и школьников. Для детплощадки был выделен пустовавший домик на самом берегу моря, там поставили топчан, стол и прибили по моей просьбе несколько полок. Организацией площадки некоторое время занималась комиссия, созданная Марией Гермогеновой Вересаевой. Вся она состояла из каких-то страшных старух, которые чуть меня не заклевали, заподозрив во мне большевичку, единственно на основании тех книг, которые я рекомендовала для чтения на площадке. У них были свои излюбленные авторы детских книг: Л.Чарская⁵⁷ для школьников, Кл. Лукашевич⁵⁸ и ей подобные для маленьких. Мы перестали с ними считаться и сами составили расписание дня: решили занимать детей лепкой из глины, рисованием, песочными и подвижными играми, готовить к постановке того же «Соловья», рассказывать сказки и читать стихи (в то время я их знала множество). Где-то достали

(вероятно, в библиотеке М.А., где же еще?) книжку К.Чуковско-го⁵⁹, и я читала детям наизусть его чудесную сказку. Неожиданно для нас ребята сами без всяких подсказок стали лепить из глины и Ваню Васильчикова, и Крокодила и маленьких крокодилчиков. Я заботилась только о том, чтобы эти фигурки сохранились, чтобы дети их не смяли.

Когда впервые их увидел И.Г., он пришел в восторг; позвал Любу, она тоже похвалила. Мы осторожно перенесли скульптурки на полки домика, а когда они высохли, И.Г. их раскрасил, и они выглядели очень эффектно. Со временем дети запомнили множество стихов и читали их наизусть, заполнили все полки своими изделиями; рисунки их мы отбирали и лучшие вешали на стенах домика.

Это и был мой дом, я спала по-спартански на топчане без матраца, иногда здесь же варила обед, и Эренбурги приходили ко мне. Они тоже переселились в отдельный домик, направо от дома Волошина, если стоять лицом к дому (а мой был налево от него). Питалась я вместе с ними на прежней основе: очередность в дежурстве соблюдалась неукоснительно.

Их ближайшими соседями была семья Гинцбургов⁶⁰, очень милых и интеллигентных людей, уже довольно пожилых (м.б., только с точки зрения двадцатилетней девушки), не чаявших души в своей пятилетней дочке Арусе⁶¹. Она попросила Любу давать ей уроки рисования. И учительница и ученица работали с большой охотой. Люба справедливо гордилась явными успехами малютки. Я помню одну акварель Аруси, она была прелесть как хороша. Но увы! Родители вскоре отказались под благовидным предлогом от этих уроков: им не понравилось, что картинки их дочки были далеки от реализма.

Сколько времени существовала площадка, не могу припомнить. Что заполняло нашу жизнь помимо нее? Приезжали разные люди, среди них Анастасия Ивановна Цветаева⁶² (но, м.б., это было еще зимой), какие-то юноши; М.А. возил нас в Судак (помню, что мы пили там молодое вино, похожее на квасок, но от него у всех отнялись ноги); купание в море, собирание коктейбельских камешков на берегу, прогулки и, конечно, чтение. Мы часто встречались с Вересаевыми.

Но грянула беда!

Люба заболела сыпняком, и крестьяне перестали посылать к нам детей. Уехать опять в Феодосию я не могла, И.Г. был совершенно беспомощен, у него болело сердце. Всю тяжесть хозяйственных забот (а доставать продукты становилось все тяжелей) и уход за больной — она долгое время была без сознания — я взяла

на себя. И.Г. приглашал врачей, говорил с ними, заботился о лекарствах, я проводила бессонные ночи и днем была на ногах. Викентий Викентьевич⁶³ хвалил меня как сестру и сиделку. С чистой совестью я могу сказать, что ходила за Любой самоотверженно. Когда она уже стала поправляться, выяснилось вдруг, что у нее нет чистого белья. Я просила знакомых соседок в деревне взять его в стирку, но никто не приходил. Тогда я сама потащила к ним тяжелый узел, но вынуждена была нести его обратно (боялись сыпного тифа). Недолго думая, я тут же взялась за работу. Стирать пришлось целый день. И.Г. был так потрясен, что даже в своих воспоминаниях написал: «Ядвига с утра до вечера стирала белье»⁶⁴.

Люба стала поправляться: она бурно радовалась жизни, была мила, добра, весела и так забавна, когда простодушно рассказывала о чертях, с которыми встречалась, беседовала, даже участвовала в их проделках (осложнение после тифа). А со мной делалось что-то неладное: видимо, сказались бессонные ночи, вечное напряжение, переутомление — вот тогда и случилась эта глупая попытка самоубийства: ночью бросилась в море. М.А. вытащил меня, а сбежавшиеся соседи внесли наверх, в кабинет Волошина (боялись взволновать Любу). Там я отсыпалась два дня. И.Г. пришел утром, принес кофе. Я лежала лицом к стене, молчала, мне было стыдно. Он долго уговаривал меня повернуться, посмотреть на него, потом беспомощно сказал: «Но ведь ты голодна, все равно выпьешь кофе, так сделай это лучше при мне». Я рассмеялась. Он спросил: «Почему твоя подушка очутилась на берегу? Нам ее принесли сегодня». Я не знала, забыла, зачем и почему взяла ее с собой. Очевидно, дома у меня не было и мысли о самоубийстве: кто же идет топиться с подушкой? Мы поговорили, посмеялись, потом я крепко уснула. А вечером ко мне пришли Эренбурги и М.А. Он был теософом и вздумал вылечить меня своеобразным способом: стал делать надо мной «пассы», разглаживать «астральные лучи», чтобы успокоить мою «смятенную душу». Как сейчас вижу эту сцену: я лежу, М.А. очень старательно разводит надо мной руками, Люба серьезно и внимательно следит за этой процедурой, а И.Г. незаметно усмехается. Но моей попыткой самоубийства и чертями Любы дело не ограничилось. Безумье охватило и Майю, она часто устраивала истерики.

А И.Г. был занят напряженной внутренней работой — переоценкой ценностей. Главный удар по его прежним политическим убеждениям нанес Сергей Эфрон⁶⁵. Он заехал в Коктебель еще зимой или ранней весной. Я очень помню этот вечер. Он сидел с И.Г. возле стола, а мы с Любой в другом конце комнаты расположи-

лись на кровати, вытянув ноги и опершись о стену. Эфрон рассказывал несколько часов о белой армии, о страшном ее разложении, о жестоком обращении с пленными красноармейцами, приводя множество фактов. Он хорошо узнал, что представляет собой эта «лебединая стая». Чувствовалось, что все его мировоззрение рушилось, что человек опустошен и не знает, как будет жить дальше. Мы разошлись молчаливые и подавленные.

Вот тогда И.Г. стал склоняться к другому берегу. Болезнь Любы сначала задержала, потом обострила этот процесс. Ему было трудно, ведь никто из окружающих не мог облегчить хоть немного его внутреннюю работу. Да и не такой он был человек, чтобы нуждаться в посторонней помощи. Единственный, с кем он мог откровенно говорить на эту тему, был наш сосед Гинцбург, настроенный просоветски. Они иногда целые вечера проводили на террасе за разговорами. По отдельным словечкам, высказываниям того и другого я понимала, что происходит с И.Г., и тихонько радовалась.

Здесь естественно возникает вопрос, почему я не называю М.А.: ведь он был другом И.Г., обоим было необходимо решить для себя главные проблемы времени, определить свое отношение к враждующим силам. Они, безусловно, и беседовали неоднократно о происходивших событиях. И.Г. мне об этих беседах не рассказывал и вообще избегал со мной говорить на политические темы: его, кажется, раздражала моя беззаветная вера «в большевиков». Но вскоре беседы прекратились. Помню, что уже значительно позже И.Г. высказал свое мнение, что М.А. с любой властью умеет ладить и внушать уважение к себе.

Каковы же были отношения обоих поэтов в Коктебеле? После возвращения из Феодосии я не замечала никакой близости обеих семей. М.А. никогда не заходил в наши комнаты, не было также ни одного вечера, который мы провели бы «наверху». Ни зимой, ни летом. Иногда собирались в библиотеке, когда были гости (О.Э., А.И. Цветаева), но случалось это редко. Совместных прогулок по Коктебелю не было (но в окрестности ездили). Мне кажется, что охлаждение между И.Г. и М.А. наступило еще в то время, когда я жила в Феодосии. По приезде я немало была удивлена, слыша, как досадливо и насмешливо И.Г. отзывается о картинах Волошина. Он говорил, что эти акварели — дешевая продукция, а не искусство. Да и стихов его И.Г. не хвалил. Думаю, что самолюбивого Волошина обижало то явное предпочтение, которое И.Г. оказывал стихам Мандельштама.

В начале лета произошла ссора между Е.О. и И.Г. Если бы в нынешнем 76 году в мои руки не попала их переписка⁶⁶ (в пределах

дома), я бы о ней не вспомнила. До того незначительной и пошлой казалась мне вся эта история, что я не придавала ей никакого значения и «прошла мимо». Потому, вероятно, и забыла.

С удивлением узнала из писем, что я играла какую-то роль в этой ссоре (Е.О. пишет, что не хочет «подвергать неприятным объяснениям Л.М. и Я.И., которая взяла на себя в защиту Вас подвиг героической лжи и одна пострадала, в чем я чувствую себя глубоко перед ней виноватой»). Как ни пыталась я восстановить в памяти подробности ссоры, не могла ничего вспомнить. Могу только предположить, что я взяла на себя вину за оставленные ночью на веранде кастрюльки Е.О., но уж очень не вяжется эта смешная роль «девочки для битья» с высокими словами о «подвиге» и «героической лжи». Во всяком случае, ссора привела к переселению Эренбургов в маленький двухкомнатный коттедж недалеко от дома Волошина.

Болезнь Любы заставила забыть об этих пустяках. М.А. помогал И.Г. доставать лекарства⁶⁷, он и Е.О. проявляли искреннее сочувствие и заботу о больной.

Когда опасность миновала, снова произошла ссора — теперь уже между И.Г. и М.А. (в первый раз он был нейтрален, хотя и сочувствовал матери). М.А. сказал что-то оскорбительное обо мне. И.Г. был взбешен и ответил очень резко, вроде того, что за эти слова он заслуживает пощечины⁶⁸. Разыскав меня, И.Г. рассказал о столкновении. Таким разъяренным я его больше никогда не видела.

Дипломатические отношения опять были прерваны. Они восстановились позднее в связи с необходимыми хлопотами о спасении О.Э., попавшего в лапы белогвардейской разведки⁶⁹.

И.Г. страстно захотел уехать из Крыма. Путь был только один — морем в меньшевистскую Грузию, куда уже отправились Мандельштамы, где были друзья-поэты. Они помогут уехать в Россию.

Между тем надвигалась осень, и когда Люба окончательно выздоровела, решение было принято.

Все подготовил и организовал И.Г.

Незадолго до отъезда он стал просматривать наши документы. И тут вдруг обнаружилась моя непростительная неопытность. Среди бумажек, которые я отдала И.Г., оказалось удостоверение о том, что я работала инструктором Тео Киевского наробраза, на нем стояли подписи Эренбурга и Мандельштама. И.Г. возмутился: «Как вы могли, — сказал он мне, — сохранить и везти с собой такой компрометирующий документ через всю Украину, занятую белогвардейцами, где любой патруль мог вас обыскать

и посадить нас всех как большевистских агентов?» Когда в Тифлисе И.Г. рассказал об этом О.Э., тот весь кипел от негодования и долго не мог простить мне этот промах. А я... да разве я думала о документах и разве могла что-нибудь предвидеть?

Надо сказать, что в доме Волошина мы как будто пользовались правом экстерриториальности⁷⁰. Ни одного солдата, ни одного офицера белой армии мы не видели, никто не проверял наших документов. И вообще за всю поездку проверка эта состоялась единственный раз, когда к нам в теплушку заскочили три белогвардейских казака. Они наделали много шума, нагнали страху, особенно пострадал при этом Исаак Моисеевич Рабинович, которого немедленно вывели из вагона якобы на расстрел. Помню, И.Г. стоял, держа в руках документы, дожидаясь своей очереди, а О.Э. обмирал от ужаса. Но до нас не дошло. И.Г., увидев, что казаков немного, вдруг предложил освободить для них большую часть вагона и этим положил конец шуму, ужасам и страхам⁷¹.

Наша поездка на Кавказ была рискованной. Мы погрузились на баржу с солью, что само по себе было опасно, тем более, что у нас был сломан руль; во время береговой проверки мы скрывались в трюме от белогвардейских охранников; мы пережили ночью сильный шторм, лежа втроем на крыше трюма под брезентом (все остальные прятались под ней). Долгой показалась нам эта ночь⁷²! И только когда стало слегка рассветать и мы увидели далеко на горизонте похожие на тучи горы, появилась надежда на спасение.

Зато как же мы радовались жизни, когда высадились в Сухуми! Капитан катера решил переждать, пока море успокоится, и целый день мы ходили по городу, любовались белыми виллами в густой зелени на возвышенностях, пальмами вдоль тротуаров. Захотели, конечно, отведать местных блюд и, минуя европейский ресторан, зашли в обыкновенную чайхану. Впрочем, пища там была не для наших «изнеженных» ртов (не желудков, т.к. туда она не попала): и суп, поданный в узкогорлом кувшине, и жаркое (местных названий я, каюсь, не запомнила) произвели такой же эффект, словно мы попытались проглотить пламя.

Поти, как водится, встретил нас дождем, потом мы ехали по железной дороге, и, наконец, прибыли в Тифлис.

Даже сейчас, когда прошло больше 50 лет, Тифлис мне представляется волшебной сказкой. Рестораны, рестораны, фуникулер, могила Грибоедова с рвущей душу надписью жены его Нины, музей с дивными старинными миниатюрами, турецкая баня, персидский базар, сазандари и опять же рестораны, где пьют вино из рогов. Незабываемое впечатление произвел праздник Шахсей-

Вахсей⁷³. Хотя, живя впоследствии в Ленкорани (Азербайджан), я имела возможность из года в год, каждый раз на протяжении месяца, наблюдать Шахсей-Вахсей, первое впечатление от этого траурного праздника (в Тифлисе был его последний день) особенно четко врезалось в память. Если в Ленкорани мне бросалась в глаза осторожность, с которой молодые люди, в большинстве наемники, отмаливавшие грехи богачей, колотили себя цепями по спине или плоскими камнями по груди, то в Тифлисе я, напротив, отметила фанатизм стариков. Помню одного дряхлого мусульманина, который намеревался сечь себя саблей по темени. К нему бросились милиционеры-тюрки, взяли его под руки и стали почтительно уговаривать, чтобы он не рисковал жизнью. Старик, качаясь на слабых ногах, вырывался и плакал горькими слезами. Еще бы! От него ускользал вожденный рай: по поверьям мусульман, тот, кто умрет в этот день от удара сабли, будет немедленно перенесен в рай, в царство гурий. И.Г. всем рассказывал этот эпизод и очень жалел беднягу. Мы с Любой взошли на хоры мечети, но женщины, плакавшие навзрыд, так свирепо на нас зашипели, что мы тут же вынуждены были уйти.

Причудливость и разнообразие впечатлений, общение с такими людьми, как милый, обаятельный Паоло Яшвили⁷⁴, Тициан Табидзе, Николай Николаевич Ходотов⁷⁵, увлекали и радовали. Больше всего меня поразили Григорий Робакидзе⁷⁶, его высокая культура, исключительная выдержка, сила воли, изысканность поведения и речи. Помню, как-то вечером в гостинице, где мы занимали две комнаты, собралось большое общество. В него, как надоедливый кутенок, затесался какой-то мелкий журналист, который все наскокивал на Г.Р., все приставал к нему с мелкими и бестактными замечаниями и вопросами. Кончилось тем, что Робакидзе, побледнев, но не повысив голоса, сказал ему: «Если вы не прекратите немедленно эти наскоки, я сломаю о вашу голову эту палку», а когда тот испуганно отскочил, тут же переломал ее о свое колено.

Запомнился еще визит к нам молодого поэта Зданевича⁷⁷. И.Г. не было, мы с Любой вдвоем приняли его. Он примчался показать свою только что вышедшую книгу стихов. Но что это были за стихи! Строчки были заполнены буквами, главным образом согласными, без интервалов, как в древнерусских рукописях. Мы смущенно повертели книжку в руках. Тогда Зданевич стал читать. Очевидно, за этими буквами он видел слово, видел осмысленный текст, потому что чтение его было взволнованным и производило впечатление, даже рождало смутные образы, как музыка. Люба сказала ему что-то ободряющее. Я же подумала, что

вряд ли стоит печатать книгу, которую может прочесть один только автор.

Несмотря на богатство впечатлений и радость узнавания чужой страны, настроение у меня было подавленное — мучила моя неадекватность: у меня осталось одно скорее менее, чем более приличное платье, в Тифлисе пришлось купить простенькие, дешевые туфли, не было хороших чулок. Я чувствовала себя Золушкой среди хорошо одетых грузин, пыталась избегать приглашений в рестораны, но из этого ничего не выходило: каждый раз за мной являлись либо Паоло, либо И.Г., которому наказывали срочно привести меня.

Я не умела еще справляться со своими переживаниями и часто плакала. И.Г. тщетно допытывался о причине, не мог меня понять и однажды задумчиво произнес: «Странная ты!»

Один Паоло ни о чем не расспрашивал, но, заставая меня в слезах, пытался развеселить, рассмешить, тормошил меня, целовал. Удивительной доброты был человек! Когда мы вечером выходили на улицы, он обнимался чуть не со всеми встречными; однажды вздумали сфотографироваться у уличного фотографа — Паоло насобирал ребятешек, которые так и липли к нему, посадил к себе на колени.

Мы были в Тифлисе в хорошее время — осенью. В памяти сохранился чудесный облик города и благодарное чувство к народу Грузии, который понравился своим радушием, веселостью, непринужденностью. Высокой культурой, блеском ума и остроумия, исключительной благовоспитанностью и в то же время простотой в обращении отличалась грузинская интеллигенция (правда, мы вращались исключительно среди избранных, элиты).

Наконец этот калейдоскоп остался позади. Мы на Военно-Грузинской дороге, в машине, с нами какой-то странный спутник, который все время занимал нас разговорами и извел на нас несколько ящиков рахат-лукума. Затем Владикавказ и поезд в Москву, куда мы приехали в конце 20 года.

Была пора военного коммунизма.

Москва

Для И.Г. Москва была родным городом, и он сильно волновался, подъезжая, не отходил от окна вагона, называл станции, затем по мере приближения к городу — видневшиеся вдали здания. У меня Москва вызывала лишь исторические и литературные ассоциации. Мне еще виделись Тифлис, Коктебель, и я невольно сравнивала яркие краски южной природы с гнетущей серостью

московского дня, ночное черное с золотом небо юга с северной белесой, беззвездной пустотой; московское небо казалось мне нищим, как сама страна. Было скучно смотреть на заваленные сугробами, неубранные улицы и скверы. Раздражали разговоры о пайках, хлебе, деньгах, толкучке. Голод меня не пугал, я еще в Киеве узнала, что это такое.

И.Г. терпеливо относился к убожеству нашей жизни. Он, который в первые наши встречи познакомил меня с понятием *savoir vivre*, любивший хорошее вино, вкусную еду, изысканную одежду, никогда не брюзжал на недостатки во всем, начиная с хлеба и кончая транспортом.

Он встречался с поэтами, прозаиками (помню, он познакомил меня с Есениным в Лавке писателей), посещал театры и водил Любу и меня (мне особенно запомнилась А.Коонен в «Адриенне Лекуврер»⁷⁸, «Мистерия-буфф»⁷⁹ и какой-то маленький экспериментальный театр), бывал на выставках. Люба тоже нашла в Москве знакомых, встретила с А.А. Экстер⁸⁰, у которой училась живописи в Киеве. Она повела меня на выставку супрематистов, где висело и ее полотно (два квадрата, один в другом; по идее, крайний должен был возвышаться над внутренним, — впрочем, м.б., наоборот, но Любе казалось, что так не получилось, и она все спрашивала меня, как я вижу). Иногда вечерами мы бывали в столовой Дома печати. В день нашего приезда там произошло столкновение Мандельштама с Блюмкиным⁸¹. Я с ужасом увидела вдруг бегущего О.Э., за которым гнался пьяный с револьвером, дико крича: «Убью!»

Я поступила воспитательницей в детский дом на Коммунистической улице Таганского района. Каждое воскресенье я приходила в бывшую гостиницу «Княжий двор»⁸² на Кропоткинской улице, где жили Эренбурги. Транспорта не было, я всю дорогу шла пешком по снежной Москве, по бесконечной Солянке, через Швивую горку (так она тогда называлась). Однажды И.Г. и Люба также проделали этот путь и пришли ко мне. Я волновалась, что мне нечем будет их покормить после утомительной дороги, но, к счастью, мне в этот день выдали недельный паек: хлеб, сливочное масло и песок. Я устроила роскошный по тем временам чай. Моя большая комната со старинной лежанкой выглядела убого: кровать, застеленная казенным одеялом, голый стол, две длинные лавки. И все. В этой обстановке И.Г. рассказывал о Париже, о его улицах, площадях, музеях, кафе, мечтал увидеть его снова.

О.Э. я больше не видела. Однажды пришел ко мне А.Э., замерзший, голодный, обтрепанный, сказал, что у него нет жилья, что он ночует на вокзалах, и просил у меня пристанища на ночь,

ужасаясь одновременно, что будет, если кто-нибудь в детдоме узнает про его ночной визит. Я старалась его успокоить, говорила, что ко мне никто не придет, если и постучат, я скажу, что легла, что утром я сумею его вывести незаметно. В качестве ложа я ему предложила мой длинный стол; А.Э. вполне мог бы на нем улечься, а я бы уж умудрилась снабдить его подушкой и одеялом, ведь укрываться я могла бы и пальто. А.Э. просидел у меня часов до 11-ти вечера, наслаждаясь теплом и изредка задремывая, но, когда я стала устраивать ему постель, он вскочил, заявил, что не может подвергать меня неприятностям, решительно попрощался и ушел.

О.Э. в это время не было в Москве, а его брат не умел устроиться. Между тем хлопоты И.Г. о заграничной визе увенчались успехом. Эренбурги готовились к отъезду. Я тщетно пыталась связаться с мамой (оказалось, что она с моим старшим братом уехала в Подольскую губернию), но решила ехать во что бы то ни стало: Киев — родной город, там друзья, подруги, их родители. Но прежде всего надо было добыть пропуск. Я пошла в пропускное бюро и на вопрос о причине отъезда рассказала, что у меня в Киеве старенькая мама, что мы с ней не виделись полтора года, я ничего не знаю о ней и братьях. В пропуске мне отказали. В отчаянии я прибежала к Эренбургам и расплакалась. И.Г. сначала расстроился, стал искать выход и вдруг посоветовал: «Чем плакать здесь, лучше вернитесь и поплачьте там». Не оценив в горе комизма ситуации, я послушалась (Люба горячо поддержала И.Г.). Пропуск мне выдали.

Эта зима 20-21 года была тяжелым периодом в нашей жизни. Какие-то мрачные тучи висели над нами. И.Г. был задумчив и озлоблен. Стихи читал, рассказывал о встречах, о различных эпизодах, характерных для эпохи военного коммунизма, но оживлялся только тогда, когда говорил о поездке в Париж. Меня тяготила обстановка в детском доме, не нравились воспитательницы, заведующая, которые зазывали меня к себе якобы на чай, а сами допытывались, где и с кем я провела воскресный день; забраковали книжку чудесных детских стихов, подаренную мне Ильей Григорьевичем, запретили читать детям Чуковского.

Только Люба была весела и беззаботна.

Прошло пять лет. В эти годы И.Г. несколько раз приезжал в Москву, а я была далеко — в Азербайджане. Длительное время мы с ним переписывались. В Ленкорань он прислал мне свою первую прозу «Хулио Хуренито», потом «Тринадцать трубок», много своих фото.

Во время войны все это пропало.

В 26 году я с мужем и двухлетней дочкой приехала в Москву, где встретила со многими друзьями-киевлянами. От них я в первый же день узнала, что И.Г. в Москве. Обещали устроить мне встречу. Она произошла в Доме Советов на улице Грановского, в комнате моей киевской подруги Кати Трощенко. Я сидела одна, когда вбежал И.Г. и бросился ко мне.

Это была радостная встреча. Я этого не ожидала: всегда самокритически настроенная, я вспоминала себя дурной, неловкой, злой, корила себя даже за то, что не смогла полюбить собак, которых И.Г. обожал; он тщетно старался победить мое физическое отвращение и недоверие к ним («Я не знаю, что у них на уме»)⁸³. И за многое другое. Мне даже казалось, что И.Г., идя ко мне, просто выполняет долг вежливости. Но это была искренняя радость — в этом я не могла ошибиться, я его хорошо знала.

Он то рассказывал о себе, то перебивал себя расспросами о дочке, о муже, о дальнейших планах.

Но уввы! Моя нетерпеливая Катя сама хотела познакомиться с Эренбургом, и я еще в комнате услышала, как она прыгает по лестнице через две ступеньки.

Катя принесла из редакции (она сотрудничала в журнале «Красная новь») стихотворение Твардовского — тогда это имя было еще внове⁸⁴. Дала И.Г. прочесть, но он только скользнул глазами по рифмам, нашел их банальными и отозвался о стихах отрицательно. Ему было не до того, к тому же он досадовал на Катю за то, что она так быстро явилась.

Мы встречались часто, каждый день. Бродили по московским улицам, и И.Г. вспоминал строки из своего юношеского стихотворения:

И столько близкого и милого
В словах: Арбат, Дорогомилово.⁸⁵

Мы с ним подолгу сидели в кафе на каком-то бульваре (я тогда плохо знала Москву), а он все время щелкал «лейкой». Не знаю, пользовался ли он в то время боковым видоискателем⁸⁶, во всяком случае, он сумел отвлечь мое внимание, и я не подозревала, что он фотографирует меня. Потом он открыл мне этот секрет и смеялся, что истратил на меня всю ленту, сделал сто снимков. Впоследствии И.Г. присылал мне из-за границы целые пачки маленьких фотокарточек и штук 10-15 увеличенных. Писал, что любит сидеть у ванночки с проявителем и наблюдать, как постепенно возникают на дне ее черты моего лица.

Бесконечны были его рассказы о Париже (ведь он побывал за это время во многих странах, но о них говорил мало), о новых друзьях, о новых поэтах и новых стихах. Рассказывал о встрече в Париже с Мариной Цветаевой, о выставке картин Любы в Берлине⁸⁷, о том, как создавал «Жулио Хуренито»; бранил критиков не менее ожесточенно, чем Петефи⁸⁸. Я жадно слушала литературные новости, т.к. в Ленкорань не доходили новые книги и журналы. Читала «Рвача», единственный экземпляр которого ему удалось провезти из-за границы⁸⁹, «Лето 1925 года», напечатанное, если не ошибаюсь, в «Красной нови»⁹⁰.

И.Г. любил вспоминать Киев, Коктебель, Тифлис, перебирал общих знакомых, и видно было, что он пристально следит за их судьбой. Удивительно добрая была у него память! О людях, которых он в прошлом нередко осуждал, высмеивал, которые подчас тяготили его, он потом вспоминал сердечно, с ласковой улыбкой — иногда чуть иронически, но не зло. Вероятно, он сознательно воспитал в себе это качество, судя по тому, что он писал в своих мемуарах: «Читатель может спросить, почему пережитые годы часто выглядят черными, а люди, с которыми я встречался, описаны любовно, описаны их хорошие стороны. Были и у меня разочарования, порой я если не дружил, то водился с людьми, которые потом оказывались мелкими, бессердечными, но я предпочитаю, вспоминая многое, рассказывать не о них, а об обстоятельствах, вызывавших душевное принижение многих, не хочу судить, тем паче, что я не убежден в своем беспристрастии»⁹¹.

И.Г. жил тогда (летом 26 года) в Проточном переулке, в квартире Сорокиных. Я была там, И.Г. познакомил меня с Тихоном Ивановичем, о котором рассказывал еще в 19 году, но тот сразу оттолкнул меня грубоватым замечанием: «Я не люблю стриженных женщин»⁹². Я не переношу грубость, поэтому сразу завяла и замкнулась. Мы пошли втроем бродить по Москве (Кати, жены Т.И. — она была первой женой И.Г. — я не видела), где-то встретились с Майей Кудашевой и сфотографировались на бульваре. Мы с Майей вспомнили Коктебель, Макса и его мать. Разговаривала она сухо, как будто не было той ночи, когда она привела меня к себе, чтоб рассказать о гибели своего нелюбимого мужа, князя Кудашева, и о страстной любви к И.Г. Ан.Цветаева пишет в книге своих «Воспоминаний»: «Майя всегда влюблена»⁹³.

Как-то мы шли довольно большой компанией по Садовому кольцу. И.Г. нужна была фотография для документа, и он задержался у уличного фотографа. Тот между делом рассказал, что однажды ранним утром к нему явился кто-то в нетрезвом виде и по-

требовал его сфотографировать, но так и не пришел за карточками. Они были выставлены в витрине. И вот один из посетителей сообщил ему, что это известный поэт Есенин. Вскоре до него дошел слух о самоубийстве Есенина. Догадливый фотограф смекнул, что сможет на этом деле хорошо заработать; он увеличил и размножил снимки и, действительно, нажил на продаже их круглую сумму. Кое-кто из присутствующих развеселился, а И.Г. был омрачен. Один из нашей компании, кажется, посоветовал фотографу, чтобы он воспользовался благоприятным случаем и на этот раз. Но, поскольку никаких сенсаций за сим не последовало, вряд ли эта работа обогатила хозяина уличной палатки.

Мы опять надолго расстались.

Следующая встреча состоялась в 32 году. К этому времени я кончила университет и поселилась недалеко от Москвы, преподавала литературу и русский язык в педагогическом техникуме, в Москве бывала часто. Летом я узнала, что И.Г. приехал и будет читать лекцию о Париже в каком-то клубе. Друзья достали мне билет с большим трудом, но все места были заняты, и я села на крышку рояля, стоявшего возле сцены. И.Г. долго говорил⁹⁴, смотря прямо перед собой, потом постепенно стал обводить взглядом весь зал. Увидев меня, запнулся, но тут же справился с собой и продолжал лекцию. Он не собирался делать перерыв, но передумал. Объявил — и, сойдя по лесенке в зал, подбежал ко мне, а я уже шла навстречу. По окончании лекции мы вышли и долго бродили по Красной площади, потом он проводил меня на Петровку. И.Г. сообщил мне, что едет в Кузнецк, т.к. задумал новую книгу. Это был «День второй». Он радовался, что я хорошо одета. «Как парижанка», — сказал он.

В ожидании отъезда он посещал школы, бывал на уроках, беседовал с ребятами (на одной такой беседе я присутствовала, мне очень понравился деловой, серьезный тон разговора — с обеих сторон) — задуманная книга требовала знания молодежи. С возмущением говорил о новой трактовке литературных произведений. «Наталья Саввишна⁹⁵! — восклицал он. — Ты бы посмотрела, что они сделали с нею! Как испоганили эту прекрасную женщину за ее преданность "барам". Ведь это что же? Искажены все нормальные человеческие отношения! Учителя внушают учащимся, что Наталья Саввишна должна была ненавидеть детей, которых она вынянчила, воспитала... Впрочем, — подозрительно приглядываясь он ко мне, — ты ведь тоже учительница, м.б., ты тоже так "преподаешь"? Ведь этот "социологический метод" сейчас усиленно насаждается». Но, заметив, что я в недоумении смотрю на него, тут же сам отвел это предположение: «Нет, этого не

может быть: ты слишком любишь литературу, чтоб расправляться с ней так бесстыдно».

Он расспрашивал о моих учениках. Ему очень понравилось, что мои ребята, работая на совхозном поле, экспромтом разыгрывали целые сценки из «Мистерии-буфф», хотя первоначально и встретили стихи Маяковского в штыки.

Он много говорил о предстоящей длинной дороге, волновался, что ему достался билет в двухместном купе, и с ним рядом будет жить какой-то человек. С комическим ужасом он повторял: «Будет дышать целую ночь. А вдруг будет храпеть? Я тогда выброшусь из поезда». И он придумывал себе соседей: будет ли это грубый агроном, пьяница и картежник, который, чего доброго, предложит ему сыграть в «21», или это будет сварливая старуха, стонущая и кряхтящая и каждый час раскладывающая свои домашние припасы, — она будет есть и причмокивать и облизывать пальцы... Я, шутя, докторальным тоном упрекала его в отсутствии демократизма, в снобизме, он смеялся, но эта игра его очень занимала, и он все время к ней возвращался, давая простор своей фантазии.

Однажды (это было в гостиничном номере) И.Г. протянул мне фото девушки или молодой женщины. По этому жесту, по лицу его я догадалась, что это его новая подруга, м.б. даже любимая. Я долго смотрела на нее — он что-то говорил, я уловила только слово «племянница»⁹⁶ (но не услышала, чья) — и, вместо ответа, расплакалась. Он смущенно вынул из моих рук карточку и, не сказав ни слова, провел рукой по моим волосам. Говорить было не о чем и незачем, мы понимали друг друга хорошо.

Как странно, что я отчетливо помню все встречи, но мне темны расставанья — ни один прощальный взгляд, ни одно последнее рукопожатие не запечатлелось в душе.

В 33 году я уехала в Ижевск, в Удмуртию, где жила до осени 38 года, затем переселилась в Ярославль и стала работать в пединституте. В Москву я ездила часто, но И.Г. был за границей.

Началась война, поездки стали невозможны. Только однажды я получила пропуск для свидания с братом, который был вызван с фронта для получения звания Героя Советского Союза⁹⁷. Я позвонила И.Г., он попросил зайти в редакцию «Красной звезды». В его кабинет часто стучались сотрудники, раздавались телефонные звонки, нам едва удалось обменяться сведениями о нашей жизни, поговорить о войне. Она уже близилась к концу, но И.Г. пессимистически смотрел на будущее: он говорил, что фашизм не убит, он окрепнет и распространится за пределами Германии.

Я сказала: «Значит, тебя ждет определенное поприще — ты всегда будешь бороться против фашизма».

— Буду, — просто сказал он, — и против войны.

Он был сумрачен, казался переутомленным, постарел. Я почувствовала, что внутренне мы далеко ушли друг от друга: слишком большая полоса жизни легла между нами. И.Г. многое увидел и понял за эти годы — у него жизнь была широкая. А я жила в своем узком академическом кругу и ничего не понимала из того, что происходило, только чувствовала нависшую над нами страшную тяжесть. Он был единственным человеком, к которому я могла бы обратиться со своими сомнениями, так как только ему я безоговорочно верила, в мудрость его верила: он чувствовал мое смятение, мой душевный хаос и спрашивал: «Почему ты такая? Что с тобой делается?» Я знала, что несколькими словами он мог прояснить мое сознание — теперь он нашел бы благоприятную почву, а затем я домыслила бы все сама, но... обстановка была неподходящая. Я сослалась на состояние здоровья, на неприятности по работе, попрощалась и ушла.

Летом 45 года И.Г. и Люба приехали в Ярославль. Мы с Таней были у них в гостинице на улице Кирова, гуляли по Волжской набережной, ходили с Любой на рынок — он ей понравился, показался богатым (меня удивил ее интерес к ценам, к хозяйству — никогда раньше этого у нее не было; вероятно, сказалась московская убогая жизнь военного времени). На рынке она купила несколько деревянных кустарных ложек, на одной из них была выжжена надпись «Для Гриши» — это был гостинец брату, Григорию Михайловичу Козинцеву. Рассказывала о своей старой домработнице, которая ужасно им завидует и ненавидит их за то, что они живут лучше, чем ее деревенские родственники. А когда И.Г. бойцы прислали девочку, подобранную в разрушенной деревне⁹⁸ (ее удочерила Ирина Ильинична), старуха возненавидела и ее — вот, мол, какое счастье этой дуреке привалило. Хотя девочке жилось у Эрэнбургов лучше, чем у генерала, который вначале взял ее в свою семью, но чувствовалось, что воспитателями они были никудышными. Из Ирины девочка веревки вила, Любу не слушалась совершенно, а И.Г. с ней только играл.

Мы ходили втроем осматривать ярославские церкви на Которосльной набережной. И.Г. бегло читал славянскую вязь на стенах, что я, преподававшая в институте древнерусскую литературу, отметила с большим удовольствием, восхищался неувядающими красками фресок и возмущался тем, что памятники старины разрушаются (в церкви был какой-то склад, многие фрески были испорчены поселившимися под крышей голубями).

Эренбурги съездили в Кострому, где их очень гостеприимно встретило городское начальство, в противоположность ярославскому, которое обещало дать им машину для осмотра города, но протомило целый день в напрасном ожидании. Объясняется это просто: незадолго до этого в центральной прессе появилась разносная статья Г.Ф. Александрова⁹⁹, резко и несправедливо обвинявшая Эренбурга в том, что он якобы не различает понятий «немец» и «фашист». Уезжая, И.Г. поклялся, что ноги его не будет в Ярославле. Костромской же прием надолго задержал И.Г., он чуть ли не на час опоздал на свою лекцию в Волковском театре.

Я попросила мою дочь записать воспоминания об И.Г. и Любе. Оказалось, она лучше запомнила некоторые факты и рассказы И.Г. Цитирую ее письмо: «И.Г. при виде меня поразился: "какая у Ядвиги взрослая дочь"; Люба вела себя (как я теперь понимаю) светски, т.е. непринужденно, дружески, с нею сразу стало легко. Приехали они на машине (иного транспорта И.Г. тогда не признавал), а уехали на виллисе из воинской части и долго ждали, пока его починят. Были мы на его лекции в театре, собралось много народу. И.Г. несколько раз с обидой помянул статью Александрова. Кажется, по ее поводу он начал говорить о том, что наши люди очень отходчивы, что немцу на фронте страшны были только первые три километра по дороге в плен. Рассказал о своем шофере, у которого вся семья погибла в Бабьем Яру, но когда им почему-то пришлось везти немца и тот попросил сигарету, шофер дал ему закурить. Несколько раз И.Г. повторил его фразу, что раз уж мы победили, то пленных нельзя обижать. Эти слова он назвал мудрыми: теперь другое время — раньше мы требовали смерти немецким оккупантам, теперь вступают в права другие, человеческие, чувства. Вечером мы были на собрании ярославских писателей. И.Г. беседовал с ними. По их просьбе он читал свои стихи, говорил, что пишет их редко, очень занят (во время войны писал иногда по пять статей в день), но все-таки без стихов не может. Помню вопрос, очень задевший И.Г. Кто-то сказал, что слышал мнение писателей, будто И.Г. пишет стихи для отдыха, дескать этот жанр для него пустяки. И.Г. ответил, что для отдыха он клеет коробки, может их показать у себя дома, а стихи, да еще военные, т.е. достаточно грустные и горькие, для отдыха не пишут. Его это, видно, всерьез задело — он к этой теме возвращался и позднее».

На другой день И.Г. и Люба были у нас. Мы договорились, что я сама зайду и приведу их к себе. Показала им на своей улице церковь Николы Мокрого, сильно пострадавшую во время восстания левых эсеров в 18 году, но сохранившую свои изумительные

изразцы. К сожалению, проникнуть внутрь не удалось, т.к. и в этой церкви был склад, да еще, кажется, военный. Тане я поручила приготовить обед. Помню, И.Г. и Люба очень одобрили украинские вареники с вишнями — ведь они, как и я, были киевляне.

После ярославской было несколько московских встреч. Когда я в первый раз пришла к Эренбургам на улицу Горького (на восьмой этаж, лифта не было или он не работал), они мне показали квартиру. В одной из комнат, кажется, в кабинете И.Г., висела большая картина (гуашь) Любы, изображающая двух (или трех?) французских рабочих за столом. Меня поразила реалистическая манера, не свойственная прежним работам Любы. Она весело рассказывала о своем парикмахере, собиралась на «Золушку» Прокофьева, кажется, на премьеру, — в таком случае это было 21 ноября 45 года, но возможно, я ошибаюсь. Помню хорошо, что балет привлекал всеобщее внимание, о нем много говорили как о новинке — значит, была зима 45-46 года. И.Г. при мне вырезал бордюры из Любиной коробки папирос и наклеил его на ребро полки книжного шкафа, уже обильно изукрашенного таким же образом.

Показывал мне свои книги и их переводы. Рассказал о судьбе Мандельштама. У меня сердце защемило, когда он описал, как О.Э. с Надей тайком приезжали в Москву, но не решались зайти ни к кому из знакомых, а просиживали целые часы на бульваре, прижавшись друг к другу; и как О.Э., увидев одного известного писателя¹⁰⁰, подошел к нему и попросил денег (можно представить, в какой крайности был человек), а тот протянул ему... трешку.

Как-то И.Г. пригласил меня и Таню — она училась в МГУ — на свою лекцию в Политехнический. Дочь вспоминает: «Мы сначала поехали к ним домой, а потом на машине вместе с И.Г. в институт. Дома были недолго. Запомнила рассказ И.Г. о Париже после прихода немцев. Он говорил, что стихи Ахматовой о Париже совершенно невероятно правдивы, она почувствовала самое главное, словно увидела его духовным зрением¹⁰¹. О себе рассказывал, что, пользуясь неприкосновенностью как советский гражданин, вел себя вызывающе по отношению к немцам, например, входил в кафе, на дверях которых висело объявление: "Евреям вход воспрещен". Заговорили о русских антисемитах, и И.Г. рассказал об антисемитских выходках Шолохова, направленных против него лично¹⁰². Присутствовавшие при этом люди молчали и только после ухода Шолохова бросились к И.Г. выражать свое негодование. Но И.Г. обиделся на них: почему не вмешались, почему соболезнают задним числом. Он сказал: "Им же легко было возразить, они русские".

На всю жизнь я приняла эти слова как руководство к действию. И.Г. сказал еще, что Шолохов — единственный антисемит, которого ему жаль, т.к. талантливый человек, он совершенно спивается. Помню также разговор мамы с Л.М., которая говорила, что пишет портрет М.И. Алигер¹⁰³ и между прочим пожаловалась, что трудно найти натуру. Мама, шутя, предложила себя, но Л.М. ответила: "Вы для меня недостаточно уродливы". По дороге в машине И.Г. издевался над нашим транспортом. Говорил, что в метро в часы пик страшная давка, и нарисовал целую картину, как по мере нарастания скученности понадобится медицинская служба, чтобы оказывать помощь искаленным, и тогда мы торжественно напишем в газетах, что только в нашем метро имеется такая служба и что она лучшая в мире».

Вспоминаю еще один вечер у Эренбургов.

Когда я пришла, Люба повела меня посмотреть только что приобретенное ею в комиссионном магазине кресло, на мой вкус весьма неудобное, с прямой спинкой, твердыми подлокотниками и коротким сидением. Любе очень хотелось, чтоб ее покупку похвалили, а И.Г. скептически помалкивал. Я доставила ей это удовольствие, заявив, что новое кресло гармонирует с обстановкой комнаты. В Любе всегда было что-то детское, что меня умиляло в ней, было страшно ее обидеть. Она рассказывала, что просрочила паспорт, и ее направили к начальнику милиции. Придя к нему, она спросила: «Вы будете на меня кричать?» Этот вопрос и ясный, невинный взгляд могли обезоружить самого закоренелого брубона.

Потом прибежала Ирина Ильинична (я была с ней знакома, т.к. она приезжала в Ярославль и по просьбе отца посетила меня — не помню, в каком это было году) со своей приемной дочкой. Она была (или казалась?) уже взрослой, могучего вида девицей, училась в средней школе. Обе они промелькнули и куда-то умчались со смехом и шумом. Пришла М.И. Алигер, обследовала кресло, затем Люба увела ее к себе, но вскоре М.И. ушла, а Люба присоединилась к нам. За ужином шел разговор о поведении писателей во время войны. И.Г. с похвалой отозвался о мужестве Симонова и насмеялся над Леоновым, который вел себя панически при наступлении немцев на Москву, но успокоился, услышав, что к ней подходит армия Гудериана (решил, что это советский генерал). Тогда же я узнала подробности о смерти Марины Цветаевой.

Последний раз я видела И.Г. в начале 54 года. За несколько часов до отхода поезда в Ярославль я узнала о дискуссии по поводу «Оттепели» в каком-то клубе. Опоздав к началу, я едва нашла место в самом последнем ряду. Мы радостно закивали друг другу

издали — у обоих было хорошее зрение. Мне показалось, что И.Г. выглядел лучше, чем раньше, держался бодрее — в этом не было ничего удивительного. Выступали работницы, школьники, студенты и студентки, говорили глупости. Обсуждение затянулось, до отхода поезда оставались считанные минуты, а завтра лекции в институте. Я отправила И.Г. наскоро написанную записку и убежала.

Следующий раз я увидела его в гробу.

В 59 году вышла книжка Эренбурга «Стихи 1938-1958». После тщетных попыток ее достать я написала ему, просила помочь. И.Г. быстро откликнулся на мою просьбу, выслал книгу¹⁰⁴, в письме сообщал о своей работе, о новых замыслах, расспрашивал о моей жизни¹⁰⁵. Это было летом 60 года.

Заканчивая свои записки, хочу сказать, как глубоко сожалею, что в свое время не вела дневника, не стремилась запечатлеть мысли, высказывания, искренние признания И.Г. (он всегда был откровенен со мной). Это намерение никогда не появлялось у меня потому, что я ценила И.Г. за его личные качества, а не за громкое имя. Достаточно сказать, что он даже не принадлежит к числу моих любимых писателей. И я не сразу привыкла к тому, что, встречаясь после долгой разлуки, он прежде всего рассказывал, что написал и над чем работает, а уже потом — о событиях личной жизни. Со временем я поняла, что для И.Г. его писательский и журналистский труд и был главным делом его жизни, его личной жизни.

Вероятно, взгляды И.Г. оставили в моей душе на всю жизнь глубокий след, настолько прочный, что, позабыв их источник, я многие его мысли считаю своими. Одно несомненно, что И.Г. в значительной степени определил мои интересы, мое отношение к людям, к жизни, к искусству и литературе, сформировал меня нравственно, душевно меня обогатил. И мне горько сознавать, что я многое просто забыла, растеряла доставшиеся мне сокровища и что при более бережливом к ним отношении я могла бы полнее, глубже и убедительнее обрисовать облик этого Человека, с душой сложной и противоречивой, наделенного большим умом, редким мужеством, благородством и тщательно спрятанной добротой.

Ярославль, 1976 год

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фото М.Трахмана. Литературная газета. 1960. 19 июля.

² «В одну из последних ночей огромный детина в папахе вытащил меня на обледенелую палубу. Все спали. Офицер был куда сильнее меня, но он перепил. Мы боролись. Он тупо повторял: "Сейчас я буду тебя крестить..." Он толкал меня к борту. Помню, я подумал: хорошо, что в воду мы скатимся вместе... Ядвига, которая ехала с нами, услышав крики, кинулась в кубрик к прапорщику, тому самому, фамилию которого я запомнил. Он поднялся на палубу: "Стой! Стрелять буду!.." Увидев револьвер, мой "крестный отец" разжал объятия» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.1. М., 1990. С.301).

³ *Любовь* Михайловна Козинцева-Эренбург (1899-1970) — художница, вторая жена Эренбурга.

⁴ Название стихотворения И.Северянина (1911), в котором эта строчка повторяется трижды, как заклинание.

⁵ Левин Ф. Из глубин памяти. М., 1973; в этом сборнике впервые напечатаны воспоминания об Эренбурге — «До последнего дыхания»; Ф.Левин так описывал появление Эренбурга в редакциях и издательствах: «Лаконичная речь, молниеносная реакция на реплики собеседника. Казалось, что он занят только своим сегодняшним делом: предложением книги, оформлением договора. Он не задерживался ни одной лишней минуты, окончив дела, не располагался "поболтать", не спрашивал о новостях, не говорил о погоде или о здоровье. Это было не сухостью, а деловитостью» (С.78).

⁶ Личная библиотека Эренбурга была огромной (располагалась и в Москве, и на даче) и, разумеется, кроме всевозможных изданий его собственных книг, содержала русскую литературу, начиная от «Слова о полку Игореве», зарубежную литературу (в большинстве своем западные издания; французские и испанские авторы — на языке оригинала), книги и альбомы по искусству; масса книг — с дарственными надписями. Эренбург не был профессиональным библиофилом, как В.Г. Лидин, но после войны разыскивал у букинистов первые книги русских поэтов и собрал многие редкости (например, первую книгу Лермонтова).

⁷ Наиболее яростные антибольшевистские статьи были написаны Эренбургом осенью 1919 и напечатаны в Ростове; «белые иллюзии» рассеялись у Эренбурга лишь в Коктебеле.

⁸ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.1. Указ. изд. С.345.

⁹ Имеется в виду роман Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников...», написанный в Бельгии летом 1921.

¹⁰ В киевских магазинах в 1919 мог появиться лишь сб. стихов Эренбурга «Молитва о России», изданный в Москве в конце 1918; сб. «Одуванчики» издан в Париже в 1912, а «Стихи о канунах» — в Москве в 1915.

¹¹ *Елизавета* Давидовна *Молдавская* — сестра жены кузена Л.М. Козинцевой А.М. Кричевского, в будущем знаменитого дерматолога.

¹² *Татьяна Михайловна Андреева* (1924-1981) — преподаватель литературы.

¹³ «На Софийской улице, возле Думской площади, было маленькое грязное кафе; держал его худущий грек с длинным и страстным лицом моделей Эль Греко. В окне была вывеска: "Настоящий и свежий просто-кваш". Грек готовил душистый турецкий кофе, и мы к нему часто ходили — поэты, художники, актеры. Там я иногда рассказывал Любе, молодой студентке Педагогического института Ядвиге, Наде Хазинной, которая потом стала женой О.Э. Мандельштама, о моих заграничных похождениях. Я фантазировал: что делал бы добрый французский буржуа или римский лаццарони, оказавшись в революционной России? Так рождались персонажи романа "Хулио Хуренито"» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.1. Указ. изд. С.296).

¹⁴ «*Ротонда*» — знаменитое парижское кафе на углу бульваров Монпарнас и Распай, завсегдатаем которого Эренбург был в 1912-1917; место встреч художественной и поэтической богемы.

¹⁵ С *А.Н. Толстым* Эренбург познакомился в Париже в июле 1911, очень сблизился в Москве зимой 1917-1918.

¹⁶ С *М.А. Волошиным* Эренбург переписывался, начиная с 1913, личная встреча и дружеское общение началось в Париже в январе 1915. Во Франции в 1915-1916 у Эренбурга и Волошина был общий круг друзей, куда входили Б.В. Савинков, художница Маревна (М.Б. Воробьева-Стебельская), Диего Ривера, М.О. и М.С. Цетлины. В октябре 1917 Эренбург навестил Волошина в Коктебеле.

¹⁷ Тихон Иванович *Сорокин* (1879-1959) — искусствовед, литератор; Эренбург посвятил ему главу в книге «Люди, годы, жизнь», впервые опубликованную в издании мемуаров 1990.

¹⁸ *Екатерина* Оттовна Шмидт (1889-1977) — первая жена Эренбурга; осенью 1913 ушла от него к Т.И. Сорокину.

¹⁹ *Ирина* Ильинична Эренбург (р.1911) — дочь И.Г. Эренбурга и Е.О. Шмидт, переводчица, литератор.

²⁰ Елизавета Григорьевна *Полонская* (урожд. Мовшенсон; 1890-1969) — поэтесса и переводчица, участница литобъединения «Серрапионовы братья», близкий друг Эренбурга (они познакомились в Париже в начале 1909).

²¹ *Шанталь* Кенневиль — французская художница, подруга Эренбурга в 1914-1917; ей посвящен роман в стихах Эренбурга «В звездах» (Киев, 1919).

²² Переводы Эренбурга из Франсуа Вийона вышли в московском издательстве «Зерна» в 1916 на средства Цетлиных при содействии М.Волошина.

²³ Эренбург познакомился с Пабло *Пикассо* весной 1914 в Париже и был дружен с ним до конца своих дней.

²⁴ Хаим *Сутин* (1894-1943) — художник парижской школы, уроженец Белоруссии.

²⁵ Познакомившись с М.З. *Шагалом* в «Ротонде» еще до революции, Эренбург встречался с ним вплоть до 1960-х (во Франции и США); несколько писем Шагала Эренбургу демонстрировались на выставке к столетию художника (Москва, 1987).

²⁶ Эренбурга и Амедео *Модильяни* связывала близкая дружба; стихотворение Эренбурга, посвященное Модильяни, в составе цикла «Ручные тени» вошло в сборник «Стихи о канунах» (М., 1916).

²⁷ С Федором Августовичем *Степуном* (1884-1965), философом, историком, социологом культуры, Эренбурга познакомил в Петрограде летом 1917 Б.В. Савинков; Степуну принадлежит несколько рецензий на книги Эренбурга.

²⁸ С Велемиром *Хлебниковым* и его стихами Эренбург познакомился в Москве в 1918 у Цетлиных; эта встреча описана в «Книге для взрослых» (см.: Эренбург И. Собр. соч.: В 8 тт. Т.3. М., 1991. С.518).

²⁹ Начало стихотворения без названия Эренбурга (1943), вошло в его сборник «Дерево» (1946).

³⁰ Мандельштам.

³¹ *Надежда* Яковлевна Мандельштам (1899-1980); посвятила Эренбургу прочувствованные страницы в двух книгах своих воспоминаний.

³² Владимир Николаевич *Маккавейский* (1891-1920?) — поэт и художник; в его оформлении вышла книга Эренбурга «Лик войны» (София, 1920); Я.И. Sommer в устных рассказах, неизменно упоминая, что Маккавейский всегда был изысканно одет, называла его «поэт-щеголь».

³³ Стихотворение без названия Эренбурга (1939).

³⁴ Заочное знакомство Эренбурга с *Цветаевой* началось в 1910; через М.Волошина Эренбург посылал Цветаевой свои книги; первая встреча произошла в Москве в 1917.

³⁵ Имеется в виду стихотворение Мандельштама «Tristia» (1918); Эренбург так часто читал его своим слушателям в Киеве, что многие считали его автором стихотворения.

³⁶ Эренбург познакомился с Б.Л. *Пастернаком* и его стихами (по совету Брюсова) в Москве в июле 1917, и вскоре Пастернак надолго стал одним из самых любимых его поэтов.

³⁷ Вот один из эпизодов, рассказанный Я.И. Sommer, но не включенный ею в «Записки»: «Я смотрела с балкона парад частей Красной армии на площади у Софийского собора. Парад принимал Троцкий. Красноармейцы проходили маршем мимо трибуны. Я тогда не знала команды равнения при марше, и мне показалось, что красноармейцы отворачиваются от вождя. Я возмущенно рассказала об этом И.Г. Он долго посмеивался потом надо мной».

³⁸ causerie — беседа (франц.).

³⁹ Мандельштам.

⁴⁰ Здесь в примечании автор записок указывает, что ныне эта улица носит имя Ильи Эренбурга; однако имя Эренбурга было дано неказистой Ново-Жилинской улице Киева, к которой Эренбург не имел никакого отношения.

⁴¹ На эту статью Шульгина Эренбург ответил статьей «О чем думает жид», напечатанной 22 октября 1919 в «Киевской жизни»; в ней он писал: «Научились ли евреи чему-нибудь за эти ночи? — спрашивает В.Шульгин. — Да, еще сильнее, еще мучительнее научились любить Россию».

⁴² Обнаружить эту статью в комплектах «Киевской жизни» в библиотеках Москвы и Петербурга не удалось.

⁴³ Григорий Михайлович Козинцев (1905-1973) — брат Л.М. Эренбург, впоследствии известный кинорежиссер.

⁴⁴ Стихи, написанные Эренбургом в Коктебеле в январе—марте 1920, составили цикл «Ночи в Крыму», которым открывались два издания сборника стихов Эренбурга «Раздумия» (Рига, 1921 и Пг., 1922).

⁴⁵ Исаак Моисеевич Рабинович (1894-1961) — в 1919 оформил в Киеве знаменитый спектакль «Фуэнте овехуна» по Лопе де Вега, поставленный К.Марджановым.

⁴⁶ Из стихотворения «Болотный попик» (цикл «Пузыри земли», 1905).

⁴⁷ Видимо, речь идет о Владимире Гуревиче, сыне киевского раввина, венчавшего Эренбургов, которого как своего соученика по киевской гимназии упоминает Я.Ивашкевич в воспоминаниях об Эренбурге (Вопросы литературы. 1984. №1. С.200).

⁴⁸ Всеволод Митрофанович Довнар-Запольский (1898-1919) — в 1917-1919 один из руководителей киевской организации большевиков.

⁴⁹ Екатерина Дмитриевна Троценко (1902-1944) — литературный критик, редактор книги поэм Эренбурга «Свобода» (1943).

⁵⁰ Алексей Павлович Селивановский (1900-1938) — литературный критик рапповского толка; в ряде статей резко нападал на Эренбурга; погиб в годы репрессий.

⁵¹ Елена Оттобальдовна Волошина-Кириенко (1850-1923).

⁵² Татьяна Давидовна Цемах (1890-1943?) — сотрудница Карадагской биостанции, поэтесса; с 1922 — в Берлине.

⁵³ Марии Павловне Кудашевой (1895-1985) Эренбург посвятил часть коктебельской главы во второй книге «Люди, годы, жизнь»; упомянув о последних встречах с ней во Франции, он не без значения заметил: «О Коктебеле мы не поговорили, хотя было что вспомнить» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.1. Указ. изд. С.304).

⁵⁴ Герои одноименного романа Г.Грина (1966), в том же году изданного в СССР по-русски.

⁵⁵ Александр Эмилевич Мандельштам (1893-1942); Эренбург вспоминает его в мемуарах как «человека доброго, вполне реального, который не раз помогал и своему брату и нам» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.1. Указ. изд. С.305).

⁵⁶ Установить, о чтении какой вещи В.В. Вересаева идет речь, не удалось.

⁵⁷ Лидия Алексеевна Чарская (1875-1937) — автор романов, популярных у дореволюционных гимназисток.

⁵⁸ Клавдия Владимировна Лукашевич (1859-1937) — автор сентиментальных и дидактических рассказов для детей младшего возраста.

⁵⁹ Чуковский К. Крокодил. Пг., 1917.

⁶⁰ Моисей Исаакович Гинцбург (1877-1940) — журналист, профессор психологии, член РСДРП с 1902.

⁶¹ Аруся — Раиса Моисеевна Гинцбург (1907-1965) — впоследствии поэтесса, автор воспоминаний о Волошине.

⁶² А.И. Цветаева упоминает свою встречу с Эренбургом в Коктебеле, не называя ее даты (Цветаева А. Воспоминания. М., 1971. С.508), может быть, речь у нее идет об октябре 1917.

⁶³ Эренбург вспоминал: «Когда Люба заболела сыпняком, Вересаев к нам часто приходил, и я с ним подолгу беседовал» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.1. Указ. изд. С.305).

⁶⁴ «Тоненькая, смуглая Ядвига, похожая на героиню итальянских неореалистических фильмов, с утра до ночи стирала белье» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.1. Указ. изд. С.306).

⁶⁵ Сергей Яковлевич Эфрон (1893-1941) — муж Марины Цветаевой; сражаясь в рядах Белой армии на юге России, заезжал в Коктебель к Волошину; впоследствии эмигрировал; в 1921 Эренбург по просьбе М.Цветаевой разыскал его в Праге.

⁶⁶ Хранится в волошинском фонде ИРЛИ (СПб.); в 1970-е тексты этих писем были любезно предоставлены мне В.П. Купченко.

⁶⁷ В волошинском фонде ИРЛИ сохранилось письмо Эренбурга Я.И. Соммер в Феодосию на адрес художника К.Ф. Богаевского (для Волошина), где сообщал: «Любе хуже. Вчера вечером у нее было 40°, сегодня утром 39,3, а в 1 ч. уже 40°. Жар она переносит очень мучительно. Вересаев ничего не нашел. Возможно, что это один из тифов. Посоветуйтесь, что делать. Говорят, что д-р Благая собиралась сюда — ей комната готова. Здесь ничего нельзя достать, если придется поддерживать действие сердца, нет сулемы, камфары и шприца. Нужно попытаться раздобыть это в Феодосии».

⁶⁸ Письмо Эренбурга было ответом на волошинское послание (в нем М.А. писал: «Я тебя в свое время принял и полюбил со всеми колючими, резкими и нетерпимыми сторонами. При мне не раз они обращались на других. Из-за того, что сейчас они обращены на меня, я не изменю моих отношений к тебе. Моя дружба далека стороны сентиментальной, в которой мы глубоко чужды друг другу. По отношению к тебе она выражалась только реальными и действиями и услугами, когда ты в них нуждался. Когда теперешнее наваждение пройдет, ты всегда найдешь во мне прежнюю действенную любовь. Что оно со временем пройдет, я не сомневаюсь, но, зная тебя, думаю, что не скоро. До свиданья, до скорой встречи. Крепко обнимаю тебя»). В ответе Эренбурга говорилось: «Я не считаю нужным отвечать на твое письмо. Я оставляю на твоей совести указание на реальные услуги. Отныне твоя "действенная любовь" тобой же приравнена к кастрюлькам, топору и пр. инвентарю Елены Оттобальдовны... То, что ты говоришь обо мне и Явиге Иосифовне, ложь, и очень нехорошая. Я великолепно помню твою исповедь о *прикосновении* к Гумилеву... Посему приглашаю тебя заняться иными темами и одновременно с "объятиями" и пр. сладостями письма не расточать вещей стыдных и недобросовестных. Не "любви", не "понимания", но хоть известной доли порядочности».

⁶⁹ Об этом см. воспоминания Эм.Миндлина «Необыкновенные собеседники» (М., 1968. С.26-29), оспоренные Н.Я. Мандельштам в ее «Второй книге» (М., 1990. С.77-78).

⁷⁰ Вскоре дом Волошина этого права лишился, и в октябре 1920 М.А. Волошин в Феодосии добивался освобождения от постоя у командования белых (см.: Из творческого наследия советских писателей. Л., 1991. С.209).

⁷¹ В устном рассказе Я.И. Sommer были дополнительные подробности: «В наш вагон ворвались три казака — и сейчас помню двоих: один был огромный краснорожий детина в тулупе, другой — мрачнолицый офицер. Ворвались они с криком: "Жиды, вылезайте с поезда!" Никто не пошевелился. Тогда они выкинули из вагона И.Рабиновича (у него была очень характерная еврейская внешность), а затем стали проверять у всех документы. Проверка шла медленно (только офицер был грамотный). Все были подавлены, и тут раздался человеческий вопрос: "А что вам нужно от нас?" Ответ был прост — нам нужно ехать в этом вагоне. — "А сколько вас?" — "Вот, трое". Им уступили полвагона, и мы поехали. И.Рабиновича вернули живого; оказалось, что его не собирались расстреливать».

⁷² См.: Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.1.Указ. изд. С.314-315.

⁷³ Праздник *Шахсей-вахсей* произвел впечатление и на Эренбурга — см. главу 28 романа «Хулио Хуренито» — «Марк Аврелий и главки. — Шахсей-вахсей» (Эренбург И. Собр. соч.: В 8 тт. Т.1. М., 1990. С.411-412).

⁷⁴ С *Паоло Яшвили* (1895-1937) Эренбург познакомился в Париже в 1914.

⁷⁵ С артистом *Н.Н. Ходотовым* (1878-1932) Эренбург познакомился в Харькове; в книге его воспоминаний «Близкое-далекое» Н.Н. Ходотов рассказывает, что Эренбург писал пьесу для его театра «Кривой Джими» (см.: Ходотов Н. Близкое-далекое. М., 1962. С.259).

⁷⁶ Грузинский писатель *Григол Робакидзе* (1880-1962) выступил со «Словом о новой русской поэзии» на поэтическом вечере Мандельштама и Эренбурга в тифлисской консерватории 26 сентября 1920; в 1931, находясь в Берлине и опасаясь ареста на родине, стал невозвращенцем.

⁷⁷ *Илья Михайлович Зданевич* (1894-1975) — поэт, прозаик, критик, художник-график; с 1921 — в Париже; созданная им в Тифлисе группа «41°» (А.Крученых, К.Зданевич, И.Терентьев) относилась к Эренбургу резко враждебно (8 августа 1922 И.Терентьев писал И.Зданевичу в Париж: «Хуже всех у вас за границей пишет Илья Эренбург — такую сволочь надо выводить»). — См.: *L'avanguardia letteraria russa: Doc. e ricerche / A cura di M.Marzaduri et al* [Русский литературный авангард: Материалы и исследования]. Trento, 1990. С.396); с братом И.Зданевича, художником и искусствоведем Кириллом (1892-1969) Эренбург познакомился в Париже в 1913 (см. воспоминания К.Зданевича — «Вечерний Тбилиси», 7 мая 1966).

⁷⁸ Спектакль по пьесе Э.Скриба, поставленный А.Я. Таировым в московском Камерном театре.

⁷⁹ Спектакль по пьесе Маяковского в театре Вс.Мейерхольда.

⁸⁰ *Александра Александровна Экстер* (1882-1949) — живописец, сценограф, педагог; руководила студией живописи в Киеве в 1918-1920; с 1923 жила за границей.

⁸¹ *Яков Григорьевич Блюмкин* (1898-1929) — левый эсер, сотрудник ВЧК-ОГПУ; по свидетельству Н.Я. Мандельштам, ссора Мандельштама с Блюмкиным произошла еще в 1918; после этого Мандельштам добился приема у Дзержинского, настояв на отмене расстрела заложников по плану Блюмкина. С тех пор Блюмкин угрожал Мандельштаму расправой. Свидетелем одной из таких сцен и оказалась автор записок. Эренбург также упоминает об этом эпизоде в книге «Люди, годы, жизнь».

⁸² Гостиница «*Княжий двор*» располагалась на Волхонке (теперь здание перестроено и в нем находится Музей частных коллекций); до революции там несколько лет жил отец Эренбурга.

⁸³ В устных рассказах Я.И. Sommer был такой эпизод: «Я как-то готовила на мангале и никак не могла отвязаться от какой-то бродячей собаки; наконец, не выдержав, я на нее замахнулась. И надо же было в этот момент появиться И.Г. Он долго и свирепо ругал меня — как можно обижать животных?»

⁸⁴ Эпизод со стихами Твардовского, скорее всего, может относиться к 1932, т.к. в 1926 Твардовский только начал печататься в смоленских изданиях и стихи его не могли бы заинтересовать московскую периодику.

⁸⁵ Заключительные строки стихотворения «О Москве» (1913), впервые напечатанные в сборнике «Будни» (Париж, 1913), запрещенном в России.

⁸⁶ С помощью бокового видеоискателя Эренбург сделал массу снимков в Париже, вошедших в его книгу «Мой Париж» (М., 1933), оформленную Эль Лисицким.

⁸⁷ Первая персональная выставка гуашей Л.М. Козинцевой-Эренбург открылась в галерее «Штурм» в Берлине 10 мая 1922; в дальнейшем персональные выставки ее работ проходили в Париже, Праге, Берлине, Амстердаме.

⁸⁸ Поэзия Шандора *Петефи* (1823-1849) подвергалась нападкам венгерских критиков и в консервативных журналах, и в либеральных, где поэта обвиняли в радикализме политических взглядов и дурном вкусе.

⁸⁹ Роман Эренбурга «Рвач» в 1925 был издан в Париже, в СССР его издание тогда фактически было запрещено.

⁹⁰ Фрагмент романа «Лето 1925 года» был напечатан в «Красной нови» (1926. №5) под названием «Лето 1925 года в Париже»; полностью роман был опубликован издательством «Круг» в 1926.

⁹¹ Слова из главы мемуаров, посвященной генералу Власову (см.: Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.2. М., 1990. С.264).

⁹² 29 декабря 1972 Я.И. Sommer рассказывала это так: «Когда я в 1926 пришла к И.Г. в Проточный переулок, где он жил с Тихоном Ивановичем в одной комнате (я перед тем остриглась, а раньше носила длинные волосы), И.Г. сказал Сорокину: "Вот, смотри, как Ядвига Иосифовна постриглась", а Тихон сказал: "Я вообще не люблю стриженных женщин"».

⁹³ Цветаева А. Воспоминания. Изд. 2-е, доп. М., 1974. С.433.

⁹⁴ В устном рассказе Я.И. Sommer была такая подробность: «Эренбургу тогда задавали много вопросов. Спросили, в частности, видел ли он Ленина. Он сказал, что да, видел в Париже и сразу же стал говорить о смерти Ленина, о его похоронах, и говорить, так сказать, со вздохом, как тогда считалось необходимым говорить».

⁹⁵ Персонаж книги Л.Толстого «Детство. Отрочество. Юность».

⁹⁶ Речь идет о Дениз Монробер (по мужу — Лекаш; 1905-1975?) — парижской актрисе, внучке французской писательницы Северин; Дениз была подругой Эренбурга в 1930-е.

⁹⁷ Андрей Иосифович Sommer (1897-1966) — генерал-майор, командир 89-й танковой бригады, звание Героя присвоено 19 апреля 1945 за участие в Восточно-Прусской операции.

⁹⁸ Речь идет о еврейской девочке Фане (Фейге) Фишман из западно-украинского села Домбровицы, которой чудом удалось спастись, хотя ее семья погибла в 1941. В июне 1944, после освобождения Красной Армией, встретившийся Фане военный фельдшер написал с ее слов (по-русски она не говорила) о ее судьбе в Еврейский антифашистский комитет в Моск-

ву; письмо попало к Эренбургу — он стал писать девочке, посылать ей книжки. Затем ее привезли в Москву, и 24 сентября 1944 она встретилась с Эренбургом. Письмо о Ф.Фишман было включено в «Черную книгу» (см.: Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев... во время войны 1941-1945 гг. / Сост. под ред. Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. Вильнюс, 1993. С.364).

⁹⁹ Речь идет об инспирированной Сталиным статье «Товарищ Эренбург упрощает» (Правда. 1945.14 апреля), которая, как недавно стало известно (Новое время. 1994. №8. С.50-51), стала ответом Сталина на полученное им совершенно секретное донесение начальника Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР В.Абакумова о публичных выступлениях Эренбурга в Москве после поездки в Восточную Пруссию с обвинениями в адрес Красной Армии (мародерство, самоуправство, насилие и т.д.). Ответ был типично сталинским: в создании антинацистских настроений обвинили Эренбурга.

¹⁰⁰ И.Л. Сельвинский.

¹⁰¹ Стихотворение «Когда погребают эпоху...», опубликованное лишь в 1946, Ахматова прочла Эренбургу у него дома 5 июня 1941, тогда же Эренбург записал его в свою записную книжку вместе со стихотворением Мандельштама «Мне на шею кидается век-волкодав». В книге «Люди, годы, жизнь» Эренбург написал о поразившем его прозрении Ахматовой. (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.2. Указ. изд. С.219).

¹⁰² См. наш комментарий к седьмой главе книги мемуаров Эренбурга (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.3. М., 1990. С.402-404).

¹⁰³ Дружба Эренбурга с поэтессой Маргаритой Алигер (1915-1992) началась в годы Отечественной войны; в 1944 Алигер подарила Эренбургу свою книгу «Стихи и поэмы» с надписью: «Дорогому другу евреев от одного русского поэта. Можно мне так называться? М.Алигер. 22.X.44». Перу М.И. Алигер принадлежат едва ли не лучшие воспоминания об Эренбурге.

¹⁰⁴ Надпись на книге: «Дорогой Ядвига на память о тех годах. ИЭ 1960».

¹⁰⁵ Письмо Эренбурга (ярославский штемпель 28 октября 1960): «Дорогая Ядвига, я тебе послал неделю назад книгу стихов. Читала ли ты в "Новом мире" первую часть моих воспоминаний? По моим рассказам ты кое-что из нее знаешь. Я кончаю теперь вторую часть — там есть и Киев и Коктебель и наш путь в Москву и твое имя ("Ядвига"). Напиши мне хотя бы две строки о себе. Обнимаю тебя ИЭ».

В.Е. Ардов
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
Публикация В.Ф. Тейдер

Представляя читателям фрагменты устных воспоминаний известного писателя-сатирика Виктора Ефимовича Ардова (1900-1976), следует, наверное, не только напомнить о событиях тридцатилетней давности, но и рассказать о людях, которым мы обязаны этими воспоминаниями.

В конце 1960-х в Московском государственном университете началась работа по созданию фонда устных мемуаров по истории русской культуры первой трети XX века. Толчком к этому послужили события, связанные с процессом А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля. В феврале 1966 известный литературовед В.Д. Дувакин (1909-1982) был приглашен на этот закрытый процесс, где выступил в защиту Андрея Синявского. Все, кто знал Виктора Дмитриевича, человека, вполне далекого от политики, понимали, что поступок этот был продиктован исключительно нравственными мотивами: Синявский был любимым учеником Дувакина, гордостью его семинара, и поступить вопреки совести Виктор Дмитриевич просто не мог. После выступления он был лишен права преподавания и уволен с филологического факультета.

Надо отметить, что одним из важнейших духовных ориентиров Дувакина всегда был Маяковский. Когда Ардов, рассказывая о современниках, говорит, что Маяковский «был ведущим выразителем наших настроений, чувств и мыслей», — здесь нет никакой иронии. Для Дувакина он стал судьбой, «литературной страстью и специальностью», и эту страсть Дувакин передавал в своем поэтическом семинаре нескольким поколениям студентов. Тот же А.Синявский в романе «Спокойной ночи» вспоминает: хотя «...эпоха-то давным-давно была не с Маяковским, Маяковский господствовал, Маяковский бунтовал среди нас». В семинар Дувакина «иные любители уходили, как ходят по грибы: за Пастернаком, за Цветаевой, по Анну Ахматову... Ведь даже для Блока, для Сергея Есенина у нас не было своего семинара! Все ютились под Маяковским» (Абрам Терц. Собр. соч.: В 2 тт. Т.2. М., 1992. С.580).

В защиту «опального» Дувакина выступили и его ученики, и часть творческой интеллигенции Москвы. И когда благодаря ректору МГУ И.Г. Петровскому он начал — уже на кафедре научной информации — почти подпольно вести записи воспоминаний, сначала о Маяковском, а затем шире — по истории русской культуры, та же московская интеллигенция поддержала его начинание и помогла ему участием и советами. Так возник отдел фондо документов Научной библиотеки МГУ. Сам Дувакин был одержим этой идеей. «Моя ближайшая задача, — говорил он, — спасти то, что еще возможно спасти, накопить как можно больше фактов, живых деталей и картин, словесных портретов и характеристик ученых, писателей, художников, артистов и режиссеров, выдающихся библиофилов, популяризаторов знания и т.п., действовавших примерно до середины 30-х годов». За пятнадцать лет работы он записал воспоминания около трехсот человек, провел свыше шестисот бесед. Треть историко-литературных материалов посвящена Маяковскому, среди остальных — художественный авангард, театры и литературные кафе 1920-х, музейное дело, русское зарубежье первой волны эмиграции и другое.

***

Знакомясь с устными воспоминаниями, необходимо учитывать особенности жанра. Устная речь отличается от письменной: у нее свои законы, своя логика, она более ассоциативна, свободнее от шаблонов, меньше зависит от «внутреннего редактора» рассказчика, легче фиксирует ощущения на уровне интуиции, гипотезы. Много, конечно, зависит от искусства и свойств памяти мемуариста, но субъективные оценки, недомолвки, ошибки и искажения свойственны всем устным мемуарам. Если подходить к ним со строго исторической меркой, то этот вид источника нуждается в подробных комментариях, отмечающих фактические неточности, смещение акцентов, вызванное психологическими или иными причинами, дополняющих умолчания. Однако главная ценность «устной истории» заключается, пожалуй, именно в том, о чем говорил Виктор Дмитриевич: в «сохранении живой атмосферы уходящей эпохи».

В полной мере это проявляется и в воспоминаниях В.Е. Ардова. Виктор Ефимович не только профессиональный писатель, но и прирожденный рассказчик, душа компании, мастер устной новеллы. У него отличная цепкая память, однако он может легко пожертвовать какой-либо, незначительной с его точки зрения, исторической деталью ради создания более яркого образа, более живого портрета. По сравнению с рукописным мемуарным наследием автора (опубликованным и архивным), его устные рассказы непосредственнее и эмоционально насыщеннее, они словно погружают нас в жизнь «легендарной Ордынки», воссоздавая фактографию, но главным образом — «дыхание» эпохи. А сам мемуарист, человек веселый и ироничный, тонко чувствующий время, в которое ему довелось жить, посмеиваясь, передает его легенды, а иногда и творит их в присутствии собеседника. В воспоминаниях Ардова немало неточностей, легко устранимых по другим источникам. Поэтому мы предпочли сохранить цельность текста, отказавшись от комментария и оставив эти беседы в области «легендарии» русской культуры.

Беседы с В.Е. Ардовым проходили у него на квартире в Москве (ул. Б.Ордынка, д.17, кв.13). Первая беседа о Маяковском состоялась 20 декабря 1967, три последующих — в августе 1974. Фрагменты воспоминаний публикуются с небольшими сокращениями, без редакции текста, однако, в отличие от подлинника, в монологической форме — без вопросов и добавлений В.Д. Дувакина. Опущены рассказы об А.А. Ахматовой и сатирических журналах 1920-х. Оригиналы записей (более шести часов звучания) хранятся в отделе фонодокументов Научной библиотеки МГУ.

МАЯКОВСКИЙ

Маяковский был старше меня на 7 лет. Он родился в 1893 г., а я в 1900. Такое соотношение возраста, по-моему, хорошо тем, что он был как бы идейным вожакom моего поколения. Разница не столь велика, чтоб был разрыв, и все же она значительна: я всегда на него смотрел как на человека, который гораздо старше меня. Эпоха была сложная. Общеизвестно, как революция все сломала, все переменяла, все переадресовала, и Маяковский объяснял нам советскую власть... так же сильно и так же важно, как, скажем, газета «Правда». Я относился к нему всегда с необыкновенным уважением и почтением. Надо было быть предвзятым тупицей, чтобы не понимать, что Маяковский — великий поэт. Не только его стихи, но вся его фигура, вся его внешность, его голос, манера вести себя, мысли, которые он пропагандировал, — все это сразу, на мой взгляд, делало его классиком. Я помню, что при жизни, когда я говорил кому-то, что ну вот, посмотрим, как у классиков: Маяковский об этом говорит так, — надо мной смеялись или сердились. Кстати, и Есенин при жизни не был признан: к нему слава и признание пришли только после самоубийства, а так обыватели считали его хулиганом и сукиным сыном, а уже после смерти сопли распустили и слезы. То же было и с Маяковским в какой-то мере.

Я стихи Маяковского узнал до революции. Это были те его сатирические гимны и оды, которые он печатал в журнале «Новый Сатирикон». Этот журнал мне очень нравился. По моему младенческому возрасту я примерно с 12-13-го года обожал Аверченко и все это. Конечно, я не мог тогда постигать ту долю пошлости и обывательщины, которые в этом журнале у самого Аверченко — писателя талантливого — были все-таки. И вот однажды я натолкнулся на стихотворение без подписи в «Сатириконе». При этом стихотворении был рисунок художника Радакова Алексея

Александровича — одного из основателей журнала «Сатирикон». Радаков писал сам стихи, и я подумал, что, очевидно, это стихи Радакова. Впоследствии я узнал, что это были стихи Маяковского. В «Сатириконе» они не были подписаны, и это было не случайно. С одной стороны, Аверченко не очень хотел, чтобы одиозное имя футуриста, ходящего в желтой кофте, появлялось на страницах его журнала. Надобно заметить, что «Сатирикон» травил «левое» искусство вообще все: и живопись, и футуристическую литературу, и «левый» театр. А с другой стороны, и Маяковский не был заинтересован в этом буржуазном журнале печататься. Известно, что вскоре после затухания революционной борьбы (журнал «Сатирикон» возник в 1908 г., если мне не изменяет память), уже в 10-м году Саша Черный вышел из редакции «Сатирикона», пославши письмо Аверченко, что он не желает принимать участие «в танцклассе на кладбище». И впоследствии мне Владимир Владимирович рассказывал вот о чем. Значит, он бывал в «Сатириконе» часто, и Аверченко его в общем привечал. Это были годы Первой мировой войны, а потом Маяковского взяли в солдаты: он был зачислен в автобатальон, как известно. Когда он пришел первый раз с подстриженной догола головою, как полагалось солдату, то Аверченко сказал: «Вот какой темперамент у человека — всегда делает в два раза больше, чем нужно». Смысл этой остроты такой, что каторжникам брили половину головы, а Маяковский пришел с полностью обритой головой, и Аверченко ему хотел сказать, что он — каторжник. Это он [Маяковский] мне в 1926 г. рассказал. И еще Маяковский рассказал одну остроту Аверченко. Он был похож на еврея — Аверченко: большой нос, губы чувственные, и часто его спрашивали: «Аркадий Тимофеевич, вы не еврей?» Он вздыхал и говорил: «Опять раздеваться!»

А самого Маяковского я увидел уже в Москве, примерно в 20-м году, в Кафе поэтов. О Кафе поэтов стоило бы рассказать подробнее. Это Тверская улица, дом 18, напротив Телеграфа. Дом этот уничтожен. Ныне сохранившийся Георгиевский переулок, перекрытый аркой, а от него второй дом, если подниматься вверх, к площади Пушкина, вот тут и было несколько маленьких домиков с магазинами. Один из магазинов, в который надо было подниматься ступеней 8-10, был занят этим самым Кафе поэтов, причем раньше там было кафе «Домино». Это было второе помещение Кафе поэтов. Первое помещение Кафе поэтов было в Настасьинском переулке. Там Маяковский тоже выступал, но там я не был. Мои родители мне рассказывали однажды, что они попали туда. Мой отец был инженер, скромный человек, и они с какой-то компанией попали, и это было во время войны. А уже после вой-

ны, во время революции, Кафе поэтов было в этом бывшем «Домино», который отдали поэтам. Раньше там была база Союза поэтов. Союз поэтов имел в то время значение, Ну, сказать достаточно, что одно время председателем там был Валерий Яковлевич Брюсов, и он достаточно часто туда ходил и выступал перед публикой. Что же собой представляло Кафе поэтов? Вы подымались в это торговое помещение: столики от кафе остались, был буфет. Этот буфет содержал отец поэта Матвея Ройзмана, недавно скончавшегося после того, как он выпустил труд своей жизни «Все что я помню о Есенине». Кафе поэтов было украшено такой левой росписью, при входе висели на стене распятие брюки Сергея Есенина, который был членом правления Союза поэтов, и было написано двустиише: «Облаки лают, ревет златогубая высь... Пою и взываю: Господи, отелись». Это было как лозунг. Это безумно пугало обывателей. Буфетик был слабый: 20-й год. Чуть не правительство даже разрешило в этом кафе продавать пирожные, которые делались контрабандой, а потом, если кого ловили за то, что он из дефицитной пшеничной муки, сахара и масла делает такие пирожные, то таких отправляли на Лубянку — в ЧК, а тут это разрешалось; продавали еще какую-то кашу-размазню, немножко воблы, словом, это был нищенский, но в то время завидный харч. И вот люди здесь обычно сидели, пили, ели, а поэты на маленькой эстраде выступали каждый день и читали свои стихи. Значит, вот там я увидел Маяковского. Он сидел за столиком, ел эти скудные, но дозволенные харчи. А пришел Мариенгоф — красивый молодой человек во вкусе Пьеро, с пробором посреди головы. Он, значит, смущенно ему сказал: «Здравствуйте, Владимир Владимирович!» Маяковский ответил ему издевательски: «Здравствуйте, Мариенбад!»

Так вот, я должен сказать, что когда я увидел Маяковского, то был просто потрясен. Это удивительное сочетание голоса, внешности, роста. И интересно, что сенатор де Монзи — государственный деятель Франции, увидевши Маяковского в Москве, сказал: «Надо показать эту пасть в Париже». Ну, это у Никулииа написано. Пасть у него была, действительно, удивительная. И весь он держался как-то стилистически очень собранно. И трудно было догадаться, что в сущности он очень чуток, нежен, деликатен, раним. А наступал он всем на ноги и вел себя именно так, как того требовала внешность его, и стихи, темпераментные, нервные. Я сразу был покорен Маяковским и сразу же, повторяю, полюбил его и его стихи и прочее. Познакомился же я с Маяковским в журнале, сатирическом, «Красный перец». Он стал выходить в 23-м году. Я скоро был туда приглашен. Я начал тогда писать. Первый

фельетон написал в 22-м году в театральном журнале, а в 23-м году уже начал печатать общегражданские фельетоны, юмористические рассказы: сперва в «Красном перце», с 25-го года — в «Крокодиле», к 29-му году — в «Чудаке» и т.д. В «Красный перец» приходил и Маяковский. Он давал свои стихи, а потом он узнал, что в редакции не хватает тем для рисунков. Ведь для сатирического журнала это очень важная вещь: в каждом номере — не менее 20 рисунков. Рисунок требует сюжета, сюжеты придумывают как художники, так и литераторы. И это уже во всех журналах очень давно, так было и в «Сатириконе», и вот в скончавшемся в нынешнем году «Simplicissimus'e» в Мюнхене. А ведь «Simplicissimus» был образцом, по которому Аверченко делал «Сатирикон». Он лет 70 существовал. Там были интересные художники, как например, Олав Гульбрансон, которому очень подражал наш Моор. Видите ли... «Сатирикон» возник на месте, по-моему, журнала «Осколки». Издатель «Осколков» был старик Корнфельд и звали его Герман. А главным редактором у него был Иван Василевский. Когда умер Корнфельд, то молодой его сын, Михаил Германович, поддался увещанию Аверченко. Он выгнал Василевского, и они создали журнал «Сатирикон», где редактором был Аверченко, приехавший из Донбасса. Он уроженец Крыма, потом работал в Харьковской губернии в Донецком бассейне где-то, а потом приехал в Петербург... в 1907-м, что ли, году, и вот они создали этот журнал. Пайщиками журнала, помимо Корнфельда, были Аверченко, художник Ре-Ми (Ремизов), впоследствии эмигрировавший в Америку, художник Радаков Алексей Александрович, который скончался в эвакуации в начале 40-х годов в Тифлисе. С ним мне пришлось работать... А потом «Новый Сатирикон» возник в 1910 г., как мне объяснил Радаков, потому, что они установили, что Корнфельд их обманывает: он им не выплачивал те паевые взносы и прибыль, которые пали бы на их долю, если бы честно велось дело. Потому они от него ушли и создали свой журнал. А без Аверченко, Радакова, Ре-Ми — «Сатирикон» кончился очень скоро, потому что стал неинтересным, и подписчики все ушли в «Новый Сатирикон».

Вот, а тут в «Красном перце» и были темные заседания. Темные заседания — важная вещь для журнала, потому что советский журнал в особенности точно идейно должен обосновывать свои сюжеты. Это создает дополнительные трудности: чтобы 20 сюжетов выбрать, надо по крайней мере 100 сюжетов прослушать. И вот когда Маяковский увидел, что бедствует журнал с сюжетами, он сказал: «Я вам помогу» и принес 10 или 15 тем. Ему заплатили по 20 рублей за тему. Тогда на следующее заседание он

принес еще 40 тем. Тогда уже стали снижать цены, потому что не было денег в редакции, а он приносил и по 10 и по 5 тем, в общем он почти на год обеспечил редакцию темами, такая у него была потенция, так легко ему это давалось. Помню даже такой эпизод: редакция помещалась в полуподвальном помещении дома на углу улицы Пушкина и улицы Немировича-Данченко. Тогда это называлось Спасо-Глинищевский переулок, с одной стороны, и... Большой Дмитровки. Там мы все вертелись, в этих двух комнатках. И была в редакции девушка. Кажется, она придумала себе псевдоним Раиса Рэм. Она все время околачивалась в редакции. Ну, знаете, как это называлось впоследствии, — Жозя. При каждом деле есть своя Жозя, вот она почему-то при сатирическом журнале вертелась. Иногда она уговаривала кого-нибудь из сотрудников подписать рассказ ее именем и фамилией. Ну, мы издевались над ней, шутили. И вот однажды, когда Ганф ее донимал остротами, а Маяковский сидел тут же, опершись на палку и жуя папиросу, она обратилась к Маяковскому и сказала: «Владимир Владимирович, обнажите меч в защиту женщины». Маяковский после паузы ответил: «Холодно, знаете ли, здесь в подвале, боюсь простудиться...»

Очень скоро я познакомился и подружился с другом Маяковского — Осипом Максимовичем Бриком. Вот о нем я должен поговорить поподробнее, потому что человек этот ушел из жизни в конце 40-х годов недооцененный и даже наоборот — приниженный. Надо сказать, что Брик — сын богатых родителей. Его отец и дед имели монополистическую торговлю в России кораллами. Это очень своеобразное дело, почти ювелирное. Он, сын богатых родителей, был помощником присяжного поверенного, кончил юридический факультет Московского университета (Брики вообще москвичи), еврей. Юридические дела его не так интересовали. Женился он на Лиле Юрьевне Каган, ей было лет, наверное, около двадцати, ему немножко больше. Жизнь у них была очень странной, потому что они дружили до самого дня смерти Брика, тогда как фактически они очень рано разошлись.

Брик переехал в Петербург и там жил в качестве помощника присяжного поверенного, но уже занимался... интересовался литературой. Впоследствии он был одним из членом ОПОЯЗа (общества по изучению языка). В это общество входили ученые, о которых можно сказать, что это великие ученые. Ну, Жирмунский (ему дали звание академика после того, как Оксфорд присвоил ему докторскую степень. У нас всегда любят почет за рубежом). Брик, Шкловский, Роман Якобсон, возглавляющий кафедру русской литературы в Гарвардском университете, человек выдающийся, и,

наконец, просто гениальный ученый — Юрий Николаевич Тынянов. Книги Тынянова, теоретические, — это просто поразительные явления. Я думаю, что он стал беллетристом потому, что понял, что в 30-х годах уже невозможно стало заниматься наукой так, как хотелось, как подсказывала истина, а надо было восхвалять Сталина и писать то, что требовала конъюнктура. Например, что сделали со школой компаративизма — это же поразительно по своей бессмысленности... Не только Веселовского... Любое проявление такой важной интересной научной теории, как компаративизм, у нас было объявлено крамолой. Это же нелепость чудовищная. Так же как, скажем, истребляли всех ученых, которые занимались арабскими странами или индийскими наречиями и т.д. Ну, ладно... Значит, Брик остался вождем ЛЕФа. Я утверждаю, что вождем ЛЕФа был Брик, а не Маяковский. Шкловского они скоро оттуда оттеснили, потому что Шкловский не уважал и не признавал авторитета Лили Юрьевны, а вот этого они не могли перетерпеть. Я спросил Шкловского: «За что вы ушли, почему?», он говорит: «Потому что Лиля на заседаниях говорит глупости, а я не хотел этого терпеть, вот они меня и высадили». Брик был человек поразительный. Во-первых, гигантской эрудиции, во-вторых, такой сильной логики, такого ясного ума — я редко [таких] встречал. Наконец, он был очень творчески силен, он придумывал теории. Я должен сказать, что все то, что там они предлагали — лефовцы, — вовсе не означает истины. Это были иногда конъюнктурные соображения, но высокой конъюнктуры, не личной, им нужно было поднять левое свое искусство, левую литературу, бороться с пошлостью, бороться с реакционными теориями прошлого и т.д. И поэтому они и придумывали всегда какие-то тезисы, положения, теории. Иные из них были интересны и остались в жизни, другие отмирали, и когда Борис Леонидович Пастернак пишет, что он не поддерживал этих глупостей, хотя и был членом лефовской группировки, то я упрекну Пастернака вот каким путем. Дело в том, что у нас официальная религия — диалектика. Я придерживаюсь этой религии. Я считаю, что диалектика действительно великолепно объясняет мир. Но уж тогда давайте ее придерживаться. А у нас получается так: с позиции 57-го года мы критикуем то, что говорилось в 23-м году, и говорим, что это — глупость. Но так же можно критиковать и высказывания... Эвклида или Архимеда, потому что сейчас Эйнштейн что-то другое сказал, более высокое. Надо же понимать, о каком времени идет речь. И вот в те годы Брик был настоящим вождем. Я скажу так: я заметил и тогда, в 20-х годах, — если Брик мне сегодня что-нибудь расскажет (какой-нибудь тезис или какое-нибудь вы-

сказывание, теорию), Маяковский через два месяца будет об этом говорить в Политехническом музее. Он был настоящим вождем. И вот характерный эпизод. Пришел однажды к нам в гости, ко мне домой, Брик и говорит: «Володя (т.е. Маяковский) написал превосходное четверостишие —

Я хочу быть понят родной страной,
А не буду понят — ну что ж,
Над родной страной я пройду стороной,
Как проходит косой дождь.

— принес мне, я говорю: замечательное стихотворение, но только тебе нельзя его печатать. — Почему? — Какой же ты "косой дождь", когда ты всю жизнь наступаешь людям на ноги? Это надо спрятать. — И он спрятал», — сказал мне Брик, а потом выяснилось, что Маяковский не спрятал.

Брик отличался, я бы сказал, гипертрофией логики, в ущерб эмоциональной стороне нормальной человеческой личности. Он, например, совершенно не переносил проявлений чего-либо национального. Я помню, когда-то мы сидели в ресторане, за соседним столом пировали грузины, у него было лицо страдающее.

— В чем дело?

— Терпеть не могу вот всех этих национальных особенностей всяких.

Кроме того, в его отношении с женою... очень интересно. Рассказывал мне Левидов Михаил Юльевич — журналист, драматург, интересный человек, убитый в начале 41 года, почему-то его признали опасным, когда начнется война. Его арестовали 22 июня 41 года, а потом убили в лагерях. Так вот, Левидов рассказывал, что однажды, еще в Петербурге, поссорился Брик со своей супругой; Лиля Юрьевна ушла из дома рассердившись, вернулась поздно, пьяная, и сказала ему: «Так как я на тебя рассердилась, то я пошла вот... гулять, а там ко мне привязался один офицер, я с ним пошла в ресторан, в отдельный кабинет, я ему отдалась, вот, что теперь делать?» Он сказал: «Прежде всего принять ванну»... Он был эмоциональным уродом, я бы сказал, а логика разрослась необыкновенно. С ним очень интересно было говорить, он интересные делал сопоставления, выводы, параллели. Например, он любил говорить: «Наша семья (т.е. Маяковский, Лиля Юрьевна и он) похожа на семью Панаева — Некрасов». Он сам говорил об этой параллели. Он говорил: «Володя похож на Некрасова: такой же азартный, удачливый игрок, такой же вот — поэт, такой же широкий человек и прочее...» Я не буду сейчас говорить о взаимоотношениях Маяковского с Лилей Юрьевной, потому что недоста-

точно я это знаю, это уже другая тема, там было много патологического и странного... Ну, кое-что мы в стихах находим, а кое-что и без стихов... Цинизма со стороны Брика не было. Это иногда встречающееся равнодушие такого типа — эмоциональное. Я знаю еще 2-3-х людей, у которых полностью отсутствует ревность или желание быть, как бы сказать, монополистом в любви или браке. А что касается Лили Юрьевны, то у нее был очень большой темперамент, крутой, с одной стороны, с другой — сильная воля. Она действительно управляла в этом доме, и не только Бриком и Маяковским, а и теми проходящими своими любовниками, которых было очень много. Она часто влюблялась. Например, она была замужем за Краснощековым, в прошлом председателем Совета министров Дальневосточной республики, а впоследствии — председателем Промбанка. Именно с ней находясь в связи, Краснощеков так нарушал этические нормы члена партии, что из него сделали подсудимого по показательному процессу о разложении во время нэпа, и ему дали несколько лет тюрьмы. Он сидел в Сокольнической тюрьме, а Лиля Юрьевна переехала с Бриком и с Маяковским поближе к нему, в Сокольники. На эту тему написана пьеса Ромашова «Воздушный пирог», и там, значит, Лили Брик называется Рита Грин, и Осип Максимович мне сказал, что ему Лили Юрьевна сказала: «Знаешь, Ося, вот идет пьеса "Воздушный пирог", там про нас что-то нехорошо сказано». Потом последним ее мужем был Примаков — комкор во время войны. Его арестовали в 37-м году, когда убивали всех генералов. Были еще... как говорится, ряд других товарищей. Но это ее дело. Она была очень крутого темперамента, такая вырвавшаяся на свободу амазонка, «Екатерина II», это уже меня и нас с вами не может интересовать... — только в той мере, в какой это отражалось на быте Маяковского. Но Маяковский очень скоро к ней охладел...

Вот и любви пришел каюк,
Дорогой Владим Владимыч...

А она в это время жила аккурат с Краснощековым... а Маяковскому подставляла молодых девушек, порой с таким расчетом, чтобы они интеллектуально были не слишком сильны и не могли, так сказать, совсем отвлечь от ее дома. Тот факт, что великий поэт находится у нее в услужении, она оценивала ясно и точно, тут же не могло быть двух мнений, ей нравилось, что Маяковский — член их семейства этого странного. Однажды я спросил Осипа Максимовича: были вы на премьере в театре? Он сказал: «От нашей семьи была Лили». А однажды он мне сказал: «Хороший вы написали фельетон» — «Вам нравится?» — «Мне не очень, но Ли-

ля говорит, это очень хороший фельетон...» И Владим Владимыч тоже относился к ней почтительно. Это она умела сделать... Были у нее и материальные соображения... не только материальные, но и самый факт — такой значительный человек, она над ним властвует... Был период [когда она любила его], но когда я познакомился, все это было в прошлом, он был только привязан. Ну, как Тургенев и Виардо. Я должен сказать, что Маяковский при всей своей вот этой внешности и громающей поэзии был... человек женского склада, как Тургенев. Когда он влюблялся, его интересовали какие-то такие... мазохистские элементы, это легко усвоить из всех его лирических поэм... — властные женщины... Даже с Вероникой Витольдовной Полонской, которая совсем другого склада женщина... И даже в отношениях с нею он любил быть страдающим. Но там был другой повод: она была замужем. Кстати, по версии Полонской, которая была в квартире Маяковского в 9 утра 14 апреля, — он в последний раз сказал ей, чтобы она бросила своего мужа, бросила театр и осталась у него навсегда. Она отказалась, закрыла дверь, стала надевать в передней ботики — торопилась на репетицию, услышала выстрел, она открыла дверь в эту комнату — он еще падал... просто лицом на дверь... Она позвонила по телефону в скорую помощь, сообщила адрес и сама упала в обморок...

Но вернемся к Брику. Брик был настоящим литературным вождем. В 26-м году мы были всей компанией в московском кружке художественной интеллигенции — был в Москве такой потомок брюсовского кружка. Брюсовский кружок художественной интеллигенции — дореволюционный — был на улице Пушкинской, 15, где теперь Союзная прокуратура. А этот кружок, возникший во время нэпа, имел несколько адресов: сперва он был напротив театра б.Корша на улице Москвина — Богословский переулок, потом он переехал на ул. Горького, дом 10, что ли, рядом с гостиницей Центральной (в прошлом «Люкс»). Сейчас там зал поэзии (мы были там как раз в зале поэзии). А потом он переехал в подвал Воротниковского переулка. Так мы-то были еще на ул. Горького, и в 26-м году. И там при мне Вольпин спросил Брика: «А что вы так строго держите ваших поэтов? Там — Асеева, Кирсанова, Незнамова, Маяковского...» Брик ответил (я сам слышал): «Если их не держать строго, то они, как Есенин, покончат с собой»...

Меня часто спрашивают, почему Маяковский покончил с собой. Это, вы знаете, очень интересует обывателей. Есть один даже подлец, который написал плохую пьесу об этом. Она называлась «Пришедший в завтра», Липовский — фамилия. Это отвра-

тительное, безобразное произведение, которое мне удалось сильно раскритиковать на заседании коллегии Министерства культуры СССР у Фурцевой, так после того сняли эту вещь с репертуара в Театре эстрады. Сама идея — в Театре эстрады показывать это... Так вот, я должен сказать, что когда меня спрашивают, почему покончил с собой Маяковский, я говорю — у него было 5 причин, которые сошлись вместе, из которых каждая одна достаточна для самоубийства. Первая причина — полный творческий крах, потому что вот он все писал: советская власть — хорошо, хорошо, а тут началась пятилетка — время, о котором Сталин сказал, что даже вожди партии колебались в те годы. И я вот помню, на открытии ЦДРИ в том же подвале, в Пименовском, Маяковского мы попросили выступить, он выступал, читал первое вступление в поэму, и там глупый Гальперин Михаил сказал: «Владимир Владимирович, прочитайте, пожалуйста, "Хорошо"». Маяковский сказал: «Я не буду читать "Хорошо", потому что сейчас нехорошо». Я отвечаю за каждое слово. Это было в феврале месяце, 27-го февраля, по-моему. Он сказал «нехорошо». Было же непонятно: он все хвалил, а тут — карточки, арестовывают вождей революции и т.д. Это первое. Вторая причина — полное отсутствие признания со стороны правительства. Пошляку Собиновы дали орден, а на юбилей Маяковского не только никто не пришел, не только не было никакой награды, но даже по распоряжению Артемия Халатова — глупого армянина, который возглавлял Гослитиздат, — вырезали портрет Маяковского из журнала «Печать и революция». Третье, значит, — Татьяна Яковлева, которую он любил, — дочка художника Яковлева в Париже — отказалась выйти за него замуж. Она вышла замуж, как я слышал, за сэра Генри Детердинга, а может это вранье, но не важно, она отказалась за него. И последняя точка была Полонская, она тоже отказалась выйти за него замуж. Кроме того, провал «Бани», кроме того, Бриков не было в Москве, они были за границей, и он был совсем один. Теперь — у него был еще грипп. Он очень плохо себя чувствовал, и вот все это вместе взятое на него навалилось. Есть фотография: Осип Максимович и Лиля Юрьевна у гроба Маяковского. Лиля плачет, а у Осипа Максимовича выражение лица брезгливое. С его точки зрения, это вот то, чего он боялся и что он считал абсолютно логичным, произошло.

Теперь я должен повторить, что нельзя рассматривать теории ЛЕФа с [позиций] сегодняшнего дня. Они, конечно, лишены смысла, а в то время, так же как во многих других областях, были какие-то гипотезы, поиски, и в этом свете это было очень важно, нужно, интересно. Я считаю, что правительство допустило боль-

шую ошибку, проморгнув Маяковского. Сталин это тоже понял, поэтому в 35-м, когда Лиля Юрьевна и Осип Максимович написали ему письмо, что вот Маяковского замалчивают, он наложил свою знаменитую резолюцию.

А я в 35-м году приехал в Ленинград. Лили Юрьевна жила тогда с Примаковым в квартире зам. командующего Ленинградским военным округом. Позвонил им, они говорят: «Ардик, приходите, есть интересные новости». Я пришел, они мне рассказали об этой резолюции, и я сказал (они это потом повторили): «Я попрошу дать мне справку, что я любил Маяковского до этой резолюции». Еще я спросил: «А что же вы попросили у правительства, когда вам сказали, что вот нужны ваши предложения?» Они сказали, мы там... собрание сочинений с большим тиражом, увековеченье такое-то и — переименовать в Москве Триумфальную площадь в площадь Маяковского. Я спросил Брика: «Почему Триумфальную?» И он ответил так профессионально, как будто он имел дело с переименованием площадей и улиц лет 15. Он сказал: «Остальные хорошие площади уже разобраны». Но название «Маяковского» прижилось сразу, очевидно, как будто нужно было.

Теперь должен сказать, что я с Маяковским всегда сохранял дистанцию: уж очень я его любил, уважал, но все-таки иногда я бывал у Бриков — в Гендриковом переулке, теперь пер. Маяковского. А однажды он был в гостях у меня: это было в Ленинграде, в 1927 году. Он приехал в Ленинград и после вечера в Капелле я зашел за ним, и мы пошли к нам. А жил я на Семеновской улице, ныне ул. Белинского, у Семеновского моста — эта улица выходит на Литейный, аккуратно против дома, где жил Некрасов. Мы занимали квартиру, снимали у хозяйки большой зал с пошлой мебелью — золотой — и несколько комнат — в одной комнате жил я с женой — Ириной Константиновной — первой женой, которая вот тоже дружила с Бриком; потом там жил режиссер Давыд Григорьевич Гутман. Это создатель Московского театра сатиры, Ленинградского театра сатиры — человек очень интересный и своеобразный. И там же жил Михаил Павлович Смирнов-Сокольский, который гастролировал в Театре сатиры. Я был завлитом в Ленинградском театре сатиры, Гутман — главным режиссером, а Сокольский у нас гастролировал, был, так сказать, аттракционом программы. Сокольский обожал Маяковского, хотя в каждом фельетоне всегда говорил про него какие-нибудь гадости. Но обожал его совершенно. Я даже скажу, что Смирнов-Сокольский — какая-то приближенная и уменьшенная копия Маяковского: он тоже неврастеник, тоже одаренный человек, но он был принципи-

альный, так сказать, оппортунист, и не всегда принципиальный, но очень талантливый, интересный, умный, остроумный и прочее. Маяковского, повторяю, он обожал, но всегда говорил про него в своих монологах какие-нибудь едкие штучки. А объяснял так: «Ведь я считаю, что это только реклама. Вот, например, у нас балетмейстер Голейзовский. Я про него тоже говорил разные гадости — публика смеялась. Когда я однажды сказал — публика не засмеялась, я понял: Голейзовский кончился. Его популярность исчезла, значит, он для меня не товар». И когда к нам Маяковский пришел, то Смирнов-Сокольский в особенности старался о хорошем угощении. Мы сидели, ужинали, и Маяковский понял, что все люди здесь его любят, ценят. Он был добрый, веселый и даже сказал: «Ну что же вы, вина-то мало, а ведь гости-то у вас важные»... — причем, он сказал слово «важные» как итог того, что он заметил с нашей стороны. Потом вдруг после ужина Владимир Владимирович сказал: «Давайте играть» — и был, знаете, таким вот душой общества — какие-то салонные игры придумывал: там, например, положить несколько предметов на стол, посмотреть минуту и потом вспомнить, что там лежит, и еще что-то. Вечер был очень добрый, и Маяковский был очень веселый. Все время шел такой остроумный разговор всеобщий. А он и не претендовал на то, чтобы занимать общество. Потом в эту же квартиру мы привели А.Н. Толстого. Вот тот, значит, вел себя как гастролер: он рассказывал какие-то эпизоды из своей жизни, причем, видно было, что отработанные рассказы, что он ими угощает в любом обществе... А Владимир Владимирович был добрый, веселый, непосредственный. Помню, что я раз пришел в Гендриков переулок к Брику, а там читали стихи — в столовой, она же — гостиная, общая комната одна у них была. Она и сейчас сохранилась. Когда-то она нам казалась такой красивой, нарядной, а сейчас мы видим — это нищета 20-х годов: какие-то половички, деревянные скамеечки, жалкий буфетик... Вот в этой комнате сидела Лиля Юрьевна, еще какие-то дамы, Кирсанов читал свои стихи. А Владимир Владимирович стоял в дверях своей комнаты (она выходила в эту столовую) и слушал с иронической улыбкой, жуя папиросу как всегда. А я прошел к Брику и вскоре ушел, а потом Кирсанов мне рассказал: он читал стихи, все были в восторге, все хвалили, а Маяковский сказал: «Прекрасные стихи, Сема, зайдём ко мне, я вам скажу, тут кое-где надо исправить только». Кирсанов говорит: я такой довольный, одушевленный похвалами вошел в комнату к Маяковскому, он закрыл дверь и сказал: «Стихи — дерьмовые, у вас штаны расстегнуты, застегните». Это мне рассказывал сам Кирсанов.

Смирнов-Сокольский имел оранжевый «паркер» — один из первых образцов, большой, толстый, — паркеровскую ручку, на которой была прибита металлическая дощечка, а на ней выгравировано: «Смирнову-Сокольскому от Демьяна Бедного». Ну и он показал Маяковскому и сказал: «А у вас такой нет, Владимир Владимирович?» Маяковский ответил: «А мне кто надпишет, ведь Шекспир уже умер». Но это известный анекдот...

ЕСЕНИН

...Когда умирает значительный человек, всегда оказывается, что у него друзей было в 10 раз больше, чем это было при жизни. То же самое вышло и с Есениным: как только он погиб и обрел славу (а дело в том, что, как правильно написал его друг Анатолий Борисович Мариенгоф в своем романе интересном, хотя несколько чересчур откровенном и циничном — «Романе без вранья» — Есенин достиг славы едва только умер. Это справедливое замечание, потому что при жизни огромные массы читателей и слушателей и прочая, так сказать, аудитория — к нему относились почти отрицательно). Кстати, и Маяковского тоже многие не принимали. Причем по отношению к обоим этим поэтам нужна была априорная недоброжелательность, чтобы не понять, что это — великие люди. В частности, Есенина считали совершенным хулиганом, потому что в его стихах иногда встречались какие-то не совсем пристойные с пуристской точки зрения строки. Но и сам Есенин шибко шел навстречу этим концепциям. Почему так происходило? Дело в том, что не первые имажинисты и даже не футуристы устанавливали этот стиль, когда эпатирование публики — дразнить мещанина — считалось хорошим тоном. На фоне обычной вежливости со стороны общественных деятелей всех профилей и рангов, всех этих формулировок: «мне выпала честь», или «я имею удовольствие», или «уважаемая публика» — они хотели выделиться своим, так сказать, наплевательским отношением к людям.

Я вам расскажу совершенно поразительную историю, которой свидетелем был сам. Дело в том, что в Москве, на ул. Горького (тогда Тверской), д.18, было Кафе поэтов... Так вот, я в качестве молодого человека (тогда я, кончивши среднюю школу, не начал еще высшего образования, потому что время было такое, что учиться не хотелось, я служил в советском учреждении, только одевался по-военному — в галифе, краги и во френч) приходил сюда, и однажды это было так: я среди других посетителей слушал

поэтов. Очередное слово получил Ипполит Соколов. Он и сейчас жив, только он давно стал кинокритиком или чем-то таким, скучный и безнадежный человек. Да и тогда он писал очень глупо и плохо, с некоторым количеством непристойностей и нелепостей, чтобы обратить внимание на его вирши. Вот он стал читать. Публика не желала слушать: все галдели, стучали ложками, уничтожая кашу-размазню, смеялись и прочее. Тогда он приостановил чтение и сказал кому-то, из официантов, вероятно: «Попросите, пожалуйста, дежурного члена правления Союза поэтов». И тут появился в дверях, ведущих во внутренние комнаты, в кухню, там же и кабинет правления, появился дежурный член правления Союза поэтов — Сергей Александрович Есенин. Он был трезвый, скучный, хмурый и, ставши на пороге зала, сказал Соколову: «Ну, чего тебе?» Соколов сказал: «Галдят, не слушают». Есенин обратился к собравшимся со следующим увещательным словом. Он сказал: «Вы, фармацевты, вы или, значит, слушайте, или уходите отсюда. Что вы сюда притопали, в кормушку?» — зевнул и ушел. Фармацевтами тогда называли всех людей, которые не имели отношения к искусству. Да, фармацевты эти были и меценаты, и пошляки, и обыватели, это было емкое определение. Публика немного примолкла. Соколов опять стал читать, тогда опять загалдели, прошло минут 10, и он опять сказал: «Попросите дежурного члена правления». Есенин вышел уже сердитый и сказал: «Ну, что еще?!» — «Так вот — не слушают!» — «Это беда, ей-богу с ними! Вот что, фармацевты, вы или слушайте действительно, или идите все к такой-то матери!» Причем он точно сказал, к какой матери нам всем надлежит идти. Это вызвало необыкновенную ярость у значительной части собравшихся. Там сидели люди разного социального положения. [Время] было не для поэтов, а для посетителей кафе; там бывали отдельно состязания поэтов, заседания и прочее. А это была ежедневная публика кафе, которую привлекала возможность хоть что-то съесть. Когда бо́льшая часть публики обиделась, произошел интересный эпизод.

Среди присутствующих был такого левозероковского типа интеллигент с черными усиками, в пенсне, военизированном костюме и красных чакчерах (чакчеры — это гусарские штаны из красного сукна). Он был с какой-то миловидной дамой, и, судя по их поведению, можно было понять, что у них, так сказать, лирическая стадия наступающего романа. Они ворковали, все было очень хорошо. Но когда они выслушали предложение Есенина, то он так обиделся, что куда-то удалился — к телефону, очевидно, и вызвал наряд с Лубянки для проверки документов. Очевидно, цель у него была такова: арестовать за это хамство Есенина. Но пока это все

осуществилось, Есенин ушел домой, а нас всех заставили пройти через проверку документов, потому что у обоих выходов из кафе стали часовые с ружьями. Я лично вернулся домой в 4 часа утра, а человек 5 или 8 были взяты под арест и отвезены на Лубянку. Вот так развивался весь этот инцидент.

...Бывал там Блюмкин. Это был некрасивый еврей, похожий на иллюстрации к Шолом-Алейхему, да еще с заячьей губой. С Блюмкиным я был шапочно знаком. Но в тот вечер Блюмкина не было. Он уже в 18-м году после своего покушения на графа Мирбаха убежал, а потом прислал Дзержинскому покаянное письмо, его вернули и он даже опять работал в ЧК, потом был нашим представителем в Монголии — от ЧК. В Монголии боролись красные с белыми. Он схватил какого-то белого полковника, не согласовав с монгольскими властями, выслал его в Москву, где полковника расстреляли, а монгольское правительство попросило убрать Блюмкина. После этого он вернулся, я еще с ним встречался в начале 20-х годов в совершенно шапочных каких-то компаниях, а потом он погорел, как принято у нас говорить, на том, что привез Радеку письмо от Троцкого. И причем, когда он позвонил Радеку и сказал, что он, вот, был на Западе у Льва Давыдовича, и тот его просит передать... — Радек стал кричать, что ему надоели провокации и прочее, а Блюмкин был арестован и расстрелян за эту акцию уже...

Но лучше поговорим о Есенине. Когда мне говорят о лирике Есенина, я должен сказать, что я понимаю увлечение народа этой светлой и талантливой фигурой. Действительно, это замечательный лирический поэт. Я должен сказать, что Есенин был обаятелен необыкновенно. И была у него одна особенность: у него были волосы, равных которым я никогда в жизни не видел, ни до, ни после: они были не просто белокурые, они были розовато-белокурые, они были такие тонкие и такие кудрявые, что этот чуб надо лбом — он жил как будто своей собственной жизнью: он шевелился без ветра, понимаете... Вот полный покой, и хозяин волос спокоен, а волосы как-то живут. Это было удивительно. Женщины его обожали. Ну, это понятно: при таком темпераменте, при таланте, при этой лирической взволнованности и т.п.

Читал свои стихи Есенин совершенно потрясающе. Он и так был обаятелен, а когда он начинал читать, то, во-первых, вырастали стихи. Это бывает у очень немногих поэтов. Вот так читал Пастернак свои стихи: самые сложные и запутанные места в его произнесении делались ясными и простыми. Он тоже вот так, весь уходил в стихи, в поэзию. Что же касается Есенина, то он преобразался. Я вот сейчас расскажу о другой стороне личности

Есенина — так сказать, обыденной, бытовой, но я должен сказать, что когда он выходил на эстраду, закрывал глаза, как вот, наверное, хлысты закрывают глаза, когда на них «накатывает», когда он протягивал вперед правую руку ладонью книзу, было впечатление, что он ошупывает те слова, которые он говорит. У него была манера, как у всех поэтов, преувеличивать ритмический строй стихов за счет их смыслового ряда, так читают все настоящие поэты, говорят, так читал и Пушкин, так читал Лермонтов, так читал Тютчев, так читал Маяковский, у которого ритм превалировал. А Есенин читал так, что он гипнотизировал аудиторию. При этом он не «окал», а «гэкал». Удивительно: рязанец говорил мягкое гортанное «г». Вот у меня существует потому, что я родился в Воронеже, и хотя там в Воронеже чисто русское произношение, московское, но мягкое «г» с Украины, с Войска донского, в воронежском диалекте существует. Оно и у меня иногда возникает, особенно к старости. А почему рязанец Есенин говорил мягкое «г», я понять не могу, но это было именно так.

Теперь позвольте процитировать еще одно место из «Романа без вранья» Мариенгофа. Он описывает чрезвычайно характерный, по-моему, эпизод. В 20-х годах, в начале, где-то в арбатских переулках происходит пожар, и туда сбегаются люди посмотреть на пожар, как это у нас на Руси принято. У нас есть даже болевальщики пожаров. Покойный Зошенко хвастался, что он так любит пожары, что ленинградский бренд-майор дал ему карточку с правом прохода на любой пожар.

Так вот, прибежали два молодых поэта — Есенин и Мариенгоф — и тоже стоят, любуются пожаром. А неподалеку от них, несколько в стороне от толпы, стоит высокий красивый блондин, с надменным выражением лица, так лет 50-ти. Около него — какая-то вроде челядь, и люди смотрят уже не на пожар, а на этого блондина. При наличии пожара они поворачиваются спиной к огню! В чем дело? Шепот идет: «Шаляпин», — Федор Иванович Шаляпин, который жил на Новинском бульваре, в своем доме, пришел тоже посмотреть на пожар, и толпа уже смотрит на него, а не на пожар. И вот Есенин говорит Мариенгофу: «Толя! Мне чего вот и надо: чтобы люди смотрели не на пожар, а на меня». Это я цитирую, это удивительно характерный и важный эпизод.

Если вы посмотрите на любой портрет Есенина, где нету ретуши и дурацкого стремления сделать из него красавца (а ему и не надо было быть красавцем, потому что его успех был такой, какого ни один красавец никогда не имел), — лицо у него было не совсем правильное — очертания... Вот, открыли памятник на буль-

варе, это удивительное произведение. Скульптор, который никогда Есенина не видел, сделал ему всю фигуру очень интересно, хорошо, убедительно, реалистично и символично вместе с тем, но главное, что он уловил то выражение лица, которое возникало у самого Есенина, когда он читал стихи. У Есенина, по пошлым взглядам, должно было быть баранье выражение лица человека, который все время грезит о чем-то прекрасном — так пошляки себе представляют поэта. У него было хитрое, иногда циничное выражение лица — вот это самое интересное. И в жизни он был не простачок-дурачок, а очень, я был сказал, активный и именно хитрый человек. Он смотрел всегда с какой-то иронией, которой говорил: «Да я-то ведь понимаю, из-за чего ты это делаешь, из-за чего ты это говоришь, чего тебе надо». Смотреть ему в глаза было трудновато — такой он был глубокий хитрец. И это не мешало ему в поэзии ни в какой степени. Я вообще не намерен как-то снижать ценность того, что он сделал, потому что это просто глупо: ведь он же растет и растет как поэт. Но вот эта хитреца, это умение устраивать свои дела, это умение понимать других людей и понимать, так сказать, глубже, чем ждали от лирического поэта люди, — оно всегда ему было свойственно. Например, он говорил время от времени: «Пошуметь надо, а то уже стали забывать меня».

Тут возникал какой-нибудь такой эффект, которого никто не ждал и который одних веселил, а других приводил в бешенство. Известен случай, когда в пьяном виде он попал в милицию и, чтобы доказать, что и он и его товарищи — люди, причастные к литературе, — сказал: «Позвоните Демьяну Бедному! Он вам скажет, кто я». Позвонили Демьяну, а Ефим Алексеевич сказал: «Безобразничает? В милиции? Ну, и пусть сидит, нечего дурака вальть!»

Я, помню, пришел в другое кафе — «Стойло Пегаса» — оно было на углу Малого Гнездниковского переулка и ул. Горького. Сейчас там магазин стекла и, кажется, рыбный магазин, это все на месте старого здания. Отодвинут новый дом, а старый дом, в котором был какой-то маленький театрик и еще какие-то магазины, — он на углу на самом завершался кафе «Бом». Почему «Бом»? Потому что великие клоуны Бим-Бом, знаменитые, они разделили свою антрепренерскую деятельность: Бим (Радунский), который помер чуть не ста лет недавно здесь в Советском Союзе, был антрепренером и директором цирка на Цветном бульваре, бывший цирк Соломонского. А клоун Бом (Станевский) — отличный комик (когда он смеялся, смехом отвечал весь цирк: он был рыжий, а Бим был белый), так вот, Станевский держал кафе

«Бом». Это кафе «Бом» было, конечно, закрыто, да и сами Бим-Бом удрали за границу, по-моему, а вот Мариенгоф с Есениным взяли на себя антрепризу и устроили кафе «Стойло Пегаса». Там было то же самое, что и в кафе «Домино», т.е. в «Кафе поэтов», но тут они были хозяевами, тоже выступали и прочее. Я навещал и это кафе, и помню, что что-то я кричал из-за своего столика, когда ко мне подошел уже походкой хозяина Есенин и укоризненно мне сказал: «Ну, что вы, свой тип, а кричите, а нас потом милиция штрафует, давай потише»...

Пошлые люди понимают все однозначно. Не могу не привести поразительный случай, который мне рассказывал мой покойный друг Иван Семенович Ефимов — скульптор-анималист, его работы во многих музеях Советского Союза и Запада. Он был сверстник и друг Анны Семеновны Голубкиной. Она поехала в Ясную Поляну лепить Толстого. Приехала, он и говорит: «Ну, что ты скажешь мне о Толстом?» — А она: «Что я скажу? Это волк! У него глаза волчьи!» Это удивительно, потому что дурак или дура обнаружили бы в Толстом бороду, благодатьню эту, стремление никого не съесть, никого не обидеть, а она правильно сказала — у него были глаза гения, он все видел! Так вот и Есенин — он был тоже неоднозначен: его всякие озорные поступки, его резкие высказывания, его вот эта житейская хитрость и даже налет цинизма в его оценках и отношениях к людям — это было на самом деле... это легко сочеталось с его лирическим дарованием и ни в какой мере не мешало. Например, я расскажу не очень пристойное высказывание Есенина, которое надо сохранить все-таки. В Москве в 21-м году, кажется, появился поэт Иван Александрович Аксенов. Он зарекомендовал себя впоследствии тем, что он был великий знаток Шекспира, даже справочник по шекспировским персонажам писал. Очень долго работал с Мейерхольдом в качестве завлита, был переводчиком, по-моему, «Великодушного рогоносца» — это фарс Кромлинга, который сделал эпоху в русском театре и вызвал скандал в прессе в 22-м году. Но с Мейерхольдом долго работать было нельзя, он всех выгонял, и Аксенов объявил врагом, но это не важно. Важно, что Аксенов был небольшого роста человек с лысым черепом-желудем, как у Пуришкевича, а борода была огромная, на полгруди. Когда пьяный Есенин в Кафе поэтов в первый раз увидел низкорослого человека в комиссарской шинели с переборками (как называли полосы на шинели) и с такой бородой и лысого, то он сказал: «Борода, как лес, а высратья негде». К вечеру Аксенов сбрил бороду...

С 34 по 37-й год я жил в Доме писателей в Нащокинском переулке — ныне ул. Фурманова. Я был одним из членов правления

этого кооператива и жил на первом этаже в том подъезде, где жили Мандельштамы, Матэ Залка и другие товарищи. И вот, просто напротив моей двери была дверь в квартиру Сергея Клычкова, и вот это соседство нас как-то сблизило, мы иногда встречались ненадолго, разговаривали и прочее. Клычков был одним из друзей Есенина. Он со слезами на глазах говорил мне, что гибель Есенина в гостинице «Англетер» в Ленинграде — это печальный случай, обусловленный вот чем. Он привел то обычное изречение Есенина, которое я уже сказал: «Надо пошуметь, а то забывают». Он утверждал, что Есенин кончать жизнь самоубийством не хотел, он хотел симулировать самоубийство для того, чтобы потом все опять о нем заговорили. Жил он вместе со своим другом поэтом Вольфом. Я был знаком с этим посредственным поэтом. Есенин якобы ждал, пока в коридоре раздадутся ночью шаги, с его точки зрения, извещающие о том, что возвращается домой этот Вольф, и сунул голову в петлю, понимая, что сейчас он откроет дверь и войдет, а шел другой человек в другой номер. И поэтому он якобы погиб. Я не могу сказать, что это убедительная версия, но она характерна для памяти Есенина, для его поведения и для всего этого комплекса...

Должен сказать еще одно впечатление о Есенине. Сейчас вышла интересная книга Ильи Шнейдера о том, как на его глазах Есенин познакомился с Айседорой Дункан и что из этого вышло. Шнейдер — профессиональный деятель при балете (именно при балете, потому что он всегда был администратором или мужем балерины и прочее) — по поручению Луначарского организовывал и студию Дункан в Москве, поэтому он был на том вечере у художника Якулова в доме 10 по Большой Садовой, когда туда приехал Есенин, и, по свидетельству Шнейдера, они как-то вдруг прямо прилипли друг к другу, как магнит к иголке: Айседора и Есенин. И вот он уехал с ней, конечно, связь была недолгой и не могла быть долгой, потому что оба они чересчур капризные гении, и разница в возрасте, и все прочее. Вернулся Есенин в Москву. В Политехническом музее в Большой аудитории был назначен его вечер. На правах журналиста я оказался за кулисами в тот момент, когда приехал сам Есенин, с некоторым опозданием. Он появился, опять-таки с целью всех поразить, в костюме, который на Западе надевают вечером на бал или в оперу, т.е. фрак, белый жилет, белый галстук, черный плащ на белой подкладке, цилиндр и трость с золотым набалдашником, без которой в Гранд-Опера нельзя прийти вечером на спектакль, но ее полагается сдать в гардероб. Вот он в таком виде появился. Когда он увидел нас — московских скромных завсегдатаев кулис и спектаклей, диспутов и творче-

ских вечеров, у него появилось безумное смущение на лице. Это тоже очень характерно. Дело в том, что Сергей Александрович понимал, что этот бальный наряд вечерний в Москве, для аудитории Политехнического музея, был не очень-то уместен. Можно было нарядиться только с целью показать, что вот он тоже прикоснулся к цивилизации Европы, что вот он теперь не прежний молодой человек из Рязани и Москвы, а вот он, так сказать, побывал в самых высших сферах западных столиц; но ему было немножко и совестно, потому что он был человек тонкий, чувствующий и ясно представлял себе, как выглядит на фоне московской рядовой аудитории, и прочее. И вообще надо сказать, что когда Есенин совершал то, что он называл «пошумим», — то у него всегда было ощущение какой-то виноватости, какого-то стремления показать, что это не очень всерьез. А люди простые, люди, враждебно к нему настроенные, серчали уже всерьез, и поэтому до самой смерти он и не имел той популярности, к которой в сущности стремился. Нет сомнения, что Есенин понимал свое дарование, его размеры и прочее. А вот так все и получилось: умер — обрел славу... Слава бывает, так сказать, частичной: в каких-то кругах имя данного художника, поэта, писателя, артиста уже утвердилось, а для каких-то она спорна и вызывает отпор и ярость. Я говорю о славе всенародной: такая возникла после смерти. Обрести славу административными действиями — невозможно. В годы отсутствия книг Есенина стихи переписывали, читали наизусть. Он уже жил у народа, и никто его не мог выследить, истребить. Есенин в 30-х, 40-х, 50-х годах цвел как любимый поэт народа. А что не выходили книги, так это восполняется и рукописями и, как это сейчас называется, самиздатом...

Что касается Маяковского, то с ним произошло нечто обратное: к сожалению, чрезмерная поддержка — официальная — мешает Маяковскому, и многие люди воспринимают его как такого казенного поэта, что крайне прискорбно.

Закончу одним последним сюжетом. В 22-23-24-м годах в Москве существовало кабаре под названием «Нерыдай» (писалось в одно слово). Это было порождение нэпа — своеобразный театр, о котором кое-какие воспоминания есть; достаточно сказать, что в этом театре служил И. Ильинский, Рина Зеленая, служил Михаил Жаров. Ваш покорный слуга некоторое время подвизался в качестве конферансье. В кабаре бывал Маяковский, я там с ним встречался, Якулов, артисты МХАТа, Владимир Николаевич Давыдов — великий русский актер, будучи в Москве, обычно ходил туда ежевечерне и пел там под гитару куплеты и романсы, в чем он был великий мастер. В своих мемуарах Давыдов пишет, что он

даже в каком-то спектакле пел куплеты, стоя на большом шаре, т.е. балансировал и пел куплеты. Я был с ним немножко знаком. Этот талантливый драматический трагический и комический актер соединял в себе еще и эстрадное дарование. Но это все неважно.

В 23 году кабаре помещалось там, где сейчас Московский театр юного зрителя — это бывший Мамоновский переулок, ныне ул. Садовских. Вечером мы пришли компанией артистическо-литературной молодежи и сели за длинный стол... Там столики были маленькие, а для нас, безденежной молодежи, дирекция заботливо готовила большой стол, где давали еду подешевле, а мы за это веселили бесплатно публику: чего-то пели, рассказывали, и на нас шли так же, как на программу. Так вот, мы сидели там и веселились. В это время туда пришел, к нам за стол сел — Есенин. Он был не один, а с Августой Миклашевской — она жива и поныне, ее воспоминания очень интересны, причем Есенин был необыкновенно добрый, тихий, трезвый, веселый. Он так шутил вместе с нами, так как-то включился в наше общество... Что касается Миклашевской, я должен сказать, что никогда не видел женщину красивей, чем она. Она была феноменальная красавица: с лиловыми глазами, стройная. Артистка она была не ай-яй-яй, а вот красоты непомерной женщина. Это он ей, кажется, написал стихи: «...Видеть тебя измызганной, али в морду хошь?..» Во всяком случае, они не скрывали своей связи. Она была женщина свободная, потому что ее муж — артист Большого театра — Лев Лощилин с ней давно разошелся, и вот она, значит, была подругой Есенина, в чем она очень откровенно и благородно признается сейчас в своих воспоминаниях. Вот мы сидели, это был чудный, веселый, спокойный вечер, и я нарисовал Сергея Александровича. Я — художник-дилетант, даже начинал в печати как карикатурист, а потом стал уже писать, и — очень похоже вышло. А так как я боялся, что у меня это пропадет, то я отдал такому журналисту — Льву Колпакчи (он недавно умер в возрасте 80-ти с чем-то лет), но он потерял мой рисунок, а Сергей Александрович подписал этот рисунок. Это одна из больших утрат у меня...

МЕЙЕРХОЛЬД

Для молодежи моего поколения Мейерхольд был необыкновенно дорог, и мы его высоко ценили. С ним происходило то же самое, что и с Маяковским и с Есениным. При его жизни люди делились на 2 категории — на тех, кто его возвышал и принимал, и

на тех, кто его осуждал и презирал. Я относился к тем, кто ценил его дарование, его разнообразные постановки, необыкновенное количество открытий и новых приемов в каждом спектакле и все прочее. Надобно заметить, что тут еще важно время, в которое все это происходило.

После революции у нас в стране возникло стремление, чтобы все было по-новому. И, конечно, старые формы театра также не устраивали молодежь, передовую молодежь, студенчество и всю эту «красную профессуру», студентов университета им. Свердлова и пр. Поэтому нам так нравилось, что Мейерхольд все ломает в старом театре. А сам Мейерхольд до 17 года был главным режиссером Императорских театров в Петербурге — Александринки, Мариинки и Михайловского. Он поставил в Мариинке оперу «Дон Жуан» Моцарта, причем там играл Варламов Константин Александрович — великий комический актер, который отличался слабой памятью. Когда он играл обычные драмы, то он своими словами проговаривал текст, а тут Мейерхольд сделал ему... приятный такой сюрприз: когда Варламов в костюме Лепорелло появлялся на сцене, то, переходя с места на место по указаниям режиссера, он обнаружил, что у каждого места, где ему нужно говорить текст, стоит за декорацией суфлер — 7 суфлеров обслуживали этого капризного комика, но зато он играл хорошо и был принят Мейерхольдом полностью. А его друг и товарищ, не менее значительный актер Владимир Николаевич Давыдов, мне говорил вот что. В 23-24 году я навещал кабаре «Нерыдай», Владимир Николаевич дружил с организатором этого кабаре — опереточным комиком Кошевским и каждый вечер приходил в это маленькое заведение. Когда я сказал, что служил у Мейерхольда (а я действительно в то время был младшим администратором театра Мейерхольда), он сказал: «Не люблю я Вашего Меринхольда (он так и сказал "Меринхольда"). Это сумасшедший кенгуру, бежавший из цирка». Действительно, профиль Мейерхольда с его сутулостью и носом и руками, опущенными вниз, очень похож на кенгуру. «Вы знаете, ведь его к нам назначили главным режиссером. И вот смотрю, он ставит "Свадьбу Кречинского", а мне дает роль Расплюева! Ну, я на репетицию не пошел. А пошел прямо в зрительный зал. Смотрю, он на сцене собрал исполнителей и крутит, и придумывает, и наворачивает. Я пошел домой, а он меня увидел и говорит: "Владимир Николаевич! Куда же вы? У нас репетиция!" Я говорю: "Это у вас репетиция, а у меня репетиции нет. Я этого всего вытворять не буду. И кроме того, у меня этого Расплюева играно-переиграно". Он сказал: "Я вашей сцены переставлять не буду". Я говорю: "Ну, так еще можно". То есть все сцены, в которых

участвует Расплюев, Мейерхольд оставил так, как привык играть Давыдов. А Давыдов играл еще при жизни автора — Сухово-Кобылина, и, кстати сказать, Александр Васильевич Сухово-Кобылин остался недовольным. Он сказал: «Это же какой-то бродяга, а не помещик. Такого в приличную гостиную не пустили бы. Но раз публике нравится, то пожалуйста!»

Но все это к делу не относится... И таких людей, которые любили и Мейерхольда и его театр, было все время очень много. Мы же, конечно, его любили.

Биография Мейерхольда после революции сложилась крайне интересно. Он уже в 18 или в начале 19 года поставил «Мистерию-буфф» Маяковского... Он поставил «Мистерию-буфф» в первом варианте в Петербурге, после чего от голода уехал на юг, попал в Новороссийск. Новороссийск был под властью белых. За сотрудничество с советской властью он оказался в тюрьме. Ему грозил расстрел. Но самая интересная подробность, что комендантом тюрьмы у белых в Новороссийске в 19-м году был прапорщик Лаврентий Берия. Об этом мне сказал актер Шатов, который в то время жил в Новороссийске... Ну, сам Мейерхольд вернулся в Москву. Ему отдали театр бывший Зона — этот театр был построен сперва как кафешантан французом Омоном. Потом, после революции, он убежал обратно в Париж, а театр пустовал. Его сперва отдали театру Московского союза рабочих организаций, кажется, во главе стоял Федор Федорович Коммиссаржевский, родной брат Веры Федоровны. Но он сделал несколько постановок. У него дебютировал на сцене Игорь Владимирович Ильинский, а потом Коммиссаржевский убежал за границу, и вот этот театр и почти всю его труппу принял Мейерхольд. Он опять поставил «Мистерию-буфф». Труппу он дополнял и изменял, но в основе это была труппа Коммиссаржевского. Там служил у него, например, Александр Яковлевич Закушняк, который у Коммиссаржевского играл роль Фигаро. А Игорь Ильинский играл садовника — маленькая смешная роль, которую он превосходно играл...

Так вот, Мейерхольд был каким-то даже знаменем для нас. Я поступил к Мейерхольду в 22 году и служил месяцев пять в качестве младшего администратора, а потом мне это надоело, и я ушел. Тем более, что я уже дебютировал как журналист и поступил в вуз, и окончил экономический факультет института им. Плеханова — теперь, тогда он назывался институт им. Карла Маркса. Но по службе мне часто приходилось встречать Мейерхольда. У него в это время не было театра. Дело в том, что он был в общем-то человек не от мира сего. То он задумал занять место Луначарского и стал вести интриги, чтобы его назначили наркомом.

Это была совершенно бессмысленная затея, которая кончилась только тем, что Луначарский в порядке мести отнял у него театр. И когда я служил у Мейерхольда, то он не сразу этот театр получил обратно. А вот в здании на Новинском бульваре (ныне ул. Чайковского, близко к Кречетниковскому переулку, которого теперь тоже нет, потому что это часть проспекта Калинина), там в помещении двух домов, принадлежавших адвокату Плевако (а этот Златоуст «наговорил» себе целый квартал домов в Москве), — была у Мейерхольда мастерская. Она называлась Высшие режиссерские мастерские, прибавьте слово государственные, получится дурацкое название — ГВЫРМ. Вот там я начал служить, а потом Мейерхольду дали театр, и он поставил «Великодушного рогоносца», на репетициях я бывал, и на премьере я был уже подручным. Я принимал участие в газетной кампании за то, чтобы Мейерхольду вернули обратно театр, потому что это здание хотели отдать оперетте. И вот тут в «Правде» появилась статья, которая все решила. Статью эту написал Борис Григорьевич Самсонов — старый большевик, сотрудник «Правды», впоследствии зам. редактора и заведующий лит. частью журнала «Красный перец». Затем он перешел в «Крокодил». Это был очень умный, сдержанный и талантливый человек. Он был старше нас, относился к нам по-отечески. Вот он и написал статью в «Правде», которая была озаглавлена «"Зори" или "Пупсик"»? «Зори» это, как известно, Верхарн, а «Пупсик» — пошлая немецкая оперетта. Ну, и эта статья все решила. «Известия» нам помогли кроме «Правды». Там работал Херсонский — зав. отделом искусств при Стеклове. Он тоже был одним из учеников Мейерхольда по режиссерской мастерской. В этой мастерской учился Эйзенштейн Сергей Михайлович, Сергей Осипович Юткевич... Было много еще талантливых людей, которые впоследствии заняли видные места в режиссуре и в Москве и на периферии. Сейчас не могу припомнить таких вот. Но это старое мейерхольдовское братство, оно до сих пор иногда... Да! Пырьев Иван Александрович там был. И Райх там была, Зинаида Николаевна. Вот он на ней там и женился, можно сказать, на наших глазах. Она разошлась с Есениным, имея двух детей от Есенина, и вышла замуж за Мейерхольда.

Я наблюдал Мейерхольда очень близко и должен сказать, что в нем была театральная — я бы сказал даже — инфантильность. Ему было присуще желание обязательно ошеломить и удивить аудиторию, хотя бы она состояла из одного человека. Например, в доме 12 по пер. Брюсовскому, ныне ул. Неждановой, где он получил квартиру, подходил человек к двери, на которой была мед-

ная табличка «Всеволод Эмильевич Мейерхольд» и звонок. Человек звонил. Открывалась соседняя дверь, и Мейерхольд выходил из этой соседней двери к удивлению посетителя и смеялся от радости, что ему удалось разыграть гостя. Это, конечно, ничтожный эпизод, но он характеризует Мейерхольда. Он всегда хотел, чтобы было не так, как ждут, не так, как у людей. Например, однажды он сказал так: «Буду ставить Гамлета. Зина будет играть Гамлета (т.е. Райх). Придут критики, Бескин придет и будет смотреть и слушать, как Мейерхольд поставил монолог "Быть или не быть". А я придумал как ставить!» — «Как же, Всеволод Эмильевич?» — «Вычеркну!» Вот, это типичный Мейерхольд. Когда я в театре миниатюр «Кривой Джимми» увидел цикл пародий, написанных и поставленных Алексеем Григорьевичем Алексеевым (а смысл пародий был такой: как пьеса Гоголя «Женитьба» шла бы в разных театрах — в Малом, Художественном, даже Еврейском, детском и, конечно, у Мейерхольда) — так вот, в пародии на Мейерхольда было сделано следующее: на сцене стояли две большие клетки с курами и петухами. Никакого отношения к действию они не имели, но кудахтали, ворошились там и как-то развлекали публику. Когда на другой день я встретил Всеволода Эмильевича на работе у себя на Новинском бульваре, я ему сказал: «Вчера видел пародию на вас в "Кривом Джимми"». Он сказал: «А какая же пародия?» Я говорю: «Вот, выставили на сцену две клетки с курами живыми, и они там кудахтали». Мейерхольд сказал: «Вот сволочи! опередили!» Такой реплики ни от кого другого нельзя было услышать никогда.

Так вот, Мейерхольд еще был замечателен тем, что он устанавливал какой-то стиль, скажем, конструктивный стиль «Великодушного рога носца». Там были конструкции, там был какой-то механизм: голые стены театральной коробки, грязные, пыльные, из кирпичей просто, неопрятно. И вся критика левого фланга стала говорить: вот это истинный путь советского театра. И так продолжалось еще один спектакль или два... а потом он менял резко весь фронт...

Советская власть не поддерживала этих крайностей. Например, по поводу «Великодушного рога носца» Луначарский выступил с открытым письмом в «Известиях»: по-моему, о том, что это совершенно возмутительное в моральном аспекте представление, что ему наплевали в душу таким спектаклем. Это было разумное отношение руководителя советской культуры. Но мито, левые деятели советского искусства, которых Лев Давыдович Троцкий обозвал «левтерезы» — левые театральные рецензенты, — мы были подобны Тарелкину, который на своих похоронах о се-

бе самом произносит речь. И там есть феноменальная фраза, достойная, конечно, Сухова-Кобылина, что Тарелкин был передовой человек, быстро хватался за все новое, передовое, так что когда объявили прогресс, то Тарелкин сразу же включился в прогресс и получилось так, что впереди шел Тарелкин, а за ним уже шел прогресс. Вот в этом положении людей, которые идут впереди прогресса, мы все, я тоже принимал участие в этих журналах, и тоже хвалил Мейерхольда, и поносил академические театры, так вот, мы так и писали, что Мейерхольд — это и есть истинно революционное, истинно советское искусство...

Что же до «Рогоносца» — это перевод, по-моему, автор Кроммелинк — бельгийский драматург. Это пьеса изошренная, пьеса необычная, и содержание ее заключается в таком психологическом вывихе. Некто, житель бельгийской деревни по имени Брюно, ни с того ни с сего начинает ревновать свою жену Стеллу, которая ему верна, и никаких, собственно, реальных поводов для ревности у мужа нет. Но так как он мучается над вопросом, изменяет ему жена или нет, то он принял совершенно чудовищное решение. Он сам подталкивает ее к тому, чтобы она отдавалась чуть ли не всем жителям деревни, и тогда ему спокойней: он хоть знает, что это произошло.

И вот эту чудовищную психологическую ситуацию в трех действиях Мейерхольд решил так, что там ничего не осталось от конкретной обстановки, описанной автором.

Вместо деревни была деревянная машинерия: какие-то колеса вертелись, какие-то лестницы, какие-то переходы. Художница была, по-моему, Любовь Попова. Вся эта конструкция была деревянная, неточная, скрипела и все прочее. Все актеры были в синей униформе полотняной, в которой они на тренировках по биомеханике — тоже изобретение Мейерхольда — ежедневно прыгали, кувыркались и прочее. Стало быть, все действующие лица были в одинаковом платье. Играл главную роль Брюно Ильинский, играл очень хорошо. На другой день он просто проснулся знаменитым артистом, и Мейерхольд его за это возненавидел. Так что они много раз ссорились, потому что Мейерхольду не нравилось, что Ильинского так все оценили, признали и прочее. Играть было очень трудно, потому что эта нереальная обстановка, абсолютно абстрактные чувства... Но я как сейчас перед собой вижу, как Ильинский играет эту трудную роль...

Понятно, что Луначарский, как человек добрый и добропорядочный, не мог принять такую страшную пьесу. Его протест не был уважен, а спектакль шел со скандальным успехом. А потом следующие постановки Мейерхольда не очень привлекали публику.

Он же ведь что делал? Он, например, не мог не вмешаться в драматургию. Когда он поставил в Театре Революции «Озеро Люль» — пьесу Алексея Файко, то подарил карточку свою, фотографию, Файко с надписью: «Алексею Файко с благодарностью за то, что он мне дал прекрасный драматургический материал для моей постановки "Озеро Люль"». По-моему, даже немного оскорбительно для автора. Другую пьесу Файко, кажется, «Учитель Бубус», он просто завалил, потому что он ее всю перемонтировал, перекантовал, и легкая комедия, написанная Файко, не выдержала этих дополнительных нагрузок. А вообще Мейерхольда отличала совершенно неумемная творческая энергия. Он руководил двумя театрами сразу, а мог руководить и еще пятью, потому что его фантазия не знала удержу. Он мыслил, так сказать, мировыми категориями. Он изучил японский, индийский театр, был в Греции, рассматривал древние театры Эллады. Причем он применял в своих спектаклях достижения, приемы, методы вот этих даже внеевропейских театров. Мы знаем из его биографии, что он создал дом старинных интермедий в Петербурге, что он даже Веру Федоровну Коммиссаржевскую повел по пути формализма, что и кончилось тем, что она его в середине сезона попросила уйти из ее театра.

Каждый театр Мейерхольда отличался тем, что там были десятки новаций — интересных, талантливых, нужных и умных, которые были немедленно взяты на вооружение многими другими театрами и его учениками, и даже режиссерами нормального реалистического профиля. Ведь, например, сукна в качестве одеяния для сцен впервые предложил Мейерхольд. Но это только одно из его открытий. И наряду с тем, что у него получалось, в каждом спектакле появлялось как бы кладбище неосуществленных замыслов. Почему? Во-первых, потому, что у него было много плохих актеров. Его вообще это не интересовало — как играет тот или другой актер, наоборот, вот когда Ильинский сыграл хорошо, это его огорчило. А Бабанову — одаренную актрису, которая играла роль Стеллы, он потом начал травить потому, что она, конечно, была гораздо более талантлива, чем Зинаида Райх, и мешала этой Райх. А Райх была малоодаренная артистка, но в какой-то мере обаятельная женщина, и Мейерхольд придумал целый ряд режиссерских приспособлений так, чтобы спрятать неумение Райх играть большие чувства, большие переживания и пр. Например, в «Лесе» он все монологи и любовные диалоги Райх сделал так, что она в это время накрывала на стол, и реплики получались разбитыми, она как-то выходила из положения. А напрямую она не могла поднять такого даже материала.

Так вот, Мейерхальд работал... у него были к каждой постановке специально приготовленные папки, где он все чертил и рисовал, расклеивал. Потом он выходил и делал так называемую режиссерскую экспликацию перед составом артистов, которые будут играть. Это термин его, кстати сказать, — «экспликация». А вот Владимир Захарыч Масс, мой старый друг, рассказывает, что когда он был залитом в Театре Революции, Мейерхальд однажды собрал труппу и прочитал режиссерскую экспликацию, по-моему, «Горя от ума». Он впоследствии поставил свой вариант — «Горе уму». А тут, значит, перед тем, как выйти из своего кабинета в зрительный зал, где собралась вся труппа, — его пригласили уже, сказали, что надо идти, — он нагнулся к Массу и сказал: «Я этого ставить не буду, но тут по разным соображениям надо делать вид, что мы это будем ставить». После чего он вышел к труппе, прочитал блистательную экспликацию, т.е. блистательный план своей будущей постановки, которой, конечно, не будет, — настолько талантливо, что зрители, эти самые актеры, аплодировали с восторгом. Вот какой это был человек...

Все мы тогда очень тосковали потому, что у нас отсталая аграрная страна, что у нас нет машин, что нету у нас ничего такого индустриального, урбанистического, и поэтому Таиров Александр Яковлевич, который с Мейерхальдом ссорился ужасно (главным образом, по инициативе Мейерхальда), затеял ставить пьесу Честертон «Человек, который был Четвергом». Тут весь фокус был в том, что оформление к этой пьесе было крайне урбанистическое: какие-то лифты, что-то куда-то катилось, ну, все это понятно... Так вот, Мейерхальд, узнавши об этом, поставил пьесу Файко «Озеро Люль» именно в этой урбанистической манере и выпустил на два месяца раньше. Таиров кричал, что Мейерхальд у него все украл, а Мейерхальд кричал, что Таиров дурак. Диспуты эти вызвали огромный интерес.

Более того, Игорь Ильинский пишет в своих воспоминаниях, что однажды, в 22-м году, он шел с Мейерхальдом по улице, в это время у какого-то автомобиля лопнула шина или... выхлопной выстрел. Мейерхальд немедленно нырнул в арку ближних ворот, позвал туда Игоря и сказал: «Это Таиров покушается. Он нанял Ардова, чтобы тот меня убил».

Николай Дмитриевич Волков, талантливый драматург и прекрасный рецензент, критик, театровед, выпустил томик биографии Мейерхальда. Она касалась только дореволюционной деятельности Мейерхальда. Описать его послереволюционную деятельность Николай Дмитриевич отказался сам, и, кроме того, уже положение Мейерхальда стало таким, что это было просто небез-

опасно. Так вот, когда я написал мемуары о Мейерхольде (они есть у меня в неизданном виде), то я попросил его посмотреть. И Николай Дмитриевич мне сказал: «Откуда вы его знаете?» Я говорю: «Да я вот у него служил несколько месяцев администратором». Тогда Волков спросил: «А когда он вас объявил врагом?» Я говорю: «Почему вы так говорите?» — «Так он же всех, кто с ним работал, объявлял врагом». И действительно, ему люди приедались, он начинал их ненавидеть, клеветал на них, выгонял, был крайне жесток, несправедлив, и все те, кто наивно цеплялись за то, что при большом человеке можно как-то иметь и кусок хлеба и свой паек славы небольшой, они все просчитались, потому что он всех выгонял, вплоть до, скажем, своего завлита и, кажется, переводчика «Великодушного рогоносца» — это Иван Александрович Аксенов. Характер у него был капризный, и я бы даже сказал — не женский, а детский. Люди ему надоедали, идеи ему надоедали, и вещи, и он старался, чтобы все время все было поновому.

Вот, например, я недавно написал рецензию — я смотрел спектакль в апреле — «Лес» Островского в Малом театре в постановке Ильинского. Но дело в том, что в 24-м году «Лес» в постановке Мейерхольда шел с Ильинским в роли Аркашки. И в своей постановке Игорь Владимирович играет Аркашку. Я в рецензии отметил, что 50 лет прошло с тех пор, как я видел эксцентричную фигуру молодого Ильинского в почти цирковом спектакле Мейерхольда «Лес». Полвека прошло, это бывает не часто. Поэтому я с интересом пошел на спектакль и с интересом написал. Ильинский поставил в хорошей академической манере, и сам играл очень талантливо, проникновенно. Сохранил в этом спектакле для своей роли все лучшее, что было когда-то в мейерхольдовской постановке. Но эксцентриады этой, почти клоунады, не осталось. Вместо этого Игорь сделал очень интересную деталь. Он как-то изнутри показал человека — Аркашку, привыкшего к горю. Это очень тонко, и мало кто из актеров даже сможет это сделать. Это не пароксизм большого горя сиюминуты, а именно привычка к горю, к невзгодам, нужде и голоду — все это лежит на лице. А, значит, его все фортеля, все его движения ногами, руками, куплеты и прочее — они характерны для того репертуара, который этот комик несет в театре, и понятно происхождение этого шутовства. А что касается постановки Мейерхольда, то она была сделана так: опять на голой сцене полукружьем уходящая вверх лестница, ступеней, может быть, в сто... А сцены в лесу и в павильоне были около этой лестницы или на самой лестнице. Мелодия, которой снабдил он, — это старинный вальс XIX века, который играли трио бая-

нистов (или аккордеонистов). Потом Валентин Кручинин, пошловатый композитор, аранжировал эту песенку — тогда она уже не охранялась в авторском смысле (автор помер в конце прошлого века) — и плохой поэт Павел Герман написал отвратительные стихи. Песенка называлась «Кирпичики». Она начиналась идиотской фразой: «На окраине где-то города я в убогой семье родилась...» и т.д. Это доходчивая мелодия, пошловатая такая, типа жестокого ромansa... В спектакле музыка шла без единого слова. А это впоследствии, так сказать, на бесхозную мелодию Павел Герман написал эту пошлость... Там были, например, такие персонажи: гости Гурмыжской были в клоунских париках — один в синем, другой — в зеленом, третий — в красном. Очень хорошо играл старшего купца Восьмибрatова Борис Евгеньевич Захава, известный деятель театра им. Евгения Вахтангова, который с разрешения своего театра стажировался у Мейерхольда. Когда они раздевались и бросали все свои вещи Гурмыжской, желая доказать, что они не мошенники, что наоборот, — так это было поставлено по принципу биомеханики: они, чтобы снять сапоги, — сперва ложился старик, снимал сапоги, потом он босиком подходил к сыну, сын тоже ложился на пол и отдавал свои сапоги, потом свои поддевки и т.д. Это все было забавно, но непонятно, зачем...

А дальше пошло так: скажем, вместо «Горя от ума» было поставлено «Горе уму», потому что Всеволод Эмильевич взял старые варианты пьесы, которые сам Грибоедов выключил, и что-то строил на них... Играл Чацкого, по-моему, Гарин... не помню. Ильинский играл Фамусова. И там была интересная штука. При первом появлении в комнате Софьи, когда он застаёт Лизу, там было так поставлено, что он овладевает Лизой за стильной ампирной ширмой, прикрывающей диван. Затем — самый апогей спектакля был, когда он выставил длинный стол параллельно авансцене — от кулис до кулис, и 40 персонажей гостей сели друг с другом — и вот по этой живой стене, так сказать, шли сплетни о том, что Чацкий сошел с ума. Это вызывало аплодисменты... Затем был такой же искаженный «Ревизор», за сим были другие постановки... Талант у него был огромный, но никакого удержу, никаких у него не было препон. Были, например, совершенно нелепые спектакли, как «Командарм-2» (пьеса Сельвинского) — и пьеса глупая, и что он там наворотил — нельзя было даже понять... Вот «Клоп» — это [было] хорошо. Хорошо потому, что он сделал следующее: 1-й акт до пожара оформляли Кукрыниксы. И тут было что-то интересное. А 2-й акт оформлял, кажется, Родченко... Но дело в том, что сам Маяковский ничего не мог рассказать о будущем, кроме того, что там будет царствовать

гигиена. Он сам после травмы юношеской, когда его отец умер от сепсиса, был помещен на гигиене, вот он, собственно, это нам и предложил. А больше он ничего не мог предложить в «Клопе». Но Игорь Ильинский играл очень хорошо Присыпкина, и во 2-м акте, когда он в клетке с клопом общается и рад, что хоть клоп с ним пришел из того мира... Это все было очень интересно. Что касается «Бани», то это очень слабая пьеса, и она провалилась полностью, что послужило одной из причин гибели Маяковского. И опять-таки, все эти старания показать светлое будущее очень беспомощны. Я слышал, как Маяковский читал «Баню» в клубе МОГЕСа, он называется «Красный луч» и находится на Раушской набережной — этот клуб с выходом на улицу Осипенко, бывшая Садовническая. Я слушал там самого Маяковского, но это была, так сказать, декламация. Люди сидели холодно, потому что нельзя же было в 29-м году купить людей вот на такую непрожеванную агитацию за неизвестно какое будущее. Не хотели выступать люди, и мы все ушли...

Возвращаясь к Мейерхольду, я должен сказать, что он обычно приходил на репетицию, зная, что он будет репетировать и что он будет требовать от каждого исполнителя, подсказывал каждому, показывал очень хорошо, выходил и показывал по-актерски. Я помню, на репетиции «Рогоносца» Игорь должен был, обращаясь к своему наперснику, который выслушивал все его сетования на измену жены, он должен был разговаривать с ним в доверительных тонах, а потом, прочитавши на лице у того якобы похоть в адрес своей жены — ни с того ни с сего дать ему пощечину. И вот Ильинский, репетируя этот момент, остановился и сказал: «Всеволод Эмильевич! Я не могу после такой ласковой беседы сразу дать ему пощечину. Мне это надо как-то оправдать». И Мейерхольд сказал: «А вы не оправдывайте, вы только механически дайте ему пощечину, от этого жеста у вас пойдет нужная злоба!» Так оно, конечно, и вышло, но главное — все это в какой-то мере система Станиславского. А вообще Мейерхольд относился к Станиславскому очень уважительно. Например, известно, что постановку Станиславского «Горячее сердце» он смотрел несколько раз. И всем советовал посмотреть, и смеялся. А вот моя жена, которая служила в Художественном театре, рассказывает, что когда Мейерхольд сидел во 2-3 ряду во МХАТе и смотрел «Горячее сердце», он смеялся на несколько секунд раньше, чем зрительный зал, потому, что он, естественно, все уже понимал, когда еще рядовой зритель не понимал... Мне приходилось видеть его в театральных залах, когда ему было скучно, потому что ему было очень интересно посмотреть начало постано-

вки, так сказать, систему средств, систему декораций, игры, но уже через десять минут он все понимал, а уйти нельзя, потому что сажают в первый ряд, и он, значит, сперва задравши нос свой гигантский, нос арлекина, жадно впитывал все, что там было, а потом опускал этот нос и, опустивши, сидел до конца акта, а потом старался убежать. Да и понятно: не надо быть Мейерхольдом, чтобы быстро соскучиться на огромном количестве наших спектаклей: как тогда, так и сейчас. Ведь это тогда же, в 30-х годах, критик Борис Алперс выдвинул интересный тезис об этом в одной статье; он написал: «благодетельная нивелировка театров» — более кощунственной оценки я не знаю!*

Мейерхольд был тщеславен поразительно. Он, например, говорил: «Если в газете в данном номере или в журнале не упомянута нигде фамилия Мейерхольда, такой номер для меня не существует». Потом... он делал себе популярность. Мне приходилось бывать на репетициях, меня все это интересовало... но он понимал, что раз мы его поклонники, то мы уже и дальше разнесем его славу. А ему надо было бороться с теми, кто считал, что его постановки и вся его деятельность неправильны. Таких было меньшинство, но все кончилось трагически...

Я расскажу один эпизод. Мне говорил работник ведомства Лубянки... У Мейерхольда отняли театр, это было задумано. И вот тут, когда отвернулось от него большинство деятелей, например, Садовский написал статью в «Известия», что правильно отняли, а пришел к Немировичу-Данченко, тот отказался осуждать Мейерхольда, а Станиславский взял его к себе очередным режиссером в свой музыкальный театр... Вот что произошло дальше. Он жил уже на положении очередного режиссера, а тут в 40-м году была конференция Российского театрального общества, куда собрали режиссеров со всех федераций. И на этой конференции Мейерхольд имел триумф. Во-первых, его избрали в президиум. Во-вторых, ему аплодировали несколько минут. И всякий раз, как какой-нибудь из ораторов упоминал имя Мейерхольда, опять начинались аплодисменты. Вот за это его и арестовали. А потом, когда в 56-м году его реабилитировали, то Игоря Ильинского вызвали в качестве, так сказать, эксперта в том, стоит ли его реабилитировать. Ильинский, конечно, дал самые положительные отзывы об этом человеке, но когда ему в прокуратуре сказали, что

---

* Возможно, aberrация памяти: очевидно, Ардов имеет в виду статью Б. Алперса «Судьба театральных течений», написанную в 1967 и опубликованную в ж. «Театр» (1967, №5). У Б. Алперса: «Это не была художественная нивелировка театральных стилей, как иногда пытаются рассматривать этот сложный процесс...» (с.406). — *Прим. Публ.*

жизнь Мейерхольда кончилась тем, что Берия в своем кабинете его застрелил, Ильинский упал в обморок... И интересно, что противник Мейерхольда в течение десятилетий Таиров — обрел почти ту же судьбу: его театр тоже закрыли, а Александр Яковлевич... — его не арестовали, но он сам умер от огорчения очень скоро. Ну вот. А Коонен прокляла трех человек, которые переняли театр: это Ванин Василий Васильевич — артист, который стал худруком, потом Ганшин, ихний же актер, который стал директором, и ловкий администратор по фамилии Матусис, который был зам. директора. И все трое умерли в течение двух лет — вот это интересно...

***ИЗ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ***

А.Л. Волынский
РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Предисловие, комментарии, публикация А.Л. Евстигнеевой

Цикл статей Акима Львовича Волынского (настоящее имя, отчество и фамилия Хаим Лейбович Флексер; 1861¹-1926), литературного и театрального критика, историка и теоретика искусства, которые он объединил названием «Русские женщины», в жанровом отношении представляет собой сплав работы мемуариста и исследователя. Статьи занимают особое место среди его неопубликованных рукописей 1920-х. По всей видимости, они были задуманы как воспоминания, но писательская манера профессионального критика с многолетним стажем, его характерный стиль, а главное — личность Волынского определенно повлияли на чистоту жанра. Аким Львович на всех этапах своей творческой деятельности — выступал ли он как исследователь какой-либо проблемы или развивал новую идею, — осмысливая материал, всегда пытался отыскать исторические корни, чтобы на этой основе строить гипотезу, делать выводы. Взявшись за написание мемуарных очерков, он остался верен себе: двинулся от истоков темы и предпринял попытку создания оригинальной научной теории, подтверждая ее справедливость на конкретных примерах. Волынский выявил и описал известные ему женские типы, определил характерные черты для каждого, обозначил эти типы специальными терминами, раскрыв содержание последних в историческом аспекте, выстроил, ни много, ни мало, их научную классификацию. А в заключении, без тени иронии, подчеркнул весомый вклад в науку своей друидо-амуреточной теории! Теоретическую часть цикла продолжила целая галерея портретов, каждый из которых по воле автора занял свое место в соответствии с разработанной им классификацией.

---

¹ Дата рождения Волынского указана здесь в соответствии с данными биографического словаря «Русские писатели» (Т.1. М., 1989. С.480). Она подтверждается сведениями Л.Я. Гуревич (См. письмо Л.Я. Гуревич к А.Л. Волынскому от 18-19 августа 1888. — РГАЛИ. Ф.95. Оп.2. Ед.хр.4. Л.9об.). По другим сведениям, Волынский родился в 1863 (см.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т.1. С.1022) или в 1865 (см.: Балет: Энциклопедия. М., 1981. С.129).

Название цикла — «Русские женщины» — на наш взгляд, не точно отражает содержание статей, что становится ясно по их прочтении. Женщины России — вот объект исследования автора, поскольку в качестве обобщающего им использован скорее географический, чем национальный признак.

Всего статей пять², и каждая из них имеет заголовок-ключ, подобранный Волинским к образу той, о которой он писал. В первой статье «Амуретки и друидессы» изложены теоретические основы классификации женских типов, вторая — «Запоздавшая друидесса» — посвящена Л.Я. Гуревич, третья — «Сильфида» — З.Н. Гиппиус, четвертая — «Ящик Пандоры» — И.Л. Рубинштейн, пятая — «Букет» — целый группе лиц: Л.Г. Андреас-Саломэ, М.М. Добролюбовой, Е.А. Грековой, Т.Л. Щепкиной-Куперник, Е.Г. Бердяевой, Мирре Лохвицкой, Н.Н. Кульженко. Дата написания «Амуреток и друидесс» не указана, вторая статья датирована 12 сентября 1923, третья и четвертая — 14 сентября 1923, пятая — 15 сентября 1923.

Очерки о Гуревич и Гиппиус имеют авторскую подпись — Старый Энтузиаст, которая требует некоторых пояснений. Ее, как нам кажется, можно рассматривать в качестве псевдонима Волинского. Старый Энтузиаст — любопытнейшей персонаж его наиболее известной книги «Леонардо да Винчи». Этот герой — плод фантазии автора — является по сути художественно осмысленным собирательным образом с чертами как Леонардо, так и самого Волинского. Скорее всего, портрет мудрого наставника является воплощением идеала критика, того, как он представлял свое жизненное предназначение. Этот персонаж во многом помогает приблизиться к пониманию личности Волинского, который писал о своем герое так: «Одному из этих трех лиц, которого я назвал Старым Энтузиастом, я хотел дать черты неутомимого искателя религиозной красоты в искусстве — новой красоты в духе нового богочеловеческого идеала. Если у нехудожника могут быть минуты каких-нибудь художественных и поэтических подъемов, то именно в образе этого старика, без определенных черт какой бы то ни было национальности, но проникнутого религиозией человеческого сердца, которая по существу своему всемирна, всечеловечна, — я пытался передать лучшие настроения, возникшие на пути моих критических исследований. Какую бы активную цену ни имели бы мои исследования, я, во всяком случае, сознаю, что истинная суть книги, то, чем я сам больше всего дорожу, заключается в лекторских излияниях моего Старого Энтузиаста»³.

Органическим дополнением к циклу портретных очерков «Русские женщины» (хоть автор сам нигде не писал об этом) нам видится его статья «Мой портрет»⁴. Написанная в аналогичной манере несколькими годами позже — 12 января 1926, всего за полгода до смерти автора, она во всех отношениях является завершающим штрихом, точкой или, скорее,

² Вторая и третья статьи пронумерованы автором, последовательность остальных установлена публикатором.

³ Волинский А.Л. Леонардо да Винчи / Предисловие автора. СПб., 1900. С.12.

⁴ Статья имеет подпись: «Волинский».

восклицательным знаком в творчестве критика, осмысливающего свой творческий путь. Здесь Аким Львович определил и себе ступеньку в созданной им классификации. (По прошествии трех лет после «Русских женщин» Волынский продемонстрировал универсальность своей теории, охарактеризовав с ее помощью еще ряд лиц, причем как женщин, так и мужчин). Критик видел себя истинным друидом, суровым воином, «обитателем военного шатра», который, вместе с тем, имел право на увлечения. Полемизируя с художником⁵, Волынский набросал автопортрет (с необходимыми, по его мнению, поправками к соринскому), в котором, кстати, нельзя не увидеть прямой аналогии с портретом Старого Энтузиаста⁶, и мысленно поместил его в галерею исторических лиц, без ложной скромности, где-то между Толстым и Дарвином.

Несколько слов о стиле Волынского. Его манера письма не раз подвергалась критике еще его современниками. З.Н. Гиппиус, например, протестовала «/.../ против невозможного русского языка, которым он писал» и подвергала сомнению «его способность литературно писать»⁷. Действительно, некоторые фразы в очерках производят впечатление плохо отредактированных. Характерной чертой стиля Волынского является обилие слов, которые, видимо, следует рассматривать как неологизмы (например: «отдохновительный», «невестночасно» и т.п.), хотя, возможно, они вполне органично вплетались в речь критика, и он не ощущал их новизны.

«Русские женщины» и «Мой портрет» писались на листах, вырванных из конторских книг. Дело в том, что Волынский, как и все другие литераторы, жившие в начале 1920-х в Доме искусств на Мойке, пользовался этой превосходной бумагой, добываемой в помещении закрытого банка на первом этаже того же здания. Чтобы составить законченное представление об очерках Волынского, добавим, что они написаны карандашом на обеих сторонах плотных гляцевых листов. Это обстоятельство с учетом трудно читаемого почерка, а также особенностей стиля и языка критика, создает значительные сложности при восприятии текста статей.

Что касается судьбы очерков, то, обращаясь к деятельности критика, отметим свойственный ему и не раз использованный прием: он писал отдельные статьи, которые позже, объединенные единой темой и заглавием, составляли сборник. Весьма вероятно, что с очерками «Русские женщины» и «Мой портрет» он предполагал поступить так же. Но середина 1920-х была не лучшим временем для выпуска подобных изданий, как по цензурным, так и по соображениям материального плана. Волынскому удалось опубликовать лишь одну статью, посвященную Л.Я. Гуревич, поместив ее в журнале «Жизнь искусства» (М.; Л., 1924. №6 (930). С.17-19)

⁵ Фотографии своего портрета, видимо, написанного в 1905, Волынский подарил И.Л. Рубинштейн и Т.Л. Щепкиной-Куперник, о чем есть упоминания в их письмах к нему (РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.764. Л.11-13; Ед.хр.924. Л.47).

⁶ См.: Волынский А.Л. Леонардо да Винчи. Указ. изд. С.111.

⁷ Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский / Ее же. Живые лица. Воспоминания. Т.2. Тбилиси, 1991. С.198, 200.

с некоторыми изменениями редакционного характера. В частности, был снят подзаголовок — «Запоздавшая друидесса».

«Русские женщины» публикуются по автографам, хранящимся в РГАЛИ (Ф.95. Оп.1. Ед.хр.42. Л.85-96). Там же имеются машинописные копии второй и третьей статей (Там же. Л.199-211).

«Мой портрет» публикуется по машинописной копии, хранящейся в РГАЛИ (Там же. Л.7-18).

***

А.Л. Волынский во все периоды своей богатой событиями творческой биографии — будь то увлечение философией, литературой, драматическим театром, балетом — всегда выступал как бескомпромиссный борец за свои идеи. А воину необходимо поле для битв. Для Волынского эту функцию выполняли попеременно: лекторская трибуна, журнал, театр, школа-техникум. Обрести их Акиму Львовичу нередко помогало умение найти единомышленниц, способность увлечь их своими замыслами, заручиться их поддержкой. Прослеживая творческую биографию Волынского, нельзя не отметить в ней роли женщин. Примеры тому можно встретить при попытке восстановить истории взаимоотношений критика с героинями его очерков. Статьи Волынского запечатлели его видение портретируемых. Но портреты, в какой-то мере, — зеркало самого художника. Сохранившиеся письма корреспонденток Волынского (почти со всеми, о ком критик писал в очерках, он состоял в переписке) позволяют проделать любопытный эксперимент — предпринять попытку реконструировать монологи корреспонденток Акима Львовича, обращенные к нему.

Во вводном очерке Волынский изложил основы своей теории с точки зрения истории, географии, этнографии. Мы не возьмемся оценить ее научное значение и оставим его без комментариев. Скажем лишь несколько слов об основных «терминах», введенных и использованных автором. Значение слова «амуретка» он раскрыл сам — это производное от французского «amour» (любовь). Что касается значения слов «друид» и «друидесса», то толкование Волынского подчеркивало, главным образом, их боевое предназначение, отличное от того, которое дается в справочниках. «Друиды — жрецы у древних кельтов; ведали жертвоприношениями, выполняли также судебные функции, были врачами, учителями, прорицателями»⁸. «В Галлии, во времена Цезаря, они составляли замкнутое, но не наследственное сословие, которое, наравне со знатью, отличалось от остального народа тем, что было свободно от податей и отправления воинской повинности»⁹.

***

Любовь Яковлевна Гуревич (1866-1940) — литературный и театральный критик, прозаик, переводчица, дочь известного педагога и историка Я.Г. Гуревича, — пожалуй, единственная настоящая друидесса в галерее

⁸ Советский энциклопедический словарь. Изд. 4-е. М., 1989. С.417.

⁹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1893. Т.11. С.193.

женских образов, нарисованных Волынским. Не случайно он выделил в характере Любви Яковлевны черту, которую назвал «мученической тенденцией», имея в виду ее потребность и способность жертвовать собой. Это качество, по его мнению, следовало использовать для осуществления высокой цели. Волынский приобрел в лице Гуревич преданную последовательницу и соратницу. Не случайно в самом начале их знакомства¹⁰ в письмах она обращалась к Акиму Львовичу не иначе как «Многоуважаемая звезда!».

Комплекс писем Л. Я. Гуревич к Волынскому¹¹ целостный и велик по объему. Письма весьма пространны, многостраничны; выдержки из них, расположенные по хронологии, воспринимаются как дневниковые записи.

В конце 1880-х Гуревич, выпускница-бестужевка, страстная поклонница Башкирцевой, охваченная «жаждой жить не в узких пределах личной жизни», с потребностью в духовном общении, радостно откликнулась на предложение Волынского стать членом литературного кружка.

25 октября 1887 г., СПб.

/.../ Интеллектуальная же моя жизнь так жадно ищет себе материала, так ищет людей, мне так тесно, так мало одной своей умств[енной] жизни, несмотря на ее напряженность, что этот кружок был бы для меня величайшим счастьем. /.../ Не думаю, чтобы было много людей так безмерно дорожащих симпатией, к[а]к я; в ответ на простую головную симпатию сердце мое наполняется такой радостной благодарностью, что часто я плачу горячей привязанностью, никому, собств[енно], не нужной /.../¹²

Вскоре в душе молодой девушки пробудилось подлинное чувство, и она со свойственным ей оптимизмом пыталась отыскать путь к сердцу Волынского, преодолевая при этом множество препятствий.

15 августа 1888 г.,

Большие Поляны Ряз[анской] губ[ернии]

/.../ Совесть моя не будет спокойна до тех пор, пока ты не скажешь твоей жене о нашей переписке, какою она была действительно. Если мои письма могут ввести ее в заблуждение пламенностью тона, если меня она не разберет вследствие моей запутанности — покажи ей *свои* письма ко мне; я дам тебе их для этого, в них ты весь налицо, и кто не поймет *тебя по этим письмам*, тот вообще никогда не сможет понять тебя /.../¹³.

18-19 августа 1888 г., Крюково.

/.../ Потому ч[то] такова сила моей любви к тебе, что во всех случаях, когда мы расходимся во мнениях, я добиваюсь того, чтобы оправдать перед собой твою точку зрения; и после

¹⁰ Точную дату знакомства — 23 сентября 1887 — Гуревич указала в письме к Волынскому от 23 сентября 1888. См.: РГАЛИ. Ф.95. Оп.2. Ед.хр.4. Л.46.

¹¹ Там же. Л.457.

¹² Там же. Л.3об.-4.

¹³ Там же. Л.7об.

труда, напряженных усилий я оцениваю твою точку зрения, становлюсь на нее и соглашаюсь /.../14.

22 августа 1888 г., Крюково.

/.../ Я думаю о тебе с чувством светлого восторга, радуюсь по-прежнему ежечасно твоему существованию на белом свете, точно все еще не могу привыкнуть к самой возможности таких людей, и ни на одну секунду не смущаюсь ничем. Мне нужно только видеть тебя, только говорить с тобой — это единственная мерка моему теперешнему и будущему счастью, единственное желание, не имеющее пределов по своей интенсивности и по своей неспостижимости /.../15.

23 августа 1888 г., Крюково.

Дорогой, милый, я перечла некоторые твои старые зимние письма, и опять на минуту почувствовала, что ты меня любишь, т[о] е[сть] как любишь /.../ Эти письма писаны зимою, но я так твердо знаю, что *ты* не мог измениться, хотя и не пишешь больше таких писем /.../ Я люблю тебя больше, горячее, восторженнее, чем ты меня, но твоя любовь дороже ценится, и потому я никогда не скажу тебе, что ты меня мало любишь, и не желаю ничего лучшего, ничего большего. /.../ В сущности, я очень гибкий и упругий ч[е]л[ове]к, я очень легко приспосабливаюсь к положению вещей и нахожу во всем хорошую сторону, и требую так немногого, что меньше и нельзя... /.../16.

2 сентября 1888 г.

/.../ Я приехала в Петербург исключительно для того, чтобы видеть /.../ тебя (я не могу, не умею гов[орить] «Вы», это *фальшиво* звучит в моих ушах, я не могу говорить серьезно и *непосредственно* на «Вы»; прочти то мое письмо, что в почтамте, и если после него не оставишь мне «ты», я, право, буду считать, что мне не для чего что бы то ни было говорить тебе, п[отому] ч[то] я лишена способности убеждать других в том, в чем убеждена сама) /.../17.

23 сентября 1888 г., СПб.

/.../ Не насилуйте себя, не делайте ничего *для меня*: не приходите ко мне из жалости к моей потребности видеть Вас. А я *даю слово* не беспокоить Вас совсем — ни письмами, ни разговорами — ничем, до тех пор, пока Вы не отдохнете¹⁸.

Со временем Л.Я. Гуревич пришла к выводу, что единственная для нее возможность быть всегда рядом с любимым человеком — делать с ним общее дело. Она пыталась сотрудничать с Волынским в качестве сек-

¹⁴ РГАЛИ. Ф.95. Оп.2. Ед.хр.4. Л.8об.

¹⁵ Там же. Л.14об.

¹⁶ Там же. Л.17, 17об.

¹⁷ Там же. Л.30.

¹⁸ Там же. Л.46об.

ретаря, потом — переводчицы при подготовке к изданию переписки Спинозы, но главное дело было впереди.

10 ноября 1888 г.

/.../ А теперь я убеждена, сознаю ясно и твердо, что истинная любовь должна рассеивать весь этот вздор и сосредоточиваться в том лучшем, которое есть во мне и кот[орое] нас сблизило: в деле, в занятиях /.../¹⁹.

17 апреля 1889 г.

/.../ Я горжусь Вашей любовью так, как никогда не сумею и м[ожет] б[ыть] даже не захочу Вам высказать... Какое мне дело до того, что будут обо мне говорить чужие мне люди: я так безумно горда тем, что Вы зовете меня в свой колокол, что Вы оказываете мне такое доверие. В чем препятствия, отделяющие меня от Вас? Их вовсе не существует. Я вся Ваша, я никому кроме Вас не давала никаких прав на себя.

Люба²⁰

Настоящим общим делом для Гуревич и Волынского стало издание журнала «Северный вестник». Годы работы в журнале — с 1891 по 1898 — наиболее сложный период их взаимоотношений. Когда Гуревич приобрела журнал, сделавшись одновременно его владелицей, издательницей и сотрудницей, она пригласила Волынского на должность главного редактора, предоставив, таким образом, страницы журнала для его выступлений. Взяв на себя всю тяжесть черновой организационной (не творческой) работы, Любовь Яковлевна показала себя настоящей друидессой, самоотверженной жрицей, положившей годы молодости, силы, энергию и состояние на алтарь своего кумира. Деятельности «Северного вестника» в литературе уделено достаточно много места. Отметим лишь, что подробную историю и оценку всех перипетий существования этого издания дала и сама Гуревич в очерке, посвященном журналу²¹.

12 июня 1892 г.

/.../ Если Вы, несмотря на мои усиленные просьбы не говорить о замене моей помощи в писании помощью наемных людей, все-таки утверждали, что Вам нужен другой, наемный человек, что так Вам будет удобнее /.../²².

8 апреля 1893 г.

Вы ведете себя относительно других, относительно друга, находящегося на краю отчаяния, как эгоист. Вы плохой, ненадежный товарищ... Боже мой, как мне трудно писать это... /.../ Вы глядите в небо, Вы живете, как птица небесная, и все это было бы высоко и светло, и все это было бы нормально /.../ при других

¹⁹ РГАЛИ. Ф.95. Оп.2. Ед.хр.4. Л.64об.

²⁰ Там же. Л.75об.

²¹ См.: Гуревич Л.Я. История «Северного вестника» // Русская литература XX века. М., 1914-1915. С.235-264.

²² РГАЛИ. Ф.95. Оп.2. Ед.хр.4. Л.76.

обстоятельствах. /.../ Я Вам повторяю, что еще через две недели журнал м[ожет] б[ыть] уже не будет существовать, п[отому] ч[то] я не могу вести его одна, п[отому] ч[то] я падаю от того множества черновой работы, которая приходится на мою долю, и от сознания своего одиночества. Я Вам говорю, что Ваша, м[ожет] б[ыть], единственная обязанность, жизненная обязанность этого месяца — вывести на новую дорогу, на дорогу порядка и прогресса наше дело, не дать мне отчаяться, поддержать мою уверенность в возможности прогресса перед моей последней поездкой /.../ Вы ведете себя к[а]к ч[е]л[ове]к слепой, увлеченный только своей ролью, Вы не проявляете ни капли *самоотвержения* по отношению к этому делу. Вы живете к[а]к младенец, к[а]к святой, к[а]к пророк. Но зачем мы тогда брались за *это* дело, требующее самоотвержения прежде всего, дисциплины, черного безрадостного труда.

Друг мой, никогда я еще не писала Вам так, к[а]к сегодня, никогда еще сердце мое не обливалось кровью, к[а]к теперь при виде недостатков друга и наставника. /.../ Ак[им] Льв[ович], еще раз повторяю: я не поеду в Москву, пока не увижу, не убежусь, что порядки у нас переменялись, что дело во внутреннем отношении поставлено на новые рельсы. Если Вы не сможете дать мне этой уверенности, я объявлю себя банкротом и покончу расчеты со своей жизнью²³.

Сложности работы в журнале усугубились обстоятельствами личного плана. З.Н. Гиппиус написала новеллу «Златоцвет», фабулой которой послужил ее роман с Волынским. Последний поместил это произведение в «Северном вестнике» за 1896 год. Гуревич писала Волынскому после появления в печати первой части новеллы, 19 марта 1896:

/.../ Вы написали мне на это письмо — длинное, литературное, с точными характеристиками окружающих нас людей. Больше всего места Вы уделили вопросу о Минском, «Златоцвете», Звягине, Кириллове. Сплетня, касающаяся Вас, несмотря на все ничтожество и пошлость, лишаящие ее всякого значения, захватила все Ваше воображение. Из всех вопросов и сообщений моих писем — это показалось всего важнее. И, не говоря ни единого слова по поводу подписки и гибели журнала, Вы даете советы относительно секретарей. А из всех скандалов — скандал «Златоцвета» (т[о] е[сть] сплетни и волнения, мелкие, ничтожные, заинтересованных людей по поводу этой повести) — это Вам показалось самым интересным во всех моих письмах. Я Вам пишу, что всё против нас, что мне не справиться одной, что я не имею возможности послать Вам денег... А Вы пишете, что Кириллов — это не Вы, что письмо Кириллова писали Вы, и еще что-то, много, длинно, красноречиво, о Кириллове, о Звягине... /.../²⁴

²³ РГАЛИ. Ф.95. Оп.2. Ед.хр.4. Л.84об.-87.

²⁴ Там же. Л.90-91.

Журнал просуществовал еще два года. После его закрытия Гуревич пережила глубокий кризис. При всей драматичности обстоятельств у нее не было и не могло быть чувства удовлетворения от сознания исполненности задуманного, как у Волынского, который успел сказать со страниц журнала то, что хотел. Прошло немало лет прежде чем Любовь Яковлевна снова «нашла себя», свое дело, ее имя приобрело известность в качестве театрального критика и историка театра. Переписка с Волынским продолжалась до начала 1920-х, но не так интенсивно. Письма Гуревич этого периода — это послания к коллеге и старому знакомому. Наряду с вопросами творческой деятельности, новостями из литературного и театрального мира, в своих письмах Любовь Яковлевна писала о домашних делах, о здоровье, об общих знакомых.

***

Имя Зинаиды Николаевны Гиппиус (в замужестве Мережковская, 1869-1945), поэтессы, литературного критика и прозаика, наиболее громкое среди героинь Волынского. Ей, так же, как и Гуревич, посвящена отдельная статья под № 3. Автор озаглавил ее «Сильфида» — фея, пленительный дух воздуха. З.Н. Гиппиус по «классификации» Волынского — классическая амуретка. Такой он запечатлел ее в очерке, так оценивал ее творчество на страницах «Северного вестника» с 1891 по 1898 год — годы становления ее дарования и их тесного общения.

В 1891 он так высказывался о первых шагах Гиппиус в литературе:

Госпожа Гиппиус еще только начинающая писательница. При всей незаконченности, эскизности того, что ею напечатано, нельзя сомневаться в ее оригинальном и красивом таланте. От этих крошечных очерков²⁵, как от молодого цветка, веет свежестью и ароматом. Критике здесь делать почти нечего, но глазу приятно отдыхать на прозрачных воздушных рисунках, сделанных с такою предумышленною грациею, такими кокетливо-капризными и кокетливо недоконченными штрихами. «Одинокий», конечно, безделушка, но и в нем в двух-трех местах вспыхивает такая мягкая, такая душистая краска поэзии! Именно *тела* и *крови* нет в беллетристических начинаниях г-жи Гиппиус! /.../ Конечно, это искусство. Конечно, это искусное гранение изящных литературных вещей, но... но это не литературная *дорога*, не литературное *дело*²⁶.

В 1898, в последних книжках журнала Волынский писал об уже сформировавшейся писательнице и поэтессе, писал, что суть ее искусства осталась неизменной как в прозе, так и в поэзии:

²⁵ Гиппиус З.Н. Одинокий // Вестник Европы. 1891. №4-5.

²⁶ Волынский А.Л. Литературные заметки // Северный вестник. 1891. №6. С.209.

Рассказы и новеллы г-жи Гиппиус²⁷ полны суетного шелеста и шороха подбитых шелком платьев, но в них не звучат живые, разнообразные человеческие голоса. /.../ Ее люди — призраки, которыми она населяет тонко воспринимаемую и детально описываемую ею природу. Ее стиль, играющий в изящную простоту, с отдельными острыми штрихами, является естественным выражением этой своеобразной, но односторонней писательской натуры. /.../ Ее стихи, как и ее беллетристические произведения, не обнаруживают в ней того деятельного, пытливого духа, который, постоянно соприкасаясь с жизнью, улавливает ее внутренний смысл и ее содержание, чтобы затем показать их в чудесном преображении на горней высоте настоящей поэтической правды²⁸.

Волынский, считая себя сторонником истинного символизма и идеализма (в отличие от символистов, ложно, по его мнению, понимавших то и другое), ценил творческий труд, бездушные отталкивало его. Такая позиция заставляла его высоко оценивать искусство Гиппиус, но при этом отрицать наличие у нее «большого литературного таланта»²⁹. Отрывки из критических заметок Волынского сами по себе очень лиричны, автор был очарован поэзией произведений, о которых писал. Он постоянно держал в поле зрения творчество Гиппиус. Но в конце заметок всегда бескомпромиссный критик в нем оттеснял лирика. Так было в 1891: «Литературными достоинствами эти произведения не обладают»³⁰; и в 1898: «/.../ Талант ее кажется мне уже совершенно законченным, застывшим и безвозвратно искаленным. Ее погубила сухая рассудочность и манерность»³¹.

Аналогично, судя по его очерку, Аким Львович оценивал человеческие качества З.Н. Гиппиус. Подробнее история их взаимоотношений рассматривалась в специальной публикации³².

***

Ида Львовна Рубинштейн (1885-1960) — наиболее «загадочная» из героинь очерков Волынского, по его собственному определению «вся секретная и запечатанная». Действительно, известные факты ее биографии немногочисленны. Дочь богатых родителей, жила на попечении тетки в Москве, с детства мечтала о театре. По окончании Московского драматического училища, куда поступила вопреки воле родителей, про-

²⁷ Гиппиус З.Н. Зеркала. СПб., 1898.

²⁸ Волынский А.Л. Критика и библиография // Северный вестник. 1898. №8-9. С.243, 245-246.

²⁹ Там же. С.242.

³⁰ Волынский А.Л. Литературные заметки // Северный вестник. 1891. №6. С.208-209.

³¹ Волынский А.Л. Критика и библиография // Северный вестник. 1898. №10-12. С.225.

³² См.: Письма З.Н. Гиппиус к А.Л. Волынскому / Публикация А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой // Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. М.; СПб., 1993. С.274-341.

бовала свои силы не только в драматических спектаклях, но и как танцовщица, позже снималась в кино.

Стоит отметить, что хотя Ида Львовна тяготела к драматической сцене, наиболее яркие страницы ее творческой биографии связаны с балетом. Не исключено, что определенную роль здесь сыграл А.Л. Волынский. Их знакомство в доме Озаровских произошло в разгар «театрального периода» в творчестве критика. Волынский был полон идей о создании нового театра «высших идеологических поучений». Его попытка воплотить свои мечты, работая в театре В.Ф. Коммиссаржевской, закончилась неудачей. И вот знакомство с Рубинштейн: перед ним удивительно красивая, очень богатая молодая девушка, склонная к экзальтации, она делится с ним планами играть трагических античных и библейских героинь. Не исключено, что мысль о переустройстве современного театра и создания храма для служения Мельпомене была подсказана двадцатилетней будущей актрисе именно Волынским. Так или иначе, сохранившиеся многочисленные письма И.Л. Рубинштейн к Волынскому за 1906-1907³³ свидетельствуют о том, что она была захвачена этой идеей, ставшей их общей жизненной целью.

Аким Львович обладал даром увлекаться высокими идеями и зажигать ими других. Основные темы переписки его с Идой Рубинштейн так или иначе касались театра.

Письма Рубинштейн — это послания к духовно близкому человеку. Она пыталась найти и осмыслить свое место в театральном мире, обсуждала с Волынским роли, которые хотела бы сыграть, просила его приехать и посмотреть ее выпускные спектакли в училище.

13 января 1906 г.

Я была так рада Вашему письму, оно было светлым приветствием отсюда, из нашего мира. Я ясно сознаю всю бессмыслицу моего пребывания здесь. Сама не понимаю, отчего мне так трудно решиться бросить училище. Ленский готовит из меня только актрису, но не ту, которая должна впоследствии осуществить мою мечту. Меня тянет назад, к нашей работе. Во мне что-то горит, и теперь уж я покоя знать не буду; мне бы хотелось раскрыть свою душу и обнять всю красоту в мире. Я хочу одного, все мысли, все чувства мои в одном, я вся, вся в этом. О, если бы побольше сил! Я, может быть, не то пишу, что хочу сказать; я предупреждала, что писать не умею, говорить легче³⁴.

[Январь 1906].

Мне хотелось бы переговорить с Вами относительно Электры. Я прочла ее. Какая вещь! Я не хочу, чтобы кто-нибудь ее играл до меня, мне так хочется играть ее³⁵.

³³ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.764. Л.1-206. Кроме того, имеется несколько писем Волынского к Рубинштейн за тот же период, в основном это черновики: Там же. Ед.хр.217. Л.1-10.

³⁴ Там же. Ед.хр.764. Л.97-98об.

³⁵ Там же. Л.199-199об.

[Январь 1906]

Вы ушли, и я не успела сказать Вам того, что всего важнее и что так хотелось сказать. Я буду играть Электру, я безумно хочу ее играть. Мне все равно где и как, лишь бы быть Электрой. Вы знаете, я так ее люблю, что только о ней и думаю и больше ни о ком. Она будет, должна быть, иначе жить не стоит³⁶.

23 марта 1907 г.

Я буду рада, если Вы приедете на мои экзамены. Играю я: 26 марта — «Последнюю волю» Нем[ировича]-Данченко; 28-го м[арта] — «Сарданал»; 30-го м[арта] — «Ричард III» (Анну); 1-го апреля — «Зимнюю сказку»; 8-го апреля — «Макбет» и «Марию Стюарт». Если Вы не раздумали, дайте мне знать, и я приготовлю Вам билеты. /.../ Играю я по одному акту из каждой пьесы³⁷.

Но главная тема переписки — это их будущий театр! Мечты о нем, совместные занятия, встречи, разговоры, обмен книгами, посещения театров и музеев, обсуждение совместных поездок за рубеж — в первую очередь в Грецию, на родину античного театра (планировалась совместно с Озаровскими), да и сама переписка — все это было необходимыми составными частями выполнения грандиозного замысла.

[25 января 1906]

Когда я живу интенсивнее, когда будущее лучезарное кажется мне близким, достижимым, когда все внутри меня поет, мне легче говорить с Вами. Легче сказать Вам, как я люблю театр, тот, будущий, я верю! В нем будет гореть огонь вечный, ярко, страшно ярко, надо, чтобы он зажег весь мир. И даже не то, что я могу сказать Вам, гораздо глубже, гораздо радостнее. В словах этих нет правды. И у меня нет слов. На днях, должно быть, буду в Петербурге, тогда дам Вам знать. Вы ведь заедете?³⁸

[1 февраля 1906]

Отчего Вы говорите, что боитесь, что письма Ваши нарушают мой покой. Это не то! Они действительно волнуют меня, но волнуют потому, что в них поют те же струны, которые дрожат и в моей душе; потому что, когда я читаю их, я верю, верно! Я вся проснулась, в душе моей такой голос чувств: и горя, и радости, и блаженства, и огорчения — и все это несущее туда, в наш будущий театр!³⁹

[Февраль 1906]

Сегодня мы будем заниматься. Душа моя раскрыта, буду слушать. Говорить еще нельзя, т.е. можно «чуть-чуть»⁴⁰.

³⁶ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.764. Л.100, 100об.

³⁷ Там же. Л.49-50.

³⁸ Там же. Л.128, 128об.

³⁹ Там же. Л.4-5.

⁴⁰ Там же. Л.94.

13 февраля 1906 г.

Вчера, когда мы говорили с Вами в театре, я подумала о том дне, когда «Антигону» будут играть в нашем театре. Мне было больно от радости, мне хотелось сказать Вам это, но кругом было так светло, страшно было говорить об этом⁴¹.

[1906-1907 гг.].

Мне так хочется начать заниматься! Не зайдете ли Вы завтра в Эрмитаж в 12 1/2. Я буду в зале Rembrandt'a. Мы переговорим насчет наших занятий, т.е. назначим день и час⁴².

[1906-1907 гг.].

Аким Львович, я вчера забыла Вам сказать, что сегодня буду в Эрмитаже. Не придете ли? Во всяком случае, около 2 ч[асов] я буду в зале Рафаэля⁴³.

[Весна 1906 г.]

У меня в душе и в голове Греция и Индия...⁴⁴

10 мая 1906 г.

О нашем путешествии я думаю и днем и ночью; я жду его, я верю в его значение, в его необходимость для меня, в то, что оно — есть путь к нашему театру «Монументальный». Я могу ехать в это лето в Грецию или никогда. Еще могу я ехать в Палестину, хочу одну ночь смотреть на звезды там. Я стану ясной и безумной, тогда будет пора! Рыдания этой ночи я принесу в наш театр и безумный восторг эллинской ночи. Вы знаете, я будущей весной хочу играть Антигону, Кассандру, Ребекку и Саломею; я Вам все это расскажу, когда Вас увижу⁴⁵.

11 мая 1906 г.

К сожалению поездка Озаровских в Грецию расстраивается⁴⁶.

7 мая 1907 г.

Верю, впереди нас ждет счастье безмерное⁴⁷.

Грандиозному замыслу Волынского не суждено было осуществиться. О конкретных шагах, предпринятых для выполнения их общего замысла, ничего не известно. Судя по сохранившейся переписке, пути их разошлись осенью 1907. Сохранились письма Волынского, в которых он строит планы совместной жизни, прося разрешения назвать Рубинштейн своей невестой.

---

⁴¹ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.764. Л.14, 14об.

⁴² Там же. Л.128, 128об.

⁴³ Там же. Л.167, 167об.

⁴⁴ Там же. Л.202.

⁴⁵ Там же. Л.17-18.

⁴⁶ Там же. Л.20, 20об.

⁴⁷ Там же. Л.66.

[Сентябрь 1907 г.]

Моя божественная Ида. Приезжайте, нельзя жить без Вас. Я думаю о нашем театре и о нашем журнале: вот тот «дом», в котором мы будем жить, соединенные великим делом, выражением великих чувств и еще неслыханной на земле солидарностью. Не будем, милая Ида, бояться слов и намерений, столь затасканных в обыкновенной жизни: в нашей жизни все это будет и значительно, и красиво. Бог готовит нам, он отец. Он вел куда-то, зажег огонь и когда открыл — покинул; все мои силы поставил перед Вами. Твоя родная, твоя невеста, твоя любовь! Это так, Ида! Будет вечно. Настоящая форма жизни, в которой красота Ваша расцветет еще ярче в дни наши, нашими общими восторгами, расцветет быстро и широко. Идем вперед, будем жить. Разрешите мне, Ида, назвать Вас своею невестою. С радостью в душе, с мучительнейшим в мире благоговением целую Вашу карточку и жду. Пришлите мне два спешных слова. Ваше намерение даст мне источник счастья⁴⁸.

[Сентябрь 1907 г.]

Мне бы так хотелось получить от Вас несколько строк. Кажется, что Вы еще страшно далеко. Если верить моим ощущениям, что-то сильное сделалось между нами, нечто Вами как бы предвиденное и признаваемое. Страдания куют нерасторжимую цепь отношений и чувств лучше всяких слов, вернее всякой любви, цепь невидимую, прекрасную. Так ли я говорю? Имею ли я право думать, мой Бог, моя Красота, что сердце слушает мой бред с Вашей ласковой улыбкой? Пришлите одну строчку, два слова. Напишите мне. Я буду счастлив⁴⁹.

Намерения Иды Львовны не совпадали с планами Волынского, она ответила очень коротко:

[Сентябрь 1907 г.]

Я не могу идти рядом с кем бы то ни было. Я могу идти только одна⁵⁰.

Аким Львович был оскорблен:

[Сентябрь 1907 г.]

Из уважения к тому светлomu и хорошему, что было между нами, я не могу оставить у себя Вашего письма! Оно звучит, как оскорбление. Оно противоречит тому, что Вы говорили, и тому, что говорил я. На мои слова Вы отвечали: «Да», п[отому] ч[то] слова эти были из тех, за которые я дал бы себя распять; и Вы понимали их объективность. Я не получил этого письма. Оно — от того беса, над которым Вы весело смеялись. Так позвольте

⁴⁸ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.217. Л.10.

⁴⁹ Там же. Л.8-9.

⁵⁰ Там же. Ед.хр.764. Л.113.

же, милая Ида Львовна, и моему бесу написать Вам эти последние строки⁵¹.

Аким Львович предполагал, что встретил наконец ту, которую искал, — настоящую друидессу, талантливую, редкостно красивую, сказочно богатую, разделившую его стремления. Но она обернулась для него Пандорой⁵². Аналогия с мифологическим персонажем для Волынского была ясна: его героиня, щедро наделенная всеми дарами богов, принесла ему лишь соблазны и несчастья, подшутила над ним и, как Пандора, захлопнула крышку своей шкатулки, оставив на ее дне надежду на лучезарное будущее.

И.Рубинштейн не видела причин для прекращения знакомства, она писала, поясняя свою записку — ответ на предложение Волынского:

21 сентября [1907 г.]

Вернулась домой и нашла Вашу записку. Только не надо было мне так писать. Быть может, потом, когда-нибудь, но не теперь. Мне стало жутко оттого, что дар Ваш слишком велик. Письмо прекрасно, но в нем не говорится о чуде, предвестником которого является Ваше писание, не говорится о минуте, которая разом смоет все Ваши муки и страдания! В это чудо надо верить, иначе зачем жить? Я верю, что придет какое-то безумное счастье!⁵³

Видимо, встречи Волынского и Рубинштейн сразу не прекратились, так как сохранились более поздние письма и записки Иды Львовны, из которых явствует, что они какое-то время продолжали лелеять свою мечту, но в посланиях уже не было былого восторга и оптимизма (угасавших с той и другой стороны).

Вот одно из писем Рубинштейн, в конце которого приписка: «Простите, на письмо капала вода».

2 октября 1907 г.

Мне так грустно, что надо лежать и нельзя заняться. Никогда еще так не хотелось работать, как теперь. Завтра, я думаю, можно будет встать. Если так, то мы будем заниматься. Если Вы хотите. Отчего Вы грустите? Можно ли без веры начинать?.. Я тут чего-то не понимаю. Сегодня я бы многое написала. Да уж очень неудобно лежа писать. Я верю, верю, что то, что должно быть, — будет. И если нет веры, то нельзя идти, оттого что темно, нет света, нет сил⁵⁴.

В дальнейшем связь И.Л. Рубинштейн и А.Л. Волынского с театром, и в первую очередь с балетным, не оборвалась.

⁵¹ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.217. Л.7.

⁵² Пандора — всем одаренная (*греч.*).

⁵³ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.764. Л.154-155об.

⁵⁴ Там же. Л.54-55.

Волынский вскоре приобрел известность как балетный критик (с 1910 долгое время он вел соответствующий отдел газеты «Биржевые ведомости»), утверждая со свойственным ему пылом идею о том, что современный балет должен основываться на древнегреческих корнях.

Ида Рубинштейн в конце 1907 начала заниматься с М.М. Фокиным, который взялся поставить для нее «Танец семи покрывал» для роли Саломеи в пьесе О.Уайльда. Пьеса готовилась к постановке в театре Комиссаржевской и в Михайловском театре, но была запрещена цензурой почти перед премьерой. Что касается танца Саломеи, он был поставлен, впервые исполнен на специально организованном для этого вечера (а позже за границей) и имел большой успех. Фокин был поражен энергией и настойчивостью Рубинштейн, которые во многом помогли ему решить необыкновенно сложную задачу: создать одновременно танец и танцовщицу. Летом 1908 они продолжали работу в Швейцарии («Саломея»), а через год — в Италии («Клеопатра», «Шахерезада»), с которыми участвовали в «Русских сезонах» в Париже. Фокин критически, но достаточно высоко оценил работу И.Рубинштейн на балетной сцене: «Тонкая, высокая, красивая, она представляла интересный материал, из которого я надеялся "слепить" особенный сценический образ. Если эта надежда не совсем оправдалась при постановке "Саломеи", то в "Клеопатре" и "Шахерезаде" получилось то, что представлялось мне с первых моих уроков с И.Л. Рубинштейн. /.../ Об исполнении И.Л. Рубинштейн и о постановке ее роли хочу сказать, что это удивительное достижение: большой силы впечатления [она добивалась. — Публ.] самыми экономными, минимальными средствами. Все выражалось одной позой, одним жестом, одним поворотом головы. Зато все было точно вычерчено, нарисовано. Каждая линия продумана и прочувствована. /.../ Какая сила выражения без всякого движения! /.../ Это я считаю одним из удачейших осуществлений мечты о новом балете»⁵⁵.

В 1928-1935 годах И.Рубинштейн организовала собственную труппу и выступала с ней в Европе. С началом войны она покинула сцену, занималась благотворительностью, а в последние годы жизни приняла католичество, жила затворницей в Вансе, помогая бедным⁵⁶.

***

Четвертый очерк А.Л. Волынского посвящен сразу семи женщинам. Из них писательница Луиза (Лу) Густавовна Саломэ (1862-1938), пожалуй, наиболее яркий «цветок» в «букете» Волынского. «Если верить слухам, ходившим о ней в Риме, это была интеллигентная авантюристка, может быть, даже слишком предприимчивая, вроде Марии Башкирцевой»⁵⁷.

⁵⁵ Фокин М.М. Против течения: Воспоминания балетмейстера. М.; Л., 1962. С.221, 245.

⁵⁶ См. Шайкевич А. Ида Рубинштейн: К 1-ой годовщине смерти балерины // Русские новости (Париж). 1961. 18 августа.

⁵⁷ Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. Новосибирск, 1992. С.143.

Дочь генерала, находившегося на русской службе, детство и юность она провела в Санкт-Петербурге. Для получения образования будущая писательница уехала в Европу, где в дальнейшем жила постоянно. В 1887 она вышла замуж за профессора-востоковеда Ф.К. Андреаса.

Среди предков Андреас-Саломэ были французы, немцы, датчане, но родилась она в России и никогда не забывала об этом. Хотя, как она признавалась в «Воспоминаниях о былом»: «Жизнь подлинной России была мне едва ли знакома...»⁵⁸ Деятельность Луизы Густавовны по пропаганде идей русской литературы на Западе сделала ее посредницей между русской и европейской культурой.

Исследователи творчества писательницы в один голос отмечали незаурядность ее личности, суть которой, в частности, заключалась в том, что «она сосредоточивала в себе важные токи эпохи, обладая удивительным чутьем к ним, притягивая к себе значительных, ярких людей, среди которых в разные годы ее жизни были Г.Гауптман, Ф.Ницше, Р.М.Рильке, З.Фрейд»⁵⁹. Независимость этой женщины, сторонницы женской эмансипации, сквозила и в ее внешнем облике, манере одеваться. У писательницы С.Н. Шиль, близко знакомой с Андреас-Саломэ, запечатлелась в памяти «крупная и немного грузная фигура Луизы Густавовны в одежде "tefogme" собственного шитья и странного цвета»⁶⁰.

В 1890-е статьи Андреас-Саломэ о русской культуре привлекали внимание читающей публики в Германии. Она сотрудничала в популярных немецких журналах «Neue Deutsche Rundschau» и «Freie Bühne». Статьи отличались остротой постановки философских, религиозных, этических проблем. Луиза Густавовна была увлечена деятельностью народников, идеями Толстого, выступала за духовное освобождение женщин. Живя в Германии, она имела постоянную связь с Россией, в первую очередь, в области литературы. В частности, Андреас-Саломэ сотрудничала с журналом «Северный вестник» в последние годы его существования (1896-1898).

Волынский, видимо, как главный редактор журнала вступил в переписку с автором заинтересовавшей его книги о Ницше с целью ее публикации в журнале в русском переводе, что и было весьма оперативно сделано⁶¹. Личное знакомство с писательницей, как указывал Волынский, произошло в редакции не ранее конца 1885. Затем последовало приглашение навестить Лу Андреас-Саломэ в Баварии, что Волынскому удалось осуществить летом 1897. По возвращении Аким Львович поместил в «Северном вестнике» цикл литературоведческих статей Андреас-Саломэ: «Современные писательницы (Австрийские романистки)»⁶²; «Драма

⁵⁸ Andreas-Salome L. Lebensrückblick. Frankfurt a.M., 1979. S.61.

⁵⁹ Березина А.Г. Поэзия и проза молодого Рильке. Л., 1985. С.97.

⁶⁰ Цит. по кн.: Рильке Р.М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи / Вступительная статья К.Азадовского и Л.Черткова. М., 1971. С.368.

⁶¹ См.: Андреас-Саломэ Л. Фридрих Ницше в своих произведениях: Очерк в 3-х частях // Северный вестник. 1896. №3-5.

⁶² Северный вестник. 1897. №11.

”Молодой Германии“ (Гауптман, Гальбе, Гаршфельд)»⁶³; «Современные писательницы (Германские романистки)»⁶⁴.

Любопытным результатом знакомства двух литераторов, запечатлевшим отчасти содержание их бесед, споров, размышлений, явился небольшой очерк, написанный ими в соавторстве. История создания очерка под названием «Амоуг» (с подзаголовком «Романтический набросок»⁶⁵) была изложена в авторском предисловии. «Этот набросок, предлагаемый на суд снисходительных читателей, создан не совсем обычным способом. В беседе двух литературных знакомых возникла мысль передать в повествовательной форме летучие настроения, сопутствующие тяжелым жизненным драмам. Один из них тут же стал слагать в небольшую цельную вещь отдельные подробности намеченной темы, которые, казалось, могли быть допущены в непритязательном беллетристическом произведении. Другой передавал на бумаге возникающие черты рассказа. Так написались эти несколько страниц, которые в черновом виде подверглись тщательной обработке»⁶⁶. Содержание «романтического наброска» таково: два попутчика едут в поезде и беседуют о любви. Бегло нарисованные портреты «романтика» Сергея Дмитриевича и «реалиста» Адриана Петровича позволяют угадать за ними соответственно Волынского и Андреас-Саломэ. В споре вырисовывается внутренний облик каждого, в соответствии с принятым «амплуа» они высказываются на «вечную» тему:

Адриан Петрович: «Любовь всегда одинакова, она живет мгновениями, много-много — часами: загорается, потом затухает. Такова она была от рождения времен, такой она и должна быть — случайной, летучей...

— Нет, вечной! — острым фальцетом воскликнул Сергей Дмитриевич. — Вечною, до смерти. Но для этого надо жить любовью, не разлучаться, отдаваться ей, служить ей — и ничему другому. Ничему и никому, ей одной»⁶⁷.

Отрывок из процитированного звучит как эпитафия к друидо-амуреточной теории Волынского!

Одновременно Волынский поместил в «Северном вестнике» два очерка «В купе»⁶⁸ и «У Палкина»⁶⁹, которые заслуживают того, чтобы вспомнить о них здесь. Аналогичные по форме очерку «Амоуг», построенные как диалоги попутчиков в поезде и застольная беседа в известном петербургском ресторане, по содержанию они составляют единое произведение — это беседы о Достоевском, Толстом, Гоголе, творчество которых интересовало Волынского. Но упомянуть об этих очерках следует в первую очередь потому, что в «В купе» и «У Палкина» имеют прямое отношение к теме настоящей публикации. Подобные статьи-рассказы с описанием

⁶³ Северный вестник. 1898. №2.

⁶⁴ Там же. №3.

⁶⁵ Там же. 1897. №9.

⁶⁶ Там же. С.1.

⁶⁷ Там же. С.2.

⁶⁸ Там же. №9.

⁶⁹ Там же. №10.

реальных жизненных ситуаций, встреч, с портретами героев повествования — его современников, изложением содержания их бесед о литературе, философии, морально-этических проблемах и т.п. — не являются критическими статьями в чистом виде, «фельетонами», как называл их автор. В них просматриваются элементы художественной прозы, мемуарного повествования. В творчестве Волынского — это мостик, соединяющий его многочисленные «фельетоны» и более поздние портретные очерки-статьи.

***

«Дева-Революция» — образ блоковской лирики (см. одноименное стихотворение 1906), навеянный личностью Марии Михайловны Добролюбовой (1880-1906).

Семья Добролюбовых пользовалась известностью в литературных кругах, интерес многих их восьми детей действительного статского советника М.А. Добролюбова находились в сфере религии, литературы и общественной деятельности. Наибольшей известностью пользовался старший брат Александр Михайлович Добролюбов (1876-1944?) — поэт-символист, духовные искания которого стали причиной его «ухода в народ», многолетних странствований с проповедью своих взглядов, создания в 1906 в Поволжье секты «добролюбовцев».

Мария Добролюбова, будучи также личностью неординарной, испытывала на себе влияние брата. Выпускница Смольного института, она окончила педагогические классы при нем, а позже — медицинские курсы; она писала стихи, посещала Религиозно-философские собрания, преподавала в организованной ею школе для детей бедняков. Вернувшись в 1905 в Петербург с русско-японского фронта, где добровольно работала сестрой милосердия, примкнула к партии эсеров, включилась в агитационно-пропагандистскую деятельность. Вскоре была арестована, несколько месяцев пробыла в тюрьме, а после освобождения впала в состояние тяжелой депрессии и через месяц скончалась при невыясненных обстоятельствах.

А.Л. Волынский познакомился с Машей Добролюбовой, видимо, незадолго до ее смерти. Не случайно это знакомство было связано в его памяти с театром В.Ф. Коммиссаржевской (1904-1907), открытым в Петербурге, главным образом, для демократической интеллигенции: в годы первой русской революции театр притягивал ее к себе, а сборы от спектаклей нередко использовались на нужды революционных кружков. Субъективное мнение Волынского об этой девушке, как об исключительно гармоничном человеке, отличающемся удивительной внешней красотой и внутренним совершенством, полностью совпадает с высказываниями современников о ней. Например, петербургский корреспондент «Русского слова» А.В. Руманов называл ее «удивительной святой девушкой»⁷⁰.

Личность и судьба М. Добролюбовой нашли отражение в литературе. Как уже говорилось выше, она вдохновляла А.Блока; Волынский упоминал в своем очерке роман Осипа Дымова; назовем еще одно произведе-

⁷⁰ См.: РГАЛИ. Ф.1694. Оп.2. Ед.хр.3. Л.2.

ние — рассказ Л.Семенова «Проклятье»⁷¹. Поэт, революционер, общественный деятель (его политические симпатии сначала колебались между марксистами и эсерами, позже он пришел к «левому народничеству»), внук известного географа Леонид Дмитриевич Семенов-Тянь-Шанский (1880-1917) был близко знаком с Марией и Александром Добролюбовыми. В 1906 он был арестован за пропаганду революционных идей в среде крестьянства, а по выходе из тюрьмы узнал о смерти Маши Добролюбовой — его невесты. Л.Семенов пережил тяжелейший кризис, отказался от литературного творчества, общественной деятельности, пытался найти себя в религии. З.Н. Гиппиус писала, что он кончил «опрошением» по А.Добролюбову⁷². Героиня рассказа Семенова, написанного в наиболее сложный для автора период, — девушка по имени Серафима «такой красоты, что я был поражен»⁷³. В конце рассказа автор описал смерть Серафимы. Эту сцену следует рассматривать как его версию загадочной гибели Маши Добролюбовой.

Последние дни ее были ужасны. Ее арестовали. Ее возили жандармы из города в город. Ее ни на шаг не отпускали от себя. Ее!..

Она металась. Она бредила... Ей снились палачи, виселицы. Ее преследовали галлюцинации. Солдаты, которые *всех* расстреливают.

«*Всех* расстреливают. Вы подумайте об этом. Какой ужас смерти в палачах, в судьях... и сколько их темных, несчастных... — срывалось у ней в письмах. — Отчаяние бесконечное, бездонное, и писать трудно, и никому не говорю... и мы точно сбились с пути все... и скользим, скользим...».

Она металась, она спешила, она бегала по людям, она хотела все что-то сделать, что-то сказать, остановить всех...

Она умерла⁷⁴.

Существуют и другие предположения относительно гибели М.Добролюбовой: сердечный приступ во время эпилептического припадка или самоубийство девушки — члена боевой группы эсеров, нарушившей приказ совершить террористический акт. Волынский тоже склонялся к версии самоубийства. Возможно, что он связывал гибель Маши с осуществлением учения ее старшего брата. Известно, что идея самоосвобождения личности «от силы условий мирских», проповедь красоты смерти привели А.Добролюбова к выводу о том, что наиболее полным осуществлением свободной воли человека является самоубийство. Существуют свидетельства, что среди его последователей были самоубийцы⁷⁵.

⁷¹ Трудовой путь. СПб., 1907. №1.

⁷² См.: Гиппиус З.Н. Стихи. Воспоминания. Документальная проза. М., 1991. С.119.

⁷³ Трудовой путь. СПб., 1907. №1. С.2.

⁷⁴ Там же. С.27.

⁷⁵ См.: Русская литература XX века (1890-1910) / Под ред. С.А. Венгерова. М., 1914. Т.1. Кн.3. С.266.

Остальные героини очерка «Букет» представлены автором довольно схематично, в основном, как «хозяйки гостеприимных для него домов». Правда, каждая из них оставила больший или меньший след в литературе и сотрудничала с Волынским в этой области. Об их взаимоотношениях известно немного, расширить наши знания позволяют письма Е.А. Грековой⁷⁶, Т.Л. Шепкиной-Куперник⁷⁷, Е.Г. Бердяевой⁷⁸, М.А. Лохвицкой-Жибер⁷⁹, Н.Н. Кульженко⁸⁰, хранящиеся в РГАЛИ.

Елена Афанасьевна Грекова писала в автобиографии:

Я сибирячка, родилась в Сибири, в Иркутске, в казачьей семье /.../. В Петербурге я поступила на Высшие женские курсы, бывшие Бестужевские, на историко-филологическое отделение, которое и окончила. На втором курсе я сочетала свою судьбу с судьбой безвестного тогда врача Ив[ана] Ив[ановича] Грекова, теперь профессора, хирурга. На третьем курсе я написала рассказ «Николай Николаевич», который [был] чрезвычайно одобрен Н.К. Михайловским и В.Г. Короленко. Михайловский даже сказал, что он чуть не заплакал над последней страницей. Рассказ был напечатан в «Русском богатстве». В этот же период я напечатала рассказ «Долг» в «Образовании» и «Сокрушенные силы» в «Сибирских вопросах». В последующие годы под тяжестью семьи и материнства забросила перо⁸¹.

Пауза в литературной деятельности Е.А. Грековой продлилась 10 лет. Лишь в 1911 вышел в Петербурге ее первый сборник рассказов. В дальнейшем также в Петербурге появились в печати ее книги: «Кусочек голубого неба» (1916), «Богатырь» (1921), «Душа Сибири» (1923). Грекова пробовала свои силы и как романистка.

Дружеские отношения Грековой и Волынского, по всей видимости, начались в период, предшествовавший возвращению Елены Афанасьевны к творчеству, и не прерывались, судя по ее письмам, до середины 1920-х. В 1910 Грекова написала и отправила для редактирования Волынскому статью об Н.Г. Молостове, для сборника его памяти, который готовил к изданию Аким Львович⁸². В 1916 он получил от Елены Афанасьевны ее второй сборник, который был послан ею «на строгий и проникновенный»⁸³ суд критика. А через два года, оценив способности писательницы, Волынский пригласил ее сотрудничать в «Биржевые ведомости», на что Елена Афанасьевна с радостью согласилась.

⁷⁶ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.449. Л.1-30.

⁷⁷ Там же. Ед.хр.924. Л.1-56.

⁷⁸ Там же. Ед.хр.336. Л.1-6.

⁷⁹ Там же. Ед.хр.616. Л.1-14.

⁸⁰ Там же. Ед.хр.575. Л.1-8.

⁸¹ Там же. Ф.341. Оп.1. Ед.хр.270. Л.69-70.

⁸² См.: Там же. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.449. Л.1-3, 19, 190б.

⁸³ См.: Там же. Л.21, 210б.

7 июня 1918 г. Галерная 63, кв.2. Редакция «Биржевых ведомостей», литературный отдел. А.Л. Вольнскому
Глубокоуважаемый Аким Львович,
с удовольствием принимаю Ваше и г.Проппера предложение предоставлять для напечатания в утренних «Биржевых ведомостях» мои беллетристические очерки. Подходящий материал буду присылать Вам.

С совершенным уважением Елена Грекова⁸⁴.

Есть основания предполагать, что Елена Афанасьевна поверяла Вольнскому свои творческие замыслы, советовалась с ним. Так, в начале 1920-х она сообщала, что «заработалась, жила в своем романе»⁸⁵. Отрывок из этого, видимо, так и не написанного, романа можно прочитать в альбоме В.И. Анненского-Кривича рядом с автографами А.Блока, М.Горького, А.Н. Толстого и многих других. Вот этот отрывок:

Жив человек, пока светит солнце, жив таинственный мир, жива пышная многогранная природа, созданная рукой Зачинателя. Если одним суждено погибнуть и уйти в потустороннюю неведомую даль, другие, живущие, чувствующие, страдающие и наслаждающиеся, останутся вместе с побеждающей гармонией и красотой. Они будут жить, и на месте старого разрушенного дома выстроят новый, светлый, гостеприимный, хлебосольный дом.

Из ненапечатанного романа «В эпоху революции».

29-30 мая 1922 г. Елена Грекова⁸⁶.

Грекова в письмах почтительно называла Акима Львовича своим «учителем и наставником», восхищалась его работами, анализировала их, интересовалась мнением критика о своих произведениях. Стиль писем Грековой выдает натуру экзальтированную, а излишняя восторженность заставляет временами даже сомневаться в искренности автора. Приведем несколько отрывков, где Елена Афанасьевна писала о творчестве Вольнского.

20 сентября [не ранее 1905 г.]

/.../ В «Русских критиках» в статье об Аполлоне Григорьеве Вы говорите, что он «любил литературу с полной беззаветностью, считал ее высшим из земных дел человека». Так же любили Вы литературу во время всей своей деятельности. Это именно любовь талантливой, могучей души, любовь мученика и апостола наполняет Ваши живые, яркие, вдохновенные книги. Вы отдали своей единственной богине свою сильную душу, свои выстраданные и столь близкие к небесному, возвышенные идеи,

⁸⁴ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.449. Л.8-9.

⁸⁵ Там же. Л.30об.

⁸⁶ Там же. Ф.5. Оп.1. Ед.хр.111. Л.24.

свои богатые мечты и жизнь выдающегося труженика, страда-
ням и чести которой всякий должен удивиться и проникнуться
к ним глубоким уважением /.../⁸⁷.

[1900-е гг.]

/.../ Таких книг, как Ваша книга о Леонардо да Винчи, я не
читала до сих пор, и думаю, что в России еще таких книг нет,
книг, в которых критический взгляд соединился бы с таким бес-
пристрастным исследованием трудов и материалов, дав вместе
бесподобно яркое освещение замечательной фигуры художника.
Впечатление от этого обильного, обнимающего всю эпоху и чуд-
но разработанного материала, рассмотренного, проверенного и
освещенного с высоты идеалистического мирозерцания и кри-
тики, наконец, от этого волшебного изложения, этой речи, рав-
ной которой я ничего не знаю, настолько сильно, что я совершен-
но ясно могу вообразить теперь не только самого Леонардо, но
и эту замечательную эпоху Ренессанса со всей борьбой идей и
той материальной обстановкой, в которой жил и мыслил знаме-
нитый маг и чародей. Да, Россия, вся Россия должна узнать и
оценить Вас, одного из гениальных и благородных людей века...
Так я искренне думаю о Вас /.../⁸⁸.

4 апреля 1914 г.

/.../ Аким Львович! Как Вы могли подумать, что найдется
равный Вам в моем сердце? В моем сердце, в котором я храню
благодарность и радость. Радость, что судьба доставила мне
случай знать Вас.

Ничей талант из живущих современников не представлялся
мне в эти годы столь ярким, сочным, вдохновенным. Ничьи ли-
тературно-критические взгляды не производили такого сильного
впечатления на мой ум. Ваши книги имели на меня столь огром-
ное влияние, что я должна признать Вас со всей почтительно-
стью моим учителем и наставником, а доброй нашей дружбе я
останусь верна исключительно и вечно.

Е. Грекова.

Не хорошо с Вашей стороны сомневаться во мне. Целый мир
в моем сердце принадлежит Вам. Дорогой Вы мой, дорогой!
Прекрасный и милый!..

Другой, прочтя это письмо, подумает, что любовное, но
разве светлая дружба не располагает правом на слова нежности?
И разве в ней нет любви лучшей и высшей, чем эта земная, скоро-
проходящая? Ведь правда?⁸⁹

В сборник «Памяти Волынского», вышедший после смерти критика
под редакцией П.М. Медведева (1927 г.), среди прочих вошла и статья
Е.А. Грековой.

⁸⁷ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.449. Л.33-35.

⁸⁸ Там же. Л.38об.-39.

⁸⁹ Там же. Л.4-6.

«Maestro!» — так обращалась в своих письмах Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (в замужестве Полынова; 1874-1952), известная писательница и переводчица, правнучка актера М.С. Щепкина, к А.Л. Волынскому. Их связывало литературное сотрудничество, долгие годы дружбы, которая завязалась не позднее середины 1890-х, когда Татьяна Львовна стала посещать субботние журфиксы у Л.Я. Гуревич, и продолжалась до конца жизни критика. Щепкина-Куперник высоко ценила мнение Волынского, посылала на его суд свои произведения⁹⁰.

[1910 г.]

Вас давно не видно, а Вас уже месяц ждет книга «Сказаний о любви» — увы, без Вашего предисловия⁹¹.

[1920-е гг.]

Не стану много говорить Вам о том, как я *счастлива* Вашим впечатлением от «Франчески». Ваше мнение мне важнее и нужнее остальных, и теперь я спокойно пойду по этому пути, кот[орый] подсказало мне мое чутье под Вашим добрым благословением⁹².

14 февраля 1927 г.

/.../ Мне особенно страшно Ваше мнение: Вы, в котором живет греческий гений, Вы и так, может быть, усмехнетесь на дерзкую мою затею в беглом рассказе коснуться того времени. /.../⁹³

[1920-е гг.]

Дорогой именовник, посылаю, как условились, хотя и не рассчитываю на работу: мне что-то в этом смысле адски не везет. Очевидно, надо начать вязать чулки на продажу или печь пирожки, вообще заняться более подходящей для меня деятельностью, чем литература! /.../⁹⁴

Т.Л. Щепкина-Куперник подарила Волынскому свой сборник «Неотправленные письма и другие рассказы» (М., 1906), на титульном листе которого помещен автограф ее стихотворного посвящения ему этой книги.

А.Л. Волынскому

К мудрецу и звездочету,
Что живет в высокой башне,
Птичка малая влетела
В незакрытое окно.

⁹⁰ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.924. Л.30, 30об.

⁹¹ Там же. Л.32.

⁹² Там же. Л.30-30об.

⁹³ Там же. Л.17-18.

⁹⁴ Там же. Л.50.

И влетевши — испугалась:
Перед ним — открыты книги,
Груды пыльных фолиантов,
Полных тайных, дивных чар.

Перед ним — миры открыты!
Все движения вселенной,
Звезд небесных сочетанья
Зорким оком видит он.

Что ж ему до малой пташки?
До певуны легкокрылой?
Насмеется и прогонит,
А быть может — и убьет!..

Но мудрец, читавший в сердце,
Кротко птичке усмехнулся
И сказал ей: «Полно, пташка,
Не дрожи и страх забудь».

На тебя смотрю я так же,
Как на звезды в синем небе,
Как на глуби океанов
И далекие миры!

Ты — создание Того же,
Кто миры и звезды создал.
Вместе с ним и ты, как можешь,
Славишь Вечного Творца!..

СПб., 26 апреля 1906.
Т.Щепкина-Куперник⁹⁵.

С восторгом встретила Татьяна Львовна капитальный труд Волинского о Леонардо да Винчи. Аким Львович подарил ей великолепно изданный экземпляр своего исследования, который находится в хранилище печатных изданий РГАЛИ среди книг с автографами, с такой дарственной надписью:

Я горжусь Вашими похвалами этой книге, дорогая Татьяна Львовна. Вы говорите о ней, как литератор, как художник слова, и, слушая Вас, я больше всего удивляюсь размаху Вашего собственного таланта, Вашему чудесному умению видеть чужие психологические или идейные тайны и выражать их так легко и светло. Леонардо моего Вы переоценили, но я все-таки счастлив, что он у Вас и что Вы его любите!

Ваш А.Волинский. 13 апреля 1907 г.⁹⁶

В ответ на это перед путешествием Волинского в Грецию Татьяна Львовна писала ему, приглашая к себе:

⁹⁵ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.924. Л.57.

⁹⁶ Библиотека РГАЛИ. №7258а/57360.

[1907 г.]

/.../ Тогда лично поблагодарю Вас за Вашу милую надпись и пожелаю Вам счастливого пути в страну Солнца, мудрости и былых богов... «Ах, если бы мне, как птице, два крыла!...» А то вместо Эллады — серая Финляндия...⁹⁷

[1907 г.]

Все эти дни перечитываю «Леонардо да Винчи» и под обаянием этой книги, которая волнует меня, как что-то живое /.../⁹⁸

Т.Л. Щепкина-Куперник была хозяйкой известного литературного салона, который посещался знаменитыми современниками. Аким Львович был одним из таких гостей, «на которого» собирались посетители гостеприимного дома.

[1900-е гг.]

Посылаю письмо в Ваш дом, Аким Львович, и не могу удержаться, чтобы не написать Вам несколько строк. Под впечатлением того вечера пришлось видеться и говорить кое с кем, и все сходятся в одной мысли; она-то занимает и меня.

Всем нужно общение, все его хотят, и никто лучше Вас — человека на редкость умеющего будить мысль и тревожить чувство — не подходит к роли того, как бы сказать, руководителя умственного, около которого сгруппируются все, кто хочет не только болтать, но слушать, а отчасти и поучаться. Но, Аким Львович, давайте себя! Не будьте скупцом, не угощайте вместо хорошего вина поддельным. Это уж очень грустно. Мы были вознаграждены в тот вечер Вашей импровизацией блестящей, искрометной, лучистой, похожей на каскады Иматры в солнечный день, мы слушали Вас не только слухом, но и душою. Так мыслить и говорить дано избранным — вот это нам и дайте. Тогда действительно лучезарный отблеск Аполлона будет над нашим кружком, а не тогда, когда неуклюже запинаятся неумело-наивные мысли, которые и слушать нельзя серьезно. Простите мою откровенность, но с Вами не хочется лгать. Говорить я не люблю, потому я это написала. /.../⁹⁹

[1910-е гг.]

Дорогой, хоть и злой мой, maestro! Надеюсь, Вы не забыли, что обедаете у меня завтра (в воскресенье). Если хотите — с Пятницким, если он не может, то все-таки не изменяйте нам. Я Вам покажу, как хорошо я повесила Ваш портрет. Вообще я проголосовала по меду Вашего ума и жду Вас нетерпеливо¹⁰⁰.

Татьяна Львовна умела приглашать!

⁹⁷ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.924. Л.23об.

⁹⁸ Там же. Л.24.

⁹⁹ Там же. Л.25-25об.

¹⁰⁰ Там же. Л.47.

Елена Григорьевна Бердяева (урожд. Гродская) — писательница, переводчица, издательница журнала «По морю и по суше», жена С.А. Бердяева, старшего брата философа и публициста Н.А. Бердяева. Она писала в основном жанровые очерки о жизни и быте украинской и еврейской бедноты. В РГАЛИ хранятся три ее письма к Волынскому, положившие начало их знакомству по переписке, поводом к которому послужило предложение Бердяевой поместить в «Северном вестнике» один из ее рассказов.

[1890-е гг.]

Милостивый государь.

Прилагаю маленькую вещицу мою «Будущая жена», обращаюсь к Вам с просьбой поместить ее в «Северном вестнике», если найдете возможным. Она так недлинна, что ее нетрудно прочесть, — это я к тому говорю, что произведение автора, не имеющего литературного имени, если еще и обширно впридачу, то, несомненно, способно навевать на самого добродушного редактора мрачную меланхолию. Поэтому я не рискую это делать. Я бы занесла Вам ее сама, но я человек нелюдимый и болезненный, редко выходящий из дому /.../¹⁰¹.

[1890-е гг.]

/.../ Мне ужасно хочется сказать Вам, что меня вчерашнее Ваше письмо даже удивило — такое оно простое и «по-настоящему» (как говорит мой маленький сын) добродетельное, это так редко встречаешь, и я, право, была растрогана. Но я — дама чувствительная и легко вдаюсь в лирику, а это, насколько мне известно, не принято в письмах к редактору одного из отделов толстого журнала. Не надо лирики /.../¹⁰².

[1890-е гг.]

Так вот Вы какой, Аким Львович! Право, я не знала, что можно с незнакомым человеком вдруг разговориться так «по-настоящему». Вы искренний, вот какой, а это так же редко, как белый дрозд. Если будет неудача, я была бы рада получить это известие от Вас лучше, а то это вовсе невесело получать две отвратительные казенные строчки /.../¹⁰³.

В то время Елену Григорьевну очень занимала личность Блаватской, эта тема упоминалась ею в каждом письме. Сначала она сама пыталась написать статью о Блаватской, но в процессе переписки с Волынским пришла к убеждению, что это должен сделать он, поскольку находила, что это «женщина необыкновенная, и все-таки она служила тому, что считала истиной. Она увлекалась и хватала через край, но все же в ней была "душа живая", а по нынешнему времени уж это хорошо»¹⁰⁴.

¹⁰¹ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.336. Л.1.

¹⁰² Там же. Л.3.

¹⁰³ Там же. Л.5.

¹⁰⁴ Там же. Л.2.

Меня личность Блаватской глубоко интересует и, на мой взгляд, если уж столько пишут о Башкирцевой и Ковалевской, отчего бы не написать кому-нибудь, владеющему философской эрудицией, например Вам, о Блаватской?¹⁰⁵

Я ужасно обрадовалась, когда прочла, как Вы думаете о Блаватской; судьба ее меня глубоко волнует и трогает, когда-нибудь я Вам скажу почему¹⁰⁶.

Последнее письмо Бердяевой кончается фразой:

Обещаю Вам не отстать от Вас, пока Вы не напишете о Блаватской, она именно такая и есть, какой Вы ее очертили¹⁰⁷.

Конечно же, Е.Г. Бердяеву как начинающего литератора более всего волновали вопросы творчества.

Право, мне до сих пор все было страшно к большой вещи приступить — все думаешь, а достаточно ли ты уверена, что имеешь что-нибудь сказать? Вот и начинаешь барахтаться в сети сомнений, недоумений, вопросов, порывов и горишь, как на огне. Поэтому даже не удивительно, что по внешности я похожа на букву *i*¹⁰⁸.

Но кроме того сфера ее интересов распространялась на такие области, как религия, философия, и она ожидала найти в Волынском после личного знакомства с ним умного, интересного и доброжелательного собеседника.

/.../ Я самым эксплуататорским образом буду *донимать* Вас вопросами, ведь Вы добрый, ничего, я Вас ничуть не боюсь, а то я довольно нелюдимая и боюсь людей. И я Вам тогда расскажу, как это у меня в моих фантазиях выходит хорошо, когда я сливаю «религию любви» с «религией познания» и как мне представляются религия Христа и религия Будды двумя половинками одного ореха (ой, какое не величественное сравнение!). Христос говорил: «Любите», а Будда: «Познайте»; а мне так и рисуется, что это две стороны одной и той же медали — истины¹⁰⁹.

Видимо, в дальнейшем при личном знакомстве все эти вопросы являлись темами бесед Волынского и Бердяевой в доме писательницы.

***

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.336. Л.3-3об.

¹⁰⁶ Там же. Л.5.

¹⁰⁷ Там же. Л.6об.

¹⁰⁸ Там же. Л.6.

¹⁰⁹ Там же.

Мария Александровна Лохвицкая (в замужестве Жибер; 1869-1905) подписывала свои стихи — Мирра Лохвицкая. Она снискала имя «русской Сафо», поскольку главной темой ее поэзии была любовь, а все поэтическое творчество оставляет впечатление единого романа в стихах, автор которого предстает в ореоле «ваханки».

Однако Бунин, хорошо знавший ее и высоко ценивший, отмечал несовпадение этой репутации с реальным человеческим обликом поэтессы: «Она мать нескольких детей, большая домоседка, по-восточному ленива: часто даже гостей принимает, лежа на софе в капоте, и никогда не говорит с ними с поэтической томностью, а напротив, болтает очень здраво, просто, с большим остроумием, наблюдательностью и чудесной насмешливостью /.../»¹¹⁰. Волынский, как следует из его очерка, высоко ценил дарование поэтессы, а его мнение о ней как о человеке вполне совпадало с бунинским.

Знакомство Лохвицкой с Волынским завязалось в 1896 в связи с ее предложением опубликовать стихи в «Северном вестнике». Она так объясняла свой выбор издания: «До сих пор я сотрудничала в журналах только по приглашению редакции и никогда сама не предлагала своих услуг, — но "Северный вестник" всегда привлекал меня своим особым направлением, чуждым общей скуки, тенденции и пошлости; если я обожглась, тем хуже для меня, но я не хочу быть навязчивой»¹¹¹. Волынский откликнулся на предложение поэтессы, имя Лохвицкой украсило страницы журнала. Ведь в том же году вышел ее первый стихотворный сборник¹¹² и сразу был отмечен Пушкинской премией Академии наук.

Началась переписка, из которой явствует, что взгляды Лохвицкой и Волынского на поэзию были близки. Вот одно из ее высказываний.

27 ноября 1896 г.

/.../ Я совершенно согласна с Вами — поэзия и музыка — одно. Древние греки были правы, признавая одну общую богиню Эрато — и сопровождаая чтение стихов игрой на лире. Я много занималась музыкой (я готовилась быть певицей) и, вероятно, потому я всегда в минуты творчества слышу какой-нибудь музыкальный напев — и остаюсь верна ему.

Стихи с плохо выдержанным темпом или страдающие отсутствием цезуры — безобразны. Неужели я когда-нибудь грешила в этом отношении? Если да, то я себе этого никогда не прощу. Может быть, Вы думаете, что я имею слишком высокое представление о своем даровании? Если и так, — то я не виновата. Меня избаловали в Петербурге, где я выступила на литературное поприще совсем еще девочкой и где с первых шагов слышала только лестные отзывы. Я была новинкой и, как всякая новинка, возбуждала интерес. Теперь я, кажется, всеми забыта, но это еще не значит, что я умерла; еще много времени впереди. И если я

¹¹⁰ Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 тт. Т.9. М., 1967. С.289.

¹¹¹ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.616. Л.2.

¹¹² Лохвицкая М. Стихотворения. М., 1896.

к тридцати годам не оправдаю надежд, возлагаемых на меня в мою счастливую пору, — то лишь тогда сложу я оружие и признаю себя ничтожеством.

Я хотела знать Ваше мнение потому, что дорожу им /.../¹¹³.

Еще не будучи знакомой с Волынским лично, Лохвицкая пыталась в письмах показать ему, «что она такое и с кем ему придется иметь дело»¹¹⁴.

1 декабря [1896 г.]

/.../ Я — женщина — в полном смысле этого слова, и — только. С типом писательницы, «синего чулка», я не имею ничего общего. Я развита крайне узко, односторонне. Все, что не красота (я подразумеваю высшую красоту), все, что не поэзия, не искусство — для меня не существует и значит у меня под одним названием: «суета сует». Я разделяю людей на две половины; к одной я бы отнесла такие слова, как: приход, расход, большой шлем, акция, облигация и проч[ее]. К другой: жизнь, смерть, восторг, страдание, вечность... /.../ Не думаю, что наша беседа могла бы быть интересной для Вас; — говорить будете Вы один, а я буду Вас слушать, — это моя обычная манера! /.../¹¹⁵

Волынский помещал стихи Лохвицкой на страницах «Северного вестника» очень часто: в 1897 — в четырех номерах (№1, 9, 11, 12), а в 1898 — в шести номерах (№1, 2, 3, 4, 6-7, 8-9). В последнем из писем Лохвицкой к Волынскому, датированном 18 октября 1898, она писала, что оскорблена отказом печатать ее стихи и сравнением ее поэзии с лермонтовской. «"Северный вестник" упрекнул меня в подражании Лермонтову. Бедный Лермонтов! — Между нашими музами такое же сходство, как между утесом и цветком, растущим на нем!»¹¹⁶ А между тем редакция вовсе не думала обидеть поэтессу ни сравнением с классиком, ни отказом ее печатать. Дело в том, что журнал был накануне закрытия: последняя его книжка вышла в октябре—декабре того же года. Что касается Волынского лично, то в конце 1898 в разделе журнала «Критика и библиография» он дал разбор последнего появившегося в печати сборника М. Лохвицкой и весьма высоко оценил ее творчество (особенно если сравнить с обычным тоном его критических статей):

Г-жа Лохвицкая — поэтесса молодая, с огнем пылких чувств в своих по преимуществу любовных стихах. На обыкновенные темы она не пишет. Если искать в современной поэтической литературе особенного стихотворца, то придется остановиться именно на г-же Лохвицкой, /.../ она откровенно поет любовь. В ней как бы горит кровь Суламифи. В душе ее как бы звучат отголоски Песни Песней. Не стесняя себя ничем на свете, она смело откры-

¹¹³ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.616. Л.3-4.

¹¹⁴ Там же. Л.8.

¹¹⁵ Там же. Л.7об.-8.

¹¹⁶ Там же. Л.12.

вает свое сердце — с таким простодушным порывом, который одновременно и подкупает и удивляет¹¹⁷.

На этом переписка закончилась. В конце 1898 М.Лохвицкая переехала в Петербург, где лично встречалась с Волынским. А вскоре, в возрасте 36 лет, она умерла от туберкулеза.

***

О Наталье Н[иколаевне?] Кульженко известно, что она в 1900 поступила в Императорское драматическое училище в Петербурге. Позже начала заниматься литературной деятельностью, переводами.

Можно предположить, что их знакомству с Волынским положила начало статья Н.Н.Кульженко в «Биржевых ведомостях»¹¹⁸, посвященная 30-летию литературной деятельности критика. Есть сведения, что в дальнейшем она предлагала Волынскому для издания свои статью, рассказ, перевод¹¹⁹. С конца 1910-х по состоянию здоровья Кульженко жила в основном за границей или в Крыму. Болезнь, судя по содержанию и тону писем, прогрессировала. И скорее недуг, а не упорное молчание Волынского в ответ на неустанные обращения к нему Кульженко, положил конец переписке.

Сведений об Н.Н. Кульженко мало. Письма к Волынскому высвечивают лишь ее отдельные черты. Вот, например, с какими чувствами Н.Н. Кульженко встретила Февральскую революцию:

Март 1917 г. Ялта, Дорсановская, 11.

Дорогой друг, Аким Львович!

Захотелось написать Вам и узнать, как Вы чувствуете себя в этот прекрасный момент нашей жизни. Какое счастье для всех, кто дожил до него. И какое великое оправдание всему тому, что было лучшего в каждом из нас. Я испытываю неизвестную донныне радость от сознания, что у меня есть Родина, и Родина, которую можно любить, которой можно гордиться и за которую можно легко и радостно умереть.

Импотентность русской жизни прошла. Россия выздоровела от душевно-телесной неврастении, перестрадала, в страдании преобразилась и воскресла первым воскресеньем при жизни. Не правда ли?

У меня еще одно отраднo-новое чувство, что все страдания моей личной жизни были бессознательной борьбой за правду, что царит теперь среди нас. Я счастлива, что пережила эти страдания и прошу Вас простить меня, если в чем была виновата перед Вами. Но за каждую боль, причиненную другому человеку, я сама страдала всегда в десять раз сильнее. /.../¹²⁰

¹¹⁷ Волынский А.Л. М.А.Лохвицкая (Жибер). Стихотворения. 1896-1898 гг. М., 1898 // Северный вестник. 1898. №8-9. С.239.

¹¹⁸ Биржевые ведомости. 1913. 13 марта. №14724.

¹¹⁹ См.: РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.575. Л.1, 2, 7-8.

¹²⁰ Там же. Л.3об.-4.

Последнее ее письмо полно горечи и грусти. Оно звучит как диссонанс по отношению к словам Волынского о том, что дружба с Кульженко «составляла одну из самых светлых полос его жизни».

[Конец 1910-х — начало 1920-х гг.]

Дорогой Аким Львович!

Шлю Вам привет из Ялты, где болею по-прежнему в одиночестве среди книг и дум. Борюсь с жалкой плотью и стараюсь достигать и постигать высоты Духа. Как горько и грустно среди этого вспоминать Вас и то, как Вы крепко меня забыли. И никакой стороной своего существа не обнаружите и не разделите со мною.

Говорят, что все всегда заслужено человеком. Так ли это? И в ту же ли меру? Сколько лет подряд я время от времени взываю к Вам, но отклика не нахожу. Я не знала, что люди после такой жизненно-духовной связи, что была между нами, могут встретиться, как чужие, как незнакомые друг другу. Так встретили Вы меня в Петрограде в мой первый приезд. А у меня в душе было столько пережитого волнения и веры в Вас, и надежда на то, что от Вас смогу получить что-то настоящее, чего другой никто и дать не сможет.

Люди по-прежнему клеветуют на Вас, так по крайней мере хочется по-старому верить мне. Нападки на Вас носят теперь не принципиально-идейный характер, а житейско-легкомысленный. Всякие свойства, самые неожиданные для себя, может проявить человек (и человечество). Может быть даже, я никогда не знала Вас по-настоящему с этой стороны существа Вашего — чисто человеческого. Но со стороны духовного (которое труднее скрыть или подменить), мне кажется, я знала Вас хорошо. И на этом пути я теперь много-много ближе к Вам, чем раньше. Неужели Вы сами не так верны ему, как прежде?

Что Ваши статьи, книги, издания? Что нового в литературе и в жизни? Видите, я тот же вопрос задаю Вам в конце, как и в начале нашего знакомства, нашей дружбы, и теперь можно было бы почти сказать — нашей жизни.

Наталья Кульженко¹²¹.

***

В очерке «Мой портрет» Аким Львович перебирает свои портреты разных лет и наконец обращает взор в зеркало, пытаясь определить свою внутреннюю сущность, увидеть себя, используя те же критерии, то же увеличительное стекло, в которое он разглядывал своих спутниц. Попутно, чтобы показать, как действует его теория, Волынский сделал еще ряд портретных набросков: В.И. Иксуль, А.А. Давыдовой, О.А. Спесивцевой, Е.М. Люком, Н.К. Михайловского, В.В. Розанова, Ф.Сологуба,

¹²¹ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.575. Л.5-6об.

М.А. Кузмина, К.И. Чуковского. Но насколько жестки, даже жестоки его характеристики! Понять состояние души критика можно попытаться, обратившись к героическим и трагическим обстоятельствам его жизни в последний период. Тогда, в первой половине 1920-х, главным делом А.Л. Волынского было создание и борьба за существование уникального хореографического учебного заведения.

Государственный хореографический техникум, первоначально носивший название «Школа русского балета», возник как студия при Театре Политуправления Балтфлота в 1920. Создателем и бессменным руководителем его был А.Л. Волынский, посвятивший «своей любимой школе все свои материальные средства и физические силы»¹²².

Идею о необходимости реформирования русской балетной школы Волынский выдвинул уже в первом десятилетии этого века. Практическое воплощение она получила с организацией техникума. В качестве разъяснения замысла Волынского здесь уместно процитировать его статью «Хореографический техникум», написанную 12 сентября 1924:

Еще в Берлине в 1913 году мне привелось прочесть обширный доклад в среде ученых, литераторов и представителей художественного мира о значении классического танца в воспитании общества. Я указывал на то, что классические танцы, по существу своему, по самой своей технической структуре, героичны и, будучи таковыми, призваны героизировать человеческие тела. В древней Греции этот рычаг был в полном ходу. Там не только драматург, но и простой воин, если он выдавался своей храбростью из ряда посредственных величин, носили хореографические наименования. Так Ахил был замечательным танцовщиком в стане ахейских войск, по выражению Гомера, а Эсхил, Софокл и Еврипид были не кем иным, как балетмейстерами, как постановщиками танцев в общенародном смысле для дифирамбической толпы, представленной в оркестре, как некий вид народного совета. /.../ Таким образом, задача реформы русского балета намечается совершенно определенно. Надо начать с азов, с экзерцисной палки, с элементарной школы, и вести все обучение и воспитание по иным, чем прежде, путям и колеям, выясняя постепенно существо каждого движения и освобождая самый танец от растлевающей пены последних веков. /.../

Школа стремится выйти на дорогу надежную, верную, научно-художественную, в полном смысле слова показательную, не в одном лишь местном русском применении. Я верю, что в течение нескольких лет школа делается известной повсюду в мире и станет магнитом для молодых поколений, инстинктивно или сознательно ищущих возможности героизировать свое тело, раскрывать и развешивать заложенные в нем не одни лишь физические силы. Когда-нибудь это скопище угольков вырастет в не-

¹²² РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.13. Л.1. Из протокола общего собрания техникума №36 от 05.04.1924.

опалимую купину, в пылающий горн на потребу не владыкам, но народам человечества¹²³.

Такова была теоретическая основа «мечты» Волынского о «живом и здоровом питомнике учащихся классическим танцам».

В техникуме обучали классическому танцу, характерному и жанрово-историческому (и изучали их). Кроме того, читались лекции по истории и эстетике классического танца, истории и эстетике костюма, по художественной анатомии, биомеханике, теории музыки, истории литературы и другим предметам. Количество студентов за 4 года выросло со 100 до 300 человек¹²⁴. Предполагался шестилетний курс обучения (4 года обязательных занятий и 2 года усовершенствования). Был создан интернат для малообеспеченных и беспризорных детей, а также музей и библиотека. Волынский на свои средства открыл кинотеатр «Светлая лента», доходы от которого поступали на нужды техникума¹²⁵.

Учебное заведение открылось в небольшом, плохо приспособленном помещении на Почтамтской улице. Позже оно переехало в более просторное здание на углу Мойки и Невского проспекта в бывший особняк Елисеева, где в начале 1920-х располагался Дом искусств. Все время своего существования школа, а позже техникум, испытывали постоянные трудности: «преподавательские кризисы», «финансовые, топливные и осветительные параличи», «Нужда оставалась все та же, громадная и вопиющая»¹²⁶. Несмотря на многочисленные пожертвования на нужды школы со стороны ее руководителя, учебное заведение постоянно находилось под угрозой закрытия. «Я продал иностранные пайки, припасы, литературные права, отдал в школу часть жалованья — все, чем располагал», — писал Волынский в сентябре 1924¹²⁷. Сохранилась квитанция от 23 июля 1924 о взносе Волынского в размере 2600 рублей на ремонт техникума¹²⁸, а также выписка из протокола ЛГОНО от 14 августа 1924, где говорилось о пожертвовании Волынским всех доходов от издания его книги о Рембрандте на нужды техникума¹²⁹.

Этот шаг Волынского вызвал резонанс в руководстве НКП. Он получил 26 августа 1924 от наркома просвещения А.В. Луначарского письмо следующего содержания: «Получил известие о Вашем даре созданному Вами техникуму. Очень восхищаюсь этим великодушным жестом. Уверен, что Ваша новая работа о Рембрандте получит такую же мировую известность, как Ваша исключительная работа о Винчи, и буду очень рад оказать Вам всемерную поддержку при издании этой книги. Жму Вашу руку.

Нарком по просвещению А.Луначарский»¹³⁰

¹²³ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.71. Л.1, 3, 6.

¹²⁴ Там же. Ед.хр.13. Л.1.

¹²⁵ Там же. Л.7-8.

¹²⁶ Там же. Ед.хр.71. Л.5.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же. Ед.хр.13. Л.2.

¹²⁹ Там же. Л.3.

¹³⁰ Там же. Л.4.

Ни поддержка Луначарского, ни пожертвования и энтузиазм Волынского не спасли техникум от закрытия как «нерентабельной организации». Согласно Предписанию НКП №23016 от 28 сентября 1925 техникум, созданный Волынским, прекращал свое существование и передавал свое имущество хореографическому отделению Ленинградского государственного театрального техникума¹³¹.

Волынский, всегда оставаясь бойцом по натуре, и тут не сложил оружия и развернул борьбу за возобновление и даже расширение техникума. Он предложил реорганизовать это учебное заведение в Академическую школу русского балета и 22 апреля 1926 представил подробную «Изыяснительную программу», включавшую, в частности, описание всего классического экзерсиса. В заключении программы Волынский подчеркивал, что его уверенность в возобновлении работы техникума опирается на поддержку Луначарского: «Это предположение исходит от инициативы А.В. Луначарского, от идейной его импульсивности, и потому, по всей справедливости, все то, что в этой программе может почитаться новым в научном смысле слова, тяготеет к его покрову и посвящается ему»¹³².

Вопрос о восстановлении техникума решался неторопливо. Последнее решение, принятое коллегией НКП 8 июня 1926, звучало оптимистично: «Поручить Главпрофобру войти в переговоры с Ленинградским ГУБОНО о восстановлении Хореографического техникума Волынского с возвращением принадлежащего ему имущества»¹³³. Однако самому Волынскому не суждено было дождаться возрождения его детища: он умер 6 июля 1926. С его смертью вопрос был снят с повестки дня.

АМУРЕТКИ И ДРУИДЕССЫ [Статья первая]

Каждый из нас много думал о женщинах, и вопрос о женщинах входит определяющим элементом в наше миропонимание. Пришлось и мне на жизненном пути моем встречаться с различными женщинами и задумываться над изумительным чудно разнообразием типов, наблюдающимся в их среде. Сначала каждая женщина кажется неповторимым каким-то явлением. А если проникнуться к ней любовью, то представляется, что в ней одной собраны все солнечные лучи. Я видел женщин в Италии, знакомился с ними в Париже. Среди них у меня были также настоящие друзья в Германии, вот, например, Лу Андреас-Саломэ, предмет вожденной любви Ницше¹ и первый его биограф в Европе. Я знал их в Лондоне и в Константинополе.

¹³¹ РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.13. Л.6.

¹³² Там же. Ед.хр.98. Л.10.

¹³³ Там же. Ед.хр.13. Л.11.

Что касается еврейской женщины, то — странная вещь! — зная и ценя ее больше других с детских лет, я почему-то никогда не мог сделаться ее романтическим поклонником. Вот женщины, с которыми не приходится шутить. Игра в упреки, игра в чувства, даже больше того, самая игра чувств и настроений в своей поэтичной заинтересованности и безответственности кажется диссонансом вблизи еврейской женщины. Непростительной игрой явилась бы попытка преклонения перед нею. Молодой раввин или даже молодой человек, бросившийся к ногам своей невесты, — вещь совершенно невероятная. Тут всякая романтика на европейский манер кажется недостойной и грязной, чему-то решительно мешающей, отводящей вас в сторону от основной задачи жизни. Любовь в еврейской среде — дело торжественное, серьезное и большое. Он женится, она невестится, и оба вместе являются прелестными подобиями рембрандтовских портретов и групп. Все здесь около большой темы.

Этим объясняется и то, что в мировой литературе почти нет еврейских романов; ни в книгах, ни в жизни, где страсть представляется одиноким и блестящим исключением. Роман со всеми его атрибутами — есть удел новоарийской женщины — той самой женщины, с которой я и знакомился в своих странствованиях по Европе. Эта женщина любит любовь. Она играет в любовь, кидается навстречу каждому распутному встречному, горит вечными переливчатыми огоньками в своих настроениях. И если еврейская женщина невестится невестночасно, то женщина европейская постоянно и повсюду — скажу — амуретничает, чтобы не упоминать больше правильного, но затемненного поведением слова «любовничать». Таких амуреток в жизни новоарийской женщины ужасно много, идет какая-то вечная борьба амуретки с амуреткою. Все конфликты на этой почве; верно было бы и сейчас повторить итальянский «Декамерон»² в применении ко всем народностям и без жадного невода чувств. Перед глазами разворачивается настоящая кукольная комедия, которая на близкий взгляд производит впечатление довольно поверхностное. Но вдруг тут же и на каждом шагу — кровь и трагедия. Нельзя себе никогда представить раввина в роли Рогожина или шекспировского Отелло. Но сколько убийств топором и ножом в крестьянской среде всех стран, от русских пустынных равнин до итальянских таверн и голландо-фламандских кабачков в духе Остаде и Броувера³. Картины Рубенса⁴ легко переходят в поножовщину. Об Андалусии и Гранаде⁵ можно уж и не говорить.

Это романы новоарийской женщины. Еврейская Юдифь⁶, если и выступит в роли Монны Ванны⁷ и если даже отрубит голову

Олоферну, то первым и главным весельем ее будет то, что в этой авантуре она останется неприкосновенной в своей чистоте. Она шла в лагерь врага, сопровождаемая строгим взглядом первосвященников с горы. Пока она была на виду, глаза первосвященников не отрывались от нее. Когда же она вышла целая и нетронутая из шатра, с головою Олоферна в окровавленном платке, она опять вернулась к своему благочестивому быту. Последнюю ее радостью является слияние ее души с душою народа, светлое чувство морального ликования.

Но почему такая большая разница в типах двух женщин, ведь тут один и тот же праарийский, гиперборейский корень? Надо только вознестись к истокам истории, чтобы разобраться в этом спорном и многозначительном явлении. Представим себе тот момент долегендарной истории, когда северное человечество спустилось до середины Европы, уже населенной другими народностями, родовыми автохтонами. Боевые продвижения пришельцев в глухих дремучих лесах, при переходах через реки, с неизбывными настоящими схватками с противником, должны были развить чувство живой и деятельной спаянности во всех частях этого эмбриона новой боевой расы, нового гегемона земли.

История что-то помнит о кельтских друидесах. При всех эксцессах, в которые вдавались эти женщины, они никогда не отходили от своих топоров и от судеб своего народа. Что-то дикое прозвучало бы в словах: роман друидессы, и ни один поэт ни разу не приписал им любовных походов, хотя поклонение друидесам достигало такой степени, что юноши кидались за них в огонь. Жизнь была путевая, тяжкая и многоопасная, как в периоды первых походов, так и в труднейшие времена первоначальных завоеваний. Любовь тут кипела настоящим пожаром, но всегда в русле общего дела. Только тогда, когда праарийские народы начали окончательно оседать в завоеванных странах и жизнь большинства земледельческих государств стала достигать некоторого процветания и успокоенности; только [тогда], когда любовь вместе с искусством, вместе с эстетикой, вместе с игрой вообще малопомалу, и отделяясь от культа, начинала приобретать самодовлеющую, романтическую окраску и характер тех амуреток, о которых я говорил выше, — вот когда начинается игра между шатрами — родовыми, племенными, своими и чужими, вот когда рождаются смех и измена под неподвижными сводами в неподвижном быту.

Осколок праарийской расы — еврейский народ — и по сей час находится еще в пути. Перед ним все еще белеет в тумане бесконечная дорога. До сих пор еще еврейская женщина хранит в себе ого-

нек друидессы. Это сказывается в ее неотторжимости от тела народа и его судеб. Но она неотторжима и от ячейки народа, от быта и семьи. Она верна своему мужу, как никакая другая женщина в мире, ибо еще со времени Эздры и Неемии⁶ верность эта заказана ей, как палладиум цельности племенного организма. Она является как бы орудием борьбы за существование в каждом акте постоянно сливающихся между собою в тяжелую амальгаму расовых полей.

В самом деле, если взглянуть на дело с точки зрения широкой антропологии, то трудно не усмотреть в европейской игре амуреток черты фатальных разобщений, слияний и переплетений соседа с соседом, семьи с семьей, вообще рукотворных в человеческом отношении ареалов. Общество европейское не имеет стремления пребывать в стационарном состоянии. Оно в постоянном становлении, в процессе разложения и перегруппировок. При этом оно и не озабочено, ни сознательно, ни бессознательно, никаким великим заповеданным путем, по которому приходится шагать с сознанием тяжелой его необходимости.

Европа играет своими формами. Это настоящий калейдоскоп, в котором пестрые комки всегда имеют свое место. Калейдоскоп постоянно встряхивается: то россияне, то франки, то тевтоны на авансцене; то монархия Карла Великого, то воссозданная Священная германо-римская империя; совсем недавно еще — почти на памяти людей — наполеоновский пожар. Сегодня Австрия командует Италией и Нидерландами, а завтра и самой Австрии нет. Сегодня Россия занимает шестую часть света, завтра России нет. В этой игре исторических страстей, мечтаний и эфемерных построений уже должен был совершенно исчезнуть тип женщины — друидессы или Юдифи. Среди бенгальских огней и исторических иллюминаций амуреточная игра находилась и находится в своем Эвересте.

Таким образом, в прежней истории уже намечаются сами собою два типа женщин: праарийская и новоарийская. Еврейскую женщину я причисляю к праарийскому типу, а женщину, так называемую в грубом просторечии арийскую — к типу новоарийскому. Но тут же спешу сказать, что классификация эта, коренясь в бесконечном произволе, имеет, однако, совершенно условный характер. В процессе дальнейшего анализа мы найдем много праарийских типов среди женщин России и немалую дозу неоарийских среди евреек. В северной Германии даже преобладает праарийский еврейский тип женщин, привязанных к домашнему очагу, к детям, к мужу, к своему народу. Многие же еврейки от ассимиляции начинают терять присущие им расовые черты и то и дело во-

влекаются в захватывающую игру европейского романа с его вдохновительными и отдохновительными мотивами эстетики.

Русские женщины по преимуществу принадлежат к амуреточному типу, и если это утверждение звучит тут довольно странно, то это только потому, что слово «амуретка» понимается обычно в легковесном, увеселительном смысле. Амуреточные чувства, однако, могут приобретать необыкновенную глубину и трагизм. Мы видим это в «Подростке», мы знакомимся с этим во всем объеме по всей эпопее Достоевского. В сущности, Достоевский безбытен. Все у него вертится около трагической амуретки, не только в «Идиоте» и «Карамазовых», но даже в схематическом романе «Бесы». То же в значительной степени и у Толстого, и у Тургенева, не говоря уже о беллетристах новейшего чекана. Конечно, в творчестве Толстого придется отвести большое место философии, морали и быту. Преобладающее место именно быту надо отвести и в бесконечном количественно писательстве наших, так называемых, бытовиков, стареющих и последовательно забываемых на наших полках, от Засодимского и Златовратского до нудного Муйжеля⁹ наших дней. Все это необходимо признать. Но вместе с тем не подлежит ни малейшему сомнению, что все, уже написанное и потерянное, все, волнующее уже не одно поколение читателей в русской литературе, принадлежит к категории амуреточного романа в лучшем и высочайшем смысле этого слова. Вот золотистая игла, светящая из наших туманов всему миру. А уже в том мире — в Западной Европе — леса таких же игл сверкают в литературе отдельных стран.

¹ Ницше Фридрих Вильгельм (1844-1900) — немецкий философ.

² «Декамерон» (1350-1353, опубл. 1470) — книга новелл, представляющая панораму нравов итальянского общества; основное произведение Джованни Боккаччо (1313-1375).

³ Остаде Адриан ван (1610-1685) — голландский живописец. Броуэр (Броувер) Адриан (1605 или 1606-1638) — фламандский живописец.

⁴ Рубенс Питер Пауэл (1577-1640) — живописец, глава фламандской художественной школы.

⁵ Андалусия — автономная область на юге Испании, включающая 8 провинций, в том числе провинцию Гранада.

⁶ Юдифь — героиня библейского предания, спасшая своих сограждан — жителей иудейского города, осажденного ассирийским полководцем Олоферном. Покоренный ее красотой, он устроил пиршество, но, опьянев, заснул. Юдифь же отрубила ему голову и тайно принесла ее в город.

Войска ассирийцев, увидев утром голову своего военачальника на крепостной стене, в страхе бежали. Юдифь чествовали как героиню.

⁷ *Монна Ванна* — героиня одноименной пьесы бельгийского драматурга и поэта Мориса Метерлинка (1862-1949), написанной им в 1902. Сюжет пьесы во многом схож с преданием о Юдифи: когда Пиза была осаждена флорентийцами, возглавляемыми наемным полководцем Принцивалле, и защитникам города грозила голодная смерть, Принцивалле обещал дать горожанам продовольствие и боеприпасы в обмен на возможность провести ночь с Монной Ванной, женой командира гарнизона Пизы Гвидо Колонны. Монна Ванна спасла горожан от смерти, отправившись во вражеский лагерь, и возвратилась в Пизу, не потеряв чести.

Отметим, что истории о Юдифи и Монне Ванне нашли отражение в творчестве двух женщин, упоминаемых в очерках Воынского. Известно несколько переводов пьесы Метерлинка, один из которых вышел в 1903 в Москве в издательстве Е.П. Ефимова под названием «Монна Дживованна» и принадлежал Т.Л. Щепкиной-Куперник. В 1902-1904 драма «Монна Ванна» шла в Александринском театре. Главную роль играла В.Ф. Коммиссаржевская. Несколько позже, уже на сцене своего театра, она выступила в роли Юдифи в одноименной пьесе Хеббеля.

⁸ *Езра (Эзра) и Неемия* — иудеи, которым соотечественники обязаны своим национальным возрождением (5 в. до н.э.), сохранением расовых и религиозных отличий.

⁹ *Засодимский* Павел Владимирович (1843-1912) — писатель; *Златовратский* Николай Николаевич (1845-1911) — писатель; *Муйжель* Виктор Васильевич (1880-1924) — писатель.

ЗАПОЗДАВШАЯ ДРУИДЕССА

Статья вторая

Мысленно я облачаю мою душу в наилучшие туалеты, так как мне предстоит посетить памятью несколько лиц, с которыми судьба связала первые шаги мои на литературном поприще. Мне кажется, что только в созерцании лучших сторон человека он открывается в своей действительной сущности, а в критике дурного могло бы предстать только то побочное, наносное и второстепенное, что мешает хорошему расширяться во всю меру данной ему возможности. Дурные качества человека являются лишь перерывом в разлитии его высокой стихии: поток души ударяется в барьер и откидывается в сторону со всеми злыми приобретениями от полученного толчка. Подходя сейчас к еще живым и действующим в литературе людям, к писателям, еще не окончившим своего трудового пути, я беру под пристальный анализ только то, что отбрасывалось от них на меня струей теплого света и помнится сердцем на пространстве многих лет.

После одного моего доклада в Научно-литературном обществе, функционировавшем при Петроградском университете, на тему о всеобщем постулате в споре Милля со Спенсером¹, ко мне подошел Дмитрий Сергеевич Мережковский² и выразил желание познакомиться. Я занимал тогда комнатку на Знаменской, как раз против квартиры Мережковских: поэт в то время жил еще вместе со своими родителями, не был женат и вел жизнь молодого литератора, весьма и весьма склонного к сложным умственным занятиям. Доклад мой, сделанный по приглашению проф[ессора] Дювернуа³ экспромтом, имел необычный успех. Всем тогда показалось, что во мне заключен эмбрион теоретического философа. На обратном совместном пути с Мережковским домой поэт объяснил мне, что хочет ввести меня в кружок молодых ученых, собирающихся в доме К.Ю. Давыдова⁴, тогдашнего директора консерватории, друга Антона Рубинштейна⁵ и величайшего виолончелиста России. Когда через несколько дней я попал в обстановку нарядного и богатого дома, там оказалось много известных мне литературных деятелей, окруженных начинающей свой путь молодежью: Н.К. Михайловский⁶, Н.В. Шелгунов⁷, Г.И. Успенский⁸ — с одной стороны, Мережковский, Минский⁹, Юлия Безродная¹⁰, И.Клейбер¹¹ — с другой стороны. Тут же были и девушки с неизвестными еще именами, в числе которых я познакомился на первых же порах с Л.Я. Гуревич.

Все это разнообразное общество представляло довольно пеструю смесь, но всех объединяла литература, склонность к ней, вкус к ее задачам и требованиям. Вкус же к литературе был всегда исключительно высок в России и померкал только в самые тяжкие моменты общественной жизни. Л.Я. Гуревич остановила на себе мое внимание. Было сразу видно, что это существо замечательное. Она сидела между всеми, творила вместе с кружком нечто общее, а между тем пребывала все время, во всех своих репликах на боевые темы секунды в какой-то своей безмолвной вековой цитадели. Она была в волне, но не была ее составною частью. Хотя и дочь русской матери, Л.Я. Гуревич была характерно еврейской девушкой праарийского типа, о котором я так подробно говорил в предшествующем очерке. Моральный пафос горел в ней особенно ярким огнем. В ней семитический дух уложился в хорошую русскую фразу, воспитанную матерью, владевшую языком литературы с поразительным совершенством. Об этой женщине, о матери Любви Яковлевны Гуревич, умершей только в прошлом году, умершей при не совсем обычных условиях и в редкостной красоте, в буквальном смысле слова под музыку, которую она просила окружить себя в последние часы, я почту

своим долгом когда-нибудь написать целую статью. Сейчас же, для характеристики дочери ее, мне важно было только отметить, что молодая Гуревич, сочетая в себе черты отца и матери, представляла собою довольно своеобразное явление.

Остроумная молодежь стреляла и перестреливалась фразами новейшего литературного чекана. Начиналась эпоха философского и эстетического декадентства. Тут в присутствии Н.К. Михайловского, на его глазах, к величайшему его негодованию, опрокинувшись потом специально на мою голову, происходил знаменательный разрыв со старыми богами. Раскаты Мережковского, при всей их легковесности, гудели надо всем. Немало было кругом позерства и модничания, прикидывались амуретками во всех смыслах этого слова. Одна только Гуревич ощущалась патетической весталкой в хаосе начинающегося большого литературно-общественного движения.

Когда в первый раз я пришел к ней на квартиру, я узнал, что молодая девушка, окончившая высшие курсы¹², особенно интересуется личностью Марии Башкирцевой¹³. Она переводила ее дневники и восторгалась своеобразной фигурой знаменитой подруги Бастьена Лепаж¹⁴. Основная особенность Гуревич заключалась в том, что все, проникая в ее душу, сейчас западало в психологические глубины и подвергалось там внутренней напряженной переработке. Но перерабатываясь, впечатления бытия образовывали в ней материал для целого костра морального пафоса, с которым она и шла вперед во всех своих делах — твердо, неуклонно, с гнетом высшей идейной маниакальности, вплоть до готовности к настоящим жертвоприношениям. Для меня было ясно с самого начала, что в ней созревала мученическая тенденция, в которой так нуждалась переходная база литературы.

Между нами установилась тесная дружба, не лишенная с моей стороны некоторого педагогического оттенка. Хочу сознаться в одном своем страшном дефекте. С самых ранних лет моей сознательной жизни я, собственно, не знал никогда, что надо делать с женщинами, заключая с ними союз дружбы. Я и сам не способен играть ни в какие амуретки, ведя жизнь обитателя военного шатра. Мне всегда казалось, что женщин надо учить всему, что знаешь сам. Так я и поступил в данном случае.

В то время, по окончании Петроградского университета, я особенно интересовался вопросами философского характера. Эрудиция моя в этой области была довольно велика, была известна в студенческих и профессорских кругах. Может быть поэтому я и был приглашен А.А. Давыдовой¹⁵ лектором философии для ее дочери Марии Карловны, впоследствии Туган-Барановской¹⁶.

К Л.Я. Гуревич я, таким образом, довольно естественно обернулся этой именно стороною моей духовной жизни. Я легко склонил ее приступить к переводу писем Спинозы с латинского языка¹⁷. Это было для молодой девушки колоссальным трудом, с которым она справилась блестяще. Я прошел вместе с нею каждую фразу перевода, шаг за шагом, была совместно обдумана каждая деталь, и в целом работа эта доставила нам обоим огромное наслаждение. Такой неусыпности внимания к мелочам, к особенностям философского способа мышления, к изучению предмета, с постоянным расширением его перспектив, я с тех пор не встречал ни у кого. Это черта Л.Я. Гуревич, отличающая ее до сих пор в ряду всех коллег по перу.

Но на Спинозе дело нашей дружбы не остановилось. Область общих литературных интересов все время росла и раздвигалась в ширину. В короткое время у нас сложилась мысль, естественная при знакомстве с А.М. Евреиновой¹⁸, посещавшей иногда мои лекции в доме Давыдовых, принять в свои руки «Северный вестник»¹⁹, после того, как конфликт Евреиновой с Михайловским уже совершенно определился²⁰. Михайловский перенес свою деятельность на страницы «Русской мысли»²¹ и «Русских ведомостей»²² — «Русское богатство»²³ еще только предносилось в тумане, а «Северный вестник» начал влачить довольно жалкое существование, оставшись при второстепенных силах, из состава которых ушел даже и Южак²⁴, после моего полемического выпада против философии Лесевича²⁵. Анна Михайловна Евреинова, человек настоящей культуры и высокой европейской образованности, любимая собеседница А.Я. Пассовера²⁶, Пыпина²⁷, Ламанского²⁸ и Ивана Сергеевича Аксакова²⁹, быстро и страстно ухватилась за меня. Она требовала от меня не бояться разрыва с домом А.А. Давыдовой, тянувшим линию Михайловского, и самому стать во главе журнала³⁰. Это было время прямо замечательное, и роль Л.Я. Гуревич в этот момент осталась для меня навсегда незабвенной. Она крупно поддержала мою инициативу и прошла со мною весь крестный путь «Северного вестника» до конца³¹.

Я отрываюсь от деталей. Пишу не свою биографию, а вычерчиваю, сколько умею, сколько могу, фигуру Любви Яковлевны Гуревич. В окружении «Северного вестника» она продолжала оставаться верною своею вековой сущности. Это не была девушка для любовного романа. Она любила все кругом и простирала материнские объятия всему, что нуждалось в ее поддержке. Она писала довольно много, во всех отделах журнала, начиная с беллетристического и кончая библиографией³². Особенно страстно она реагировала на темы театральные — темы, не перестаю-

щие ее волновать даже и сейчас, входящие в мир ее восприятий целокупно, со всеми шаблонностями и банальностями сценической патетики. Писания Л.Я. Гуревич по вопросам театральным имеют, во всяком случае, определенную научную ценность и будут полезны впоследствии, когда придется сделать полную ревизию всех действующих сил нашей драмы.

Но в то время, о котором я рассказываю, писания Л.Я. Гуревич казались отжившими обломками прошлого, особенно в сопоставлении со стилистикой литературного декаданса, со словесными измышлениями таких виртуозов фразы, как Минский, Гиппиус, Мережковский и Сологуб³³. Я лично находил заметки Л.Я. Гуревич необходимыми для журнала, в высшей степени литературными по форме, глядящими вместе с моими критическими писаниями в одни и те же далекие точки, в тождественной со мною устремленности к моральным постулатам, возносившим нас обоих над перипетиями минутных течений. Она детскими воспаленными глазками смотрела туда, куда был обращен мой уже искушенный долголетними умствованиями взор. Но франтоватые модницы и модники нового клана шипели кругом «Северного вестника» и наседали на меня, требуя совершенного и окончательного присоединения. Н.М. Минский был особенно беспощаден. Мережковский только грохотал. Гиппиус же, взявши к глазам золотой лорнет, придирчиво выискивала в писаниях Гуревич перепевы старых чириков и шарманочных мотивов. Это было неприятно. Это вносило в воинственный редакционный шатер журнала разлад и дисгармонию. Но критиканство молодых декадентов не производило на меня ослепляющего впечатления. Я душевно и радостно любил молодую писательницу, ценя в ней черты запоздавшей друидессы, хранительницы праарийского монизма, в котором этика и эстетика плывут в неразрывном единстве, черты чистой и благородной патетичности, какие не часто встречаются в окружающем быту.

Весь путь «Северного вестника» мы прошли вместе, рука об руку, в полной солидарности по всем вопросам журнального боя и редакционной дипломатии. Только в конце пути, при развале общего дела, наметились кой-какие черты невинного разногласия. «Северный вестник» должен был остановиться. Лично я считал его миссию вполне исполненной. «Русские критики»³⁴ были напечатаны. «Леонардо да Винчи»³⁵ тоже. Позиция новой мысли по отношению к задачам литературы и к старым кумирам определена со всю ясностью. Но Любовь Яковлевна Гуревич, тяготя по своей натуре друидессы к реальным жизненным комбинациям, поднимая крылья неугомонной наседки, мечтала о моем

союзе со Струве и Туган-Барановским³⁶ для продолжения начатой кампании, может быть, в несколько новых тонах. Я никогда не был склонен в вопросах идейного порядка ни к каким компромиссам, и на первом же состоявшемся собеседовании с Туган-Барановским это не могло не выступить со всей жестокою своей определенностью. «Северный вестник» был остановлен окончательно. Я остался безо всего, не только без корабля, но и без доски, на которой я мог бы продолжать мое плавание по враждебной мне стихии тогдашней литературы³⁷.

Но Л. Я. Гуревич была охотно включена в существующие журнальные круги в качестве переводчицы, писательницы и театрального рецензента. Вне «Северного вестника», с его путами и наваждениями, писательница эта даже развернулась во всю ширь отведенного ей природою дарования. Она примкнула, если не ошибаюсь, к какой-то парламентской группе, кажется, к трудовикам, делала веские доклады в каких-то обществах по вопросам социального быта, писала много на страницах «Речи»³⁸, и мне со стороны было всегда приятно видеть этого человека в его родной стихии служения живым и боевым задачам современности. Сам я на все это не способен. Моя личная работа какая-то иная и более эфемерная. Но деятельность таких людей, как Гуревич или ей подобных постоянно встречала в моем сердце весьма сочувственный резонанс.

Этой женщине, такой цельной и самоотверженной, не хватало, в сущности, только двух элементов, чтобы стать настоящей друидессой современности. При литературной талантливости, невероятном трудолюбии и работоспособности, при блестящем умении держать себя на кафедре, Л. Я. Гуревич обделена эстетикой и поэзией. Все хорошо в ней и достойно не только почтения, но и почитания. Нет только того сияния, которое особенно в женских носителях высоких идей представляет такую заманчивую и всех заражающую своим гипнозом прелесть. Но если бы настал судный день, в который у каждого из нас спросится о содеянном, Любовь Яковлевна Гуревич отошла бы от трибунала не только оправданная и обласканная, но и с венцом настоящего мученичества на челе. Многие же эстеты и поэты отошли бы от такого трибунала, вздыхая о себе.

Старый Энтузиаст.

12 сентября 1923 г.

¹ Будучи студентом юридического факультета Петербургского университета (1881-1886), А. Л. Волынский больше интересовался проблема-

ми философии. Он вступил в университетское «Научно-литературное общество» (основанное в начале 1880-х О.Ф. Миллером, общество существовало до 1887) и по окончании обучения стал деятельным членом совета общества. На одном из заседаний ему пришлось заменить отсутствовавшего референта и выступить, практически без подготовки, на тему «О всеобщем постулате. (Спор Спенсера и Милля)». *Милль* Джон Стюарт (1806-1873) — английский философ, экономист и общественный деятель, основатель английского позитивизма. *Спенсер* Герберт (1820-1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма.

² *Мережковский Дмитрий Сергеевич* (1866-1941) учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета почти в одно время с Волинским (поступил в 1884). В студенческие годы увлекался учением философов-позитивистов, что привело его в «Научно-литературное общество» при университете.

³ *Дювернуа* — профессор Петербургского университета, одним из первых оценил способности Волинского и помог продвижению в печать работ начинающего критика. При содействии Дювернуа в «Русских ведомостях» была напечатана статья Волинского о С.Я. Надсоне. Это исследование, а также несколько заметок, помещенных в «Живописном обозрении», обратили на себя внимание Н.К. Михайловского.

⁴ *Давыдов* Карл Юльевич (1838-1889) — глава русской классической виолончельной школы 2-й половины XIX века, композитор, дирижер, педагог, директор Петербургской консерватории (1876-1887).

⁵ *Рубинштейн* Антон Григорьевич (1829-1894) — пианист, композитор, дирижер, музыкальный и общественный деятель, основатель музыкального общества (1859) и первой русской консерватории в Петербурге (1862).

⁶ *Михайловский* Николай Константинович (1842-1904) — критик, публицист, социолог, один из ведущих идеологов народничества.

⁷ *Шелгунов* Николай Васильевич (1824-1891) — революционер-демократ, публицист, литературный критик, участник народнического движения 1860-х.

⁸ *Успенский* Глеб Иванович (1843-1902) — писатель-реалист.

⁹ *Минский* Николай Максимович (наст. фамилия Виленкин; 1855-1937) — писатель, философ, один из зачинателей русского символизма, после революции 1905-1907 — за границей.

¹⁰ *Безродная Юлия Ивановна* (урожд. Яковлева, в замужестве Виленкина; 1858-1910) — прозаик, драматург. В 1882-1886 была замужем за Н.М. Минским. Ее произведения появлялись на страницах журнала «Северный вестник», редактируемого Волинским. По многочисленным свидетельствам современников, отношения Волинского как редактора и критика с авторами не всегда отличались тактом и вежливостью. Одно из таких свидетельств — записка Ю.Безродной от 6 февраля 1891: «Я обещала посетить Вас, Аким Львович, но после Вашей последней выходки в "Северном вестнике" я убедилась, что посещение это совершенно из-

лишне» (РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.326. Л.1). О творчестве этой писательницы Волынский отзывался достаточно резко: «В "Столкновении" [см.: Русская мысль. 1891. №3. — Публ.] есть кое-какое искусство, но увьи! на фоне такой огромной и совершенно неосновательной претензии» (Волынский А.Л. Литературные заметки // Северный вестник. 1891. №6. С.209-210).

¹¹ *Клейбер И.* — неустановленное лицо.

¹² Л.Я. Гуревич в 1884-1888 училась на словесном отделении Высших женских (Бестужевских) курсов.

¹³ *Башкирцева Мария* Константиновна (1860-1884) — художница, автор «Дневника». Еще в студенческие годы личность Башкирцевой поразила Л.Я. Гуревич, в определенной степени повлияв на ее творческую судьбу. Марии Башкирцевой были посвящены первые самостоятельные произведения Гуревич (Памяти Башкирцевой // Новости и биржевая газета. 1887. 11 июня; М.К. Башкирцева // Русское богатство. 1888. №2). Позже Гуревич опубликовала полный перевод «Дневника» М.Башкирцевой (Северный вестник. 1892. №1-12), который до 1916 выдержал несколько переизданий.

¹⁴ *Бастьен Лепаж* — французский художник, с которым М.К. Башкирцеву связывали романтические отношения.

¹⁵ *Давыдова Александра* Аркадьевна (1848-1902) — журналистка, литератор, жена К.Ю. Давыдова, хозяйка литературно-художественного салона в Петербурге. В конце 1880-х была секретарем журнала «Северный вестник», а в конце 1890-х создала и редактировала журнал «Мир Божий», позже переименованный в «Современный мир». Александра Аркадьевна была одной из женщин, сыгравших определенную роль в судьбе Волынского. Завсегдатай салона Давыдовой, Волынский по ее рекомендации с 1889 начал сотрудничать в «Северном вестнике», журнале, который для него и для Л.Я. Гуревич явился крупной вехой в творческой биографии. В период, когда журнал испытывал финансовые трудности и возникла угроза его закрытия, А.А. Давыдова предприняла шаги для покупки издания, с тем чтобы сделать его трибуной для выступлений Михайловского при сотрудничестве Волынского (хотя противоположность позиций двух литераторов уже в то время обозначилась достаточно ясно). Этому плану не суждено было осуществиться. После болезненного для Давыдовой ухода из редакции «Северного вестника» (она резко осуждала позицию нового состава редакции), отношение ее к своему протеже оставалось дружески-доброжелательным, о чем свидетельствуют письма Давыдовой к нему (см.: РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.461. Л.1-31). Позже Александра Аркадьевна продолжала живо интересоваться работой Волынского в журнале, давала ему советы:

1 мая [1890 г.]

/.../ Отчего Вы ничего не написали о «Северн[ом] вестн[ике]»? Что он, бедный? В какие перейдет руки? /.../ (Там же. Л.2об).

4 мая [1890 г.]

/.../ Поверьте, голубчик, *работать* в журнале, который уважаешь, очень приятно, но быть *одним из администраторов* его — это не весело и не легко! /.../ (Там же. Л.5об.)

Когда руководство журнала обновилось, Александра Аркадьевна еще некоторое время находилась в заблуждении по поводу отношения Волынского к «старым» писателям. (Аким Львович, по всей видимости, не торопился его развеять!). Когда же Давыдовой стало известно истинное положение вещей, она возмутилась, попыталась «образумить» Волынского, явно недооценив решительности его характера.

20 мая 1890 г.

/.../ Положительно я «отравлена» журналом! /.../ За две тысячи верст сию и волнуясь и всех, всех поголовно в душе браню. Да, браню и Вас, потому что Вы меня вводили в заблуждение! Из Вашего последнего письма я вывела заключение, что Мих[айловского] приглашали в редакцию /.../. Мне кажется, что молодая редакция должна бы была сделать *все, все* от нее зависящее, чтобы привлечь в редакцию Мих[айловского], и Успенского и даже Южакова! И поверьте, общество бы, *читающее* общество сказало бы Вам всем большое спасибо /.../ (Там же. Л.15-15об., 19-19об.).

20 июля 1890 г.

Ах, Аким Львович, голубчик, страшно мне за Вас, не в свою Вы попали компанию! /.../ (Там же. Л.9).

Волынский не внял дружескому совету, он рвался в бой и, по всей видимости, наконец сообщил о своей позиции Давыдовой вполне определенно.

Последнее письмо Давыдовой свидетельствует о разрыве их отношений.

19 августа 18[90] г.

Дорогой Аким Львович, первое впечатление по прочтении Вашего письма было — злость, злость на Вас такая, что бы просто разорвала Вас, будь Вы тут. /.../ Приходите обедать, жду Вас искренне и ташу за фалду, но, право, в последний раз. (Там же. Л.29,31).

¹⁶ Видимо, имеется в виду *Лидия Карловна* — дочь К.Ю. и А.А. Давыдовых, впоследствии замужем за известным экономистом М.И. Туган-Барановским. Она была не единственной слушательницей А.Л. Волынского, к ней присоединялись посетители салона Давыдовых. Часть курса лекций была опубликована: Критические и догматические элементы в философии Канта // Северный вестник. 1889. №7. С.9-12.

¹⁷ Письма Спинозы в переводе с латинского Л.Я. Гуревич появились в печати в 1891. Волынский участвовал в работе в качестве редактора.

Спиноза и его философские взгляды привлекали внимание Волынского еще в студенческие годы. Результатом изучения его работ явилась первая крупная статья Волынского «Теолого-политическое учение Спинозы», опубликованная в журнале «Восход» (1885. №10-12). Ее редактировал П.И. Вейнберг, который рекомендовал исследование вниманию Н.К. Михайловского.

¹⁸ *Еврейнова* Анна Михайловна (1844-1919) — юрист по образованию, редактировала журнал «Северный вестник».

¹⁹ «Северный вестник» (1885-1898, СПб.) — литературно-научный и политический журнал. История его деятельности распадается на два основных этапа. До мая 1890, когда во главе журнала стояла А.М. Еврейнова, он продолжал линию закрытых «Отечественных записок», на его страницах выступали литераторы народнического толка: Н.К. Михайловский, А.М. Скабичевский, Г.И. Успенский, В.Г. Короленко, А.Н. Плещеев, С.Н. Южаков и др. (Потом был короткий промежуток времени, когда журнал издавал и редактировал Б.Б. Глинский). С 1891 руководство журналом переходит в руки Л.Я. Гуревич и А.Л. Волынского, которые привлекли к работе в нем новые силы — в первую очередь писателей-декадентов: Н.М. Минского, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус; журнал приобрел репутацию органа политического либерализма.

²⁰ Конфликт между А.М. Еврейновой и Н.К. Михайловским закончился уходом последнего из редакции «Северного вестника».

²¹ «Русская мысль» (1880-1918, М.) — научно-литературный и политический журнал.

²² «Русские ведомости» (1863-1918, М.) — политическая и литературная газета либерально-земского направления, позже орган кадетской печати.

²³ «Русское богатство» (1876-1918, СПб.) — литературный журнал; в 1890-1910 предоставлял свои страницы последовательным критикам модернизма. С 1892 редактором журнала был Н.К. Михайловский.

²⁴ *Южаков* Сергей Николаевич (1849-1910) — публицист, социолог, стоял на позициях народничества.

²⁵ *Лесевич* Владимир Викторович (1837-1905) — публицист, философ-позитивист.

Позиция Волынского, выражаемая им в статьях на страницах «Северного вестника», была направлена на разрушение основ демократической критики. С.Н. Южаков высказался против сотрудничества в журнале противника Лесевича, предложив Еврейновой выбор между ним и Волынским. Еврейнова отстаивала правоту последнего, и Южаков вслед за Михайловским вышел из состава редакции. Волынскому после этого было поручено руководство двумя отделами журнала: философским и литературного фельетона.

В дальнейшем конфликт становился все острее. Именно эти обстоятельства он имел в виду, когда писал о «величайшем негодовании»

Н.К. Михайловского, «опрокинувшемуся на его голову», и о «знаменательном разрыве со старыми богами». Полемика Волынского с Михайловским на страницах журнала привела к скандалу. Заседание третейского суда под председательством В.Д. Спасовича знаменовало конец первого периода в истории «Северного вестника». Со сменой руководства изменилось и направление журнала.

²⁶ *Пассовер* Александр Яковлевич (1840-1910) — юрист, адвокат. «К числу внешних примет его оригинальности в сфере профессии относят охотно даже такие мелочи: он по-старомодному носит фрак застегнутым на все пуговицы; являясь в суд, он не снимает перчаток, пока не настанет минута говорить перед судом; при нем никогда нет портфеля с книгами законов и деловыми бумагами», — так отзывались об А.Я. Пассовере друзья на 25-летнем юбилее его адвокатской деятельности (Карабчевский. А.Я. Пассовер // Северный вестник. 1897. №3. С.320).

²⁷ *Пытин* Александр Николаевич (1833-1904) — литературовед.

²⁸ *Ламанский* Владимир Иванович (1833-1914) — ученый-славист, профессор Петербургского университета.

²⁹ *Аксаков Иван Сергеевич* (1823-1886) — публицист, поэт, редактор. Сын С.Т. Аксакова.

³⁰ См. прим. №15, 25.

³¹ Говоря о «крестном пути» «Северного вестника», Аким Львович не сгущал краски, имея в виду 2-й этап в истории деятельности этого журнала, когда издательницей стала Л.Я. Гуревич, доверившая ему функции главного редактора. Годы работы в журнале, несомненно, сыграли важную роль в творческой и человеческой биографии как Гуревич, так и Волынского.

Весьма резкие по тону статьи Волынского, которые появлялись почти в каждой книжке журнала, в конце концов привели к тому, что он был подвергнут критике со стороны как правого (демократы), так и левого (модернисты) крыла русской журналистики и остался в полной изоляции. В последней книжке «Северного вестника» (1898. №10-12) была помещена большая статья Волынского о символизме — ответ Н.М. Минскому. Автор подвел итог своей работы в качестве литературного критика. Деятельность его в этом качестве закончилась вместе с закрытием «Северного вестника». «Для русской журналистики я был и остался еретиком», — писал Аким Львович несколько позже в «Книге великого гнева» (СПб., 1904). Волынский расценивал деятельность Гуревич в журнале как подвиг: «Издание оказалось в руках писательницы с героической судьбой русской женщины». — РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.1104. Л.7. — (Браудо Е.М. Аким Львович Волынский: Материалы для биографии. — Черно-вая рукопись с правкой А.Л. Волынского. Цитируемая фраза написана рукой Волынского). Вместе с тем он признавал необходимой и принимал как должное ее жертвенность. (Друидесса!)

Организационные сложности, разрешение постоянных конфликтов, финансовые затруднения — все это ложилось на плечи Гуревич. Литера-

турная же ее деятельность в собственном издании была довольно скромной. Для Л.Я. Гуревич закрытие журнала означало не только моральные, но и ощутимые материальные потери. Она пережила сложный период, серьезно болела, но позже все-таки вернулась к творческой деятельности.

³² Наиболее значительным произведением Л.Я. Гуревич, опубликованным в «Северном вестнике», был роман «Плоскогорье» (1895. №9; 1896. №9-12; 1897. №1-4). В качестве публикатора она подготовила и издала «Дневник» М.Башкирцевой (Там же. 1892. №1-12), а также «Записки» и «Записные книжки» А.О. Смирновой (Там же. 1893. №2-12; 1894. №1-6, 9; 1895. №6, 10, 12; 1896. №11; 1897. №1).

³³ *Сологуб* Федор Кузьмич (наст. фамилия Тетерников; 1863-1927) — писатель.

³⁴ Волынский А.Л. Русские критики. СПб., 1896. В сборник включен цикл статей, написанных в 1892-1896, основной мыслью которых являлась переоценка эстетического наследия революционеров-демократов. Книга вызвала негативную реакцию со стороны почти всей тогдашней русской печати.

³⁵ Волынский А.Л. Леонардо да Винчи. СПб., 1900. Это наиболее известное и значительное произведение критика. Автор сначала опубликовал свое исследование в «Северном вестнике» (1897. №9-12; 1898. №1-4). Книга получила высокую оценку в России и за рубежом, особенно в Италии. (Волынскому даже было присвоено звание почетного гражданина Милана). «В отдельном помещении государственного дворца (Кастелло Сфорцеско) помещены все собранные Волынским материалы по итальянскому Ренессансу и зафиксированы в отдельном печатном каталоге с учеными разъяснениями администрации музея. Каталог назван "Коллекция Волынского"». (РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.16. Л.3. Биография А.Л. Волынского).

Параллельно с исследованием творчества Леонардо да Винчи Волынский выступил с критикой концепции «нового Возрождения» Ницше, которую отстаивали многие символисты.

Следует отметить третью крупную работу критика (наряду с «Русскими критиками» и «Леонардо да Винчи») — сборник статей Волынского «Борьба за идеализм» (СПб, 1900), вышедший в тот же период, в котором он призывал к модернизации народничества, борьбе не за социально-политическое переустройство общества, а за духовную революцию. (То есть, в сущности, к тому же, о чем писал в «Леонардо да Винчи». Только в данном случае нарек на себя гнев не символистов, а демократов и консерваторов).

³⁶ *Струве* Петр Бернгардович (1870-1944) — экономист, философ, историк, публицист.

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865-1919) — экономист, «легальный марксист».

Видимо, Гуревич искала для Волынского выхода из той изоляции, в которой он оказался благодаря выступлениям в печати.

³⁷ См. прим. 31.

³⁸ В 1911-1916 в газете «Речь» Л.Я. Гуревич заведовала театральным отделом, писала рецензии.

СИЛЬФИДА Статья третья

Я познакомился с З.Н. Гиппиус в первый же день ее приезда в Петроград¹. Ко мне явился Д.С. Мережковский и, сказав, что он женился на Кавказе, о чем известил меня, впрочем, и раньше письмом, потребовал, чтобы я пришел вечером того же дня к нему на чай. Вечером я был у него, где-то в районе Технологического института. Помню первое мое впечатление от З.Н. Гиппиус. Передо мною была женщина-девушка, тонкая, выше среднего роста, гибкая и сухая, как хворостинка, с большим каскадом золотистых волос. Особенно осталась в памяти ее походка. Шажки мелкие, поступь уверенная, движение быстрое, переходящее в скользящий бег. Глаза серые, с бликами играющего света. Здороваясь и прощаясь, она вкладывала в вашу руку детски-мягкую, трепетную кисть, с сухими вытянутыми пальцами. Таковы общие очертания этой фигуры, сразу бросающейся в глаза, с почти мальчишеской грудью и вместе с совершенной женственностью цельного впечатления. Имя Гиппиус скоро прогремело в литературных кругах. Она писала стихи, мелкие рассказы, и Мережковский сразу же дал им ход в «Северном вестнике» и в «Вестнике Европы»².

Но вернемся к женственности. Это была женственность существенно девического характера, с капризами и слезами, со смехом и шаловливой игрой, с внезапными приливами ласкового внимания и столь же внезапными охлаждениями. Кокетливость достигала в ней высоких степеней художественности. Вдруг она, выткнувшись красивым деревцем, играя платочком, стыдливо и призывно опускала глаза несколько вбок. Однажды какой-то паж, пришаркавшийся к молодой поэтессе с галантностью великосветского ухажера, простоял около Гиппиус в растерянном и тающем восхищении добрых несколько минут, ни разу не поймав ее взгляда. Она же, симулируя полудетскость, вытянув все черты своего лица в несерьезном раздумьи, глядела в сторону. Это была настоящая картинка амуреточной игры, на какую была способна только З.Н. Гиппиус. При этом манера разговаривать с партнером у нее была безукоризненно литературная, при налитости всех слов и фраз соками играющей жизни. Странная вещь, в этом ребенке скрывался уже и тогда строгий мыслитель, умевший вкладывать

предметы рассуждения в подходящие к ним словесные футляры, как редко кто. Гиппиус делала замечания, в особенности стилистического характера, отличавшиеся большою тонкостью суда и оценки. Было любо читать молодой писательнице свою статью, хотя бы на самую отвлеченную философскую тему. Она следила за развитием мысли и, порхая вместе с вами на высоте, посылала вам свой неожиданный щебет сочувствия или неудовольствия, всегда как нельзя более кстати, метко и красиво.

Кажется, в этих словах, сбежавших с пера почти произвольно, Зинаида Николаевна Гиппиус вспомнилась мне в двух основных своих стихиях, образующих эту замечательную личность. Одна стихия — это внешняя оболочка ее индивидуальности. При всей прелести деталей, при сильфидной пленительности походки, жестов и воздушной мимики, в тембре ее существа слышался всегда тревожный крик треснувшего стекла. Это чувствовалось решительно всеми и превращало отношения к З.Н. Гиппиус, несмотря на неугомонную ее амуреточную игру, в некую литургию. Вы невольно приобщались к телу и крови этой женщины-девушки. Вы участвовали в евхаристическом пиршестве, в котором было мало радости и много слез — слез не всегда немедленных, но всегда назревающих, грядущих. На поверхности была, по отношению ко всякому сколько-нибудь интересному собеседнику, — настоящая комедия любви, обаянию которой все и поддавались, кончая самыми замкнутыми, затворенными и угрюмыми партнерами. А внутри кипели бури серьезнейших мотивов. Приходилось говорить на высокие темы, участвовать в интересах и запросах творческой работы молодой писательницы, придумывать с нею вместе целые пассажи в намеченных ею беллетристических произведениях. По отношению к одному из ее романов, в котором имеются прямо золотые страницы пейзажно-описательного характера, мне пришлось сыграть роль подвижного манекена, модели, на которую Гиппиус навешивала всевозможные костюмы. Туда даже попало одно личное письмо мое в весьма несущественной переломке, целиком, всеми своими фразами. Она нашла в нем тяжеловесность металла, именно ей недостававшего в то время³.

Однажды в сумеречный летний вечер мы сидели с ней на скамейке северной дачи, после длинной прогулки узенькой дорожкой через лес. В разговоре на какую-то тему, перебирая аллегории и сравнения, мелькающие в произведениях новейших поэтов, я указал ей на то, что небо обыкновенно описывается довольно шаблонно. То это твердь с мигающими звездами, то это голубой купол над нашими головами. Все это не то, все это мертво. З.Н. Гиппиус насторожилась и слушала со всем напряжением пьющего

внимания. Я сформулировал мою мысль таким образом. Неба неподвижного нет. Просто дым над нами, дымная движущаяся бесконечность. Никто, как она, как эта обаятельнейшая в мире сильфида, не умел так благодарить за слово, удачно гармонировавшее с запросами души. Она съезжилась в своих узких плечах и, пожимая детской ручкой мою руку, сказала мне, что она использует такую точку зрения в своих стихах.

Но, входя во вторую стихию своей личности, З.Н. Гиппиус вступала в мир какого-то фантастического бреда. В иных делах ее нельзя было отличить действительной жизни от игры фантазии. Она умела писать чужими почерками разные письма разным людям, том числе и своему мужу, которому она посылала по почте разные эпистолярные восторги, как суррогат недостававшей ему славы и общей сочувственной оценки, под замысловатым псевдонимом Снежной королевы. Я пробовал отклонять ее от этого, но она живо возражала, что здесь нет никакого обмана, никакой иллюзии, что это настоящая действительность, представляющая в идеале то, чего нет в реальности. Я готов допустить, что, читая такие письма, Мережковский мог почувствовать себя в те времена ободренным, утешенным и даже взволнованным. Я же лично, тоже слегка вовлеченный в эту прелестную эпистолярную игру, получал письма, иногда написанные моим собственным почерком и заключающие в себе полемику с моим поведением по тому или другому, то литературному, то житейскому казусу⁴. Здесь же следует отметить, что стиль писем З.Н. Гиппиус был действительно несравненным. Иные из этих писем лучше обширных статей Антона Крайнего⁵, с его придирочным тоном и повадками бабьих пересудов. Тут все чеканно-просто, коротко и содержательно. При этом в основе — философическая серьезность, редкая в женщине способность к созерцательно-логическому мышлению. Писем этих, вероятно, очень много в литературных кругах, и когда-нибудь собрание их могло бы явиться живейшим документом-иллюстрацией к картине нашей литературно-общественной жизни, в момент зарождения декадентства⁶.

Вот настоящая декадентка тех замечательных дней, не выдуманная, плоть от плоти эпохи, и самая исковерканность, даже играющая лживость входили в подлинный облик конца века, как симуляция входит в состав симптомов истеро-эпилепсии. Не будем особенно печалиться по поводу этой патологической стороны явления, особенно с литературной точки зрения, и не забудем, что именно в России патология дала обществу безмерно много откровений и что даже великий Достоевский был эпилептик. В этой эпохе глубочайших переломов патология и не может отсутст-

зовать: новый свет проникает в общество сквозь щели разорванной и раздвоенной личности. Строго научный анализ всего, что сделано З.Н. Гиппиус пером, анализ психофизиологический, привел бы нас к несомненному убеждению, что все тут естественно и естественно в своем роде. История идет своими путями именно через разрывы и конфликты в своих лучших и наиболее восприимчивых представителях.

Знакомство мое с Гиппиус, начавшееся в описанный вечер, заняло несколько лет, наполнив их большою поэзией и великою для меня отрадой⁷. Вообще, Гиппиус была не только поэтессой по профессии. Она сама была поэтична насквозь. Одевалась она несколько вызывающе и иногда даже крикливо. Но была в ее туалете все-таки большая фантастическая прелесть. Культ красоты никогда не покидал ее ни в идеях, ни в жизни. Вечером, опустивши массивные шторы в своем кабинете дома Мурузи на Литейном⁸, она любила иногда распускать поток своих золотых сальфидных волос. Она брала черепаховый гребень и проводила им по волосам, вызывая искорки магнетического света. Было в этом зрелище что-то предвечно упоительное. Откуда, в самом деле, берется в людях это любование самим собою и при том любование не реальным своим обликом, а праисторическими какими-то своими подобиями, где легенда сливается с мифологией? Когда Гиппиус делала этот расчес волос, играя точно смычком по бесчисленным струнам, она производила на меня впечатление существа, попавшего в этот мир с каких-то белооблачных гиперборейских высот. Она не была никогда друидессой и не могла ею быть. В ней воплотилась гиперборейская женщина легендарно-мифологических времен, еще до походов с северных высот, определивших судьбы нового мира. Отмечу еще черточку в том же духе, в том же поэтическом направлении. З.Н. Гиппиус любила огонь. В разведенном ею огне была однажды сожжена не нравившаяся ей моя шляпа. Сидя в столовой у Мережковских, я услышал крик веселого смеха. Я был вызван спешно на кухню и мог еще присутствовать при гибели моего злополучного головного убора. Шаловливая писательница подпрыгивала от радости, хворостинка вся изгибалась в детском триумфе. Наконец-то ненавистная шляпа перестала существовать. Домой пришлось мне вернуться в шляпе Мережковского, и тут, впрочем уже не впервые, я мог убедиться в том, что наши головы нуждаются в разных уборах!..

Как друг, как товарищ, как соучастник в радости и в горе З.Н. Гиппиус была неповторима. Ее заботливость простиралась на состояние вашей обуви, на дефекты вашего белья. В ней не было никакой схематичности. Живые конкретные детали в жизни ближ-

него всегда ее занимали. Это испытали на себе многие из ее приятелей, и уже совершенно благословенной была доля ее друзей. Покойный С.А. Андреевский⁹, пришедший ко мне по одному театральному делу незадолго до своей смерти, вспомнил эту черту З.Н. Гиппиус с оттенком взволнованной благодарности.

Я не вдаюсь в расценку литературного труда З.Н. Гиппиус. Только отмечу коротко и бездоказательно, что она представляет собою живое и выдающееся явление в русской литературе. В частности, ее описания неба не знают себе равных. Она показала тут мастерство, тонкость восприятия и подлинное чувство природы. Всем этим я сейчас не занимаюсь. Я только хочу выделить мысль, что на пути моих знакомств с типами различных женщин — это была женщина в полном смысле слова необыкновенная. Мысленно, благодарною памятью, я еще и сейчас люблю освежаться в струйках света, сиявшего мне во дни борьбы.

Старый Энтузиаст.

14 сентября 1923 г.

¹ Таким образом, по сведениям Волынского, его знакомство с Зинаидой Николаевной произошло в 1889. Гиппиус также писала об этом, не называя точной даты: «Его [Волынского. — *Публ.*] со мной познакомил Д.С. [Мережковский. — *Публ.*] на каком-то литературном вечере давно, сказав мне после, что он занимается философией». (Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // В кн.: Ее же. Живые лица: Воспоминания. Т.2. Тбилиси, 1991. С.197).

² См. прим. 19 к ст.2. «*Вестник Европы*» (1866-1918, СПб.) — журнал буржуазно-либерального направления.

³ Имеется в виду новелла З.Н. Гиппиус «Златоцвет», впервые опубликованная в «Северном вестнике» (1896. №2-4). «Подвижными манекенами», «моделями», по выражению Волынского, при работе над этим произведением автору послужили не только Аким Львович и сама Зинаида Николаевна, художественно трансформированная история их взаимоотношений, но и Л.Я. Гуревич, Д.С. Мережковский и другие лица из их литературно-художественного окружения.

Сохранился ли оригинал письма Волынского, текст которого был использован Гиппиус в новелле (см.: Гиппиус З.Н. Златоцвет // В кн.: Ее же. Чертова кукла. М., 1991. С.502-503), установить не удалось.

⁴ Среди писем З.Н. Гиппиус к А.Л. Волынскому, хранящихся в РГАЛИ, есть подобные образцы. Например, в 1895 она писала: «А теперь посмотрите: я даже вашим почерком разучилась писать, не поняла, что особенность вашего письма не только в мелких буквах, но еще в редких строчках, а этого я не поняла на первой странице /.../. Устала писать вам, на первой странице не похоже, но вообще я чувствую, что ваш почерк — во мне. Это особенное ощущение» (РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.430).

⁵ *Антон Крайний* — один из псевдонимов З.Н. Гиппиус.

⁶ Волынский имел возможность судить об этом, т.к. являлся адресатом множества писем Гиппиус. (См.: ГЛМ. Ф.9; РОФ. 1357/2-24; РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.430).

⁷ Знакомство З.Н. Гиппиус и А.Л. Волынского продолжалось до 1897. Относительно этой даты более точные сведения сообщает Зинаида Николаевна (см.: Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // В кн.: Ее же. Живые лица: Воспоминания. Т.2. Тбилиси, 1991. С.203-204).

⁸ «Наш вечный "дом Мурузи"», — писала З.Н. Гиппиус о доме на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы (точный адрес: Литейный, 24). Мережковские жили здесь в разных квартирах на протяжении многих лет (см.: Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. Указ. изд. С.234, 189).

⁹ *Андреевский* Сергей Аркадьевич (1847/1848-1918) — поэт, литературный критик, юрист, «патриарх декадентства», по словам В.А. Пяста.

ЯЩИК ПАНДОРЫ

[Статья четвертая]

Я боюсь, что перо мое недостаточно subtilно для того, чтобы справиться с этюдом, посвященным Иде Рубинштейн. Извне может показаться, что не о чем писать. Ида Рубинштейн определенно не входит ни в одну из двух больших категорий женщин России и Европы, о которых я писал. Она не праарийская женщина-друидесса и не неоарийская амуреточная героиня в очерченном эмоционально-истерическом смысле слова. Она еврейка по происхождению, но что же в ней еврейского в субстанциальном отношении? В сущности — ничего. Жизнь ее полна большого шума и авантюр. Но Иду Рубинштейн никоим образом нельзя сделать героиней романа. Тем не менее, целая отдельная глава посвящается этой женщине, воплощающей в себе в высшей степени замечательный и своенравный тип.

Я познакомился с Идой Рубинштейн, если не ошибаюсь, в ту эпоху моей жизни, когда, оторванный от непосредственного дела в связи с закрытием «Северного вестника», я был вовлечен в живой и тесный контакт с театральными кругами Петрограда¹: с Савиной², с Коммиссаржевской³, с Н.Н. Ходотовым⁴ и с домом Д.М. Мусиной-Озаровской⁵. Я любил бывать и особенно часто бывал в этом последнем доме. Хозяйка его — не то музыкантша, не то драматическая актриса, женщина с чутким ухом для литературного слова — устраивала у себя от времени до времени шикарные и многолюдные чаепития. Сам Озаровский⁶, не лишенный

комического дарования артист, педагог и литератор, явно всегда тяготел ко всему идейному и научному в театральной области. За столом у Озаровских иногда разгорались преволнительные дебаты, в которых принимали участие большие известности тогдашнего литературно-театрального мира. Д.М. Мусина обладала красноречием, иногда несколько ходульным, но неизменно сопровождавшимся блестящими непритворной приверженности к интересам сцены.

За этим столом я однажды и увидел молодую, стройную, высокую девушку в чудесном туалете, с пристально-скромным взглядом, отливавшим солнечною косметикою. Она произносила только отдельные слова, ничего цельного не говорила, вся какая-то секретная и запечатанная, а между тем она была и не могла не быть центром всеобщего внимания. Девушка эта претендовала на репутацию сказочного богатства и ослепительной красоты. О богатстве ее распространялись легенды. Это была Ида Львовна Рубинштейн. Она училась тогда драматическому искусству у Ленского⁷ в Московском театральном училище⁸, проводила летние месяцы в Петрограде и в это время своего пребывания в столице искусственно вздувала кругом себя и около себя конвульсивные, фантастически-сенсационные волны. Девушка мечтала стать режиссером в современном театральном деле и для реконструированного ею театра решила воздвигнуть здание из розового мрамора. Этот театр из розового мрамора был у всех на устах, и простодушно-наивные супруги Озаровские уж разрабатывали какие-то практические планы, чтобы обеспечить себе участие и добрую долю в предстоящих немислимых выгодах от грандиозного предприятия. В своем рассказе я не держусь никаких точных исторических дат, допустимо, в самом деле, что я могу впасть в какие-нибудь хронологические и топографические ошибки. Но суть дела я передаю точно и верно. Ида Рубинштейн стояла в центре совершенно исключительной литературной галлюцинации.

Это была действительно красавица декоративного, ослепительного типа, сошедшая с полотна одного из художников французской Директории⁹. Лицо сухое и худое, с намеком горбинки на носу, смугло-серого цвета тончайшей кожей. Черты не крупные, но и не мелкие, в ансамбле же своем дававшие впечатление значительности. Жизнь на этом лице трепетала зрительно-нервная в вибрациях утонченной неги, дававшей свою тоже утонченную, почти неувловимую артистически-емкую полную игру. Ни пятнышка, ни микроба банальности. В полном смысле слова *distinction**

---

* *distinction* — благовоспитанность (*франц.*).

была присуща лицу, фигуре, движениям, походке и туалетам, от шляпы до ботинок, этой прекрасной девушки. Лоб твердый, не очень высокий, с отпечатком воли, а под ним — семитские глаза в узенько-остром разрезе. Все окружавшие Иду Рубинштейн в тогдашних театральном-литературных кругах казались чуть ли не ее лакеями; даже Фокин¹⁰ и Бенуа¹¹, даже Санин¹² и Озаровский — многие обращались к ее советам; всегда изысканно-любезная и ученически-почтительная, [она] отличалась приветливою мягкостью.

Не забуду дня, когда, встретившись с Идой Рубинштейн в Афинах, я отправился вместе с нею по дачной железной дороге в Фалерон¹³ на обед. На площади в виду Саламина¹⁴, круглой, тесной и уютной, играла музыка и было довольно много публики. Уже при входе нашем все глаза обратились на нее в таком сенсационном внимании, что мне стало неловко. Ида Рубинштейн была одета в чудеснейшее летнее прозрачное легкое платье с горноставовой отделкой. При этом шляпа фантастических размеров с большим белоснежным страусовым пером отбрасывала на выразительно-сдержанное лицо мягкую тень. Обед прошел у нас замечательно. Никто не умеет так обедать, как Ида Рубинштейн. Протянуться длинной рукой к закуске, взять ложку, спросить или ответить что-нибудь лакею, при этом хохотнуть вам трепетно блеском зубов, пригубить вино и с небрежной лаской налить его соседу — все это музыка, веселье, радость. И тут же разговор на труднейшую тему, в котором Ида принимала живейшее участие, даже не без некоторой эрудиции, особенно пленительной в таких устах.

Конечно, все это представляло собою спектакль для восторженных и не всегда скромных наблюдателей. Яркость Греции, — где мне такие попадались среди женщин с редкостного бывшего востока. Но я тут же должен сказать, что такой спектакль привлекал сам по себе восторженное внимание не в одной только Греции, но и в самом изысканном отеле Парижа и Вены. Своим присутствием Ида являлась редкостным украшением для кавалера или того туза, в сопровождении которого она появлялась здесь или там. Я вполне могу понять, что такая дама, умеющая войти в автомобиль и карету, пройти с лорнетом по картинной галерее или войти в театральную ложу с импонирующим видом, сразу привлекающим внимание всего зрительного зала, — такая дама явилась бы, конечно, идеальной спутницей для любого Рокфеллера или Ротшильда. Тут вся суть, весь нерв, весь секрет — в высочайшей декоративности. Ида Рубинштейн — это прежде всего — пластика, орнамент, красота, мечта о деньгах, о театре из розового мрамора, человек же тут где-то вдали, если и вообще он есть.

Ида осторожно, тонко и с великим тактом культивировала со своей стороны все легенды, создававшиеся вокруг ее имени. Если она возвращалась из Африки, то не только сейчас же возникали слухи о грандиозной охоте с ее участием на львов и слонов, но и в самом деле в чудесном будуаре красавицы ревели по ковру живой крошечный леопард. Если она возвращалась из Италии, то все обволакивалось славою Д'Аннунцио¹⁵. Д'Аннунцио пишет для нее пьесу, Д'Аннунцио приезжает в Париж на первое представление холодно принятой пьесы, Ида принимает его в своей уборной с приветливой улыбкой и, в королевском равнодушии к доносящимся из зрительного зала свисткам, просит о новой пьесе, согласие на которую Д'Аннунцио тут же ей восторженно дает.

А между тем спросим себя со всею искренностью и в забвении комплиментов Сары Бернар¹⁶, представляет ли Ида Рубинштейн крупное артистическое явление? Скажу с полной откровенностью, что я в этом сомневаюсь. Для сцены она слишком душевно суха, слишком рассудочна, слишком лишена безоглядной непосредственности. Для драматической сцены нужны не столько стилизованные позы и красота фигуры — пусть и чрезвычайная, — сколько живой и творческий рефлекс. Но и для балетной сцены Ида Рубинштейн, по-моему, тоже не годна, сколько бы Бакст¹⁷ ни накладывал на ее схематически высокие ноги румянца и светотени, и сколько бы Фокин ни сочинял приемов и трюков хореографической исключительности, для которой у самого заинтересованного балетмейстера-плебея по воспитанию и натуре — нет никаких композиторских данных. Она не годна для балета уже органически потому, что для балета нужна не пластика костюма, а пластика нежного и гармонического тела, каким Ида Рубинштейн обделена по природе. В балете она могла бы быть разве лишь шикарнейшей королевой-мимисткой, от которой почти никакой — ни пластической, ни чисто хореографической культуры — не требуется¹⁸.

Ида Рубинштейн никогда не умела поднимать около себя поэзии и болезненных волнений. Шумели, плескались вокруг нее, чего-то ждали, а видели только блеск. Даже шампанское не помогало. Играя за столом, усыпанным цветами, скользкими улыбками и прелестным наклоном головы к кавалеру, она иногда, разгорячившись по-своему, в порыве восхищенного экстаза бросала на дно вашего бокала бриллианты, снятые с длинных пальцев. Но это, видимо, не помогало. Слишком все это было шикарно, слишком холодно, ослепительно и умопомрачительно, но не приятно для сердца. Кажется, всю жизнь эта замечательная женщина и боялась и желала того, чтобы кто-нибудь из-за нее застрелился.

Но вот прошли годы, и все здравствуют. Не застрелился никто, даже из разорившихся. Тут факты, тут ничего не поделаешь!

Нельзя уйти по логике вещей ни в какую декоративность, ни в какие бриллианты в шампанском. Не велика беда зарезать или зарезаться по любви, но велика беда быть только чарующим костюмом. Но такой кровопролитной любви Иде Рубинштейн и не нужно. Довольно и той широкой, почти мировой известности, которая окутывала ее имя и создавала из нее на скудной и печальной русской ниве такой пышный, роскошный, великолепный и забываемый цветок.

14 сентября 1923 г.

¹ С закрытием «Северного вестника» кончилась для Волынского эпоха «борьбы за идеализм» в литературе. Он оказался в изоляции относительно всех ее современных направлений, и сам понимал это достаточно ясно. На рубеже веков Волынский предпринял шаги в поисках новой платформы для приложения своих сил. Он путешествовал, читал лекции, круг его интересов включал научные, религиозные, искусствоведческие проблемы.

Пробудившийся интерес к драматическому театру, постепенно сложившийся круг знакомых (многие были из Александринского театра) обозначили новый период в жизни и творчестве Волынского. Большое значение для него имела встреча и сотрудничество с В.Ф. Коммиссаржевской. Волынский, видимо, заразил ее своим энтузиазмом, бурной энергией, воинствующим идеализмом суждений. Он ратовал за театр высоких целей, хотел «идейного шума, настоящего набата». Организуя свой театр, Коммиссаржевская пригласила критика возглавить его литературную часть. Театральные проблемы стали предметом обсуждения в их переписке. (См.: РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.193, 544). Волынский работал в театре Коммиссаржевской около двух сезонов (1904/05 и 1905/06) и покинул его неудовлетворенным, главным образом, в связи с приходом В.Э. Мейерхольда, чье понимание театрального искусства он осуждал. Впрочем, он невысоко оценивал работы и других режиссеров, пытавшихся ставить в этом театре. (См. эссе А.Волынского «Режиссеры» — РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.42). Подробнее о деятельности Волынского в театре Коммиссаржевской см.: Ситковецкая М.М. Еще о В.Ф. Коммиссаржевской. Обзор // Встречи с прошлым. Вып.3. М., 1978. С.348-379.

Такой поворот событий положил начало новой фазе в «театральной эпохе» в творчестве Волынского: на смену увлечению драматическим театром пришло углубленное изучение балетного искусства. В это время он посетил Грецию, его интересовала связь танцев с ритуальным действием, генезис балета. Балет остался сферой основных интересов Волынского до конца его жизни. Он приобрел известность как балетный критик, постоянно выступая на страницах «Биржевых ведомостей» и «Жизни искусства». Тогда же в его жизни появилась Ида Рубинштейн.

² *Савина* Мария Гавриловна (1854-1915) — актриса Александринского театра.

³ *Коммиссаржевская* Вера Федоровна (1864-1910) — актриса. С 1896 выступала на сцене Александринского театра, в 1904 организовала собственный театр.

⁴ *Ходотов* Николай Николаевич (1878-1932) — актер. Ученик В.Н. Давыдова. В 1898 был принят в труппу Александринского театра. Большое влияние оказало на него знакомство с Коммиссаржевской, связавшее их глубокое сердечное чувство. В 1908-1909 руководил Современным театром, а в 1912 открыл Драматические курсы. Выступал как драматург и педагог. В 1929 оставил сцену.

⁵ *Мусина-Озаровская* Дарья Михайловна (урожд. Мусина-Пушкина; по сцене Мусина) — актриса. В 1900-е — хозяйка литературно-художественного салона. В первом замужестве жена горного инженера А.Глебова, во втором — Ю.Э. Озаровского.

⁶ *Озаровский* Юрий (Георгий) Эрастович (1869-1927) — актер, режиссер, педагог. Ученик В.Н. Давыдова. Служил в Александринском театре. Оставил сцену в 1915.

⁷ *Ленский* Александр Павлович (настоящая фамилия Вервициотти — носил ее до 1897; 1847-1908) — актер, режиссер, педагог. Работал в Малом, Александринском и др. театрах. Создал Новый театр. С 1888 преподавал на Драматических курсах Московского театрального училища.

⁸ *Московское театральное училище* (1773-1909; с 1918 Театральное училище им. М.С. Щепкина) — одно из старейших русских театральных учебных заведений. Созданное при Московском воспитательном доме как Классы изящных искусств (драматического, балетного, вокального, музыкального), в 1784 было передано в ведение Петровского театра (Театра Медокса) в Москве, а в 1806 преобразовано в Московское театральное училище. В 1888 открылись Драматические курсы, где преподавали крупнейшие актеры Малого театра (А.П. Ленский, М.П. Садовский, Г.Н. Федотова и др.) и профессора Московского университета. В 1907 прием учеников был прекращен, в 1908 умер А.П. Ленский, а еще через год (1909) курсы были закрыты. Таким образом, И.Л. Рубинштейн была одной из последних выпускниц Драматических курсов.

⁹ Волынский, видимо, имел в виду период позднего классицизма во французском искусстве, когда художники, продолжая классические традиции, стремились к созданию гармоничного идеала (Ж.Л. Давид, Д.Энгр, П.П. Прудон и др.).

¹⁰ *Фокин* Михаил Михайлович (1880-1942) — артист балета, балетмейстер. Танцевал в труппе Мариинского театра, позже осуществлял там самостоятельные постановки. Работал в содружестве с А.Н. Бенуа, Л.С. Бакстом, Н.К. Рерихом, А.Я. Головиным, М.В. Добужинским. Его постановки составили основу репертуара «Русских сезонов» С.П. Дягилева в Париже. В 1918 уехал за границу. Работал с И.Рубинштейн в разные

периоды ее творчества в качестве балетмейстера-постановщика и балетмейстера-репетитора.

¹¹ *Бенуа* Александр Николаевич (1870-1960) — живописец, график, театральный художник, историк искусства, художественный критик и режиссер. Теоретик «Мира искусства». Как театральный художник работал в Марининском театре, Эрмитажном театре, Театре В.Ф. Коммиссаржевской, МХТ, БДТ, в антрепризе С.П. Дягилева в Париже. Со 2-й половины 1920-х жил за границей. Писал декорации к спектаклям балетной труппы И.Рубинштейн.

¹² *Санин* Александр Акимович (наст. фамилия Шенберг; 1896-1956) — актер, режиссер. Работал в МХТ, Александринском театре, Старинном театре. Участвуя в антрепризе С.П. Дягилева за границей, выступал как оперный режиссер — пропагандист русской оперной классики.

¹³ *Фалер* (*Фалерон*) — населенный пункт на побережье Греции недалеко от Афин.

¹⁴ *Саламин* — греческий остров в заливе Сароникос Эгейского моря. Д.С. Мережковский, посетив эти края, с восхищением писал: «Вот Саламин, вот мыс Сапиум, где до сих пор сохранились дивные колонны храма Паллады» (Мережковский Д.С. Вечные спутники (Акрополь). СПб., 1910. С.7).

¹⁵ *Д'Аннунцио* Габриэле (настоящая фамилия Рапаньетта; 1863-1938) — итальянский писатель-прозаик, драматург-модернист, пропагандировал эстетизм, ницшеанский культ сильной личности. М.М. Фокин вспоминал, что в 1913 он приехал из Петербурга в Париж для постановки танцев И.Л.Рубинштейн в пьесе Д'Аннунцио «Пизанелла» (Фокин М.М. Против течения: Записки балетмейстера. М.; Л., 1962. С.271).

¹⁶ *Бернар Сара* (1844-1923) — французская актриса. В 1872-1880 играла на сцене «Комеди Франсез», в 1898-1922 возглавляла «Театр Сары Бернар» в Париже.

¹⁷ *Бакст* Лев Самойлович (наст. фамилия Розенберг; 1866-1924) — живописец, график, театральный художник. Работал в Александринском театре; переехав в Париж, оформлял спектакли Дягилева. В 1913 в Париже, в театре «Одеон» он работал над декорациями к спектаклю Д'Аннунцио «Мучения святого Себастьяна».

¹⁸ Оценка Волынского, в целом верная, совпадающая с общепринятой в искусствоведении, все же слишком резка. Более объективным видится мнение М.Фокина, сдававшего акцент на конечном результате работы Иды Рубинштейн: «Мне за год занятий не удалось сделать из нее настоящей танцовщицы, и танец Саломеи мне пришлось приноравливать к ее возможностям. [Однако] в мимических ролях Клеопатры и Шехерезады, хотя она была и холодна, но, благодаря особенной внешности ее, удалось достигнуть очень необычайных линий и [как мне кажется] впечатлительного образа» (Фокин М.М. Указ. изд. С.496).

БУКЕТ
[Статья пятая]

У меня в памяти осталось еще несколько имен женщин, которых я не могу обойти молчанием. Все они принадлежат к различным слоям русского общества, отчасти примыкая к литературе, отчасти находясь совершенно в стороне от нее. Я полагаю, что и в рамках моих набросков можно описать их, отвлекаясь от профессиональных кругов печати и сцены, — поток действенной жизни заключает в себе все актуальное, в той или другой мере заметно влияющее на окружающий быт.

Из намечаемого ряда имен я должен сразу же выдвинуть имя немецкой писательницы Лу Андреас-Саломэ, имеющей к России лишь то отношение, что мать ее русская. Саломэ говорила довольно правильно по-русски, но вся ее жизнь и деятельность принадлежит Германии. Я познакомился с этой женщиной при следующих обстоятельствах. Имя Ницше еще не было известно в широких литературно-общественных кругах. Я как-то наткнулся на книгу Саломэ, представляющую биографию этого мыслителя, и, живо захваченный обликом, обрисовывающим замечательного человека, отдал книгу в перевод для «Северного вестника»¹. О самом Ницше я знал уже довольно много. Книгу «Рождение греческой трагедии»² я однажды нашел у себя на столе с маленькой записочкой Пассовера³: «Прочтите, коллега, эту замечательную вещь». К тому времени были также уже прочитаны «Заратустра»⁴ и «По ту сторону добра и зла»⁵. Другие книги Ницше, выпущенные в Германии полным собранием его сочинений, выписывались мною из-за границы и поглощались с жадностью. По поводу некоторых из этих произведений я уже успел напечатать в «Северном вестнике» кое-какие критические заметки. К сожалению, дальнейшая работа по этому вопросу была приостановлена тогдашней цензурой, которая нашла, что, несмотря на полемичный тон моих статей, они, в сущности, являются не чем иным как замаскированной агитацией против христианства⁶.

В это именно время мне подали однажды визитную карточку Лу Андреас-Саломэ. Она пришла познакомиться, выразив интерес к моим статьям о Ницше. Передо мною была настоящая писательница культурного европейского типа, широко и разносторонне образованная, воплощение чистоты, здоровья и умственной ясности, столь характерной для талантливой женщины вообще. Мужчина при ярком даровании может удариться в туман, носиться в фантазмагорических эмпиреях. Он шагает по высоте, окруженный идейными галлюцинациями и видениями. Женщина же, равным

образом одаренная, всегда ясно видит свою цель, свою тему, руководимая определенным волевым инстинктом, никогда ее не покидающим. Вот почему в возникающих спорах она то и дело может оказаться победоносной, как это я часто наблюдал у Гиппиус, у Гуревич и у многих других. Переубедить приходится даже не самую мысль женщины, а ее волю, что представляет несказанную трудность. Осада такой крепости всегда бывает долговременна.

Знакомство с Лу Андреас-Саломэ дало мне немало ценнейших сведений о Ницше. Я получил от нее возможность прочесть некоторые из писем к ней Ницше⁷, проникнутые глубокой и горячей любовью. В письмах выступала и безнадежность этой любви к женщине, которая ценила в нем все, кроме него самого. Саломэ увлекла Ницше, вероятно, именно своим здоровьем, полностью жизненных ощущений — столь контрастировавшей с изломом творческого духа гениального человека. Любовь эта была не только безнадежная, но и несчастная, ибо она разгоралась в нем в те же самые годы, когда на Ницше уже стал налетать туман безумия. Лу Андреас рассказывала мне много эпизодов из жизни Ницше, рисуя его гигантом мысли, но и всегда простодушным и искренним человеком. Он не допускал полемики, спора, даже разногласий. Но при всей фанатичной приверженности к своим идеям, мыслитель подчинялся любимой женщине с кротостью ягненка. У меня имеются фотографии карточки, где Ницше и Рей⁸ представлены впряженными в детскую повозочку, управляемую Лу Андреас-Саломэ⁹.

Мое знакомство с этой женщиной продолжалось не особенно долго. Я прожил целое лето у нее в гостях на даче в баварских Альпах¹⁰, дал ей сюжеты для некоторых работ по русской литературе¹¹ и у нее же на даче набросал первые эскизные штрихи моего «Леонардо да Винчи»¹². Фигура Старого Энтузиаста¹³ представлена там в обстановке гостеприимной виллы, где я жил. Там же я познакомился с Райнером Мария Рильке¹⁴, впоследствии столь прославившимся в новой немецкой литературе поэтом. С уточненного облика этого человека в стиле Пинтуриккио¹⁵ я и списал своего Юношу¹⁶, опекаемого Старым Энтузиастом. Сцена бури, описанная мною на первых страницах моей книги, воспроизведена с действительной бури, пронесшейся над Штарнбергским озером¹⁷, когда на пароходе находились Лу Андреас-Саломэ, баронесса Бюлов¹⁸, Райнер Мария Рильке и я.

Я не буду останавливаться на истории моих отношений и на моей переписке с этой писательницей¹⁹. Дополнию сказанное еще только штрихами ее физического портрета. Лицо плотное, мясистое, с крупными выражено-выразительными чертами. Шиньон в

могучем заплетении массивных кос. Глаза и лоб, выражающие ум и характер. В глазах мягкое сияние благородно-цельной натуры. Саломэ почти не снимала с себя балахона, будучи, кажется, не в состоянии заключить свое непокорное тело в корсет. И мне думается, что именно эта черта телесной свободы и стихийность действовали, между прочим, на всегда болезненного Ницше с особенною силою. Когда-нибудь это еще будет предметом ретроспективного изучения, после того, как Лу Андреас-Саломэ разрешит опубликовать при жизни или посмертно свой архив.

Перебирая памятью разные впечатления прошлого, не могу не остановиться восторженной мыслью на образе русской девушки, представшей как-то предо мною в период, следовавший за японской войной, когда я работал в театре В.Ф. Коммиссаржевской. Это была красавица в полном смысле слова — Маша Добролюбова. Ее знали в литературных кружках, высоко ценил Д.С. Мережковский, при входе ее в зал заседаний «Религиозно-философского общества»²⁰ у многих чувствовалось желание приветствовать ее появление вставанием. Это воплощенная святость — нежная, чуткая, вся точно устремленная на подвиг во имя вашего дела. Она не могла видеть нужды без того, чтобы не явиться сейчас же с помощью материальною или моральною.

Мне лично в тяжелые мои дни она приносила в пакетиках обе-ды и завтраки — то в Пале-Рояль²¹, где я тогда жил, — то в мой кабинет у В.Ф. Коммиссаржевской. Иногда приносила она и фрукты, а однажды и целый ананас. Чего эта замечательная душа искала от меня? Она любила слушать мои толкования к Евангелию²² и, как выразилась она в одном из ее писем²³, благодарила небо за то, что я имеюсь в числе живых существ на свете. Любви тут, конечно, не было никакой. Это была девушка недосыгаемая, неприкасаемая, вне какой бы то ни было телесной игры, вся подвижница, вся хлопотунья около больших и полезных дел. Тем не менее Осип Дымов в своем романе «Бегущие креста»²⁴ представил мою дружбу с этой чудесной девушкой в необычайно превратной форме и перспективе. В его изображении Маша Добролюбова являлась жертвой безнадежной любви ко мне, бесчувственному человеку, не удостоившему даже посетить могилу той, чье сердце разбил.

Маша Добролюбова погибла трагически. В период начавшейся революции 1905 года она оказалась арестованной и заключенной в тюрьму, откуда вышла с печатью неслыханного внутреннего расстройства. Какая-то катастрофа произошла с этой необыкновенной красавицей в стенах тюрьмы. Она никому ничего не сказала. Но пережить случившегося, по-видимому, не могла. Однажды Маша Добролюбова была найдена в своей комнате умер-

шею, причем родные ее воздерживались от всяких объяснений на эту тему. Я же лично допускаю, что она покончила жизнь самоубийством. Она принесла с собой на землю чистую большую душу и с такою же душою, без мельчайшего пятнышка, ушла от нас. В памяти знавших и видевших эту протоарийскую девушку она оставила впечатление живой иконы.

Обегаю мысленным взором галерею женщин, встретившихся мне на моем жизненном пути. Многим из них я обязан большими дружескими одарениями. В холодные и голодные зимние дни последних черных лет я находил в радушном и приклонном ко мне доме Грековой приют и минутный оазис. Исключительная доброта всегда литературно настроенной писательницы Елены Афанасьевны Грековой всегда лилась на меня потоками. Вспоминаются также гостеприимные дома Щепкиной-Куперник, покойной поэтессы Лохвицкой, Е. Бердяевой и Н. Н. Кульженко.

У Т. Л. Щепкиной-Куперник литераторы собирались особенно охотно, и в свое время у нее устраивались настоящие поэтически-беллетристические пикники. Щепкина-Куперник писала удивительные экспромты, которые часто лучше других ее выражают.

Лохвицкую, одну из интереснейших женщин в русской литературе, я помню неотчетливо. Стихи ее отливали огнем настоящей эротики в духе библейской «Песни Песней». А в домашнем быту это была скромнейшая и, может быть, целомудреннейшая женщина, всегда при детях, всегда озабоченная своим хозяйством. Она принимала своих гостей совсем на еврейский лад: показывала своих детей, угощала заботливо вареньем и всякими сладостями. Этот сладостно-гостеприимный оттенок имеет восточно-еврейский отсвет. В Лохвицкой блестящим образом сочетались черты протоарийской женщины с амуреточными импульсами, изливавшимися лишь в стихах.

Несколько в стороне от профессионального писательства, лишь изредка печатаясь, стоит фигура женщины, к которой с прощальным приветом обращается моя благодарная память. Это Н. Н. Кульженко, женщина красивейшая, редчайшей душевной и умственной отзывчивости, исключительно верный товарищ в жизни, может быть, лишь чуточку бросавший порою в нашу дружбу тяжеловатые гирьки психологичности. М. Г. Савина²⁵ восторгалась общением с Н. Н. Кульженко и постоянно спрашивала меня: «Откуда в этой красивой женской головке столько подлинного ума?» «Это совсем не женщина, — говорила она, сопоставляя Н. Н. Кульженко с Д. М. Мусиной²⁶, — это у вас профессор какой-то». Дружба моя с Кульженко продолжалась несколько лет, составляющих одну из самых светлых полос в моей жизни.

Обозрев столько разных женских фигур в разных кругах и в разных условиях русского быта, я задаюсь вопросом: есть ли что-нибудь в русской женщине, отличающее ее от западно-европейской женщины? Это женщина несомненно амуреточного типа, но амуреточность в ней носит в большинстве случаев трагический характер. Она быстро идет на роман. В складывающейся семейной жизни она представляет собой форменную опасность. Семья может разбиться в каждую данную минуту, от первого соблазнителя. Но при такой легкости падений русская женщина переживает свой роман необыкновенно тяжело, требовательно, гиперпсихологично, с постоянными истерическими воплями и с готовностью броситься в воду по каждому пустяку. При этом женщины в России, как никакие другие, тяготеют к общественному строительству, к большим боевым задачам политики, вплоть до заговоров и политических актов. В этом отношении они воплощают черты древней друидессы несомненно и неоспоримо. Пусть только раздастся грохот войны и стоны раненых, как она уже в белом монашеском одеянии сестра милосердия, и здесь работает русская женщина самоотверженно, даже если она Ида Рубинштейн. Пусть вскипят первые огни революционного пожара, и ее фигура уже сразу видна в конспиративной квартире, в лаборатории бомб и на улице. Но и тут в кроваво-мрачном озарении революционных факелов русская друидесса легко вовлекается в игру амуретками, сливая часто службу с нежной дружбой, уход за больным с обожанием больного и понимая при этом оба вида труда и увлечений равно серьезно и трагически. Я думаю, что для распознавания отдельных сложных женских типов предложенная мною классификация дает ясные и верные пути.

15 сентября 1923 г.

¹ Андреас-Саломэ Л. Фридрих Ницше в своих произведениях. Очерк в 3-х частях // Северный вестник. 1896. №3-5. В примечаниях переводчика, помещенных редакцией журнала в качестве предисловия к очерку, отмечалось: «Автор книги, вышедшей под этим названием, — талантливая немецкая писательница. Она была ближайшим другом Ницше, и многое в ее очерках написано под его наблюдением. В обширной литературе о Ницше книга Л.А.Саломэ [так в тексте. — *Публ.*] составляет один из лучших первоисточников для биографии философа, а также одну из самых точных и блестящих характеристик его учения» (Там же. №3. С.273).

² Первое издание книги Ф.Ницше вышло под названием «Рождение трагедии из духа музыки» (1872), второе — «Рождение трагедии или эллинизм и пессимизм» (1886).

³ См. прим. 26 к ст. 2.

⁴ Точное название книги Ф.Ницше «Так говорил Заратустра» (1883-1885).

⁵ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла (1886).

⁶ А.Л. Волынский имел в виду свои выступления практически в каждом номере журнала «Северный вестник» в разделе «Литературные заметки». В дальнейшем, несмотря на запрет цензуры, он продолжал писать о Ницше и его философии. В книге «Леонардо да Винчи» он критиковал концепцию «нового Возрождения» Ницше, которую поддерживал Д.С. Мережковский, а в работе «Бог или боженька?» («Куда мы идем?» — М., 1910) — позицию Вячеслава Иванова, подчеркивавшего значение теории о возрождении новой расы в философии Ницше.

⁷ В своем очерке о Ницше (см. прим. 1) Саломэ цитировала некоторые письма философа к ней и к Паулю Рэ.

⁸ Волынский пишет о *Пауле Рэ*, имя которого было тесно вплетено в историю отношений Ницше и Саломэ. По приглашению Рэ Ницше в 1882 приехал в Рим, где познакомился с Саломэ, восхищавшейся его книгами. Луиза Густавовна произвела на философа большое впечатление, он увлекся ею. В письме к Гасту от 13 июля 1882 он писал о Саломэ: «Она пронзительна, как орел, и отважна, как лев, и при всем том, однако, слишком девочка и дитя, которому, должно быть, не суждено долго жить» (Ницше Ф. Сочинения: В 2-х тт. Т.2: Хроника жизни Ницше. М., 1990. С.822). В возникшем любовном треугольнике Рэ оказался соперником Ницше, причем счастливым. (Лу дважды отклоняла предложения Ницше о браке). Вскоре после знакомства Лу с сестрой Ницше Элизабет, произошел разрыв Ницше с Рэ и Саломэ (Элизабет, увидев в Саломэ «персонифицированную философию» брата, не оставляла попыток опорочить Лу, и это ей удалось). Осенью 1882 была написана музыкальная композиция Ницше на стихи Лу Саломэ «Гимн жизни». Чуть позже произошла их последняя встреча.

⁹ Видимо, речь идет о фотографии, сделанной в Люцерне 13 мая 1882. История ее появления видится весьма символично сквозь призму времени. «До него [Ницше. — Публ.] дошла сплетня, которая взволновала его; это была очень наивная история, но ее все-таки необходимо рассказать. Рэ, Ницше и Лу Саломэ захотели вместе сняться. Лу и Пауль Рэ сказали Ницше: "Сядьте в эту детскую колясочку, а мы будем держать ее ручки, это будет символическая картина нашего союза". Ницше отвечал: "Нет, в колясочку сядет m-lle Лу, а Пауль и я будем держаться за ручки"... Так и было сделано. Говорят, что m-lle Лу разослала эту фотографию многочисленным своим друзьям, как символ верховной власти» (Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. Новосибирск, 1992. С.150).

¹⁰ Супруги Андреас проводили лето 1897 на своей вилле в Вольфратсхаузене под Мюнхеном, где их посетил Волынский, совершавший путешествие по Европе.

¹¹ Видимо, Волынский имел в виду такие работы Лу Андреас-Саломэ, как «Лев Толстой — наш современник» (1898), «Русские повести» (1899)

и др., темой которых была русская литература. В них чувствуется влияние идей Вольтерского на автора.

¹² Вольтерский А.Л. Леонардо да Винчи. СПб., 1900.

Идея писать о Леонардо да Винчи возникла у Вольтерского во время его совместной с Мережковскими поездки по Италии (см. Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // Ее же. Живые лица: Воспоминания. Т.2. Тбилиси, 1991. С.204-206). Под «первыми эскизными штрихами» Аким Львович подразумевал не только разработку плана будущей книги, но и наблюдения, сделанные во время его пребывания за границей летом 1897, описания конкретных деталей и реальных эпизодов, таких, как поездка во дворец Людовика Баварского, сцена бури на озере, описание виллы Андреас и др., введенные им в текст «Леонардо да Винчи». Там же родились образы вымышленных персонажей, имевших реальных прототипов: Старого Энтузиаста и Юноши. Общение с Лу Андреас-Саломэ повлияло на Вольтерского в период работы над страницами книги о Леонардо, посвященными Ницше, личность которого очень его интересовала. Результатом бесед с Саломэ и «сбора информации из первоисточника» (письма, фотографии, произведения) явилась попытка Вольтерского создать образ и даже набросать портрет философа, претендуя на объективность своего видения этой личности. «А между тем теперь, пока еще сохраняются живые следы его личных знакомств и отношений, можно освободить его настоящий образ от ненужных преувеличений в ту или другую сторону. Это был болезненный человек, близорукий, с нежно очерченными губами и маленькими красивыми ушами. Он говорил тихим голосом, но речь его, полная образов и внезапных всплеск гениального ума, производила неизгладимое впечатление. С ним было трудно спорить. Способный быстро раздражаться до степени злой нетерпимости, Ницше не любил, когда ему возражали» (Вольтерский А.Л. Леонардо да Винчи. СПб., 1900. С.177).

¹³ Появление подобного персонажа было вызвано «полухудожественной» формой изложения материала, как указывал Вольтерский в авторском предисловии к «Леонардо да Винчи» (См.: Вольтерский А.Л. Указ. соч. С.11).

¹⁴ *Рильке Райнер Мария* (1875-1927) — австрийский поэт, писатель. Редактор «Северного вестника» вернулся в Петербург не с пустыми руками: уже осенью того же года в журнале появляется перевод рассказа Рильке «Все в одной» (1897. №10). Примечательно, что это была первая публикация Рильке в России.

¹⁵ *Пинтуриккё* (наст. имя и фамилия Бернардино ди Бетто ди Бьяджо; ок. 1454-1513) — итальянский живописец Раннего Возрождения.

¹⁶ Фигура Юноши Вольтерского представляется нам дополнительным материалом для размышлений на тему о том, как критик создавал портретные образы современников. В очерках «Русские женщины» — это реальные лица, с которыми он был знаком, в книге «Леонардо да Винчи» — это образ Ницше, созданный на основе чужих воспоминаний и доку-

ментов; и, наконец, художественные (или «полухудожественные») вымышленные персонажи: Старый Энтузиаст с чертами Леонардо и самого Вольтерского, и Юноша, прототипом которого был замечательный поэт, встреченный им на жизненном пути. В портрете Рильке видна попытка Вольтерского не только верно передать подмеченные черты оригинала, но и прозреть его дальнейшую судьбу. «Я думал о нем, не решаясь в душе определить каким-нибудь словом этот неуловимый характер, эту светящуюся красоту в хрупком, неокрепшем молодом теле. Кажется, его жизнь не больше, как мечта: он ездит по Европе, наслаждается произведениями искусства и нигде, никогда не соприкасается с мирской суетою. Он не участвует ни в каких житейских бурях, и даже трудно себе представить, что случилось бы с этою невинною красотой, если бы ее захватила и понесла настоящая жизненная стихия. В этом мальчике не должно быть никаких сил для разлада с самим собою и не только с самим собою, что всего тяжелее, но и с внешними обстоятельствами и силами. Это — душа без диалектики. Беспорочная и ясная, как звуки свирели в горах, она не может бороться и должна расти, когда перед нею предстанут сложные испытания» (Вольтерский А.Л. Указ. соч. С.169).

¹⁷ В приложении к своей книге Вольтерский поместил перевод одного из манускриптов Леонардо «Как представить бурю» (Вольтерский А.Л. Указ. соч. С.623). Используя свои впечатления от поездки по озеру, он провел параллель с этим описанием, сравнивая последовательность и содержание явлений природы (Там же. С.173-176).

¹⁸ Козима фон *Бюлов*, баронесса (урожд. Лист) — дочь венгерского пианиста, композитора и педагога Ференца (Франца) Листа (1811-1886); в первом замужестве жена немецкого пианиста и дирижера барона Ганса Гвидо фон Бюлова (1830-1894), во втором — жена немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813-1883).

¹⁹ В РГАЛИ в фонде Вольтерского его переписки с Саломэ нет.

²⁰ Религиозно-философские собрания (1901-1903) — общество, созданное представителями интеллигенции и церкви для обсуждения вопросов, касающихся религии и культуры. «Христианство, его данное и (потенциально) должное, его воплощение в мире, в истории, в человечестве — вот главная тема Религиозно-философских собраний 1901-1903 гг.» (Гиппиус З.Н. Первая встреча: К истории Религиозно-философских собраний 1901-1903 гг. // Ее же. Стихи. Воспоминания. Документальная проза. М., 1991. С.100). Стенографические отчеты собраний печатались в журнале «Новый путь». Собрания проходили в малом зале Географического общества на Фонтанке.

²¹ Адрес «*Пале-Рояля*», где сдавались меблированные комнаты: Петербург, Пушкинская ул., 20.

²² Тяготение к христианству, постепенно вытесняемое у Вольтерского апологией иудаизма, частично отражено в одной из его работ — «Черты Евангелия» (Пг., 1922).

²³ Писем М.М. Добролюбовой среди документов Вольтерского в РГАЛИ нет.

²⁴ Дымов Осип (наст. имя и фамилия Иосиф Исидорович Перельман; 1878-1959) — прозаик, драматург, журналист. Близко знал и высоко оценивал творческую личность Вольтерского: «В нем было что-то от древних пророков /.../ Казалось, прежде чем он нашел, он уже знал искомое, и искание его было только... проверкой» (Русский голос. 1926. 17 июля); был знаком с А.М. Добролюбовым, Л.Д. Семеновым, В.Ф. Коммиссаржевской и ее театральным окружением. Роман «*Бегущие креста*» был издан в Берлине в 1911 с подзаголовком «Великий человек», а в России появился в печати под названием «Томление духа» (Альм. «Шиповник». Кн.17. СПб., 1912). Его отличала узнаваемость персонажей; что касается содержания, атмосферы этого произведения, то, по мнению М.Кузмина, в нем: «Описание жизни /.../ не достигает впечатления кошмара, но просто теряет правдоподобность» (Аполлон. 1912. №5. С.51-52).

²⁵ См. прим. 2 к ст.4.

²⁶ См. прим. 5 к ст.4.

МОЙ ПОРТРЕТ

Статья

Около года тому назад сотрудник Русского музея Нерадовский посетил меня в Техникуме¹ по делу о моем портрете, писанном художником С.А. Соринным². Портрет взят на учет. Он висел в театральном зале, прямо против сцены, а в день закрытия Школы³ ученики перенесли его ко мне. Теперь же, когда я со своею библиотекою очутился на время в маленьких, тесных комнатах верхнего этажа, этот большой портрет, почти во весь рост, смотрит на меня со стены ежеминутно. В первый период, последовавший за катастрофою⁴, я едва замечал свой живописный двойник. Все представлялось мне в тумане, апперципировать я ничего не мог, а потом, когда стали укладываться острые впечатления пережитого, я начал то и дело всматриваться в произведение Сорина. Стою у печки, грею руки и вижу себя перед собою, или в сумерки, созерцая все тот же холст, я естественным образом уношусь мыслями в ту дальнюю эпоху, когда я мог выглядеть таким, каким изобразил меня даровитый художник.

Портрет писан в 1905 г. Сорин долго ходил за мною, всячески убеждая позировать ему. Когда я наконец уступил его настояниям, он заставил меня слегка принарядиться. Я надел черный сюртук. Твердый стоячий воротник я заменил, по его желанию, мягким отложным. Он изобразил меня прислонившимся у стола, со скрещенными на груди руками. На столе книги, на стене виднеется гравюра. Вообще, весь я вышел в мягких, спокойных то-

нах, каким-то местным философом, задумчиво глядящим перед собой. Я смотрю на лицо, и оно мне нравится. Представлено что-то весьма благородное и культурное. Взгляд спокоен, глаза полны юной теплоты. Я не помню, были ли у меня тогда такие глаза, светло-карие, с голубоватым отливом, но теперь у меня таких глаз больше нет. Не думаю также, чтобы выражение лица, данное Соринным, могло у меня когда-нибудь повториться. Сейчас я совсем другой, и художник, который захотел бы меня представить, должен был бы изобразить лицо, как воплощение гнева, может быть, презрения, во всяком случае, горечи, разлитой по всем чертам.

В прежние времена, несмотря на все мои боевые выступления в печати, я был, в сущности, добродушным человеком. Ходишь, бывало, по длинным комнатам редакции «Северного вестника»⁵, шутишь, свистишь, подпеваешь, даже — по непонятому капризу — вылезаете наполовину из ботинок, забавляясь дружеским недоумением любезной моему сердцу Л.Я. Гуревич. А вечером пишешь для журнала очередную порцию «Русских критиков»⁶. Исследование мое возбуждало и в обществе, и в печати представление обо мне как о человеке чрезвычайно суровом. На похоронах Надсона⁷ какая-то толпа юных скандалистов собиралась даже познать меня со своими кулаками за полемику против святынь русской публицистики. Но, посмотрев на меня, рыцари кулака решили, что это, наверно, не я, и обратили свои взоры на Венгерова, являвшего собою внушительную фигуру отечественного Аристарха⁸. Я же был ничтожен и жалок по своему виду.

Помню также удивление некоторых дам тогдашнего литературного бомонда. Высокая Султанова⁹, в шуршащих туалетах, равно как и Яворская¹⁰, в своих светло-ситцевых платьях, облекавших контуры гибкого тела, всплескивали руками при виде меня — особенно после какой-нибудь исключительно воинственной статьи, появившейся в очередном номере «Северного вестника». Так оно было в те памятные дни. М.Г. Савина¹¹ называла меня человеком великого гнева, и в память этих слов я даже наименовал один из своих сборников «Книгою великого гнева»¹². Мое название более соответствовало действительности. Великим гневом полны были именно мои книги. Со страниц «Русских критиков», в самом деле, лилась неукротимая лава, которая еще и сейчас ползет в моей душе. С удовольствием вспоминаю такой отдел этой книги, который назван мною «Бурей шестидесятых годов». Тут было — кажется мне — проявлено достаточно ума, достаточно полемической остроты, чтобы во всей наглядности воссоздать скифские схватки вождей русской культуры. Об этих страницах моих писаний я вспоминаю и сейчас с некоторым удовольствием. Если бы

мне пришлось вновь вернуться к этим темам, перо мое начертило бы еще более беспросветную картину. Не оказалось бы никаких примирительных оговорок, которые в обилии рассыпаны на страницах укора и обличения. Но в те годы перед глазами еще не было того, что явилось в результате всей старой кампании, направленной на революционизирование общества. Самое слово «революция» мысленно писалось с большой буквы. Никто не мог думать, что она приведет к разрушению всех культурных ценностей, к разрыву всех гражданских хартий. И, тем не менее, я все-таки благословляю свою давнюю книгу и за то малое предвидение, какое она в себе содержит. Но — повторяю — в целом я был мягок, благодушен и очень соответствовал писателю книги о Достоевском¹³. Мои внутренние кипения упокаивала христология, в которой тогда носились, развивались и расцветали мои настроения. Я был убежденным приверженцем Христа и слагал к Его ногам весь арсенал науки и философии, добытый многими годами изучения и сопоставления источников.

Вот каким увидел меня С.А. Сорин и, если сказать правду, отразил меня в красках со всею доступною ему правдивостью. Представлено довольно сложное существо, автор книг о русских критиках, о Достоевском и о Леонардо да Винчи¹⁴. На лице строптивости не видно, она вся — в книгах и только в книгах. Жизнь же моя была светла и мягка, протекая под солнечным небом умбрийской синевы. Никакими романами не волновалась моя душа, хотя нежный образ Маши Добролюбовой, вставая передо мною, в разных обстоятельствах жизни, тревожил, пленял и чаровал.

2

Откуда, однако, такие фонды мягкости в моей душе, изливавшейся в литературе огненно и запальчиво? Здесь я должен отметить сосуществование во мне двух наследственных стихий: отцовской и материнской. Нежность моя вся от матери. Женщина эта молчала целыми днями, была тиха, скромна и уступчива. Жизнь она провела страдальческую, в постоянных раздорах с моим отцом. На меня она смотрела молитвенными глазами, постоянно о чем-то беспокоясь. Можно было думать, что ее не точит никакая болезнь. Поступь ровная, спина до глубокой старости прямая, голова устойчивая на страдальческой шее — все вместе в некоем пластическом благополучии, которое успокаивало мой взгляд, когда я украдкой, бывало, наблюдал ее из угла. И тем не менее, если душу этой женщины охватывал в редкую минуту гнев, она разверзалась в страшной истеричности. Тут-то я пости-

гал, что болезнь сопровождает весь ее жизненный путь, прячась в глубине. Такова была моя мать. Я уже сам далеко не молод. Но из глубины души моей посылаю ей мой пламенный привет в неведомые края и времена, где непонятным для нас образом живут наши усопшие.

Отец мой воплощал во всем иные душевные качества. Это был по характеру своему большой вояжер, непоседа, вечно менявший место, кров и дом. Он торговал сначала книгами, потом мебелью, чем угодно. Но купец он был — я полагаю — довольно плохой. Книга засела в его душе. Читал же он на всех языках и в беседах с людьми разворачивал феноменальную образованность. При этом ораторский талант, весь в огнях интеллектуального темперамента, подавлял окружающих. Его можно было слушать целыми часами. Покойный русский писатель Шперк¹⁵ передавал мне, что он познакомился как-то случайно с отцом моим в вагоне железной дороги и просто оцепенел, его слушая. Иногда, желая сказать мне что-нибудь приятное, Шперк утверждал, что я напоминаю ему моментами этого незабвенного попутчика. В голове отца моего жил миллиард аллегорий. Все чему-то уподоблялось, и сложнейшие рассуждения протекали в цепи метафор. Был он и голосист, любя по-канторски выпевать свои минутные подъемы. Любил он также поактерствовать жестом, когда в детские мои годы он пытался объяснить мне, кто такие были Дантон и Марат¹⁶. Вся французская революция плескалась у него в водной стихии гремучего баса, при необычайной серьезности лица, которое действовало на меня гипнотически. Иногда мы с отцом уходили гулять по житомирскому бульвару¹⁷. Но что это было за гулянье! Я приходил домой вспотевший, точно из бани. Отец душил и себя и меня наукою. И опять-таки, в мирном разговоре это был остроумно-благодарный человек. Но в минуту гнева он, как и мать, преобразался, вдруг начинал звучать в нем набатный колокол, слышалось даже что-то звериное, что-то агрессивное и небезопасное. Этого гнева боялась моя мать, и, может быть, из-за него она с ним впоследствии и разошлась. Таков мой отец.

Как я сказал, обе стихии — материнская и отцовская — живут во мне в сочетаниях, периодически господствуя одна над другой. В эпоху соринского портрета во мне преобладала мать. Это художник уловил с поражающей меня чуткостью. Смотрю на портрет и думаю все время о матери — думаю с умилением и одновременно с огорчением. Сейчас матери во мне мало и христологии еще меньше. Да и к чему мне все это, все святыни моего прошлого, в настоящую минуту? Смотрю на улицу из окна под крышею и проникаюсь тошнотным возмущением по поводу всего.

Беру газету — и она падает из рук. Даже насмешке нет места в душе, потому что смеяться, собственно, не над чем. Было бы на чем плакать, но глаза ожесточенно сухи. Куда поместить материнские чувства, когда все кругом взывает не к жалости, не к убеждениям, а к жестам величайшего отчаяния? Душа стремится убежать и скрыться куда-нибудь под чистым небом, где можно жить и дышать. И я чувствую, что во мне воскресает отец в минуты его стихийного гнева. Если бы можно было бы излиться в одном крике негодования — и с ним, и в нем умереть! Но я рисую себе такой крик именно отцовским, не женственно-фальцетным, не истерическим, а мужественно-басовым, несущимся над мутными хлябями отравленной современности. Вот с какими чувствами я смотрю на мой портрет, взятый под учет. Когда-нибудь он будет висеть в музее, но это буду не я. В сущности, его не должно было бы и быть на свете, ибо он не отвечает последней правде меня и моей жизни. Я не подписываюсь под этим портретом. Он и мой и не мой, потому что художник увековечил лицо мое в одном из проходящих моментов его развития. Только кое-какие симптомы будущего в нем брезжут, и то лишь для знающего и проникающего глаза.

Что из соринского портрета пребыло до сих пор, развернулось, может быть, расширилось и углубилось? Прежде всего апперцептивность взгляда. Здесь она выступает сквозь голубоватый дымок и направлена на определенный предмет. Точно один этот предмет в мире существует, и взгляд мой устремлен в него. Сейчас моя апперцептивность приобрела некую тяжесть и даже некую растерянность. Мир представляется сложнее, богаче, трагичнее, страшнее, и потому апперцепция, от множества влекущих стимулов, не знает, куда деваться. Затем дан наклон головы. Это большая отгадка семитического художника. Тут схвачено что-то сокровенно еврейское, тяжесть веков, носимая молитвенно, с нежным благословением. Такого наклона в действительности у меня нет. Голова моя, как еще замечал Розанов¹⁸, высится довольно крепко и довольно гордо. Произойдет ли этот наклон у меня при жизни в будущем, я не знаю. Я знаю только одно, что в душе он есть. Имею душу старую-старую от века, от детских лет моих, с гимназической скамьи, через студенческие годы — до настоящего времени. Но эту старость я мыслю не как ущерб, не как дряхлость, не как умаление, не как обнищание духа. Сейчас я крепче в этом отношении, чем когда бы то ни было. Вдруг я поумнел, вдруг я стал понимать! А когда Сорин писал мой портрет, я все-таки был слишком наивен, слишком заморожен одним, слишком глух и слеп к другому. Голова моя купалась в универсальностях, но глаз, тем не менее, смотрел не туда.

Наконец — костюм. И тут Сорин что-то угадал. Сюртук не облегает, не обглаживает тело и не украшает его. Он его только прикрывает. Тело в нем исчезает. Вот только рука выплывает в болезненном рисунке из суконного объятия, тоже не сливаясь с манжетой. Такая же рука осталась у меня и сейчас. Она стара, как стара моя душа — трепетная, нервная, сухая и костлявая. Такая рука могла бы быть даже у молодого раввина. Вот что осталось в глядящем на меня портрете, духовном по своему замыслу. Это я — в примитиве. Но если бы талантливый художник мог в свое время написать меня во власти той старости, которая меня теперь наполняет, дать лицу моему гениальную метаморфозу, какую способен был сообщать лицам своих моделей Рембрандт¹⁹ в лучшие моменты своего творчества, я имел бы свое изображение таким, каким и хотелось бы завещать его друзьям, знакомым и родным. Лицо мое я желал бы видеть в складках певучей гармоничности, и чтобы из складок этих излучалась мелодия моей жизни. Такое лицо можно было бы читать, как читают книгу. В сущности, я ведь и не что иное как книга, — ничем другим я быть не хотел. Губам моим я придал бы больше сухости, глазам — больше светлой холодности, волосам — некое оперение вместо той светской гладкости, которую размазал по голове моей мастер. Тогда это был бы я: теперешний и всегдашний. Нечто подобное поймано фотографом Наппельбаумом²⁰ на портрете, который похищен у меня одной из учениц. Портрет же Наппельбаума напомнил мне портрет, снятый с меня художником Либлиеном²¹ в Берлине. Но в берлинском портрете иудаистические черты приобрели торжественную серьезность.

3

Неоарийские лица как будто бы не имеют старости. Дело представляется мне таким образом. Из детской расплывчатости начинает постепенно формироваться лицо. К зрелым годам оно достигает наивысшей выразительности и затем — опять же последовательно, а зачастую и внезапно — оно подвергается увяданию, впадая к старости в неприятную бесформенность или уродливое разрушение. Такова естественная история лица у неоарийцев. Понятен их страх перед старостью, ужас их женщин перед туалетным зеркалом при появлении первых морщин. Я хочу остановиться на целом ряде примеров знакомых и незнакомых лиц мужского и женского пола.

Мне вспоминается баронесса Варвара Ивановна Иксуль²² в молодые годы ее сияния в Петрограде. Это была обаятельная женщина, в которую влюблялись все — и литераторы, и гвар-

дейцы, и министры, и иностранные знаменитости, как Мопассан²³. Она владела пером, и один из ее романов был напечатан в «Северном вестнике»²⁴. Эту тонкую женщину, с осиной талией, ровную, стройную, я помню особенно хорошо в салоне А.А. Давыдовой²⁵. Приход Иксуль всегда возвещал влетевший ветерок, и все кругом нее начинало трепетать. И.Е. Репин, написавший ее портрет с вуалеткою²⁶, так же млел перед нею, как и тяжело фатоватый Н.К. Михайловский²⁷. Такою рисуется мне В.И. Иксуль во цвете ее лет. Но вот встречаю я эту женщину в наши дни, в Доме искусств²⁸, где она приютилась в эпоху революции, спасаясь из бывшего своего особняка. Трудно было узнать белую красавицу. Все пошатнулось в ней, все упало. От прежнего облика не осталось даже воспоминания. Какой-то темный комок, а не лицо, насквозь изъеденный отчаянием. Поступь старческая, бессильная, особенно удручающая, потому что прежняя львица подслеповато опиралась на палку, не глядя по сторонам. Я несколько раз посетил Иксуль на новой квартире и заговаривал с нею на литературные темы. Но в собеседнице моей я не нашел ничего, кроме клокочущей злобы, — ни одного светлого блика в глазах. Может быть, это самая большая метаморфоза, какую мне пришлось наблюдать. Старости — с мечтательным и глубокомысленным выражением в чертах лица — никакой. Только разрушение — и больше ничего.

Я упомянул о салоне Давыдовой. Сама А.А. Давыдова тоже была некогда довольно привлекательной женщиной, со всеми манерами и романами петроградской кокетки. Она носилась по городу, грациозно куря и заглядывая очень предприимчиво многим в глаза. Но как быстро одряхла, расплылась и отяжелела эта женщина в свои предзакатные годы! И не было старухи, с которою хотелось бы поговорить. Не только тело, но и самая психика ее расплзлась. Морщины не шевелились и говорили не о пережитых волнениях прошлого, а только об упадке настоящего. Пласт парализованного мяса — и больше ничего.

Еще несколько примеров из другой среды. Ольга Александровна Спесивцева²⁹, по окончании балетного училища, была подлинной красавицей. Лицо ее молчало — даже несколько хмуро, даже несколько сердито. Но это молчание было замечательно. Бывало, выйдет на сцену, станет в позу, и — все готово. Театральный зал очарован. Издали видишь в идеальном рисунке бесподобные классические ноги, которые при поворотах дразнят и ласкают полукруглую аркою ступни. В личике, собственно, не было ничего выдающегося — только краснела улыбка пунцовых губ и вонзались иголки глаз, отдававших вам эту улыбку. Такая вся она была душистая, гибкая и много-много обещающая. Но вот

пронесся ветер нескольких лет. В холодные зимние вечера, в дыму железных походных буржеек, красота стала размываться в тусклых, ничтожных связях с подозрительными проходимцами всякого типа. Спесивцева начала терять свою прелесть с ошеломляющей быстротой и удариться в мать, в страшную старуху по всему своему облику. Последние впечатления от нее на сцене — это похудевшие ноги превосходного рисунка и ставшее неприятным лицо. Опять — никакой старости, а только — развал.

Рядом со Спесивцевой хочется поставить ее современницу и соперницу по сцене Е.М. Люком³⁰. Вот тоже женщина, которая очаровывала многих — и, собственно, чем? Ничем иным, как только молодой головкой. Артистка умела носить эту головку как-то напоказ, и публике это нравилось. Но сейчас от прежней Люком — уже ни следа, хотя артистка еще довольно молода. Она выкурилась, как папироска.

Я не буду вспоминать напрашивающихся примеров Коммиссаржевской³¹, Гиппиус, А.М. Евреиновой³² и других. Тут тоже нет старух, в рембрандтовском смысле слова, — перехожу к мужчинам.

В том же салоне Давыдовой я встречал ее неизменного друга Н.К. Михайловского, уже на склоне литературной карьеры. Когда-то человек этот был красавцем. Он сам любил свою вихрастую шевелюру и потряхивал ею на ублажение курсистских сердец. Он расчесывал свою красивую бороду и заботливо надевал традиционную синюю австрийскую куртку. В безотрадном персонале русской радикальной интеллигенции это был единственный лев. И все-таки никакого старика! Лицо было промотано в кутежах «Афганистана» и в номерах случайных гостиниц. А ведь это был выдающийся человек, строчки которого читались по ночам, при свете огарков, в дортуарах и на мансардах. Куда девалось обаяние прогрессивной мысли, когда Михайловский, переживший себя, за чайным столом у Давыдовых должен был уступать место стольким и стольким.

Рядом с Н.К. Михайловским уместно поставить еще несколько имен, принадлежащих нашим литературным деятелям: В.В. Розанов, Ф.К. Сологуб³³, М.А. Кузмин³⁴ и К.И. Чуковский³⁵.

О Розанове особенно хочется сказать два-три слова. Я помню его и в более молодые, и в поздние годы его жизни. В нем было что-то от той старости, которую я здесь воспеваю. Что-то иудейское по типу проблескивало в его настроениях. Но линия его мысли постоянно рвалась, срывалась и разбивалась в зигзаги. А иудейская линия ровна, чиста и волшебна бела. Нераскаянная лживость Розанова анти-иудаистична. В конце концов это был автодидакт

и импровизатор. В еврейском быту он копался, не видя монументальности иудаизма. Он не чувствовал синайской скалы в ее всемирном значении. Вот почему, всматриваясь в позднейший портрет Розанова, мы замечаем ответ опочившей на нем большой мысли и рядом с ним зыбкие полоски неоарийских эмоций, с их провалами, с их взлетами на небольших промежутках времени. И все-таки лицо есть.

Но уже никакого лица нет у Сологуба. Он старик числом своих лет — и только. В минуты гнева — это рассерженная курица, кудахтающая и клюющая направо и налево, а в минуты случайного подъема сосед видит пустой открытый рот, в который неловко смотреть.

Что сказать о М.А. Кузмине? Человек этот тоже обременен годами, но чудесной старости, рембрандтовской старости, с молитвенным вдыханием в экстазные минуты, у него нет и следа. Он что-то пропел, сказал несколько умных слов о прекрасной ясности в литературе, и затем — умер. Телесно Кузмин еще живет, справляя юбилей за юбилеем. Но вот талантливый поэт, в котором никакая протоарийская черта никогда не пребывала ни в делах, ни в письме, ни в жизни. Он весь неоариец, отхлебнувший от всех искусств. С любовью он рассматривает Ходовецкого³⁶. Присев к роялю, он мило сымпровизирует что-нибудь. Не без остроумия может он прорецензировать оперетку. Но все в целом — эфемериды, прах и суета, при общей симпатичности душевных воспламенений.

Но этой симпатичности уже совершенно не хватает у К.И. Чуковского. Человек этот родился недоношенным, жил недоноском и умрет таковым же. Представить себе его обаятельным старцем нет никакой возможности.

4

Примеров я мог бы привести еще и еще, без конца. Но я спешу к общему заключительному выводу, навеваемому мне все тем же соринским портретом. Неоарийские лица не имеют старости, ибо они принадлежат носителям импровизационных культур, людям, которые живут мгновением, без корней в прошлом, не купаясь и в мечтах о будущем. Они лишены вечности, ибо вечность — есть прошлое и будущее. Миг настоящего эфемерен, и тот, кто прилеплен только к нему, принимает на свое лицо и казнь эфемерности. Митя Карамазов у Достоевского не тяготеет ни к каким векам — ни прошлого, ни будущего. Он живет только экстазами минуты, от попойки до попойки, и самое любовь его к Грушеньке

П.П.Скоропадский.

Я.И.Соммер. Москва, 1926. Фото И.Г.Эренбурга.

И.Г.Эренбург. Париж, 1925.

Л.М.Козинцева-Эренбург. Берлин, 1922.

Слева направо: И.Г.Эренбург, Я.И.Соммер, М.П.Кудашева,
Т.И.Сорокин. Москва, 1926.

Стоят (слева направо): Н.Н.Ходотов, А.Э.Мандельштам, И.Г.Эренбург.
Сидят: П.Яшвили, Я.И.Соммер, Л.М.Козинцева-Эренбург. Тифлис, 1920.

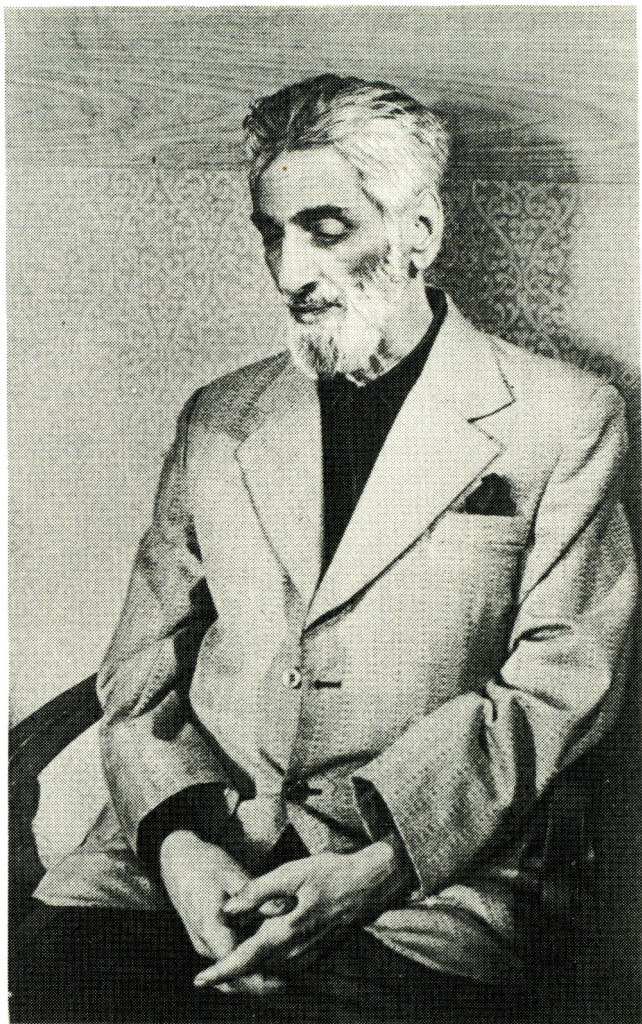

Дом М.А.Волошина в Коктебеле. 1913.

М.А. и М.С.Волошины. Коктебель, 1925.

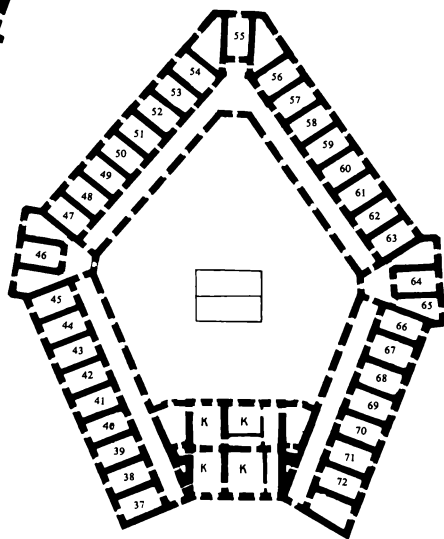
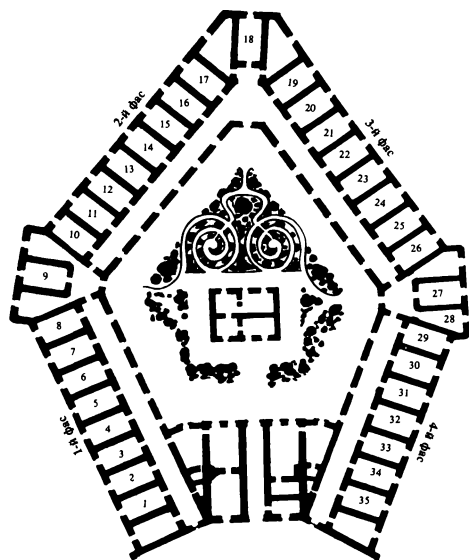
В.Е.Ардов. 1974.

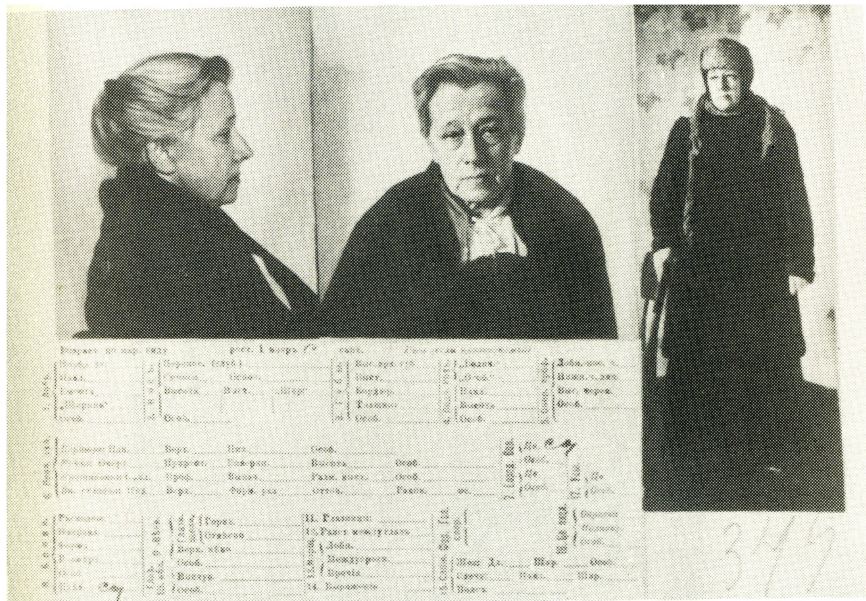
В.Д.Дувакин. 1970-е.

Г.А.Иванишин с женой Марией Васильевной и детьми. Стоят: Вячеслав, Вера. Сидят: Евгения, Мария, Надежда. 1908 (?).

Планы 1-го и 2-го этажей тюрьмы Трубецкого бастиона. Цифрами указаны номера одиночных камер. К — служебная квартира смотрителя тюрьмы, где проходили заседания военно-окружного и военно-полевого судов.

М.П.Иванова, член ЛБО СО ПСР.

К.А.Мышецкая, с.-р. (максималист).

В.В.Лебединский, член ЛБО СО ПСР.

1917/1870

МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. *Синегуб**Л. С. Синегуб*

Возраст по нар. виду		Годы и мес. рождения	
Рост 1 метр	сант. Полнота	Тяжелосложение	Объемы из шовст
1) Волосы: Цветъ	Волнистость	Густота	Длина
2) Борода и усы: Цветъ	Форма	Густота	Обоб.
3) Личо: Цветъ	Полнокровие	Выражение	Обоб.
4) Тело: Высота	Накл.	Морщины	Форма головы
5) Брови: Цветъ	Форма	Густота	Расположение
6) Глаза: вид. (орбиты): Величина	Глубина		Обоб.
7) Нос: Цветъ: форма	Клык	Обоб.	Разст. между глазъ
8) Уши: Форма	Основание	Выст.	Длина Шир.
9) Уши: Форма	Отточенность	Выст.	Обоб.
10) Брови: Накл.	Верх. Накл.	12) Противопол.: Накл.	Проч. Вып.
11) Усы: Накл.	Форма	Приращение	13) Выст. гд.: Вып.
14) Губы: Форма	Высота	Толщина	Выступание
15) Подбородок: Длина	Накл.	Форма	Полнота
16) Личо: Ширина	Накл.	Шей	Обобен.
17) Руки: Величина	Привычка держать		Обобен.
18) Ступня ноги: Длина (М обуви)		Особенность формы ноги	
19) Осанка (выпрямка корпуса, Махера держатся):			
20) Походка:			
21) Особ. въ жестикуляц, гримасы, вмятка, и т. п.			

3) Въ весъ роста: смъ въ 2, въ томъ случаѣ, когда ростъ въ метрѣ, выхъ, вхотѣтъ в обуви въ метрѣ, съхъ интервалъ. Шхъ полнота очей, въ метрѣ.

Л. С. Синегуб, член ЛБО СО ПСР.

— тоже только попойка. Пока он молод, с ним можно говорить. Он способен даже увлечь вас удачной тирадой и длинным жестом руки. Но трудно себе представить Митю Карамазова в старости. В старости эта эфемерида будет такою же руиною, как и Федор Павлович, отец его, — противный, жирный, с кадыком, с осовелыми глазами и слюнявым ртом. Вот казнь людей, живущих одним лишь настоящим, без огненных ответов в бесконечность времени. Импровизационность и эфемерность связаны между собой органически.

Совсем другое явление мы наблюдаем среди людей иного типа, который хотелось бы назвать типом иудейским или, вернее, протоарийским. При этом я оговариваюсь, что как под неоарийцами я не разумею англичан, французов или русских, так и под протоарийцами я не разумею непременно евреев. Я имею в виду не этнические типы, а типы антропологии духа, в их устойчиво вечных образцах. В этом смысле русский может оказаться иудеем, а еврей — русским. Старость этих людей — настоящая живая старость. Она не ниспадает на человека, как обвал или катастрофа, а тихо зреет, растет и раскрывается с самых детских лет. Кисть времени пишет тут человеческое лицо, любовно и непрерывно, до последнего вздоха. Неоарийское лицо написано окончательно в какие-нибудь сорок лет, и дальше писать нечего. Праарийское лицо, к которому я отношу лицо и подлинного иудея, пишется до глубочайшей старости, и трудно сказать, в каком моменте кончается его расцвет. Вот где сила рембрандтовских стариков и старух, которые все решительно иудаизированы именно в типе психологическом, а не этническом! В этом именно типе состарился и Лев Толстой. Иудаистическая прелесть лица его, с нависшими бровями, с музыкой морщин и огненно мерцающими глазами, безмерно превышает его юношеский примитив. То же, до некоторой степени, можно сказать и о Дарвине³⁷, и о нашем Филарете³⁸, и о Викторе Гюго³⁹. Никто из них не был иудеем. Но все они приближались к протоарийскому типу, о котором я говорю. Впрочем, никаким образом я не имею в виду лишь знаменитых мыслителей, поэтов или художников. Какой-нибудь простой белостокский раввин или иной цадик галицийского местечка, даже полуниший адепт его свиты, превосходят в этом отношении беловласого Гладстона⁴⁰. Гладстон все-таки импровизатор, а белостокский раввин стоит на скале отцов, на скале вечности, и от нее не может быть оторван никак. Скала же — это и есть в слитном синтезе и прошлое и будущее. Когда-то белостокский раввин сидел юношею над книгою Закона. Теперь, с длинною белою бородою, он только возрос духом, и родная ему вечность опочила

на нем. Иудейская старость многодумна, пиэтетна, многозвучна и многопесенна.

Я отвлекся от соринского портрета к философским рассуждениям и, возвращаясь к нему, скажу еще раз, что художник не дал в нем моего подлинного облика. Неоарийских черт я в себе не чувствую. Приближающуюся же старость приветствую от полноты души. Да и придет ли она? Я всегда был стар тою старостью, которой посвящена моя писательская исповедь.

А.Волынский

12 января 1926 г.

¹ Имеется в виду Школа русского балета, позднее переименованная в Хореографический техникум (1920-1925) — учебное заведение в Петрограде, организованное и возглавляемое А.Л. Волынским.

² *Сорин* Савелий Абрамович (1878-1953) — художник-портретист.

³ См. прим.1.

⁴ Речь идет о закрытии Хореографического техникума.

⁵ См. прим. 16 к ст. 2.

⁶ См. прим. 34 к ст. 2.

⁷ *Надсон* Семен Яковлевич (1862-1887) — поэт.

⁸ *Венгеров* Семен Афанасьевич (1855-1920) — историк русской литературы и общественной мысли, библиограф.

Aristarchos — греческий критик (2 в. до н.э.), синоним просвещенного, строгого и педантичного критика.

⁹ Леткова Екатерина Павловна (в замужестве *Султанова*; 1856-1937) — прозаик, автор мемуаров, переводчица. В 1892-1895 сотрудничала в «Северном вестнике».

¹⁰ *Яворская* Лидия Борисовна (урожд. Гюббенст; по мужу Бярятинская; 1871-1921) — актриса. Волынский на страницах «Северного вестника» не раз отзывался о ее творчестве (1896. №12; 1897. №10; 1898. №8-9) — в основном неодобрительно. В частности, он писал: «Актриса посредственная с провинциальными замашками, обличающими отсутствие артистического ума и вкуса. При невероятно плохих голосовых средствах и необычайной склонности к мелодраматическим позам, госпожа Яворская никогда не создаст ни одного характера на сцене /.../. Об исполнении госпожи Яворской, несмотря на примитивную безвкусьность ее театральных жестов, на отсутствие меры и такта, на напряженность и аффектированное переигрывание в самые простые моменты драмы, пишутся длинные газетные рецензии, хотя для всякого должно быть ясно, что это — актриса без вдохновения, без таланта, без артистического изящества, неразлучного с актерской скромностью. /.../ Преисполненная ка-

кой-то неестественной суетливости, ее сценическая карьера может считаться уже законченной, потому что госпожа Яворская — актриса без всякой вдумчивости, без малейшей потребности в самокритике, не говоря уже о ничтожестве образования, без которого нельзя сделаться заметной величиной в театральном мире» (Там же. 1896. №12. С.53, 56). Лишь через два года критика Волынского становится более умеренной, снисходительной к творчеству актрисы: «За последнее время становится видно, что госпожа Яворская умеет иногда играть просто» (Там же. 1898. №8-9. С.165).

¹¹ См. прим. 2 к ст.4.

¹² Волынский А.Л. Книга великого гнева. СПб., 1904. На страницах сборника Волынский подверг критике представителей всех литературных направлений, кроме Л.Толстого.

¹³ Волынский А.Л. Ф.М. Достоевский. СПб., 1906. Ранее была написана еще одна книга, посвященная творчеству Ф.М. Достоевского: Волынский А.Л. Царство Карамазовых. СПб., 1901.

¹⁴ См. прим. 35 к ст. 2.

¹⁵ *Шперк* Федор Эдуардович (1872-1897) — философ, поэт, критик. Принял православие, придерживался славянофильских взглядов.

¹⁶ *Дантон* Жорж Жак (1759-1794); *Марат* Жан Поль (1743-1793) — вожди якобинцев во время Великой французской революции.

¹⁷ Волынский родился и провел детство в Житомире.

¹⁸ *Розанов* Василий Васильевич (1856-1914) — писатель, публицист, религиозный мыслитель.

¹⁹ *Рембрандт* Харменс ван Рейн (1606-1669) — голландский живописец, рисовальщик, офортист. В 1924 Волынским была написана книга «Рембрандт», которую он не успел опубликовать при жизни (РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.90, 91).

²⁰ *Наппельбаум* Моисей Соломонович — фотограф-художник. В 1917 открыл фотоателье на Невском проспекте в Петрограде.

²¹ *Лилиен* Эфраим Моисей (1874-?) — немецкий художник-иллюстратор.

²² *Иксуль фон Гильдебранд* (Гиллербанд) *Варвара Ивановна*, баронесса (урожд. Лутковская; 1850-1928) — прозаик, издательница. Ее литературный салон в Петербурге посещался Н.К. Михайловским, Вл.С. Соловьевым, И.Е. Репиным и др.

²³ *Мопассан* Ги де (1850-1893) — французский писатель.

²⁴ *Иксуль* В.И. На туманном севере // Северный вестник. 1886. №1-4. Вскоре после выхода в свет этого произведения писательница разочаровалась в своих литературных способностях и занялась издательской и общественной деятельностью.

²⁵ См. прим. 15 к ст.2.

²⁶ *Репин* Илья Ефимович (1844-1930) — художник. Портрет В.И. Икскуль (1889) хранится в собрании ГТГ.

²⁷ См. прим. 6 к ст. 2.

²⁸ *Дом искусств* (1919-1922) — культурно-просветительное учреждение, открытое в Петрограде на углу Невского проспекта и Мойки в особняке купца Елисеева. При ДИСКе существовало писательское общежитие, где, в частности, жили Волынский и Икскуль.

²⁹ *Спесивцева Ольга Александровна* (1895-1991?) — балерина. Училась у Фокина. Танцевала в Мариинском театре и в труппе Дягилева «Русский балет».

³⁰ *Люком* Елена Михайловна (1891-1968) — балерина, педагог. Ученица Фокина. Работала в Мариинском театре, участвовала в «Русских сезонах» за границей. Выступала в лирико-комедийных партиях.

³¹ См. прим. 3 к ст. 4.

³² См. прим. 18 к ст. 2.

³³ См. прим. 33 к ст. 2.

³⁴ *Кузмин* Михаил Алексеевич (1875-1936) — писатель, поэт, композитор, переводчик.

³⁵ *Чуковский* Корней Иванович (наст. имя, отчество и фамилия Николай Васильевич Корнейчуков; 1882-1969) — писатель, детский поэт, литературовед, переводчик.

³⁶ *Ходовецкий* Даниэль Николаус (1726-1801) — немецкий художник, иллюстратор.

³⁷ *Дарвин* Чарльз Роберт (1809-1882) — английский естествоиспытатель, создатель теории эволюции органического мира Земли.

³⁸ *Филарет* (Дроздов Василий Михайлович; 1782-1867) — русский церковный деятель; с 1826 митрополит Московский; участвовал в создании Манифеста об отмене крепостного права в России.

³⁹ *Гюго* Виктор Мари (1802-1885) — французский писатель.

⁴⁰ *Гладстон* Уильям Юарт (1809-1898) — английский политический деятель, лидер либеральной партии (с 1868), несколько раз назначался премьер-министром Великобритании (1868-1894).

«ДОМ ПОЭТА» МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Публикация А.Сергеева и А.Тюрина

В жизни Максимилиана Александровича Волошина (1877-1932) эпистолярное общение занимало особое место. Известно до полутора тысяч его корреспондентов. В этом массиве некоторые пласты весьма внушительны: около 400 писем к матери, такого же порядка число его писем к первой жене М.В. Сабашниковой и к другу детства А.М. Петровой, обширна переписка с В.Брюсовым, К.Бальмонтом, А.Толстым и др. К сожалению, этот род творческого наследия поэта и художника пробивается к исследователю с большим трудом, часто отдельными «кустами», несмотря на полное снятие запрета с имени автора.

Настоящая публикация охватывает последние восемь лет жизни поэта (с мая 1924 по апрель 1932). Эти годы Волошин провел главным образом в Коктебеле: писал акварели, стихи, приводил в порядок архив и библиотеку (хотел, чтобы после его смерти они были переданы в Пушкинский Дом), помогал бесчисленным коктебельским гостям: в его «Доме Поэта» за сезон останавливалось иногда свыше 600 человек. Волошин считал, что человека следует воспринимать и можно понять только со всем его окружением. При отборе корреспондентов мы руководствовались многогранностью личности поэта, стремились высветить различные ее стороны.

Адресаты вряд ли нуждаются в пространных характеристиках: Эрик Федорович Голлербах (1895-1945) — историк искусства, художественный критик, поэт, библиофил; Анна Петровна Остроумова-Лебедева (1871-1955) — художница и мемуаристка; Сергей Федорович Платонов (1860-1933) — академик-историк; Иван Михайлович Саркизов-Серазини (1887-1964) — профессор-медик, один из основоположников лечебной физкультуры. Автографы писем, по которым осуществляется публикация, в порядке перечисленных нами адресатов хранятся: ОР РНБ. Ф.207. Ед.хр.24; там же. Ф.1015. Ед.хр.516, 517; там же. Ф.585. Ед.хр.2556; ГЛМ. Ф.227. Оп.1. Ед.хр.103.

Ответные письма, к сожалению, не были нам доступны (хранятся в РО ИРЛИ). Публикация производится в соответствии с современной орфографической нормой, за исключением тех случаев, когда это касается индивидуальных особенностей авторской манеры. Зачеркнутые автором фрагменты текста не воспроизводятся, очевидные опiski исправлены без оговорок, необщепринятые сокращения раскрыты в квадратных скобках.

25.V.1924,
Коктебель.

Дорогая Анна Петровна,
третьего дня мы добрались до Коктебеля. Сразу с целой уймой гостей. И каждые два дня с поездом приезжают новые. Дни ясные, солнечные, знойнеют ежедневно. С нетерпением ждем Вас. Когда? Около 15 июня? Напишите, пожалуйста.

Относительно билетов для Вас и для Кустодиева¹: инженер Феликс Павлович Кравец — предупрежден. Он заведует пассажирским движением в Наркомпути (около Красных ворот), его деловой телефон 38-39, а домашний 1-51-52. Адрес домашний: Земляной вал, 31, кв.4 (на площади же Курского вокзала). А место службы в двух шагах от Николаевского. Напишите ему в Наркомат Путей Сообщения предварительно. Он Вам забронирует места в феоdosийском вагоне, который ходит с почтовым поездом по вторникам, четвергам, субботам. Не соблазняйте скорым поездом, так как все выгаданное время Вам придется потерять на Джанкое в ожидании того же почтового поезда от 2 час[ов] ночи до 12 дня. Причем ожидающим *запрещают* спать и за сиденье в буфете с *закрытыми глазами* — штрафуют. Вагон *только* твердый и на Феодосию — один. Ин[женер] Кравец — знает Ваше искусство и с особенным удовольствием сделает все. Конечно, сошлитесь на меня. Он человек крайне обязательный и любезный.

Цены сейчас в Коктебеле на комнаты очень подняты: меньше 5 черв[онцев] в месяц нельзя найти комнату, т.к. дачевладельцев обложили 3 червонцами со сдаваемой комнаты. Сперва они взвинтили цену до 15 черв[онцев], но когда стали все проезжать мимо, то цена понизилась. Но это меня и моей дачи не касается. Обеды сейчас по 80 к[опеек]. У меня на даче организуется домашний стол за эту цену, но, вероятно, она летом повысится до рубля.

Не забудьте захватить: мешка для сена, обеденного прибора, таза для умыванья, светильника (или свеч), висящего замка для запираания комнаты, подушки (они полезны и для путешествия в твердом вагоне). Примус никогда бесполезен.

Маруся² занята целые дни водворением порядка в доме. Я спешу ответить на уйму скопившихся писем и скорее приняться за акварели и стихи. Из окна — шум моря, крики и плеск купающихся. Полдень. И совсем по-летнему знойно.

Привет Сергею Васильевичу³. Ждем.

Максимилиан Волошин.

Почт[овый] адр[ес]: Феодосия, д[ача] Айвазовского.

¹ Кустодиев Борис Михайлович (1878-1927) — художник.

² Волошина (урожд. Заболоцкая) Мария Степановна (1887-1976) — вторая жена М.А. Волошина.

³ Лебедев Сергей Васильевич (1874-1934) — химик, академик АН СССР (с 1932). Муж А.П. Остроумовой-Лебедевой.

2. Волошин — Платонову¹

1.VI.1924,
Коктебель.

Многоуважаемый Сергей Федорович, с огромным удовольствием дам у себя приют Гавриилу Павловичу Кондратенко² — т[о] е[сть] комнату с двумя кроватями. За комнату никакой платы и никаких взносов не полагается. Бесплатного стола, к сожалению, не могу предложить. Но у меня организовалась это лето на даче коммунальная столовая. Обед обходится около 80 к[опеек в день]. Пансион — 2 р[убля] в день. Лето обещает быть очень людным. Потому рекомендую выехать или немедленно (чтобы застать комнату), или в сентябре — когда вообще публика схлынет (а погода прекрасная).

М[ожет] б[ыть], Вы сами, Сергей Федорович, если Вас занесет на юг, навестите меня в Коктебеле? Летом, боюсь, все будет переполнено до отказа, но осенью станет просторно и тихо. Для меня бы это была величайшая радость. Не знаю, как благодарить Вас за то счастье, которое Вы доставили мне, направив меня к В.Г. Дружинину³.

«Книжица» Аввакумова⁴ в СПб и Владимирская Богоматерь⁵ в Москве — это было самое сильное из всего, что мне удалось повидать теперь на севере после 7 лет отсутствия. А беседа с Василием Григорьевичем о расколе раскрыла еще новые истоки вдохновения и восторга пред русской историей. Большое спасибо за тексты Аввакума.

Ваши «Очерки по истории смуты»⁶ давно служат мне настольной книгой. И я не оставляю мысли дать «географическую» картину Московского царства в поэтической форме по образцу «Tableau de la France» Мишле⁷ на основании первой главы Ваших «Очерков».

Сейчас Русская революция необыкновенно приблизила и осветила до четкости поразительной отошедшие эпохи и приковала меня к Русской истории, которой я раньше (как парижанин, как слушатель Gaston Paris и André Michel⁸) был чужд. Моя довольно обширная библиотека в Коктебеле состоит исключительно из французских изданий и очень бедна русскими книгами. А послед-

ние семь лет усобицы я был совершенно отрезан от севера, от книг, от нов[ых] изданий. Поэтому Ваш подарок и книги, присланные мне Археографической комиссией по предстательству В.Г. Дружинина (оттиски из XIII тома⁹), являются для меня насущной пищей. Во время поездки моей теперь в центр я очень мало успел узнать нужного для себя, потому что был разрываем на части и мне приходилось читать стихи иногда по 18 час[ов] в сутки, переходя из дома в дом. Потому простите меня, Сергей Феодорович, если я попрошу Вас указать мне те из Ваших книг¹⁰, вышедших за последние годы (с начала войны), которые могли бы мне быть полезны и необходимы для моих работ.

Г.П. Кондратенко же прошу передать, что жду его к себе, но также и то, что здесь в Коктебеле он найдет не цветущую Тавриду, а голую, суровую, обожженную Киммерию, приближающуюся не к итальянскому, а к греческому пейзажу.

Максимилиан Волошин.

Почт[овый] адрес: Феодосия, д[а]ча Айвазовского.

¹ Письма С.Ф. Платонову от 1 июня 1924, 17 июня 1926, 18 апреля 1927, 6 апреля 1929 и 13 июня 1929 опубликованы: см. De visu. 1993. №5. С.53-57.

² *Кондратенко Гавриил Павлович* (1854-1924) — художник.

³ *Дружинин Василий Григорьевич* (1859-1937) — историк (археограф и палеограф), член-корреспондент РАН (1920).

⁴ Имеется в виду «Житие протопopa Аввакума». Первое издание — СПб., 1862.

⁵ Икона византийских мастеров XI в.

⁶ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. СПб., 1899.

⁷ *Мишле Жюль* (1798-1874) — французский историк. Речь идет о его книге: Michelet J. *Tableau de la France: Geographie physique, politique et morale*. Paris, 1875.

⁸ *Парис Гастон* (1839-1903) — французский филолог-медиевист, член Академии надписей и Французской Академии (1896), директор Коллеж де Франс; *Мишель Андрэ* (1853-1925) — французский историк искусств, член-корреспондент Французской Академии художеств, хранитель Лувра, профессор Коллеж де Франс.

⁹ Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени / Под ред. С.Ф. Платонова и А.Ф. Бычкова // Русская историческая библиотека. Т.13. СПб., 1891.

¹⁰ К этому периоду относятся следующие книги С.Ф. Платонова, которые могли заинтересовать Волошина: Борис Годунов. Пг., 1921; Иван Грозный: 1530-1584. Пб., 1923; Прошлое русского севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Пб., 1923; Смутное время: Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI-XVII веков. Пб., 1923; Социальный кризис Смутного времени. Л., 1924.

3. Волошин — Остроумовой-Лебедевой

16. XI. 1924,

Почт[овый] адр[ес]:
д[ача] Айвазовского,
Успенским¹ для нас.

Дорогая Анна Петровна,

Ваше письмо мы получили уже дней 10 назад, но зная, что оно сопровождается посылкой, дожидались ее прибытия, чтобы ответить сразу, а она, как на грех, точно заколдованная, не давалась нам в руки благодаря различным почтовым задержкам и недоразумениям. Сегодня перед вечером она к нам пришла. Мы вскрывали ее с радостным волнением, развязывали тщательно все веревочки, вспарывали холсты и ссорились с Марусей, «потому что ты ничего не умеешь...», а потом вытаскивали предмет за предметом, одинаково радуясь и содержимому и умиляясь тщательности упаковки. Смысл «жидкости для разведения йода» понял первым я. За кнопки приношу благодарность особую. Но об этом будет подробно писать Маруся. Хочется ответить подробно на Ваше письмо. Смерть Вал[ерия] Як[овлевича]² очень потрясла. Но мы к ней уже были заранее подготовлены, т[ак] к[ак] из письма Габричевских³ знали, что он по приезде в Москву заболел крупозным воспалением легких — эту болезнь благополучно выносят только в детском возрасте. Умер ли он преждевременно? Эмоциональное чувство говорит: да. Но вот Серг[ей] Вас[ильевич] Ш[ервинский]⁴, бывший все время болезни при В[алерии] Я[ковлевиче], писал мне, со слов своего отца⁵, пользовавшего В[алерия] Я[ковлевича] во время его последней болезни, что организм В[алерия] Я[ковлевича] был истрепан и истощен вконец. Сыграли роль и наркотики, которыми он злоупотреблял в различные эпохи жизни и от которых с трудом отошел лишь последнее время, и запущенный туберкулез, и запущенный плеврит. У него уже были первые признаки табеса⁶. Одним словом, через несколько месяцев, через год ему предстоял распад духовной жизни и страшная старость, прикованная к креслу в полном маразме.

Если все это так, то жалеть о преждевременности не придется. Напротив, в смерти сказалось то, что было в лучших стихах В[алерия] Я[ковлевича]: меньше круто и сразу оборвать. Нет: смерть В[алерия] Я[ковлевича] — хорошая смерть, потому что в жизни его не осталось ни недоговоренности, ни лишних слов. На его пребывание в Коктебеле⁷ смотрю как на особый дар судьбы. Пред этим мы с ним долго не видались. Между нами не было ссоры, но было некоторое неблагоприятное равнодушие, какое устанавливается между писателями, окруженными аурой литературных сплетен, а интимно выдающихся редко. Перед самой смертью мы встретились с ним сердечно и дружески, так, как встречались когда-то в дни юности. Попрошались горячо, как люди, которым предстоит еще много лет новых, более близких отношений. И смерть остановила их именно на этом моменте. «Дарит смерть... а жизнь лишь уводит».

Адалис (ее зовут: Аделина Ефимовна Эфрон)⁸ очень жалко. Пишут, что она свою очень глубокую и искреннюю боль старалась еще украсить капризами и мудрила. Некоторых это сердило. Ее приютили у себя Шервинские и Поливановы⁹. Думаю, что лучше всего ей писать по адресу Шерв[инских] (Остоженка, Померанцев пер., 8, кв. 1), т[ак] к[ак] она, очевидно, у себя (Старая Божедомка, 24) больше не живет. Я ей писал туда дважды и ничего не знаю о судьбе своих писем.

О судьбе Брза¹⁰: я думаю, что В[алерий] Я[ковлевич], если бы и остался жив, ничего бы сделать не мог. Он мне как-то говорил об своей органической неспособности хлопотать о людях. Я думаю, что он действительно «не умел», а не «не хотел».

Об этом Вам нужно обратиться к двум лицам: к Екатерине Павловне Пешковой¹¹ в Об[щество] помощи политическим заключенным (Кузнецкий мост, 16, или ее личный адрес: Мешков пер., 1, кв. 16) и к Ольге Константиновне Толстой¹² (Остоженка, Померанцев пер., 3, кв. 8). Одна — первая жена Горького, другая — мать Сони Сухотиной¹³. У обеих есть добрая воля и большие возможности. Напишите, сославшись на меня. Этого достаточно. Я бы сам написал, но я не знаю никаких подробностей о его деле и так будет быстрее. Жаль, что мы не поговорили об этом в Коктебеле — ведь ко мне как раз приезжал Винавер¹⁴ — секр[етарь] и главный помощник Екат[ерины] Павл[овны] по хлопотам этого рода.

Очень возмутительная история с Вашей монографией и с отказом от оплаты гонорара, и я думаю всё, чем можно помочь? У меня есть очень мудрый и в издательских делах опытный советчик — В.В. Вересаев¹⁵. Он был так добр, что взял в свои руки мои ли-

тературные дела, сам мне предложивши быть моим «Плетневым» (пушкинским)¹⁶. Если позволите, я ему напишу о Вашем случае и спрошу его совета: что здесь можно делать и куда обратиться за справедливой управой.

Очень грустно читать то, что Вы пишете об «Мире Искусства»¹⁷. Конечно, радуюсь за А[лександр] Н[иколаевича] и Сереб[рякову]¹⁸ лично, но это опустение глубоко печально, и мне очень понятно именно сию минуту: когда люди схлынули, и Коктебель обнажился, — только теперь стали всплывать итоги моей весенней поездки на север. Казалось бы, мне только радоваться: я был признан и оценен свыше меры, и стихи мои имели отголосок более сильный и глубокий, чем я предполагал, а между тем сейчас я чувствую себя более одиноким, чем до этой поездки, не как человек, разумеется, а как поэт. Чувствую, что производило впечатление в моих стихах то, что казалось политической оппозицией, смелой по нынешним временам; а то, что было основным, положительным (об России, о ев[ропейской] культуре), то принималось только как незначущее приложение. (В большинстве). И кроме того, откликались на них только те, кто сами уходят. Для проходящих же все мое (и основные идеи и формы) было чуждо и даже враждебно вне всякой политики. Это не повергает меня в отчаянье, ни в разочарованье, но указывает, что снова надо идти долго, ночью, одинокими горными тропами, какими я шел последние годы. Но после этой поездки стало очень трудно опять уйти в себя, и я никак не могу снова сосредоточиться на поэтической работе. Каждый день принимаюсь за обдумыванье и выявление давно намеченных тем, и чувствую, что не смогу сразу стать на ту точку исторических перспектив, которую выносил в себе эти годы. Конечно, еще несколько одиноких прогулок по Карадагу, несколько дней с пером в руке перед ненаписанным листом... В конце концов это *хорошо*, когда твое искусство не нужно, тогда делаешь только необходимое. Это крепче, сжатее, напряженнее. Но все это гораздо легче в молодости, чем в зрелые годы.

Большое спасибо за описание петербургского наводнения. Ваше описание было и первым, и единственным. Газеты ведь не дают никакой картины. Единственное достопримечательное, что я из них почерпнул, — это что «наводнение *ликвидировано*». А из друзей никто ничего, кроме общих фраз, не сказал о нем.

Ваше описание ярко, точно и художественно и немногими чертами вызвало сразу всю картину Петербурга. Его хочется видеть запечатленным в цикле деревянных гравюр... «к столетнему юбилею Медного Всадника». Картину Литейного моста с баркой бьющейся о фасад Гошпиталя, и с лодочкой, к ней привязанной,

я вижу ясно исполненной в Вашем стиле. Очень хорош кладбищенский сторож со Смоленского. Он очень в стиле пушкинского «Гробовщика».

Гибель коллекций Козлова¹⁹ потрясает больше всего. Стоило осквернять могильники Харахорума, чтобы все утопить в Петербурге, не разобравши и не распаковавши. Как Эрмитаж и Зимний? Не пострадали ли Тройницкие²⁰ в своих антресолях? Спасибо за вести об Елиз[авете] Сергеевне²¹. Пишу ей одновременно. Видали ли Константина Евтих[иевича]²²? От него нет никаких вестей. Бор[ису] Мих[айловичу]²³ буду тоже писать на днях. Привет Анастасии Осиповне²⁴ и Сергею Васильевичу. Не могу сказать, как тронула меня Ваша посылка. Ждем Вас с весны и как можно раньше. Тем из Ваших близких, кого Вы направите к нам или привезете с собою, будем очень рады.

Максимилиан Волошин.

Нет, я не могу оборвать это письмо, не переписавши Вам последнего стихотворения Адалис. Это портрет Машеньки Ш.²⁵ в Коктебеле. Его сегодня нам Машенька прислала в письме. По-моему, он очень хорош, и все Адалисины bizargeries²⁶ в нем уместны и удачны, пожалуй, кроме «беспольных садов».

Случайно ли, в бреду ль, сегодня ль,
Увижу снова в добрый путь
Твой смуглый, как морская отмель,
Живот и востренькую грудь,
Румянца четкие границы
В лице, изваянном левшой,
Глаза, и ржавые ресницы,
И лоб, как облако, большой?
Друг удивленный, друг хороший,
Засну ль, забуду ль до утра
Тот камень, крабами поросший,
Тот месяц зыбкий, как чадра,
Село, что мельком посетила,
Залив, где Пушкин сочинял
«Погасло дневное светило»,
Смятеные непокрытые скалы,
Полынь лугов, полынь оврага,
Болгар беспольные сады,
И мертвый город Карадага
Вдоль ясновидящей воды.

Правда, очень остро и четко? «Лицо, изваянное левшой» страшно передает Машеньку.

И теперь еще одна просьба к Вам. Простите, Анна Петровна... Но сделайте это, когда будете случайно в Центре. Это не к

спеху. Купите мне несколько акварельных красок и кисточек. Я знаю, что хороших кистей сейчас не достанешь. Но мне и не надо. У меня много кистей... но совершенно нет маленьких острых и тонких для рисунка. Такие, кажется, всегда бывают. Мне нужно штуки 4, в перо или в дереве, безразлично. Важна острота. И кроме того, несколько акварельных плиток иностранных (круглых). (По-моему, они есть в писчебумажном магазине под Генеральным Штабом).

Мне надо: синих (ультрамарин или кобальт) — 4-5 штук; желтых (*Cadmium moyen*) — 4-5 [штук]; коричневых (*Terre de Sienne brûlée* или *Terre d'Italie brûlée* или *sépia coloriée* — 4-5 [штук]).

Это будет стоить около 8-10 рублей.

Я в Петербурге их видел, но у меня не было в тот момент денег, а в Москве были деньги, да красок не было. Получится крошечная посылка. Деньги я Вам, если хотите, пришлю теперь же или при свидании в Коктебеле. Как Вам удобнее. Простите за такое злоупотребление Вашим временем, Анна Петровна. Но сделайте это только при случае.

М.В.

¹ *Успенский Владимир Александрович* (1892-1956) — художник; *Неонила Васильевна Успенская* — бухгалтер, жена В.А. Успенского.

² *Брюсов Валерий Яковлевич* (1873-1924) — поэт. Его переписку с Володиным см.: Литературное наследство. Т.98. Кн.2. М., 1994. С.279-385. Там же цитируется и фрагмент из настоящего письма (С.271, 279 и 397).

³ *Габричевский Александр Георгиевич* (1891-1968) — филолог, переводчик, искусствовед; *Габричевская* (урожд. Северцова) *Наталья Алексеевна* (1901-1970) — художница, жена А.Г. Габричевского.

⁴ *Шервинский Сергей Васильевич* (1892-1991) — поэт, переводчик.

⁵ *Шервинский Василий Дмитриевич* (1850-1941) — профессор-медик (эндокринолог).

⁶ От лат. *tabes* (буквально — разложение) — заболевание нервной системы, то же, что сухотка спинного мозга.

⁷ Летом 1924 В.Я. Брюсов жил в Доме поэта.

⁸ *Эфрон Аделина Ефимовна* (1900-1969) — поэт.

⁹ *Поливанова Ольга Владимировна*; *Поливанов Константин Михайлович* (1904-1983) — математик; *Поливанова* (урожд. Шпет) *Маргарита Густавовна* (1908-1989); *Шервинская Елена Владимировна* (р.1904) — жена С.В. Шервинского.

¹⁰ *Браз Иосиф (Осип) Эммануилович* (1873-1936) — художник, коллекционер. В 1924 арестован и сослан в Новгород. В 1926 освобожден по ходатайству ленинградских художественных организаций. С 1928 — в Париже.

¹¹ *Пешкова* (урожд. Волжина) *Екатерина Павловна* (1876-1965) — общественная деятельница, литератор.

¹² *Толстая* (урожд. Дитерихс) *Ольга Константиновна* (1872-1951) — общественная деятельница.

¹³ *София* Андреевна *Сухотина* (урожд. Толстая, 2-й брак — Есенина, 1900-1957).

¹⁴ *Винавер* Михаил Львович (1880-1942) — адвокат, социал-демократ, заместитель Е.П. Пешковой по работе в Политическом Красном Кресте.

¹⁵ *Вересаев* (наст. фам. Смидович) *Викентий Викентьевич* (1867-1945) — писатель. Письма М.Волошина к В.Вересаеву: Новый журнал. 1992. №186. С.262-312; №187. С.262-296.

¹⁶ *Плетнев* Петр Александрович (1792-1866) — поэт и критик, друг А.С. Пушкина.

¹⁷ «*Мир искусства*» — объединение художников в Петербурге (1898-1924). В 1924 состоялась последняя выставка этой группы в Петрограде.

¹⁸ Речь идет об *Александре Николаевиче* Бенуа (1870-1960) — художнике, теоретике и одном из основоположников объединения «Мир искусства» и *Серебряковой* (урожд. Лансере) Зинаиде Евгеньевне (1884-1967) — художнице, с 1924 жившей в Париже.

¹⁹ Вероятно, речь идет о *Петре Кузьмиче Козлове* (1863-1935) — исследователе Центральной Азии, действительном члене АН УССР (1928). Во время монголо-сичуанской экспедиции (1907-1909) Козлов открыл в центральной Монголии развалины мертвого города Хара-хото, откуда вывез богатые коллекции, особенно — этнографические, касающиеся китайской старины и буддийского культа. См., напр., его кн.: Три года по Монголии и мертвый город Хара-хото (1923-1925). М.; Л., 1927.

²⁰ *Тройницкий* Сергей Николаевич (1882-1948) — историк искусства, хранитель Галереи драгоценностей и директор Эрмитажа (1917-1932).

²¹ *Кругликова Елизавета Сергеевна* (1865-1941) — художница, подруга Волошина, путешествовала вместе с ним по Испании в 1901.

²² *Костенко Константин Евтихиевич* (1879-1956) — художник.

²³ Речь идет о Б.М. Кустодиеве. См. прим. 1 к письму 1.

²⁴ *Якубчик Анастасия Осиповна* — химик.

²⁵ Возможно, речь идет о поэтессе *Марии Михайловне Шкапской* (урожд. Андреевской, 1891-1952). Ср.: Письма А.Е. Адалис к М.М. Шкапской / Публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкиревой // Минувшее: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.346.

²⁶ Странности, причуды (*франц.*).

Коктебель,
31.XII.[19]24 г.,
10 ч[асов] вечера.

Милая, дорогая и хорошая Анна Петровна, Сейчас осталось 2 ч[аса] старого года: — у нас тихо, тепло и уютно. Собираемся скромно (чаем и фруктами) встретить Новый год и в ожидании его решили тот и другой написать Вам. Сегодня в канун Нового года мы получили письма от наших летних друзей, и из пяти писем в четырех упоминалось Ваше имя, и нам захотелось Вам написать.

Милая, милая Анна Петровна, у нас сейчас необыкновенно хорошо. На дворе мороз (целую неделю стоят морозы до 10°), шумит море, но тихо и ясно, молодой месяц ярко плывет по льду, горы белехонькие, а у нас тепло, чисто и как-то покойно на душе, как в детстве. Правда, покой этот создан самими своими мыслями и чувствами. Еще несколько дней тому назад было хлопотно и тревожно, у меня опять разболелось ухо, снова было два нарыва, было мучительно больно и тяжело. Макс сбивался с ног, дом был весь запущен, словом, дым шел коромыслом. Ведь помимо моих больших детей, у меня две собаки, кошка, гусь, две утки и куры 9 шт[ук]. И вот я больна. Как это все сложно и с водой, и с кормежкой, да еще при таких холодах. Макс сбивается с ног — был страшно трогателен и умилителен. Большой медведь со всей его умиительностью, добродушием и готовностью. Слава Богу, боли прошли, но я решила: после праздников ехать в Харьков необходимо — ухо изводит меня и мучит Макса. Он, бедняга, страшно волновался во время моей болезни.

Остальное у нас все тихо и мирно. Живем в полной пустоте и уединении, людей неделями не видим — письма получаем тоже редко, п[отому] ч[то] оказии очень редки. Я перегружена заботами и работой по хозяйству, к вечеру страшно устаю, т[ак] ч[то] читать почти не успеваю. Макс весь в акварелях — очень хорошие пишет и целыми днями не отрывается. Стихи не пишет, не пишутся. После поездки на север с ним что-то случилось. Он почувствовал, что ст[ихи] его не нужны или нужны очень немногим, и он как-то чувствует себя одиноким и сказать ему нечего. Наск[олько] последние годы у него было желание сказать больше и сейчас же все, п[отому] ч[то] иначе не успеешь — настолько сейчас у него полное состояние протрации. Сложно очень то, что с ним сейчас, но т[ак] к[ак] это не вызывает у него никаких дурных настроений, то я совершенно не волнуюсь. Конечно, я немного огор-

чена, и грустно, что нет новых ст[ихов], но я знаю, что это временно, и что внутри идет своя работа, и я всячески хочу создать и поддержать ту тишину, котор[ая] необходима Максу. Акварели прекрасные — одна другой лучше. По вечерам читает. Жизнь идет очень ритмично и однообразно — но мы полны жизнью и тот, и другой. Во время моей болезни исчез Ленька (муж Теш). Я очень была огорчена. Это у нас было целое событие. Тату вырос большой эгоист и вообще собака без ярко выраженной индивидуальности. Щенок (Хна), дочка Пульки, паршивенькая собачонка, но милая, бедная-бедная. Я сейчас их не очень хорошо кормлю и холодно им — вот и болели за них — ведь ответственна же я за них. Вообще очень люблю свой Ноев ковчег и волнуют они меня очень.

Простите, милая Анна Петровна, так хотелось написать Вам хорошее письмо, а пишу глупости и надо кончать, п[отому] ч[то] чай буду ставить, а то пропустим Новый год.

Всего, всего доброго. Целую Вас крепко и поздравляю с Новым годом и Вас, и Серг[ея] Васил[ьевича], и Анаст[асию] Осиповну. Дай Бог всего хорошего, светлого в [19]25 г[оду], ведь високосные года всегда очень тяжелые. Без четверти 11. Всего хорошего. Простите письмо и примите желание побыть с Вами.

Ваша Маруся.

5. Волошин — Лебедевым

[31.XII.1924]

Дорогие Анна Петровна и Сергей Васильевич, Хочется эти последние минуты старого года провести с Вами и пожелать Вам всего-всего лучшего в наступающем году: для этого ведь так мало надо — нам, привыкшим ко всему за последнее десятилетие. Все хорошее и яркое в этом году тесно связано с Вами, и Коктебель впредь без Вас уже невозможен. Пакет писем, пришедших сегодня вечером из Феодосии (на плечах колесника-Петра вместе с сосисками, [нрзб. 1 сл.] и клюквой — сквозь мороз, северный ветер и хрустальные лунные сумерки по плоскогорью Куру-Баша), полон Вашим именем, Анна Петровна. Понял оттуда, что Вы были в Москве. Как Ваши дела с Госиздатом? Как судьба Браза? Видались ли Вы с Ек[атериной] П[авловной] Пешковой и с Ол[ьгой] Кон[стантиновой] Толстой по его делу? Очень радуюсь проектируемой Кандауровым¹ выставке в Москве. Об ней мне сегодня пишет Богаевский². Его материальное положение крайне тяжело. У него на руках осталось 5 старушек. Из них — у его родной матери — был удар. Все это в его крошечной квартирке (мастерская холодна и необитаема). И он, и его жена сбились с ног. Ему даже ночью

не приходится спать, ухаживая за больной. Денег так мало, что пришлось отказаться от табаку и сахару. КрымОхрис³, который заказал ему ряд археологических документальных рисунков, отказывается платить, т[ак] к[ак] снят с государ[ственного] снабжения. Кроме того, нам перестали выдавать ак[адемическое] обеспечение. Я сейчас же начал хлопоты в Москве о переведении его в IV категорию (там сохраняется обеспечение). Но меня-то сразу перевели, а вопрос о нем повис в воздухе: очевидно, сомневаются, можно ли его считать европейской величиной. Но надеюсь, что удастся отстоять его европейское значение. Я его с лета так и не видал, с тех пор как Вы его портрет писали. Только изредка переписываемся. Как подвигается портрет Валерия Яковлевича⁴? Елиз[авета] Серг[еевна] пишет, что Вы много работаете: что именно? Портреты? Воспомин[ания] о Коктебеле? Гравюры?

До свидания. Желаю Вам обоим радости и бодрости на 1925 год. Привет Анаст[асии] Осиповне, Костенко, Елиз[авете] Серг[еевне] и Кустодиеву.

Максимилиан Волошин.

¹ *Кандауров* Константин Васильевич (1865-1930) — театральный художник.

² *Богаевский* Константин Федорович (1872-1943) — художник.

³ Речь идет о местной государственной организации по охране памятников истории и культуры.

⁴ См.: *Остроумова-Лебедева* А.П. Автобиографические записки. Т.3. М., 1974. С.67-70. См. также: *Помирчий* Р. Неизвестный портрет В.Я. Брюсова // *Нева*. 1969. №5. С.220; Он же. Два портрета // *Литературная Армения*. 1971. №6. С.62-64.

6. М.С. Волошина — Остроумовой-Лебедевой

Харьков,
15.III.1925 г.

Милая и хорошая Анна Петровна,

Вы, вероятно, недоумеваете, почему не пишем, не ответили на Ваше письмо. Случилось очень много важного у нас, и, узнав, поймете, почему не писали так долго. После долгих колебаний и уговоров я решила наконец ехать в Харьков лечить ухо. Выехала 4 февраля из дома, но почувствовала себя очень дурно перед самой посадкой в поезд, настолько дурно, что со мной сделался обморок от боли где-то внизу живота. Два часа я была в полуобморочном состоянии, отъезжая от Феодосии. Затем все прошло и по

приезде в Х[арьков] я была только немножко слаба. Пошла лечить ухо. Все проделала, что нужно было, помучали меня изрядно, исследуя лабиринт. Выяснили, что ухо потеряно, что лабиринт поврежден — словом, поражение серьезное, но не опасное для жизни и лечить бесполезно. Ну, я и собралась ехать домой, но накануне, за день до отъезда, я решила зайти к гинекологу и выяснить, что же за боль была у меня и отчего обморок. И вдруг он мне говорит: «У Вас опухоль с правой стороны, и необходима немедленная операция». Огорошило меня это очень. Я решила ехать домой все-таки и не делать операции, т[ем] б[олее], что Макс меня ожидал через день домой. Но случайно проф[ессор] встретил моего знакомого врача, тот спросил про мое состояние, а проф[ессор] настойтельно предложил операцию, и я выписала Макса, и по приезде через неделю легла на стол. Вскрыли мне живот 25.11 и вырезали в 5 местах. Оказались две кисты с обеих сторон, опухоль, аппендицит и сращения — даже проф[ессор] не ожидал такой картины. Под наркозом была 2 ч[аса], операция длилась с 9 по 12 ч[асов] дня. Но все сошло хорошо. Сегодня 20-й день, и я уже 3-й день дома у тети Саши, все они, то есть Домрачевы¹, шлют Вам и Сер[гею] Васил[ьевичу] самый теплый привет. Было мне очень тяжело (операция и заживление шли нормально, т^о ни разу не повысилась) и настрадалась я очень. И не знаю от чего больше: от наркоза, или болей, или от всех сопутствующих явлений. 9 дней я просто ничего не ела, не могла, а давать стали бульон только на 11-й день, но мне уже к этому времени стало хотеться есть, но кроме жидкого, ничего не давали. Устала, измучалась и как-то ко всему стала безразлична. Ни радости, ни грусти нет. Все, все равно. Если говорить о физических ощущениях, то сейчас чувствую себя хуже, чем до операции: появилось масса каких-то новых ощущений, котор[ых] раньше никогда не было — проф[ессор] говорит, что сначала всегда так бывает. Морально я как-то подавлена, на операцию шла без боязни и сознательно исключительно уповая на волю Божью, но после операции что-то случилось со мной. Мне все, все равно. Как будто я что-то узнала и теперь все неважно. Ушел какой-то трепет жизни и все потускнело и ничего не надо стало. Сейчас я еще слаба. Но через 4 дня мы выезжаем домой. Макс очень волновался и устал, п[отому] ч[то] ему приходилось зарабатывать деньги, но все обошлось хорошо. Напишите нам, дорогая Анна Петровна, очень будет радостно приехать домой и беседовать со своими друзьями. Домой мне хочется. Это пока единственн[о], чего мне хочется. Целую Вас крепко и жду летом, теперь уже скоро, а у нас, верно, хорошо. Большой привет Сергею Васильевичу. Устала. До свиданья.

Маруся.

¹ *Домрачевы* — харьковские друзья Волошиных: Александра Лаврентьевна (1880-1967, *тетя Саша*), ее муж — Петр Федорович — юрист и скрипач-любитель, их дети — Валерий, Надежда, Леонид, Ирина. См.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С.476, 714.

7. Волошин — Остроумовой-Лебедевой

[15.III.1925]

Дорогая Анна Петровна,

Пишу Вам несколько слов, т[ак] к[ак] все время меня дергают и раздирают на части, как обычно в городах: люди, чтения стихов, беседы, лекции, хлопоты, покупки, попечение о Марусе. Сейчас мы уже на отъезде. Поездка сюда была для меня совершенной неожиданностью и оторвала меня от моих коктейльских работ. Но я глубоко радуюсь, что все случилось именно т[ак], к[ак] произошло, и вижу в этом особую заботливость судьбы: болезнь Маруси, потребовавшая спешного хирургического вмешательства, могла еще долго оставаться для нее неведомой и переродиться в саркому или рак, а теперь она захвачена как раз вовремя и не грозит никакими будущими осложнениями. Душевная подавленность Маруси вполне объясняется серьезностью и тяжестью операции. Она оправляется с каждым днем на глазах, и професс[ор] Брант¹ утверждает, что ее организм и нервная система должны совершенно переродиться в ближайшие месяцы. Это уже доделает Коктебель.

Наш гусь Гэга умер во время отсутствия Маруси (еще до ее отъезда). Это было для нас тяжелое горе. Остался же в живых Ваш Бобби²? и как его здоровье?

Привет Сергею Васильевичу, Анастасии Осиповне, Костенко, Кустодиевым. Очень хочется получить от Вас весточку. Когда приедете в Коктебель? Мы ждем с ранней весны Катю Сорокину, Галю Наз[аревскую], Вар[вару] Дмит[рие]вну и Анчутку³.

Все мне нужные худож[ественные] материалы — краски, бумагу, кисти — все я нашел в Харькове и везу запасов на год. Простите, что беспокоил Вас этими просьбами.

Максимилиан Волошин.

¹ *Брант* Виктор Дмитриевич (1872-?) — доктор медицины (акушер-гинеколог), профессор Харьковского института усовершенствования врачей и Харьковского рентгеновского института, редактор журнала «Вопросы онкологии».

² *Бобби* — собака А.П. Остроумовой-Лебедевой.

³ *Сорокина* (урожд. Шмидт) *Екатерина* Оттовна (1889-1977) — до 1913 жена И.Г. Эренбурга; *Назаревская Галина* Александровна — москов-

ская знакомая А.Белого, участница антропософского движения; Финкельштейн (Синайская) *Варвара Дмитриевна* (1872-1940-е) — педагог; *Анчутка* — так в тесном кругу называли Кораго Анну Александровну (1890-1953) — педагога и переводчицу.

8. Волошин — Остроумовой-Лебедевой

7.IV.1925,
Благовещенье,
Коктебель.

Дорогая Анна Петровна,

Большое спасибо за посылку. Я, кажется, еще больше рад краскам, чем Маруся йоду. Кое-что я достал и в Харькове, а теперь обеспечен надолго. Простите, что я затруднял Вас этим. Эти краски, вероятно, стоили около червонца. Позвольте мне рассчитывать с Вами летом в Коктебеле: Харьков и операция истощили наши средства до конца мая. Я сейчас перечитал Ваше письмо, написанное в январе. Оно пришло перед самым Марусиным отъездом. Очевидно, несколько Ваших писем (д[олжно] б[ыть], открыток) не дошло до нас. Отсюда мое молчание на Ваши вопросы о красках.

После Харькова — Коктебель — глубокая тишина и радость. Но чувствуется, что гигантская тень надвинулась и прошла мимо, только осенив Марусю. И Маруся как-то чувствует это всем существом, вне сознания, и это выражается в иррациональной нервозности и сжатиях.

Весна такая же нервная и неустойчивая, как и она. После тепла и растворения всех ароматов земли опять пароксизмы стужи, даже снега. Верно, на севере холодно. Миндаль уж 1 1/2 месяца назад готов был расцвести, но осторожно медлил до последних дней и дал персику расцвести первым. Мы живем в зависимости от погоды. Тепло: возмемся во дворе: делаем обрезку, сажаем — в первый раз за семь лет приводим в порядок сад, т[ак] к[ак] удалось наконец восстановить ограду. Холодно — сразу теряется охота глядеть на мир Божий — сидим в комнатах: Маруся шьет, я пробую новую бумагу и новые краски. Или оба пишем письма по своим комнатам, т[ак] к[ак] за эти 1 1/2 месяца отсутствия накопилось невероятное количество неотвеченной корреспонденции — надо написать не менее 60 писем, а я пока написал 30. Уже теперь ждем гостей. Галя Назаревская, которой очень нехорошо, должна приехать со дня на день. Рано обещались приехать и Анчутка, и Катя Сорокина, и Женя Богословская.

Кандауров мне писал, что видал Сергея Васильевича¹, и что он «мечтает о Коктебеле», что меня очень порадовало, т[ак] к[ак] говорило о том, что Вы сделаете все, чтобы ускорить свой приезд.

В мае этого года исполняется 30 лет с тех пор, как было впервые напечатано мое стихотворение (весною 1895 г[ода])². Я это скрывал. Но в конце концов это просочилось, и мне пришлось дать согласие на публичное ознаменование этого. В Феодосии образовалась организационная группа, и чествование намечено на 29 мая. Что из этого выйдет, не знаю. Скорее всего новая литературная травля. Но трусить этого как-то непристойно. Вероятнее всего, что просто не позволят никакого публичного чествования, и это, б[ыть] м[ожет], было бы лучшим исходом. Что за «тридцатилетняя литературная деятельность», когда человек не может ни издать, ни переиздать ни одной своей книжки!

У меня большая радость: проф[ессор] Анисимов прислал мне большую фотографию Владимирской Б[ого]м[атери]³. (Видали ли Вы ее в Москве?) И сейчас она стоит против меня и потрясает своим скорбным взволнованным ликом, перед которым прошла вся русская история. Кажется, что в нем я найду тот ключ, который мне даст дописать моего «Серафима».

Присоединяюсь к Марусиной просьбе относительно «сандалий». Своего № я не знаю. Длина подошвы 29 сантиметр[ов]. Это, я думаю, достаточно: я мерил по старым сандалиям же.

До свиданья. Привет Анастасии Осиповне и Сергею Васильевичу. Жив ли Бобби?

Максимилиан Волошин.

¹ Речь идет о С.В. Лебедеве.

² Над могилой В.К. Виноградова // Памяти Василия Ксенофонтовича Виноградова. Феодосия, 1895. С.50.

³ Анисимов Александр Иванович (1877-1939?) — искусствовед и реставратор. В частности, автор монографии: Владимирская икона Божией Матери. Прага, 1928. Арестован в 1930. Погиб в заключении.

9. Волошин — Лебедевым

12.IV.1925,
Коктебель.

Христос Воскресе! дорогие Анна Петровна и Сергей Васильевич. Только что пришло Ваше письмо от 2.IV, Анна Петровна. Мне глубоко стыдно, что я заставил Вас так много беспокоиться и хлопотать о красках для меня. Я думал, что в Петербурге это гораздо проще, чем в других местах. Но как можно сейчас предвидеть, где это проще и удобнее? Вот в Харькове Гюнтер-Вагнеровские краски, оказывается, есть почти во всех писчебумажных

магазинах, а в Москве их совсем нет. А ввоз английс[ких] и франц[узских] красок в Россию, говорят, совсем запрещен (!!!!!).

Ну, одним словом, я теперь имею хороший запас и могу несколько лет совсем не беспокоиться о них. Еще раз большое, большое спасибо за них.

Буду очень рад приезду д[окто]ра Хлопина¹ и вообще всех тех, кого Вы сочтете нужным направить к нам из Ваших друзей, знакомых или близких. (Человека надо всегда принимать со всем его человеческим окружением).

Очень жаль Бобби. Еще по Вашему январскому письму я понял, что он не выживет.

Маруся (Вы правы!) неистовствует. И никогда нельзя предвидеть, что именно ей покажется хозяйственно необходимым выкинуть: полезть ли на дерево обрезать верхние ветки, на потолок ли — белить его, вырывать ли с корнем березу обеими руками... И узнаешь об этом только вечером, когда начинают болеть швы, а она горько каится [так! — *Публ.*] в дневных безумствах и обещает больше никогда этого не делать, чтобы, пролежав день в постели, снова пускаться в авантюры этого рода.

И вот, слава Богу! до сих пор все это ей сходит, и она поправляет[ся] вопреки всему. А я ей в хозяйстве — очень плохой помощник. Времени — даже зимой нехватает. Нет людей — есть письма. Неотвеченное письмо меня очень мучает. За эту зиму (я вчера подсчитал) я написал 170 больших писем и у меня [на] душе еще 35 неотвеченных. А успеть прочесть все книги, что мне присылают, а акварель, а собиранье материалов для задуманных стихов — вот и выходит, что я за всю зиму ни одного стихотв[орения] не написал...

А ведь живут же люди в Европе, и на все письма отвечая, и занимаясь своей работой, и отдавая время хозяйству, и успевая прочитывать литературу по интересующим их вопросам. А для меня всегда вопрос: как все это совместить в едином коротком дне. И в конце концов больше всего страдает самое важное и интимное.

Как жаль, что Вы приедете только в июне. Хотелось бы видеть Вас как можно раньше и как можно дольше.

Привет Ан[а]ст[асии] Осиповне и Сергею Васильевичу. Простите ради Бога за все беспокойство о красках.

Максимилиан Волошин

¹ *Хлопин* Николай Григорьевич (1897-1961) — врач, гистолог, с 1945 — академик АМН.

18.IV.1925
Коктебель.

Дорогой Эрик Феодорович,

Конечно. Очень, очень буду рад видеть у себя. Место найдется и для Вас, и для Вашей знакомой. Очень был рад получить весть от Вас в годовщину нашей прошлогодней встречи в Царском. Не можете ли Вы перед отъездом повидать там Леонида Ивановича Гиринского¹ и передать ему привет от меня и Марии Степановны и спросить, соберется ли он наконец в Коктебель? Простите, что затрудняю Вас этим, но он необычайно туг на письма и этим путем от него ничего не добьешься.

Указания для поездки: от Москвы до Феодосии ежедневно вагон прямого сообщения, с почтовым. Но это лучше, т[ак] к[ак] все равно выигранное время Вы теряете на Джанкое в крайне неудобной обстановке. От Феод[осии] до Коктебеля — линейкой 20 верст. Цена 8-10 р[ублей]. Место рубля 2. Спросите среди извозчиков на вокзале Александр[а] Матв[еевича] *Нич[а]* — он всегда возит нас.

Рекомендуется захватить с собою прибор для еды и мешок для сена — т[ак] к[ак] матрацы у нас истощаются.

Т[ак] к[ак] Вы следите за литерат[урными] годовщинами: в Крыму 29 мая собираются праздновать 30-летие моей литерат[урной] деятельности. (Первое мое стихотв[орение] напечат[ано] в 1895 г[оду] в мае). Во главе комитета Галабутский Юрий Андреев[ич]². (Адр[ес]: Феодосия, Пед[агогический] техникум).

Привет Вашей жене. Буду ждать с нетерпением.

Максимилиан Волошин.

¹ *Гиринский Леонид Иванович* (ум. 1927) — адвокат, друг юности М.С. Волошиной.

² *Галабутский Юрий Андреевич* (1863-1928) — педагог.

20.VII.1925
Коктебель

Дорогой Эрик Феодорович,

Я получил от Вас письмо из Ялты (от 2.VI) и сейчас письмо из СПб от 14.VII и адрес библиофилов и за все горячо благодарю Вас. Почему я не ответил сразу на Ваше глубоко интимное письмо от 2.VI, Вы, верно, понимаете: сейчас люди идут непрерывным

потоком, от которого нет возможности отвлечься ни на минуту для интимной беседы с далекими друзьями, а Ваше письмо из Ялты заставило меня очень почувствовать духовную близость с Вами и укрепило то чувство дружбы, которое возникло за время Вашего пребывания здесь. И если я Вам не написал ни слова, то Вы должны были почувствовать ту горячую волну сочувствия, которая поднялась во мне в ответ на Ваше признание. Спасибо за это доверие.

Я это написал бы Вам все осенью и, вероятно, подробнее и лучше (теперь и наст[оящим] письмом сосредоточиться некогда), если бы не Ваше деловое письмо от 14.VII.

Дорогой Эрик Феодорович, ради Бога, убедите Лежнева не давать *никакой* статьи о Коктебеле, ибо это может быть губительно для всего моего дома и дела¹. У меня (вернее, у моего имени) слишком много журнальных врагов, и всякое упоминание его вызывает газетную травлю.

Не надо забывать, что вся моя художеств[енная] колония существует не «de jure», а лишь попустительством, и ее может сразу погубить первый безответственный журнальный выпад, который, несомненно, последует за статьей обо мне или о Коктебельском доме, особенно, если она будет сочувственна.

Я не сомневаюсь, что, написанная Вами, она будет тактична, художественна и документированна, и мне было бы очень дорого и ценно, чтобы весь этот материал нашел место в Ваших мемуарах².

(К скромности ложной и преувеличенной у меня такая же антипатия, как и к честолюбию).

И в этом случае я, конечно, считаю «конкретные портреты» приемом несравненно более ценным, чем безымянную беллетристику с «псевдонимами» и «инициалами».

Из «неизданных» стихов тоже не думаю делать тайны.

Но сию минуту *всякое* печатное упоминание о Коктебеле чревато угрозами его существованию.

Поэтому очень прошу Вас убедить Лежнева отказаться от своей мысли дать статью о Коктебеле. Но если это (к моему глубокому огорчению) окажется *неизбежным* (кто знает психологию редакторов!), то, конечно, я предпочел бы, чтобы статья была написана Вами, Эрик Феодорович.

Вы не пишете ничего о судьбе Ваших вещей, Эрик Феодорович. Из присылки адреса библиофилов вижу, что Вы получили часть в [Москве] — но Ваши рукописи? Личные вещи?

Пожалуйста, напишите об этом.

И позвольте мне в Вашем лице выразить СПБ О[бщест]ву библиофилов и СПБ Союзу писателей мою глубокую, глубокую благодарность за внимание и честь, мне оказанные ими.

Привет Екатерине Владимировне¹.

М[ария] С[тепановна] Вас приветствует и очень любит.

Максимилиан Волошин.

¹ *Лежнев* (наст. фам. Альтшулер) Исай Григорьевич (1891-1955) — критик, редактор журнала «Россия» (с 1925 — «Новая Россия»). Последнее издание выходило в Берлине, с этим и связаны опасения Волошина.

² Фрагмент воспоминаний Э.Ф. Голлербаха опубликован в книге: Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С.501-505.

³ Голлербах (урожд. Колесова, в первом браке фон Штейн) *Екатерина Владимировна* — жена Э.Ф. Голлербаха.

12. М.С. Волошина — Остроумовой-Лебедевой.

Коктебель,
18.9.[19]25 г.

Милая, хорошая и родная Анна Петровна, Кажется, так давно, давно Вы от нас уехали. У нас немножко изменился и уменьшился калейдоскоп, но все-таки продолжается. Из прежних Габричи, Катя, Вера, Лида¹, [нрзб. 2 сл.], Мар[ия] Ал[ександровна], к которой приехал муж — Тиц Д.Л. А с бедной Ниной Леонтьевной Шенгели² такой ужас — заболела бр[юшным] тифом и тяжелобольную отправили в Москву. Затем у нас событие — немцы прямо из Германии на полете приехали и живут в юнговском доме³ в нижних комнатах 10 чел[овек] — всего первый день, ничего не могу сказать о них. Дом полн, ни одной пустой комнаты. В столовой спят 3 (в сестерьятнике). Погода прохладная, но ясная, сейчас наступают хорошие дни, полеживают на солнце. Мах почти поправился, но ноги отекают. Сегодня был последний раз пользовавшийся его доктор и дал целый ряд инструкций относительно его здоровья.

Я устаю иногда очень, но живу уже в своей комнате, часто недомогаю от усталости, но порядка больше, хотя столько обнаруживаешь беспорядков. Очень мне хорошо с Лидой Аренс, а затем с Катей Сорокиной. Наташа⁴ и Вера мне дальше, в этом году у них нехорошая тенденция сепарироваться. Наташа опять набрала около себя штат и водят хоровод. Кот Поливанов⁵ сегодня

опять вернулся из Батума, куда он поехал вместе с Шервинскими, и говорит, что лучше Коктебеля ничего нет. Хна принесла 8 шенков, Катина Луша 7 утопила. Я сегодня чуть дом не сожгла в экстазе. Около курятника сделали свалку, я подожгла, а там оказалась сухая [береза?] и так горело, что пламя било выше дома — сбежались тушить. Было красиво и опасно, но я не испугалась. Мах'а терзают люди всякого рода, пишет только акварели. Грею ему через день на примусе ванны и очень устаю в эти дни. Это письмо передаст Вам Лида и расскажет о Коктебеле и о нас. Сейчас уже поздняя ночь. У меня открыт балкон — тихо, тихо, ни звука, только море изредка всплескивает. Горят ярко звезды — тепло и тихо, мерно тикают часы и так мирно на душе — хочется за всех помолиться и передать эту дивную тишину всем, кто был здесь и дышал этим воздухом, и тем, кому тяжело — всему миру. У меня так хорошо и в комнате, и вокруг, и на душе. Всего, всего светлого, лучшего — тухнет лампа. Обнимаю Вас крепко, крепко. Дай Вам Бог здоровья и всяческого благополучия, Сергею Васильевичу тоже. О нас расскажет Лида, я Анастасии Осиповне пишу. Привет Костенко — отчего он не приехал? Мы его ждали.

Ваша М.Волошина.

¹ Аренс *Лидия* Аполлоновна (1889-1976) — техник.

² *Нина* Леонтьевна *Шенгели* (Манухина) (1893-1980) — поэтесса.

³ Речь идет о доме семьи Юнге, бывшей среди первых поселенцев в Коктебеле из Центральной России.

⁴ Речь идет о Н.А. Габричевской.

⁵ Речь идет о К.М. Поливанове.

13. Волошин — Лебедевым

[18.IX.1925]

Дорогая Анна Петровна, милый Сергей Васильевич, Еще не настало зимнее время, когда мы чувством умиления старательно и внимательно долгими вечерами пишем письма отсутствующим друзьям. Хотя близкие и покидают нас ежедневно → но дом тем не менее пополняется сейчас же и до сих пор еще нет ни одной свободной комнаты. Сейчас наехали летчики для планерных состязаний и у нас, кроме русских, живут еще 8 германцев. Приходил квартирьер: «Нельзя ли, товарищ Волошин, у Вас германцев устроить — говорят, брат Вильгельма¹ в Коктебель едет... и с ним еще — все из высших офицерских чинов... Мы Вам запла-

тим... Как даром? Вот это хорошо. Это мы германцам расскажем: пусть рассказывают в Германии, как у нас в России живут».

Крепко Вас обнимаю. Сегодня «Бобби» окантовывается.

Максимилиан Волошин.

¹ Имеется в виду брат кайзера Вильгельма II (1859-1941).

14. Волошин — Голлербаху

22.XI.1925

Почт[овый] адр[ес]: Коктебель

Дорогой Эрик Феодорович,

Я не настолько виноват перед Вами, как это может показаться (и самому сейчас кажется), за мое долгое и упорное молчание: не только необычайная людность этого лета (400 человек!!) мне мешала, но и болезнь. Я умудрился заболеть в июле ползучим воспалением легких и проболел долго — как раз в самое горячее время, и болезнь сказывалась еще долго — всю осень — какой-то мало мне свойственной апатией.

Только к ноябрю наш дом опустел, и зимняя жизнь и ее ритм вошли в свои права. Спасибо, Эрик Феодорович, за несколько дружеских писем, что Вы написали мне летом. Я их очень почувствовал и оценил. Спасибо за прекрасные отски «ex-libris'ов». И еще мне хочется извиниться перед Вами за мое «veto» на Вашу статью о Коктебеле. Если бы дело шло о моей личности — то тут бы не могло быть никаких «veto» — я этого себе никогда не позволял и не позволю. Но «Волошинский Дом» — это не я. А целый коллектив. Я посоветовался с друзьями и получил определенные инструкции: пусть лучше никто и ничего не пишет в печати — кто-нибудь подхватит, начнется травля и тогда не отстоите. Только поэтому я позволил себе просить Вас ничего не писать о Коктебеле. Хвалить и ругать одинаково опасно в этих случаях. Вот писать обо мне, что я хожу без штанов, в античном хитоне и венке — это безопасно и полезно... Но ведь *этого* Вы не стали бы писать? Но мне все-таки лично очень и очень интересно Ваше впечатление Коктебеля, и если у Вас сохранилась случайно копия или дубликат — пришлите мне хотя бы для прочтения. Празднование моего «юбилея», не состоявшееся в мае, было приурочено ко дню моих именин в августе. Это был как раз день кризиса в моей пневмонии, и я присутствовал в жару и полусознании. Но все прошло очень хорошо. Официальной части: адресам и речам были посвящены лишь утрен[н]ие часы. После обеда мне были прочитаны

стихотворные приветствия от поэтов всех стран и эпох (коллективное творчество). Некоторые из них прекрасные по тонкости и верности. Особенно удачные были Пиндар, Катулл, Скальд Скаллагримсон, трубадур граф Гильом, Тангейзер, Ганс Сакс, Шекспир, Ронсар, Вийон² и мн[огие] другие. Все составило целую хрестоматию, которая была мне поднесена под заголовком: «Poetae — Poetae». Это было дело главным образом филологов из Моск[овской] Акад[емии] Худ[ожественных] наук (Шервинского, Ярхо, Сидорова³...). Новые поэты были сделаны Шенгели и Ланном⁴, но в них было больше шаржа и п[а]родии. Вечером был балет и испанская пантомима. Все, даже речи (Шенгели и Галабутский) имели строго интимный характер и не было ничего, что бы напоминало «тернии» современных юбилеев. Вот приедете будущим летом — прочтете стихотворные реликвии этого дня. А что приедете — я твердо надеюсь. Мы с Мар[ией] Степан[овной] очень Вас полюбили и будем Вас ждать. Привет от нас и Екатерине Владимир[овне], и Татьяне Ивановне⁵. Крепко Вас обнимаю.

Максимилиан Волошин.

P.S. М[ария] С[тепановна] просит Вас разузнать, что делается у Гириных, ибо он снова не отвечает на письма, и боится, все ли у них благополучно.

P.P.S. Спасибо за «Горн». Не будет ли Вам неудобно передать Ионову⁶, если он в Ленгизе, прилагаемую записку, где я ему напоминаю его прошлогоднее неисполненное обещание о Герцене. Прочтите ее.

¹ Э.Ф. Голлербах автор книг: Книжные знаки А.М. Литвиненко. Л., 1924; Художественный экслибрис: Выставка 1917-1927. Л., 1928. См. также: Острой О.С., Юниверг Л.И. Эрих Федорович Голлербах (1895-1945) как коллекционер и издатель. Л., 1990.

² Пиндар (ок. 518-442 или 438 до н.э.) — древнегреческий поэт; Катулл Гай Валерий (87 или 84 до н.э. - после 54 н.э.) — римский поэт; скалды — норвежские и исландские поэты IX-XIII вв., Эгиль Скаллагримссон (X в.) — самый знаменитый скальд, исландец; Гильом (Гийом) IX, герцог Аквитанский, граф де Пуатье (1071-1127) — первый провансальский трубадур, один из первых поэтов, писавших на новых европейских языках; Тангейзер (ок. 1205-1270) — немецкий поэт-миннезингер; Сакс Ганс (1494-1576) — немецкий поэт; Ронсар Пьер де (1524-1585) — французский поэт; Вийон (Монкорбье или де Лож) Франсуа (1431 или 1432 — после 1463) — французский поэт.

³ Ярхо Борис Исаакович (1889-1945?) — литературовед и переводчик; Сидоров Алексей Алексеевич (1891-1978) — искусствовед, книговед и лекционер, поэт.

⁴ Шенгели Георгий Аркадьевич (1894-1956) — поэт, переводчик и теоретик стихосложения. Муж Н.Л. Шенгели (Манухиной); Ланн (наст. фам. Лозман) Евгений Львович (1896-1958) — писатель и переводчик. См. его кн. «Писательская судьба Максимилиана Волошина» (М., 1927).

⁵ Хижинская Татьяна Ивановна — жена художника Л.С. Хижинского.

⁶ Ионов (наст. фам. Бернштейн) Илья Ионович (1887-1942) — издательский деятель, поэт.

15. Волошин — Остроумовой-Лебедевой

25.XI.1925,

Почт[овый] адр[ес]: Коктебель.

Дорогая Анна Петровна,

Ваше письмо от 26.X запоздало почти на месяц благодаря тому, что почта осталась на зиму в Коктебеле, и мы не имеем теперь регулярных оказий для сношения с Успенками¹. Да и сами они в этом году так заняты оба своей службой, что стали совсем невидимы и неуловимы. И это, и отсутствие Иос[ифа] Виктор[овича]², который поехал (или едет) в Харьков оперировать глаза, еще более изолирует нас от всего мира. Мы неделями никого не видим в своем зимнем уединении. «Зимнем» — это неверно, потому что зима до сих пор не наступила. Осень была превосходная — были теплые солнечные дни, каких летом было мало. А теперь начались ветры и дожди, но еще не холода. А туманы и большие прибой великолепны, как всегда.

Короткие ноябрьские дни мелькают с быстротой невообразимой. Я, как и летом, все по-прежнему неотступно сижу за акварелями и нахожу в этом глубокое удовлетворение. Пробовал несколько раз писать стихи, но чувствую себя полной бездарностью: двух слов не умею связать больше. М[ожет] б[ыть], потому что все время чувствую, что все ждут от меня стихов — у меня нет желания писать их. Хуже того, начинается какая-то глубокая тоска, когда я себя принуждаю. И основа этой тоски — «ностальгия», как ни звучит это парадоксально, но это точно.

А за акварелями — я окружен тою радостью, которая неиссякаемо бьет во мне от созерцания неба и моря:

Солнце... вода... облака... огонь... —
Все, что есть прекрасного в мире...

То, чего еще не хватает мне очень: это современных франц[узских] книг и журналов.

Эта многолетняя уже отрезанность от тех органов, по которым привык следить за развитием литературной и научной мысли, иногда очень угнетает.

Изолированность наша в этом году еще усугубляется тем, что почему-то мы очень мало получаем писем.

Очень меня радует то, что я время от времени получаю от разл[ичных] провинциальн[ых] музеев просьбы о пожертвовании моих акварелей, и хотя это делается и безвозмездно, но дает большое удовлетворение. Зато на Одесской выставке единственная вещь проданная оказалась моя. Вероятно, за скромность цены (20 рублей).

Одно время мы очень волновались, опасаясь, что Ц[Е]КУБУ нам перестанет платить аacobеспечение, которое мы 2 месяца уже не получали — но на днях мы получили все: значит, пересмотр этого года прошел для меня благополучно.

Спасибо за подробности о смерти Ильи Марковича³. Нас известила о ней открытка Мар[ии] Мих[айловны]⁴ без всяких подробностей. Его глубоко жаль и чувствуешь большое уважение к его мужеству и твердости. Но... мысль невольно останавливается на том, что если бы его домашняя обстановка была бы проникнута гармонией и любовью, то ему не захотелось бы укоротить тех немногих дней, что ему оставались для жизни, и что если бы он принимал антропософию как следует — т[о] е[сть] как дисциплину познания, а не как религию, то он не «разочаровался» бы в ней и не совершил бы такого глубоко нецелесообразного и очень мучительного (духовно) акта, как самоубийство. На открытку М[арии] М[ихайловны] я так и не ответил.

Ваш «Бобби» висит в моей зимней комнате (с большим окном) на стене, на почетном месте, и я, глядя на него, чувствую его мудрость и верность. (Как хорошо, если он пойдет по России на миллионах календарей. Он понесет с собой очень хорошие флюиды). А рядом с ним сияет таким зимним петербургским светом Ваш «Летний Сад».

Маруса эти дни очень мучится зубной болью и потому не может сейчас написать Вам и спрашивает, получили ли Вы ее большое письмо, посланное 9.XI по почте. Крепко и вместе обнимаем Вас и Сергея Васильевича. Передайте, пожалуйста, мой привет Елизавете Серг[еевне], Костенко, Анаст[асии] Осиповне, Хлопину...

Всего, всего лучшего.

Максимилиан Волошин.

¹ См. прим. 1 к письму 3.

² Зелинский *Иосиф Викторович* (1857?-1928) — народоволец, журналист.

³ Речь идет о самоубийстве антропософа И.М. Басса (сообщено А.В. Лавровым).

⁴ По-видимому, имеется в виду М.М. Шкапская.

16. Волошин — Голлербаху

20.XII.1925,
Коктебель.

Дорогой Эрик Феодорович,
Получил от Вас оба письма (1.XII и 12.XII). Последнее сегодня, и одновременно высылаю Вам просимый адрес заказною бандеролью, влагая в тот же пакет 3 акварели (для Вас, Ек[атерины] Вл[адимировны] и Тат[ьяны] Ив[ановны]). Примите их как но[во]-годний дар и сами распределите по вкусу.

Спасибо за большое хорошее письмо. Очень меня огорчает, что Вы не приедете будущим летом. Неужели это так уж заранее заказано? Может, в таком случае Екатерина Владимировна сможет освободиться от своего педагогического ярма? А я очень рассчитывал, что будущее лето исправит недочеты минувшего.

«Соблазн одиночества» имеет большую власть над моей душой. И это не покаянная диета после моих летних человеческих невозде[р]жанностей, а равносильная, очередная потребность. Хотя мы живем с М[арией] С[тепановной] с глазу на глаз и неделями не видим чужого лица, но все же я мечтаю иногда с завистью о царских казематах Петропавловской крепости, где служители ходили в войлочных туфлях и всегда молча, и при этом прекрасная библиотека! До того политического комфорта мы не скоро дорастем. До войны я иногда так зимовал в Коктебеле совсем один, когда мать уезжала в Москву. В эти зимы я производил мало, но я «рос». («J'ai grandi à ne rien faire» — Baudelaire¹). Но все-таки и в Коктебеле нельзя так наслаждаться всею горечью одиночества, как в большом городе. Париж в этом отношении идеален. А Ваши строки заразили меня ядом петербургского одиночества.

Спасибо за памятку о Кузmine² и за Ваши ex-libris'ы. Мне нравится их чуть-чуть угловатая грация. Т[атьяна] И[вановна] похожа и даже Tombeau de Musset³ как-то иррационально вяжется с ней. Анатолий Фр[анс] прав в том смысле, что ум слишком тяжелый и неуклюжий туалет для женщины. И вне всякой связи с предыдущим: «Une femme laide ne peut être aimée que passionné-

ment» (de la Rochefoucauld)⁴. Les femmes inspiratrices! — L'inspiration⁵ — такая нелепая вещь, что наивность (d'une petite oie)⁶ «маленького белого гусенка» действует на него вернее и сильнее, чем самый блестящий женский ум. Над чем я работаю: больше всего над акварелями: апрель—июль зажег в них свет и сделал радужным. В самые последние дни что[-то] нащупалось в этом отношении. Записываю строчки стихов, что приходят в голову. Но что-то эти обрубки удавов не хотят срастаться в единое целое и вошатаются сами по себе.

Крепко Вас обнимаю. Привет Ек[атерине] Вл[адимировне] и Тат[ьяне] Ив[ановне]. Мария Степанов[на] всех приветствует.

Максимилиан Волошин.

¹ Я вырос, ничего не делаю. — Бодлер (*франц.*).

² Кузмин Михаил Алексеевич (1872-1936) — поэт.

³ Могила Мюссе (*франц.*).

⁴ Некрасивая женщина может быть любима только страстно. — Ла-рошфуко (*франц.*).

⁵ Женщины — вдохновительницы — Вдохновения (*франц.*).

⁶ Маленькой гусыни (*франц.*).

17. М.С. Волошина — Остроумовой-Лебедевой

Коктебель,
24.II.[19]26 г.

Милая и дорогая Анна Петровна,

Простите за коротенькую записочку, что я Вам пишу, и за тот скромный дар, что Вам передаст Лида. Это с коктебельской почвы и производство моих рук. Зная Вашу любовь к Коктебелю и нам, я думаю, что Вам будет приятно получить непосредственное коктебельское. Очень трудно было составить посылку. Едет одна дама отсюда в Питер, и все это нужно было сделать в несколько часов. А так хотелось что-нибудь послать непосредственно от нас... Ну, что было. За скромность посылаемого простите и привет Коктебеля Вам будет радостен, в этом я уверена. И будьте добры, раздайте акварели по назначению — Н.Хлопину, и А[настасии] О[сиповне], и В[адиму] Н[икандровичу]¹, все они, вероятно, к Вам заходят. Мы никуда не едем и ждем всех Вас к себе. Не едем по многим причинам. А главное Макс чувствует себя хорошо, и значит прямой необходимости нет ехать.

У нас уже робкая весна. Дни бывают сказочные, сейчас немножко холодно второй день, но вообще чудно. Живем тихо и мирно и наслаждаемся бытием, и радуемся Божьему творенью. У меня болел чумой и погиб щенок Аю, сын Хны. Измучилась я с ним страшно, возилась почти месяц. Макс стих[ов] совсем не писал — только акварели. На днях едет в Феодосию дней на 8 лечить зубы, и я остаюсь совсем одна со псами только. Я Вам писала к Нов[ому] году, получили ли Вы наши письма?

Анна Петровна, дорогая, если можете, приезжайте в апреле. Хорошо? Лучше пораньше, больше отдохнете, а за Серг[еем] Васил[ьевичем], верно, сможет кт[о]-ниб[удь] посмотреть. И потом Коктебель так хорош, когда в нем нет людей. Вот сейчас, напр[имер], прямо волшебная пустыня. И мы только вдвоем царствуем в ней. Ужасно обидно, что не можем поделиться этим со всеми Вами. Окольными путями слышали, что Соня Толстая едет к нам. Мы ее звали, но от нее ничего не имеем, но ждем и были бы рады, если б она действительно приехала.

Обнимаю Вас крепко и нежно. Привет Сер[гею] Васильевичу. Всего, всего доброго.

Ваша Маруся.

¹ Верховский *Вадим Никандрович* (1873-1947) — химик, профессор Педагогического института.

18. Волошин — Остроумовой-Лебедевой

[26.II.1926]

Дорогая Анна Петровна.

Очень захотелось, воспользовавшись Марусиной посылкой, послать всем петербургским друзьям акварельные приветы. Не откажитесь раздать тот пакет, что Вам передаст Лида Аренс. Что кому надписано на обороте. Мне всегда бывает мучительно стыдно *Вам* дарить свою мазню. Но пусть все примут эти акварели только как пригласительные карточки на лето — не больше.

Крепко обнимаю Сергея Васильевича и шлю привет Верховскому, Хлопину, Волжинскому¹, Анаст[асии] Осиповне и всем друзьям, которых надеюсь увидеть в Коктебеле летом. Уговорите Елизавету Сергеевну, чтобы она непременно приехала этим летом.

Получили ли мое письмо, посланное еще 27 ноября?

Всего, всего лучшего. Как идет Ваша работа этой зимой?

Максимилиан Волошин.

¹ *Волжинский* (Виноградов-Волжинский) Иван Алексеевич — химик, в конце 1920-х преподавал в ЛГУ.

19. Волошин — Голлербаху

4.IV.1926,
Коктебель (Крым).

Дорогой Эрик Феодорович.

Простите, ради Бога, что я так и не ответил Вам на Ваше новогоднее письмо и не поблагодарил за Вашу изящную по изданию и прекрасную по форме книжку портретов¹. Виною этому — долгое пребывание в Феодосии для вставления зубов, работы в саду и по дому и теперь уже ранние гости. В апреле к нам уже едут многие из друзей. Очень грустно думать, что этим летом ни Вы, ни Екатерина[ина] Владимир[овна] не навестите нас. А может быть? Передайте мой привет Татьяне Ивановне, и что мы ее ждем всегда. Передайте, пожалуйста, тоже мой привет Всеволоду Рождественскому² (как его отчество?), и что мы были бы очень, очень рады, если бы он приехал в Коктебель на лето, что я его очень зову, что все больше люблю его как поэта и очень хотел бы узнать его ближе и интимнее. Напишите мне его адрес, пожалуйста. Не слышали ли Вы что-нибудь об Леониде Ивановиче Гирином? Он по обыкновению никогда ничего не пишет. Чувствую я себя после зимы хорошо. Благодаря диетам сбросил 1/2 пуда и помолодел. Не обижайтесь, что пишу открыткой: очень запустил свою переписку и надо ответить на 40 писем. Если кого будете направлять к нам — то только не на август и чтобы брали с собою мешки для сена. А прием каждого, кто от Вас — только бы места хватило. Как Ваши дела в Ленгизе? Мне говорили, что Вы там остались. Надеюсь, что так, и радуюсь. Мар[ия] Ст[епановна] Вас и Ек[атерину] Вл[адимировну] приветствует. Крепко Вас обнимаю. Приезжайте, если будет возможность.

Максимилиан Волошин.

¹ Голлербах Э.Ф. Портреты. Л., 1926.

² *Рождественский Всеволод* Александрович (1895-1977) — поэт.

20. Волошин — Саркизову-Серазини¹

4.IV.1926,
Коктебель.

Дорогой Иван Михайлович,

Окончательно выяснилось, что в Москву мы не поедем этой весной: у нас уже гости и еще многих мы ожидаем в течение апреля,

так что нам не выбраться, но на следующую зиму мы зато прикатим в декабре. А Вас ждем с Соф[ией] Настасьевной² летом непременно. Если у Вас есть для нас что-нибудь из лекарств (я лично прошу только о фенацетине), то пришлите со Слудским (карадагским)³: он сейчас уехал в СПб и, возвращаясь, остановится у Алексея Иосиф[овича] Бачинского⁴ (Обыденский пер., 1, кв. 52), или с кем из новых коктебельцев (Габричевские, Сорокины⁵...), что придут рано.

У нас весна, но очень неровная, и дни совсем летние неожиданно нарушаются снежными метелями, как сегодня.

Я чувствую себя хорошо. Держу диеты и спустил за зиму 20 фунтов веса.

Всего, всего наилучшего.

Максимилиан Волошин.

Маруся приветствует Вас и Соф[ию] Настасьевну.

¹ О знакомстве Волошина с И.М. Саркизовым-Серазини см.: Салуцкий А.С. Секрет профессора. М., 1976. С.29-30.

² Жена И.М. Саркизова-Серазини.

³ Слудский Александр Федорович (1884-1954) — геолог, заведующий карадагской биостанцией.

⁴ Бачинский Алексей Иосифович (псевдоним: Жагадис, 1877-1944) — физик, профессор Московского университета, прозаик, критик, публицист.

⁵ Сорокин Тихон Иванович (1879-1959) — искусствовед.

21. Волошин — Саркизову-Серазини

17.IV.1926,
Коктебель.

Дорогой Иван Михайлович,

Спасибо за привет. Завидую Вашим заграничным перспективам, но... думаю, что все-таки не уедете благодаря дороговизне паспорта, и потому жду Вас в Коктебеле. Алекс[андр] Феод[орович] Слудский уже недели 3 в Москве, т[ак] к[ак] заболел гриппом и в Петербург на съезд не попал. Лежит у Бачинских.

У нас идет ремонт дома (на концертные деньги) и осадки, уже гости. Весна поздняя и холодная.

Крепко обнимаю. Приветствуем Соф[ию] Анастасьевну. Ждем.

Макс[имилиан] Волошин.

22. М.С. Волошина — Остроумовой-Лебедевой

Коктебель,
23.4.[19]26 г.

Дорогая, хорошая и любимая Анна Петровна, Поздравляю Вас и Сергея Васильевича с наступающим светлым праздником Пасхи. Пишу Вам сейчас, страшно торопясь и наспех, а потому заранее прошу простить нескладность и короткость письма. Вам мы и тот, и другой каждый день хотели написать и так разрываемы нашими делами, что не смогли этого сделать. Сейчас идет ремонт дома, посадка, перекопка сада, уборка и у нас двое гостей на моем иждивении. Готовлю, мою, прибираю и все сама. Так ухлопываюсь и ухлопываюсь, что еле добираюсь до постели. Сейчас закончены обе террасы, одна заново, другая частью. Переделана кухня, посажено много растений, сделаны скамейки. И все на мне: и покупка леса, котор[ый] дорог невероятно. И разговоры, и торги с рабочими, котор[ые] наглы и бессовестны тоже невероятно. Ничего не достать, все плохо и втридорога. Словом, уходит на все массу энергии и времени. Но уже очень много сделано и теперь только всех ждем. Я страшно довольна, что самые необходимые дырки заткнуты. Ванна пока в зачаточном состоянии, но 150 р[ублей] на нее целы, они не истрачены, а все остальные 400 р[ублей] пошли на ремонт, что нам прислали. Я так рада, что концерт состоялся. Вот такого рода помощь мне приятнее всего. До нас доходили слухи, что Вы уже уехали за границу, но мы думаем, что это только слухи. Очень были бы рады, чтоб Вы попали в Париж, но никак не могу представить себе нас без Вас.

Милая и родная Анна Петровна, всегда, всегда ждем Вас. Крепко целую Вас и Сергея Васильевича и простите нелепое письмо. Анастасию Осипов[ну] целую, Вадим[а] Ник[андровича], Хлопина и всех наших общих друзей всех ждем.

Ваша преданная Вам Маруся.

23. Волошин — Остроумовой-Лебедевой

24.IV.1926.

Дорогая, милая Анна Петровна, С грустью за лето и с радостью за Вас я провожал уже Вас мысленно в Париж, но теперь, прочитав о запретительных пошлинах на заграничные паспорта, предчувствую, что Ваша поездка не состоится. Ваше письмо (7.III) было написано в тревожные минуты болезни Сергея Васильевича, и мы так и не знаем ни хода его

болезни, ни состояния его здоровья сейчас. Эта зима была для Вас полна тревог, волнений, хлопот и переутомления. Для нас она прошла в тишине и в молчании, но сейчас она уже кончилась, и мы уже снова живем людьми. Маруся хлопочет, разрывается, утомляется и переполняет дом толчками своей страстной самоотверженной и бестолковой энергии. У нее есть одна просьба к Вам, которую она не решается сама высказать и которую я разделяю: не найдется ли у Вас лишнего оттиска Ваших колонн Томоновской Биржи? Это одна из Ваших петербургских гравюр, которые мы наиболее любим, и которую так бы хотелось видеть иногда в Коктебеле.

За зиму в уединении любовь к людям и радость свиданья удесятерятся, и т[ак] к[ак] никакая болезнь не нарушила для нас этой весны, то мы ждем с волнением и нетерпением возврата всех наших милых друзей. Я писал Елизав[ете] Сергеевне и очень надеюсь, что этим летом она не минет Коктебеля. Если увидите милого Костенку, пожалуйста, повлияйте на него, чтобы он приехал летом. Когда ждать Вас? Если все-таки Ваша поездка в Париж удастся, то передайте, пожалуйста, мой привет всем парижским друзьям.

Крепко обнимаю Серг[ея] Вас[ильевича], Николая Григор[ьевича]¹, Вадима Никандровича, привет Анаст[асии] Осиповне и Волжинскому. Всего, всего лучшего.

Максимилиан Волошин.

P.S. Если в СПб есть, привезите мне, пожалуйста, несколько тонких, острых и длинных колонковых кисточек (№№5-6...) для тонких рисунков кистью, но достаточных по толщине сохранять краску.

М.В.

¹ Речь идет о Н.Г. Хлопине.

24. Волошин — Саркизову-Серазини

29.IV.1926,
Коктебель.

Дорогой Иван Михайлович,

Спасибо за сообщение о Соболе¹ и напоминание о Сурикове. Мою монографию, по-видимому, берет для издания Академия Худ[ожественных] Наук². Она у Габричевского, я в ней уже неволен. Спасибо за лекарство.

В Крыму лето — прямо из холодов, без весны. Ждем Вас в июле? Привет Соф[ии] Анаст[асьевне]. С наступающими праздниками!

Всего лучшего. Крепко обнимаю.

Максимилиан Волошин.

¹ *Соболь* Андрей (наст. имя Юлий Михайлович, 1888-1926) — писатель.

² *Суриков* Василий Иванович (1848-1916) — художник. Монография Волошина «Суриков» создана в середине 1910-х. Полностью издана в 1985.

25. Волошин — Платонову

17.VI.1926,
Коктебель.

Глубокоуважаемый Сергей Феодорович,

Большое спасибо за Ваше внимание и за брошюру о «Великобританском монастыре»¹, которая служит таким ценным дополнением к Вашей книге о Петре В[еликом] (изд. «Время», 1926)², которую внимательно штудирую эти дни. Буду с радостью ожидать Вашего сына³. Но было бы удобнее, если бы он приехал не в августе (слишком перегруженный людьми месяц), а в сентябре. Но если ему нужна не отдельная комната, а место для ночлега и опорный пункт для прогулок — то милости прошу в любое время. К первому сентября обычно главная масса летних гостей разъезжается, и тогда я имею возможность предоставить более удобное помещение. И если Вы когда-нибудь соберетесь сами в Коктебель, то советую Вам это сделать или в мае, или в сентябре—октябре, чтобы Коктебель не показался Вам слишком шумным. Письмо Ваше попало ко мне слишком поздно, и ответ мой, верно, не застанет уже Вас в СПб, но я надеюсь, что Ваш сын прочтет его, и поэтому отвечаю открыткой.

Максимилиан Волошин.

¹ Платонов С.Ф. Бенго-Коллегия, или Великобританский монастырь при Петре Великом // Известия Академии Наук СССР. 1926. №7/8. С.527-546.

² Платонов С.Ф. Петр Великий: Личность и деятельность. Л., 1926.

³ Платонов Михаил Сергеевич (1899-1943) — химик-органик, преподаватель Технологического института.

26. Волошин — Голлербаху

27.VI.1926,
Коктебель.

Дорогой Эрик Феодорович,

Спасибо за привет и память. Вы вполне правы: мой день рождения я считаю передвижным и *всегда* его праздную в Духов день. Так было и в этом году.

Стечение людей в этом году в Коктебеле далеко превосходит предыдущее лето. Уже весь дом переполнен так, как раньше бывало только в августе. Мой привет Ольге Дмитриевне. Я не вполне уловил Ваши слова о моем портрете. Была ли это *устная* характеристика или она *написала* мой литературный портрет? Если последнее, то попросите и меня познакомиться с ним. Напомните ей о ее намерении навестить Коктебель. Этим летом это возможно только с сентября, когда схлынут летние гости. Привет наш Екатер[ине] Владимировне, Гириному и Вс[еволоду] Рождественскому. Т.И. Хижинская извещала о том, что выезжает к нам, и не приехала. Что с нею?

Всего лучшего.

Максимилиан Волошин.

27. Волошин — Платонову

2.IX.1926,
Коктебель.

Глубокоуважаемый Сергей Феодорович,

Я получил от Вашего сына письмо о том, что Вы после съезда собираетесь заехать в Коктебель. Буду ждать Вас [с] радостью и с нетерпением. Отсут[ст]вие денег мне, к сожалению, не дает возможности поехать на съезд. После съезда ко мне собирается из участников съезда еще киевский академик Алексей Петрович Новицкий¹ (сообщаю на всякий случай) и Всево[лод] Мих[айлович] Зуммер².

Буду рад оказать гостеприимство и тем, кто захочет еще пожить в Крыму после окончания работы съезда. В половине сентября у меня будет много места.

Максимилиан Волошин.

¹ *Новицкий Алексей Петрович* (1862-1934) — историк искусства, академик ВУАН (1922).

² *Зуммер Всеволод Михайлович* (1885-1970) — профессор Азербайджанского гос. ун-та (Баку), доктор теории и истории искусства.

19.IX.1926,
Коктебель.

Глубокоуважаемый Сергей Феодорович,

Глубоко сожалею, что, будучи так близко, нам не удалось свидеться. Но надеюсь, что рано или поздно я увижу Вас своим гостем в Коктебеле, равно как и Вашего сына. Но заранее не советую приезжать в июле—августе — время тесноты, переполнения и людодворота: май—июнь и сентябрь—октябрь — лучшие месяцы в Коктебеле.

Спасибо за сведения об Онегинском музее, судьба которого меня интересовала¹. Я его знал (не любил), а музей в его непоказной части ценил.

Пересылаю одновременно письмо, пришедшее на Ваше имя.
Максимилиан Волошин.

¹ Онегин (Отто) Александр Федорович (1844-1925) — коллекционер, историк литературы. В 1927 его собрание полностью поступило в Пушкинский Дом.

29. М.С. Волошина — Остроумовой-Лебедевой

Коктебель,
9.XII.[19]26 г.

Милая и дорогая Анна Петровна,

Очень мне неловко писать тебе на ты, но надо же написать наконец, чтоб узнать, что с тобою, и как вы живете. Мы с Максом думаем, что, наверное, ты нам писала, но что письмо не дошло. Так случилось со многими письмами. Сами мы не писали до сих пор, п[отому] ч[то] совершенно себе не принадлежим. У нас все время гости и сегодня первый вечер, когда мы остались совсем одни. До 23 ноября жила у нас М[ария] А[лександровна] с детишками, и это было для нас большой радостью, п[отому] ч[то] мы были не одни. Затем 21 ноября приехал К[онстантин] Ив[анович] Платонов¹ с сыном и в ужасно подавленном состоянии, совершенно раздавленным человеком. На нем нужно было сосредоточить всяческое внимание. Прожили они почти 3 недели, затем пришел какой-то прохожий поэт. Скучный, несчастный, чужой, но пришел к Макс, а тут вдруг похолодало, т[ак] ч[то] он все время пробыл фактически у Макса в комнате, мешал ему работать. Жизнь наша еще не наладилась на наш зимний ритм. Правда, и зима-то у нас

началась всего два дня. Осень была поразительная, ноябрь был такой тихий и золотистый, летом не было таких дней. А сейчас 3-й день дует северный, ледяной ветер и 1° мороза. Сразу это очень контрастно. Мне приходится много работать. Пока была М[ария] Ал[ександровна], она меня кормила, а потом мне пришлось кормить наших гостей. И на это уходит весь день. А кроме того, дом и все прочее, а руки только мои все делают. А чувствую себя я очень неважно. Боли в оперированных местах месяца 3 мучали и пугали, даже было решение выехать в Харьков. Но я стала лечиться, боли прошли, и я опять повеселела. Болеть мне никак нельзя. Если я один день лежу, то в доме Бог знает что делается. Макс такой растерянный и беспомощный. Совершенно теряется. Голодный сам, голодные собаки, я заброшена, печка не топлена, работать не может, мечется, и жалко, и смешно, и грустно. Сейчас он не на диете, и это сказывается. Много рисует, как всегда, и понемножку пишет стихи. Настроение опять в связи с моим самочувствием улучшилось. На север поехать придется, верно, чтоб показаться врачам. Но вопрос с домом стоит открытым. Совсем некого оставить. Мне жалко собак, их у меня 3. Юлахлы, помнишь, громадная собачища, очень хороший пес. Хна, [Геопеу?] помнишь? А Тату нет. Трагически погиб. И все из-за Хны, она покушала баб, и Тату отравили. Очень мне это было больно, да и всегда будет больно — такая гадость человеческая, а я Татуху свою очень любила. Мне всегда из дома бывает трудно уезжать. Сейчас я посадила несколько черенков роз, они проросли, уеду — погибнут, никто не будет смотреть. Да и всего жалко. Словом, я не люблю уезжать из дома. И потом так хочется отдохнуть, ведь мы 10 м[есяцев] в этом году на людях. И все-таки, верно, ехать придется. Пишут нам сравнительно мало в этом году. Сейчас знаем, что был концерт, но подробности нам никто не написал. Гостил недавно Богаевский, ему устраивают выставку в Казани. Затем затеяли что-то Саша и Шервинский устроить совместную выставку Макса и Богаевского в Москве, выставку Киммерии. Макс для каталога дает свои стихи и статьи о Богаевском. Но они так тянут и выясняют, что порой сдается, что осуществить им ее не удастся. О нас как-то нечего писать, так мы себе не принадлежим, и так быстро летит время, и так нас выбивают из нашего ритма. У меня было много планов по саду и дому, но осуществить ничего почти не удалось, только перекрыла крышу на большом доме, а сейчас уже наступает зима и делать ничего нельзя. И если поедем на север, то все так и останется невыполненным.

Милая Анна Петровна, напиши нам, пожалуйста, как вы живете. Мы ведь так вас любим и как-то становится тревожным,

почему до сих пор не написала. Мне как-то не по себе, что я пишу тебе на ты, а Макс говорит, что ничего. Мне очень хочется, чтоб ты мне говорила ты, и я обращаюсь к тебе с большим смущением на ты, а не с нахальством. Поцелуй от меня Сергея Васил[ьевича]. Как его здоровье, дела и вообще как вы?

Что с Анаст[асией] Осиповной, ее здоровье? Она мне так и не написала ни одного слова. Что ей сказали врачи, и лечится ли она и как себя чувствует? Поцелуй и ее крепко и попроси написать хоть открытку. Целую тебя крепко и нежно, как люблю.

Твоя Маруся.

¹ *Платонов Константин Иванович* (1877-?) — профессор-медик (психотерапевт), заведующий клиникой нервных болезней Харьковского медицинского института.

30. Волошин — Остроумовой-Лебедевой

[9.XII.1926]

Дорогая Анна Петровна,

Приветствую от всего сердца тебя и Сергея Васильевича. Моя интимная выставка акварелей, которую предполагал устроить этой зимой Сидоров в Акад[емии] Худ[ожественных] наук, теперь превратилась в выставку «Киммерия», совместную с Кон[стантином] Феод[оровичем].

Я, конечно, сознаю свою художественную несоизмеримость, но меня спасает то, что каталог будет целым киммерийским сборником, в котором будут собраны все мои киммерийские стихи и большая статья о Киммерии и о Богаевском¹. Так что мое живописное любопытство будет все-таки опираться и на мою поэзию, и на критику.

Выберемся ли мы из Коктебеля — предвидеть нельзя. Но думаю, что Марусе нужно показаться проф[ессору] Бранту, ее оперировавшему. А мне очень хотелось бы ко времени выставки попасть в Москву и в Петербург.

Посылаю 2 маленьких стихотворения о Коктебеле, написавшихся после стольких лет творческого молчания.

Сейчас заканчиваю большое стихотворение о Коктебеле же — «Дом Поэта», которое посвящается всем гостям и друзьям Коктебеля.

Очень мало вестей из Петербурга. Как живет Елизавета Сергеевна? Костенко? Смирновы²? Верховский? Анаст[асия] Осиповна? Хлопин?

Привет всем.

Макс.

¹ Волошин М. К.Ф. Богаевский — художник Киммерии // Константин Федорович Богаевский. Казань, 1927. С.5-18. В феврале—апреле 1927 Волошин посетил Москву и Ленинград. 26 февраля открылась его выставка в ГАХН (Москва), а 14 апреля — в Ленинграде. См. также: Акварели М.А. Волошина: Выставка 14-21 апреля 1927. Л., 1927 (здесь же статья Э.Ф. Голлербаха «Миражи Киммерии» — С.5-11); Выставка акварелей Максимилиана Александровича Волошина. М., 1927; Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь. Т.1. М., 1970. С.331; там же. Т.2. М., 1972. С.420; Максимилиан Волошин — художник: Сборник материалов. М., 1976. С.221-224; РГАЛИ. Ф.769. Оп.1. Ед.хр.41. Л.20-21об. В последнем из названных источников Волошин (в письме к К.Кандаурову) излагал свой план монографии о Богаевском: «К существующей статье хочу прибавить еще 3 главки: I. Старая Феодосия и люди, окружавшие творчество Константина Федоровича (главным образом Александра Михайловна). II. Личность Константина Федоровича — записи бесед и отрывки писем. III. Все мои стихи о Киммерии с кое-какими комментариями. Этот отдел считаю наиболее важным, т.к. здесь идет наше взаимное творчество в воссоздании Киммерийского пейзажа. Этот отдел должно иллюстрировать карандашными эскизами Константина Федоровича (что он отправил тебе с Лелей Гурвич). Об этом общем плане монографии мы пришли с Константином Федоровичем к полному соглашению, и я предлагаю его не условно, а как нечто не подлежащее обсуждению (это главным образом в виду Грабаря, который меня очень путал во время работы над "Суриковым" и крайне усложнял труд). Хочется, чтобы книга о Богаевском была бы и книгой о Феодосии и не могу не сделать ее в то же время и крайне личной».

² Вероятно, речь идет о семье Николая Ивановича Смирнова (1903-?), главного инженера завода «Литер Б», организованного С.В. Лебедевым; позднее С. — профессор Химико-Технологического института.

31. Волошин — Остроумовой-Лебедевой

23.XII.1926,
Коктебель.

Дорогая Анна Петровна,

Спасибо большое за посылку — она пришла как раз к праздникам. Мы столько ждали на Рождество, а, кажется, никто не придет. Из газет *post factum* узнали о юбилее Сергея Васильевича и очень жалели, что не могли приветствовать телеграфно. Но теперь поздравляем, приветствуем и обнимаем. Болезнь — очевидно, необходимая расплата за юбилейные торжества. У меня с детства почему-то остался в памяти эпизод из автобиографии Андерсена — к[ак] у него болели зубы во время его чествования, и это связалось на всю жизнь.

Относительно возможности выписывать журналы и книги через Ц[Е]КУБУ я узнал уже, [и] получил оттуда проспект и уже

выписал себе с января несколько журналов через их посредство. Ведь это, оказывается, — страшно дешево теперь!

Сегодня вершина года. Завтра день уже начнет увеличиваться. Радуюсь этому потому, что ранние сумерки в 4 часа досадно перебивают все время мою акварельную работу. А мне кажется, что я сделал несколько больших достижений: у меня засветилась луна, пронизались светом сумерки, и воздух стал радужным. Раньше все это не удавалось, а сейчас я на пути.

Крепко обнимаю всех коктебельцев: Анаст[асию] Осипов[ну], Хлопина, Вадима Никандровича, Волжинского, Лиду и Ксению — а всех принимавших участие в посылке благодарю — особо.

Максимилиан Волошин.

32. Волошин — Саркизову-Серазини

11.I.1927,
Коктебель.

Дорогой Иван Михайлович,

Спасибо за согласие. Все данные Вы получите, вероятно, через Вересаева. Через неделю мы уезжаем из Коктебеля. В феврале буду в Москве. Еще не знаю, где остановлюсь, но всегда можно узнать у Шервинского. Позвоню Вам по приезде. Из лекарств буду просить пока только об одном: атофан (атофан).

У нас стоит великолепная осень: тихие безветряные, сухие дни. Еще морозов не было. Просто досадно покидать Крым в такое время.

В Москве рассчитываю ходить по музеям, по театрам и *не* читать стихов целыми днями, как прошлый раз. Вообще употребить время для своего поучения и удовольствия, а не только «показываться». Мар[ия] Степ[ановна] Вас приветствует. Поздравляем Вас и Софию Настасьевну с Нов[ым] годом.

Привет проф[ессору] Российскому¹.

Максимилиан Волошин.

¹ *Российский* Дмитрий Михайлович (1887-1955) — терапевт и историк медицины.

33. Волошин — Платонову

18.IV.1927, СПб.

Многоуважаемый Сергей Феодорович,

Судьба была ко мне очень сурова в СПб: я просидел 2 недели взаперти, а в тот час, когда Вы сами навестили меня, дома случайно

никого не было из моих, и меня не захотели будить. Вчера же я совсем уже было собрался к Вам, но почувствовал себя так простудливо, что меня не пустили. Простите, что так вышло. Для меня это еще одна черта общего невезения. И я все-таки не смог повидать Вас.

Крепко жму Вашу руку и не теряю надежды увидеть Вас летом в Коктебеле. Простите, что так вышло. Врачи меня высылают немедленно из СПб., и я сегодня уже выезжаю на юг.

Максимилиан Волошин.

34. Волошин — Остроумовой-Лебедевой

13.VI.1927,
Коктебель.

Дорогая Анна Петровна,

У меня нет ни одного подрамника указанного тобой размера. Самый большой — квадратный: 2 1/2-2 арш[ина]. Если это не подойдет для портрета в рост, то придется заказать. Столяр есть и в Коктебеле, есть и в Феодосии. Подрамник дело не мудреное. Напиши, пожалуйста, точно о сроке приезда. Твоя комната всегда ждет тебя так же, как и мы. Но мы пока ею пользуемся. У нас перепроизводство детей. Сейчас их около 20 чел[овек], но будет еще. Благодаря им двор очень «оживлен». Лето сухое и знойное. За всю весну ни капли дождя и уже есть заминки с хлебом. Если Нерадовский¹ не будет устраивать моей выставки, то будь добра — привези мне мои акварели, кот[орые] у Елиз[аветы] Серг[еевны]. Они в папке и [не] займут много места. Крепко обнимаю Сергея Вас[ильевича]. Привет Вадиму Никандр[овичу] и Хлопину.

Маруся приветствует.

Мах.

¹ *Нерадовский* Петр Иванович (1875-1962) — искусствовед, художник, сотр. и зав. (1912-1929) художественным отделом Русского музея.

35. Волошин — Голлербаху

29.X.1927,
Коктебель.

Дорогой Эрик Феодорович,

Простите, что я не сразу ответил Вам по получении Вашей прекрасной книги¹. Но зато я ее прочел сейчас же в первый же вечер и прочел с упоением. Книги такого рода очень любят и умеют писать французы. Но в русс[кой] литературе это новость. Ваша

тема очень благодатна, и Вы прекрасно использовали все ее выгодные стороны. Портретные абрисы и бытовые черты Вам очень удались. Типографический туалет Вашего очерка не заставляет желать чего-нибудь лучшего.

Книжку Вашу я получил, когда еще была в Коктебеле Мар[ия] Ивановна. Она Вам, верно, рассказала о наших бедах, и как прекрасная осень этого года (до сих пор солнечная, теплая и весенняя) была омрачена трагизмом землетрясения, которое не кончается еще до сих пор. Мы познали и хтонический ужас, и нервное потрясение, и морскую болезнь (да: представьте) и бессонные ночи от настороженности к каждому звуку — все вплоть до привычки. Теперь уже я чувствую треп[ет]ания какого[-то] далекого котла под ногами без замиранья сердца. Но первый месяц был очень мучителен. Дом не разрушился, но порядком пострадал, и теперь мы его чиним, укрепляем, связываем обручами со всех сторон.

И все-таки это не та привычка, от которой проходит чувство страха, а только привычка к страху, привычка к чувству постоянной неуверенности.

Крепко Вас обнимаю. Спасибо за прекрасную книгу.

Максимилиан Волошин.

¹ Возможно, речь идет о кн.: Голлербах Э.Ф. Город муз. Л., 1927.

36. Волошин — Остроумовой-Лебедевой

20.XI.1927,
Коктебель.

Дорогая Анна Петровна,

Получили твое письмо от 8.XI, а предыдущее так и не получили. В этом году опять участились случаи пропажи писем. Отсюда перерывы в наших сношениях.

Прежде всего деловые вопросы: может ли на зиму приехать «дама»? Все зависит от того, что ей надо, и насколько она самостоятельна. Полного «пансиона» — конечно, в Коктебеле зимой иметь нельзя. Но столоваться можно у фельдшера, напр[имер]. Комнаты зимние есть на многих дачах, но их придется самой «ухаживать» и самой топить свою печку. Всегда можно ее устроить и у нас, если только она не будет требовать хозяйственного вмешательства Маруси в свои дела. Если человек она простой и к нашему духу подходящий, то это даже приятно будет. Ведь, кроме Андерсов¹, у нас никого нет. Живем мы все внизу. Мы с Марусей в «музыкальной», где стало очень уютно и тепло. По-видимому гораздо

теплее, чем наверху.Андерсы — в своих летних комнатах — под мастерской.

Другое дело: ты пишешь, что моих акварелей на выставку не дала, т[ак] к[ак] она не состоялась. Лида Аренс писала, что петербуржцы собираются устроить лотерею для «ремонта Дома»... Я бы с удовольствием внес эти акварели для устройства лотереи. Кроме того, Богаевский (который недавно гостил у меня), узнав о лотерее, выразил желание внести в нее свою акварель (большую). Но т[ак] к[ак] он не знает, кому послать, и, наверное, забудет, то хорошо было бы, чтобы Лида (как устроительница) или ты написали бы ему.

Теперь о нас. Зима складывается неблагоприятно. Землетрясение приобрело затяжной характер. Не проходит дня, чтобы мы не чувствовали легкой дрожи, качания земли. Правда, это микроскопическая дрожь — ничему не угрожающая и недоступная восприятию тех, кто не пережили больших содроганий. (У нас выработалась микросейсмичность). Но важна здесь не сила, а психология: знаешь, чего можно ожидать, и во что эта малая дрожь может перейти. Это постоянное напоминание о действительно страшных моментах, которые вовсе не казались такими страшными в первую минуту, действует очень расстраивающе на нервную систему. Тем более, что все в нашем укладе жизни напоминает об катастрофе. Мы зимуем в Музыкальной комнате. Ночевать в верхних комнатах до сих пор не хватает духу. Тем не менее и здесь имеет место привычка: мы приучились не говорить и не думать о землетрясении. И как только заговоришь или подумаешь, как сейчас же и заметишь некоторую дрожь земли. Происходит это, вероятно, потому, что мелкий трепет пробегает эти месяцы непрерывно. Проще, казалось бы, объяснить это нервностью и самогипнозом. Но, увы, нет — эти ощущения у разных людей, бывших в разных местах, совпадают по времени. Так что это объективно. Ремонт и укрепление дома идет все время, но черепашим шагом. Откладывать такие вещи нельзя: многое сместилось от первых толчков, и случись более сильное содрогание, расшатанное раньше может и рухнуть. Опоясываем каменную часть дома железными обручами. Но кузнецы, каменщики, штукатуры выматывают душу своей медлительностью, растягивая на месяцы то, что можно было бы закончить в несколько дней. А уже зима сказывается и дождями, и временными похолоданиями, и норд-остами.

У Маруси в жизни случилось очень большое горе: мы получили на днях телеграмму о смерти друга ее юности Леон[ида] Ив[ановича] Гириного. Она чуть было не выехала в Царское, но похороны нельзя было отложить до ее приезда. Она осталась, но хо-

дит сама не своя. Первые дни она непрерывно плакала, причитала, кричала в голос, как от сильной физической боли. Сейчас она овладела собой, но переутомленная в разной домашней работе до полного изнеможения и вся комок обнаженных нервов. Это большое горе ведь легло на организм уже вконец измученный бессонными ночами, нервными страхами и головными болями, порожденными землетрясением.

Хорошо было бы куда-нибудь уехать вместе, чтобы отдохнуть и прийти в себя. Но в город (даже в ближайший Харьков) невозможно, т[ак] к[ак] это не отдых, а новое утомление. Было бы очень хорошо для нас обоих поехать в Кисловодск подлечиться. Я начал об этом хлопоты в Москве. Многие друзья взялись за это дело с жаром, но что-то никаких результатов не видно.

Еще одно обстоятельство (но, кажется, больше огорчающее меня, чем Марусю)... Ты знаешь, что мы позже всех узнаем, о чем говорят и что делают в нашем доме. Сейчас мы оба узнали (из разных источников: одни по дружбе, другие в раздражении), что из наших гостей очень многие (было сказано «большинство»), очень *не любят* Марусю и говорят, что «в Коктебеле был бы рай, если бы не было Мар[ии] Степан[овны]». Такие сообщения очень много горечи и яда вносят в то дело, которое сейчас является делом всей нашей жизни. Мы не хотим знать, *кто* это думает и говорит, хотя вполне уверены, что это не петербуржцы и не харьковцы (т[ак] к[ак] там все старые друзья Маруси), т[ак] что нет сомнения, что это москвичи. Но охватывает глубокая горечь и негодование: неужели люди не видят и не понимают, что ДОМ держится только Марусей, и что она одна на своих слабых плечах выносит тяжесть этих 500 человек в лето. Неужели ей не прощают ее постоянного негодования (такого справедливого) на систематическое разорение дома и расхищения инвентаря (не по злому умыслу, а по разгильдяйству и небрежности), которого никак нельзя пополнить и возместить ни сборами, ни концертами, а только живой человеческой (т.е. Марусиной же) энергией. И мы в таком положении, что несмотря на всю горечь и обиду таких разговоров, мы не можем на них ответить ничем, чтобы наши настоящие и искренние друзья не приняли негодования нашего на свой счет, как это бывает в таких случаях. Но кончаю о наших горестях и обидах. Я сейчас очень в художественной работе, и, кажется, сделал новые достижения. Литературн[ая] работа не налаживается, вероятно, благодаря тому, что мы живем в одной комнате. Богаевс[кому] по случаю 30-летн[ей] его деятельности Крым[ское] правительство назначило пенсию (размер еще не известен) и открыло в Феод[осийском] музее комнату, ему посвященную.

До свиданья, дорогие и милые друзья. Крепко Вас обнимаю и уступаю перо Марусе².

Максимилиан Волошин.

¹ *Андерс* Виктор Платонович (1885-1940-е) — художник, участник революционного движения.

² Письмо или приписка М.С. Володиной не обнаружены.

37. Волошин — Лебедевым

7.XII.1927,
Коктебель.

Дорогие Анна Петровна и Сергей Васильевич, Спасибо громадное за прекрасное письмо и 50 рублей, полученных вчера.

Ты совершенно права, Анна Петровна: конечно, это так нужно принять и продолжать свое дело вопреки всему. Сер[гей] Ник[о]лаевич¹ (он сейчас в Томске — я от него получил письмо) был совершенно прав, сравнивая нашу миссию с монахами-гостинниками при монастырских гостиницах. Это считается одним из самых трудных «послушаний». Хотя наше-то положение, конечно, гораздо легче и проще. С моей стороны было большой слабостью жаловаться на это. Но выпад против Маруси очень оскорбил меня (выпады против меня мне привычны давно), но я никому, кроме тебя, об этом не писал, и не говорил, и не буду. Все будет по-прежнему. Только необходимо с будущего лета принять ограничительные нормы, чтобы ввести человеческий поток в пределы человеческих возможностей: чтобы число живущих в доме не превышало 60-70 чел[овек] одновременно.

Я думаю, что и самое время многим поможет: думаю, что слишком многих испугает землетрясение, и Крыма вообще станут остерегаться.

У нас в доме настроение подавленное и нервное. Маруся не может оправиться после смерти ее царскосельского друга Л.Гиринского, и если у нее нет тех острых приступов боли, что были первые недели, то все же остается острая тоска и непрерывная мысль об умершем. Она находит себе выход в хозяйственных сверхсильных предприятиях: упорных растапливаниях печек, которые не топят при северных ветрах, в гневе на рабочих, которые, забрав деньги вперед, не приходят совсем на работу по ремонту дома, пропуская все благоприятные сроки работы, и многое другое, от чего ее ни удержать, ни обор[о]нить нельзя.

В ответ на наши хлопоты о Кисловодске мы получили от Ц[Е]КУБУ предложение остановиться, т[о] е[сть] иметь помещение в санатории Ц[Е]КУБУ, запертой на зиму, но без питания. Мы бы этим, вероятно, и воспользовались, если б не необычайно ранняя зима с морозами и штормами, которые и отрезают нам морской путь, и мы совсем не знаем — пригодно ли для зимовки помещение запертой на зиму санатории. Отправили туда запросы. Если ответ придет неблагоприятный, то поедем весной.

А Маруся пока поедет в Харьков к Домрачевым вместе с ними погоревать об умершем Лене Гирином. Тогда застанет там Тат[ьяну] Руф[овну]², котор[ая], кажется, тольк[о] в январе переезжает окончательно в Петербург. А я останусь пока в одиночестве в Коктебеле, чего мне, пожалуй, и желательно. Да, забыл прибавить: Ц[Е]КУБУ еще дает нам на поездку 150 р[ублей]. От Богаевского грустные вести: пенсию ему назначили, но не выдают, и сумму не определили. А у него одна из «теток» (как раз его воспитавшая) заболела раком. Ее надо везти в Харьков лечить радиумом и нет денег. В Феод[осийском] музее открыта зала его произведений (постоянная). Это было некоторое торжество, на котором я (по его просьбе) не был. Отмечено ли было 30-летие его чем-нибудь в СПб? А будущим летом будет 35-летие «Дома Поэта» или, вернее, моей жизни в Коктебеле (мы приехали сюда в 1893 г[оду], а мой дом строили [в] 1903 г[оду]). Физически «Д[ом] П[оэта]» существует 25 лет, а духовно, кажется, с нашего приезда и поселения в Коктебеле.

Крепко обнимаю С[ергея] В[асильевича] и тебя и желаю Вам обоим в работе — восторга и воплощения.

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

Очень приветствую Хлопина.

¹ Возможно, речь идет о Дурылине *Сергее Николаевиче* (1877-1954) — филологе, искусствоведе.

² Златогорова *Татьяна Руфовна* — жена Златогорова (Гольдберга) Семена Ивановича (1873-1931), микробиолога и эпидемиолога.

38. Волошин — Лебедевым

26.XI.1928,
Коктебель.

Дорогие Анна Петровна и Сергей Васильевич.
Только теперь, когда наконец наш дом опустел окончательно и для нас началась длинная зимняя идиллия — зимовка вдвоем за по-

лярным кругом — есть наконец возможность письменно снестись с далекими друзьями. О вас обоих мы очень волновались летом, когда приходили такие страшные и смутные слухи о твоём здоровье, Сергей Васильевич. Но в то время и писать было некуда — никто не знал вашего адреса. И потом, когда мы узнали, что все окончилось благополучно, и что вы в Кисловодске — нам было не до писем самим. Конечно, у нас не было в жизни ничего равносильного в смысле трагизма и угрозы, но этот год весь был на редкость полон неприятностей, которые начались у нас тотчас же после нашего весеннего возвращения из Кисловодска. Весна и первая половина лета была для нас полна человеческих неприятностей. Это началось сперва с Андерсами, которые зимовали с нами. Прожив у нас 2 года и, казалось, так дружественно, — они стали нас неожиданно упрекать в том, что мы не оправдали их ожиданий, что мы скупы, что мы эгоистичны, что это дом лицемерия и т.д. Казалось, после этого им нельзя было оставаться у нас ни минуты, но они жили до мая месяца, а потом переселились рядом на дачу и все лето продолжали восстанавливать разных людей против нас. Все это было очень тяжело и заставляло нас дышать атмосферой московск[кой] уплотненной квартиры и городских дрызг. Они восстанавливали против нас Ольгу Андр[еевну] Юнге¹, потерявшую в этом году своего мужа, и многих других. Лето было людно. Многолюднее прошлого на сто человек (625 за лето). А осенью обнаружилась вражда к нам соседей за «бесплатность» нашего дома. Она выразилась постановлением местного «Комбед'а» о реквизиции нашего имущества и выселении нас из Коктебеля. «Довольно наторговались комнатами — богатели». В этом недоверии к нашей жизни — достаточно открытой — в этом злостном непонимании наших целей было нечто глубоко обидное и однородное с тем, что весной шло от Андерсов.

Между этими двумя историями нет никакой логической и фактической связи, но они однородны и психологически, конечно, связаны. Фактически все это не имеет никаких последствий. Московские друзья, прознав про угрожающие нам беды, проявили большую энергию, вызвали ряд телеграмм из центра, которые сразу предотвратили все.

Но горечь и отчуждение за самую возможность этого остаются невольны. Я помню, как я тебе писал еще весной о начале андерсовских историй и твое прекрасное письмо в ответ на мое. Оно было той дружеской поддержкой, которая дала нам возможность бодро перенести это лето, не доходя до состояния полного нервного переутомления.

Кроме того, если уже перечислять все наши малые несчастья этого года: нас еще и обокрали: унесли, забравшись в комнату, где я спал, ночью все наши теплые домашние вещи.

Но, кроме того, есть и радости: мои акварели продаются на выставках. В этом году они были проданы на всех выставках, где [бы] я ни выставлял, т.е. в Феодосии, Севастополе, Одессе — всего 8 акварелей на 170 руб[лей]. По нынешним временам это очень много. А главным образом меня радует самый факт продажи.

Это лето принесло нам и несколько новых друзей и прекрасных людей.

Совершенно новым человеком была Александра Анатольевна Великанова (живущая теперь в СПб)². Прекрасный, тонкий, редко душевного такта человек, с которой мы очень сошлись дружески. Другим очень для нас милым человеком была Зоя Лодий³, которая жила у нас почти все лето.

Очень не хватало нам этим летом тебя и Сер[гея] Васильев[ича]. Мы надеялись, что по дороге из Кисловодска вы к нам заглянете. Ведь Сергей Васильевич всегда так хорошо чувствовал себя в Коктебеле.

Очень чувствовалось нами тоже отсутствие Златогоровых.

Из новых лиц осенью у нас жили: пр[офессор] Шервинский (отец), пр[офессор] А.И. Яроцкий, С.А. Котляревский⁴ с семьей, поэт Вс[еволод] Рождественский, д[окто]р Обакевич⁵, что давало иногда очень интересные и страстные беседы и диспуты. Были возобновлены и поэтические состязания, как при Брюсове. Именинный спектакль не в пример прошлым годам прошел менее удачно. Много было вложено старания и таланта, но не было ни одного режиссера, который бы заострил и расположил архитектурно весь этот сырой материал. (Гуна уехала за неделю до именин, а Сережа Шервинский приехал с отцом уже после). Все остальные «верные» Габричевские и вся их компания были налицо, и все оставались сами собой + некоторое общее утомление, которое сказывается на всех за эти годы.

Сегодня пришел от тебя перевод на 30 р[ублей]. Это, очевидно, лотерея на мои акварели, что захватил с собою Саша Сомов? Спасибо. Они как нельзя более кстати: нам приходится вновь обзаводиться целым рядом зимних вещей, украденных летом, и эти деньги вместе с деньгами за проданные акварели нам позволят возобновить все необходимое.

Ожидаются ли в СПб выставки этой зимой, куда можно послать работы? Этим летом Барсамов⁶ просил меня просить тебя о том, чтобы ты не отказалась принять участие в феодосийск[ой]

выставке, теперь ежегодно повторяющейся (с июля по октябрь). Но это было в эпоху болезни Сергея Васильевича, и потому только теперь [я] передаю тебе это приглашение.

Маруся сама тебе будет писать завтра. Крепко обнимаю Серг[ея] Васильевича и радуюсь, что летняя катастрофа разрешилась так благополучно.

Какова сейчас судьба его изобретений и открытий?

Макс.

¹ *Юнге* (урожд. Фрам) *Ольга Андреевна* — жена инженера Федора Эдуардовича Юнге (1866-1928).

² *Великанова Александра Анатольевна* — первая жена московского гидролога, профессора Михаила Андреевича Великанова (1879-1964).

³ *Лодий Зоя* Петровна (1886-1957) — камерная певица, педагог.

⁴ *Яроцкий Александр Иванович* (1866-1944) — медик; *Котляревский Сергей Андреевич* (1873-1939) — историк, юрист, в прошлом — земский деятель, приват-доцент Московского ун-та, член ЦК кадетской партии.

⁵ *Обакевич* Ришара Михайлович (1883-?) — врач.

⁶ *Барсамов Николай Степанович* (1892-?) — искусствовед, художник.

39. Волошин — Остроумовой-Лебедевой

15.I.1929,
Коктебель.

Дорогая Анна Петровна,

Одновременно с этим письмом высылаю тебе заказною бандеролью пакет с акварелями этого года. Всех там 40 штук. 20 более крупных предназначены для выставок (там сзади есть заглавия — для каталога, выставочная цена, имя и адрес). А остальные 20 — для розыгрыша в лотерею, если СПБ-ские коктебельцы захотят это сделать. Цены, конечно, никакой не назначаю, но высказываю пожелание, чтобы она была не меньше червонца за акварель. Но прежде всего прошу тебя выбрать *для себя* лучшую из всей этой пачки. И если ты мне напишешь общее свое впечатление от моих работ этого года (которых ты еще совсем не видела), то я буду тебе очень и очень признателен. Я в этом году начал писать море против света — это мое последнее приобретение. Но ежели ты найдешь нужным что-нибудь модифицировать (оценку? распределение?), то я заранее даю тебе все права и со всем соглашаюсь. Маруся так расстроена всеми историями прошлого года, что никому писать не может. Мы так мало писали в СПБ потому, что не имели никаких окончательных сведений о нашем деле, т.е. о реквизи-

зиции дома. А как только узнали достоверно, что дело ликвидировано, началась собачья история, о которой я писал тебе в письме от 7.1¹. Теперь дело подано на кассацию, и нас это больше касаться не будет. Заглазно решать, было ли правильно постановление Нар[одного] Суд[а] или нет? Мучительно в этом, конечно, не штрафы и не приговор, а необходимость иметь дело с этими людьми. Марусины нервы напряжены и расхлябаны до крайности. Феодос[ийский] врач (Славолюбов²) еще нашел у нее болезнь печени и рекомендовал полное спокойствие. У нее почти непрерывно ноет печень, а от каждого порыва негодования становится горько во рту (желчь).

Истекший год был для нас темным годом. До сих пор мы были какой-то невидимой завесой изолированы от современного быта. Казалось, что нам удалось создать некоторый иной строй человеческих взаимоотношений, который незримо принимался каждым вступающим в наш круг. Но вот дружеская измена, моральное предательство (Андерсы) открыло брешь в этом магическом круге, и через нее хлынули все мерзости современности: скандалисты, хулиганы, воровство. И главное, исказилось отношение окружающих обывателей к нашему дому. Мы неожиданно почувствовали себя окруженными кольцом враждебности. Вдруг деревня перестала верить нашему бескорыстию. Все смотрят на нас явно как на дельцов, ловко обделяющих свои делишки: мы для вида отдаем дом бесплатно, а сами наживаемся. Те самые болгары, которые приходят к Марусе занимать деньги (их не отдают годами), подтверждают легенду о нашем богатстве. Поэтому сельсовет обкладывает нас в 10 раз больше других и т.д. Этот человеческий муравейник, от которого мы до сих пор были изолированы, не дает нам зимой покоя и отдыха от летней человеческой страды.

Дай Бог, чтобы все это наваждение окончилось с 1928 годом.

Какое счастье, что Серг[ей] Вас[ильевич] поедет за границу. Мы невольно опасались, что его открытие благодаря своей важности закроет ему пути на Запад. Как хорошо, что это не так.

До свиданья, дорогая Анна Петровна. Мы оба шлем вам с Сергеем Васильевичем самые горячие пожелания. Ради Бога прости меня за обузу акварелей моих.

Макс, Маруся.

¹ В фонде Остроумовой-Лебедевой этого письма нет.

² *Славолюбов* Михаил Сергеевич — врач по внутренним болезням, курортолог.

16.IV.1929,
Коктебель.

Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Феодорович, Низко кланяюсь и благодарю за посланье XVII века и стыжусь, что не могу сам ответить Вам на прекрасном языке того времени «за неграмотностью», ибо принимаю его на слух (и на чувство...). Спасибо, что отнеслись благосклонно к моему «Сказанию»¹. И посылаю Вам последнее мое стихотворение, посвященное «Матушке Владимирской», которое считал своим долгом Ей, считая немислимым, чтобы русская поэзия ничем не откликнулась на явление Ее *Подлинного* Лица, такого прекрасного и совершенного, что я бы решился его сопоставить только с Сикстинской Богоматерью, но с перевесом в пользу Владимирской.

Максимилиан Волошин².¹ Речь о поэме Волошина «Сказание об иноке Епифании» (1929).² Приложение к письму — машинопись «Владимирской Богоматери» Волошина.

41. Волошин — Остроумовой-Лебедевой

9.IV.1929,
Коктебель.

Дорогая Анна Петровна, Громадное спасибо за деньги. Они пришли как раз в нужную минуту. Но в случае, если они не за проданные акварели, а дружеская фикция (почему-то нам кажется, что ты сама их купила...), позвольте их считать просто займом, потому что нам очень хочется самим справиться с этим штрафом и выплатить его. Из нескольких писем я узнал, что мои акварели выставлены на выставке акварелистов в поощренье и обращают на себя внимание. Я понял, что это, конечно, не без твоего участия (вероятно, из тех, что прислал тебе в декабре?), и приношу тебе глубокую благодарность. Зима эта была для нас очень тяжела, как ты видишь из письма Маруси. Все, что я писал тебе раньше в последних письмах о наших человеческих недоразумениях, — это было только прологом и находится в психологической связи со всем последующим. И попытка отнятия дома, и все собачьи истории — все это следствие андерсовских разговоров о нас. Словом, современный быт окатил нас с головы до ног. Эту зиму мы никуда не уехали, чтобы мне получить возможность работать над стихами. Но обстоятельства сложились для работы очень неблагоприятно.

Во время писания стихов я всегда нахожусь [в] повышенно нервном состоянии и склонен к припадкам яростного раздражения, обычно мне не свойственным. Поэтому обычно я стараюсь в это время уединиться и изолироваться от событий. С этой зимой мы попали в самый буран сельских сплетен, судебных повесток, клеветы, наговоров, лжесвидетелей и т.д. вплоть до убийства наших милых, ласковых и ни в чем не повинных собак собственными руками, до такой степени мы были в безвыходном положении. А когда собаки были убиты, то нам некого было и защищать. И мы все не поехали на последние процессы и сложили оружие совсем. Платить штрафы гораздо проще, чем *судиться*. И мы прямо ожили, когда наконец дождался исполнительного листа и уплатили половину штрафа (121 р[убль]).

Посылаю тебе последние мои стихи, посвященные «Владимирской Б[ого]м[атери]». Крепко обнимаю тебя и Сергея Васильевича.

Как его здоровье этой зимою? Как Ваши планы после его поездки за границу?

Макс.

42. Волошин — Платонову

13.VI.[19]29,
Коктебель.

Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Феодорович, На Ваше (и Кубасова¹) письмо я уже ответил полным своим согласием и постараюсь Вашу просьбу относительно Пушкинского Дома удовлетворить полностью. Но в связи с этим вопросом мне давно хотелось бы поговорить с Вами лично.

Дело в том, что я являюсь *собственником* дома, мастерской, библиотеки и архива. Дом мой во все времена был и остается Домом Поэта. Теперь, как и раньше, он был бесплатным приютом для поэтов, и художников, и ученых (и их семейств). В годы революции через него проходили и проходят толпы разнообразнейших людей. И в общем все русские поэты моего периода прошли и жили под его кровлей за последние 36 лет (я живу в Коктебеле с 1893 года). Мы с женой бездетны, ни наследников, ни родственников у нас нет. И мы часто думали о том, кому наш дом попадет в руки после смерти нашей. И единственное учреждение, которому нам хотелось бы оставить его — после нашей смерти — вместе со всеми коллекциями (худож[ественными]), книгами и архивом — это Пушкинский Дом. Я вовсе не льщу себя иллюзией, что все

оставшееся от меня будет представлять интерес исторический, но в моем архиве найдутся письма многих современников, и у меня хранятся бумаги и письма иных лиц, мне оставленных. Моя библиотека (французская) не изобилует ни библиограф[ическими] редкостями, не отличается полнотой, но она для России, по подбору книг, не банальна. У меня много папок с произведениями живописными — чужими и собственными.

Наконец Дом, состоящий из 30 ком[нат], может дать приют в лето 500 челов[екам] гостей в среднем.

Я так долго и упорно звал Вас к себе эти годы, потому что мне хотелось бы, чтобы Вы все это видели своими глазами, чтобы иметь возможность поговорить с Вами обо всех этих делах. Я уж говорил об этом с моим ежегодным гостем Матв[еем] Никан[о-ровичем] Розановым², и он меня до известной степени обнадежил в этом направлении. Мне бы очень хотелось, чтобы этой осенью Вы не миновали моего дома, будучи в Крыму, чтобы поговорить с Вами на месте как и о желательности такого посмертного дара, так и о способах осуществления его. Может, Вы и теперь смогли бы мне ответить, *возможно ли в принципе и желательно ли осуществленье такого плана*. Я, разумеется, не хочу и не думаю ни о каких материальных выгодах от такого дара, так же как и теперь, превратив его в приют для поэтов и художников.

Получили ли Вы мое стихотворение о «Матушке Владимирской», вложенное в последнее мое письмо к Вам?

Максимилиан Волошин.

P.S. Это вопрос частного характера и пусть он *пока* будет между нами.

¹ Кубасов Иван Андреевич (1875-1937) — литературовед, сотрудник Пушкинского Дома.

² Розанов Матвей Никанорович (1858-1936) — академик, историк западноевропейской литературы, занимался переводами.

43. Волошин — Платонову

12.VIII.[19]29,
Коктебель.

Дорогой Сергей Феодорович,

Ваше письмо меня очень обеспокоило. Я очень рассчитываю на Ваш приезд и буду крайне огорчен, если он почему-либо не состоится. Мих[аил] Мих[айлович] Саранчин¹, который только что уехал от меня в Гаспру, многое расскажет Вам о моих соображе-

ниях. Нельзя ли соединить Вашу поездку в Симферополь с посещением Коктебеля? От Симф[ерополя] до Феодосии автобус идет 3 часа и от Феод[осии] до Кокт[ебеля] 40 минут. Было бы мне очень приятно, если бы Ваш приезд совпал с 17 авг[уста] — днем моих именин, когда в Доме Поэта обычно устраивается праздник, но, конечно, никакие деловые разговоры в этот день и на следующий невозможны. Я думаю, что с деловой стороны Ваше посещение Коктебеля необходимо и его не следует откладывать. Я, конечно, не могу настаивать на этом, не зная состояния Вашего здоровья. Но думаю, что могу предоставить Вам отдых не хуже, чем в Гаспре. Для меня самого сейчас немислимо вырваться из Кокт[ебеля], но зимой я рассчитываю быть в СПб. Но хотелось бы, чтобы Вы видели все своими глазами.

Максимилиан Волошин.

¹ *Саранчин Михаил Михайлович* — литератор, переводчик, занимал должности заведующего Гос. книжным фондом и ученого-эксперта по вывозу книг за границу.

44. Волошин — Платонову

20. VIII. [19]29,
Коктебель.

Дорогой Сергей Феодорович,

Ради Бога простите мне мою настойчивость. Я ни в каком случае не хочу обременять Вас лишнею усталостью и передвижениями. Я надеялся, что приезд Ваш станет только приятным эпизодом в прогулке по Крыму. Матв[ей] Никан[орович] Розанов и Мих[аил] Мих[айлович] Саранчин, которые оба бывали у меня в Доме Поэта, а сейчас вместе с Вами живут в Гаспре — могут Вам многое рассказать о Коктебеле. А зимой я употреблю все усилия, чтобы самому приехать в СПб и поговорить с Вами лично.

Спасибо и простите.

Максимилиан Волошин.

45. М.С. Волошина — Саркизову-Серазини

Коктебель,
13. III. [1930]

Милый и добрый Иван Михайлович!

Мне очень досадно, что Вы не получили моего письма, а я Вам писала 8.I и 14.II и в последнем закрытом письме М[аксимилиан] А[лександрович] делал приписку и благодарил Вас за присланные

книги. Спасибо Вам, Иван Михайлович, что Вы нас помните и относитесь с такой заботой и вниманием. Я это все очень ценю. За болезнь М[аксимилиана] Ал[ександровича] я страшно устала и как-то вся надорвалась. Иногда мне прямо хотелось умереть, так все суживалось вокруг меня. Сейчас с появлением солнца все понемногу меняется. У нас сейчас весна, посвистывают скворцы, и жарко греет солнышко. И вместе с весною М[аксимилиан] А[лександрович] делается бодрее и лучше. Сейчас он почти нормален — гуляет, понемногу работает, но от всего быстро устает. И часто стали бывать перебои сердца. Но речь уже восстановилась, и рука, и нога тоже в порядке. Ездили мы с ним во врачебную комиссию, признали в нем инвалида II категории.

Жилось нам очень эту зиму туго во всех отношениях. Сейчас друзья хлопочут об инвалидной пенсии. Ц[Е]КУБУ нам с октября перестало давать ак[адемическое] обеспечение. Сейчас мы опять одни. А то приезжала к нам из Харькова т[етья] Саша и жила с нами целый месяц.

Я и физически, и морально очень устала. За М[аксимилианом] А[лександровичем] слежу с неослабеваемой зоркостью, а это берет очень много сил. Я всегда в тревоге за него. Иван Михайлович, Вы как-то прислали Максусоль [нрзб. 1 сл.], как ее принимать? Я боюсь, она у нас стоит уже 3 года, можно ли такую давность принимать? И если можно, то как, сколько на прием, с чем и как, она очень соленая и прямо пить ее тошно. Максусоль сейчас советуют принимать ее в таблетках. А где же взять ее в таблетках? Если есть в Москве, не будете ли добры, не пришлете ли нам хотя бы наложенным платежом. Пожалуйста. Ему велел доктор принимать вовнутрь. Сейчас он пил все время йод.

Большое Вам спасибо, Иван Михайлович, за Ваше внимание и доброту к нам. Меня это очень согревает. Передайте от нас наш самый теплый привет Софье Анастасьевне. А пока и Вам тоже желаю всего, всего доброго. Будьте здоровы и благополучны.

М.Волошина.

Мах хочет приписать Вам несколько слов.

46. Волошин — Саркизову-Серазини

[13.III.1930]

Дорогой Иван Михайлович,

Очевидно, что какие-то из наших писем затерялись. Большое спасибо за книги и за гомеопатич[еские] лекарства. Я писал и благодарил Дм[итрия] А. Юнгмейстера. Получил ли он мою открытку? По Вашей «рецептуре» я понял, что соли [Прупейчика] включены

в гомеопатию. Можно ли сделать раствор готовых солей и в какой потенции их принимать? Не дадите ли Вы мне какого-нибудь гомеопатического средства от «ожирения»? Я сильно похудел после болезни. Теперь я вешу меньше 100 кило (98... 99?). Но хотелось бы прогрессировать.

С весной силы заметно восстанавливаются. Принимаю [Арнику] для ликвидации инсульта. Как Вы себя чувствуете? Что же, собственно, было с Вами? Кровоизлияние в желудок — это вид инсульта? Очень жду Вас летом. Всего, всего лучшего. Спасибо за память и внимание. Привет Софии Настасьевне.

Максимилиан Волошин.

47. Волошин — Саркизову-Серазини

4.V.1930,
Коктебель.

Дорогой Иван Михайлович,

Большое Вам спасибо за полученные книги (все пришли по списку) и сладкую посылку.

Мы мало сказать благодарны — мы глубоко умилены Вашим вниманием, памятью, расположением и дружественностью.

С домом, по-видимому, все уладилось: ВЦИК телеграфировал в мою пользу в Феодосию и Симферополь.

Брошюру Колли о «Следах древней культуры на дне морском» я Вам посылаю¹. Я знал покойного Людвиг Петровича, который в мое время был преподавателем гимназии, но мне в свое время дарил все свои брошюры. Что для меня делает эти экземп[ляры] особенно ценными и мне очень приятно быть Вам хоть чем-нибудь полезным.

С домом у меня, по-видимому, все уладилось так же, как и у остальных (Дейша², Манасеина), на которых было покушение. Но смысл и источники для меня еще не ясны.

Посылаю акварельки — Вам и Софии Анастасьевне вместе с глубокой благодарностью и одновременно бандероль с бр[ошюрой] Колли.

Всего, всего лучшего. Как Ваше самочувствие теперь? Я себя чувствую прекрасно молодым и бодрым.

А все-таки придумайте и напишите мне о гомеопатических средствах против ожирения. Мне необходимо какое-то вспомогательное средство к диете.

Максимилиан Волошин.

М[ария] С[тепановна] шлет привет С[офии] А[настасьевне] и Вам.

¹ *Колли Людвиг Петрович* — педагог, историк, хранитель Феодосийского музея древностей. Имеется в виду оттиск его статьи: Следы древней культуры на дне морском: Современные положения вопроса о нахождении в море античных памятников // Известия Таврической ученой Архивной Комиссии. 1909. №43. С.125-137.

² *Дейша-Сионицкая* (сценический псевдоним с 1884. По мужу — Дейша, урожд. Сионицкая) Мария Адриановна (1859-1932) — оперная певица, педагог.

48. Волошин — Голлербаху

[6.V.1930]¹

Дорогой Эрик Феодорович,

Получил Ваше письмо о смерти А.Я. Головина². Конечно, я хочу принять участие в сборнике его памяти и пришлю Вам страничку воспоминаний. К какому сроку? Я не писал Вам потому, что в декабре у меня был удар, и я 1/2 года не мог *писать*. Теперь я, кажется, уже совсем оправился. Осталась только быстрая утомляемость, особенно от разговора и чтения вслух.

У меня были неприятности с домом: опять местные власти делали попытку отнять его, и опять за меня вступилась Москва, и теперь все обошлось. Не приедете ли Вы в этом году? Привет Танечке Хижинской, [с которой] вы, верно, встречаетесь?

Всего наилучшего! Привет от Мар[ии] Степан[овны].

Максимилиан Волошин.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² *Головин Александр Яковлевич* (1863-1930) — художник. Э.Ф. Голлербах был автором книги: А.Я. Головин: Жизнь и творчество. Л., 1928.

49. Волошин — Саркизову-Серазини

7.VII.1930

Дорогой Иван Михайлович,

Спасибо за книжки и за гомеопатию (вперед). Радуюсь Вашему летнему маршруту: признак, что Вы поправились и обрели прежнюю бодрость. У нас все благополучно. Народу мало. Вести с севера приводят в большое уныние.

Всего лучшего. Привет от Марии Степановны и от меня Софии Анастасьевне и Юнгмейстеру.

Макс.

P.S. Когда Вас ждать? Очень трогательна Ваша история о Колли.

M.V.

31.VIII.1930

Дорогой Иван Михайлович,

Я глубоко тронут Вашим теплом и заботой обо мне. Спешу, следуя Вашим указаниям, направить Вам все требуемые бумаги. Как это ни мучительно для меня, но в моем заявлении на имя Главискусства я перечислил с наивозможной полнотой и ссылками на свидетелей все то, что можно назвать (*cum grano salis!*¹⁾) моими *заслугами* перед Сов[етской] властью (несмотря на все инстинктивное отвращение к таким приемам).

Хочу Вам еще указать одно лицо, являющееся в Наркомпросе большим другом «Дома Поэта» — это Ксения Александровна Врачинская. Она у нас жила два лета и просила меня в случае нужды обращаться к ней. Она в хороших отношениях с Ф.Коном² и не откажется все сделать, что нужно, для пенсии.

У нас дом пустеет, людей уже мало.

Я чувствую себя недурно, но остается *утомляемость*, меня смущающая.

Да еще — о моей пенсии: Вы, может быть, не знаете, что весною многие предварительные ходы были уже сделаны акад[емиком] М.Н. Розановым, который собрал много подписей на ходатайстве о выдаче мне пенсии как в Акад[емии] наук, так и среди коммунистов, и все эти документы были переданы Луначарскому, который все дело взял на себя и обещал направить его сам.

Но лето помешало, и, верно, все теперь возобновится. Поговорите с Матвеем Никаноровичем, который, верно, скоро уже вернет[ся] в Москву из Гаспры (адрес: Новинский бульв[ар], 103, кв. 34). Он даст Вам все сведения. А потом, я думаю, Кс[ения] Александр[овна] Врачинская может во многом помочь — она близкий Ф.Кону человек.

Кстати, и Зоя Лодий, уезжая, взяла у меня несколько листов с моими подписями для «заявлений»; если понадобится, все это будет у Ксении Александровны, с которой Вы, должно быть, сразу познакомитесь: она редко милый и хороший человек.

Как Ваше здоровье после лета? Как Софья Анастасьевна? От Юнгмейстера — так ничего и не получил, но нашел в Вашей рецептуре указание на graphit как на средство от ожирения. Но сейчас ищу сред[ств]о от *слабости* и общей *усталости*. Укажите, если гомеопатия знает что-либо в этой области.

Все требуемые Вами бумаги написаны, переписаны на машинке и прилагаются к этому письму и прошу Вас их разослать по указанным учреждениям.

Мне же отсюда неудобно их посылать ввиду почтовых условий.

Макс[имилиан] Волошин.

Спасибо за все! Привет от Мар[ии] Ст[епановны].

¹ С долей насмешки; с оговоркой; с преувеличением (*лат.*). Трудно решить, какой из оттенков этого выражения имел в виду Волошин.

² *Кон Федор Яковлевич* (1864-1941) — участник революционного движения. После 1918 — на партийных и государственных постах, сотр. Коминтерна.

51. Волошин — Саркизову-Серазини

29.X.1930

Дорогой Иван Михайлович,

Ваша дружба и забота обо мне неутомима. Если дело с пенсией провалится, то это будет всецело моя собственная вина, потому что друзья сделали для меня не только все возможное, но и гораздо больше. Сейчас мои материальные дела стали лучше: Севастопольский музей приобрел на 150 руб[лей] моих акварелей на выставке, а в декабре в Петербурге устраивается ретроспективная выставка моих картин «Киммерия». Выставка будет в очень хорошем помещении на Фонтанке в бывш[ем] Шуваловском особняке в залах Инженерного клуба.

Писать еще раз самому о своих правах и заслугах для меня нож вострый, и я напишу Григорьеву¹ только в крайнем случае — если пенсия по литературной линии провалится безвозвратно.

Написавши — пошлю на Ваше имя для цензурного просмотра и передачи.

А пока спасибо за все.

Матв[ей] Никан[орович] Розанов меня известил одновременно с Вами о всех мытарствах моих бумаг и о том, что они прямо пойдут во ВЦИК.

Привет Софии Анастасьевне.

Напишите мне список гомеопатических средств от тучности.

Я кончаю разборку и классификацию своих архивов, которые у меня просит Союз писателей.

Эта громадная и кропотливая работа сейчас подходит к концу.

Мах.

¹ Вероятно, речь о *Григорьеве* Сергее Павловиче (1886-1968) — историке искусства, сотр. Наркомпроса и Комитета по охране памятников.

22.II.1931

Дорогой Иван Михайлович,

Спасибо за посылку и за «Мемуары» И.И. Панаева¹. Прочел их (или, *вернее*, перечел) с радостью и наслаждением. Посылки для нас всегда радость. Они нас подкрепляют и духовно, и физически. Только письма и присылки друзей нас подкрепляют этой необычайно тоскливой и грустной зимой.

О пенсии получил на днях окончательный отказ от Наркомпроса.

Были только что очень тяжелые минуты: нас лишили хлеба и керосина. Но за нас вступился Крымнаркомпрос и мы в этом отношении восстановлены.

Сейчас вокруг нас ликвидируют всех частных дачевладельцев. Мы в этом году избежим этой участи. Но явно она не избегнет нас со временем.

Я мечтаю о том, чтобы теперь же передать «Дом Поэта» в руки Союза писателей с тем, чтобы быть назначенным его заведующим, хранителем архивов и библиотеки на постоянном месячном жаловании. Так мне советовали сделать. [Фраза зачеркнута].

Спасибо, дорогой Иван Михайлович, за постоянное внимание к нам и постоянную Вашу заботу о нас.

Максимилиан Волошин.

¹ Панаев Иван Иванович (1812-1862) — писатель, речь идет о его «Литературных воспоминаниях» (1861).

9.III.1931,
Коктебель.

Дорогой Иван Михайлович,

Спасибо за письмо и посылку. За нее я уже благодарил Вас. Письмо, на которое Вы отвечаете, и было, очевидно, ответом на посылку.

Сейчас у нас все обстоятельства обернулись к лучшему: нам выдают хлеб и вообще местные власти к нам переменялись. И даже Дом Поэта этой весной сохраняет вопреки периодичности этого сезона полный иммунитет. Он будет продолжать свое существование и с особенным удовольствием распахнет перед Вами двери, когда Вы приедете в начале (надеюсь!) лета.

Все это переменялось благодаря пустяшному обстоятельству: к нам заезжал в феврале один мой друг — очень юный — коммунист. Он лишь побеседовал с местной властью и этого оказалось достаточно. Он же теперь взялся за мое дело о пенсии, и я думаю, что ему многое удастся.

То, что Вы пишете о причинах, вызвавших препятствие в деле пенсии, глубоко неверно. (Только не принимайте за личную обиду с моей стороны). Я просто хочу исправить то недоразумение, которое, очевидно, создалось на мой счет. Я с 1920 года прекратил всякие сношения с моими заграничными знакомыми и друзьями и всякую переписку: что по крымским условиям стало необходимо.

Была эпоха около 1924 года, когда за границей вышло несколько изданий моих стихов. И мое имя появилось в списке сотрудников разных заграничных журналов и была большая обличительна[я] статья в журнале «На Посту»¹. Я на это ответил большим письмо[м], которое было напечатано в «Красной Нови»². Все это было тогда же ликвидировано ими, и я читал все мои стихи в Кремле (у Каменева) публично. Если бы у меня действительно [были] «антисоветские» стихи, то я бы не стал этого делать. Но «антисоветских» стихов у меня вообще нет по той причине, что я вообще политику не приемлю ни в какой форме, а морально считаю себя и являюсь в жизни очень строгим коммунистом. Я все это пишу Вам лишь для того, чтобы Вы сами могли отвечать на подобные обвинения меня, если Вам придется с ними встретиться. Что касается до распространения моих стихов внутри России, то это идет совершенно вне моих намерений и вedomа. А списывать их у себя я никому не запрещаю — принципиально.

До свиданья. Крепко Вас обнимаю.

Макс.

¹ Таль Б. Поэтическая контрреволюция в стихах М.Волошина // На Посту. 1923. №4 (ноябрь). С.151-163.

² Волошин М. Письмо в редакцию // Красная Новь. 1924. №1(18). С.311-312.

54. Волошин — Саркизову-Серазини

1.1.1932

Дорогой Иван Михайлович,
С Новым годом поздравляю Вас и Софию Анастасьевну. Ваше письмо и посылку получили вчера и приносим Вам благодарность. Но хотя мы теперь и обеспечены пенсией, но принуждены радоваться, как и прежде, всякой съестной посылке, потому что голод

царит в Крыму по-прежнему, и несмотря на то, что я имею документы, что помимо пенсии приравнен в получении жизненных и съестных благ к индустриальным рабочим — то было бы для центра великое благо. Здесь это не имеет на нашу судьбу никакого влияния и не производит на местные власти никакого впечатления, и мы бы форменно голодали, если бы не посылки наших далеких друзей, нас не забывающих и зимою. За Вашу посылку — Вам большое и низкое спасибо — она угадывает наши нужды.

Что касается до пенсии, то, судя по газетному извещению, сомневаться в ней нельзя. Но из какой скалы прольется этот благодатный ключ, для нас неизвестно. Мы смиренно ждем.

Были в городе: Славолубов нашел у Маруси острое малокровие на границах злокачественного, у меня миокардит с ослаблением сердечной мышцы (отсюда — одышка).

Мне надо сидеть дома, а Марусе — питаться и отдыхать. Но текущая жизнь отдыхать ей не дает.

Она очень ослабла за лето. Спасибо за Ваши указания мне — я их приблизительно все и выполняю в смысле питания. На ужин только простокваша. И это вызвало небольшое, но постоянное похудание, что меня радует.

Посылку Вашу, по Вашим указаниям, взвесили и проверили: убыли не оказалось.

Ваше впечатление от Феодосии очень верно: я только что вернулся из города и каждый раз то же впечатление медленного умирания и засыхания на корню.

Привет Софии Анастасьевне. Спасибо.

Мах.

[Приписка М.С. Волошиной:]

Дорогой Иван Михайлович!

Шлю Вам и Софье Анастасьевне сердечную благодарность за память и неизменное внимание. Оно очень согревает, и радует, и облегчает жизнь.

Всего доброго.

М.Волошина

55. М.С. Волошина — Остроумовой-Лебедевой

4.1.[19]32

С Новым годом!

Милая и дорогая Анна Петровна!

Нас такое долгое время разделяет расстояние, незабываемая утрата, что Вам покажется странным, почему вдруг пишу. А потому,

что всегда помню Вас, всегда хорошо и светло о Вас думаю. Я раньше писала Вам на ты, но теперь не решаюсь. Вы мне проще и легче написать, а ты не смею. Простите мне это «перебежничанье», но так давно я с Вами не общалась, что страшно и неловко писать на ты.

До нас дошли слухи о Вашем нездоровьи и так потянуло к Вам. Вы не думаете, что мы Вас забывали? Всегда помнили, но теперь жизнь так уводит, что остановиться не успеешь, и так многое, многое проходит, о чем потом жалеешь, но его уж не вернешь.

Милая, хорошая Анна Петровна, связь с Вами мы ни на минуту не теряли, хотя лично и не общались, но о Вас всегда знали от наших общих друзей. Сейчас вот так показалось необходимым Вам написать, что села и пишу. О нашей жизни и Вам, верно, доходят вести, поэтому не буду о себе писать. Живы, не очень здоровы, но как-то выкарабкиваемся и тот, и другой. Жизнь у нас очень суровая. Хотя некоторые из наших общих друзей и уверяют, что Вы к нам не приедете больше, а мы Вас ждем, и я уверена, что Вы у нас побываете.

Дорогая, хорошая Анна Петровна, так хочется сказать Вам много хорошего, ласкового, но на бумаге это косноязычно выходит. Крепко, крепко Вас обнимаю, всегда помню, и если Вы черкнете хоть открытку, буду очень-очень рада. Примите самое сердечное и светлое чувство мое.

М. Волошина

56. Волошин — Остроумовой-Лебедевой

4.I.1932.

Дорогая Анна Петровна,

До нас дошли тревожные слухи о твоём здоровьи. Хочется знать от тебя лично, что с тобою в действительности.

Стороною слухи, весть о тебе и о С[ергее] В[асильевиче] доходят постоянно. Наша жизнь течет по-прежнему. Я рисую, пишу. Но кроме стихов.

Богаевский этой осенью ездил в Баку в командировку. Вернулся в восторге. Он написал ряд этюдов — вероятно, тех мест, которые писала когда-то ты, но Баку за эти годы изменился: совсем нет копоты и ничего, что было в твоих этюдах.

Привет С[ергею] В[асильевичу].

Макс.

30.I.1932

Дорогая Анна Петровна,

С глубоким душевным волнением пишу тебе это письмо.

Мы так давно не виделись. Прошлый год был у нас ужасен. Этот год намечается совсем по-иному.

Внешне — у нас все блестяще: нам дали персональную пожизнен[ную пенсию] (225 р[ублей] в месяц). Так что мы себя после этих более чем скудных лет чувствуем себя разбогатевшими.

И это уже перестало быть фикцией: на днях нам даже выдали денег.

Но морально мы чувствуем себя неважно: я чувствую, что с каждым днем подступают ранние неожиданные симптомы старости: нездоровье, упадок творческих сил, не могу писать стихов, нет прежней неудержимости и настойчивости в живописи.

У Маруси — разные симптомы острого малокровия: головокруженье, раздражительность. Общий отлив друзей от Коктебля... Но не от нашего дома: причина внешняя — голод в Крыму и отсутствие столовых для курортных.

Все, кто попал сюда прошлым летом, были или связаны с домами отдыха, или более смелые — были «самотеком».

Прости меня за такое незначительное и отрывистое письмо. Привет Сергею Васильевичу.

Мне очень радостен самый факт переписки с тобой. Как поживает твоя рука? Всего лучшего.

Макс[имилиан] Волошин.

2.IV.1932

Милый Иван Михайлович,

Спешу Вас известить и поблагод[ар]ить по получении очевидно посланной с оказией посылки с книгами, где «Космополис» Бурже с «Подем и Виргинией» Б[ернардена] де Сен-Пьера¹. Очень благодарю Вас за все присылки, совершенно не входя в их оценку. Теперь я книжно обставлен. А мне книга стало очень нужно из-за бессонных ночей. Я теперь часто не сплю из-за дыхания, которое у меня так и не прошло за зиму, и с весною не уменьшается. Когда я сижу в кресле до утра — для меня книга необходима и книга лучше всего русская, переводная. Не считая нашего чтения вслух с Мар[ией] Степ[ановной]. Но теперь бывает, что и для чтения вслух у меня голоса не хватает. К этому у меня теперь еще присоединились артритические боли в суставах. Один врач в Харькове —

д[окто]р Лященко² — лечит нас с М[арией] С[тепановной] заочно и обещает мне, если я поеду в Ессентуки — полное выздоровление [нрзб. 2 сл.].

Максимилиан Волошин.

¹ *Бурже* Поль Шарль Жозеф (1852-1935) — французский писатель, «Космополиты» («*Cosmopolis*») — его роман (1893); *Бернарден де Сен-Пьер* Жак Анри (1737-1814) — французский писатель, «*Поль и Виргиния*» — его роман (1787).

² *Лященко* (Лященко) Михаил Яковлевич (1870-?) — харьковский врач по детским и внутренним болезням.

59. Волошин — Саркизову-Серазини

18.IV.1932

Дорогой Иван Михайлович,

С огромной радостью получил Максимова¹. Вот это подарок!

Спасибо. Крепко Вас обнимаю. Лучшего Вы не могли придумать: это ценная энциклопедия русского фольклора. Книга на много лет. Ее много раз надо перечитывать и всегда иметь на письменном столе. Это драгоценнейшее пособие для языка и работы. Эти дни у нас цветут [ландыши]. Весна поз[д]няя. В какую часть республики Вы устремляетесь этим летом?

Привет Софии Анастасьевне от нас обоих.

Макс, Мария Волошины.

¹ Речь идет о книге писателя и этнографа Сергея Васильевича Максимова (1831-1901) «Крылатые слова» (СПб., 1890).

«НЕОЦЕНИМЫЙ ПОДАРОК»
Переписка Пастернаков и Ломоносовых
(1925-1970)*

Публикация Кристофера Барнза и Ричарда Дэвиса.
Подготовка текста П.Бутчер, Р.Дэвиса и Л.Шоррок

74. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[9 июля 1934]

Милая Раиса Николаевна

Век Вам не писала. Не писать — это моя болезнь, но я часто вспоминаю и думаю о Вас и очень была бы рада Вас видеть.

Мы с Женичкой живем под Москвой в деревне. Нам хорошо. Я ничего теперь не делаю п[отому] ч[то] 2 месяца тому назад подвернула ногу и считая это пустяком слишком много ходила как раз было время когда нужно было подыскать что-либо на лето, а потом спустя шесть недель снимок показал что у меня слома́на косточка. И теперь я либо лежу под яблонями в саду либо потихоньку брожу с палочкой. У нас очень хорошо. Женек купается в Москва-Реке и бегает целыми днями. За атлас он был очень благодарен, несколько дней с ним не рас[с]тавался и когда пришел Борис Леонидов[ич] он удивил его тем, что не зная английского, все ему показывал и рассказывал (он учится по-франц[узски] и немецки). Носил он его тоже и в школу и хвастал им перед учителем и школьниками.

Я не только теперь ничего не делаю, я часто ничего не делаю, но иногда работаю. /2-ого/ На выставке молодежи сейчас в Москве висят двое моих портретики [sic] одного молодого ученого [sic] и одного композитора из-за ноги я еще не видала как они там

---

* Окончание. Начало см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.15. С.193-247; Вып. 16. С.150-208. М.; СПб., 1994.

выглядят. Крепко Вас целую. Ах если бы Вы могли приехать ко мне погостить, Вы бы тогда увидели, что я Вас не забыла. Привет Юре и Юрию Владимировичу.

Ваша Женя

Датируется по почтовому штемпелю. Отправлено из Москвы в Лондон и оттуда переадресовано в Брайтон (Англия).

75. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[23 августа 1934]

Дорогая Раиса Николаевна! Очень обрадовалась Вашему письму. Приехала из деревни в город и застряла из-за съезда писателей¹ на несколько дней. Б[орис] Л[еонович], который живет с семьей под Тулой² /встретился тут со мной/ приехал на съезд и эти дни мы были вместе, опять /попала/ попала к прежним друзьям и знакомым, опять всколыхнулось старое. Я сегодня уезжаю в деревню, приеду 10-ого [сентября] уже /окон/ совсем. Вышлю Вам тотчас же «Письма А.С. Пушкина под ред[акцией] Щеголева в 2 том[ах] издание Гос[ударственного] Изд[ательства] Худ[ожественной] Литер[атуры]»³. Это самое хорошее что есть в печати и мне к 10-ому обещали приготовить. Ваши очень редкие поручения выполняю с радостью и жалею, что их мало. В Италию с Вами поехала бы с радостью, думаю, что месяца на 3 могла бы Женичку оставить в Москве с его учительницей⁴. Это было бы огромное счастье, но думаю, что об этом не стоит /думать/ мечтать п[отому] ч[то] мне неоткуда там взять денег и паспорт получить вероятно трудно.

Я пишу Вам в деловом сухом тоне п[отому] ч[то] хочу непременно сегодня отправить Вам письмо и п[отому] ч[то] я писать не умею. Я очень надеюсь, что Вы наконец весной к нам соберетесь, а почему весной, почему вместо /Ри/ Библиотеки в Риме⁵ Вам не приехать ко мне, ведь у меня отдельная квартирка и материально я живу хорошо, /Ведь Вам-то —/ это была бы огромная радость, вот тут-то бы наговорились. /Если Вам обязательно хочется нам прислать что-нибудь/ Жалко, что Вы не написали что именно мог бы захватить Ваш знакомый⁶ для нас /../ что-нибудь маленькое или основательное. Если основательное, я хотела бы Вам вернуть стоимость, бабушка⁷ для Женички присылает 25 марок в месяц и я их почти не трачу. Так вот если основательное /../ мне очень нужно /д/ дождевое пальто, такое чтоб и для *дороги* и для дождя размер мой не точно п[отому] ч[то] это я сама прило-

жила смет [сантиметр?] такой длина от плеча 122 см. 1/2 объема в груди 49 см. рукав у меня руки много длиннее ваших! 66 см., спина /39/ 43 — это все приблизительно, но думаю, что /не меньше/ 48 размером — средний размер. Если он может взять *только* мелочь то можно блузу /или спр/ спортивную или какую-нибудь другую или пудру. Женичке нужен был бы костюм для зимы, ему 11 лет, надо такой чтоб ребята над /ним/ ним не смеялись т.е. /../ скромный, /или/ может синий матрос[с]кий с *длинными* брюками размер тоже приближ[ительно] спина 36-37 см. /руб/ рукав 50 см. длина брюк 86-87, /длина от ворота/ его рост с головой и до полу 140 см. Простите меня за конец письма, это Вы меня ввели в соблазн, /а мне Вам/ я Вас очень прошу этого не делать если это будет неловко, /и в кра/ /и../ мне даже хочется попросить Вас этого не делать, п[отому] ч[то] /../ только Ваши слова, что Вы пришлете, то что нам не

[Приписка 1:]

будет нужно заставили меня выбрать самое хорошее

[Приписка 2:]

Крепко Вас целую кланяюсь Юрию Владим[ировичу] и Юре
Ваша Женя

Датируется по почтовым штемпелям. Отправлено из Москвы в Лондон и оттуда переадресовано в Брайтон.

¹ I Всесоюзный съезд писателей состоялся в Москве 17 августа — 1 сентября 1934. Об участии Пастернака в съезде см. прим. 8 к №79.

² См.: Материалы. С.510.

³ Не было такого издания писем Пушкина. Возможно, что Е.В. Пастернак путает выходные данные разыскиваемых ею в это время для Ломоносовой книг. См., например, прим. 1 к №76 о 2-й книге романа А.Н. Толстого «Петр Первый», которая вышла в указанном здесь «Государственном издательстве художественной литературы» (ГИХЛ). О «настоящем» издании пушкинских писем см. прим. 2-3 к №76 и прим. 4 к №108.

⁴ Е.М. Стаценко.

⁵ См. прим. 1 к №72.

⁶ См. прим. 1 к №80.

⁷ Р.И. Пастернак.

[11 сентября—
15 октября 1934]

Дорогая Раиса Николаевна, вчера получила Ваше письмо. (Рисой звать не могу, начать так в письме трудно). 10-ого вернулась в Москву и не пропуская ни /д/ одного дня (т.е. почти месяц) заходила в лавки к букинистам (к 10-му, как обещали, мне не приготовили) Пока раздобыла Петра I (как увидите каждый том в другом издании)¹ и первый том писем [Пушкина]². Если сегодня мне не дадут II-ой³, обещают со дня на день, то пошлю пока эти. У нас книги моментально раскупают, а потом не достать. Простите и за то, что так долго ничего не могла достать и за то что Вам приходится думать о наших нарядах. Женичку вполне устроят обыкновенные длинные брюки или брюки с застёжкой под коленом и блуза, как ходят школьники, а можно обойтись и без всего, налажу и здесь, я очень уже жалею, что поддалась соблазну, меня только радует, что я /пому/ получаю от Вас чаще чем раньше письма. Переехали мы, /../ как я уже писала мы [sic] 10-ого. Женичка с 1 ч[асу] дня до 8 ч[асов] вечера в школе. У меня был небольшой заказ 3 портрета с фото-матер[иала]. Работа противная, но мне хотелось подработать. Успели с Женичкой поболеть гриппом — осень — город. Борис Л[еонович] 3 дня как приехал. Крепко Вас целую

Женя

Обязательно если захочется достать какую-нибудь книгу пишите, /хоть я/ я бегаю, /но мне/ для Вас /приятно/ с радостью, только не выходит сразу /Женя/

Женя

Датируется по содержанию. Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ В библиотеке Р.Н. Ломоносовой хранится два тома романа А.Н. Толстого: Петр Первый: Роман. М.: «Недра», 1930; Петр Первый: Роман. Кн.2. Л.: «ГИХЛ», 1934.

² В библиотеке Р.Н. Ломоносовой хранится экземпляр издания: Пушкин [А.С.]. Письма. Т.1. 1815-1825 / Под ред. и с примечаниями Б.Л. Модзалевского. М.; Л.: «Государственное изд-во», 1926.

³ В библиотеке Р.Н. Ломоносовой нет экземпляра издания: Пушкин [А.С.]. Письма. Т.2: 1826-1830 / Под ред. и с примечаниями Б.Л. Модзалевского. М.; Л.: «Государственное изд-во», 1928.

77. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[16 октября 1934]

Дорогая Раиса Николаевна!

Отослала Вам пока только 3 книги, но обязательно достану 2-ой том Пушкина и пришлю. Ко мне заходил Борис Леонидович, очень Вам кланяется, бумаги говорит ему никакой не нужно¹, а как только он немножк/у/о разгрузится обязательно достанет для Вас все что возможно по Пушкину. Крепко Вас целую
Ваша Женя

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю. Отправлена из Москвы в Лондон.

¹ Ср. конец №52.

78. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[23 октября 1934]

Дорогая Раиса Николаевна. У меня залежалось закрытое письмо к Вам. Я все дожидался выхода 2-го издания «Второго рожденья», относительно которого не уверен, посылал ли я Вам его в свое время¹. Вчера вернувшись домой нашел 1-ый экземп-л[яр], принесенный из издательства и в ужас пришел. Открывающая сборник вещь «Волны» оказалась посвященной — Бухарину! Весной стали выходить Известия под его редакцией. Я в таком восхищении был от нового вида газеты, что все хотел это Бухарину выразить². В то время я «Вт[орое] Рожд[енье]» к изданию подписывал. Тогда я сгоряча написал ему вещь, никакого отношения к нему не имеющую, страшно личную!! И об этом забыл!!! Вот какие иногда делаешь глупости. Ну что мне теперь делать! Привет.

Ваш Б.П.

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю. Отправлена из Москвы в Лондон.

¹ В библиотеке Р.Н. Ломоносовой имеется два издания сб. «Второе рождение»: М.: «Федерация», 1932; М.: «Советский писатель», 1934 (см. №81). Судя по ярлыку книжного магазина, Ломоносова приобрела издание 1932 г. в Лондоне.

² Н.И. Бухарин (1888-1938) был редактором газеты «Известия» в 1934-1937. Об отношении Бухарина к Пастернаку см.: Флейшман. С.205 и сл.

Дорогая Раиса Николаевна! Я у Жени был: она Вам кое-что из книг посылает, какие могла достать. С Ваших слов она спросила меня, какую бумагу мне нужно, или вообще, что нужно мне.

Вот что нужно мне, Раиса Николаевна: чтобы Вы простили меня. Эта вещь нужна мне до чрезвычайности, и для меня будет большим счастьем, если я получу ее. /../

Вы мне писали из Италии¹, и вышло так, что я Вам даже не ответил. Предоставлялась возможность быть Вам хоть немножко полезным, это и задержало ответ, а потом его обесмыслило. Я думал послать Вам просимое о Пушкине, но стал раскачиваться так же медленно, как во всех случаях моей жизни, а верил, что в этом деле будет исключенье. Безобразью этому имени нет, и его ничем не загладить.

Я знаю, что теперь уже поздно. Вы написали драматическую вещь², и она меня страшно интересует. В матерьялах по П[ушкину] Вы более не нуждаетесь. Но все же для очистки хотя бы совести, т.е. для того, чтобы в своих глазах вернуть себе право иногда обращаться к Вам, я просил на днях человека сведущего раздобыть мне новинок о Пушкине, и если он их достанет, Вы в непродолжительном времени получите две-три книжки, если не для себя, (за миновеньем надобности, или оттого что оказалось бы, что такие Вы уже имеете) то для /Ваших/ кого-нибудь из Ваших Лондонских знакомых, читающих по-русски.

А до этого я pošлю Вам (на днях выйдут): 1) «Второе рождение» (я не помню, посылал ли я Вам его в первом издании в 1932-м году)³ и 2) Грузинского поэта Важа-Пшавелу в моем переводе⁴. О нем несколько слов ниже, а пока — новая просьба (первая — чтобы Вы простили меня). Итак:

Ввиду того что мне очень хочется получить письмо от Вас, /../ пожалуйста ничего не пишите мне, пока не получите всего обещанного. Мне так редко удается сделать задуманное, что боюсь, как бы и на этот раз дело не ограничилось добрым желаньем. Требуемой для этого палкою будет Ваше молчанье.

Вам наверно кажется, что все это очень бессовестно, но, честное слово, это не вполне верно.

А о Важа Пшавеле следующее. Имеется английский перевод Уордропа «Барсовой кожи» замечательного грузинского поэта Руставели (XII века)⁵. Следующим, вторым по силе, грузинские литераторы считают автора, одну из поэм которого я перевел. Он почти что наш современник (умер в 1915 г.). Он уроженец Хев-

суретии, высокогорной области Грузии, очень своеобразной и первобытной, где почти безвыездно прожил свою жизнь. Читали ли или слышали ли Вы что ниб[удь] о хевсурах? Спрашиваю потому, что сам узнал о них только в старости, до революции в широкой публике о них ничего не было известно. Это, равно как и другая, высоко в горах затерявшаяся народность сванов (обл[асть] Сванетия) — очень интересное племя. Есть легенда, будто это потомки крестоносцев, попавших на Кавказ и там остановленных на уровне и в понятиях Крест[овых] походов дикостью и неприступностью места, т.е. почти полной оторванностью от остального /культурного/ мира и трудностью общенья с ним. /Но Вам/ В обычаях их христианство теснейшим образом переплелось с язычеством. При всем этом, как племя рыцарское и воинственное, они не раз играли роль в грузинской истории, в борьбе Грузии с персами и монголами, и пр. Важа Пшавела, разумеется, не был таким этнографическим экспонатом, это образованный самоучка, по некоторым известиям будто бы в свое время побывавший в Петербургском университете. Я его перевел по подстрочникам.

Зимой выйдет целый сборник моих переводов из грузинских поэтов, там будут одни современники, среди них два моих друга и очень интересных поэта: Тициан Табидзе и Паоло Яшвили. Если Вам будет интересно, сборник пришлю⁶.

Что же касается меня, то я не выношу и слова «поэт» не говоря уже о том парфюмерно-кондитерском и парикмахерском привкусе, который в эту серую, строгую и до сумасшествия прозаическую область вносит ходячее пониманье, даже и в революционном государстве. Можно бы на это не обращать вниманья, но на людей уединяющихся смотрят как на преступников. Кроме того, тут был съезд писателей⁷, на котором ко мне отнеслись так мило⁸, что теперь эта верность себе (и только при этих условиях — времени) кажется с моей стороны неблагодарностью.

Очень хочу написать роман⁹, очень обыкновенный, главным образом затем, чтобы вписать в него несколько серых и бедных /../ бытовых слов. Из тех, которых до сих пор не брала бумага. Я принялся за него, но в городе работать почти невозможно: телефоны и пр. И затем наша квартира на Волхонке очень шумная, несколько семейств, не все стены в ее части, занимаемой мною, настоящие, а есть и призрачные, превращающие, по звуку, мою рабочую комнату в проходную.

Все это особенно ухудшилось за последн[ее] /и/й /время/ год, когда под нашим двухэтажным домом пролегла трасса метрополитена, усложненная еще тем что как раз под нашим участком

строют одну из станций¹⁰, и при том открытым способом. Дом и двор наш — горнило работ. Песок, грязь, стены расселись, опустились полы, черный ход обвалили, размножились крысы. Но работают превосходно, и такая отличная молодежь, я ведь это так близко наблюдаю! Кроме того, как это ни странно прозвучит, я люблю скверные для работы условия и пропал бы среди хороших.

Когда я переводил «Змеида»¹¹ я вспомнил, как мы в детстве Жуковского читали¹². И мне хотелось в переводе /../ дать книжку, которая читалась бы легко и разом, и нравилась бы детям и старикам. Поэтому я наперед знаю, что она Вам не понравится. Привет Вашей семье.

Ваш Б.П.

Отправлено заказным 29 октября 1934 из Москвы в Лондон.

¹ №73.

² См. прим. 7 к №73.

³ См. прим. 1 к №78 и №81.

⁴ См. №82. Важа Пшавела (Лука Павлович Разикашвили; 1861-1915) — грузинский поэт (о нем см. ниже в письме).

⁵ Перевод Марджори Уордроп (Marjorie Wardrop; 1869-1909) эпической поэмы «Витязь в тигровой шкуре» грузинского классика Шота Руставели (XII век) был издан посмертно («The Man in Panther's Skin», London: «Oriental Translation Fund», 1912) стараниями ее брата Оливера (Oliver Wardrop; 1864-1948), видного английского дипломата и пропагандиста грузинской культуры в Великобритании.

⁶ В сб.: Поэты Грузии в переводе Б.Пастернака и Н.С. Тихонова. Тифлис: «Загиз», 1935 вошли пастернаковские переводы произведений И.В. Абашидзе (род. 1909), В.И. Гаприндашвили (1888/89-1941), И.Г. Гришашвили (Мамулаишвили; 1889-1965), К.Р. Каладзе (1904-1988), Г.Н. Леонидзе (1899-1966); Н.И. Мицишвили (Сирбиладзе; 1894-1937), К.Надирадзе (род. 1895), С.И. Чиковани (1903-1966) и упомянутых Тициана Юстиновича Табидзе (1895-1937) и Паоло (Павла Джибраэловича) Яшвили (1895-1937). В библиотеке Р.Н. Ломоносовой нет экземпляра сборника.

⁷ См. прим. 1 к №75.

⁸ См.: Материалы. С.504-510; Флейшман. С.197-235.

⁹ См. прим. 7 к №71 и Материалы. С.511.

¹⁰ «Кропоткинская».

¹¹ См. №82.

¹² Переводы В.А. Жуковского (1783-1852) немецких и английских романтиков и др. до сих пор хрестоматийны.

Москва
25 октября [1934]

Дорогая Раиса Николаевна!

Только что принесли Вашу посылку. Безумная женщина, как я Вас по этой посылке узнаю, вспоминаю тот чемодан, который Вы притащили мне в Берлине. Почему столько штанов и рубашек, может (их *три* костюма) большой надо кому-нибудь отдать. В общем я получила пальто, четыре пары шерстяных чулок, две шелковых и три костюма с 2-мя поясами и 2-мя поясами [sic]. Женя едва не опоздал в школу, кричал, что это ковбойский костюм и требовал, чтоб я его моментально нарядила. А что мне делать с Metcalf-ом¹. Он прислал мне это домой, надо ли мне к нему зайти и поблагодарить. /, или это значит навяз/ Я ведь дурак дураком, спрошу у Бори. Боря написал Вам письмо² и сказал мне что теперь все книги Вам берет на себя. Я ревную Вас к нему, а не наоборот, но он правда это гораздо с большей пользой для Вас /вероятно это/ будет делать. А получили ли Вы мои три книги. Крепко Вас целую. Жду Ваших писем.

Ваша Женя

Поскорее пришлите адрес кому отдать /большой/ часть вещей.

Год установлен по почтовому штемпелю. Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ Генри Эрнест Меткалф (Henry Ernest Metcalf; 1868-1953) — морской инженер, в 1896-1938 представитель лондонской инженерной фирмы Бабкок и Уилкок (Babcock & Wilcox), в частности, в Японии, Китае, России и СССР, куда он ездил 26 раз за 1921-1938. Автор нескольких книг с русской тематикой: «On Britain's Business» (London; New York; Melbourne, 1943); «Russia's Great Opportunity» (Eastbourne, 1946); «Under One Sky» (Eastbourne, 1949). Ломоносовы познакомились с Меткалфом в январе 1934.

² №79.

81. Дарственная надпись Б.Л. Пастернака
Р.Н. ЛомоносовойДорогой Раисе Николаевне от глубоко ей преданного
Б Пастернак
26.X.34

Дарственная надпись в кн.: Пастернак Б. Второе рождение. [М.:] «Советский писатель», 1934. Книга отправлена заказной бандеролью 29 октября 1934 из Москвы в Лондон.

82. Дарственная надпись Б.Л. Пастернака
Р.Н. Ломоносовой

[26 октября 1934]

Вот та книжка, о которой я писал Вам¹. Б.П.
Наверное чепуха ужасная. В оригинале лучше. Но и я его по под-
строчному переводу знаю.

Дарственная надпись в кн.: Важа Пшавела. Змеед / Перевод с грузин-
ского Бориса Пастернака. [Тифлис:] «Закгиз», 1934. Датируется предпо-
ложительно по сопоставлению с №81, вместе с которым книга была от-
правлена из Москвы в Лондон.

¹ См. №79.

83. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

З.ХІ.34

Сейчас узнал о Вашем новом безумьи¹. К чему так баловать
людей, и зачем это все. Племянник Ваш² еще за вещами не захо-
дил. Надо ли говорить как я поражен и тронут? Может быть Вы
все-таки сообщите, что у Вас есть из литературы о Пушкине?
Есть ли, напр[имер], Вересаев³? Спрашиваю потому, что все у
нас сразу при выходе расходится, и достать это теперь не просто.
Но все что потребуется, достанут, об этом беспокоиться нечего.
Если бы Вы сообщили, что у Вас есть из вышедшего в советском
издании, часть поисков была бы упрощена. Привет. Ваш Б.П.

Открытка. Отправлена из Москвы в Лондон.

¹ См. №80.

² Поскольку Ломоносова не поддерживала контактов со своими
родными, возможно, что речь идет о «Вапе», сыне умершей в 1926 сест-
ры Ю.В. Ломоносова, Ольги Владимировны.

³ Из опубликованных ко времени написания №83 пушкинских трудов
писателя и литературоведа В.В. Вересаева (Смидовича; 1867-1945) в би-
блиотеке Р.Н. Ломоносовой имеются: «Пушкин в жизни: Системати-
ческий свод подлинных свидетельств современников» (В 4 ч. М.: «Недра»,
1926-1927); «Спутники Пушкина» (Т.1. М.: «Мир», 1934).

84. [Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой]

[13 ноября 1934]

Сохранилась часть оберточной бумаги от отправленной Пастер-
наком из Москвы в Лондон 13 ноября 1934 заказной бандероли.

Дорогая Раиса Николаевна! Трогательный мой дорогой друг, никто так легко и радостно не умеет дарить, как Вы. Сегодня мое рождение накануне вечером я пришла домой и застала такую красивую снаружи и внутри баночку и коробочку. Я побежала поблагодарить и узнала, что Юрий Владимирович был болен, они не смогли мне объяснить чем. От Вас я ничего давно не получала.

Теперь я Вам расскажу немножко о себе. Я ездила в Ленинград, бегала там по музеям, потом вернулась в Москву радуясь, что я опять дома (в гостях хорошо, а дома лучше) и взялась энергично за работу начала четыре холста маслом, четыре портрета, в наркомпросе [sic] подняли вопрос о том, чтобы меня законтраковать, это значит ежемесячно платить мне деньги и этим дать возможность работы. Но /на/ модели мои одна за другой исчезли, одна заболела, другая развелась с мужем, третья поступила на службу, осталась только одна. Начались темные декабрьские дни, когда почти невозможно работать, простудилась я, на несколько дней слегла, встала с головной болью и большой, большой тоской с котор[ой] и сейчас еще не рас[с]таюсь. У меня быва/ю/ет периодически такое настроение, когда ничего не приносит радости — когда живешь с трудом. Крепко Вас целую. Поздравляю /В/ вас всех с Новым Годом и желаю всего всего хорошего любящая вас

Женя

Москва 28/ХІІ 34 г.

Отправлено из Москвы в Лондон.

24 апреля [1935]

Дорогая Раиса Николаевна! Конечно несколько раз начинала Вам писать но не могла, когда у меня на душе неладно не могу писать. А эта весна печальная и тревожная. Борис Леонидович не здоров, сейчас он в доме отдыха, а с первого [мая] кажется его положат в больницу. У него очень острая и запущенная невралгия, подробнее не могу пока о его состоянии ничего сказать п[отому] ч[то] и сама не знаю¹. Подарки Ваши получила как раз к первому Маю. Очень, очень Вам благодарна за Вашу нежность и ласку. Я еще до сих пор ношу Вашу шелковую вязаную блузу и бе-

лую фетровую шляпу, котор[ые] Вы мне подарили в 26 году, не по бедности, а п[отому] ч[то] люблю и берегу эти вещи. Ваши письма для меня большая радость. К Вам я не выберусь и думаю, что пока Вы не собиретесь [т.е. соберетесь] к нам вряд ли мы увидимся. 29-ого [апреля] Б[орис] Л[еонович] вернется в Москву, а 1-ого [мая] я думаю переехать в деревню на лето. Выслали ли Вы пьесу? Написал ли Вам Борис Леон[идович]. Он Вас очень любит, /и если не написал (/ Я знаю что хотел Вам писать, /)/ может только болезнь помешала п[отому] ч[то] он совсем разбит, в разговоре при каждом слове начинает плакать. Я его перед отъездом в дом отдыха не видела п[отому] ч[то] была как раз в деревне в поисках дачи. 29-ого надеюсь, что он вернется и я его увижу. Крепко Вас целую

Женя

Целую Женя.
24/IV Москва.

Год установлен по содержанию. Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ О пребывании Пастернака в подмосковном доме отдыха «Узкое» см.: Материалы. С.513. Подробнее о «лейтмотивной» для писем 1935 болезни Пастернака см. №88 и статью Ж.Л. Пастернак «Patiog» (The London Magazine. Vol.4. №6. 1964).

87. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. Пастернаку

Artillery Mansions
Westminster London S.W.1
2-5-35

Дорогой Борис Леонидович,
Написала Жене месяц тому назад, потом опять — а от нее ни звука. Письма требовали ответа. И вот меня взяло беспокойство: здорова ли она? Не заболел ли Женя? Напишите хоть открытку — очень прошу.

Теперь другое: я послала Жене, через одного знакомого англичанина, небольшую посылку, но если Жени нет в Москве, но [т.е. он] не будет знать, что ему с посылкой делать. Можете Вы ее получить?

Он кажется в «Национальной» и зовут его Mr Metcalf.

И еще третье: написала пьесу по-русски — о Пушкине. Можно мне ее Вам послать на суд и расправу? Если очень плоха — пожалуйста, /тогда/ сожгите и забудьте. Конечно, если разрешите Вам

ее прислать. Собираюсь теперь переделывать английскую. Hubert Griffith¹ со мной «коллаборирует». У него в здешних театрах «рука». Вообще же английские театры сплошная коммерция. До тошноты.

Ужасно тянет домой. Накоплю денег и осенью может соберусь в Москву. А на зиму на Кавказ — греть плечо. Эту зиму думала свернуть. Ничего, выкрутилась. Но опротивело болеть ужасно. А умирать, поди же, неохота.

Ю[рий] В[ладимирович] очень занят — «ученностью» [sic] и писанием в[о]споминаний. Написал уже целый том и дошел только до 25 лет². Очень интересны. Мне даже завидно. Собирается послать в ГИЗ³. Но можно ли будет печатать — неизвестно⁴. Многие лица еще живы, да и пускай себе живут на здоровье. Всегда Ваша

Р. Ломоносова

Отправлено 3 мая 1935 из Лондона в Москву.

¹ Губерт Гриффит (Hubert Griffith; 1896-1953) — английский драматург, театральный критик, журналист, переводчик. Гриффит ездил в СССР в 1930-е и написал книги «Seeing Soviet Russia /.../» (1932) и «Playtime in Russia» (1935). Во время Второй мировой войны он был лондонским корреспондентом выпускаемого посольством Великобритании в Москве журнала «Британский союзник». (См. также №101, 103).

² Написанный в 1932-1934 первый том (из десяти) воспоминаний Ю.В. Ломоносова «На попечении родителей» доводит рассказ до 1895, когда Ломоносову было 19 лет (РАЛ MS.716.2.1.1). Начатый в 1936 второй том «На своих ногах» охватывает следующий период по 1901, когда Ломоносову исполнилось 25 лет (РАЛ MS.716.2.1.2).

³ Т.е. ОГИЗ — Объединение государственных издательств РСФСР, созданное в Москве в 1930 на базе существовавшего с 1919 Государственного издательства РСФСР (Госиздата/ГИЗ).

⁴ При жизни Ю.В. Ломоносова были опубликованы только его «Воспоминания о Мартовской революции 1917 г.» (Стокгольм; Берлин: «STU», 1921). См. также публикацию Хью Эплина: Ломоносов Ю.В. В народном комиссариате путей сообщения. Ноябрь 1919 — январь 1920: Отрывок из воспоминаний и неизданная корреспонденция В.И. Ленина // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 10. М.; СПб., 1992. С.7-63.

88. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[11 июня 1935]

Дорогая Раиса Николаевна

Я не без страха начал читать «Дуэль». Вы раньше художественных вещей не писали, Вы не профессионал, у Вас нет подхо-

дящего опыта, все вероятья были против Вас, — и что же: Вас надо поздравить. В основном Вы с труднейшей Вашей задачей справились, Вы молодчина и живой бесстрашный человек.

Я не пушкинист, не литератор-эрудит, — скажем просто: я в непозволительной для себя степени — невежда. Давно когда-то я читал Щеголевское исследование об этих последних днях¹ и его позабыл. Мне трудно /сту/ судить о мере *воплощенности* исторических материалов в Вашей пьесе, о степени соответствия Вашего Пушкина тому образу, который могут дать его полное знание и длительное изучение. Вообще — показать Пушкина на сцене задача не только непосильно трудная но в некоторых отношениях может быть и невозможная. Булгаков с Вересаевым пишут пьесу для Худ[ожественного] театра на Вашу же тему, и те же дни последнего года². Их остановила эта трудность и вот как они выходят из положения: Пушкина они не показывают ни разу, а лишь людей вокруг него, наводящих на мысль о нем своими словами и поступками. В остальном же, по их замыслу, он все время должен чувствоваться где-то рядом, в соседней комнате или же только что ушедшим [перечеркнуто 4-5 слов] со сцены, или с минуты на минуту на ней ожидающимся. Потому что в нашем ощущеньи он из человека, (оставаясь в нашем чувствованьи страшно именно *человеком*) давно стал миром или каким-то идеальным началом...

Но как ни плохо я во всем этом разбираюсь, как ни бедна моя компетенция, как ни трудно мне сейчас Вам писать (причины — ниже), все же совокупность сюжетных элементов, которые перед Вами стояли, и которые Вы должны были охватить, ясна мне без труда. И одно я сказать могу с чистою совестью и должен. Вся эта сложная сумма данных (общественных, светских, дворцовых, политических, личных, душевных, семейных и пр.) претворена Вами в один неделимый факт человеческой трагедии с такой простотой и захватывающей сердечностью, которая сделала бы честь и изощренному художнику-драматургу.

Переход от картин первого акта к обеим картинам второго проведен Вами с художественной естественностью совершенного правдоподобья; превращенье причин в следствия происходит как бы само собой, мы от внешних кругов загона переходим к внутренним, кольцо облаты сжимается, потом мы попадаем на дом к жертве, в берлогу затравленного, потом к нему в душу, потом, перед концом, в его истерзанное сердце. И все это так просто, /.../ по элементарной логике чувства. Повторяю, и для искушенного художника *эта сторона* дела была бы достиженьем. Я покажу пьесу кому-ниб[удь] из своих приятелей пушкиноведов.

Горячо благодарю Вас за предложенья, которые Вы делали Жене, и за повторные ей посылки. Однажды спросили Вы не надо ли чего мне. Я просил ее тут же поспешить ответить Вам, что мне решительно ничего не надо, кроме того (по-прежнему) чтобы Вы меня извинили³, за то что я ничем не помог Вам в работе, плоды которой теперь перед моими глазами. Вообще я вынужденным образом перестал благодарить Вас за эти частые знаки Вашей продолжающейся заботы о ней (и, т[аким] обр[азом] и обо мне) по той единственной причине, что давно истощил слова, способные выразить мое удивленье.

Если Вам не писала Женя, то, по счастью, это объясняется совсем не теми причинами, которые Вас тревожат⁴. Она и Женя маленький здоровы и сейчас на даче. Она вправе была надеяться, что я опережу ее, и раньше нее сам Вам отвечу. Но вот уже второй месяц, как со мной делается что-то странное.

Мне 45 лет. По-видимому просто это как-то неожиданно наступила старость. Зимой я чувствовал себя прекрасно, не мог нахвалиться на свое здоровье, как вдруг с середины апреля пошли у меня бессонницы и прочие нервные неожиданности, еще менее приятные, вскоре охватившие весь организм, с сердцем, кишечником и даже — мозгами, поскольку в последнем именно сосредоточен запас всяких навязчивых идей, дурных настроений и совершенно особенной, физически осязательной тоски. У меня нашли расширение сердца, разные невроты, велют бросить курить, выработать медленную (сенаторскую) походку, не /носит/ подымать тяжести и пр. и пр⁵. Я себя чувствую нехорошо и к тому же еще чудно, странно, т.е. не во всем себя узнаю. Однако эта тема отнюдь не интересная (хотя Вы и заметили наверное, что у меня изменился почерк). Я только хотел сказать, что написать Вам во время вместо Жени помешала мне эта неожиданная болезнь. — Мне верится, что я выздоровею. А в заключение, — я боюсь, что если письмо будет залеживаться, оно никогда не отойдет.

Будьте здоровы, спасибо еще раз за присылку рукописи. Как-нибудь еще раз напишу Вам о ней. А пока простите за промедленье и бессодержательность письма. Сердечный привет всем Вашим.

Ваш Б.П.

Датируется по почтовому штемпелю. Отправлено заказным из Москвы в Лондон.

¹ См. прим. 5 к №73.

² Ко времени написания №88 М.А. Булгаков (1891-1940) почти закончил (в достаточно «бурном» соавторстве с В.В. Вересаевым) пьесу «Александр Пушкин», которую по договору должен был поставить Театр имени Евг. Вахтангова, а не МХАТ. Пьеса ставилась во МХАТе в 1940-1950-х гг. под названием «Последние дни» и была впервые опубликована в этом варианте в 1955. Лишь в 1990 была издана последняя авторская редакция пьесы (Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 тт. Т.3. М.).

³ См. №77 и 79.

⁴ См. №87.

⁵ Пастернак отводит болезни 1935 г. и ее последствиям значительное место и в своей автобиографической прозе. См., например, «Люди и положения» [1956-1957] (Т.4. С.340).

89. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[22 июня 1935]

Дорогая Раиса Николаевна!

Отвечаю Вам наспех. Борис Леонидович вчера уехал на конференцию в Париж¹. За все большое спасибо. Письма Вашего не успел уже прочесть. Крепко Вас целую. Пробудет там недели две. Пишите на московский адрес.

Женя

Открытка. Датируется по содержанию. Отправлена 23 июня 1935 из Москвы в Лондон.

¹ Пастернак уехал в Париж на Международный конгресс писателей в защиту культуры (см. прим. 3 к №93) 21 июня 1935.

90. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. Пастернаку

Artillery Mansions
London S.W.1
25-6-35

Дорогой Борис Леонидович,

Мне хочется сказать Вам тысячу нежностей, как милому брату или сыну. Ну какая же в 45 лет старость¹? Не сдавайтесь, прошу Вас. Здесь в Англии в таком возрасте только начинают думать об обзаведении семьей и «хомом»². Не знаю, как мне Вас уговорить приехать сюда. Не для обзаведения новой семьей, конечно, напротив, привезите Вашу, ежели хотите. Я ей, конечно, буду рада. Поверьте, полная перемена обстановки — часто лучший

целитель. Настает время, когда всё «суета сует и томление духа»³ действуют на нас физически смертной тоской, тут-то и нужно как-нибудь отдохнуть-то от себя. Не то — крышка. Я вдалась в другую крайность: после сиротининского «смертного приговора»⁴, я сделалась очень легкомысленной: всё трын-трава. Каждый прожитый день — алтын на чай. Может быть и Вам немного такой легкомысленности не повредит. Не знаю. Но почему не попробовать? Вот приехали бы! Может быть мне кой-кого попросить о «выпуске» здесь в нашем посольстве?

У нас вдруг наступило лето, жара. Замечательно! Даже мумии в Британском музее повеселели.

Ю[рий] В[ладимирович] в Германии. Лечится от подагры⁵. Чуб в Ньюкасле по инженерным делам. Я одна работаю с Грыффием над «Английским Пушкиным». Ждем суждения Ф.Ф. Комиссаржевского. Он сейчас в Итали[и], вернется через месяц, другой⁶.

Надо ли говорить, что Ваше одобрение меня ободрило и очень тронуло вниманием. Именно, что при Вашем состоянии Вы все же нашли время и силы прочесть пьесу⁷. Даже не знаю, как Вас благодарить.

Теперь еще больше удивляюсь своей дерзости, когда такие опытные писатели, как Вересаев и Булгаков приступили к своей пьесе о нем с такой благоговейной осторожностью⁸. Я тоже вначале планировала так свою, но показалось неестественно и церковно-религиозно. Вероятно, просто потому, что у меня нет ни писательского опыта, ни таланта. Ничего кроме простого знания жизни. Не понимаю даже почему так тянет писать.

Я просила Женю, если возможно, достать для меня «Пушкин» Тынянова, т.е. попросить Тынянова прислать мне его рукопись для перевода на Английский язык⁹. Если вовремя сделать, то могут к юбилею¹⁰ ее напечатать. Принесет ли это материальную выгоду для автора и переводчика сказать сейчас не могу, но надеюсь, что книга будет иметь успех.

Я все надеюсь, что у Вас явиться [sic] желание приехать к нам на поправку.

Будьте здоровы, дорогой друг мой.

Простите за «скучно-каракульное» письмо.

Ваша Р.Ломоносова

Отправлено из Лондона в Москву. Получено Б.Л. Пастернаком после возвращения из Лондона в СССР.

¹ См. №88.

² Но́ме (англ.) — дом, домашний очаг.

³ Ср. ветхозаветную книгу «Экклезиаста», гл.1. ст. 2 и 4: «Суета сует, — сказал Экклезиаст, — суета сует, — все суета!», «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа!»

⁴ В воспоминаниях Ю.В. Ломоносова за май 1915 читаем следующее: «Под видом врачебного освидетельствования, нужного для получения отпуска, [врач] Михайловский уговорил Рису [Р.Н. Ломоносову] показаться профессору Сиротинину, который тогда в Петрограде считался первым специалистом по внутренним болезням. /.../ По словам же и самой Рисы и Михайловского, он подтвердил, что у нее органический порок сердца, но высказался за то, чтобы оставить ее жить в привычных условиях, тем более, что *жить ей осталось максимум пять лет* /.../ Сиротинин /.../ высказался против сердечных лекарств и курортов, а также против полной праздности. "Пусть немного работает, но не переутомляется, а главное, не раздражается". В соответствии с этим и я получил инструкцию не возражать Рисе сразу, сколь бы нелепые требования она не предъявила. А затем взывать к ее рассудку. Но я до этого уже давно дошел своим умом» (РАЛ MS.717.2.1.5). Имеется в виду, по всей вероятности, профессор Военно-медицинской академии Василий Николаевич Сиротинин, который впоследствии эмигрировал во Францию (см.: Переписка И.П. Павлова. Л.: «Наука», 1970. С.402, 404).

⁵ Ю.В. Ломоносов находился в Германии в июне—августе 1935.

⁶ Ф.Ф. Коммиссаржевский (1882-1954) — режиссер, брат актрисы В.Ф. Коммиссаржевской (1864-1910), в 1920-1930-е гг. работал в английских театрах, где, в частности, с большим успехом ставил пьесы А.П. Чехова (1860-1904). О встрече с Коммиссаржевским Ломоносова написала Ю.В. Ломоносову в письме от 4 июля 1935: «Вчера состоялся обед с Коммиссаржевским. Он очень интересный человек. /.../ Но сразу после обеда ему надо было уехать на час для каких-то деловых переговоров. Гриффиз повез его на своей машине и по дороге столкнулись с другой машиной. Никто не пострадал, но протокол и т.д. и затянулось до 12 час[ов] ночи. Гриффиз вернулся, но Ком[иссаржевский] все же пошел на свое свидание. Одним словом о "Пушк[ине]" переговорить не удалось» (РАЛ MS. 717.2.1.196).

⁷ См. №88.

⁸ См. №88.

⁹ Ко времени написания №90 первая часть романа Ю.Н. Тынянова (1894-1943) «Пушкин» уже была напечатана в журнале «Литературный современник» (1935. №1-4). Вторая часть вышла в том же журнале в 1936-1937. Судя по №101-103, Е.В. Пастернак в ответ на просьбу Ломоносовой высылала ей номера журнала, и в библиотеке Р.Н. Ломоносовой хранится неполный комплект журнала за 1935-1938, включая все номера (ср. №103), в которых печатались главы романа Тынянова. (В 1925 Ломоносова пере-

писывалась с Тыняновым по поводу его романа «Кюхля» (1925) — РАЛ MS. 717.2.312.

¹⁰ Столетие со смерти А.С. Пушкина широко отмечалось в 1937 в русской эмиграции и в симпатизирующих русской культуре западных кругах.

91. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. Пастернаку

Artillery Mansions
London S.W.1
Телефон
Victoria: 0723
29-6-35

Дорогой Борис Леонидович,

Сейчас получила открытку от Жени¹. Вы в Париже. Ужасно рада за Вас и также чисто эгоистически. Авось удастся Вас уговорить приехать к нам погостить. От Парижа до Лондона — два шага. Приезжайте очень прошу Вас.

Я тоже собиралась на эту конференцию: специально, чтобы послушать нашу секцию. И, возможно, выступить, если оказалось бы удобным, по поводу все увеличивающейся мемуарной литературы в Англии войно-восхвалительного характера. Еще 3 года тому назад такая литература не нашла бы ни издателя, ни читателя. Но закрутилась здесь и главное не хватило смелости вдруг ни с того ни с сего причислить себя к писателям.

У Вас, вероятной [sic], тьма друзей во Франции, Вас «фитируют»² и Вам не до меня, но когда немного освободитесь и захотите отдохнуть приезжайте к нам. Приглашение сами знаете — от чистого сердца. Притом же надо же нам, наконец, познакомиться... Как Вы думаете?

Я Вам на днях написала в Москву тоже прося приехать³. Но все же не считите за назойливость.

Сердечно Ваша

Р.Ломоносова

Отправлено из Лондона в Париж.

¹ №89.

² Fête (франц.) — чествовать.

³ См. №90.

[3 июля 1935]

LOMONOSOFF ARTILLERY MANSIONS WESTMINSTER
LONDON S W 1
= MALADE 3 MOIS TRAVERS LONDRES LE 5 OU 6
DEMANDEZ AMBASSADE = PASTERNAK = ¹

Телеграмма. Датируется по почтовому штемпелю. Отправлена из Парижа в Лондон.

¹ БОЛЕЮ 3 МЕСЯЦА ПРОЕЗЖАЮ ЛОНДОН 5-го ИЛИ 6-го ОБРАЩАЙТЕСЬ В ПОЛПРЕДСТВО. ПАСТЕРНАК (*франц.*). В письме к Ю.В. Ломоносову от 4 июля 1935 Ломоносова привела текст №92 и написала: «Значит ли это, чтобы узнать в посольстве, когда точно наша группа писателей, в которой и он, приедет в Лондон, или чтобы устроить ему разрешение остаться здесь на несколько недель отдохнуть по болезни, я догадаться не могу. Звонила /.../ сейчас в Посольство, прося свидания /.../, но там еще никого нет» (РАЛ MS. 717.2.1.196). Пастернак приехал в Лондон 4 июля 1935 (см. №93) и 6-го уехал на пароходе в Ленинград. О его пребывании в Лондоне, где состоялась первая и единственная встреча с Ломоносовой, см. №94—97.

93. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

Лондон
4.VII.

5 часов дня

Дорогая Раиса Николаевна

Сейчас мы звонили Вам из посольства несколько раз но Вас никого нет /.../ дома. По телефону, если бы Вы к нему подошли я сказал бы, что в ужасе и что для меня большое горе, что Вы в таком состоянии и виде увидите меня¹. Еще больше стыдно мне было бы перед Юрием Владимировичем² и Вашим сыном. Знаете ли Вы, что я послан был в Париж совершенно неожиданно против мой воли³? Да ведь я писал Вам незадолго до этого из Москвы⁴. А с тех пор мне стало только хуже. Пока я не знаю в какой гостинице мы остановимся, это будут знать в полпредстве.

Ваш Б.П.

На листе с вытисненным государственным гербом СССР. Год установлен по почтовому штемпелю. Отправлено из полпредства СССР в Лондоне в Лондон же.

¹ В письме к Ю.В. Ломоносову от 6 июля 1935 Ломоносова написала: «Позавчера приехал Пастернак с группой других. Он в ужасном морально-физическом состоянии. Вся обстановка садически-нелепая. Писать обо всем невозможно. Расскажу. Сегодня они все отплывают. /.../ Он даже газеты читать не в состоянии. Жить в вечном страхе! Нет, уж лучше чистить нужники» (РАЛ MS. 717.2.1.197).

² См. не дошедшее до Б.Л. Пастернака перед отъездом в Париж сообщение о том, что Ю.В. Ломоносов находится в Германии (№90).

³ Об обстоятельствах участия Пастернака в парижском конгрессе см.: Флейшман. С.236-266; Материалы. С.513-514.

⁴ См. №88.

94. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. Пастернаку

Art[illery] Mansions
London S.W.1
7-7-35

Дорогой Борис Леонидович,

Письмо это, вероятно, придет раньше Вас¹. Я так хочу от Вас услышать, что море было к Вам ласково, что Вы хорошо спали и, что чувствуете себя много, много лучше. Я всегда была на изъявлении чувств «глупа», но Вы знаете и без слов — Вы мне брат и сын. Почему-то верю, что мы скоро опять увидимся, и что З[инаида] Н[иколаевна] тоже будет с Вами. Кстати нельзя ли получить для Анг[лийских] Ваших поклон[ников] несколько Ваших и З[инаиды] Н[иколаевны] автограф[ов] ну хотя бы два. Я думала о них, но в суматохе Вашего отъезда вдруг забыла.

В газетах, что во Вторник приезжают сюда А.Н. Толстой и Бабель². Их, кажется, собираются чествовать. Жаль, что и Вы не остались. Но еще больше и по другой причине. — Сегодня утром «звонил» Dr. Rickman³, очень жалел, что Вы все же так скоро уехали и что он не смог повидать Вас еще 3-4 раза. Видно он Вас сразу полюбил. По его тону чувствовалось, что его интерес к Вам был много более чисто докторского. Он просил написать Вам, что он глубоко убежден, что Вы поправитесь, что Вы человек сильного духа, но надо Вам стараться обрасти кожей чуть потолще. Доктора и лекарства тут помочь могут мало.

Будьте здоровы, милый друг.

Чуб шлет Вам сердечный привет. Я тоже Зин[аиде] Ник[олаевне].

Всегда Ваша

Р.Ломоносова

Отправлено 8 июля 1935 из Лондона в Москву.

¹ См. прим. 1 к №95.

² А.Н. Толстой и И.Э. Бабель (1894-1941) тоже участвовали в парижском конгрессе (см.: Международный конгресс писателей в защиту культуры, Париж, июнь 1935: Доклады и выступления. М., 1936).

³ Джон Рикман (John Rickman; 1891-1951) — выдающийся английский психиатр, пионер фрейдистского психоанализа в Англии. Будучи квакером и только что окончив медицинский факультет Кембриджского университета, Дж.Рикман в 1916 вступил добровольцем в отправляющийся в Россию квакерский отряд по оказанию помощи жертвам войны (Friends' War Victims Relief Unit) и провел два года в Бузулукском уезде Самарской губернии, где женился на своей коллеге, американской квакерше Лидии Купер Льюис (Lydia Cooper Lewis; 1885-1971). Начало дружбы Ломоносовых с Рикманами и Льюисами (родителями жены Рикмана) относится к 1918, после приезда молодой четы из России в США по пути в Англию. Ломоносовы отдали своего сына в квакерский интернат Лэйтон Парк (см. прим. 4 к №3) по совету Дж. Рикмана, который сам учился в этом интернате в 1903-1910 и навещал Ю.Ю. Ломоносова там в 1921. Дж. Рикман был противником военной интервенции союзников в России и выпустил два пробольшевистских памфлета: «An Eye-Witness from Russia» (London: «The People's Russian Information Bureau», 1919 — сборник статей из газеты «The Manchester Guardian»); «Common sense and Our Russian Policy» (London: «Union for Democratic Control», 1919). Очерки о жизни русского крестьянства в 1916-1918, опубликованные Дж.Рикманом в американских и английских журналах в 1919, вошли в переработанном виде в кн.: Gorer G., Rickman J. The People of Great Russia: A Psychological Study. London: «The Gresset Press», 1949. См. также подробный некролог и список публикаций в «International Journal of Psycho-Analysis» (London). Vol. 33. 1952. P.54-60.

95. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

5.VIII.35

Дорогой мой друг Раиса Николаевна, без конца благодарю Вас за Ваши письма¹, привезенные мне в Ленинград Зиной и из Парижа одним из задержавшихся членов делегации. Я не раз, конечно, начинал писать Вам, но мои состоянья, которых Вы были свидетельницей, не столь интересная тема, чтобы можно было занимать Вас ими издали, как я это делал вблизи.

Мне не стало лучше на море, т.е. я не стал спать больше и чувствовать себя душевно, напротив, приехал человеком почти ненормальным, и думал застрять там надолго, потому что мне не хотелось в таком виде ни к кому из своих в Москве².

На третий день меня без адреса разыскала З[ина], и ее приезд перебросил меня из прежней крайности в новую. Если я последние месяцы недосыпал от каких-то причин депрессивных, то радость встречи с ней в первое время лишила меня совершенно сна именно потому, что разрушила часть мучивших меня в поездке химер, и выше нормы подняла мое настроенье.

Если у Вас есть возможность позвонить Мг.-у Rickman'у, горячо поблагодарите его за единственную в его лице поддержку, которую я получил со стороны медицины в эти глупые торжественные и несчастные для меня недели. Он поддержал меня, вопреки, тем, что сам мне страшно (как человеческое явление, со всем вечером, Лондоном и домом) *понравился*. Во-вторых же тем, что на мой вопрос, нельзя ли на все плюнуть и начать опять жить, как я привык раньше (до встречи с первым сердечником, нашедшим у меня расширение), одобрил этот план, как наилучший.

Мне хотелось бы сказать Вам, что я выздоровел, но пока это преждевременно. Выздоровел я душевно, т.е. избавился от печали и ложных страхов, так терзавших меня. Но зимнего, прошлогоднего состояния я еще не восстановил и спать по 6 ч[асов] в сутки стало очевидно для меня привычкой.

Вы и Rickman совершенно правы, — доктора и лекарства в моем деле помочь не могут. Корень болезни и средство избавленья от нее уясняются мне теперь постепенно с притоком жажды жизни и деятельности, вернувшейся лишь в последнее время.

Если я буду совершенно здоров, то лишь зимой, на новой квартире которую я добуду хотя бы из-под земли³ и сам обставлю, за работой, гораздо более независимой, чем те усилия на которые ушла вся прошлая зима, при общественном поведении, более резко расходящемся с моими компромиссами последнего времени в сторону /общего/ хорошо известного Вам нынешнего нашего единообразия. Потому что от этого-то ведь и заболел я в конечном результате, от утери собственной воли, постепенно вытесненной цепью ложных положений, протянувшихся с прошлогоднего съезда⁴ и, чем дальше, тем более неловких и фальшивых.

Мне страшно жалко, что Вы меня увидели именно таким. Все это сложилось как-то фатально. Особенно мне неприятно, что ради создавшейся последовательности и м[ожет] б[ыть] из чувства жалости, Вы не оставите моих писем без дружеских ответов, продолжая знакомство со мной по-прежнему, точно заочные Ваши представленья о человеке, оказавшемся на деле другим, и таким растерявшемся [sic] и ничтожным, не принесли Вам разочарованья.

Я же скажу Вам, что присоединился к партии, ехавшей через Лондон, только чтобы повидать Вас, — скажу точнее и правильнее: сознание невыгод моего состоянья меня не останавливало, при той простоте и естественности, которую Вы мне в отношении себя внушаете и всегда внушали.

Спасибо Вам за Лондон, спасибо за то, что не был он мукой и бессонным бредом, каким был бы без Вас. Я много рассказывал о Вас Зине, она уже как бы с Вами знакома. Т[ак] к[ак] она корреспондентка ничуть не более прилежная, чем Женя, то за нее передаю Вам ее благодарность и восхищенье частью того, что мы с Вами вместе выбирали, особенно серым костюмом (помните?). Остальное передано Жене и другим знакомым. Поблагодарю Вас горячо и за Женю, когда еще она раскачается. Я ее видел лишь совсем недавно, когда стал себя лучше чувствовать. Половина разговора была о Вас (мне теперь уже кажется невероятным, что я был в Лондоне, что мы виделись, что я видел двор Artillery Mansions). Почему-то мне верится, что мы еще раз увидимся при более для меня благоприятных обстоятельствах. Особенно горячо благодарю Вас за последнее письмо⁵, с упоминаньем о звонке Dr Rickman'a, м[ожет] б[ыть] даже и дружески вымышленном Вами ради моего успокоенья. И вообще, спасибо, спасибо. Я не дописывал начатых Вам писем, п[отому] ч[то] все ждал /перелома/ полного и окончательного перелома, и хотя он стал наступать по моем возвращеньи из поездки, мне все казалось недостаточным. Что же касается автографов⁶, то не делайте себе из них забот, или же замените своим собственным. Сердечный привет Ю[рию] Ю[рьевичу] и Dr. R[ickman'y].

Ваш Б.П.

[Приписка:]

Лично Ваши подарки (особенно заколдованные автомобильчики)⁷ пользуются большим успехом.

Отправлено 9 августа 1935 из Москвы в Лондон.

¹ №90-91 и 94.

² О пребывании Пастернака в Ленинграде см.: Материалы. С.514.

³ Об обстоятельствах получения квартиры в Лаврушинском переулке и переезде в нее в 1937 см.: Материалы. С.528 и сл.

⁴ См. №75 и 79.

⁵ №94.

⁶ См. №94.

⁷ Ср. конец №101.

Artillery Mansions
London S.W.1
15-8-1935

Дорогой Борис Леонидович,

Сейчас получила Ваше письмо¹. Большое спасибо. Мне за Вас было ужасно беспокойно. Думала, а если не овладеет собой и совсем разболеется, и все жалела, что не сумела Вас уговорить остаться на некоторое время здесь под наблюдением Д-ра Rickman'a. Может быть тогда и З[инаиду] Н[иколаевну] удалось бы выписать сюда при помощи нашего посольства. Одним словом мне все казалось, что я оказалась совершенно ни к чему не пригодной, не сумела Вам ничем помочь. А я вас крепко полюбила (жалость тут ни при чем, ибо вся Ваша болезнь — протест здорового духа, сильного, равнодушного, творческого) и ужасно рада, что повидала Вас и благодарна Вам, что приехали в Лондон хоть на два торопливо-неудовлетворяющих дня.

Dr Rickman говорит, что Ваша болезнь — борьба нескольких начал в Вас самих и, что он убежден, что Вы поправитесь, закалитесь в этой борьбе и Ваше творчество это сильно выразит.

Можете Вы прислать ему одну-две Ваши книги? Он будет рад Вашему вниманию, тронут /../ памятью о свидании, правда, довольно необычном, чтобы забыть.

Ю[рий] В[ладимирович] все еще в Германии. Чуб в отпуску. Гоняет на своем /../ мотоцикле по Швейцарии. Я одна, работаю с Hubert Griffith'ом над «Дуэлью» для англ[ийской] сцены. Выходит мелодраматично и неестественно. Он говорит, что так надо, иначе не поймут. Одним словом погодня [т.е. погоня] за театральным успехом. Махнула рукой. Пускай переделывает, как хочет². Скучно это. Из Москвы ответа нет³. Не знаю примут к постановке или нет. Если возьмут тогда обязательно приеду к репетициям. А главное подышать русским воздухом т.е. повидать Вас, Женю, познакомиться с З[инаидой] Н[иколаевной] и вновь завести дружбу с Женей малым. По временам страшная ностал[б]гия тянет домой, хоть и представление о нем у меня довольно смутное.

В ноябре собираюсь на месяц, другой в Рим, если итальянские пушки, вернее аэропланы, не начнут стрелять в Абиссинии⁴... Страшно, как бы это не оказалось Сараевым⁵... Всюду приготовления к войне... В Бога не очень верю. Ну а в существовании черта не сомневаюсь — Война — дьявольский театр, его забава. Не

знаю, читали ли Вы Mark Twain'a «The Mysterious Stranger» — это одна из наиболее грустных его вещей о человеческой глупости — войне⁶. Конечно, я знаю, что при капиталистическом строе — войны неизбежное явление этого строя, но все же дело не в одной экономике. Массовое или единичное убийство явление прежде всего глубоко безнравственное, дьявольское.

Вы угадали — от Жени ни звука, но вина и моя, давно ей не писала. Надеюсь она и Женя малый здоровы и веселы.

Юр[ий] Вл[адимирович] часто посылает внукам⁷ чеки на Торгсин⁸. Они получают нужными товарами. Могу вернуть Вам мой долг тоже таким способом. Может быть, когда будете обставлять новую квартиру — это пригодит/ь/ся.

Мы, наконец, решили выбраться из Art[illery] Mans[ions] мавзолея. Ни света, ни воздуха; жили в нем по инерции. Новая квартира около Британского Музея, самый верхний этаж, скорее мансарда, но большие комнаты, вид на весь Лондон (дымовые трубы) и пол-крыши отведено под балкон. Переедем, хотя не ранее Рождества, когда вернусь из Италии.

Все же адрес Artillery Mansions до 1/1/36 г. самый достоверный.

[Приписка 1:]

Выбрали серый костюм для З[инаиды] Н[иколаевны] Вы⁹. Вкус у Вас и умение сразу выбрать подходящие вещи гораздо лучше моего. З[инаида] Н[иколаевна] вероятно в нем очень шикарна, т.е. в костюме, а не вкусе. Совсем разучилась писать по-русски.

[Приписка 2:]

Совестно посылать Вам такие безграмотные каракулы. Простите если будет трудно читать

Всегда Ваша Р.Ломоносова

[Приписка 3:]

Я тоже чувствую, что давно знакома с З[инаидой] Н[иколаевной]. Раньше сердилась на нее за Женю, ну а теперь после Ваших рассказов о ней прошло. Обнимаю ее, как и Вас.

P.L. [sic]

Отправлено из Лондона в Москву.

¹ №95.

² Пьеса никогда не была поставлена в Англии.

³ В хранящемся в Музее МХАТ письме К.С. Станиславскому (Алексееву; 1863-1938) от 20 мая 1935 (К.С. №9108) Ломоносова предложила свою пьесу «Дуэль» для постановки. См. также №107.

⁴ В октябре 1935 началась война между Италией и Абиссинией (Эфиопией), которая кончилась длившимся до 1941 включением Абиссинии в состав африканской «империи» фашистской Италии.

⁵ Принято считать началом Первой мировой войны убийство 28 июня 1914 наследника австрийского престола в столице Боснии и Герцеговины Сараево.

⁶ «The Mysterious Stranger» (1916) — текстологически очень сомнительного характера посмертно изданная повесть американского писателя Марка Твена (Самюэля Клеменса) (Mark Twain/Samuel Clemens; 1835-1910), в 8-й главе которой речь идет о роли войны в истории человеческого рода.

⁷ У Ю.В. Ломоносова от первой жены (см. прим. 5 к №58) было двое детей: Марья (в замужестве Добровольская; 1898-1921) и Всеволод (1899-?). У М.Ю. Добровольской были сын Олег и дочь Вера, а у В.Ю. Ломоносова и его латышской жены Мильды был сын Андрей.

⁸ Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами.

⁹ См. №95.

97. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

10.IX[т.е. X].35

Дорогая Раиса Николаевна, я к Вам с просьбой: пришлите пожалуйста восемь фунтов на имя Зинаиды Николаевны, Москва, 19, Волхонка 14 кв.9, тем способом, как это практикуется. Я не думал, что это потребуется, и не знал, когда уезжал, что взваливаю на Вас еще новые, в будущем, заботы в придачу к доставленным. Надеюсь, это больше не повторится.

Опасенья Вашего письма оправдываются: Вам теперь наверное трудно будет попасть в Рим¹. Но зачем Вы взводите на себя напраслину? Вы потратили на Вашего жалкого знакомого столько времени и души, что это граничит со святостью, — чего Вам больше? А мы, если это Вам не неприятно, действительно может быть еще увидимся, я очень мечтаю о новой, т.е. о первой настоящей поездке на запад.

Не бойтесь переделок, вносимых в Вашу работу требованиями практики. Эти вторженья объективных факторов иногда бывают искусству на пользу. И, раз мы о нем заговорили, а меня причислят к этому ведомству, то — несколько слов о себе.

Мне уже представляются непонятной фантазмагорией страдания этого лета. Я не спал, или, хронически недосыпал, это будет вернее, больше 4-х месяцев. Хотя с переездом в Москву это

прекратилось, но только теперь именно и сказались результаты, и я спокойно, без душевных тревог занялся их ликвидацией, т.е. постепенным приведением здоровья в порядок.

Еще меня угнетает, и долго еще будет беспокоить внешний разрыв между тем, что обо мне по-попугайски затвердили, и что я на самом деле о себе знаю, т.е. между моим внешним, на непроверенных повтореньях чужих мнений основанном «успехе» [sic] и моей непроизводительностью последних лет. Мне бы хотелось жить своей истинной, пусть даже и бедной, жизнью, а не вымысленным, ложно приписываемым мне значеньем, которое изо дня в день ставит меня в положение фальшивой неловкости и отравляет мне существованье².

Ваша доброта или, например, трогательная вера д-ра Rickman'a в меня, как в пациента или случай психиатрической практики, кажутся редким счастьем в этой атмосфере узаконенного «сглаза», который, в конце концов, когда-ниб[удь] меня погубит. Спасибо же Вам и ему за Вашу непосредственность, лично Вы на месте и потом своими письмами меня сильно поддержали. В отношении Вас эти слова слишком слабы, как недостаточны и все мои нынешние движенья по адресу близких, и перед лицом жизни, и в отношении моих собственных задач. Все это м[ожет] б[ыть] изменится, надо успокоиться, окрепнуть, переменить множество вредных привычек.

На днях Женя с сожаленьем сказала, что нет от Вас давно вестей. Видимо она подозревает, не повлиял ли я как-ниб[удь] на Вас в неблагоприятном для нее духе. Я не думаю, чтобы даже и болезнь, обострившая мое чувство разлуки с Зиной, могла поставить меня в такое резкое противоречье с самим собою. /.../ Ничем, кроме друга, я никогда ей не буду, т.е. безразличным к ней и ее жизни, а тем паче каким-нибудь недоброжелателем /ее/ ни при каких условиях, стать не смогу. Всего скорее ее опасенья напрасны, и не получает она писем /верно/ потому, что сама их не пишет.

Иногда я вспоминаю Вас в итал[ьянском] ресторане, и как патрон с Вами здоровался и мальчик. Мне не верится, что все это было на самом деле. И мне страшно хочется весь Лондон еще раз, по-другому, повторить.

Сердечное Вам спасибо и такой же привет Вам и Вашей семье.
Ваш Б.П.

Месяц установлен по почтовому штемпелю. Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ См. прим. 4 к №96.

² См.: Флейшман. С.267 и сл.

98. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[20 октября 1935]

Дорогая Раиса Николаевна!

Огорчаюсь очень, что от Вас ни слова. Ждала что напишите [т.е. напишете] мне про Вашу встречу с Борис[ом] Леонидычем но Вы не написали и вообще от Вас ни строчки и не знаю я чем это вызвано. Я болталась 5 недель на юге, теперь взялась за всякие дела хочу «выходить в люди» т.е. выставляться¹, зарабатывать и т.д.

Крепко Вас целую, надеюсь, что Ваше отношение ко мне не испортилось² привет Юре и Юрию Влад[имировичу].

Ваша Женя

Датируется по почтовому штемпелю. Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ См. №100.

² Ср. №97.

99. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. Пастернаку

Artillery Mansions
London S.W.1
21-10-35

Дорогой Борис Леонидович,

На днях напишу по-настоящему, Жене тоже.

Очень нездорова. Внезапно наступили холода — простудилась.

Чек для З[инаиды] Н[иколаевны] прилагаю¹. Если нужно больше или вещами, пожалуйста, сообщите.

Ю[рий] В[ладимирович] и Чуб шлют Вам сердечный привет.

Всегда Ваша

Р.Ломоносова

Отправлено заказным 22 октября 1935 из Лондона в Москву.

¹ См. №97.

100. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

Дорогая Раиса Николаевна! Очень обрадовалась Вашему письму, но ответить хотела только когда найду книгу. Мне во всех книжных магаз[инах] отвечали, что нету, пока я только вчера толком не узнала, что такой книги нет. Булгаков написал сценарий для постановки по Вересаеву, но этого в печати нет¹. Я осенью чувствовала себя довольно хорошо была бодра и в работе. В конце ноября я участвовала в двух выставках. Мне было радостно и страшно, что теперь надо уже отвечать за себя.

25 ноября я захворала и пролежала 2 недели в гриппе, в это время ушла домашняя работница, пришлось еще больной встать и теперь я никак не могу оправиться, едва хожу, глядеть на меня тошно. Женичка тоже хворал, завтра первый раз пойдет в школу. Одинокая собака должна быть здорова. Крепко вас всех целую. Желаю здоровья и всех благ и радостного Нового Года.

Ваша Женя

19/ХІІ 35 г.

Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ См. прим. 2 к №88.

101. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

7/1 36 г.

Дорогая Раиса Николаевна! Я писала Вам, что в /пи/ Лавке Писателей мне ответили, что пьесы Булгакова по Вересаеву о Пушкине в печати нет и они не знают будет ли она, что ставят по сценарию. Я обязательно узнаю в каком журнале печатается Тыняновский Пушкин¹, сама я не читала. Вашу пьесу у Б[ориса] Л[еоновича] обязательно возьму, я не знала, что она у него, /думала что/ т.е. что она не отдана. Его здоровье немного /улуч/ стало лучше. Вижусь я с ним не часто, он начал работать, а от болезни осталась сосредоточенность на одном себе, он даже Женей почти не интересуется, может пройдет, пока же мальчик это замечает и считает что отец уходит все дальше из его жизни. По-

чему Вы так связываете свой приезд с постановкой² и с деньгами, я от всего сердца приглашаю Вас ко мне, а тут бы Вы и разобрались в Ваших театральных делах. Я буду очень, очень рада если В/ам/ы приедете /ко мне/; мне кажется, что я Вас так давно не видала, что у нас обоих уже, вероятно, нереальные представления друг о друге. Я ревную Вас к встрече с Борис[ом] Леонидовичем. Я до сих пор хвораю, несколько дней выхожу, а потом начинаю кашлять и приходится сидеть дома. Если я не путаю, то кажется есть известный кино-режиссер Гриффиц³. А как я с ним буду разговаривать⁴. У меня всегда очень большое чувство неловкости, когда надо отвечать на Ваше милое предложение нам что-нибудь прислать. Конечно очень хочется, какая женщина откажется от хороших штучек для красоты, от заграничных тряпок и шляпок. Но /м/ мне совестно Вы ко мне проявляете больше внимания, чем я пока заслужила, Вы присылали мне несколько раз чулки и я каждый раз собиралась с духом Вам написать, что они мне велики и стеснялась, у меня размер туфли 36, /36^{1/2}/ ⁴/₄ т.е. чулки вероятно 8 ¹/₂. Съестного (кофе, какао) не надо. Буду очень благодарна если Вы пришлете мне губную помаду. Несколько карандаш[ей] Koh-i[-]Noor 2В, /4В, НВ/⁵ Резинок для стирания карандаша и 2 тюбика масляной краски среднего размера Ultra-pan темн[ой]. Женичка Вас очень благодарит за автомобильчик и футбольный мяч, котор[ые] привез ему от Вас Борис Леонидович. Крепко Вас целую. Привет Юрию Владимировичу и Юре.

Ваша Женя

Письмо дурацкое и грязно неразборчиво написано, простите, но если я начну писать другое то отошлю через неделю.

Еще раз всех целую

Женя

Фотографий у меня нет. Если бы были конечно /похвасталась бы../ прислала бы.

Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ См. прим. 9 к №90.

² Ср. №96.

³ Е.В. Пастернак путает Губерта Гриффита с знаменитым пионером американского кинематографа Д.У. Гриффитом (D.W. Griffith; 1875-1948).

⁴ См. №103.

⁵ Разной степени твердости карандаши австрийской фирмы «Koh-i-Noor» («Кохинор») (по названию знаменитого бриллианта в коллекции британской королевской казны).

102. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

Дорогая Раиса Николаевна! Письмо Ваше получила, большое спасибо Вам и Юрию Владимировичу. Я опять несколько дней лежала, много я хвораю в эту зиму. Я очень радуюсь, что мне удалось достать 4 номера, а потом достану и дальше Литературн[ого] Современн[ика], где напечатан Тыняновск[ий] Пушкин, как только выйду его Вам отправлю. К Борису Леонид[овичу] я много раз приставала и он звонил Булгакову и Тынянову, когда тот был в Москве, вероятно Вам напишет, кажется тщетно. Вашей рукописи мне не дал п[отому] ч[то] ему надо ее кому-то дать. Очень хочу Вас видеть у себя в моей Московской жизни. Стараясь побольше работать. Крепко Вас целую.

Ваша Женя

Юрию Владимировичу и Юре привет.

Москва 2/II 36 г.

Отправлено из Москвы в Лондон.

103. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[3 февраля —
23 апреля 1936]

Дорогая Раиса Николаевна! Спасибо, Гриффитц все мне принес сам. Приход его был похож на сцену из театра или кино. Я с одной знакомой писала в это время обнаженную модель, и мы оставив работу, с кистями в руках стали все распаковывать и разглядывать. Я пригласила его к обеду и числа 9-ого он у меня был, случайно в этот день пришел и Борис Л[еонидович]. Кажется Гриффитц остался доволен.

Все что Вы прислали замечательно. Чулки потрясающе хороши. Теплое белье очень пригодиться [sic] в морозы котор[ые] у нас наступили, губная помада у меня была светлее, ярче, но и эта хороша, туфли по размеру хороши но у нас с таким длинным острым носом не носят, может /от/ мы от моды отстали. Все что Женичке тоже очень нужно и очень мне мне [sic] нравится (спасибо, что Вы столько внимания и ласки вкладываете в Ваши приветы) но пока велико останется до будущей осени. 4 номера журнала Вам отослали, у меня уже есть еще 5 номеров, только одного, где тоже продолжение Тыняновск[ого] Пушкина] пока не могу достать. Я Вам пошлю и те №№ где Тынян[овского] Пушкина] нет

может что-нибудь другое будет занятно. Крепко Вас целую. Юрию Владимировичу тоже большое спасибо, одна из больших резинок тут же была разрезана на 3 части и подарена.

Пишите пожалуйста Может Вам что-либо нужно, в апреле от нас к вам уезжает Камерный Театр¹ у меня там знакомые, могу [Приписка 1:] прислать

Ваша Женя

[Приписка 2:]
Женичка благодарит и кланяется

Датируется по содержанию и сопоставлению с №102 и 105. Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ Предполагаемые гастроли Камерного театра (Москва, 1914-1950) не состоялись (см. №105).

104. Р.Н. Ломоносова — Б.Л. Пастернаку

[На бланке:]
Members Writing Room
The Arts Theatre Club,
6 & 7, Great Newport Street,
London. W.C.2 /.../
15-4-36

Дорогой Борис Леонидович,

Каковы Ваши и З[инаиды] Н[иколаевны] планы на лето? Собираетесь ли к нам, как думали? Напишите, пожалуйста. А то вдруг внезапно приедете, а нас не будет в Лондоне. А мы вас ждем обоих очень.

Я и Женю с Женей малым звала. Но от Жени об этом ни звука. Должно быть ей не выбраться. Не знаю каковы у них с З[инаидой] Н[иколаевной] отношения, но мне легко было бы устроить, чтобы они не встретились... Женя и Женя малый, как-то свои, Вы тоже, хоть может быть по-иному. З[инаида] Н[иколаевна] пока чужая, но все-равно очень славная раз Ваша. И вовсе это не маниловщина, а от чистого сердца. У нас все еще зима. Как-то потеплело 2-3 дня — все зацвело. Ночью мороз. Жалко смотреть на деревья, цветы. Поверили ласке ненадежной весны — вот и расплата.

Проклятый холод выжал из меня остатки энергии... Никак не могу согреться. Думаю — крематорий вовсе не так плохо: согреют, /../ сожгут, рассеют пепел и делу конец.

А Юр[ий] Вл[адимирович] говорит — поезжай ты, Бога ради, в Калифорнию. А мне хочется в Тифлис или никуда. Работу забросила, даже не читаю. Живу паразитом.

Ваша Р.Ломоносова

Отправлено 16 апреля 1936 из Лондона в Москву.

105. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[24 апреля 1936]

Дорогая Раиса Николаевна!

Только что получила Ваше письмо и отвеч/у/аю Вам наспех. Я не писала п[отому] ч[то] все время хворала, бесконечный грипп. В результате пока ничего серьезного нет, но требуют чтобы я немедленно и основательно поправилась, а у меня вроде вашего на этот счет апатия. Я отослала Вам «Рукою Пушкина»¹. Камерный Театр не едет². В скором времени Вы получите деньги. Знакомый, который мне должен Вам перешлет, пусть у Вас будут на /слу/случай каких-либо моих просьб. К Вам приехать хочется, но не знаю захочет ли Борис Леонидыч похлопотать и что из этого получится. Если будете ему писать попросите его. /М/ В эти ближайшие дни мне надо решить где и как я и Женичка будем проводить лето, а /оттого/ от того, что я раскисла, от того, что мечтала все лето, все светлые дни использовать для работы плохо соображаю, плохо организую. Я Вам на днях напишу, а пока крепко целую.

Ваша Женя

Пишите, пожалуйста. Адрес Лидочки Пастернак, что у меня был, потерялся³. Спрошу и напишу.

Датируется по почтовому штемпелю. Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ В библиотеке Р.Н. Ломоносовой хранится экземпляр кн.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подготовка к печати и комментарий М.А. Цявловского, Л.Б. Модзалевского, Т.Г. Зенгер. М.: «Academia», 1935.

² См. №103.

³ См. №107.

[25 апреля — 8 октября 1936]
Одоев, /Московской области/

Дорогая моя Раиса Николаевна!

Опять я /в/ давно не пишу Вам. Вернувшись из Крыма я не застала от Вас письма и загорчалась, думая, что Вы может на меня за что-либо сердитесь. Я проводила Женичку с одной близкой пожилой дамой в дом отдыха и сама пробежав с неделю по делам тоже туда двинулась. В день отъезда получила Ваше письмо и огорчилась его грустным тоном. Борис Леонидович при встрече мне сказал, что ему теперь не до нашей поездки¹. Я попыталась сама позвонить кое-кому по телефону, но летом большинство Москвичей на дачах и в тот короткий срок я ничего не успела узнать. /а оставаться дольше в Москве значило терять столь с то/ Теперь я с Женичкой в доме отдыха под Тулой², 25 верст от станции, пробудем мы здесь до конца Августа. Я очень хочу Вас видеть, все не теряю надежду, что в нынешнем году увидимся. Сестра Б[ориса] Л[еонидовича]³ по-моему в Мюнхене, где летом собираются старики и дети. Родители может осенью приедут в Москву⁴. Моя приятельница, скульптор Лебедева⁵, котор[ая] для меня в Москве самый дорогой человек очень просила меня попросить Вас раздобыть по прилагаемому рецепту очки, котор[ые] ей так необходимы во время работы. Еще просьба, если Ваши знакомые согласятся взять ботинки для Женички №36 с ¹/₂ половиной и еще приложу обводку с его ноги. На всякий случай телеф[он] моей приятельницы Лебедевой и ее адрес, п[отому] ч[то] я хотя и оставила работницу /, но он/ у себя в квартире, но она глупа. /и ст/

телеф[он]

/К.О 78-93/ К.О. 78-93

Адрес

Страстной бульвар д.12, кв. 9 *Лебедева*

Крепко целую, жду письма.

Адрес. Одоев, Московской Области Дом Отдыха Союза Советских] Писателей

[Приложение:]

Стекло цельное с двумя фокусами. Если то позволяет рецепт — пошире в диаметре — круглые. Оправа, елико возможно легче.

Датируется предположительно по содержанию. Отправлено из Одоева в Лондон.

¹ См. №105 и 107.

² См. конец письма.

³ Т.е. Л.Л. Пастернак (ср. конец №105).

⁴ О возможном возвращении в СССР родителей Пастернака неоднократно говорилось в семейной переписке. Об этом см. также: Материалы. С.527 и сл.

⁵ Сарра Дмитриевна Лебедева (1892-1967) — скульптор, автор бюстов советских государственных деятелей, артистов, писателей (в том числе и Пастернака) и др. Лебедева также создала надгробную стелу Пастернаку на Переделкинском кладбище.

107. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[13 мая 1936]

Дорогая Раиса Николаевна!

С самой середины зимы я все собираюсь что-то сделать и выяснить, *и потом, наконец, написать Вам*, и т[ак] к[ак] первое намеренье, притом несколько неопределенное, все как-то не удается, или по пути видоизменяется, то я никак не прихожу к исполнению второго. Это началось еще с Сюзливановского календаря¹: за столькое следовало поблагодарить Вас!

Тогда зимой я выяснял у Булгакова, где достать его пьесу о Пушкине. Оказалось они (с Вересаевым) ее еще только пишут. Но тогда же, в разговорах с женой Булгакова², был приятно я обрадован, (разказав ей, для кого мне Пушкин нужен) тем, что они, по пьесе и Мхату, о Вас знают. От нее я узнал, что Станиславскому Ваша пьеса нравится, а Немировичу³, кажется, меньше. Первое было огромной радостью для меня, и теперь Вы меня спросите, отчего же я с Вами этой радостью не поделился? /Я еще/ Причины этой странности у меня еще в памяти, но они ничего не объяснят Вам, если Вы не следили хоть немного за особенностями истекшего нашего сезона. Я предполагал, не спрашиваясь Вашего согласия, дать Вашу вещь на прочтенье в Вахтанговский театр⁴, от себя, на пробу, без всяких с их стороны обязательств.

Но тут вскоре с бедного Шостаковича началась серия разносов, обошедшая все, хоть сколько-нибудь заметное и положительное во всех отраслях искусства⁵, и если бы даже мне не оказали этой чести, все равно, довольно было и того, что делалось (и еще делается) с товарищами, чтобы прийти, сначала в замешательство, а потом, по исчерпанном терпении, и в раздражение. Все спуталось, никто ничего не понимает, и все чего-то боятся. Как бы

ни относился к этому я, во всем этом приятного мало. Я на эту тему распростаняться не буду. Хочу только сказать, что ни о себе ни о Вашей пьесе, ни о чем бы то ни было другом, связанном с предвиденьями и возможностями в *этой* области, речь, если и будет, то не в этом письме. Вообще, я в молчании своем зашел так бессовестно далеко, что если бы думал отчитаться одним письмом сразу, задача меня бы отпугнула, и я бы за него не взялся. Если я /пред/ преодолел этот страх, то в надежде, что это еще не *то* письмо, а временное к нему предисловие, а *то*, другое, будет еще написано, вслед за этим, деловым и торопливым.

Итак, по трем пунктам.

а) Поблагодарил ли я Вас своевременно за денежный перевод⁶? Честное слово, я не /../ помню, и по всем естественным законам надо бы думать, что да, но т[ак] к[ак] я в этом не уверен, то простите меня пожалуйста, если этого не случилось. Тут же просьба: не делайте для себя, даже ради меня, *grand chose*⁷ из трудностей существующих для меня между Женей и З[инаидой] Н[иколаевной], и пока неразрешимых. Я был к ним очень чувствителен, когда был болен: но ведь здоровым я себя именно тогда не выдавал. Если что можно что [sic] сделать с наблюдениями тех дней, то только забыть их. Выводов же из них делать нельзя, как из любого другого бреда. Всего приятнее мне была бы полная с Вашей стороны свобода в этом смысле и когда даже по случайным причинам (незнание З[ины]) Ваши симпатии склоняются в Женину сторону, меня это только радует. Вообще только в бреду можно было думать, что обстоятельства этого рода могут иметь какое бы то ни было значенье, кроме только одного, чтобы несколько близким было хорошо в той мере, в какой их взаимная непримиримость допускает, а сыну моему, когда это будет можно, и вне этой меры. В остальном же все эти вещи второстепенные: пришла старость, силы и годы жизни на счету, время же, не раз и раньше задерживавшее многих в их деятельности и /действиях/ развитии, дарит все новыми загадками. И чтобы не пришлось умереть с чувством, что жизнь прожита даром, надо с[к]возь все эти загадки прорваться несмотря ни на что. Для этого нужны нечеловеческие силы, но только это лишь и осталось. (Как однако же затянулся этот пункт а).

б) Вот адрес моей сестры: Dr L. Pasternak-Slater 170a Church Street, Kensington, London W.8. Я ей не писал целую вечность, и чтобы она не обиделась, пишу наспех, чтобы опередить Вашу встречу.

с) Надо ли говорить о чувствах, которые естественно вызывает Ваше гостеприимство по отношению к Жене и Женичке⁸? Но

вполне ли Вы все это взвесили, не слишком ли они стеснят Вас? Если Вы на это идете всерьез, я прозондирую тут почву насчет паспорта. Наперед ничего не могу сказать, хотя понимаю, как Вы нуждаетесь в определенности. Шансов на удачу почти никаких, процедура выяснения (до отказа) протянется очень долго, но — чем черт не шутит. В случае /варьянта/ неудачи, в виде варьянта на будущий год, оставлю надежду на свою собственную поездку, вместе с сыном, — если только этот год проведу плодотворно.

Итак по-видимому я у цели: Я исписал Вам 8 страниц и ничего не сказал, что и требовалось доказать.

Вы, замечательный человек, — сколько раз повторять Вам это. Знаете о чем я сожалею? Последние 5 лет мы дико тут пронаивничали, мы, Булгаковы всякие и Федины и Шостаковичи. И этих лет никто не вернет нам. И времени мало. А что делать? А потому и Рикман, сердечно ему кланяйтесь, во всем он был прав, — Вы понимаете?

Ах, ах, как совладать со всем этим? Горячо желаю всего лучшего Вам и Юрию Владимировичу и Юрию Юрьевичу.

Ваш Б.П.

Датируется по почтовому штемпелю. Отправлено заказным из Москвы в Лондон.

¹ Возможно, календарь с репродукциями работ английского художника Эдмунда Салливана (Edmund Sullivan; 1869-1933).

² Елена Сергеевна Булгакова (урожд. Нюрнберг/Нюрнберг, в 1-м браке Неелова, во 2-м Шиловская; 1893-1970), 3-я жена М.А. Булгакова.

³ Вл.И. Немирович-Данченко (1858-1943). В Архиве МХАТ хранится письмо Ломоносовой к Немировичу-Данченко от 26 августа 1937. (Н.-Д. №8580), в котором речь идет, в частности, о предполагаемой английской постановке пьесы «Дуэль».

⁴ В 1926 III Студия МХТ была переименована в Государственный театр им. Евг. Вахтангова в честь выдающегося режиссера Е.Б. Вахтангова (1883-1922).

⁵ Речь идет о кампании против «формализма» в искусстве, которая началась с направленной против Д.Д. Шостаковича (1906-1975) статьи «Сумбур вместо музыки: Об опере "Леди Макбет Мценского уезда"» (Правда. 1936. 28 января).

⁶ См. №99.

⁷ Здесь: «не делайте... проблемы» (франц.).

⁸ См. №104 и 106.

9/X [1936]

Москва

Дорогая Раиса Николаевна!

Уже /две недели/ давно, как я в Москве. От Вас ни слова. Здоровы ли Вы. У Б[ориса] Л[еонидовича] Слава Богу никаких непр[и]ятностей, он здоров и прошлогоднее нервное заболевание прошло совсем, но /пот/ требования его жены возрастают как в сказке о Рыбаке и рыбки. Шести/к/-комнатная дача-особняк¹ теперь требуется машина и квартира, все это ему не по душе, но тем не менее весной он подчинился, а потому ему было не до нас. Его за лето опять очень потянуло к Женичке и ко мне, он прожил у нас несколько дней и так естественно и без труда вошел в нашу жизнь, как будто случайно был в отлучке. Но несмотря на то, что по его словам ему осточертела та жизнь у него никогда не хватит мужества с ней порвать и он зря меня мытарит возвращая опять /к/ мои мысли и привычки. Жду от Вас письма. Из моих просьб остаются в силе очки для Лебедевой² и для меня туфли 36 номер т.е. повашему 4 1/2 хочется чтобы были красивые на высоком каблуке, черные вечерние, /для театра но/ Женичке же малому ботинки я купила, а потому можно *не* присылать. Крепко целую

Ваша Женя

Приедете ли Вы к нам? У меня для Вас есть книга Пушкин письма Том III 1831-33 г. издание Academia 1935 г. под редакцией Модзалевского³. Послать ли ее Вам. Простите за грязи и каракули. Я опять всю осень хворала — Воспаление надкост[т]ницы надо рвать зуб.

Крепко целую, жду письма

Ваша Женя

Привет Юрию Владимировичу и Юре.

Год установлен по содержанию. Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ Летом 1936 Пастернак получил через Литфонд дом в подмосковном писательском поселке Перedelкино.

² См. №106.

³ В библиотеке Р.Н. Ломоносовой хранится экземпляр изд.: Пушкин [А.С.]. Письма. Т.3: 1831-1833/ Под. ред. и с примечаниями Л.Б. Модзалевского [сына знаменитого пушкиниста Б.Л. Модзалевского; 1874-1928] М.; Л.: «Academia», 1935.

109. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[10 октября — декабрь 1936]

Дорогая Раиса Николаевна!

Мне так стыдно, что я всегда запаздываю с ответом. Я все получила, большое спасибо. Лебедева не знает как и благодарить за очки, они очень хороши, о лучших и мечтать нельзя. Мне теперь остается просить у Вас только жениха. Ярросу¹ все передала. Борису Леонидовичу привет передала, он работает над прозой². А я пишу маслом портрет 20 летнего чемпиона по боксу. Крепко Вас целую, благодарю, жду обещанного длинного письма

Ваша Женя

Датируется предположительно по содержанию.

¹ Младший брат Виктора Ярроса (о нем см. прим. 8 к №20), Григорий (1882-1965), в 1917 был корреспондентом американского агентства в России, где женился на бывшей террористке М.М. Школьник (1882-1955). В 1924 окончательно переехал в СССР, где занимался журналистикой и педагогической деятельностью. (Группа американцев, приехавшая в СССР в 1929, посетила школу, которой руководила М.М. Школьник, — см. прим. 2 к №35).

² См. прим. 7 к №71.

110. С.Д. Лебедева — Р.Н. Ломоносовой

[10 октября — декабрь 1936]

Дорогая Раиса Николаевна

Бесконечно Вам благодарна что заказали мне очки Я прямо ожила. Жалко что не могу поблагодарить лично

С.Лебедева

Написано на одном листе с №109. Датируется предположительно.

111. Е.В. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[26 февраля 1937]

Дорогая Раиса Николаевна!

Уже два месяца как я больна и не выхожу из дому. Еще Новый Год встречала в постели. У меня был какой-то воспалительный процесс ап[п]ендикс[а], была вероятность что и брюшина задета, в общем я пролежала 6 недель, встала походила 5 дней, потом

опять велели лежать, но на второй день моего лиге-кура¹ у Женички поднялась в 1 ч [асу] темпер[атура] до 40,2, рвота и я забыв о своих болезнях помчалась искать телеф[он] (у меня телеф[она] нет) вызывать врача. С тех пор я о себе забыла. Сегодня у Женички уже нормальная темпер[атура]. 3 врача не могли определить что у него было, вероятно небольшое отравление, переволновалась я очень. [перечеркнуто три слова] А письмо Ваше получила вчера. Большое Спасибо /но/ С Борей я за время болезни поругалась, а сегодня узнала, что у него неприятности² и мне конечно его очень жалко. Нам абсолютно ничего не присылайте. Когда начну выходить узнаю вышел ли 2-ой и 4-ый том писем Пушкина³ и конечно вышлю их Вам. И я и Женичка все Пушкинские торжества⁴ пролежали в постели Крепко Вас целую

Женя

Датируется по почтовому штемпелю. Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ Liegekur (нем.) — постельный режим.

² См.: Материалы. С.531-532.

³ После выхода т. III (см. прим. 4 к №108) данное издание прекратилось.

⁴ См.: Материалы. С.531-532.

112. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

1.VII.37

Дорогая Раиса Николаевна, мне давно хочется написать Вам, но я не знаю как это сделать.

Когда пришли Ваши дети на собаках, тюлени, белые медведи и блестящие вырезки, где рассказывалось, кто Вы, и какую живую, захватывающую пьесу для детей /Вы/ написали¹, что должны Вы были думать, когда Вас не поздравили телеграммой, а потом потянулись дни и месяцы, и Уоллеровский Петушок пришел², а дни по-прежнему проходили, и месяцы сложились [перечеркнуто 2-3 слова] в полугодье, глухое, беззвучно равнодушное, точно на свете не стало дружбы и простой восприимчивости, и /../ всегда пишутся удачные пьесы и каждый день взрываются похвалами Обсервер, Сандей Рефери и Рейнольдс Ньюс³.

Ах как трудно это объяснить на расстоянии, да и вправе ли я взывать к Вашей догадливости, если никакой радости, даже в случае ясновиденья, это зрелище Вам не даст. Но когда-нибудь расскажу я Вам..., начну и не кончу. Только бы дожить.

Писать же письма, откровенно говоря, так трудно, что когда я задумываюсь о Франции и двух-трех милых мне там людях⁴, я берусь за чтение истории Мишле⁵, а когда вспоминаю Вас, сажусь за Маколея⁶. Станный способ общенья, не правда ли?

И потому лучше поговорим о Вас. Ну какая же Вы, однако молодчина! Что-то вроде Конрада⁷, да еще притом на подмостках. Как теперь за Вами угнаться? Тем не оценимеей, что Вы еще помните нас. Чем Вы теперь заняты, что задумываете? Напишите мне, но по возвращении домой, или еще откуда-нибудь, а не с курорта, где сейчас находитесь⁸.

Что же все-таки сказать Вам о себе? Мне сейчас не верится, что все то, чему Вы были свидетельницей⁹, было со мною. Это было от тоски. Мне тогда казалось, что весь свет сошел с ума, и я тихо и скучно последовал его примеру. Теперь я знаю, что это не так, и это такая радость, такое облегчение. И хотя в личном плане сейчас куда больше причин, чем два года назад, впасть в тупой и беспросветный идиотизм, но что значит личный план перед общечеловеческим?

Когда-нибудь я опять еще буду принадлежать себе, своему уху и глазу, вкусу и убеждению. Только так ведь и можно дать что-нибудь стоящее. И если на время я утратил эту способность, и время затягивается, что могу я больше, чем верить и надеяться. Никогда я /не./ не чувствовал себя так бодро и не знал такой душевной ясности, как эти последние полтора года; никогда, в отдельные вынужденные моменты, так не презирал себя: до того стала физически несбыточной и технически неисполняемой честность и верность себе, даже на деле, в осуществленном поступке. Это как писанье на воде или по воздуху. Следа не остается.

Будьте же счастливы и здоровы. Желаю Вам продолженья Ваших успехов. Всякое Вам спасибо за Женю. Сердечный привет всем Вашим. Отправляю простым, известите о получении.

Ваш Б.П.

Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ 28 декабря 1936 в лондонском театре Герцога Йоркского (Duke of York's Theatre) состоялась премьера музыкальной пьесы для детей «Eskimos Aho!» («Эй, эскимосы!»), написанной в 1935-1936 Ломоносовой и композитором, поэтессой и переводчицей Ханной Брайант (Hannah Bryant, в замужестве Аткинсон/Atkinson, литературный псевдоним Уоллер/Waller) (РАЛ MS.717.1.6.1-4). Несмотря на в основном одобрительные отзывы театральных критиков лондонских газет (РАЛ MS.717.1.6.11-25), пьеса продержалась на сцене меньше недели.

² См. прим. 3 к №73 и выше прим. 1.

³ Вырезки из названных лондонских газет («Observer», «Reynolds News», «Sunday Referee») хранятся в РАЛ MS. 717.6.14, 23-25.

⁴ По всей вероятности, М.И. Цветаева и ее семья.

⁵ Жюль Мишле (Jules Michelet; 1798-1874) — французский историк, автор фундаментальных трудов «Histoire de la France» («История Франции»), 6 тт. 1833-1846; и 12 тт. 1855-1867; и «Histoire de la Révolution française» («История Французской революции») 7 тт., 1847-1853.

⁶ Томас Маколей (Thomas Macaulay; 1800-1859), английский историк и политический деятель, автор фундаментального труда «The History of England» («История Англии»). 5 тт., 1849-1861.

⁷ Джозеф Конрад (Joseph Conrad — наст. фамилия Корженёвский/Korzeniowski; 1857-1924), поляк, ставший известным английским писателем.

⁸ В мае—августе 1937 Ломоносовы находились в Германии, и Раиса Николаевна провела первую половину июня в курорте Шахен (Schachen).

⁹ См. письма 1935 о болезни Б.Л. Пастернака и пребывании в Лондоне.

113. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

[март 1938]

Дорогая Раиса Николаевна!

Не осудите, если после столь долгого молчания я с места в карьер обращусь к Вам с просьбой, да еще в тоне веселой торопливости, странной в наше серьезное время.

Пришлите мне, пожалуйста, катушку свежего английского пластыря, такого, какой употребляется при лечении пупочной грыжи у грудных детей, по почте или как хотите, лишь бы поскорее, по нашему новому адресу. Москва 17, Лаврушинский пер[еулок], д.17/19, кв. 72, Зинаиде Николаевне Пастернак.

У нас родился мальчик¹, и представьте себе, без всякой натяжки, [перечеркнуто 3-4 слова], ровным счетом в новогоднюю полночь (точно в 12 ч[асов] минута в минуту!), так что и выписку ему дали, как родившемуся в 0 часов 1-го янв[аря] [19]38 г., и о нем говорят, что он не просто явился на свет, а свалился в бокал с шампанским.

С первого мига он стал приносить мне счастье. Сейчас ему третий месяц. Он очень славный и немного в деда², в честь которого назван Леонидом. Но м[ожет] б[ыть] именно в виду оригинальности часа, который он избрал для начала житейского попри-

ща ему, чтобы не испортить рекорда, второпях как-то неряшливо срезали пуповину, и теперь эта небольшая грыжа — единственный изъян этого, в остальном здорового оптимиста. Для ее излечения нужен пластырь, который можно оставлять неделями, /../ и такими качествами обладает обыкновенный англ[ийский] пластырь, если он только не залежавшийся, наши же именно из старых запасов, и через два дня дают раздраженье, после чего их надо снимать.

Новогодние каникулы Женя с Женичкой проводила в пустом доме на даче, где я провел два последние года. Кроме них там был наш жилец и знакомый, дальний родственник первого Зинина мужа, /../ очень красивый молодой человек³. [перечеркнута фраза в 3-4 слова] У них завязался роман, после чего он скоро переехал к ним в Москву, на Тверской буль[вар]. Женя очень счастлива с новым мужем, рад и Женек, всегда болевший за нее, мне же кажется, что это наколдовал им мой пупс в шампанском, которого я все равно мыслил примирителем. Вот одна из множества неожиданностей, связанных с его рождением. Сердечный привет Юрию Владимировичу и Юрию Юрьевичу. Простите,

[Приписка 1:]

что обрываю письмо на полуслове. Мне хотелось, чтобы

[Приписка 2:]

оно содержало только деловую просьбу, и не хочу забалтываться. Целую Вашу руку.

Ваш Б.П.

Датируется по содержанию. Отправлено из Москвы в Лондон.

¹ Леонид Борисович Пастернак (1938-1976).

² Л.О. Пастернак.

³ Речь идет о ставшем вторым мужем Е.В. Пастернак инженере по автомобилям Дмитрие Владимировиче Лясковском.

114. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

14.IV.38.

Дорогая Раиса Николаевна!

Пластырь получил¹, и, вероятно — моя вина. Я не написал, что можно обыкновенный английский, как при порезах, чем и задал Вам хлопот. Присланное просто какое-то чудо века и многим лучше того, что нужно. [перечеркнуто предложение из 5-6 слов]

Тем горячее мое Вам спасибо за быструю помощь, чудная, чудная Вы, дорогой и отзывчивый друг.

Я и все домашние, благодаренье судьбе, здоровы. Жёне на днях делали операцию (что-то женское, несложное). Сделали удачно, она в больнице, через неделю выпишется.

Прошлой зимой, живя на даче, я медленно и понемногу писал роман². Его скука меня не отпугивала, а работа над ним доставляла удовольствие. С переездом в город на новую квартиру, рождением ребенка и множеством других перемен его пришлось оставить ради более мелкой и быстрее окупающейся работы. Я об этом не жалею, потому что иногда полезно бывает забыться, оглушая себя чем-нибудь упорным, быстро чередующимся и почти ремесленным.

Я сейчас много перевожу, кого и что придется. Тут и какой-нибудь грузинский поэт³ или кто-нибудь из революционных немцев⁴, и Верлен⁵, и французские символисты, и Ганс Сакс XVI века⁶, и кто-нибудь еще. Между прочим займусь и англичанами для одной антологии⁷, еще не знаю кем, вероятно Китсом⁸, Байроном⁹, м[ожет] б[ыть] Бле[й]ком¹⁰, м[ожет] б[ыть] даже Спенсером¹¹.

У меня изменился почерк и это постороннее обстоятельство так стесняет при переписке, что отбивает охоту писать. Поэтому простите, что я так отрывист.

От всей души желаю Вам здоровья и счастья, Вам и всем Вашим. Еще раз сердечное спасибо за посылку. Надеюсь Вы вспомнили, что у меня еще недополучено за кое-какие переводы, воспользовались этим, и сами не тратились, что, разумеется, не умаляет неценности Вашей услуги. Хочется написать Вам по-настоящему. Как-нибудь в другой раз¹².

Преданный Вам

Б.П.

Отправлено 17 апреля 1938 из Москвы в Лондон.

¹ См. №113.

² См. прим. 7 к №71.

³ Из многочисленных грузинских поэтов, произведения которых переводил Пастернак, по времени публикации подходит Симон Чиковани (1902/3-1966), стихотворения которого в переводе Пастернака были опубликованы в журнале «Новый мир» (1938. №4).

⁴ Возможно, что имеется в виду проживавший в 1935-1945 в Москве немецкий поэт Иоханнес Бехер (Johannes Becher; 1891-1958), стихотво-

рение которого «Лютер» в переводе Пастернака было опубликовано в «Литературной газете» 30 июля 1938.

⁵ Поль Верлен (Paul Verlaine; 1844-1896) — французский поэт. В переводе Пастернака стихотворения Верлена публиковались в московских журналах «Красная новь» (1938. №8) и «Новый мир» (1938. №8).

⁶ Ганс Сакс (Hans Sachs; 1496-1576), немецкий поэт. Произведения Сакса в переводе Пастернака публиковались в журнале «Красная новь» (1938. №9).

⁷ Возможно, что речь идет о сб.: Пастернак Б. Избранные переводы. М.: «Советский писатель», 1940, в который вошли переводы произведений большинства из перечисленных в №114 поэтов (Байрон, Бехер, Верлен, Китс, Сакс).

⁸ Джон Китс (John Keats; 1795-1821), английский поэт. Стихотворения Китса в переводе Пастернака публиковались в «Литературной газете» (1938. 31 декабря) и в журнале «Огонек» (1939. №11).

⁹ Джордж, Лорд Байрон (George, Lord Byron; 1788-1824) — английский поэт. В переводе Пастернака «Стансы к Августе» Байрона были опубликованы в журнале «Новый мир» (1938. №8).

¹⁰ Уильям Блейк (William Blake; 1757-1827) — английский поэт. Пастернак не перевел произведений Блейка.

¹¹ Эдмунд Спенсер (Edmund Spenser; ок.1522-1599) — английский поэт. Пастернак не перевел произведений Спенсера.

¹² После №114 сохранившаяся переписка обрывается на 8 лет.

115. Б.Л. Пастернак — Р.Н. Ломоносовой

Милый мой друг Раиса Николаевна! Когда Mrs Walker¹ зашла ко мне без письма от Вас, это мне было как нож в сердце. Я спросил ее однако обо всех Вас и /../ рад был узнать, что Вы и Юрий Владимирович и Юрий Юр[ьевич] здоровы. Ужасная неловкость получилась, когда Mrs W[alker] спросила, не надо ли нам прислать чего-ниб[удь] из предметов питания или еще чего ниб[удь]. Мы ни в чем решительно не нуждаемся, спасибо, — но когда об этом зашла речь, я или Зина, теперь не помню, кто, сказали, что вот если, пожалуй, что-ниб[удь] из одежды, это было бы нужнее и имело бы больше смысла. И вдруг — целый гардероб от сестры² и эта масса новых платьев от Вас! Можете себе представить общий восторг и как мы вне всяких выражений Вам благодарны! Особенная удача коричневое вязаное новое платье, кот[орое] взяла себе Зина, — оно прямо на нее! Итак — спасибо, спасибо, спасибо! Больше ничего не нужно!!!

Я все еще продолжаю верить, что когда-ниб[удь] более нормальным образом попаду в Англию и на более долгий срок. Как бы мне хотелось Вас еще раз в жизни повидать! У Вас наверное осталось обо мне ужасное воспоминание, как о каком-то жалком идиоте³, — все бывает.

Если у Вас будет интерес и время, достаньте пожалуйста у Лиды мою статью о Шекспире⁴, мне там хотелось кое-что сказать.

Опять ничего не удастся сказать в письме, но теперь по совершенно новой причине. Когда-то ничего нельзя было написать, п[о-тому] ч[то] мешали политические условия. Теперь я не обращаю на них внимания. Теперь в жизни, в разговоре и в письмах не общаешь ничего существенного потому что настало время сказать главное, а оно еще не сказано, и за его отсутствием все остальное несущественно и неинтересно.

Но оно будет сказано. Мне очень хорошо. Я весь в будущем и живу им.

Зина Вас очень хочет узнать. Женя Вам кланяется. Всего лучшего Вам и Всем Вашим.

Ваш Б.П.

26.VI.1946

Отправлено с оказией из Москвы в Оксфорд и оттуда переслано в Лондон.

¹ Возможно, знакомая оксфордских Пастернаков.

² Л.Л. Пастернак-Слэйтер.

³ См. письма 1935 о болезни Б.Л. Пастернака и пребывании в Лондоне.

⁴ По всей вероятности, речь идет о статье «Мои новые переводы» (Огонек. 1942. №47).

116. Л.Л. Пастернак-Слэйтер — Р.Н. Ломоносовой

[30 декабря 1952]

Дорогая Раиса Николаевна!

Ужасно удручило меня известие о кончине Юрия Владимировича — и не только само по себе, но и, главным образом из-за Вас, бедной! Понимаю как — особенно тяжело и больно Вам верно то, что Вы не были при нем в это время!¹.. Но ведь помочь никогда нельзя — *каждый* человек умирает одиноко и одиноким —

как бы ни любим он был; и мы бессильны помочь чем-либо конкретным. Единственное, что, может быть, *существенно* — это — *не* конкретное, т.е. — общение мысленное, предчувствия, молитвы, желанья, — а в этом, я уверена, Вы всегда были с ним и при нем. Простите что пишу так глупо, и не в этом вовсе дело, только ужасно мне Вас жалко, и не знаю как Вам помочь. Разве что — тем же? Спасибо Вам большое за трогательную посылочку — что же Вы себя обобрали! Ведь у Вас же верно ничего сладкого не осталось²! Дети, т.е. мальчики³, прекрасно помнят Ю[рия] В[ладимировича], его шутки и остроты, и всего его. Все мы искренне сочувствуем Вашему горю, и очень хотели бы как-нибудь приласкать и утешить Вас. Приехали бы Вы, правда, к нам, на недельку — все же хоть поговорить можно было бы — А привыкнуть — да, никогда не привыкнешь к мысли этой. Я до сих пор никак не могу почувствовать, что мамочки⁴ нет — все кажется, что просто она в другом городе; и когда мы уезжаем куда-нибудь, а потом возвращаемся «домой» — всегда поражает меня такая гнетущая пустота, т.е. *отсутствии* кого-то — конечно это отсутствие мамочки и папочки⁵, которые так всегда заполняли и «осмысливали» всю нашу жизнь... Потом повседневная жизнь, заботы, работа, так засасывают, что привыкаешь опять, но после каждой отлучки — опять то же самое и с той же прежней силой... Ну, да может так и лучше. И все равно ведь ничего мы не знаем и не понимаем, и знать не можем, пока сами не умрем. А пока надо жить. И Вам тоже! Значит — надо есть и спать, и заботиться о себе и т.д. Делаете ли Вы это? Есть ли там у Вас кто-нибудь кто заставляет Вас заниматься повседневной ерундой? Очень важно, чтоб кто-то все время Вам надоедал и не давал времени думать и вспоминать!

Крепко, крепко Вас целую, — да хранит Вас Бог!

Ваша Лида

Дата установлена по почтовому штемпелю. Отправлено из Оксфорда в Лондон.

¹ В 1948 Ломоносовы поехали в США, чтобы устраивать свои запутанные финансовые и юридические дела и повидаться со многочисленными американскими друзьями. В декабре 1948 Ю.Ю. Ломоносов второй раз женился (см. прим. 4 к №118), и в 1950, когда вся семья уже собралась было вернуться в Англию, ему предложили работу в Монреале. Юрий Владимирович решил остаться в Канаде с сыном и невесткой, и Раиса Николаевна вернулась в Англию одна. Последние два года жизни Юрия Владимировича они так и жили на разных континентах.

² В Англии шоколад и конфеты все еще продавались «по-военному» по талонам до февраля 1953.

³ Михаил (Michael; род. 1936) и Николай (Nicolas; род. 1938) — сыновья Л.Л. Пастернак-Слэйтер.

⁴ Р.И. Пастернак.

⁵ Л.О. Пастернак.

117. Л.Л. Пастернак-Слэйтер — Р.Н. Ломоносовой

[30 декабря 1952]

A Merry Christmas and a very happy and peaceful 1953! With lots of love¹ от Лиды П[астернак-]С[лэйтер].

Все еще ждем Вас!

Приезжайте теперь!!!

Самодельная рождественско-новогодняя открытка. Дата установлена по почтовому штемпелю. Отправлена в одном конверте с №116.

¹ «Веселого Рождества и очень счастливого и мирного 1953 года! С большой любовью» (*англ.*) Сохранилась также недатированная открытка с напечатанным текстом «With best wishes for Christmas and the New Year» («С наилучшими пожеланиями к Рождеству и Новому Году») и с рукописной припиской: «Крепко Вас целую и да хранит Вас Бог! Лида» — РАЛ MS. 717.2.236.2.

118. Р.Н. Ломоносова — Е.В. Пастернак

From R.N. Lomonosoff
48 Owlstone Road, Cambridge
England.

5-го февраля, 1965 г.

Дорогая, милая Женичка,

Большое спасибо за Вашу открытку. Я тоже часто думаю о Вас и «Женичке малом» и когда ему было 3 года он впервые услышал от Юрий Владимировича слов[о] треугольник и повторял это слово целый день. Мы думали: пошел в отца, будет поэт, какая его специальность? Есть ли у Вас внуки¹?

Мои внуки, Николаю² 12 лет, Юрию³ 10 лет, живут на половину со мной, на половину с матерью⁴, которая страдает истерией

и живет в доме врача⁵. Она канадка и католичка и все это затрудняет образование детей.

Я продолжаю работать⁶ несмотря на старость. Это помогает не думать о муже и сыне и одиночности. Несколько лет тому назад мой старый друг, Mrs John Rickman, ехала в Крым⁷ на несколько недель и хотела чтобы я ехала с ней, но мне это было не по карману, а ехать на ее счет не было по душе. Вот было бы хорошо если бы у Вас была возможность приехать на пару недель в Англию, специально ко мне в Cambridge.

Обнимаю Вас и целую крепко

Ваша Р.Л.

Отправлено из Кембриджа в Москву.

¹ Петр (род. 1957) и Борис (род. 1961), сыновья Е.Б. Пастернака и его жены Елены Владимировны (урожд. Вальтер; род. 1936). В 1967 у них родилась дочь Елизавета.

² Николай Юрьевич Ломоносов (Nicolas Lomonosoff; род. 1952), закончил Кембриджский университет, несколько лет работал учителем английского языка и переводчиком с японского в Японии, в настоящее время на государственной службе в Канаде.

³ Юрий Юрьевич Ломоносов (George Peter Lomonosoff; род. 1954) закончил Кембриджский университет, ученый-вирусолог, сотрудник ведущего английского научно-исследовательского института ботаники.

⁴ В 1948 Ю.Ю. Ломоносов женился в Монреале на канадке Гертруде Маргарите Винкворт (Gertrude Margaret Winkworth; род. 1918), которая переехала в Англию в 1956 после трагической смерти Юрия Юрьевича в результате ошибочного больничного лечения в 1954 (их младший сын родился спустя 7 месяцев после смерти отца). Сначала Г.М. Ломоносова и мальчики жили у Р.Н. Ломоносовой в Лондоне, а в начале 1960-х вся семья переселилась в Кембридж, где младшие Ломоносовы потом и учились в том же колледже Св.Иоанна при Кембриджском университете, в котором в свое время учился их отец.

⁵ Р.Н. Ломоносова несколько пристрастно объясняет обстоятельства, при которых Г.М. Ломоносова несколько лет снимала квартиру в доме известного кембриджского врача Алисы Раунтон (Alice Roughton; род. 1905).

⁶ До середины 1960-х у Р.Н. Ломоносовой время от времени заказывали переводы для Би-Би-Си и Королевского института международных дел (Royal Institute of International Affairs).

⁷ Поездка Лидии Рикман (см. прим. 3 к №94) в СССР состоялась в 1958.

15 декабря 1970 г.

Дорогая Раиса Николаевна!

Как Вы себя чувствуете, что-то давно мы ничего не знаем о Вас. Лида в свой летний приезд¹ привезла детям подарки от Вас. Спасибо Вам большое.

Наверное это письмо придет к Вам только к Рождеству. Поэтому заранее поздравляем Вас с праздниками и желаем Вам всего самого хорошего.

К сожалению у меня нет под рукой детских карточек, мне хотелось, чтобы Вы посмотрели на них. Они быстро растут, но не хотят становиться взрослее и самостоятельнее. Очень смешная младшая Лизочка. Ей сейчас три с половиной года — столько фантазии, энергии, жизнерадостности. Глядя на нее мы становимся сами и моложе и веселее.

Еще раз всего Вам хорошего.

Будьте здоровы и счастливы.

Ваши Алена и Женя Пастернаки

Отправлено заказным из Москвы в Кембридж.

¹ Л.Л. Пастернак-Слэйтер впервые возвращалась в СССР в июне 1960, через несколько дней после похорон Пастернака. В последующие годы она неоднократно навещала своих московских родственников.

***У ЦЕРКОВНЫХ
СТЕН***

Прот. М.П. Чельцов
В ЧЕМ ПРИЧИНА ЦЕРКОВНОЙ РАЗРУХИ В 1920-1930 гг.
Публикация В. Антонова

Автор печатаемой памятной записки, своеобразной промемории истории русского Православия XX века, был очень известным священником и церковным деятелем до- и послереволюционного Петрограда. Чельцов, Чепурин, Чуков — три просвещенных протоиерея (хорошо знакомые друг с другом), которые сильнее всего влияли на политику Церкви в 1920-1930-х годах не только в Петрограде-Ленинграде, но и в Москве, благодаря своей активной позиции и разнообразным личным связям с епископатом, часто прислушивавшимся к словам, произносимым на невыходах.

По-разному закончили названные священники свою жизнь: Чуков — митрополитом Ленинградским и Новгородским, членом Священного Синода, Чепурин — ректором Московской Духовной академии, Чельцов — в расстрельном подвале на Шпалерной. Все трое вошли в новейшую историю Русской Православной Церкви, но Чельцов вошел в нее как новомученик и исповедник, жизнь свою положивший за Христа и Его Церковь. По этой причине все написанное им приобретает особый оттенок, это — свидетельство православного исповедника.

Большая часть жизни прот. Михаила Павловича Чельцова была связана со столицей Российской империи, хотя он переехал в нее только в 1898 году, когда в местной Духовной академии состоялась защита его магистерской диссертации «Церковь Королевства Сербского». Родился о. Михаил в 1870 в Рязанской губернии, в деревне Кикино, в семье священника. Окончил Рязанскую семинарию (1890) и Казанскую Духовную академию (1894), получив назначение в Духовную семинарию в Калуге, где несколько лет преподавал обличительное богословие.

После переезда в Петербург молодой батюшка три года проработал епархиальным миссионером среди раскольников и столько же — в канцелярии обер-прокурора Синода. Наконец осенью 1903 он, после рукоположения, находит себе постоянное место — настоятеля Симоновской церкви при Институте гражданских инженеров и преподавателя богосло-

вия в нем. Курс богословия он читал очень живо и интересно и потому пользовался заметной популярностью среди студентов, которые в те годы симпатий к духовенству в основном не испытывали.

Активно участвуя в церковно-общественной жизни и имея большую семью, о.Михаил успевал заниматься творчеством, опиравшимся в основном на накопленный опыт миссионера и специалиста по старообрядческим сектам. Он пишет статьи в журналах, издает брошюры и книги, среди которых есть довольно объемистые и серьезные: «Единоверие за время столетнего существования в Русской Церкви» (1900), «Современная жизнь в расколе и сектантстве» (1905), «Христианское мирозерцание» (1917). Батюшка часто выступал на разного рода религиозно-философских и церковных собраниях, которыми тогда изобиловала столица, приемыкая большей частью к богословствующим модернистам. Он был также одним из основателей кружка «32-х», объединившим в годы первой русской смуты столичное духовенство, которое требовало обновления церковной жизни.

Когда разразилась русская трагедия, прот. Чельцову пришлось очень скоро на себе испытать отношение советской власти к духовенству. Уже 3 сентября 1918 чекисты арестовали его как заложника, написав в обосновании: «С октября 1917 г. лояльности к советской власти не обнаружил и, как элемент наиболее энергичный и умный из черной кости духовенства, может быть опасным для социалистической революции»¹. На сей раз батюшке повезло — к Рождеству следующего года его с Гороховой отпустили. Правда, лишь до сентября, когда снова задержали на несколько дней за неподтвердившуюся принадлежность к кадетской партии.

В 1920 Чельцов перешел из закрытой институтской церкви в Троицкий Измайловский собор, где прослужил пять лет настоятелем, одновременно читая лекции на Высших Богословских курсах, где занимались не только будущие клирики, но и многие интересующиеся православным вероучением миряне. В 1919 отца Михаила избрали председателем Епархиального совета, и на этом посту он оставался до своего последнего ареста (таковых было всего пять) большевистскими властями.

Из-за указанной должности и попал он под арест 30 мая 1922 в ходе запланированной властями акции по изъятию церковных ценностей, истинной целью которой было запугивание православного духовенства. Военный трибунал, обвинив Чельцова и других в контрреволюции, приговорил его к смертной казни. 40 дней и ночей провел известный протоиерей в камере смертника на Шпалерной, позднее выразительно описав свои переживания в «Воспоминаниях "смертника"», которые являются очень ценным историческим источником по «делу митрополита Вениамина» и всех проходящих по нему обвиняемых².

Смертный приговор был заменен 5 годами тюремного заключения, из которых о.Михаил отсидел всего полтора. Выйдя на свободу, он продолжал работать на Высших Богословских курсах, а после их закрытия

¹ Архив УФСК по СПб. и обл. Д.36314. Т.5. Л.140.

² Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1993. Вып.10. С.25-36, 79-88.

в 1925 стал настоятелем церкви Михаила Архангела в Малой Коломне, в центре Ленинграда. Когда митрополит Сергей, заместитель Патриаршего местоблюстителя, выпустил летом 1927 известную декларацию о полной лояльности Православной Церкви к безбожной советской власти, надеясь тем самым урегулировать нелегкие с ней отношения, Чельцов поддался иллюзии, что так оно и будет, и в возникшем вследствие этой декларации разделении духовенства и мирян сразу встал на сторону Сергея, хотя его противники еще целых три года молились в нижнем храме Михайловской церкви.

Летом 1928, в разгар раскола в Церкви, вызванного декларацией, протоиерей Чельцов, находясь на даче, написал впервые публикуемое ниже сочинение «В чем причина церковной разрухи», пытаясь по свежим следам разобраться в создавшемся чрезвычайно драматическом положении, когда недавние союзники по борьбе с обновленцами оказались разделенными в вопросе взаимоотношений между Церковью и государством (последствия этого разделения полностью не преодолены и до наших дней), разобраться с учетом своего собственного опыта и многолетних наблюдений над жизнью архипастырей и всего духовенства Петрограда.

Несмотря на занятую позицию, о. Михаилу недолго удалось оставаться на свободе — началась «пятилетка безбожия». В августе 1930 ОГПУ арестовало его в последний раз. Это случилось в доме №14 по 2-й Красноармейской, где Чельцов давно жил со своей семьей, но уже в двух, а не в шести, как прежде, комнатах. Касаясь причины ареста, очевидец пишет: «летом 1929 г. прибыли из заграницы в Ленинград два бывших офицера и вывезли из СССР графиню З...у. Ее духовный отец Михаил знал о предстоящем нелегальном отъезде и служил напутственный молебен. По прибытии в одну из западных столиц она всем рассказала детали своего бегства, что советская агентура передала в ОГПУ»³.

По делу, сфабрикованному ОГПУ, проходило 40 человек, из которых шестерых приговорили к расстрелу. Отца Михаила расстреляли в ночь на Рождество 1931. О предстоящей казни он говорил, как подобало истинному христианину: «мне надо радоваться, что Господь посылает мне этот конец, а не старческий недуг и многолетние страдания на одре болезни». «Один из конвойных или из сторожей, присутствовавших при расстреле, потом рассказывал вдове о. Михаила: "Ну и старик был, его на смерть ведут, а он тропари Рождеству поет"»⁴. Погребен новомученик, скорее всего, на Левашовской пустоши на Карельском перешейке.

Георгий, младший сын о. Михаила, сумел сохранить некоторые произведения отца, хотя после войны ему самому пришлось отсидеть по ст.58 десять лет в лагерях Урала и Сибири. Одним из этих произведений и является публикуемая записка, которую автор, очевидно, писал себе на память, поскольку печатать ее было негде, да и нельзя, ибо все изображенные в ней личности были еще живы. Такое положение продолжалось и в послевоенные годы, а когда никого из участников событий

³ Польский М. Новые мученики Российские. Джорданвилл, 1957. Т.2. С.147-148.

⁴ Там же. С.148; Т.1. С.215.

в живых не осталось, препятствием стал служить критический настрой самого текста. Этот настрой и сейчас может задеть любителей лакировать нашу церковную историю, изображая ее вне конфликтов между людьми, ее творившими.

Эти личные отношения, описанные Чельцовым с большой наблюдательностью, являются, по его мнению, главной движущей силой церковных событий в Петрограде 1920-х. Автор сознательно — боясь, что записки могут попасть в чекистские руки — или из-за выбранной субъективной позиции не разбирает подробно глубинную причину, которая лежала в основе событий: взаимоотношения между Церковью и государством, и не просто государством, а государством, ставившим конечной целью полное уничтожение религии и осуществлявшим ее с первых дней своего существования.

Обновленчество, которое первым расколом потрясло Православную Церковь, было — как ныне документально установлено — полностью инспирировано большевиками и лично Троцким для того, чтобы посредством конкурирующей и поддерживаемой властями т.н. «живой церкви» ослабить влияние Православной Церкви. Ради этого использовалась часть либерально настроенного духовенства. В этом деле участвовал и сам Чельцов, но Бог уберег его позднее от поддержки «живоцерковников».

Следующий раскол был тоже вызван действиями власти, которая, заключив в тюрьму митр.Сергия, тогдашнего возглавителя Церкви, оказала на него давление и воспользовалась склонностью к компромиссу «прогрессивной» части духовенства, считавшей, что некоторые уступки власти обеспечат в будущем иерархии и мирянам покой и благоденствие. Как вскоре выяснилось, этот компромисс, начатый декларацией от 29 июля 1927, не избавил ни духовенство, ни верующих от дальнейших преследований. Около 10% приходов отказалось признать названную декларацию и сперва подчинилось митрополиту Петроградскому Иосифу (Петровых), а после учиненного властями в 1929-1932 разгрома ушла в катакомбы. Если с обновленцами от Церкви отошли конформисты, то с иосифлянами — самые активные и твердые ее члены.

Возглавляемый Е.А. Тучковым церковный отдел ОГПУ педантично планировал мероприятия по удушению Церкви, учитывая личные отношения среди архиереев и клириков. Слухами и провокациями отдел направлял одних архиереев на других, используя их слабости и особенности характера, и невольно заставлял их пособлять в своих планах. Со временем, когда самые упорные противники будут уничтожены или сломлены, госбезопасность начнет прямо диктовать иерархам свою волю, добившись в конце концов подчинения большей их части интересам режима.

Чельцов не затрагивает эту тему отчасти и потому, что указанный процесс подчинения Православной Церкви только начался — после декларации митр.Сергия прошел всего год. Архиереи, духовенство, богословы и верующие еще энергично сопротивляются замыслам ОГПУ, пытаются воздействовать на Сергия, ведут с ним интенсивную полемику, обличают, протестуют и готовы к любым испытаниям ради независимости Церкви. Главные репрессии против них еще впереди, а пока петроградские епи-

скопы — в описании Чельцова — борются меж собой за влияние на дела и паству, интригуют и ссорятся, как будто забыв о главном враге.

Правда, забыли о нем не все. В оппозицию к митр.Сергию перешло в Петрограде большинство епископата: Димитрий и Сергей (Дружинин) — в открытую; Григорий, Стефан (Бех), Гавриил и Серафим — скрытно. Поддержали Сергея только три архиерея: Алексий, Николай (Ярушевич) и Венедикт⁵. Город на Неве стал главным центром иосифлянского движения, которому Чельцов хотя и не сочувствует, но его и не осуждает.

Начинает автор свое повествование с дорогой ему предьстории, когда в начале наступившего века, при митрополите Антонии, в Петербурге с участием самого Чельцова возникла совершенно иная церковная оппозиция — либеральная, которая, как теперь видно, и вскормила лидеров обновленчества, хотя автор уверен в обратном: «в поведении питерского духовенства /.../ не заключалось ничего, что могло бы повести или породить какую-либо церковную разруху». Он предпочитает уйти от ответа на шекотливый для него вопрос, «чем было вызвано обновление наше», обещая сделать это «когда-нибудь».

История «разрухи» начинается у Чельцова не с обновленческого раскола, а с приезда в Петроград осенью 1923 еп.Мануила, который своими очень энергичными действиями быстро вернул Патриарху Тихону большинство приходов, перешедших в «Живую церковь», и завершается концом 1927, когда в Ленинграде стало разгораться иосифлянское движение. Воспоминания об этом четырехлетнем периоде изложены «в хронологическом порядке, по правящим епископам», следуя устоявшейся традиции церковной историографии. Поэтому историк-протоиерей больше останавливается не на самих событиях, а на характеристике их участников — десяти петроградских архиереев, особенно выделяя Мануила, Григория, Иосифа, Николая и Алексия.

Верно указывая, что Мануил прибыл в Петроград во время «весьма смутное и тяжелое», когда обновленцы захватили почти все храмы, Чельцов положительно оценивает деятельность молодого архиерея на первом этапе и называет его «добрым пастырем, поразившим безбоязненно обновленчество». По мнению автора, «немалое число священников уходило от обновления не по искреннему своему убеждению в неправоте его, а по боязни прихожан», которые в сложившейся ситуации заняли более принципиальную позицию, чем священники. Это обстоятельство действительно положило начало «высокого мнения о своей силе» у мирян, которое затем оказало большое влияние на жизнь Церкви. Итог деятельности Мануила в Петрограде был впечатляющ: за четыре месяца он вернул Патриарху 83 из 115 обновленческих церквей⁶. Расплатой за это стал соловецкий лагерь.

Чтобы уберечь остальных архиереев от ареста, в Петрограде был образован Епископский совет, т.е. создан необычный для Православ-

⁵ Митр. Иоанн (Снычев). Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия. Сортавала. 1993. С.172-194.

⁶ Митр. Иоанн (Снычев). Митрополит Мануил (Лемешевский). СПб., 1993. С.82.

ной Церкви коллективный орган управления епархией. Но и для его членов «всякая написанная на бумаге резолюция была /.../ опасна, как наглядный акт их правления», ибо легального статуса этот совет не имел, как, впрочем, и вся «тихоновская Церковь». И потому либеральное духовенство все время склоняло совет пойти на соглашение с признанными властью обновленцами, которых к нему подталкивало и ОГПУ, дабы установить действенный контроль над «тихоновцами». Однако вновь церковный народ помешал уклониться от Православия. Тогда чекисты выслали всех епископов — членов совета в Сибирь.

Положительно оценивает Чельцов и другого правящего епископа — Григория Шлиссельбургского: «весьма умный, тонкий политик /.../ чистый, целомудренный монах», хотя упрекает его в честолюбии. «При Григории, — пишет он, — жизнь епархиальная шла тихо и спокойно /.../ к нему влеклось духовенство». Как причину ухудшения обстановки Чельцов указывает личное соперничество между Григорием и Николаем Петергофским и присоединившимся к последнему Алексием Ямбургским. Автор подробно останавливается на сопутствующих обстоятельствах, намеренно или нет забывая о том, что Григория от Николая с Алексием отделял разный подход к церковным проблемам, что позже ярко выразилось в их судьбах — Григорий, втайне сочувствовавший иосифлянам, был в 1937 расстрелян, Алексей стал Патриархом, а Николай — его основным помощником. Только вскользь автор отмечает, что Николай и Алексей «объединены были и их, по-видимому, одинаковыми взглядами и отношением к обновлению», менее, как мы знаем, жестким, чем у Владыки Григория.

Знал о неподатливости Григория и митр. Сергей, назначая вместо него управлять епархией более близкого себе Алексия, которого Чельцов изображает очень критически. «Среди народа и большинства духовенства он симпатиями не пользовался. Таким бы средненьким ничтожеством он и пробыл бы до конца дней своих», если бы он не снял с обновленца и ставленника ГПУ Введенского запрещения, наложенного на него митр. Вениамином. Как замечает Чельцов, Алексей тем самым «послужил делу обновления /.../ как самый ревностный сторонник его». Страшен и выносимый приговор: «Алексий этим актом, конечно, бессознательно подвел под расстрел митр. Вениамина». Вскоре после расстрела еп. Алексей косвенным образом признал обновленцев.

Заняв кафедру, Алексей, чтобы избежать изоляции в столь неблагоприятной для него обстановке, стал опираться на либеральную группу прот. Чукова, считавшуюся «обновленческой» в церковной среде, хотя на деле она выступала лишь за «разумный» компромисс с петроградскими обновленцами и местными властями. Поэтому, как пишет Чельцов, Алексей, поддержав «переговоры с советской властью, еще более оттолкнул от себя значительную часть духовенства и пасомых», что — наряду с некоторыми чертами характера епископа — создало к нему широкую оппозицию, которая требовала назначить в Петроград другого архиерея.

Таким архиереем стал митр. Иосиф, единодушно воспринятый положительно и духовенством и мирянами — он «внушал к себе, с первого

же взгляда на него, симпатии и доверие». Проведя всего три дня в городе, Иосиф уехал в Ростов Великий проститься со своей прежней паствой и там был задержан властями, напуганными грандиознейшей встречей его в Петрограде. «И то доброе, что мы от него ожидали, повернулось в дурное и печальное», — меланхолически заключает Чельцов, имея, очевидно, в виду последующее развитие событий и роль Иосифа в противостоянии церковной политике митр. Сергия.

К заместителю митр. Иосифа архиеп. Гавриилу Чельцов относится критически, называет «большой посредственностью» и отмечает его пассивность, хотя и говорит о любви к уставному богослужению, о чем, кстати, позже с признательностью вспоминали многие питерские верующие. Гавриилу не удалось справиться с группировкой Алексия и Николая, которая, похоже, своими интригами инспирировала весной 1927 его арест. Посажен был вскоре и еп. Григорий, что расчистило путь к управлению епархией еп. Николаю. Консервативному духовенству не удалось закрепиться у власти в Петрограде.

Николаю Чельцов расточает много похвал: «умный, талантливый /.../ прекрасный проповедник /.../ истово совершает богослужение», при этом, однако, подчеркивая: «Его карьеризм и обновленчество претят духовенству, возбуждают против него мирян». Характеризуя Владыку и сравнивая его с еп. Григорием, автор наконец-то отвечает на вопрос, поставленный в заглавии его записки: «Из борьбы этих двух честолюбивых карьеристов и родилась наша церковная разруха. Почва же и условия для нее были подготовлены всеми предыдущими годами...»

Такой ответ нельзя признать исчерпывающим и объективным, названные епископы, в сущности, стояли на противоположных экклезиологических позициях по отношению к государственной власти. Григорий признавал атеистическую власть, но не хотел ей подчиняться; Николай видел в сотрудничестве с властью необходимое условие существования Православной Церкви в Советской России. Победили Николай и его единомышленники, но за победу они заплатили полным подчинением режиму. Правда, в конце своей жизни выдающийся архиерей на себе самом испытал, каким жестоким может быть этот режим даже в отношении его, многократно выполнявшего все приказы Кремля, но однажды попытавшегося защитить Церковь от новых гонений.

Чельцов правдиво описал реакцию клира и мирян на декларацию митр. Сергия: «тон послания — какой-то угоднический и нецерковный... Виделось, что церковная власть снова связала себя со светским правительством, подчиняла себя ему, теряя свою свободу /.../ настроение против митр. Сергия /.../ у питерцев было резко отрицательное». Последовавшее затем недопущение в Ленинград митр. Иосифа, которое явно было согласовано с митр. Сергием, и неканоническое запрещение поминать его за богослужением способствовало формированию среди питерского духовенства сильной оппозиции митр. Сергию и его Синоду. Объединителем оппозиции Чельцов называет еп. Григория.

Причину наступившего размежевания автор записки снова усматривает в личных отношениях между епископами, хотя, несомненно, до-

гадывается о сопутствующих внецерковных обстоятельствах. Для уяснения его позиции очень интересны аргументы Чельцова в споре с прот. Вероужским относительно дела митр. Иосифа. Чельцов оправдывает действия Сергия, хотя вынужден признать, что ему приходится «считаться со светской властью», т.е. подчиняться ее нажиму в кадровой политике. В данном случае автор выступает как прагматик, но питает наивную иллюзию, будто режим будет соблюдать принятые Церковью условия.

Публикуемая записка обрывается перед самыми драматическими событиями: 12 декабря 1927 представительная делегация, прибывшая к митр. Сергию в Москву, вручила ему послания от епископата, клириков и мирян Ленинграда с просьбой изменить свой курс и провела с ним переговоры. Поскольку эти действия результата не принесли, 26 декабря еп. Димитрий и еп. Сергей подписали решение о разрыве с заместителем патриаршего Местоблюстителя. Через четыре дня Синод, со своей стороны, запретил отошедших епископов и их сторонников в священнослужении. Разделение стало фактом.

Чельцов знает об этих событиях, но не пишет о них «за неимением бумаги под руками и за поздним временем, приблизившим отъезд с дачи». Вполне вероятно, что указанные автором причины действительно остановили его на том месте, где волей-неволей ему пришлось бы определить свое отношение к происшедшему. Но что тогда помешало ему продолжить записку в два оставшихся до ареста года? Возможно, причина все-таки заключалась в нежелании протоиерея кривить душой, описывая попытки митр. Сергия подавить оппозицию, состоявшую из цвета петроградского духовенства. Несмотря на оказываемое давление, сам Чельцов два года не трогал иосифлянскую общину, молившуюся в нижней церкви его храма, и закрыли ее власти. И жизнь свою он завершил достойно, пострадав от безбожников за исполнение своего пастырского долга.

Наша современная церковная разруха, откуда она? Где ее корни и начала? Иногда приходится слышать, что начало ее лежит в самых первых годах этого столетия, что корни ее в том церковном движении, которое представляли так называемые «32», что виновником ее является главным образом покойный наш митрополит Антоний. Это суждение мне пришлось выслушать от теперешнего нашего митрополита Серафима.

В этом мнении есть доля правды. Как видно будет из дальнейшего, в современной нашей церковной разрухе имеет большое значение то как ее производящее, то как ей противное начало — белое духовенство. Вот такое дерзновение говорить от своего имени прямо и смело, даже возражать епископу и митрополиту, почесть не столько за свое право, сколько за обязанность иметь свой голос и судить о делах как епархиальных, так и общецерковных, познать себя в качестве активных помощников правящему еписко-

пу, — все это, действительно, наше питерское духовенство проявило при митр. Антонии. Правда и то, что митр. Антоний не только не тяготился таким дерзновением своего городского духовенства и не старался «осадить» его, но заметно дорожил им и до некоторой степени считался с ним.

Вот этому факты. Точно не помню, в каком это было году — приблизительно в 1904-1906 годах — за какое-то возмущение противоправительственное было присуждено к расстрелу 15 матросов кронштадтских. Теперь покойный, а тогда очень видный о. Григорий Спиридонович Петров в какой-то из газет обратился к духовенству Питера протестовать против этих расстрелов и для этого всем вкуче, в точно указанный им (о. Петровым) день и час, пойти к митр. Антонию с мольбой явиться ему ходатаем пред Царем за этих осужденных и добиться их освобождения. По зову о. Петрова явилось нас к митр. Антонию очень порядочное количество — человек 25-30. Конечно, митр. Антоний, из газет знавший о предполагаемом нашествии к нему, мог под различными предложениями не принять нас, а если принять, то поговорить с нами не по содержанию ходатайства, а в той или иной форме проявить свою владычную власть и сделать нам надлежащее внушение и даже натягай задать; он же нас любовно принял, долго разговаривал с нами, сделал нам, действительно, надлежащее внушение, но в форме, нас обескураживающей: он говорил, что мы его ставим в тяжелое положение быть ходатаем как будто бы вынужденным, а не добровольным, говорил нам о нетактичности газетных обращений и т.п., но все-таки в конце концов выразил согласие похотатайствовать за матросов, что и сделал.

Другой факт. Не без его, митр. Антония, влияния был издан закон от 15 августа 1905 года о свободе вероисповедания. И митр. Антоний очень заинтересовался мнением и отношением к этому закону духовенства. Как-то я однажды явился к нему по поручению одного кружка духовенства по какому-то делу, и он долго выспрашивал меня об отношении духовенства к этому закону.

Еще факт. Когда ему представлена была первая записка от «32», то он ее опять-таки не только не отверг и подававшим ее не читал суровых нотаций, но принял для передачи в Синод, много говорил об организовывающемся в те дни нашем кружке, давал различные практические советы и т.д.

Но все это и многое другое допускал покойный митр. Антоний не из желания подслужиться к духовенству ибо оно было в то время слишком невлиятельно даже в своих приходах, — не из надежды опереться на него в своей борьбе с Победоносцевым, ибо достаточно было в то время одного слова Победоносцева,

чтобы раздавить этот кружок духовенства, — не из собственной слабости духовной, ибо он был человек сильного характера и большого влияния и авторитета. Допускал он все это при ясном сознании должного делания со стороны духовенства, т.е. того, что духовенство должно делать, что оно тогда начинало проявлять, и того, что самым тактичным и для Церкви полезным было забрать начавшееся деловое движение духовенства в свои руки, руки митрополита, и тем самым дисциплинировать духовенство, отклонить его от возможных, для епархии нежелательных, а для самого духовенства, в лице некоторых его членов, опасных уклонений и выходов. Поэтому-то во все время управления епархией митр. Антонием духовенство городское было в полном сыновнем подчинении ему, в искреннем желании работать в духе и по указаниям его и не причинять ему горя или неприятностей.

Если и были со стороны некоторых из нас выходы непастьрские и антидисциплинарные, как публичное заявление б. профессора Духовной академии известного архим. Михаила Семенова о его принадлежности к социал-демократической партии и его побег к старообрядцам австрийского толка, или некоторые грубые и лично для него, митр. Антония, оскорбительные выпады о.Г.С. Петрова, то это были единичные исключения этих только двух лиц, за ними не только не пошел никто из духовенства, они не только не явили предлога для каких-либо выступлений или движения духовенства, но их все или, вернее, почти все, осудили, они у всех лишились симпатий, коими пользовались. Они дали повод лишь публично засвидетельствовать кружку «32» о своей полной пастьрско-сыновней лояльности по отношению к митр. Антонию и вообще всему епископату. И я, по поручению своего этого кружка, написал и напечатал брошюру «О сущности обновления». В ней я пояснил, что кружок «32» стремится к обновлению церковной жизни, но на основах полной церковной каноничности, в духе жизни древней Церкви, в согласии и подчинении своему епископату, стремится возродить христианство первых веков с его соборностью и самодеятельностью.

Да, к нашему движению стали примазываться лица из духовенства, ничего общего с нами не имевшие. Во имя обновления, и как бы в полном согласии с нами, появились не столько у нас в епархии, — у нас были только единичные разговоры, не отливавшиеся ни в какую отчетливость и требовательность, — сколько по провинциям требования подчинения епископов пресвитерианским советам, двубрачия духовенства, женатого епископата и кое-что другое в этом роде... Ничего из этого наш кружок не только не поддерживал, но себя от него всячески старался оградить, для

чего спешил вырабатывать и печатать свои записки, вышедшие впоследствии в отдельном издании.

Ставят митр. Антонию на вид известного епископа Антонина, возглавлявшего наше обновление 1922 года. Не знаю, каким образом этот Антонин в звании архимандрита попал в Питер: думаю, что так же, как в то время многие из этой братии оказывались здесь. Не удастся какому-либо архимандриту где-либо на административной или учительской работе в провинции, и посылали обычно такового в Питер или в Цензурный комитет, — кто поумнее и покнижнее, — или в консисторию — сидеть и заменять отсутствующих членов из протоиереев в подписях бумаг и указов. Кажется, таким же образом попал откуда-то с юга и архим. Антонин в Цензурный к нам комитет. Как остроумный, он невольно обращал на себя внимание, как книжный, он заслуживал повышений. Держал он себя за все время работы в Цензурном комитете вполне корректно; был принят в добрых семьях духовенства как умный собеседник; состоял членом разных комиссий и собраний.

Естественно, он не только не проявлял ничего, что бы говорило против его епископства, но все побуждало сделать его помощником для митрополита Антония. И в качестве епископа-викария он не либерализм проявлял, а строгость, суровость, требовательность, шумливые выговоры делал заслуженным протоиереям. Так, всем нам памятен случай, когда он приказал стать на колени в алтаре Исаакиевского собора ключарю церкви Воскресения на Крови о. прот. Николаю Родионовичу Антонову только за то, что тот произнес в соборе проповедь, не считаясь с цензурными пометками и замечаниями цензора — еп. Антонина. Что же касается того случая, что он, при служении литургии в Казанском соборе, в титуле царя сознательно опустил эпитет «самодержавнейшего», то это было только единственное проявление самости еп. Антонина, было оно в духе того времени, и если и говорит что-либо об Антонине, то только о его поспешности и, пожалуй, мальчишестве.

Могу определенно сказать, что во все время управления епархией митр. Антония к нему со стороны духовенства было полное уважение и покорное подчинение, боязнь причинить ему неприятность или оскорбить его. Дисциплина не была при нем расшатана или умалена, она была только облагорожена и держалась не на окриках и приказах его, но на сознании каждым из нас нашего долга и сыновнего к нему отношения. И он провинившегося старался не физически как-либо наказать, но отечески вразумить. Мне, по моей молодой горячности и полной доверчивости к людям, не раз приходилось быть вызываемым к митр. Антонию,

и я всякий раз выходил от него не только не раздраженным, рассерженным или оскорбленным и подавленным, но конфузливо смущенным, нравственно усвоенным и бодрым, — с сознанием своей вины и причиненной мной ему, митрополиту, неприятности. Его беседы, начинавшиеся в таких случаях грозно и начальственно и кончавшиеся отчески просто, мило и наставительно убедительными, не только не вели к непослушанию и к расшатанности, но сильно обуздывали, вразумляли, заставляли задуматься над содеянным и во всем соглашаться с наставлениями митр. Антония. Вечная ему память...

Таким образом, ни в поведении питерского духовенства, ни в отношениях к нему митр. Антония не заключалось ничего, что бы могло повести или породить какую-либо церковную разруху. Как духовенство, так и митр. Антоний стремились лишь к одному: укрепить истинный строй жизни, надлежащую соборность, авторитет и идейную деятельность пастырства, в том числе и даже главным образом — епископата, оживлять всю церковную работу и церковное управление.

Не в митрополите Антонии дело, а в другом.

Питерское духовенство всегда считалось передовым, в лучшем идейном смысле этого слова. Вращаясь в кругу самой высшей идейной интеллигенции, и, естественно, в силу уже одного этого интересуюсь и волнуясь не одними заботами о куске хлеба насущного и честолюбия, — особенно так называемых домовых церковью духовенство, количественно многочисленное, — с другой стороны, живя около центра высшей церковной власти и невольно подмечая все дефекты в устройении и ходе церковной жизни, питерское духовенство не могло не видеть всего тяжелого, для церковной жизни нежелательного и вредного, не болеть им и не желать и не стремиться к уничтожению его, к исправлению ненормальностей. Петроградское, а не московское или киевское духовенство... Московское духовенство было в окружении более купеческого, чем интеллигентского слоя, а киевское или других городов и этот имело малоинтеллигентным; оно не видело, а только лишь слышало о синодальных безобразиях. К тому же оно всегда жило более интересами практической жизни, чем парило вверх.

Это с яркостью обнаружилось в характере и содержании деятельности кружка московского духовенства, образовавшегося вслед и параллельно кружку питерских «32». Если последние работали главным образом в области установления нормальных высших принципов церковной жизни — соборности, патриаршества, прав и положения епископата, мирян и т.п., то первое дало в своем сборнике детали по вопросам о практическом положении

духовенства и мирян в разных областях церковной жизни и управления. До первых лет XX столетия питерское духовенство молчаливо волновалось, горячилось и спорило в домашнем, так сказать, кругу, варилось в собственном соку, а как только условия всей вообще нашей русской жизни представили возможность несколько посвободнее заговорить и безбоязненно не только за себя, сколько за услышание себя, за привлечение внимания к себе, — оно заговорило. Московское и прежде всегда было молчаливо. В Питере волновались с «Церковно-общественным вестником» — в Москве тихо и спокойно богословствовали в «Чтениях Общества любителей просвещения». В Питере горячились в Религиозно-философских собраниях — Москва волновалась разве лишь от чтения газетных сообщений и протоколов их. В Питере пастырские собрания по различным вопросам со смелыми научными и церковно-общественными построениями и выводами — в Москве тишь да гладь...

Итак, не в личности правящего епархией того или иного митрополита, а в многообразных условиях интеллектуально-бытовой, церковно-общественной, да и материальной жизни духовенства заключается источник того, что, начиная с первых лет XX столетия, петроградское духовенство всегда шло впереди по всем вопросам и интересам жизни, будило и направляло их, волновалось и болело ими.

Естественно, как прежде, всегда и повсюду, так и у нас в Питере, шло все не только прямым путем и выливалось в правильные формы, принимало верные течения, но — уклонялось в сторону, порождало большие неправильности. Однако до появления современного обновления питерская церковная жизнь не нарушала правильного общецерковного уклада жизни, не проявляла себя уклонениями от нормальной дисциплины, не клонилась в сторону раскола. Доказательство этому — наша жизнь в первые годы после революции при митр. Вениамине.

Первые годы революции могли бы принести большое горе, разразиться большими неприятностями для Церкви епархиальной, проявить большую разладицу и раздоры, как в среде самого духовенства, так и во всей нашей церковной жизни, если бы время митр. Антония носило в себе зачатки и источник современной разрухи: именно тогда-то ей и естественнее всего было обнаружиться и показать себя. Но ничего подобного тогда не было. Духовенство проявило полное понимание всей серьезности положения, обнаружило сословную солидарность и надлежащую дисциплину. С 1918 по 1922 год не было ни одного случая, за который бы приходилось краснеть и который бы причинял вред Церк-

ви. Как появилось, чем было вызвано обновление наше, — это другой вопрос, на него когда-нибудь я постараюсь ответить, теперь ограничусь только тем, что написал.

Выяснивши, что в обстоятельствах управления епархией митр. Антония не было ничего источного для современной нашей разрухи, перехожу к описанию тех событий и к характеристике лиц, давших все нужное для нашего современного так называемого «Иосифлянского раскола». Буду держаться главным образом фактов. Начну со времени моего выхода из 2-го исправдома в декабре 1923 года и в хронологическом порядке, по правящим епископам, буду вести свои воспоминания.

Епископ Мануил. Его я знал еще как иеромонаха. Человек бойкий, живой, энергичный. Это его плюс. Его минус — не только излишняя говорливость, но прямо-таки болтливость. Он говорил, не отдавая себе отчета в словах, тем более их не продумывая достаточно, а за словами быстро шло у него и дело. Говорил и действовал самоуверенно. Еще так в 1919 году он обратил на себя внимание покойного митр. Вениамина и Епархиального совета и, когда нужно было устроить порядок монастырской жизни в Сергиевой пустыни и сочтено было полезным дать туда со стороны настоятеля, то, по моему указанию, иером. Мануил, не продумав трудностей своего назначения, от монахов и приходского совета церковью монастыря не избранный и ими не желаемый (они хотели иметь настоятелем слабого, но всю жизнь с малолетства в монастыре прошедшего Иосифа, который потом и был сделан таковым), приехал в монастырь с важностию, потребовал к себе монахов, объявил им себя настоятелем и распорядился относительно лиц и порядка за богослужением, себя поставив во главе служащих, чем сразу же обидел и архим. Иосифа и других монахов, живших в монастыре, престарелых и по монастырю заслуженных.

Уже самое появление его в монастыре со стороны — в те будоражные дни — должно было против него возбудить монахов и прихожан, а его быстрые, решительные и необдуманые распоряжения совершенно восстановили против него всех. Монахи дали знать в приход; собрались кое-кто из так называемых важных прихожан и монахи и постановили: вновь прибывшего в качестве назначенного от митрополита настоятеля — не принимать, до богослужения его не допускать, а если он явится в церковь, то никому с ним не служить, — все это объявить иером. Мануилу.

Получив такое возвещение, Мануил как быстро приехал, так быстро, не медля и ничего не предпринимая, выехал снова в Питер. Много потом эта неудачная поездка Мануила причинила хлоп-

пот и неприятностей, особенно мне и митр. Вениамину. Не столько монахи, или, вернее, по наущению монахов, Приходский совет церковью монастыря объявил себя независимым от митрополита до тех пор, пока он не даст настоятелем Иосифа, и мне дважды приходилось потом ездить в монастырь, собирать прихожан, вести с ними переговоры и успокаивать, находя приличный выход из неприятного положения...

Назначение Мануила во епископы состоялось по указанию кружка лиц, группировавшихся около прот. Михаила, при хлопотах Леонида Дмитриевича Аксенова. Для громадного большинства питерского духовенства и тем более мирян Мануил был совсем неизвестен, а поэтому неожиданен во епископстве. Тихо, скромно он съездил в Москву к Патриарху Тихону, и 8 сентября (по ст.ст.) 1923 г. Мануил явился в Питер с назначением викарием Лужским, но временно управляющим Петроградской епархией.

Время вступления еп. Мануила в управление епархией было весьма смутное и тяжелое. Царило обновление, почти все церкви принадлежали к нему, епископствовал в обновлении Артемий. Но в сознании верующих уже окрепло сознание, что в обновлении нет правды; это сознание стало пробиваться и в духовенстве. К так называемой «тихоновщине» принадлежали в Питере только 2-3 церкви, ни туда, ни сюда. Мануил выступил сразу многогласным, смелым, бойким обличителем обновления, громко звал духовенство к Патриарху Тихону, обновление именовал ересью и расколом и объявил, что к Патриарху Тихону могут придти из обновления только через публичное покаяние. Назначил по районам духовников, дал им инструкции.

Бойкий, живой, энергичный голос Мануила невольно импонировал, обратил на себя внимание главным образом мирян. К нему потекли богомольцы. По приходам эти последние стали влиять на свои причты, требуя от них оставления обновления и обращения к Мануилу. Смутилось и духовенство, стало задумываться, — да и испуг после нашего суда и высылки конца 1922 и начала 1923 года стал проходить, — зашевелилось оно, и причт Вознесенской церкви первый открыл практику публичного покаяния с обращением к Патриарху Тихону. Обновлению был нанесен смертельный удар, от которого оно стало хиреть и приходило все в больший и больший упадок и уже не поправилось доселе. Бойкий, энергичный Мануил может почитаться добрым пастырем, поразившим безбоязненно обновленчество. В этом его громадная заслуга пред нашей Церковью. Эту заслугу он сам признавал, но по своему стремительному характеру не удержался, чтобы не перегнуть в нежелательную сторону.

Он стал действовать, не обращая, как говорится, ни на что и ни на кого внимания. И прежде всего возбудил против себя главарей обновления и за ними стоящую, ими дорожившую советскую власть. Известный Тучков не иначе звал Мануила, как «горбатым», и говорил о нем всегда с раздражением. Обновленцы искали случая, чтобы помочь власти упечь его, куда следует. Да немалое количество из нашего духовенства было настроено очень недоброжелательно. Для этого недоброжелательства были две причины. Первая: начав быстро и успешно отклонение приходов и духовенства от обновления, Мануил требовал от духовенства непременно и обязательно публичного покаяния — за праздничным богослужением, в храме, перед народом, с исповеданием каждым из священников своего греха сознательного — из страха перед репрессиями уклонения в обновление. Большинству не нравились такие покаяния. Искали частно, лишь перед духовником, исповеди. Мануил на последнюю не соглашался; народ также стал требовать публичности в покаянии духовенства и не верил тайной, пред духовником, исповеди. В большинстве и духовники, от Мануила назначенные, были люди крутые, несговорчивые, Мануилу сочувствовавшие и его поддерживавшие. Духовенство хотя в значительном количестве и шло на публичную исповедь, но со скрежетом зубов, с большим раздражением против Мануила, после долгой торговли с ним и его духовниками насчет возможности избежать публичного конфуза и унижения. К тому же немалое число священников уходило от обновления не по искреннему своему убеждению в неправоте его, а по боязни прихожан и как бы не лишиться прихода. Поэтому многие не видели никакого за собой греха в своем пребывании в обновлении и иногда искренне недоумевали, в чем же им, собственно, каяться...

Вторая: упоенный успехом, Мануил стал свысока, презрительно относиться к духовенству, всюду обвиняя его, и только его, в обновлении. Он не стеснялся ни местом, ни лицами. Обычно делал эти грозные и не всегда справедливые укоры и попреки духовенству в храмах, за своим богослужением. Примерно так Мануил проповедовал, что я сам лично слышал за всюнощной под 6 января — канун Крещения — в Тусуевской церкви: «Вот, прихожане, истые христиане, вы спасаете Церковь, вы защищаете ее от обновленцев, а священники шли в обновление, поддерживали его. Так смотрите же впредь, чтобы снова вас не увлекли в обновление...» Конечно, такие и подобные речи Мануила настраивали против него и расположенных к нему. В них нельзя было не видеть большой опасности унижить в глазах народа духовенство, с потерей пред ним его авторитета и уважения к нему.

Росло и ширилось недовольство Мануилом, росла и ширилась несдержанность его. Наряду с этим увеличивалась популярность Мануила среди народа. Его всюду приглашали служить, во время его богослужения храмы переполнялись, за ним бегали бабы. Обновление все более и более сокращалось как в духовенстве, так и в храмах. При таком положении дела естественным казалось, что недалеко то время, когда работе Мануила совне положат конец.

Да и в самом питерском епископате намечался сильный разрыв. К ноябрю 1923 года выпущен был из тюрьмы еп. Венедикт. Съездив в Москву к Патриарху Тихону, он получил от него разрешение служить по приглашению духовенства и прихожан в церквях Питера, почитать себя, как старейшего по хиротонии, первым vikarием Петрограда и в соборных архиерейских богослужениях первенствовать. Такое устройство второго vikария Мануила управляющим епархией, а первого — Венедикта предстоящим за богослужениями, при наших человеческих немощах, честолюбии и самолюбии, стало порождать в архиереях некоторую размолвку — сначала тихую и малозначительную, а потом довольно-таки сильно проявляемую. Первенствовал Мануил, но это его заметно стеснило; уступить первенство Венедикту — как будто унижить себя как правящего.

Венедикт принимал второе место, но ему постоянно нашептывали, что Мануил его унижает как старшего. Мануил стал нервничать, то назначая, то отклоняя свое участие в соборных предполагаемых архиерейских богослужениях; Венедикт стал жаловаться друзьям на свое незнание, как в столь затруднительных столкновениях поступить ему. Особенно резко проявилось это столкновение vikариев при организации порядка богослужения на Рождество Христово 1923 года, когда несогласие vikариев между собой стало ясно даже и для простых мирян. О нем пошли разговоры, толки и перетолки. При устройении того или другого торжества духовенство и приходский совет становились в тупик. При самых простых делах им приходилось толковать и обдумывать как будто о делах великой важности. Пригласить одного из vikариев — другой обидится, пригласить обоих — значит обоих обидеть: кого встречать как первенствующего.

При таком столкновении прав и полномочий между vikарными, при отсутствии правящего епископа, естественно стало втягиваться в борьбу архиерейских самолюбий приходское духовенство и даже миряне. Архиерейский авторитет стал падать, архиереи ссорятся, как же к ним с почительностью и покорностью относиться! Архиереи невольно стали искать поддержки у духовенства, у тех или иных лиц, коих они почему-либо почи-

тали близкими себе и к себе расположенными. Духовенство стало являться выше архиереев, судьями над ними, разделилось — хотя только отчасти, не вполне — на две партии. Духовенство получило толчок и положило начало разбираться в архиереях, вести их за собой, поставлять и увольнять. До Мануила этого не было, теперь появилось. Мне кажется, что за Артемием в обновление пошли по традиционному доверию авторитету и власти епископа, и обновление многим из духовенства нравилось или не нравилось в зависимости от того, держался ли кто-либо за авторитет архиерея, как было то всегда прежде, или переступил уже его, себя поставив судьей ему, что утверждено было в обновлении.

Да и прихожане таким восхвалением их были не столько поощрены, сколько взбудоражены в своем мнении о своей значительности в делах церковных. Если они спасли от обновления, а не духовенство, — так слушайся их, повинуйся им. Здесь также начало того высокого мнения о своей силе в церковных делах, того постоянного их неотвзвизивого вмешательства во всю жизнь приходскую и общецерковную, что пожинаем теперь.

Еще одну необдуманность допустил еп. Мануил — избрал чрез Патриарха Тихона и провел в помощники себе, в сане епископа Колпинского, совсем молодого, ничем себя не проявившего, за Невской заставой пастырствовавшего иеромонаха Серафима. Никакой нужды для управления епархией в новом епископе не было; опасности в смысле оскудения в епископате не виделось, ибо были еще два vikария — Венедикт и Григорий, не имевшие у себя никакого дела; со стороны духовенства и мирян запросов на епископов, хотя бы для богослужения, тоже ниоткуда не шло; сам иеромонах Серафим был самой обычной бесцветной монашеской фигурой, без богословского образования и без практического пастырского опыта. Устроением этого нового епископа Мануил проявил неумное подражание большим самостоятельным епископам. Эти, являясь куда-либо в епархию, начинали удалять бывших здесь vikариев и поставлять своих, но обычно делали это все-таки не сразу и умело, да и людей подбирали в vikарные, не возбуждающих недоверия. Мануил в своем самовзвеличении, встретив в лице еп. Венедикта некоторое противопоставление себе — более пассивное, чем активное, — и попытался усилить себя близким себе человеком. Так и посмотрели все на епископство Серафима и отнеслись к нему больше насмешливо, хотя некоторые и с сожалением как к Серафиму, так и к Мануилу: оба из молодых, да поспешили быть ранними. Еп. Серафим для всех был лишь воображаемой Мануилом поддержкой для него. Таким образом, Мануил

опять и здесь проявил то, что называется партийностью и что потом расцвело у нас недобрым букетом.

Эти нетактичности стремительного Мануила в значительной степени омрачали тогда в глазах его доброжелателей, в числе коих был и я, его энергичный и многоплодотворный натиск на обновление, давали пищу злым языкам его недоброжелателей и делали уход его печальным более для мирян, чем для духовенства. Об этом уходе, об аресте Мануила речи слышны были еще со святок 1923-1924 годов. Кто-то где-то видел список духовенства и немногих мирян во главе с Мануилом, предназначенных к аресту и высылке. Я лично от Мануила слышал о его готовности принять и понести этот крест. В этом отношении Мануил обнаружил свойства и лицо истинного пастыря. Его самая достоверная весть о предназначенном аресте не испугала; до самого последнего дня его свободы он не уменьшал и не сокращал своей архиерейской работы, он не думал укрыться, уехать куда-нибудь или иным каким-либо путем и способом предотвратить или отдалить тюрьму. Он принимал арест и тюрьму без испуга, мужественно, как Богом определенный ему крест. В первых числах февраля 1924 года Мануил со священниками и мирянами, в общем, человек до 20, был арестован и посажен на Шпалерку, откуда в сентябре того же года и выслан со всеми вместе в Соловки.

Епископский совет. Арест Мануила, хотя ожидаемый, произвел сильное смущение, особенно среди оставшихся на свободе архиереев. Еп. Григорий Шлиссельбургский, перепуганный, куда-то уехал из квартиры своей к знакомым, еп. Венедикт и еп. Серафим не решались что-либо предпринимать, да и в отдельности каждый боялся принять на себя обязанности по управлению епархией. У каждого из них был и благовидный предлог к отказу. Еп. Серафим ссылался на свою молодость, неопытность, неавторитетность для духовенства (во епископа он был поставлен числа 10—20 января 1924 г. ст.ст.). Еп. Венедикт, только месяца три тому назад выпущенный из тюрьмы, напуганный ею, мотивировал неприятие им в управление епархии боязнию навлечь на духовенство неприятности от властей, в глазах коих он должен был почитаться за контрреволюционера. Еп. Григорий скрылся, только через неделю-другую он проявился. И тогда, вероятнее всего, по мысли и внушению еп. Григория — более умного и продувного, эластичного и практически сообразительного, придумали такой выход из создавшегося положения: никто из них троих не будет в отдельности управляющим епархией; будут управлять вместе все трое, образуя из себя *Епископский совет*.

Так появилось это совершенно неканоническое учреждение, истории неизвестное и для дела мало полезное. Как и всегда в коллегиальных управлениях бывает, кто-либо один везет воз, другие в лучшем случае не мешают и соглашаются, в более же частых случаях тормозят работу работающего, навязывая ему свое и всю вину и ответственность сваливая на него. Так было и в нашем Епископском совете. Естественное представительство и как бы председательствование в нем было вручено старейшему по хиротонии Венедикту; еп. Серафим был как бы за секретаря, как младший; еп. Григорий — как, когда и где придется: или все или ничего. Собрания совета происходили в квартире Венедикта и, кажется, нерегулярно, по мере надобности. А надобность определялась личным взглядом на то или иное дело и отношение к нему каждого из епископов. К тому же, образуя Совет, епископы все-таки поделили между собой и епархию на округа, — каждый заведовал своим округом, — и дела: таким образом, каждый из них как бы был свободен в пределах своего округа и круга порученных ему дел, и Совет ему был нужен или когда ему нужно было отпихнуть от себя какое-нибудь дело, или в решении его опереться на других.

У каждого из епископов открылись мало-помалу приемные дни и часы, свое образовалось духовенство. Разумеется, вся тяжесть работы, неприятных разговоров и ответственности легла на Венедикта. Ответственность эта, как мне казалось тогда, увеличилась, когда, после ареста еп. Серафима, епископом Сестрорецким был рукоположен Николай (Клементьев). Это был человек с сильной волей, с настойчивостью в отстаивании своих мнений и суждений, но, из боязни последовать за предшественниками, старавшийся спрятаться за другими, в данном случае — за Венедикта.

У духовенства отношение к этому совету было какое-то безразличное. Ему значения и доверия не придавали, к нему не обращались, над его решениями частенько посмеивались, и никто не думал всерьез исполнять их. Впрочем, и Епископский совет, кажется, сознавал свое малосилие, и я не помню его постановлений, кроме некоторых. Духовенство знало епископа своего округа, главным образом, обращалось к Венедикту, его считало как бы за главного и управляющего епархией; к нему же направляли нередко и другие епископы духовенство своего округа. Интересно отметить, что и у духовенства почти не оказывалось никаких нужд обращения к епископам. Привыкали жить без них. Избиралось и перемещалось оно по постановлениями приходских советов; кляузные и судебные дела как-то совершенно прекратились; принципиальные вопросы, если бы они и возникали, они бы были выше

компетенции этого Епископского совета, да и решениям его едва ли кто придавал достаточную авторитетность.

В 1924 году образовалось в Питере порядочное количество безместного духовенства. В изыскании способов устройства своего для священнослужения и пропитания оно стало настойчиво воздействовать на еп. Венедикта и на Епископский совет. Этот, скорее всего в желании отделаться от навязчивости голодных батюшек, а не то чтобы в уверенности что-либо доброе для них сделать, поручил им в комиссии из себя выработать меры и способы их устройства. Эти выработали, потом снесли с Патриархом Тихоном, получили от него резолюцию: привести в исполнение выработанное ими под угрозой запрещения в священнослужении тем настоятелям, кои не подчинятся, — и что же? На первом же шагу постановления комиссии потерпели крах.

Епископский совет не в силах был, даже имея патриаршую резолюцию, воздействовать на ослушников. Так и осталось постановление на бумаге, а еп. Венедикт с горькой усмешкой мог лишь констатировать факт непослушания. Постановления же комиссии, одобренные и утвержденные Епископским советом, заключались в том, что все безместное духовенство было распределено по приходским церквам то в качестве штатных или сверхштатных членов, но с правами пользования полной или частичной долей из братской кружки, то в качестве приписанных на известном пособии от причта или церкви. Конечно, это бьющее по карману таких отцов, как Покровской Большеколоменской церкви, встретило пассивное сопротивление, а Епископскому совету — и активное непослушание.

Другой пример — из жизни причта Христо-Рождественской церкви на Песках. Настоятель ее — о.Л.К. Богдавленский, с согласия приходского совета, пригласил на какой-то свой праздник протодиакона Семена Дмитриева. Нетактичность о.Л.К. состояла в том, что об этом приглашении он предварительно не осведомил местного приходского протодиакона. Этот, конечно, обиделся и решил отстоять себя. Когда пришло начинать литургию, он выступил на правах первенствующего, предупредив Семена и обидев его. Получилась большая неприятность. Вмешалась двадцатка и повелительно приказала своему протодиакону уступить первенство гостю о.Дмитриеву. Произошло еще большее столкновение самолюбий. А после праздника приходский совет не удержался, чтобы не проявить своего начальствования: он за непослушание оштрафовал своего протодиакона. Тот не захотел подчиниться штрафу. И, по естественному направлению дела, должен был бы обжаловать решение приходского совета и обиду от о.настояте-

ля пред Епископским советом. Но он его не захотел знать и к нему обращаться.

Он обратился с жалобой прямо в советский исполком; пред ним постарался излить свою обиду, не пожалев красок для очернения своего настоятеля и членов приходского совета как контрреволюционеров, буржуев, обижающих его — пролетария. Советский исполком принял жалобу, послал всякие угрозы виноватым и потребовал сложения штрафа с протодиакона. Обескураженный о.Л.К. обратился к еп. Венедикту. Вина протодиакона — большая и двойная — была очевидна, и он подлежал строгому церковному наказанию от епископского суда. Но Венедикт не взялся даже это дело предать Епископскому совету, совершенно верно рассудив, что никакому решению совета протодиакон не подчинится, а Совет епископский за осуждение протодиаконского прегрешения, апробированного исполкомом, навлечет на себя большие неприятности. Так и осталось одному лишь всеискупляющему времени залечить эту большую церковную болячку.

Еще пример. Тут виноватым являюсь я. В вине этой каюсь, ее всецело сознаю и готов за нее понести епитимию. Это дело посвящения во епископа Нарвского б. настоятеля Сергиевой пустыни, потом из нее в 1919 году изгнанного и затем состоявшего и.о. настоятеля приходской церкви в посаде Володарском, — архим. Сергия (Дружинина). С ним я познакомился в 1920 году. Он мне показался скромным, тихим, обиженным, забытым. Я возымел к нему большую симпатию и жалость. Во время его постоянных сетований на тяжесть для него приходской работы, на униженность его положения, опозоренного изгнанием из Сергиевой пустыни, на возможность неприятностей — даже до ареста, от его прежних подчиненных из монастырской братии, — я постоянно всячески старался утешать его. Как-то незаметно для себя сблизился с ним и решил помочь ему.

Помощь моя в то время могла состоять только в том, что я старался расположить в его пользу покойного митр. Вениамина в целях возможного возвращения его снова к настоятельству в Сергиевой пустыни... Во время моего тюремного заключения я про него забыл; не помнил, по-видимому, и он обо мне. Он не только ни разу не помог моей голодающей семье, но даже ни разу не был у нее и ни разу мне о себе ничем не напомнил. Я был для него нужен, когда был в силе и когда, следовательно, мог быть для него полезным... По выходе из тюрьмы в 1924 году, я — не помню, как и через кого — был приглашен послужить и попроповедовать в церкви Володарского поселка. Опять столкнулся с Сергием; на этот раз я нашел его более спокойным и самоуверенным.

В Питере в это время пошли упорные толки, что по каким-то основаниям и видам советская власть решила выслать из города всех безработных. Я был в то время — январь—август 1924 года — таковым. Этот слух меня сильно беспокоил. Имея больших друзей, и новых и старых, в Володарке среди прихожан, надеясь на архим. Сергия по его заискиваниям предо мною в прежние годы, я принял предложение от прихожан послужить у них вместе с Сергием конец Страстной недели и Пасху 1924 г. и возбудил чрез архим. Сергия ходатайство о зарегистрировании меня при Володарской церкви сверх штата, без всяких прав и денежного пособия. Сергей мою просьбу принял и довел до конца: вскоре после Пасхи я получил уведомление о моем зарегистрировании. Хотя оно оказалось мне теперь ненужным, ввиду поступления моего настоятелем в конце апреля в церковь Михаила Архангела, но любезность Сергия меня обязывала, и я ему считал себя весьма благодарным...

Во время своего служения в Володарке на Страстной неделе 1924 года я жил в квартире инженера Владимира Семеновича Морозова, сошелся и сблизился с ним, считал его человеком церковным и хорошим. Вот этот самый Морозов однажды, приблизительно в конце мая или в июне, является ко мне на квартиру и говорит, что уважаемый им и прихожанами о. архим. Сергей должен отпраздновать какой-то (я теперь позабыл) юбилей свой, и прихожане хотели бы его чем-либо приветствовать, испросить ему какую-нибудь награду. Я весьма сочувственно отнесся к этой миссии. Но какую награду можно бы исходатайствовать Сергию? Он все имел. Тут-то Морозов и сообщил мне, что прихожане думают, почему бы не быть архим. Сергию епископом. Эта, как бы мельком высказанная, мысль Морозова сначала весьма поразила меня своею несбыточностью и странностью: Сергию — человеку без всякого, а не только что без богословского образования, не умеющему совершенно публично говорить, а поэтому и проповедовать, никому не известному и проявившему себя лишь фактом изгнания из монастыря, — и вдруг ему быть епископом... Я это все высказал Морозову и отказался поддержать его мысль. Но Морозов — человек с характером. Дня через два он является ко мне с близким мне по Володарке Константином Николаевичем Цолингером, и оба вместе убедительно и настойчиво начинают упрасивать меня помочь им в их хлопотах наградить архим. Сергия саном епископа. Их неотвязчивость — людей, близких мне и коим я себя считал до некоторой степени обязанным (в моем зарегистрировании меня при церкви в Володарке они оба сильно хлопотали), — меня поколебала, и я перешел на их сторону. Не буду подробно описывать всех хлопот и ходатайств, они были

очень длинны и велики; мне хотелось только изложить мотивы и побуждения, заставившие меня стать на сторону ходатаев за архиерейство Сергию. По своему обычаю, взявшись за какое-либо дело, — сначала даже и нехотя, — я обычно отдаюсь ему всецело и везу его коренником. Так и в этих хлопотах. Я их вел единолично, энергично и абсолютно бескорыстно: ни одной копейки или иной какой-либо благодарности я ни от кого за архиерейство Сергию не получил.

В этих хлопотах за Сергия я, естественно, вошел в столкновение с Епископским советом. Этот с первого же разу воспротивился этому ходатайству, отклонил его, и не только сам не повел дела о епископстве Сергию, но запретил вести его и нам. Но мы не слушались Епископского совета, вели его и довели до конца. Я не раз писал Патриарху Тихону, наконец, в октябре лично был у него и убедил назначить Сергия епископом сначала Красносельским, а потом Нарвским. Я, таким образом, оказался самым активным непослушным противником Епископскому совету и, конечно, должен бы был подлежать большому церковному, чрез архиерея назначаемому, наказанию, но Епископский совет, не только не поддержанный, но даже униженный от самого Патриарха, — что мог сделать со мной? И я остался победителем, поправшим авторитет архиерейский.

Епископскому совету, или, вернее, каждому из епископов, оставалось только творить рукоположение лиц, от приходских советов им представляемых. Эти приобрели к этому времени такое положение, что архиереям приходилось не только считаться с ними, но подчиняться им и утверждать, кого они им представляли на свободные священноцерковные места служения. Да и тут епископы должны были трусить. Советская власть не признавала их правящими, она регистрировала их только священнодействующими за богослужениями в храмах. Поэтому всякое проявление их власти административной, а тем более судебной, в глазах советской власти было актом противления ей и даже контрреволюционным. Епископам приходилось таиться, во всем урезать свое епископствование и, действительно, сводить свои права лишь к богослужению по церквам. Даже всякая написанная на бумаге резолюция была для них опасна, как наглядный акт их правления. И они должны были избегать их и делать назначения устно, или в частном письме давая о них извещения.

Епископскому совету, или, вернее, еп. Венедикту, немало приходилось разговаривать с представительными протоиереями из обновленцев. Эти последние почему-то считали Венедикта человеком сговорчивым, к ним относящимся доброжелательно, на

кого можно было воздействовать и, пожалуй, повести за собой в целях примирения себя с тихоновцами. По всему заметно было, что ими получен был приказ совне от большевиков идти на примирение с нами, даже добиваться его.

К еп. Венедикту не раз являлся Платонов, Боярский и другие. Я знаю о переговорах со слов самого Венедикта. Платонов казался в беседах с Венедиктом искренним, доброжелательным, шел на все уступки в целях соединения, не принимал лишь публичного покаяния и окропления их храмов. Заметно тяжело ему жилось и чувствовалось в обновлении. Он даже плакал у Венедикта. Но на другой — на третий день как будто раскаивался и как будто сожалел об этой им допущенной слабости и старался показать себя строгим и непреклонным обновленцем. В результате этого Венедиктом получались то от обновленцев, то от власти какие-либо выговоры, замечания, запросы и тому подобные неприятные и пугающие бумажки. Или распускались слухи о полной солидарности Венедикта с обновленцами, о согласии его соединиться с ними и соединить всю епархию, чем волновали наших прихожан, возбуждая их против Венедикта.

К сожалению, и члены Епископского совета — архиереи не только не ограждали Венедикта от этих клеветнических слухов и инсинуаций, а как бы их подтверждали. Не раз Венедикт жаловался мне на такую свою оставленность от архиереев. Бывало, все они вместе на своем совете решат такой или иной прием обновленческой депутации устроить и поручить переговоры с ней еп. Венедикту; исполнит он поручение, пойдут разговоры, и епископы первые же против Венедикта восстают с обвинением, что он так сделал, не то сказал, что это только он возится с обновленцами, а они против них и переговоров с ними и т.п.

Летом 1925 года, когда Епископский совет увеличился возвратившимся из ссылки еп. Иннокентием Ладожским, переговоры с обновленцами сильно взволновали последнего. Платонов, добиваясь объединения, обратился за содействием к о. Николаю Кирилловичу Чукову. Этот доложил Венедикту, Венедикт — Епископскому совету. С разрешения последнего состоялось совещание из наших в составе о.о. Чукова, Чепурина, Акимова, Петровского и др. На нем было высказано полное сочувствие мысли об объединении, как будто бы отвергнуто публичное покаяние и оставлено частное пред духовником, и еще что-то говорилось. Но, зная до взаимной исключительности противоположные отношения к обновлению среди питерских наших протоиереев, это совещание постановило собраться еще самим, но так, чтобы поровну было членов как от протоиереев более свободного отноше-

ния к обновлениям, так и от не терпящих их. Доселе не могу понять, почему об этом собрании о. Чукова и К° пошли самые разнообразные и нелепые слухи. Утверждалось, что соединение уже совершилось, что оно благословлено Венедиктом, что он тоже чуть ли сам не обновленец и т.п. Тогда для успокоения волнения было устроено совещание из вышеперечисленных отцов и всех епископов. Был приглашен на него и я, но не мог быть по причине отъезда семьи на дачу. На этом совещании ничего доброго не сделали, только перессорились, особенно сильно и вздорно пикировались Акимов и еп. Иннокентий. Епископский совет и тут ничего не сделал. Но это как будто бы было его лебединой песенкой.

В начале июля 1925 года Серафим и Венедикт, а потом и Иннокентий были вызываемы на Гороховую, 2; с ними там определенно поговорили, всячески допытываясь от них услышать, что они не только священнодействуют, но и управляют. /.../ Было сообщено точно время его [Иннокентия] пребывания в Гдовского уезда женском монастыре, что он там делал и даже говорил; передано было с точной датой о том, что у него была на квартире игуменья этого монастыря и кое-что другое. Всем троим епископам дано было знать, что об их административной деятельности начальству ведомо, что за ними следят, что дни их епископства сочтены и др. Впрочем, начальство оказалось «милостивым», и арестовали этих троих епископов только в ноябре-декабре 1925 г. и вскоре же выслали в Иркутскую епархию. Итак, Епископский совет правил с февраля 1924 года по ноябрь-декабрь 1925 г.

Григорий (Лебедев), еп. Шлиссельбургский. Епископствовавший у нас с конца ноября 1923 года Григорий ничем себя не проявлял, кроме разве трусости, которую друзья его именовали — и теперь иногда называют — осторожностью и тактичностью. Человек он — весьма умный, тонкий политик, но и честолюбивый; честолюбие его выражается умело, тактично и не для всех заметно. Оно часто прикрывается монашеским смирением, аскетическим настроением, умною любезностью. Явившись с наместника Александро-Невской лавры как нежелательный братии, никем не званный, он сумел мало-помалу, одного за другим, расположить на свою сторону сначала младшую братию, а потом и старших. Он умело, с отказом от себя, увеличил доходность и храмовую, и братскую. За устройство своего положения и авторитета в лаврской братии — на счет возвышения материального благополучия братии — Григорию пришлось пострадать. Он был обвинен в продаже лаврской ризницы для устройства братии, посажен в тюрьму, судим и приговорен условно на какой-то небольшой срок к наказанию. На суде он держал себя неожиданно, к удивлению всех,

мужественно, отвечал безбоязненно, но любезно. Вышел из залы суда с еще большим авторитетом и бабьим окружением.

Бабье окружение — это новое явление революционных годов. Около каждого молодого священника, и тем более архиерея, образуется толпа почитательниц, сопровождающих его на каждом шагу, почти обязательно присутствующих за его богослужением, повсюду распространяющих славу о нем, горой, с пеной у рта защищающих его от нападков недоброжелателей или просто равнодушных к нему, требующих для него от всех почета, уважения и главное — материального благополучия. Я сам был молодым священником, и не особенно уж заурядным, знал многих молодых, выдающихся и умственно, и физической красотой, и энергичной работой священников, но ни у кого из нас никогда не было ни только бабьего хвоста, но и просто так называемых почитательниц. Молодого, дельного и работающего священника все почитали и уважали, и мужчины не меньше женщин. Быть может, в то до-революционное время женщины почти совершенно не касались церковных дел, были далеки от них. Даже и мужчины-то мало вникали в них, их ведало одно лишь духовенство. Теперь мужчины, боясь за себя, за службу, за кусок хлеба, как-то попрятались, особенно с 1921-1922 годов. Женщины, которым в большем их количестве нечего было бояться, выступили вперед, подошли вплотную к церкви, к церковным делам, духовенству.

Стали образовываться по приходам с разными целями и задачами разнообразных служений так называемые братства, которые почти исключительно составлялись из женщин — чаще всего не из старых и даже не из пожилых, — почему иногда и именовались они «сестричествами». Женщина, всегда живущая больше сердечной и волевой стороной, не могощая, хотя и старающаяся преодолеть в себе физические потребности, пошла в эти братства и сестричества и стала окружать молодых работающих батюшек и архиереев. Впервые такое женское окружение появилось около каждого из трех молодых, энергичных, деловых монахов лаврских: Иннокентия (потом епископа Ладожского), Гурия и Льва (братьев Егоровых). Теперь оно наблюдается около многих других, по большей части молодых, священников.

Григорий еще до тюрьмы стал пользоваться большими симпатиями среди женщин. Его самого заподозрить в бурных целях пользования женщинами совершенно нельзя: он чистый, целомудренный монах. Они нужны ему разве только как свита, дающая ему помпу, составляющая ему славу и тешащая его честолюбие. Что нравилось и привлекало к нему женщин, я понять никак не могу. Со многими из них по этому поводу говорил и слышал раз-

ное. «Он такой чистый, духовный монах», — говорили одни. «Он такой добрый, простой, любезный архиерей», — слышалось от других. «Он так истово, религиозно молится и служит, что за его службой чувствуешь себя легко и выходишь из церкви удовлетворенным и радостным», — отзывались третьи. Иным нравились возвышенные, высокопарные, всегда окутанные мистическим туманом проповеди. Наконец, иным он представлялся приятным со всех сторон эстетом. Ни одного из этих достоинств отрицать в Григории нельзя: в большей или меньшей степени они у него имеются. Но, поскольку я могу судить объективно, влекут к Григорию женщин его мужские достоинства и их женские слабости, иногда бессознательно ими владеющие и ими распоряжающиеся.

Когда были арестованы три епископа, Григорий опять перетрусил, но сумел это умно скрыть. Под видом своего благоволения и нужды в епископах он поспешил реабилитировать Сергия, еп. Нарвского. Доселе он не только не признавал его, но ни разу не принял с визитом, лукаво избегая его и до дерзости грубо отзываясь о нем. Теперь, чтобы себя скрыть, затенить, он особым, в деликатных фразах составленным письмом, предложил ему служить, где он пожелает и куда его будут просить. И сам стал его пихать служить в разные места, куда его, Григория приглашали и куда он боялся показаться. Сергий стал составлять себе имя; появился в кафедральном соборе Воскресения-на-Крови, за свою дешевку и показную простоту понравился там и стал частым гостем. Григорий продолжал держаться в стороне. Окружавшие его не только поощряли это его укрывательство, но старались убеждать его дальше и дальше быть от епархиальных и церковных дел. Он умело это и творил.

Под предлогом возможного оскудения в епископстве, но все-таки в целях еще большего уклонения своего от видимости управляющего епархией, он скрытно от всех убедил принять епископство и рукоположиться протоиерея Покровской церкви о. Димитрия Любимова. Этот и явился к нам на третий или четвертый день Рождества 1925 года в сане епископа Гдовского, получив посвящение в Нижнем Новгороде от митр. Сергия.

Таким образом у нас опять стало три епископа. Григорий, как старейший, должен был или опять устроить Епископский совет, или править на правах управляющего. Григорий поступил умно. Управляющим епархией он себя не объявлял, но и Совета не возобновлял, он стал править, как и в каких случаях ему казалось удобным и полезным. Еп. Димитрий на правах не столько епископа, сколько близко ставшего к Григорию человека, часто бывал у Григория, как и Григорий у него, и они как-то так управляли

епархий, что мы ничего не знали и не понимали — да, сказать по правде, — мало интересовались ими и их делопроизводительной работой. Впрочем, Григорий в одной из келий Александро-Невской лавры открыл нечто вроде своей приемной канцелярии, где однажды пришлось и мне быть у него. Все дела он вел без бумаг и переписок — устно, на словах. Да и дел было по-прежнему мало. Обращались к епископу лишь за посвящениями. По-прежнему Григорий как бы делил дела с Димитрием, предоставив последнему бракоразводные неприятности и отдаленные — Гдовский с Ладожским — уезды. Еп. Сергей также по-прежнему остался лишь с правом священнодействовать, только теперь это право расширено было: Сергей служил всюду, где его приглашали, нередко командировался Григорием, куда последнему не хотелось или почему-либо казалось неудобным ехать.

При Григории жизнь епархиальная шла тихо и спокойно. С обновленцами не входили ни в какие сношения, большими делами не задавались. Но авторитет и влияние Григория как-то росли, к нему влеклось и духовенство. Ему сочувствовали, и с ним любили беседовать и служить. И, возможно, что при нем жизнь наша устроилась бы наилучшим образом, и он был бы у нас самостоятельным архиепископом, но его честолюбие побоялось за свой престиж и выявило себя весьма нетактично, резко и для Церкви весьма вредно в тех последствиях, кои мы теперь переживаем.

В марте 1926 года ожидался из высылки Николай (Ярушевич), епископ Петергофский. Он немного времени до высылки был епископом, но своею службой, а главное, проповедями привлек к себе симпатии народа. Как бывший наместник Александро-Невской лавры, он был любим и монахами лавры. Человек он весьма умный, деловой, по хиротонии — старейший сравнительно с Григорием. Таким образом, по всем сторонам он был опасным соперником для еп. Григория. К тому же и бабье окружение у Николая до высылки было немалое, оно его не покидало и в высылке. Все это соображал Григорий и предчувствовал со стороны Николая себе неприятного сотоварища. Как ни деликатен и ни тактичен был Григорий, но Николай смущал его и нервировал. И он еще до приезда Николая стал высказывать о нем нелестную характеристику, хотя как бы чужими словами и мнениями: говорят, что Николай — большой интриган, что Николай был у обновленцев, что он вел сношение с обновленческим ВЦУ и т. п. Конечно, доброжелатели Николая сие не только в сердце своем слагали, но и до сведения Николая доводили. И таким образом, Николай и Григорий, еще не зная лично друг друга, являлись враждебно

один против другого настроенными. Не знаю, правда ли это, но говорили, что когда приехавший Николай явился с первым визитом к Григорию, то этот не сразу его принял, а принявши, был с ним сух и нелюбезен.

Почти одновременно с Николаем вернулся из ссылки Алексей (Симанский), епископ Ямбургский. Этот после ареста и расстрела митр. Вениамина, как первый викарий был уже управляющим епархией и теперь ехал в Питер с надеждой стать во главе епархии. Правда, у него было много минусов (о чем впереди речь), и он как будто бы не был сам расположен к главенствованию в епархии, но у него в городе среди духовенства были влиятельные друзья, которым выгодно было и весьма хотелось видеть Алексея правящим. Разумеется, затенение его управлением Григория раздражало их, и они всячески старались муссировать, что Григорий не по праву управляет, что есть уже теперь более старшие, что управление должно перейти к Алексею или к Николаю. Эти суждения поднимали мысли Николая и Алексея к кормилу правления — тем более, что, по-видимому, времена наступали сравнительно спокойные и безопасные, — а настроение Григория портили и нервировали. Поползли слухи о мелких столкновениях между Григорием с одной стороны, и Николаем и Алексием, с другой, о мелких уколах и придираках первого и о раздражении вторых. Николай и Алексей объединились в их раздражении и действиях против Григория, к тому же объединены они были совместной работой при митр. Вениамине и в первые месяцы обновления, объединены были и их, по-видимому, одинаковыми взглядами и отношением к обновлению, объединены были и единством группы духовенства, стоявшей за них и против Григория.

В слухах о каких-то столкновениях между этими епископами была какая-то правда. Раздражение между ними приняло высокую степень напряжений, и Алексей с Николаем решили ехать в Москву к заместителю патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию, чтобы выяснить свое положение в епархии. По установившейся издавна практике, ставшей законом, поездка викариев к высшей церковной власти не иначе предпринимается и совершается, как с благословения правящего епархией. Николай и Алексей, в их недовольстве против Григория, этим правилом пренебрегли: поехали совершенно неожиданно для Григория. И только на Николаевском вокзале как будто одумались: написали здесь письмо и отправили Григорию с извещением, что едут в Москву к Сергию.

Письмо это Григория не застало дома. Вскоре вернувшись и найдя это письмо, он пишет, но уже не им, а митр. Сергию. В

письме своем, желчно говоря о трудности своего положения как правящего, выражает пожелание быть освобожденным от управления, — письмо краткое, довольно туманное, я его в свое время читал. Письмо это стало известно нам и друзьям Григория после уже возвращения епископов из Москвы, — его никто не одобрил. Раскаивался в посылке его — потом — и сам еп. Григорий, но было уже поздно. Из Москвы епископы вернулись радостными и довольными: резолюцией митр. Сергия Григорий был освобожден от управления епархией и таковым был назначен еп. Алексий.

Епископ Алексий. Еп. Алексий в Питер явился в 1921 году, будучи переведен сюда из Тихвина, и до обновления ничем себя не проявлял. Красивый из себя, ловкий и любезный, вполне светский, он любил светское дамское общество. Даже во время богослужения он нередко посматривал по сторонам и даже улыбался и раскланивался со знакомыми, хотя бы и барынями. Среди народа и большинства духовенства он симпатиями не пользовался. Таким бы средненьким ничтожеством он и пробыл бы до конца дней своих, если бы не печальное его вмешательство в дело снятия запрещения с прот. Александра Ивановича Введенского.

Введенский за его самовольную отлучку из Петрограда в Москву, за дерзкое попрание прав Патриарха и насильственное его удаление с кафедры был митр. Вениамином запрещен в мае 1922 г. в священнослужении. Это запрещение заметно сильно беспокоило Введенского, и он всячески — то прельщением, то угрозами даже смерти — добивался и даже требовал от Вениамина разрешения от запрещения. Но митр. Вениамин оставался непреклонным и не убоился смерти и запрещения не снимал. Вениамина арестовали домашним арестом, но он не сдавался. К нему не раз являлся Введенский совместно с Бакаевым, бывшим председателем ЧК, но все напрасно. Тогда Введенский стал воздействовать на викариев, которые еще пользовались правом свободного доступа к Вениамину. Но и они не желали просить митрополита. Пишу все это со слов еп. Венедикта, не раз в тюрьме рассказывавшего об этом важном деле.

Введенский, совершенно верно оценивая для дальнейшего роста обновления свое правомочие как свободного от запрещения в священнослужении, собирает в квартире Алексия всех викариев и требует от них снятия с него запрещения. Викарии вполне резонно отказываются, ссылаясь на общецерковные правила, позволяющие снятие запрещения только лицу епископскому, положившему его; митр. Вениамин был жив, не в тюрьме, к нему свободно ходил Введенский, а поэтому и снять запрещение мог только Вениамин и не имеют никакого права викарии. Введенский требует,

Бакаев настаивает и грозит, викарии не сдаются. Не один час толковали. Алексей сдавался на разрешение и склонял к нему прочих викариев. Николай все время молчал, Венедикт сильно, но тактично не соглашался, а Иннокентий резко и категорично отказывал. В конце собрания даже и Николай сказал, что не согласен дать разрешение на священнодействие Введенскому. С этим концом все разошлись по домам.

А на утро, к своему ужасу и удивлению, читают в газетах о снятии запрещения с прот. Введенского еп. Алексием. Было поражено и возмущено этим поступком и все питерское духовенство (я в это время уже сидел в тюрьме), и отношение у него к Алексию из безразличного перешло во враждебное. Духовенство хорошо сознавало, что запрещенный в священнослужении Введенский — бесильный человек в рясе, а так как обновление было почти исключительно его одного дело, то с ним, запрещенным, оно не пошло бы вперед и заблекло; он же, свободный от запрещения, естественно, должен был творить обновление и развивать его, как свое детище. Таким образом, в конечном выводе оказывалось, что еп. Алексий, снявший запрещение с Введенского, послужил делу обновления в значительной степени, — послужил как самый ревностный сторонник его. Поэтому вина за обновление на Алексии лежит очень великая и ничем не могущая быть оправданной или извиненной.

Впоследствии Алексий оправдывал себя тем, что этот антиканонический поступок допустил только в желании облегчить участь Вениамина: ему-де было обещано это за снятие запрещения Введенскому. Алексию нельзя отказать в уме, и он не мог дообразить, что Введенский запрещенный весьма нуждался в Вениамине и не мог бы допустить его казни, дабы не оставить себя навсегда под запрещением. Введенский, свободный от запрещения, совершенно не нуждался в Вениамине и последнему требовалось отплатить за запрещение, стерев его с лица земли. Таким образом, Алексий этим своим актом, конечно, бессознательно подвел под расстрел митр. Вениамина. Снял запрещение с Введенского только потому, что испугался угроз и тюрьмы, чем заплатились чуть ли не на другой день после этого снятия активные противники его — епископы Венедикт и Иннокентий.

Нерасположение духовенства к Алексию выявилось с первых же дней его управления за митр. Вениамина. На общегородском собрании духовенства на Духов день Алексию было высказано много горьких слов и определенно заявлено, что его признает духовенство за правящего епископа только потому, что он старший, на свободе оставшийся епископ, но за ним будут следить и не допустят никаких с его стороны уклонений.

Но ни Алексей, ни Николай не смогли остаться в стороне от обновления: они оба признали ВЦУ. Алексей это признание выразил, испросив увольнение от управления епархией у него, Николай, взяв себе от него отпуск. В отставке Алексей не долго пробыл. Почему-то духовенство, обходя бывшего на свободе еп. Николая, снова призвало к управлению Алексея; на каком-то собрании духовенства Алексей и Николай приносили покаяние и были приняты от обновления как православные. Этому покаянию пред священниками как-то не верится, но оно было, это утверждают авторитетные из пастырей. Вскоре после этого Алексей был выслан в Среднюю Азию, в Акмолинскую область. Вот этот самый Алексей теперь и явился из Москвы от митр. Сергия с правом правящего епархией нашей.

В первые дни (это было летом 1926 года — в начале его) Алексею в епархии было улыбнулось; он уже служил в кафедральном соборе у прот. Верюжского. Но скоро духовенство стало разбираться в нем. Я первый определенно и категорически высказался против него, не имея сил и права признать его за, по моему убеждению, его величайшую вину против церкви и митр. Вениамина и за его громаднейшую услугу обновлению, мною только что описанную. К тому же и личные его данные были не только не в его пользу, но всецело против него. В одном собрании на Высших Богословских курсах я с возмущением высказал ключарю кафедрального собора прот. Никифору Стрельникову свое недоумение, как о.Василий Максимович Верюжский мог допустить Алексея до служения в соборе. Мои обвинения Алексею стали распространяться далее, и все большее и большее количество лиц стало противиться ему. Алексею стало это известным. И он, чтобы укрепить себя, стал приближаться к группе лиц во главе с о.Николаем Чуковым и в составе Чепурина, Кедринского, Митроцкого, Акимова, Заборовского и др.

Группа эта дала основание к еще более сильному возбуждению недовольства против Алексея и еще большее количество из духовенства и мирян собрало против него. Дело в том, что группа эта всегда почиталась «обновленческой», т.е. сочувствующей обновлению и готовой объединиться с ним на самых льготных для него условиях и как будто бы во вред чистоте Православия. Я уверенно могу сказать, по крайней мере, о Чукове, что он — не с такими намерениями и отношениями к обновлению. Но молва часто бывает сильнее факта. Пошли толки, что Алексей как был, так и остался обновленцем, что им руководит группа обновленцев, что к нему близки лица из ЧКа и т.п. Жизненные обстоятельства, как нарочно, способствовали утверждению и распространению этих слухов.

Чуков, а потом Павел Антонович Кедринский были вызываемы в ЧКа, там с ними любезно говорили, выказывали недоумение, почему мы живем без легализации, что такое положение, естественно, возбуждает советскую власть на всякие подозрения против нас и особенно против епископов наших; почему духовенство принимает и держится таких епископов, как Димитрий Любимов, известный черносотенец, почему духовенство не может и не желает само взять управление епархией в свои руки; что такое управление советская власть непременно бы признала и легализовала, — в конце концов предложили им начать дело о легализации в масштабе пока только местном епархиальном, обещав помощь и дав надежду. По словам Чукова, лично мне сказанным, этот вызов его ЧКа он сделал известным еп. Григорию, в то время еще управляющему епархией, от него получил благословение на беседу там и о результатах беседы и о самом ходе ее снова подробно доложил Григорию. Но все это было в последние дни правления Григория, а поэтому продолжение дела пало на дни Алексея, почему все оно в своем начале и конце — стало связываться с его именем.

Уже одно имя ЧКа в глазах наших православных возбуждает всякие подозрения и опасения. Естественно, как только что стало известным это сношение Чукова с советской властью, так сразу же все дело было окрашено в красный цвет, и отношение к нему определилось отрицательное. А Алексей, близкий к группе Чукова и К° и санкционировавший ведение в дальнейшем переговоров с советской властью, еще более оттолкнул от себя значительную часть духовенства и пасомых.

Чуков, получивши благословение на ведение переговоров с ЧКа, явился, по его словам мне, вторично туда и получил там надежду на легализацию Епархиального управления. Пошли в его группе собрания и переговоры. На них, совместно с еп. Алексием, решено было ходатайствовать пред советской властью о разрешении общепархиального собрания с узкой пока задачей: выбрать лиц в Епархиальное управление в качестве помощников правящему епископу, получить легализацию сему управлению и правящему епископу. Дело было задумано не дурное — то, что теперь мы получили только в общероссийском масштабе. Но повела это дело группа лиц, которым громадная часть влиятельного духовенства, а с ним вместе и мирян, не только не сочувствовала, но прямо-таки не доверяла и даже откровенно заподозривала в скрытом обновлении. Советскую власть знали как творящую только худшее для Церкви и раздоры, а тут вдруг сама идея с предложением доброго для Церкви, — конечно, не с добрыми целями.

Да и переговоры ведет с лицами, по меньшей мере подозрительными. По всем этим основаниям образовалась группа лиц, не только пассивно не сочувствовавших, но и активно старавшихся воспрепятствовать осуществлению переговоров. Путь и способ для воспрепятствования мог быть только один: удаление от дел еп. Алексия. В этом направлении и началась работа.

Алексий, как будто ничего не замечая, творил все более к нему недоверие и антипатии возбуждающее и усиливающее. Быть может, в желании себя зарекомендовать со стороны обратно противоположной обновленчеству, он принялся присоединять из обновления не столько храмы и приходы, сколько лиц. И тут лишь насолил себе. Присоединил священников, чрез обновление пролезших в Питер, мало его достойных, как Яценко, Ефимов, и чрез это самое еще более Алексий умалял себя, ускоряя свое удаление от дел. Не нравилась духовенству барственность его, важность в обращении с обычными членами причта, в богослужении — немолитвенное настроение, поглядывание по сторонам.

Для характеристики легкомыслия и неосновательности Алексия не могу не привести такого факта, свидетелем которого я сам был. В маленьком кружке преподавателей Высших Богословских курсов о.П.П. Мироносицкий предложил интересный доклад о переводе богослужебных песнопений на русский язык и о богослужении на нем. Сам Мироносицкий не раз оговаривался, что он не считает возможным теперь введение русского языка за богослужением, что на свои работы по переводам смотрит лишь только как на материал для будущего — возможно, отдаленного — времени. Еп. Алексий выслушал доклад и вдруг неожиданно для всех обращается к прот. Ладыгину, в церкви которого он часто служил и с которым он был близок, и говорит ему: «А что, о.протоиерей, попробуем-ка мы в своей церкви пропеть вот эти песнопения Порфирия Петровича на русском языке за богослужением хотя бы завтра. Ведь это будет очень интересно, но и важно». Конечно, более толковый отец протоиерей отклонил предложение своего епископа. С такой скоропалительностью малоосновательный архиерей много бед может натворить. Подальше от него или, вернее, его от нас, от нашей епархии.

И пошли разные ходатайства к митр. Сергию с просьбой избавить нас от Алексия и дать нам самостоятельно правящего епископа, по возможности из пожилых. Викарные себя показали достаточно ясно, чтобы стремиться избавиться от их управления. Их молодость с честолюбием, их боязнь со стремлением постоянно примкнуть к большинству духовенства, отсутствие архипастырского руководства, с отдачей себя и епархии под во-

дительство той или иной группы, — все это наскучило и вред для епархиально-духовной жизни достаточный принесло. К митр. Сергию и письма посылались, и отдельные лица ездили.

Митр. Сергей понимал положение нашей епархии, принимал ходатайства и ходатаев, но сделать ничего не мог. Кому из старейших епископов, которые бы могли рассчитывать на авторитет среди нас, он ни предлагал нашу епархию, все отказывались: боялись высылки, которая была часто для наших архиереев за их правление, да и духовенства нашего тоже побаивались: уж очень сильно было у нас пресвитерианское влияние и важны протоиереи с их привычкой «быть близкими» к епископу — до затенения его лица и до возбуждения недоброжелательства у других отцов. Митр. Сергию оставалось только предложить самим нашим ходатаям подыскать и упросить к себе епископа, что он и сделал и указал им на киевского vicария еп. Василия Богдашевского. С ним повели переговоры. Он сначала было согласился, но скоро одумался и отказался. Тогда вступили в переговоры с другим архиепископом — Ростовским Иосифом (Петровых). Он не раз бывал по своим личным делам в Питере, служивал в кафедральном соборе и был знаком кое-кому из духовенства и мирян. Он нравился. В надежде, что понравится он всем, его стали просить и, наконец, упросили, и он согласился. Результатом сего была в половине августа 1926 года резолюция Сергия о перемещении Алексия епископом Тихвинским на правах управляющего Новгородской епархией и о назначении к нам с саном митрополита Иосифа Ростовского.

Не могу не отметить, что за все время правления епархией Алексия еп. Николай Петергофский держался в стороне. Он хорошо видел Алексия со всеми его «достоинствами», прекрасно понимал его непригодность для епархиального управления; очевидны были все большие и большие отклонения от него духовенства и мирян, и Николай не захотел связать своего имени с ним. Другие архиереи — Григорий и Димитрий все время к Алексию относились отрицательно; в хвосте за ними плелся и Сергей, еп. Нарвский. Это отрицательное, скорее недоброжелательное отношение особенно ярко обнаружилось в деле переговоров о легализации епископов и об Епархиальном управлении, о чем говорил ранее.

Алексий, ведомый группой о. Чукова и К°, дело по сношению с советской властью о легализации решил провести при общем участии всех епископов и даже через решение его только одними епископами. Для этого он пригласил к себе на квартиру всех епископов. Григорий на приглашение не дал никакого ответа и не приехал. Димитрий сначала предполагал ехать, и Григорий ему сове-

товал ехать. Сергей Нарвский, польщенный таким для него неожиданным привлечением в среду епископов, побывал у меня и еп. Димитрия и с нашего общего совета был на собрании. Три епископа собрания не дали. Алексей и Николай, оба сочувствовавшие этой легализации и ее сильно желавшие, не могли считать Сергея себе равнополномочным, а поэтому без тех двух считали совещание не состоявшимся. Сергей тоже говорил о необходимости собрания всех епископов, но привнес пожелание привлечь в это совещание и некоторых из городских протоиереев. Собрание кончилось ничем.

Но для обоих епископов — Алексея и Николая — ясно было, что Григорий и Димитрий не с ними, против них. Григорий вообще за все время правления Алексея держал себя в стороне от него, не имел с ним никакого общения. За это время объединились Григорий с Димитрием, у них завелась дружба при единомыслии по разным церковным вопросам. В это же время отшлифовалось противление Алексею и Николаю с антипатией к ним обоим. Ярко обозначились два кружка: Алексей с Николаем и Григорий с Димитрием. Сергей, в силу его близости к Верюжскому и ко мне, также более примыкал к кружку Григория, хотя лично имел большие основания враждовать с Григорием и тянуться к Николаю с Алексием. Григорий долгое время не признавал епископства Сергея, не принимал его лично, откровенно называл архиереем-мужиком, невеждой. С Николаем же, в бытность его в ссылке, Сергей был в переписке, иногда посылал ему кое-что туда и пользовался от него заметной ответной благосклонностью. Казалось, и теперь в этом епископском раздвоении Сергей должен был быть на стороне Николая, но практическая смекалка и близость к кружку лиц, не признающих Алексея, поставила Сергея в ряды Григория.

Было еще собрание епископов. Были на нем Димитрий и Сергей. Был ли Григорий, не знаю, но только и он подписал бумагу к советской власти не то о разрешении Епархиального собрания, не то о легализации каждого из них, викарных епископов. От Сергея я слышал, что они подписали бумагу об их, епископов, легализации, а разрешение от советской власти последовало как будто бы в ответ на их просьбу о созыве Епархиального собрания.

Дело с этими хлопотами провело большую линию раздела между нашими викариями: обиженный еще прежде отставкой от епархии Григорий и с ним вместе его друг Димитрий и тянувшийся к ним Сергей — и торжествующие Алексей с Николаем. Отставка Алексея дала торжество Григорию: хотя не в правящих — Григорий, но и Алексей удален, не радостно и Николаю. На-

значен новый митрополит, призванный группой лиц противников Алексия и сравнительно близких к Григорию. Удаление Алексия таким образом означало и проявление второго этапа борьбы между епископами: павший Григорий если не восстал, то все-таки торжествует; торжествующий Алексий пал, а с ним вместе, по меньшей мере, в опале и еп. Николай. Это свое положение, конечно, хорошо сознавал и сам умный Николай. И если уж Николай старался держаться по возможности в стороне, то с удалением Алексия он совершенно затаился, ушел в себя и являлся лишь за богослужениями с прекрасными проповедями.

Митрополит Иосиф. Митр. Иосиф был известен, и то очень немного, небольшому кругу духовенства и отчасти мирян. Но назначение его было встречено с большой, даже восторженной радостью. Ну, думалось, наконец-то мы опять с настоящим архиереем, наконец-то прекратится архиерейская рознь и скачки на первенство, наконец-то наступит мало-помалу порядок в наших делах и взаимоотношениях. Так мы думали, и наивно думали, мы забывали ужасного нашего врага: советскую власть, которая не могла нас оставить хотя бы при малом благополучии, да и мы при нашей наивности допустили грандиознейшую нетактичность. Нетактичность эта состояла в устройении грандиознейшего торжества в день Александра Невского, 30 августа.

Собор Александро-Невской лавры дотоле находился в ведении обновленцев, и к концу августа (по ст.ст.) был снова передан нам. Уже это одно событие давало большое торжество. К нему присоединился и престольный праздник лавры, торжество усугублялось. На этом и следовало бы покончить. Но русские люди — люди большого размаха, широкой природы. Не удержались и здесь. Приурочили к этим двум торжествам еще третье, и гораздо большее: встречу и первое служение вновь прибывающего митрополита. Это одно событие — давно желанный, но давно и не виданный митрополит, его белый клобук — само по себе способно было созвать в собор массы верующих. А когда оно соединилось с первыми двумя, то получилось торжество действительно величайшее. Духовенство за всенощной и литургией присутствовало почти все; народу-богомольцев было до чрезвычайности много, запружена была вся площадь перед собором. Кажется, весь православный Питер перебивал в эти службы всенощной и литургии в лавре. Восторгам и умилению не было пределов, радость слышалась отовсюду и виделась на лицах, разговоры лились самые оживленные и молитвенно Богу благодарные.

Да и сам митр. Иосиф внушал к себе с первого же взгляда на него симпатии и доверие. Высокий ростом, несколько сутуло-

ватый, с седеющей длинной бородой, нависшими бровями, умными приятными глазами, совершенно аскетического облика монах привлекал к себе и нравился; в богослужении у него не было ничего вычурного: просто и молитвенно. Симпатия к нему развивалась от отзывов о нем людей, выдавших и говоривших с ним. Отзывались о нем как об истинном монахе, добром человеке, горячем молитвеннике, отзывчивом к нуждам и горестям людским; хотелось быть около него, слушать его... И нам, духовенству, казалось, что именно его-то нам и нужно, что именно он-то и может проявлять тот авторитет, который обязывает к послушанию, отклоняет от противления, научает к порядку, дисциплинирует одним взглядом, — словом, что с ним-то начнется у нас настоящая жизнь, что будет у нас Владыка Отец. Но человек предполагает, а Бог располагает. Отслужил Иосиф литургию, кое-кого из более пронырливых от духовенства принял и собрался на другой день выехать в Ростов, чтобы проститься с бывшей его епархией. Уехал и больше уже не приезжал. И то доброе, что мы от него ожидали, повернулось в дурное и печальное, что мы теперь переживаем и что именуется церковной разрухой, о коей я упомянул в первой строке этого своего письма.

Первое, что не могло быть добрым, им сделанное, — это назначение — пока на время его отсутствия, а потом и на долгое время — вначале как бы его заместителем, а потом и управляющим епархией некоего нам неведомого епископа Гавриила.

Епископ Гавриил. Еп. Гавриил — уроженец Петрограда, в детстве алтарный мальчик нашей Михаило-Архангельской церкви (по его словам), в Сибири был епископом, какая-то темная для нас у него была близость к обновлению, почему-то выслан был на родину, т.е. в Ленинград. Здесь жил он у родных на положении частного гражданина. До митр. Иосифа он ни разу не служил нигде, приютившись в Творожковском подворье. Я с ним два раза виделся в церкви-подвале, что была на углу Боровой ул. и Обводного канала; я заходил к ранней обедне по пути из 2-го исправдома помолиться, и он здесь приобщался. На мой вопрос к нему, почему он не служит, он отвечал, что побаивается неприятностей от властей, что в его положении ссыльного нужно быть весьма осторожным. И вдруг этот Гавриил, с возведением в сан архиепископа Ямбургского, был оставлен митр. Иосифом в качестве управляющего нашей епархией. Надо думать, что в этом назначении Иосиф руководился тактическими соображениями. Зная, говоря деликатно, недоразумения между Николаем и Григорием, он никому из них не нашел полезным вручить епархию, а поэтому поставил во главе чужого человека для епархии — еп. Гавриила.

Духовенство и миряне сначала очень удивились такому положению, а потом, поняв Иосифа, признали, что Гавриил, пожалуй, был самым лучшим исходом из создавшегося отношения между епископами. Тем более примирились с Гавриилом, что не рассчитывали на долгое отсутствие Иосифа и понимали Гавриила как находящегося под постоянным и близким руководством Иосифа.

Гавриил — большая посредственность, но в некоторых сторонах он проявлял большую настойчивость. Так, ему не нравилось служить с кем-либо из епископов; всегда старался устроить свое единоличное служение, отговаривая приглашавших от траты на другого епископа. Упорно требовал чтения 3-го и 6-го часов пред литургией, выпевания полагающихся за литургией кондаков и вообще уставности. На мое однажды шуточное указание, что-де можно и не пропеть кондака, он довольно серьезно заметил: «А что тогда подумают обо мне, вот, скажут, и архиерей устава не знает...» За литургией возгласы освящения Св. Даров делал на греческом и латинском языках; от последнего странного нововведения отказался незадолго до оставления епархии после многократных указаний ему со стороны духовенства и мирян, что это его новшество делает непонятным самые лучшие и важнейшие моменты в литургии, отвлекает внимание от молитвы к звукам его голоса на неизвестном языке и не нравится молящимся. Любил проповедовать довольно-таки протяженно-слаженно, больше все на одну тему о богослужении, о красоте его, важности, необходимости посещать его...

В епархиальных делах он ничем себя не проявлял; он, можно сказать, плыл по течению. А течение это устраивали и до него еще приходские советы, или, как стали их называть, — «двадцатки»; при нем они, в их влиянии на приходскую и даже причтовую жизнь, весьма усилились. Епископ с ними соглашался; они требовали, и причтам иногда приходилось горько. Характерен для Гавриила случай у Николы Морского. Молодой, пронырливый и с не очень высоким пастырским настроением, больше с карьерным честолюбием, свящ. Жарков был принят причтом этого собора на условиях причисления с каким-то пособием денежным. Он быстро освоился в соборе, узнал, кому нужно кланяться и пред кем высоко голову носить, и возбудил сначала перед причтом, а потом пред «двадцаткой» ходатайство о включении его в штат причта на вакансию псаломщика. Причт отказал, как и следовало поступить. Почти что на жалобу, — иначе трудно охарактеризовать поступок о.Жаркова, — на причт «двадцатке», «двадцатка» потребовала от причта исполнения желания Жаркова. Причт снова отказал. «Двадцатка» снова стала требовать, пригрозив

трем членам причта вместе с настоятелем Чуковым увольнением от церкви.

Тут-то и произошло [у Гавриила дело, неприятное] для Жаркова. К нему сначала поспешил причт с просьбой на бумаге не вводить Жаркова в штат; Гавриил с ним согласился и просьбу их удовлетворил письменной резолюцией. За причтом в это же утро явился к Гавриилу представитель от «двадцатки» — всеильный староста и потребовал от Гавриила утвердить их постановление о включении Жаркова в штат. И Гавриил, только что отпустивший Чукова с собственной резолюцией, утверждает постановление «двадцатки» совершенно противоположного содержания. Таков Гавриил был и в других делах и столкновениях причтов с «двадцатками». Оставленный Иосифом, чтобы утишить междуепископские недоразумения, он не сумел быть проводником его желания. Недоразумения при нем не упались, а еще более возросли.

Дело в том, что переведенный еп. Алексей исходатайствовал себе право остаться на жительство в Петрограде. Остался и, конечно, не успокоился; его поддерживала группа Чукова и К°. Еп. Николай, хотя незаметно, умно и осторожно, влиял на недалекого Алексея в том же определенном направлении. Алексей стал мало-помалу являться служащим в церквях — сначала друзей, а потом и других настоятелей, пассивно-безразличных. Григорий и особенно Димитрий, действовавший по незаметному для него самому влиянию и указке первого, противились этому служению. Часть духовенства — противников Алексея поддерживала и подогревала их. Добыто было от митр. Иосифа, оставшегося номинально все еще правящим епископом, письмо с запрещением иноепархиальным (читай — Алексею, единственно в то время иноепархиальному) совершать богослужения в церквях епархии без разрешения еп. Гавриила. Утверждали, что Гавриил даже уведомить Алексея об этом распоряжении Иосифа постеснялся или побоялся.

Если же и уведомил, то Алексей и К°, справедливо оценившие всю малозначительность этого распоряжения при проводнике его Гаврииле и хорошо понимавшие все бессилие Иосифа с маловероятным возвращением его в Петроград, не обращали никакого внимания на распоряжение Иосифа, и Алексей, живя почти безвыездно у нас, продолжал служить. Стали пускаться слухи, что Иосиф больше не вернется, что Алексей скоро снова будет в Питере правящим с титулом митрополита. Духовенство волновалось. Более настойчивые из нас стали настраивать Димитрия, а чрез него и Григория, чтобы они потребовали от Гавриила испол-

нения распоряжения митр. Иосифа. Согласные с этой частью духовенства епископы имели переговоры с Гавриилом, но — безрезультатно. Отношения между епископами не улучшались, а все более и более осложнялись и ухудшались. Дела и жизнь епархии клонились не к улучшению, а к еще большему тупику.

В начале Великого поста 1927 года был арестован и посажен в тюрьму Григорий, а в конце его и Гавриил. Невольно в этих горестях для лиц и для епархии искали виновников, и молва стала указывать на Алексея и К°. Но благоразумие противников их брало верх, и молва не ширилась и не принимала острой формы выражения.

Но с кем осталась епархия? Митр. Иосиф был уже в ссылке в г. Устюжне, влиять — а тем более близко стоять к делам нашей епархии — не мог, поездки к нему были редки, и то лиц, только весьма близких к нему. Но имя его, как правящего, все еще продолжало произноситься. И произношению его имени за богослужением все мы придавали большое значение, — значило оно, что у нас все-таки есть правящий епископ, а поэтому все поползновения друзей Алексея и К° провести Алексея к нам в митрополиты должны будут оставаться в области лишь мечтаний: назначить на место неудаленного нельзя, и удалить митр. Иосифа тоже нельзя. Кому же управлять теперь епархией? По естественному порядку вещей, по требованию церковной практики, ставшей законом, если правящий епископ умрет или по каким-либо причинам не может управлять епархией, то автоматически вступает в управление старший из викариев, с оставлением поминовения за богослужением имени правящего епископа.

Стало быть, и теперь в управление епархией должен был вступить Николай. Но он не вступал. На мой вопрос к нему после его богослужения у нас в Фомино воскресение, почему он не берется за управление, он ответил, что право на управление епархией ему принадлежало два раза, и его всякий раз лишали этого права (по его возвращении из ссылки, когда управлял Григорий, и по удалении митр. Иосифа за назначением Гавриила), поэтому могут также поступить. На мое замечание ему, что он, по крайней мере теперь, должен взяться за управление, он ответил, что все-таки воздержится, пока не съездит в Москву для личного доклада о делах митр. Сергию. Тут же Николай заверил меня, что все слухи о возможном назначении к нам Алексея вздорны, что Алексею дано знать, что ему не быть митрополитом Ленинграда, и он сам на это теперь уже не рассчитывает. Возможно, что дальновидный Николай ожидал возможно скорого возвращения из тюрьмы Григория и не хотел бы быть калифом на час. Он хотел взяться за

управление, но прочно и бесспорно. Поэтому он поехал в Москву и оттуда приехал уже с утвержденным на право управлять епархией на время отсутствия не Григория и Гавриила, но митр. Иосифа. Это было приблизительно в апреле 1927 года.

Епископ Николай. Еп. Николай — наш питерский, свой человек. Знали его как иеромонаха, преподавателя семинарии, знали его как приходского священника в петергофском соборе, знали его и как наместника лавры. Человек, безусловно, умный и талантливый. Я и сейчас удивляюсь его громадной памяти: он передает почти дословно беседы, которые он вел с тем или иным посетителем его несколько дней тому назад. Прекрасно знает духовенство и прихожан, хотя бы только раз имевших дело с ним за богослужением или по какому-либо случаю, помнит их лица, характер, индивидуальные особенности. Прекрасный проповедник; умно, просто, легко для восприятия самой простой слушательницы он умеет передавать высокие и отвлеченные предметы беседы; только содержанием его проповеди не могут похвастать, глубоким и обильным. Некоторым не нравится его проповедническая сноровка, говорят, что он говорит с надрывом. Мне кажутся его проповеди не искусственным и фальшивым надрывом или разогреванием себя, но от души исходящими; когда говорит, он живет и чувствует всю правду того, что говорит, и ему искренне хочется научить и убедить в том, что он говорит. Истово совершает богослужение и сам хорошо молится.

Большой же его недостаток — это честолюбие с карьеризмом на основе западного воспитания, его скрытность и хитрость. Этот недостаток сильно бросается в глаза и многих от него отталкивает. Не могут ему простить и того, что он как ни хитрил во время обновленческого засилия, а все-таки имел дело и с их епископами и с ВЦУ. Его карьеризм и обновленчество претят духовенству, возбуждают против него мирян. Первое же — причина или, вернее, одна из причин вражды у него с Григорием. Последний как-то умеет скрывать свой карьеризм, маскируя его то монашеским послушанием, то мистически-туманными рассуждениями. Из борьбы этих двух честолюбивых карьеристов и родилась наша современная церковная разруха. Почва же и условия для нее были подготовлены всеми предыдущими годами при отсутствии единой авторитетной епископской руки, при погоне за властью викариев, при трусости в деле выявления надлежащей церковной жизни.

Еп. Николай вступил в управление епархией при отсутствии Григория за нахождением того в тюрьме и при наличии Димитрия, Сергия и Серафима, осенью 1926 года приехавшего из Соловков. Вступил он, конечно, при несочувствии ему Димитрия, знав-

шего его по его дружбе прошлого года с Алексием, при образовавшемся уже тяготении Сергия к Димитрию. И Серафим по какому-то побуждению всю зиму находился в общении с Григорием и Димитрием и вдали от Николая; вероятно, эта отдаленность с антипатией к Николаю обуславливалась их прежним лаврским монашеским недружелюбием.

Вступив в управление при таком недружелюбном архиерейском окружении, Николай с первых же шагов стал поступать немудро. Он стал все дальше и дальше отходить от своих братьев-архиереев, все сильнее и сильнее ограничивать их права и власть в управлении, все более и более властным по отношению к ним себя выявлять и все ярче свое единовластие обнаруживать. Николай знал, что ему нужно на кого-то опереться. И тут он проявил более стихийность, чем ум и дальновидность. Он стал привлекать симпатии всех являвшихся к нему посетителей, он никому ни в чем не отказывал, старался все сделать угодное или, по крайней мере, обещал сделать. Но обещать и не исполнить, — а исполнить часто не в силах был Николай, — значит как бы обмануть и тем самым нажить врагов. Сделав же угодное одному, и нередко не заслуживающему такое, значит причинить неприятное и, быть может, обидное другому и этого против себя настроить. Руководя этим стремлением угодить, Николай, естественно, предстал пред духовенством далеко не с атрибутами справедливого, разбирающегося, умелого и полезного администратора. С другой стороны, его собратья-епископы старались — не всегда с целями ущемить Николая, а нередко с необходимым для них желанием исправить допущенную Николаем неправду — выступить против Николая, и даже шумно.

Вот этому пример. Какой-то бывший священник, не то Степанов, не то Сидоров (не помню точно), в былые годы не только откасался от священства, но и от христианства, в газете советской письменности нахулил его. Теперь он снова вздумал вернуться к священству. Долго с ним возился еп. Григорий и ничего ему не сделал. Теперь он обратился к Николаю. Этот быстрым темпом решил его дело — принять его опять в священство с пострижением в монашество. И в этом смысле направил его дело в Москву к митр. Сергию. Димитрий и Серафим воспротивились в данном случае Николаю и послали митр. Сергию свой протест против него.

Другой пример. Николаю захотелось подкрепить себя епископом, близким к нему и его всегда поддерживающим. И он решил сделать таковым архим. Сергия (о. Стефана Зинкевича) с титулом Детскосельского. Опять восстали против него епископы и даже многие из духовенства. Но тут и Николай сдался наполовину.

Мысль о Сергии Зинкевиче он пока оставил, но добился того, что Сергей, еп. Нарвский, был, по рапорту его, уволен указом митр. Сергия за штат, на покой. Увольнению этому опять предшествовало ходатайство епископов об оставлении Сергия в его первом звании.

По сообщению мне еп. Серафима, Николай настолько держал себя самовластно и единодержавно, что не обращался за советом к другим викариям и тогда, когда эти просили его о таком собрании. В частных и деловых разговорах с ними он нередко ссылался на советскую власть, при которой этого нельзя делать, другого он не допустит из желания быть лояльным пред ней, иное — невозможно по несогласию с ее установлениями, и т.п.

В желании оградить себя от различных неприятностей со стороны викариев Николай посещал митр. Сергия или переписывался с ним и таким образом узнавал его настроение, намерения и взгляды и ими себя подкреплял.

Насколько знаю, Николай не обращался за поддержкой к группе Чукова, с которой он был близок в правление Алексия и которая ему сочувствовала, по противлению одному, прочим викариям. Он тут умно был как бы нейтральным, одинаково близким всему духовенству. Далеко он себя держал и от обновленцев, так что даже самые ярые враги его не могли его в чем-либо заподозрить. В жизни епархии ничего особенного не произошло, все было видимо спокойно.

Но вот в августе месяце стало известно пресловутое послание митр. Сергия от 16(29) июля 1927 года. Ему предшествовали самые разнородные слухи. По одним — состоялось-де примирение советской власти с Церковью, все находящиеся в тюрьмах и во изгнании получат скоро возможность вернуться в свои епархии, власть-де сдалась. По другим — власть настояла пред Сергием и заставила его примириться с обновленцами, как эти хотели; надо ждать больших неприятностей для Православия. Вышедшее послание поразило громадное большинство верующих. Против трех основных мыслей его — о необходимости легализации церковного управления, о естественности для нашего заграничного духовенства отказаться от резких выступлений против советской власти и о желательности созыва Поместного Всероссийского Собора — возражать было нечего, это все принималось почти всеми. Но тон послания — какой-то угоднический и нецерковный, его многие слова и даже целые выражения не столько резали ухо, сколько возмущали ум и чувства.

Виделось, что церковная власть снова связала себя со светским правительством, подчиняла себя ему, теряя свою свободу.

И за что же? Пока только за учреждение и легализацию митр. Сергия и при нем состоящего Синода. Но что это за Синод?! Имена членов его никому из нас ничего доброго не предвещали: все это имена викариев или неизвестных епископов. А нахождение среди них имени Алексия, бывшего нашего викария, а теперь архиепископа Хутынского, настраивало громадное большинство из нас против Синода. Возвращение епископов из ссылки? Правда, выпущены были из тюрьмы около времени издания послания наши викарии Григорий и Гавриил, но о возвращении из ссылок других — ничего не было слышно, да и наши-то освобождены под подписку о невыезде до предстоящего будто бы окончательного решения дела о них. А еще что? Два самых неприятных для нашей епархии обстоятельства: тянувшиеся долгое время дела об отобрании от нас и о передаче обновленцам двух наших наилучших приходских храмов — во имя Алексия Человека Божия и Скорбящей Божией Матери, — храмы были переданы обновленцам.

Не знаем, с каким препроводительным наказом было передано из Москвы нашему Николаю послание, будто бы — как потом сам Николай говорил у нас на празднике в сентябре — на усмотрение настоятелей храмов: хотят — читают, не хотят — не читают. Хорошо наказ! Настоятель — к ответу, а митр. Сергий — в стороне. Николай также молчаливо распространял по церквям это послание; он его без письма и без слов пересылал с благочинным: как хотят, так с ним и поступают. Так, наш благочинный, придя на квартиру, увидел у себя на столе это послание — по количеству церквей его округа, — принесенное и оставленное какой-то женщиной.

Благочинные приняли и разослали, — опять без всяких слов, — на усмотрение и ответственность настоятелей. Надлежащий порядок вещей — настоятель руководствуется и наставляется от епископа, а здесь епископ — в стороне, лишь наблюдает, что сотворит настоятель и что потом с ним сотворят прихожане или власть. Один из благочинных — о.Сергий Тихомиров с Петроградской стороны послание отослал назад к Николаю и отказался от благочиния. Первым обнародователем этого послания явился о.Николай Чуков. После всенощной он повел беседу на тему обстоятельств церковной жизни, вызвавших это послание, и, Боже мой, какой шум и гвалт поднялся в церкви! Редко кто принимал это послание и защищал Чукова. Громадное большинство было против чтения и по существу против послания. Досталось и бедному Чукову... С таким же раздражением приняли послание во Владимирской церкви.

Такой прием посланию, естественно, заставил многих из нас быть более осторожными в обнародовании его. Его или не стали

совсем читать, или с большими выпусками, или передавали на рассказ своими словами. И это стали делать после распоряжения Николая о необходимом прочтении его по церквам. Такое распоряжение было вызвано инсинуациями со стороны обновленцев — и против Сергия митрополита, выпустившего-де послание с целью замазать рот большевикам, и против питерского духовенства, в своем контрреволюционерстве доходящего-де до ослушания своего митрополита.

Читали ли послание или не читали его где-либо, настроение против митр. Сергия, и в значительной степени против нашего Николая, у питерцев было резко отрицательное; Православие их, особенно первого, было взято под сильное подозрение, доверие к ним было подорвано. Духовенство наше, если и читало послание, почти все было против него. Викарии также не сочувствовали ему и обнародование его ставили в вину еп. Николаю: он-де знал неизбежность народного смущения от него, а поэтому должен был отклонить чтение его по церквам.

Но послание, как и все, что на бумаге, недолговечно, и как ни сильно было смущение и волнение, произведенное им, мало-помалу начинало утихать и утихло бы совершенно, если бы не было подогрето и сильно приподнято другим, посланию сопутствующим, нашу епархию всецело касающимся обстоятельством: недопущением освобожденного нашего митрополита Иосифа на жительство и для управления в нашу епархию, а перемещением его в Одессу; распоряжением же Николая было не поминать имя Иосифа за богослужением с заменой его своим именем. Вот тут-то и началась наша питерская брань, и пошла наша рознь, споры и ссоры, здесь-то и родился так называемый «иосифлянский раскол».

Послание Сергия, действительно, дало свободу, хотя и неполную, некоторым архиереям, как говорили, до 30-ти, в том числе и нашему Иосифу. Но только освобожденные лишены были права возврата их в прежние епархии. Как приняли это ограничение другие епископы — не знаю; Николай говорил, что будто бы они все, или почти все, подчинились ему. Наш Иосиф не подчинился, запротестовал. Получив право приезда в Москву, он там не раз виделся и говорил с митр. Сергием и Тучковым; Сергей ссылался на Тучкова. Тучков то говорил, что советская власть никогда не пустит Иосифа в Питер, то вину за недопущение его сваливал на митр. Сергия, будто бы не желавшего из каких-то своих видов иметь Иосифа в Питере, то обвинял Иосифа в контрреволюционном воздействии на питерское население во время его двухдневного, в 1926 году, пребывания в Питере, то заподозре-

вал его будто бы вместе с митр. Сергием, в иоанитстве... 30 августа 1927 года (ст.ст.) Иосиф написал Сергию письмо, в коем отказывался ехать в Одессу. Дав солидные доказательства своей непричастности ни к одному из возводимых на него обвинений и выставив свои права на Ленинградскую епархию, он требовал от него сделать все необходимое, если не для того, чтобы ему было разрешено жить в Питере, то по крайней мере для того, чтобы управлять епархией, хотя бы из Новгорода, где он жить имел право. Письмо не возымело видимого, для Иосифа желательного результата. Николаю нашему даны были какие-то инструкции по изъятию Иосифа из церковного поминовения.

Николай повел дело довольно-таки тактично. Он за богослужением у меня 6 сент. (по ст.ст.) сделал распоряжение протоиереевскому при возношении имени Иосифа не добавлять местоимения «нашего», а просто — митрополита Иосифа, сказав потом всем нам, что Иосиф переводится в Одессу, умолчав совершенно о подробностях этого перевода. Переводится, так переводится. Жаль было, но что же делать... Скоро стало известным, что перевод в Одессу не принимается Иосифом, что он требует возвращения своего в Питер и продолжает считать себя митрополитом Ленинградским. Тут и началось разделение у духовенства. Одни, как и в нашем храме со дня распоряжения служащего у нас еп. Николая, слова «нашего» при упоминании имени Иосифа не употребляли; другие, считая Иосифа еще Ленинградским до окончательного решения дела о нем, поминали его как «нашего» митрополита. Об этой розни пошли толки. Как же действительно нужно помянуть Иосифа? Наш он или не наш? Если не наш, то зачем его и помянуть? Придя к этому выводу, некоторые и не хотели его имени совершенно произносить за богослужением.

Николай последнее предугадал и сделал распоряжение, помнится, 27 сентября (н.ст.) о прекращении совершенно помянуть Иосифа, а вместо него возносить имя его — Николая как правящего епархией. Это логически неизбежное распоряжение вызвало еще более сильное, горячее волнение. Взволновались и духовные, и миряне. Прежде всего стали обсуждать то, почему Иосифа не хотят пускать в Питер и кто не хочет? Сошлись на одном, казавшемся бесспорным утверждении, что Иосифа не пускают советская власть совместно с Сергием и его Синодом. Причина: общее желание ввести у нас обновление. Советской власти-де во что бы то ни стало хочется насадить у нас обновление. Сергей с Синодом, сами не без сочувствия этому делу, не могут противиться советской власти после их послания. Иосиф же — ярый враг обновления, противник идеи соединения с ним, поэтому надо его

заменить лицом, подходящим для этого дела. Значит, его удалить, а на его место другого, — кого же? Да все бывшего нашего Алексия. Этот близок к обновлению, все делалось для него.

Алексий, удаленный от управления епархией, проживал в Питере на квартире все это время. Проживая здесь, он всячески стремился расширить круг своей известности и популярности служением в разных храмах. Особенно ему хотелось послужить в кафедральном соборе Воскресения-на-Крови, где он служил первую литургию после своего возвращения из ссылки и куда его больше уже не пускали. Не пускал его, главным образом, настоятель о.Василий Верюжский. Алексей подобрал в «двадцатке» собора партию ему сочувствующих и употреблявших все меры воздействия на о.Верюжского в целях заставить его согласиться на служение в соборе. Верюжский, а вместе с ним и большинство духовенства, оставались твердыми в своем отрицательном отношении к служению Алексия. На этой почве у Верюжского пошли большие неприятности с «двадцаткой»; его положение в соборе становилось весьма тяжелым, и он решил оставить настоятельство.

Об этом он доложил еп. Гавриилу, в то время (зима 1926-1927 гг.) управлявшему епархией, и указал на меня как желательного и для него, и для «двадцатки» собора настоятеля. Гавриил согласился с Верюжским и, отпуская его, решил перевести в настоятели собора меня. Об этом он в разговоре сообщил Сергию, еп. Нарвскому. И на слова последнего, что Чельцов из своего прихода не хочет никуда ходить и не пойдет в кафедральный собор, Гавриил ответил, что если не пойдет, то я его за послушание епископу запрещу в священнослужении... Так вот как было сильно стремление Алексия проникнуть в кафедральный собор и служением там показать себя как бы желательным для епархии архиереем. Но это его вклинение сильно возмущало против него и народ, и особенно духовенство. Теперь же, в связи с отношением поминовения митр. Иосифа, недовольство против Алексия, как действующего в Синоде против Иосифа в личную свою пользу, возрастая лично против него, переносилось и на митр. Сергия и на Синод. Эти, в глазах питерцев сконфузившие себя посланием июльским, теперь совершенно теряли свой авторитет.

Духовенство сильно волновалось, не зная, как поступить для пользы Церкви и для личной безопасности. Помню, в самом начале октября (по н.ст.) у меня в церкви, по случаю поминального богослужения по усопшем в ссылке, в Соловках, о.прот. Александре Сахарове, бывшем священнике нашего храма, собралось человек 5-6 посторонних батюшек. Конечно, разговор велся исключительно по интересу нашего церковного дня. И тут мы едино-

гласно решили: 1) высшей церковной власти в лице митр. Сергия мы не можем, не имеем никаких законных оснований не подчиняться, следовательно: 2) должны признать и перевод от нас Иосифа и прекратить поминовение его за богослужением, 3) а за оставлением по тем или другим законным причинам епархии без епархиального архиерея автоматически в управление вступает первый vikarий с поминовением его имени за богослужением, значит, должны признать и помянуть еп. Николая как временно правящего, но 4) в то же время всячески, законными путями, добиваться возвращения к нам митр. Иосифа.

Это наше частное решение, по-видимому, стало известно большинству духовенства, но не всех оно удовлетворило. И произошло среди нас разделение — пока фактическое, без всяких уклонов одних от других, — до окончательного решения дела Иосифа. Большинство поминало Николая, другие же Иосифа продолжали помянуть. Тут стало известным, что митр. Иосиф считает свое удаление от управления нашей епархией незаконным, не подчиняется ему, не едет в Одессу, куда назначен, и считает себя Ленинградским. Эта позиция Иосифа еще сильнее смущала и волновала нас. А быть может, Иосиф прав? Ведь человек он и ученый и истово церковный, понапрасну не будет противиться; значит, чего-то мы не знаем, что-то от нас скрывается, из-за чего идет спор между Сергием и Иосифом. Не личный ли это поход против него ради, быть может, Алексия? Начались поездки и личные сношения с Иосифом, проживавшим в то время в Ростове Ярославском, удостоверяющие правду его положения в отстаивании своих прав на Ленинград.

Начался поход против Сергия и Синода. Стали разбирать членов последнего. Все люди или неизвестные в их стойкости за Православие или с подмоченной репутацией. Кроме совершенно павшего в наших глазах Алексия, указывали еще на Серафима, митр. Тверского. Его еще при жизни Патриарха Тихона считали за тайного обновленца, все время тянувшего покойного к единению с обновленцами и теперь, конечно, властно толкающего Сергия в ту же сторону. Филипп, епископ, управляющий Московской епархией, про него обновленцы в своем журнале напечатали, что не так давно в Нижнем он совершал переход к беглопоповцам, что над ним был совершен чин приема чрез миропомазание. Что же это за архиерей?

И это было бы не столь важно, если бы было единодушие среди наших vikарных епископов, или хотя бы не было между ними нескрываемой почти явно открытой вражды. Она, сильная и доселе, теперь приобретала громадное значение. Николай, по

естественному нерасположению к Иосифу, всецело был за митр. Сергия. Григорий и Гавриил, недавно выпущенные из тюрьмы, фактически не участвовали в жизни епархии, но сильно влияли на направление ее из своих келий, — особенно Григорий. Уже по одному прежнему нерасположению к Николаю они стали на сторону Иосифа. Их ореол только что выпущенных из тюрьмы придавал их словам и мнениям особенный вес, и, находясь не у дел, они легче и увесистей могли творить церковное настроение. Гавриила мало знали, и он мало еще значил, — но все-таки с его мнениями до некоторой степени считались. А Григорий в тиши своей кельи стал настоящим объединителем всех недовольных еп. Николаем, митр. Сергием и его Синодом, — всех, ратующих за митр. Иосифа. Умный и тактичный, он сам как-то не выставлялся, оставался как бы в тени, но все к нему сводилось и от него исходило. У него собирались некоторые из священников и мирян, его глазами смотрел и его словами говорил еп. Димитрий.

Еп. Димитрий, ничем доселе не проявлявший себя, активно и резко становится на защиту Иосифа и отказывается помянуть Николая. На Покров (1 октября ст.ст.) в храмовый праздник церкви, при которой он в течение многих лет священствовал и теперь епископствовал, он не служил, будучи вполне здоров и оставаясь в своей квартире. Отчего? Почему? Да потому, что Николая он помянуть не хотел, но и Иосифа не мог ввиду распоряжения церковной власти и принятого причтом церкви решения. Ярко отмежевываясь от Николая, Димитрий старается чаще служить в лавре, где Николая не поминали. Вместе с Димитрием были епископы Серафим Колпинский и Сергей Нарвский. У последнего были и свои личные мотивы против Николая и митр. Сергия. По представлению Николая (о чем я уже говорил) он в августе еще был лишен кафедры и уволен на покой; это удаление его обижало и раздражало. Серафим же все время стоял на линии Григория и Димитрия.

В значительной степени такому объединенному отгорожению от себя и от Сергия и стойкому стоянию за Иосифа способствовал сам Николай. И прежде сильно против себя восстановивший vikariev, Николай после удаления Иосифа повел себя очень самовластно и независимо. Он знал только одного Сергия, на него опирался и его беспрекословно слушался. С vikarnymi sobratyami он не советовался, с их мнениями не считался, их самих как будто не замечал, старался их сократить, о всяких слухах о них доносил митр. Сергию, инспирируя его насчет их не всегда правильно, как бы нарочито желая их выставить противниками его, возмутителями церковного настроения, ведущими линию

раскола в пользу митр. Иосифа. Все это я говорю со слов еп. Димитрия и Серафима, не раз мне это говоривших и во всем этом Николая обвинявших.

Образовались два в Питере церковных центра: Николая и Григория. У Григория не раз собирались епископы Гавриил, Димитрий, Серафим и Сергей, с ними нередко бывали и некоторые из видных протоиереев. Все их суждения сводились к одному: стоять за возвращение митр. Иосифа, не помянуть Николая, в свою очередь, о том, что им не нравилось в делах Николая, докладывать митр. Сергию. Николай, желая себя подкрепить, делает нетактичный шаг: без одобрения и согласия викариев проводит во епископа Детскосельского архим. Сергия (прежде прот. Стефана Зинкевича). Детскосельское духовенство, а за ним и прихожане протестуют против навязывания им нежелательного для них епископа, собирается собрание и выносится весьма тактичное и умное постановление: ввиду того, что на прежде бывших собраниях их было постановлено признавать своим епископом Григория и помянуть его за богослужениями и так как Григорий никуда не перемещается, то они считают невозможным для себя нарушать свое прежнее постановление, отказаться от Григория и принять Сергия. Григорием молчаливо благословляется это постановление, и он, считая себя в отпуску и не у дел, однако продолжает быть епископом Детскосельским. Сергей Зинкевич, непринятый, раздражается, а Николай ничего не может сделать, имея около себя Сергия, но без дел. Большинство питерского духовенства, недовольное этим недобрым поступком Николая и еп. Сергия, невольно симпатиями влечется к Григорию.

Против Николая выступают активно и очень определенно два протоиерея, очень известные и уважаемые: о.Иоанн Никитин в Троицком Измайловском соборе и о.Василий Верюжский. Первый в конце октября, в понедельник, после всенощной произносит зажигательную митинговую речь. В ней он с большим внутренним волнением, в очень резких, непастьрских выражениях, говорит о походе обновленцев на Церковь, действующих на митр. Сергия, о всех правах митр. Иосифа на питерскую кафедру, о недостойном поведении пастырей, поминающих Николая. Речь производит сильное возбуждение, в соборе слышится шум и крик против Николая и Сергия, требуют возвращения Иосифа, небольшие кучки отстаивают первых и начинают обвинять о.Никитина за производимый им беспорядок в храме, дело доходит до перебранок, шум и крик не умолкает и на улице. Дня через два по донесению настоятеля собора о.Никитин запрещается в священнослужении на месяц. Правда, Никитин предвидел это запрещение

и принял его, но волнение им было создано очень сильное. Оно перекинулось по всем приходам. Всюду заговорили, и очень громко и требовательно, о возвращении митр. Иосифа, о поездке к митр. Сергию делегации для надлежащего осведомления его о всем происходящем в Ленинграде, о недоверии здесь еп. Николаю, о необходимом возвращении сюда митр. Иосифа. Духовенству становилось все тяжелее и тяжелее в раскаленной атмосфере церковных настроений и человеческих раздражений...

О.Верюжский действовал тихо. Он отказался, а за ним и духовенство его причта, поминать у себя в кафедральном соборе еп. Николая, и поминали митр. Иосифа. Кафедральный собор — и в нем не поминается правящий епископ, — из ряда вон выходящее положение. Николай требует, Верюжский отказывается; Николай думает заставить помянуть себя назначением своего богослужения в соборе, но о.Верюжский под разными предложениями отказывается сослужить Николаю. Волнение передается «двадцатке». В ней также обнаруживаются волнения, не улегшиеся еще от прежних лет расхождения ее с Верюжским. Верюжский категорически отказывается от Николая и подает ему заявление с отказом от настоятельства в соборе. Николай, сообразив возможные последствия, соглашается только на временное его удаление, назначив временно настоятелем о.Василия Прозорова, из прикомандированных к собору. У о.Верюжского находятся среди богомольцев собора горячие защитники, требующие его возвращения к настоятельству. Составляются петиции к церковным властям, собираются многочисленные подписи. Вероятно, и Николай немного испугался этого шума, и о.Верюжский все-таки не желал уходить от настоятельства, и совершается снова водворение последнего на свое место после незначительной переписки его с Николаем. Но отношения между ними сильно обострились, служение совместное становилось невозможным: если служит Николай, Верюжский отсутствует, а если служит последний, то имени Николая не поминают. Все это явно на глазах у всех происходит, всех волнует, раздражает и разделяет.

В эти дни раздора Верюжского с Николаем мне не раз приходилось видаться и говорить наедине с ним, и в нашей беседе выяснилось лично для меня следующее: 1) митр. Иосифа не пускает советская власть; митр. Сергей, связанный с этой властью, не в силах бороться за митр. Иосифа и как будто бы особенно не хочет. 2) Обвинения, выставленные против Иосифа, — абсурдны: а) будто бы он иоаннит; Иосиф со всей силой доказательности отвергает это еще в письме своем от 30 августа 1927 г.; б) будто бы он за два дня пребывания его в Ленинграде — 30-31 августа 1926 г.

объединил около себя всю контрреволюцию, как будто бы в два дня сделать это возможно. 3) О.Василий отстаивал незаконные митр. Сергия в том, что он не пускает Иосифа, слушаясь советской власти.

Я доказывал: а) что всякая светская власть, какая бы она ни была, всегда имела и будет иметь, и не может не иметь права не допускать неудобных или опасных, по ее мнению, лиц, до занятия архиерейской кафедры в том или другом городе, б) что примеры из недавнего прошлого у нас налицо: удаление митр. Владимира из Питера в Киев, Гермогена Саратовского — в монастырь, в ссылку и т.п., примеры недопущения католических митрополитов в Питер и даже в Могилев и т.п., в) что митр. Сергий, в силу прошедшей легализации церковного управления, вынужден считаться со светской властью. 4) О.Василий настаивал на том, что митр. Иосиф остается до решения его дела на епископском суде, которого он просит, нашим ленинградским епископом, таковым сам себя считает, и мы обязаны помянуть его.

Я отвечал: а) Иосиф, как монах, обетом послушания обязуется выполнить данное ему послушание в Одессу; б) ссылка его на то, что он, как жених, сочетавшийся со своей невестой — ленинградской паствой, не хочет и не может оставить ее ради другой, дабы не оказаться прелюбодеем духовным, — неверна и несправедлива: он уже ради Ленинградской епархии однажды изменил своей ростовской пастве, с которой он сочетался в чине хиротонии, куда он был впервые назначен; потом, как оказалось, он Ростовской епархии и прежде изменял, приняв еще ранее назначение в Одессу, куда он не попал только потому, что там его не приняли; в) случаи прежних постоянных перемещений епископов с одной кафедры на другую никогда, никаким канонистом не трактовались как факты архиерейского духовного прелюбодеяния, не считались таковыми и самим Иосифом, жившим и действовавшим в ту эпоху, и, наконец, г) каноны церковные не запрещают перемещать епископов ради пользы службы, в видах повышения их, по требованию обстоятельств времени, места... 5) мы обязаны оставить в покое митр. Иосифа и не имеем права помянуть его, ибо а) перемещение его совершено законной церковной властью, признаваемой и приемлемой нами, б) той самой властью, которая год тому назад назначила его сюда. Трактование Иосифа как нашего епископа неминуемо ведет нас к отказу от митр. Сергия как нашего законного главы, т.е. ведет к расколу. А на это у нас нет никаких данных, и это большой грех... б) о.Василий в конце концов должен был сказать, что он не может отказаться от митр. Иосифа по чисто личным причинам этического характера. Он был одним

из тех лиц, кои год тому назад (летом 1926 г.) уговорили Иосифа покинуть спокойное, безмятежное епископствование в Ростове и принять в управление Ленинградскую епархию. Он считает себя виновником такого теперешнего тяжелого положения митр. Иосифа, а поэтому не может оставить его без поддержки в тяжелые для него дни.

Всю нравственную мощь этого утверждения я вполне признал и отдал всю справедливость заслуге о.Василия в отстаивании Иосифа в качестве Ленинградского митрополита. Такая же беседа велась мною и с еп. Димитрием в самом начале сентября, но с ним много пришлось говорить и по поводу послания митр. Сергия. Теперь же о послании Сергия речи у нас с Верюжским совсем не было, о нем как будто забывали, во всяком случае, жгучий интерес к нему остывал; митр. Иосиф теперь стоял в центре. И, быть может, о послании забыли бы, если бы митр. Сергий не подал повод о нем снова заговорить, и заговорить с большими последствиями.

Надо отметить, что до послания авторитет митр. Сергия у ленинградцев стоял высоко, имя его произносилось с почтительностью и уважением, он был чист от всяких подозрений. Не раз слышалось от священников желание, чтобы митр. Сергий возглавил нашу епархию, переведясь к нам. Слышно было, что это перемещение к нам было желательно и ему самому. Вот на этом основании, — вероятно, рассчитывая на свой авторитет былых дней среди нас, желанием этим прекратить всякие настроения и заставить забыть об Иосифе, митр. Сергий, как значилось в бумаге синодальной, принял предложение Синода быть ему управляющим Ленинградской епархией. Возможно, он что-нибудь и сделал бы доброе у нас, если бы был действительно назначен нашим епархиальным архиереем. Поэтому возвешение еп. Николая за торжественным богослужением в кафедральном соборе по случаю открытия Епархиального совета в 20-х числах ноября — о том, что сам митр. Сергий решил «возглавить нашу епархию», было принято многими из нас с облегченным вздохом и благодарностью ко Господу. Но оказалось, что радость наша была минутной.

На многолетии митр. Сергий был помянут с титулом не Ленинградского, как нам хотелось, а Нижегородского митрополита, каковым он был доселе и каковым, значит, он оставался и теперь. Что же это за «возглавление»? Он — не наш, жить будет не у нас, будет к нам приезжать на 3-7 дней в два месяца, управляться будем по-прежнему vicarями, ему будут докладывать во время поездок к нему в Москву. Итак, что же изменится? Ничто... Разве удобнее и полезнее для дела ездить время от времени правящему

фактически викарию к нему в Москву, чем ездить в Новгород, где хотел поселиться и оттуда управлять нашей епархией митр. Иосиф? Перемена только в имени: поминать в богослужении теперь будем вместо раздирающих нас Иосифа — в одних церквях и Николая — в других, одного Сергия. Значит, Сергей этим своим шагом хотел ввести только имя свое в повиновение, а не то, чтобы действительно жить с нами и управлять. Так зачем он тогда нам нужен? Какая польза для церкви от одного поминовения его имени за богослужением?

С тяжелым настроением, с мрачными предчувствиями расходились мы из собора. Тяжесть увеличивалась еще более от того, что на богослужении не был ни один из викариев противной Николаю стороны. Они были приглашены, они знали, по какому важному и ответственному поводу было молебствие в соборе; они знали, что будет объявлено о назначении к нам Сергия. Не были — значит они против Епархиального совета, значит они и против введения Сергия в поминовение церковное. Значит, наше епархиальное нестроение не только не уменьшится, но, пожалуй, еще более увеличится и разрастется. Одно было лишь утешением, надежда: вот приедет барин, барин нас рассудит. Николай во всеобщее слушание сообщил, что митр. Сергей в эти ближайшие дни приедет в Питер и будет служить 23 ноября, в день св. Александра Невского, в лавре. Вот, думали мы, при личном свидании с ним викарий выговорится, все разъяснится и, возможно, успокоится...

Но враг наш не дремал, он предвидел возможность устройства Сергием дел, и ему из Москвы не позволили выехать; он не приехал, и без него получился за богослужением скандал, и расстройство усилилось. Это расстройство несколько обнаружилось среди партии Григория. Они усиленно стали готовить, что они должны сказать Сергию, что от него услышать и т.п. Но кто должен начать доклад ему с жалобами на Николая, с описанием всего у нас недоброго и т.п.? Никто из архиереев не соглашался, каждый находил для себя какую-либо уважительную причину для отказа от этого «удовольствия». В конце концов решили, что должен выступить с речью Гавриил, как бывший правящий епархией, и как только он начнет, другие его поддержат, и пойдет все как по малу...

Сергий не приехал. Значит, в лавре должен служить один викарий. Но кого же за богослужением им поминать — Сергия или Иосифа? Тут проявили епископы Григорий, Димитрий и К^о полную непоследовательность и отсебятину. С митр. Сергием они собирались служить все соборно, и, конечно, поминали бы только его и ни в коем случае не поминали бы Иосифа. Значит, имя

митр. Сергия для них, по существу дела, не возбуждало возражения и было приемлемо для поминоения. Почему же без митр. Сергия они стали вразброс и произвели скандал? Передаю со слов еп. Николая, которому не противоречит все слышанное от других источников. Николай, как правящий, запросил Григория, как наместника лавры: кто будет служить из епископов и кого предположено встречать из епископов? Григорий по существу не дал ответа, сказав, что, вероятно, первым служить будет архиепископ, каковым был Гавриил. Когда же Николай узнал, что Гавриил не будет служить, то на вторичный вопрос: кого же в лавре будут встречать первым, получился ответ: а кто придет. Вполне справедливо полагая, что такой ответ не дает ему оснований предполагать встречу себе и что естественнее всего еп. Григорию быть объектом встречи, Николай, насколько то было возможно, замедлил приездом в собор ко всенощной. Но, оказалось, и Григорий тоже медлил. Никто из епископов поэтому не являлся, их замедление вызвало ропот и разговоры. И когда, после продолжительного замедления, явился Николай, то он оказался первым, ему была устроена встреча, но встреча получилась кислая и куца.

Началось богослужение. Опять справедливо полагая, что будет поминаться имя митр. Сергия, так как самое решение всех епископов служить соборне с митр. Сергием исключало возможность иного положения вещей, — Николай при здравствовании с Григорием, пришедшим в собор после встречи Николаю, не затронул этого вопроса. Но, к его удивлению, архидиакон имени Сергия не произнес. Николай довольно-таки резким (по его словам) движением в сторону Григория, возбуждая опять волнения и разговоры, идет к нему и спрашивает, почему не поминается имя митр. Сергия, и в ответ получает, что о непоминоении имени Сергия последнему известно от только что ездившего в Москву посланца от Григория и получено от него благословение на это; основание: лавра-де издавно пользовалась правом поминать своих правящих епископов только, когда они в то же время стояли и священноархимандритами лавры, каковым титулом митр. Сергей пока-де не пользуется. Еп. Николай остался служить, чтобы не увеличивать скандала. Григорий, присутствуя в соборе, не сослужил Николаю, Димитрий, Гавриил и Серафим совершенно не явились к службе, сослужил ему лишь Сергей, б. Нарвский. Итак, разделение между викариями получило форму настоящего фактического раскола, и вопрос о поминоении митр. Сергия стал резким ребром.

О поминоении митр. Сергия, а больше о формуле поминоения его довольно резко рассуждали на втором заседании Епар-

хиального совета, до 23 еще ноября. Николай настаивал на разослании по церквам указа о поминонии повсюду митр. Сергия как правящего епархией и по форме: «господина нашего...» Я восстал против поминония, ссылаясь на то, что Сергей не является нашим епископом, он — епископ другой паствы, для нас только временный и случайный, а таковых не поминают за богослужениями. Я не был другими членами Епархиального совета поддержан. Тогда я решительно восстал против формулы «нашего господина», доказывая, что он не *наш*, а если господин, то не в смысле обычно усвояемом у нас этому слову — в смысле владыки, но в смысле греческого [нрзб.], т.е. милостивый господин, государь... И с этим долго не соглашались. Я стоял на своем, и Николай политично снял с обсуждения этот вопрос, и формула поминония вышла без слова «нашего». Но и эта формула не удовлетворяла.

Ждали к Александрову дню приезда митр. Сергия с большими надеждами. Когда же он не приехал, авторитет его совершенно пал в глазах большинства. Какое же ждать улучшение в церковных делах и успокоение в общецерковной и в епархиальной смуте, коли он по рукам и ногам связан советской властью, коли она его держит как пленника или заложника?! И пошли о митр. Сергии большие разговоры. Вот тут, копаясь повсюду и во всем, вспомнили почти что о забытом послании июльском его. Его стали читать и растолковывать, находить всякие отступления от чистоты Православия, угодничество пред советской властью, скрытую дверь в обновление и т.п. Вокруг послания образовался большой разговор людей ответственных и энергичных, чего не было в августе, когда был лишь бабий шум... В связи с этим старались многие все дальше и дальше отойти от митр. Сергия и все более резко и требовательно говорить о возвращении митр. Иосифа. В результате получалось: кое-где поминали Иосифа, во многих церквах — митр. Сергия, в одиночных — еп. Николая, а в других — только митр. Петра. Митр. Сергей, вводя свое имя к поминонию, рассчитывал умиротворить нашу церковь, на самом деле получилось еще больше путаницы...

Весь этот отдел написан был мною летом 1928 года в дер. Черново Гатчинского уезда, на даче Ис. Фом. Тикка. Не закончен он был за неимением бумаги под руками и за поздним временем, приблизившим отъезд с дачи.

Прот. М.П. Чельцов

СПИСОК УПОМИНАЕМЫХ ЛИЦ

прот. *Акимов* Василий Александрович (1864-?) — по окончании СПб. Духовной академии служил священником, а затем настоятелем Покровского храма в Большой Коломне в Петербурге. В 1935 выслан в Астрахань.

еп. *Алексий* (Симанский Сергей Владимирович, 1877-1970) — кончил (1904) Московскую Духовную академию, где принял постриг и стал иеромонахом. 28 апреля 1914 хиротонисан во еп. Тихвинского, в 1921 назначен еп. Ямбургским, викарием Петроградской епархии. Вернувшись из ссылки, возведен в сан архиеп. Хутынского и получил в управление Новгородскую епархию. С 1933 — митрополит Ленинградский, с 1945 — Патриарх Московский и всея Руси.

митр. *Антоний* (Вадковский Александр Васильевич, 1846-1912) — митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский с 1898 до самой смерти. Отличался либеральными взглядами и пользовался в епархии большой популярностью.

еп. *Антонин* (Грановский Александр Аркадьевич, 1865-1927) — кончил Духовную академию в Киеве (1890) и защитил в 1903 магистерскую диссертацию, реконструировав книгу пророка Варуха. 2 марта 1903 хиротонисан во еп. Нарвского, викария Петербургской епархии, но через пять лет уволен на покой за сочувствие революционерам. Участвовал во Всероссийском Поместном Соборе. В 1922 перешел к обновленцам, возглавив радикальную группу «Церковное Возрождение».

еп. *Артемиий* (Ильинский Александр Матвеевич, 1870-1937) — летом 1917 стал еп. Лужским, викарием Петербургской епархии. Перейдя в 1922 к обновленцам, получил титул митрополита и назначен на Петроградскую кафедру, но в декабре следующего года, покайсявшись, вернулся к Патриарху. Расстрелян, когда был архиеп. Тобольским.

прот. *Богоявленский* Леонид Константинович (1871-1943) — кончил СПб. Духовную академию. С 1912 — настоятель Владимирского, с 1919 — Исаакиевского собора в Петрограде. Весной 1922 арестован как председатель Общества православных приходов и просидел в тюрьме полтора года по делу об изъятии церковных ценностей. С 1928 возглавил Епархиальный совет, состоя одновременно настоятелем Измайловского собора. В 1935 сослан в Казахстан и умер в ссылке.

Боярский Александр Иоаннович (1885-1937) — видный деятель обновленчества в Петрограде. После окончания Духовной семинарии в Житомире (1906) и Духовной академии в Петербурге (1910) служил полковым священником. С 1915 — настоятель Троицкой церкви в Колпине под Петроградом, затем — обновленческого Спасо-Сенновского собора в Ленинграде. В 1934 стал епископом у обновленцев и назначен в Иваново, где арестован и 15 июня 1936 осужден к пяти годам. Отбывал наказание в суздальской тюрьме; 10 сентября 1937 расстрелян в Иваново.

еп. *Венедикт* (Плотников Виктор Васильевич, 1872-1937) — кончил Духовную семинарию в Петрозаводске и Духовную академию (1902) в Петербурге. Служил в храмах столицы. Овдовев, 15 августа 1920 хиротонисан во еп. Кронштадтского. В 1922 приговорен к расстрелу по делу об изъятии церковных ценностей, но помилован и в 1923 вышел на свободу. С февраля 1924 управлял Ленинградской, а затем Олонецкой епархиями. В конце 1925 арестован и сослан в Нарымский край. Полностью поддержал декларацию митр. Сергия. В 1931 назначен на кафедру в Вологду, в 1934-1936 правил Новгородской епархией. Получив назначение в Казань, вскоре арестован и расстрелян.

прот. *Верюжский* Василий Максимович (1874-1955) — известный руководитель иосифлянского движения в Ленинграде. Окончив в 1898 СПб. Духовную академию, два года работал в Болгарии, а затем в родной академии, где в 1913-1918 возглавлял кафедру истории славянских церквей. Будучи настоятелем собора Спас-на-Крови — центра иосифлянства, в 1930 арестован, но в заключении вместо 10 лет провел всего два года, а потом находился в ссылке. Примирившись с Московской патриархией, преподавал с 1951 в Ленинградской Духовной академии.

архиеп. *Гавриил* (Воеводин Григорий Дмитриевич, 1869-1937) — родился в Петербурге, в семье мещанина. Окончив СПб. Духовную академию (1899), служил иеромонахом. 25 июня 1910 хиротонисан во еп. Острожского, викария Волынской епархии; с 1915 был еп. Челябинским. Уклонившись в обновленчество, покаялся и с 1923 служил в Петрограде на Творожковском подворье, в следующем году назначен архиеп. Кингисеппским. С конца 1926 до ареста 19 апреля 1927 управлял временно Ленинградской епархией. Критически отнесся к декларации митр. Сергия. В конце года освобожден и уехал на кафедру в Витебск. В 1929 вернулся в Ленинград, где 17 февраля 1932 арестован и получил пять лет карагандинских лагерей. Расстрелян.

еп. *Григорий* (Лебедев Александр Алексеевич, 1878-1937) — после окончания Духовной семинарии в родной Коломне кончил (1903) Московскую Духовную академию. В 1921 принял монашество; 2 декабря 1923 хиротонисан во еп. Шлиссельбургского и направлен в Петроград, где оставался до конца августа 1928, пользуясь большой популярностью среди верующих. Затем жил в Коломне, а с 1933 уединился в Кашине, где был арестован и 17 сентября 1937 расстрелян. Поддерживал иосифлян, не примыкая к ним открыто.

архиеп. *Димитрий* (Любимов Дмитрий Гаврилович, 1857-1938) — сын протоиерея церкви в Ораниенбауме под Петербургом. Кончил в столице Духовную семинарию (1878) и академию (1882) и два года преподавал латынь в духовном училище Ораниенбаума. В 1886 рукоположен во иерея к Пантелеймоновской церкви в Ораниенбауме. В 1895-1898 служил там же настоятелем Михайловского собора, а затем — священником Покровской церкви в Петербурге. 6 сентября 1922 арестован и сослан на три года в Уральскую область. Вернувшись, 30 декабря 1925 хиротонисан во еп. Гдовского. Поддержал митр. Иосифа и был одним из самых актив-

ных его сторонников. Арестован 28 ноября 1929 и приговорен к расстрелу, замененному 10 годами соловецкого лагеря. По новому делу расстрелян в Мордовии.

Жарков Петр Иоаннович (1891-?) — закончил (1912) Духовную семинарию в Рязани и служил до 1922 в местной епархии, затем переехал в Петроград, где был священником Никольского собора. Арестован 1 апреля 1929 по делу кружка «Воскресение» и получил три года ссылки.

еп. **Иннокентий** (Тихонов Борис Дмитриевич, 1889-1937) — родом из Иркутска. В 1915 закончил в Петрограде Духовную академию. 28 февраля 1922 хиротонисан во еп. Ладожского, но вскоре выслан на три года на Север. 6 мая 1926 сослан в Нарымский край, затем жил в Архангельске. В 1932-1937 был еп. Старорусским, викарием Новгородской епархии. Прибыв к месту нового назначения, 29 октября 1937 арестован и расстрелян в Виннице.

митр. **Иосиф** (Петровых Иоанн Симеонович, 1872-1937) — в 1928, будучи митр. Петроградским, возглавил оппозицию митр. Сергию (Страгородскому). За свои действия был сослан сперва в Николо-Моденский монастырь близ родной Устюжны, а затем в Чимкент, где 20 ноября 1937 был расстрелян. Автор книги духовных размышлений «В объятиях Отчих».

прот. **Кедринский Павел Антонович** (1863-?) — окончил в Петербурге Духовную академию и долгие годы служил во Владимирской церкви, сперва священником, затем настоятелем. 14 месяцев отсидел в заключении по делу об изъятии в 1922 церковных ценностей. Позднее служил в Симеоновской церкви; весной 1935 выслан из Ленинграда в один из волжских городов.

прот. **Ладыгин Николай Гермогенович** (1882-?) — происходил из мещан г. Котельнич. Образование получил в Вятской Духовной семинарии (1904) и СПб. Духовой академии (1913), после окончания которой служил в петроградских храмах, став в 1919 настоятелем Троицкого собора на Петроградской стороне.

еп. **Мануил** (Лемешевский Виктор Викторович, 1884-1968) — историк Православной Церкви нового времени. Окончил в Петербурге юридический факультет Университета и три курса Духовной академии. 23 сентября 1923 хиротонисан во еп. Лужского и приступил в Петрограде к энергичной борьбе с обновленчеством. Через несколько месяцев арестован и отправлен на Соловки. Позднее занимал кафедры в провинции; дважды подвергался репрессиям. Умер митрополитом Куйбышевским.

Никитин Иоанн Григорьевич (1880-1938) — окончил в 1907 СПб. Духовную академию и служил в разных храмах Петрограда. Примкнул к носифлянам, за что в конце 1929 арестован и сослан на 10 лет на Соловки.

еп. **Николай** (Клементьев Николай Федорович, 1875-1936?) — окончил в 1899 СПб. Духовную академию и с 1904 священствовал в петроградских храмах. Овдовев, в 1924 хиротонисан во еп. Сестрорецкого. В мае 1926

сослан на три года в Нарымский край, затем в сане архиепископа занимал кафедру в Великом Устюге. Репрессирован.

еп. *Николай* (Ярушевич Борис Дороевич, 1891-1961) — видный проповедник. Родился в семье протоиерея, депутата Гос. думы. В 1914 окончил СПб. Духовную академию и стал иеромонахом. В 1918 назначен настоятелем Петропавловского собора в Петергофе; 25 марта 1922 хиротонисан во еп. Петергофского, но вскоре выслан в Зырянский край. Вернулся весной 1926 в Ленинград и с 17 сентября 1927 по февраль 1928 временно управлял епархией. Был ближайшим помощником Патриархов Сергия и Алексия, но осенью 1960 за протест против хрущевских гонений отстранен от должности и скончался, находясь под домашним арестом.

Платонов Николай Федорович (1880-1942) — известный деятель обновленчества в Петрограде. Закончил СПб. Духовную академию, служил в Андреевском соборе. Присоединившись в 1923, под давлением ОГПУ, к обновленцам, стал через четыре года их епископом, а потом — митрополитом. В 1938 отказался от сана и пошел работать в Музей религии и атеизма. Умер в блокаду, раскаявшись, по некоторым сведениям, в своем вероотступничестве.

прот. *Прозоров* Василий Аникиевич (1856-?) — сын дьякона. По делу о православных братствах получил в 1924 два года Соловков. Вернувшись, служил во Спасе-на-Крови.

еп. *Серафим* (Протопопов Александр Алексеевич, 1894-1937) — в Петрограде учился на историко-филологическом факультете университета и в Духовной академии. Приняв в 1917 постриг, служил на Введенском подворье в Петрограде, преподавал в Пастырском училище. 22 января 1924 хиротонисан во еп. Колпинского, но два месяца спустя арестован и до осени 1926 сидел на Соловках. Поддерживая с оговорками митр. Сергия, занимал разные кафедры. Расстрелян, когда был архиеп. Елецким.

митр. *Серафим* (Чичагов Леонид Михайлович, 1856-1937) — известный еще до революции церковный деятель; с 1905 — епископ, с 1918 — митрополит. В феврале 1928 назначен на Ленинградскую кафедру и оставался на ней пять с половиной лет, проводя очень осторожную политику. Расстрелян.

еп. *Сергий* (Дружинин Иоанн Прохорович, 1863-1937) — с 1887 был послушником, с 1898 — иеромонахом, с 1915 — настоятелем в Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне под Петербургом. Осенью 1924 хиротонисан в Москве во еп. Нарвского. Поддержал иосифлянское движение и в 1930 был арестован. Умер в Ярославском изоляторе.

еп. *Сергий* (Зинкевич Стефан Иоаннович, 1885-1940?) — окончил (1912) истфак СПб. университета и работал учителем. В июле 1921 стал священником, а в следующем году арестован по делу об изъятии церковных ценностей. В 1926 пострижен в монахи; 31 октября 1927 хиротонисан во еп. Лодейнопольского с кафедрой в Тихвине. 22 ноября 1933 назначен в Рыбинск. 2 января 1934 арестован и получил 10 лет лагеря на Колыме, но, будучи тяжелобольным, срок отбывал в тюремной больнице в Мариинске.

митр. *Сергий* (Страгородский Иоанн Николаевич, 1867-1944) — был с 10 декабря 1925 заместителем Патриаршего Местоблюстителя и 29 июля 1927 выпустил, под давлением властей, декларацию об отношениях с государством, которая привела к нестроениям и расколу и не дала ожидаемого результата — преследования Церкви продолжались. В 1943 избран Патриархом.

Стрельников Никифор Никифорович (1891-1937) — родился в семье священника Нижегородской губ. Окончил Духовную семинарию в Самаре и Духовную академию (1916) в Петрограде. Служил в 1919-1923 в Георгиевской церкви дер. Ратчино под Ямбургом, а затем — в соборе Спас-на-Крови в Петрограде, где был ключарем. Как сторонник митр. Иосифа арестован в 1930 и отбыл четыре года в кузбасских шахтах. Затем жил в Алма-Ате, преподавая латынь. Расстрелян.

прот. *Тихомиров* Сергей Андреевич (1872-1930) — окончив СПб. семинарию, до 1908 служил в провинции, затем в храмах столицы; с 1924 — в Спасе-на-Крови. В 1923 «за распространение воззваний» получил год условно. Был священником нелегального «Братства преп. Серафима Саровского». 28 ноября 1929 снова арестован как иосифлянин и 21 августа 1930 расстрелян на Шпалерной.

прот. *Чепурин* Николай Викторович (1881-1947) — видный церковный деятель. Окончил в Петербурге юридический факультет университета и Духовную академию (1918). Сперва служил в провинции, а с 1914 — в Петрограде, главным образом, в Покровской церкви в Большой Коломне. Руководил Высшими Богословскими курсами. Арестован 8 июля 1930 по «делу Академии наук» и получил 10 лет сибирских лагерей. Закончил жизнь ректором Московских Духовных школ.

прот. *Чуков* Николай Кириллович (1870-1955) — видный церковный деятель, до 1918 в Петрозаводске ректор семинарии, а затем в Петрограде настоятель Казанского и Никольского соборов. По делу об изъятии церковных ценностей приговорен в 1922 к расстрелу, но помилован и отсидел всего полтора года. Руководил Богословским институтом, преподавал на Высших Богословских курсах, входил в Епархиальных совет. Выслан в 1935 в Саратов. С 1945 до кончины — митрополит Ленинградский и Новгородский, влиятельный член Синода.

**ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
МАРГИНАЛИИ**

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ПОЛКОВНИКА Г.А. ИВАНИШИНА

Публикация А.Д. Марголиса, Н.К. Герасимовой,
Н.С. Тихоновой

В 1983 году писатель Владимир Емельянович Ярмагаев передал в Государственный музей истории С.-Петербурга (ГМИ СПб) архив Георгия Алексеевича Иванишина (1861-1937)¹. Среди разнообразных материалов архива основную и наиболее интересную часть составляют записные книжки Иванишина, которые с некоторыми пропусками охватывают период с 24 августа 1889 по 10 апреля 1917 года².

Автор записок родился в семье крестьянина Минской губернии. В 1882 году он окончил Варшавское пехотное юнкерское училище и не торопливо, но уверенно продвигался по служебной лестнице: в 1885 произведен в подпоручики, в 1888 — поручик, в 1896 — штабс-капитан, в 1904 — гвардии капитан, в 1907 — гвардии подполковник, с 1910 — гвардии полковник. Его беспорочная служба была отмечена соответствующими наградами — орденом Св. Станислава III степени (1901), Св. Станислава II степени (1904), Св. Анны II степени (1913).

Крутой перелом в карьере Иванишина произошел в июле 1896, когда он был переведен из 88-го Петровского пехотного полка на должность адъютанта коменданта Петропавловской крепости и секретаря крепостной комендатуры. С декабря 1906 Иванишин становится заведующим арестантскими помещениями Петропавловской крепости³ и остается в этой должности вплоть до выхода в отставку в апреле 1917. Парадокса-

¹ Архив передан В.Е. Ярмагаеву вдовой сына Г.А. Иванишина (См.: Дубова Н.К. Записки Г.А. Иванишина — новый источник по истории Петропавловской крепости // Краеведческие записки: Исследования и материалы. СПб., 1993. С.24-32).

² Из шести записных книжек сохранились только пять (8 авт. л.). К сожалению, утрачена записная книжка №2 (тетради пронумерованы самим Иванишиным) с записями конца 1905 — первой половины 1907 гг.

³ Практически Иванишин исполнял эти обязанности с 1905, заменяя болевшего полковника Веревкина.

лен финал карьеры полковника императорской гвардии: тюремщик революционеров после победы Февральской революции в течение месяца был тюремщиком... царских министров и других деятелей павшего режима, заключенных в Трубецкой бастион по распоряжению Временного правительства.

Записные книжки Иванишина содержат, главным образом, впечатления автора от общения с узниками Петропавловской крепости, их высказывания о тюремном режиме, выдержки из перлюстрированных писем заключенных, описания свиданий с родственниками, неизменным свидетелем которых был смотритель тюрьмы.

В начале 1920-х годов у Иванишина возник замысел написать мемуары о своей службе в главной политической тюрьме России. Об этом свидетельствует его запись, помеченная 5 апреля 1923, на развороте записной книжки №3: «Из всех записных книжек сделать извлечения, назвав их "Воспоминания о Трубецком бастионе" или как-нибудь иначе /.../ Воспоминания будут иметь общественный интерес... Нужно хорошо проредактировать все записки»⁴.

«Воспоминания о Трубецком бастионе», скорее всего, не были написаны Иванишиным. Во всяком случае, в дошедшем до нас архиве нет никаких следов этих мемуаров, зато сохранилась рукопись пьесы «Манифест 17-го октября в "Петропавловке" (Картины крепостной жизни)», завершённой Иванишиным 19 ноября 1926⁵. В пьесе подробно описаны условия заключения в тюрьме Трубецкого бастиона, поведение узников, их реакция на известие об амнистии, сама процедура освобождения 22 октября 1905 и т.д. При сопоставлении дневниковых записей, относящихся к октябрю 1905 (записная книжка №1), с текстом пьесы обнаруживается множество совпадений. Драматургические достоинства «Картин крепостной жизни» сомнительны, но пьеса интересна тем, что является своеобразной формой мемуаров Иванишина, дополняющих его записные книжки.

Особое значение имеет записная книжка №5⁶, озаглавленная автором «Великая русская революция» (23 февраля — 10 апреля 1917 г.). Свидетельства Иванишина позволяют дополнить и уточнить известную нам картину развития событий в Петропавловской крепости в дни Февральской революции.

Днем 27 февраля комендантское управление еще пыталось организовать оборону цитадели, сосредоточив войска и артиллерию в районе Петровской куртины, обращенной к Троицкой площади. Очень существенно упоминание об «окончательном совещании» у коменданта вечером 27 февраля, на котором принято решение «выдать арестованных». Можно предположить, что оно было вызвано известиями о переходе на сторону восстания большей части столичного гарнизона, о захвате и разгроме

⁴ ГМИ СПб. Документальный фонд (Архив Г.А. Иванишина). КП-352712. Л.1.

⁵ Иванишин Г.А. Манифест 17 октября в «Петропавловке» / Публикация Н.К. Дубовой // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Указ. изд. С.33-67.

⁶ ГМИ СПб. Документальный фонд (Архив Г.А. Иванишина). КП-352714.

«Крестов», ДПЗ, Литовского замка и других петроградских тюрем. Иванишин сообщает точное время перевода последних узников царского режима — солдат Павловского полка — из тюрьмы Трубецкого бастиона в артиллерийскую гауптвахту (цейхгауз): 3.30—4 часа утра 28 февраля.

Затем становится ясно, что переговоры представителя Временного комитета Государственной думы В.В. Шульгина с комендантом В.Н. Никитиным о сдаче крепости происходили между 9 и 10 часами утра. Обе стороны были заинтересованы не допустить на территорию крепости и Кронверкского арсенала массы революционных рабочих и солдат, а поэтому быстро пришли к соглашению. Однако к этому времени ход событий уже вышел из-под контроля договаривавшихся сторон. Восставшие солдаты 3-го запасного стрелкового батальона, составлявшие костяк гарнизона крепости, в 10 часов утра ворвались в артиллерийскую гауптвахту, освободили павловцев и открыли ворота Петропавловки. Таким образом, гарнизон крепости вовсе не «сдался», не «капитулировал», как полагают некоторые современные исследователи, а присоединился к восстанию, и последние узники были освобождены не после, а до занятия крепости революционными войсками⁷.

Одновременно восставшие захватили Кронверкский арсенал. Началась стихийная раздача оружия, продолжавшаяся, по свидетельству Иванишина, до 5 часов вечера.

Представители Петроградского Совета и Временного комитета Думы М.И. Скобелев и Н.К. Волков прибыли в крепость из Таврического дворца только в полдень 28 февраля. Их целью были уже не переговоры с комендантом о сдаче цитадели, а осмотр тюрьмы Трубецкого бастиона, чтобы засвидетельствовать перед «волнующейся публикой» (В.В. Шульгин) отсутствие там заключенных.

На следующий день Временным комитетом Думы был смещен комендант генерал Никитин и на его место назначен штабс-капитан Кравцов, который вместе с Иванишиным «поздно вечером» 1 марта принял для заключения в тюрьму Трубецкого бастиона первую партию арестованных министров царского правительства⁸.

Помимо множества неизвестных фактов, вводимый в научный оборот источник⁹ интересен как отражение взгляда на исторические события начала XX века представителя определенного социального слоя:

⁷ См.: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С.406; Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С.52-53, 180; Лейберов И.П. На штурм самодержавия. М., 1979. С.267-268.

⁸ Свидетельство Иванишина подтверждено в мемуарах П.Г. Курлова (Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991. С.249). Это позволяет уточнить ошибочное мнение И.И. Минца и В.И. Старцева о том, что перевод первой группы арестованных из министерского павильона Таврического дворца в крепость состоялся вечером 2 марта (Минц И.И. История Великого Октября. Т.1. М., 1977. С.505; Старцев В.И. Указ. соч. С.184).

⁹ Небольшой отрывок из записной книжки №1 был опубликован А.Д. Марголисом в сб. «Новое о революции 1905-1907 гг. в России» (Л., 1989. С.38-43).

гвардейского офицера «из низов», безупречного служаки и убежденного монархиста, каким был Г.А. Иванишин.

Текст записных книжек печатается с сокращениями и с соблюдением современной орфографии. Все даты даны по старому стилю. В комментариях использованы исторические справки и другие материалы замечательного исследователя царской тюрьмы в Петропавловской крепости Маргариты Владимировны Идельсон (1916-1988). Большую помощь при подготовке рукописи оказала А.И. Барабанова, старший научный сотрудник Государственного музея истории С.-Петербурга, которой авторы публикации выражают сердечную благодарность.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА №1 (заметки для памяти)

1899 г.

/.../ Сегодня было совершено перенесение тела в Бозе почившего наследника Цесаревича Георгия Александровича¹ с Никол[аевского] вокзала в место постоянного упокоения, в Петропавловский собор. Комендант² и я вышли встретить процессию за Петровские ворота крепости. Государь Император всю дорогу шел пешком за гробом брата. Процессия вошла в ворота крепости. День был солнечный, хороший. Лето было в полном разгаре (хорошо [или] в июле). Березы аллеи по пути шествия процессии оделись зеленою листвою и склонили свои ветви, на небе оставляли только узкую полоску, сквозь которую просвечивало голубое небо. Великокняжеский балдахин с короною высоко подымался кверху, местами задевая ветви берез. Так странно видеть смерть этого высокого юноши среди ликующей, проснувшейся от зимнего сна природы. Балдахин с гробом остановился у западного подъезда собора. Тут произошла картина, трогательная по своей великой простоте: Государь с наследником³ подошли к гробу и взялись за его скобы, у изголовья и в ногах; к ним присоединились другие князья; сопровождавшие процессию лица и народ окружили своего молодого Государя и гроб понесли в церковь. Тут не было рангов, тут не было видно Царя — здесь все сплотились плотной стеною около гроба безвременно почившего юноши, весь этикет был отодвинут в сторону. Своею трогательною простотою картина эта напоминала мне вообще похороны всякого человека: так снимают с телеги и саней белый дощатый гроб крестьянина, так снимают с балдахина и гроб сановника. Чувство участия к горю Царской семье, чувство жалости щемило мое сердце. Когда стали снимать гроб, подъехала карета Императрицы матери Марии Федоровны⁴.

Императрица тут же на площади, недалеко от западного подъезда, вышла в глубоком трауре из кареты. Но внимание толпы так было поглощено происходящим событием, что Императрице едва дали дорогу. Я оглянулся и вижу Ее за своею спиною, всю в слезах, удрученную страшным материнским горем. Я поспешно постороился, то же начали делать и другие. По внесении гроба в собор, была совершена первая панихида. Говорят, с Государыней матерью сделалось дурно. Я видел, как Государь вывел свою Царственную Мать в притвор западного подъезда, быстро посадил ее в карету и вместе с нею уехал из крепости.

/.../

13 января 1901

Сегодня в 4 час[а] пополудни Их Императорское Величество изволили посетить Петропавловский собор, по приезде того же числа с утренним поездом из Крыма. После перенесенной тяжкой болезни (тифа) Государь Император выглядит возмужавшим и поправившимся. Императрица⁵ как всегда поражает цветущим здоровьем и румянцем. Их Величества преклонили колени и поклонились гробницам Наследн[ика] цесар[евича] Георгия Александровича, Александр[дра] III, Александра II и Николая I, после чего направились к выходу. Здесь Их Величества обратили внимание на венки, которые должны были возлагать чины Морского Кадетского Корпуса на гробницу Императора Петра I по случаю 200-летия со дня основания в 1701 году 14 января Навигацкой Школы, ныне Морского Кадетского Корпуса, и милостиво выслушали ответы на предложенные вопросы.

При выходе из собора дежурный адъютант гв. капитан Андреев доложил Государю Императору о том, что комендант по болезни не смог присутствовать при встрече Его Величества. На это Государь Император изволил ответить: «Отправьтесь к коменданту и передайте, что я желаю ему скорейшего выздоровления и что он благоразумно поступил, что не вышел меня встречать».

/.../

7 июня 1904

Посещение собора В[еликим] Кн[язем] Мих[аилом] Ник[олаевичем]⁶. 7-го июня в 1 час 45 мин[ут] пополудни Петроп[авловский] собор посетил, после прибытия из Канн, Вел[икий] Князь Михаил Николаевич. Из кареты его вели под руки сыновья, Вел[икие] Князья Николай Мих[айлович]⁷ и Александр Михайлович⁸. При входе в собор Вел[икий] Князь был встречен комен[дантом] СПб. креп[ости] ген[ералом] от инф[антерии] Эллисом. Великий

Князь Мих[аил] Николаевич, поздоровавшись с комендантом, спросил: «Как твое здоровье?» Затем, направляясь в собор, проговорил: «Вот я твой первый кандидат!» При этом у него из глаз катились слезы. Комендант ответил: «Ваше высочество, я Ваш старый знакомый и Вас сюда не принимаю».

/.../

О приездах графа Витте⁹ в крепость

/.../ 15-го окт[ября] 1905 г. дали знать по телефону коменданту СПб. креп[ости] из Петергофского дворца, что граф Витте просит разрешения по прибытии из Петергофа пристать на катере к Невской пристани¹⁰ в 3 часа дня. Разрешение, конечно, последовало, причем встретить С.Ю. Витте приказано подп[олковнику] С.Веревкину и деж[урному] адъютанту Балкашину. Приезд Витте через крепость, в дни народных смут, был обставлен таинственностью¹¹. К 3 часам прибыла карета Витте, но С[ергей] Ю[льевич] прибыл только в 6^{1/2} часов вечера. Мы сознавали, что в Петергофе совершается что-то важное, что-то великое. При выходе с катера С[ергей] Ю[льевич] сказал Балкашину: «если вы меня ждали, то извиняюсь, что задержал, но уверяю, что здесь моей вины нет».

17-го октября накануне обнародования величайшего для России акта — дарования ей манифестом гражданской свободы и признания за Государственной Думой законодательных прав, С.Ю. Витте возвратился из Петергофа в крепость около 8 час[ов] вечера, привез с собою целую кипу каких-то бумаг, извинился и благодарил за ожидание. А 18-го октября утром над столицей пронеслась весть о знаменитом манифесте. На вопрос, какой манифест и о чем, я получил ответ от денщика, слышанный им от разносчика булок: «Царь заключил мир с забастовщиками». В этот день я был на Невском в полдень, видел на лестнице Городской Думы¹² группу ораторов, по-видимому, евреев, окруженных толпой народа. Ораторы выкидывали красный флаг, при появлении которого толпа грозила кулаками и кричала: «Долой его, к черту, вон» и т[ому] подобное. После этого выкидывали другие ораторы белый флаг, и толпа аплодировала и кричала: «Ура!»

Был на Невском вечером, но на нем было все спокойно, только кое-где небольшие группы у Гостиного Двора, у Думы, у Казанского собора, остальные улицы были довольно пусты. Магазины все закрыты, Невский полуосвещен.

Комендант, когда я явился к нему утром 18 октября с обычным докладом, вошел в кабинет с манифестом и, подавая его мне для прочтения, в отчаянии воскликнул: «Прочтите манифест: Государь губит Россию и предаёт своих верных слуг! Витте вертит всем, Государь дал ему права диктатора»¹³.

18 октября 1905

Сегодня объявлен Высочайший манифест о даровании русскому народу права конституционных государств, а именно: неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов (4 свободы). Первые дни по даровании свободы сопровождались в С.-П[етербурге] столкновениями между партиями красных и белых флагов, уличными беспорядками и столкновениями с войсками и полицией, с человеческими жертвами с той и с другой стороны. Во многих местах войска были вынуждены стрелять в народ, а партии революционеров стреляли в войска и полицию. Паника охватила все население. Правительственная власть как бы бездействовала, притаилась и выжидала, чем все это кончится. Газеты наполнились пасквильными статьями против правительства; на столбцах их раздавались грозные требования голоса социал-демократов, [социалистов-]революционеров и анархистов; все, что было раньше под спудом и проповедовалось в подпольных изданиях, теперь всплыло наверх и властно подавало свой голос. Действия правительства и войск для подавления беспорядков умышленно извращались; при описаниях мер правительства и действий властей и войска причины, вызвавшие эти меры и действия, отбрасывались, а приводились только следствия и описывались жертвы правительственного «произвола». Все это делалось для разжигания страстей и волнения умов населения и в особенности чуткой молодежи. Казалось, еще немного усилий, и может вспыхнуть революция с ее анархией и произволом. Голоса правительства совсем не было слышно. Из правителей только раздавался еще голос гр[афа] Витте, и то неуверенный, да смелые объявления товарища мин[истра] внутр[енних] дел, заведов[авшего] полицией, и СПб. воен[ного] ген[ерал]-губ[ернатора] Трепова¹⁴. Моряки изменяли и бунтовали¹⁵, и только расположенные в столице войска действовали смело, решительно и являлись верною опорой Государю и правительству.

22 окт[ября] 1905

22 окт[ября] объявлен Высочайший указ Правительствующему Сенату, подписанный Государем 21 окт[ября], о даровании

амнистии некоторым политическим арестованным. По указу дела о политических арестованных, не обвиняемых в насильственных действиях, по которым производились следствия, подлежали прекращению и забвению, а отбывавшим уже наказание политическим арестованным дарованы смягчения по степеням. С начала месяца /.../ заведующий арест[антскими] помещ[ениями] подпол[ковник] Веревкин¹⁶ заболел, и комендант приказал мне исполнять его обязанности, как например: допуск арестованных к свиданиям, присутствие на них и проч[ее].

21-го окт[ября] я был, кроме того, дежурный по крепости, и накануне нам ничего не было известно об указе. Ввиду тревожного времени спал я полуодевшись не в спальне, а в кабинете. 22 окт[ября] около 7 1/2 час[ов] утра получаю записку от коменданта с приказанием присутствовать в 8 ча[сов] утра в Труб[ецком] бастионе при освобождении по указу четырех арестованных. Наскоро одеваюсь и бегу в Труб[ецкой] бастион. На квартире завед[ующего] арест[антскими] помещениями¹⁷ нахожу помощника прокурора СПб. окр[ужного] суда Васильева и подполковника СПб. губ[ернского] жан[дармского] упр[авления]. Васильев мне заявил, что на основании данного ему приказа (при этом он показал мне бумагу) он явился сюда, чтобы привести в исполнение Высочайший указ и освободить на основании указа четырех арестованных. После исполнения формальностей арестованных по одному стали приводить в квартиру Веревкина через потайную дверь из коридора верхнего этажа Трубецкого бастиона. Первым был введен молодой человек, еврей Нухим-Меер Гальперин¹⁸. Объявление Васильевым ему указа об освобождении произвело на него приятное впечатление и обрадовало. За ним были введены Хана Лувишук¹⁹, София Виленкина²⁰ и затем Мария Смирнова²¹. На лицах последних двух, кстати сказать, довольно тупых, ничего не отразилось, и только на лице молодой девушки Лувишук пробежала едва уловимая тень радости. Из 24 чел[овек] освобождены были 4 чел[овека]²². /.../ Я вышел на двор Трубецкого бастиона, чтобы сделать допуск на свидание. Было около 9 или 9 1/2 ч[асов] утра. Когда я подходил к выходной калитке, то увидел, что во двор Труб[ецкого] баст[иона] вместе с лицами, пришедшими на свидание к арестованным, были впущены деж[урным] ун[тер]-оф[ицером] четыре или пять человек неизвестных лиц. Я пошел к ним навстречу. На мой вопрос, к кому они явились на свидание, неизвестные лица властно ответили, что они присланы сюда Союзом союз²³ и представляют из себя комиссию, на обязанности которой возложено присутствие при освобождении арестованных и затем, если нужно, снабжение деньгами, одеждой,

квартирами и медицинской помощью, что среди этой «комиссии» находится один присяжный поверенный (г.Зарудный²⁴), один врач, один бывший помощник председателя Петер[бургского] окр[ужного] суда и проч[ие]. При этом они показали мне записку (печатную на пишущей машинке) Союза союзов и заявили, что им разрешено присутствие и гр[афом] Витте. Я им твердо ответил, что к присутствованию при освобождении арестованных я не имею права их допустить и не допущу, что записка Союза союзов для меня не документ, что я такого учреждения не знаю и попрошу их всех удалиться за калитку, что и было ими исполнено. Известные лица заявили, что если я им не верю, то я могу снести по телефону с графом Витте, который подтвердит свое разрешение. Я заявил, что гр[аф] Витте для меня слишком большая персоне, чтобы с ним сноситься, но что у меня есть свое ближайшее начальство, приказание которого я обязан исполнять в точности. Тогда члены Союза союзов, число которых возросло человек до 10-ти (были мужчины и женщины), попросили меня дать знать помощнику прокурора Васильеву, что они его ждут на улице и желают его видеть. Просьба их была мною удовлетворена и получен ответ, что когда он выпустит всех освобожденных арестованных, то к ним выйдет. Тем временем /.../ я успел сходить к коменданту и доложить об этом происшествии. Комен[дант] приказал ни под каким видом во двор Трубецкого бастиона их не впускать. Наконец стали выводить на свободу арестованных. Первым вышел Гальперин*. Члены Союза встретили его с восторгом, обнимали и целовали²⁵. Из Васильевских ворот высыпала толпа жен и детей ун[тер]-офицеров наблюд[ательной] команды и жандармских²⁶ и с любопытством смотрели на эту картину. Вторую вышла Лувищук, которую ожидала сестра. Она была встречена также восторженно.

«Посмотрите на это молодое, красивое лицо, — обратился ко мне врач «комиссии» еврейского типа, — на нем дышит жизнь, а ее томят в мрачной тюрьме, она олицетворение жизни и может сама дать жизнь несокольким человекам. Неужели у вас при виде этой картины не навертываются слезы? У вас, наверное, есть дети, вы должны переживать и чувствовать эту минуту».

Наконец вывели и остальных двух освобожденных женщин, и вскоре из калитки вышел товарищ прокурора Васильев. «Комиссия» во главе с Зарудным приступила к нему. Васильев остановился у калитки; лицо его было взволновано и покрылось румян-

---

* Его ожидал родной брат, помощник присяжного поверенного. [Здесь и далее в тексте — прим. Иванишина. — Публ.]

цем. Зарудный обратился к нему властно, требовательно, при-
близительно с такими словами: «Я, Зарудный, от имени предста-
вителей Союза союзов требую от вас, чтобы вы дали мне катего-
рический ответ, в точности ли исполнен Высочайший указ и нет
ли таких арестованных, которые по указу Государя не освобо-
ждены. На нас лежит долг успокоить общество».

Васильев ответил, что он может говорить только о том, что
сам сделал и что из Труб[ецкого] баст[иона] он освободил, соглас-
но данного ему предписания, четырех арестованных, а в осталь-
ных местах были другие исполнители.

«Значит, вы категорического ответа нам дать не можете, —
заметил Зарудный. — Нам известно, что Стародворский²⁷ то-
мится в заключении двадцать два года и до сих пор не освобо-
жен. Общество не будет успокоено, оно по-прежнему в тревоге,
арестованные освобождены не все!»

При этом члены Союза союзов демонстративно повернулись
и удалились из крепости. Арестованные были освобождены в
11-м часу утра. Коменд[ант] об этом происш[ествии] написал
24 окт[ября] завед[ующему] полит[ической] частью Д[епарта-
мента] п[олиции] г[осподи]ну Рачковскому²⁸, по-видимому, чтобы
припугнуть членов Союза союзов. /.../

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА № 3

Мысли арестованных и мои об арестованных с 1907 года

Из всех записных книжек сделать извлечения, назвав их
«Воспоминания о Трубецком бастионе» или как-нибудь иначе.
Все письма арестованных не подлежат внесению в воспомина-
ния, они должны быть выпущены. В «Воспоминания» долж-
ны войти только мои мысли или обращения посторонних лиц
(арестованных и других) ко мне. «Воспоминания» будут иметь
общественный интерес. Их можно издать. Нужно хорошо
проредактировать все записки.

Г.Иванишин*

5/IV-1923

Какие ощущения испытывают арестованные, попадая в
Трубецкой бастион, — их психология. Что они говорят о
своем содержании в крепост[и].

/.../

---

* Запись на полях.

Представи[тель] Петер[бургского] воен[но-]окр[ужного] суда ген[ерал]-лейт[енант] Мухин вручил в моей квартире в Трубецком бастионе²⁹ обвинительный акт 15-ти политическим подсудимым, обвиняемым в подготовке к царубийству³⁰. Между подсудимыми было 5 молод[ых] женщин.

Любопытно отметить женскую черту характера: несмотря на крайнее напряжение нервов, вызываемое такими случаями, как вывод для вручения обвинительного акта и в суд, женщины при вводе в комнату, где сидит представитель суда Мухин, прежде всего старались украдкой заглянуть в зеркало (Прокофьева³¹, Педькова³²), чтобы увидеть свое лицо, а затем уже слушали председателя о назначении им часа времени на вызов защитника и свидетелей.

Надо заметить, что заключенные в Трубецкой бастион не имеют зеркал и не видят своих лиц по целым месяцам.

Хотя надо добавить, что и некоторые мужчины при выводе на допрос в мою комнату просили моего разрешения посмотреться в зеркало (Феодосьев³³, Кит Пуркин³⁴ и др.).

По отзывам всех заключенных, в письмах к родственникам, Трубецкой бастион настолько изолирован, что жизнь в нем заключенных совершенно останавливается и застывает; настоящего для них не существует, они живут только воспоминаниями прошлого, что и варьируют на все лады в письмах. Письма «с воли» и редкие свидания с родственниками их радуют совершенно так, как радуют письма и свидания институток. Здесь заключается поразительное явление: взрослые с высшим образованием люди становятся совершенно похожими на детей закрытых учебных заведений, преимущественно женс[ких] институтов, отсюда вывод не в пользу закр[ытых] институтов.

Революционер-анархист о членах своей партии

30 июля 1907 г. в моей квартире суд[ебный] след[ователь] по особо важным делам СПб. окруж[ного] суда Тлустовский допрашивал убежденного революционера-анархиста Николая Пумпянского³⁵, который в огкровенном разговоре заявил, что он признает анархизм только как чистую идею и пропагандирует ее в печати, пролития крови не выносит и из живых существ разве только может убить рыбу.

Относительно революционеров-исполнителей заявил, что они куда не годятся: «Я сидел в канун июля (1907 г.) в Московской тюрьме; из бывших там 193 чел. политических дай Бог, чтобы бы-

ло два порядочных человека, а остальные все какая-то сволочь, недостойная названия человека». На предложение Тлустовского занести эти слова в протокол, т.к. такие взгляды могут послужить к облегчению его вины, сделать этого не дозволил, заметив, что он держится общих правил партии: не давай никаких показаний.

6 авг[уста] 1907

Когда я объявил сегодня вечером Киту Пуркину, что его возьмут сегодня ночью для перевода в СПб. дом предварительного заключения³⁶, он заявил между прочим: «Знаете, я заметил, что здесь нет никаких насекомых и мышей. Вообще я должен сказать, что вы можете гордиться вашей тюрьмой: таких гигиенических условий и чистоты я никогда не видал, хотя сидел уже в нескольких тюрьмах».

Кит Пуркин на суде обнаружил свое настоящее имя и оказался сыном надворного совет[ника] Борисом Степановичем Синявским, студентом СПб. университета, бежавшим из административной ссылки в Архангельской губернии.

По приговору Пет[ербургского] воен[но-] окр[ужного] суда отставной лей[тенант] Борис Никитенко³⁷, Борис Синявский и сын колл[ежского] сов[етника] Влад[имир] Алексан[дрович] Наумов³⁸ признаны виновными в приготовлении к посягательству на жизнь Священной Особы Государя Императора и казнены 21 авг[уста] (1907 г.) через повешение. /.../

22 августа 1907

В 12-м часу дня я давал последнее свидание Лихтенштадту³⁹ с его матерью, а затем с женой через решетку (Марина Львовна⁴⁰ и жена Мария Михайл[овна]⁴¹). Свидание дано было каждой по 15 мин[ут] и было очень тяжелое. Жена все время крепилась, но когда я сказал, что свидание кончено, ее глаза наполнились слезами и она с мольбою обратилась ко мне, чтобы я позволил пожать им на прощанье руки. Он также просил об этом, но я в силу крепостных правил и прик[азаний] комен[дан]та не мог дать разрешения и не дал. Она, как и мать, вышла пошатываясь. Он все время держал себя бодро и спокойно. Заходил я к нему после того два раза в камеру — из них один раз, чтобы передать ему только что прислан[ные] женою через Деп[артамент] пол[иции] четыре книги, но он был также вполне спокоен и занимался чтением. После суда он спал спокойно и даже лег спать раньше.

Вообще я заметил, что многие осужден[ные] на казнь после суда и в ночь казни [спали] кротким сном (Коноплянникова⁴² —

убийца Мина⁴³, Штифтарь⁴⁴ — сообщник по убийству Градон[ачальника] фон дер Лауница⁴⁵ и другие).

22 августа выдался удивительно теплый день с южным ветром при ясном солнце. Вечером около 7 часов было в тени 18° по Реомюру⁴⁶, и я сидел с женою в беседке в своем садике. Вдруг вижу проехали мимо садика по пути к Труб[ецкому] баст[иону] извозчицы дрожки, в которых сидели мужчина с какою-то маленькой дамой, и затем в скором времени возвратились обратно. Я сказал жене, что это за туристы ездят по крепости, и пошел зачем-то в комнату. Вдруг слышу резкий звонок в прихожей. Я открыл дверь, и передо мной предстала жена Лихтенштадта, Мария Мих[айловна]. Глаза ее сияли радостью, на лице улыбка, на груди приколоты ветка пунцовой розы. Она схватила мои руки своими двумя маленькими ручками. «Вы слышали о нашей радости? Володю помиловали: смертная казнь заменена ему пожизненной каторгой». Я ответил, что слышал. Она не выпускала моих рук из своих, жала их крепко и начала просить, чтобы я сообщил об этом «Володе». Но я сказал, что не имею права этого сделать, пока не получу официальное уведомление, иначе можно породить надежды и вдруг окажется жуткое разочарование, в случае, если это известие не справедливо. Она мне ответила, что сомнения никакого нет, что помощ[ник] Главногоком[андующего] ген.-лейт. Газенкампф⁴⁷ заменил приговор и при этом сказал им: «Это было давно, на том месте, где произошел взрыв дачи Столыпина, уже воздвигнута часовня⁴⁸, зачем же проливать новую кровь». А потому ошибки в этом известии никакой нет. «Вы хотя войдите к нему с веселым лицом, и он догадается». Я все ж таки не мог дать ей на это согласие. Она продолжала держать мои руки и стояла вся трепещущая любовью к своему «Володе». Затем стала прощаться и вдруг проговорила: «Позвольте мне вас поцеловать, — вы так много для нас сделали». Признаюсь, я был крайне смущен такой просьбой молодой 18-летней дамы, никак не мог ожидать, чтобы меня, «тюремщика», как нас называют, могли так благодарить только за то, что я гуманно, честно и твердо исполняю свой долг. Я машинально, без слов, наклонил свою голову, она поцеловала меня в щеку, еще раз поблагодарила и быстро скрылась за дверь. У парадной лестницы в дрожках поджидал ее отец, стат[ский] советник, она села в дрожки и уехала. А я стоял удивленный и пораженный.

...Мария Мих[айловна] Лихтенштадт также содержалась в Труб[ецком] бастионе, но не очень долго, и была освобождена за полной невиновностью. После ее освобождения арестованные были передвинуты из 4-го фаса и размещены в трех фасах⁴⁹, и Вла-

д[имиру] Лихтенштадту случайно попалась камера под №60, где ранее содержалась жена.

За несколько дней до суда, после вручения обвинительного акта, Мария Лихтенштадт, когда я шел с докладом коменданту, умоляла меня на углу Комендант[ского] дома⁵⁰, против квартиры кап[итана] Сербулова⁵¹, чтобы я передал «Володе», чтобы он принял защитника и от защиты не отказывался. Я ответил, что доложу комен[дан]ту, и если он разрешит, то передам. «Убедите его, уговорите разрешить, умоляю вас. Я готова вас не знаю как просить, ведь и он (комендант) был молод, ведь и он любил и был любим; во имя всего святого, что есть на свете, прошу я вас исполнить мою просьбу». Она ухватилась сквозь накидку за мою руку повыше локтя и прильнула к руке щекою, казалось, что она хочет поцеловать накидку. Я обещал просить коменданта, но он просьбу отклонил, вследствие чего она не была передана Вл[адимиру] Лихт[енштадту], хотя последний /.../ защитника сам принял, когда от него узнал, что мать и жена об этом просили.

Когда Вл[адимира] Лихтенштадта арестовали, со дня замужества Марии Михайловны прошло всего около 4-5 месяцев, и по ее освобождению, когда она была на свидании с ним, они вспомнили, что со дня их свадьбы исполнилось полгода.

24 авг[уста] (1907 г.) получена официальная бумага по Департаменту полиции о замене Лихтенштадту смертной казни бессрочною каторгой и того же числа немедленно ему объявлена. Он выслушал мое объявление, как мне показалось, вполне спокойно, не проявив никакой радости.

Из письма Аполлона Кругликова⁵² (он же Сперанский) к матери Анне Кругликовой, от 5 ноября 1907 г.: «...Что касается меня, то настроение у меня великолепное, — хоть на бал. Здоров и чувствую себя во всех отношениях как следует. Отъедаюсь после предшествующих голодовок. В Киевской тюрьме куда как плохо кормили, а здесь пропитание как будто для порядочных господ, ну, я, натурально, пользуюсь... Выписываю еще молоко, благо пока еще денег хватит месяца на два...» (Проявляет нежную заботливость о матери и сестре «Соньке». Имеет невесту «Варварушку»).

28 октября 1905 г. доставлен из Шлиссельбурга, в числе 8 человек, в СПб-скую крепость прощенный по манифесту политический преступник Николай Морозов, просидевший в Шлиссельбурге около 20 лет. В настоящее время (7 ноября 1907 г.) Морозов состоит приват-доцентом (кажется, по кафедре математики) в Технологическом институте в Петербурге. Не будучи математиком и химиком при заключении, он, как передают, изучил во время заключения математику и химию, причем его химию профессор Менделеев признал особо выдающеюся. Факт поразительный в смысле силы воли и ума. 22 ноября 1907 г. слушал лекцию Морозова в Соляном городке об «Апокалипсисе»⁵⁴. Зал был переполнен. Большой успех.

Отзыв Н. Чайковского⁵⁵ о Трубецком бастионе

Из писем к жене в Лондон (от 22 ноября 1907 г.): «...Что до моего существования, то, конечно, всякая тюрьма есть тюрьма и дает себя чувствовать, лишая тебя удовлетворения некоторых самых элементарных потребностей человеческой природы, как свобода, общество и т.п., но при все том во всех других отношениях эта тюрьма безусловно корректна (до сих пор по крайней мере) и кроме этого одного — я против нее ничего не могу сказать. Иногда мне кажется, что поступил на какой-то дополнительный курс высшего образования доучиваться на старости лет всяким умным наукам. Тут есть хотя и небольшая, но порядочная библиотека, которую я поглощаю за неимением другого занятия. По первому делу, пока что, мне, конечно, дали Библию, которую, т.е. Евангелие и Деяния, — я и перечитал в 20-й раз, не без удовольствия. Потом пошла история русская и всякая другая, — все это заставляет много думать и мечтать, так что иногда, право, забываю совсем об окружающем... Вообще пока что живу и не тужу».

/.../

Наталья Климова⁵⁶ в письме к тетке от 20 декабря 1907 г. так описывает Трубецкой бастион и свое настроение: «Здесь бывают секунды, когда мысль схватывает и переживает так много, что, при воспоминании о них, они кажутся часами и днями, и бывают часы и целые дни, которые кажутся мгновениями. Это очень трудно, м[ожет] б[ыть] прямо невозможно понять, если не испытаешь сам, только я замечаю, что мое понимание времени настолько изменилось, что общепринятое положение, что час больше минуты, а сутки больше часа, я считаю совсем недоказанным.

Читаю очень много, да почти все время. Ты права, теточка, так много есть интересного, что нужно знать, и так хорошо работает здесь мысль. Знаешь, здесь нет ни одной из тех бесчисленных звонких вещиц, которые в жизни спутывают и сбивают бедную мысль на каждом шагу, крадут у нее месяцы, годы и дни, большинство людей сбрасывает маску, открывая всю ненужность и пустотность свою тогда, когда уже поздно начинать сначала? Я помню, спросила как-то раз в предварилке⁵⁷ у одной, как ей понравилась крепость. Она ответила, что ей понравилось потому, что там "нет никаких ненужных вещей". И вот мне кажется, что всегда, когда человек один долго, то он думает о самых больших и нужных вещах, отбрасывая за борт всю мелочь. Здесь как-то научаешься сразу дотягиваться до самого сердца явлений и законов, научаешься быстро вскрывать те невидимые связи и рычаги жизни, над которыми при других условиях проработала бы годы, выгребая их из-под всякого мусора...»

Тоска эмигрантов по родным

Дворянин Николай Васильевич Чайковский, старый народо-волец, как назвал его жандармский офицер, или «левый», как назвал себя Чайковский, сам пробыл в Англии около 20 лет, куда бежал от преследования русских властей. В дни объявления свобод он просит русского консула в Лондоне (по его рассказу) разрешить ему возвратиться в Россию и выдать паспорт. Ему в этом было отказано. Тогда он явился самовольно с фальшивым паспортом и здесь под именем Никанора Никанорова в ноябре месяце 1907 года был арестован. Из письма к жене в Англию от 7 января] 1908 г. из крепости видно, как он скучал в Англии по России:

«...Я не унываю и вам не советую. Право же, сидя в этих 4-х стенах, я чувствую себя гораздо более связанным с действительной жизнью, более у дела, чем прозябая в свободной Англии с сознанием своей ненужности и даже лишности для всех англичан, вместе взятых. Я совсем здоров и бодр».

/.../

Об изучении философии

Мнение Вл[адимира] Лихтенштадт[а] из письма к знакомой: «При изучении философии хорошо поставить в центре мышления Шопенгауэра: он наименее односторонен из всех философов, и, кроме того, от него идут пути ко всем другим течениям мысли». Вследствие того, что Шопенгауэр требует знать Канта, Лихтен-

штадт советует взять не самого Канта, а Куно Фишера⁵⁸ («Кант в истории новой философии» — есть по-русски).

---

22 января 1908 г. Варвара Александровна Чайковская после свидания с мужем, арестованным Николаем Васильевичем Чайковским, мне сказала: «На вас там молятся, вас боготворят! Ведь вот можно же соединить исполнение долга службы с гуманным отношением к заключенным!»

Обитель и послушники

Арестованный, московский присяж[ный] повер[енный] Сергей Старынкевич⁵⁹ называет Труб[ецкой] баст[ион] обителью, а охраняющих арестованных жандармов послушниками. В письме к сестре Елиз[авете] Лидовой от 24 мая 1907 г. он пишет: «...Тихо, потому что в обители нашей до того спокойно, что и не рассказать...» Далее он говорит, что занимается гимнастикой: «Выделяю каждодневно такие курбеты, что послушники на них глядят, диву даются. Словом, я чувствую себя хорошо». Затем, говоря о найденной у него крепост[ным] врачом неврастении сердца, пишет: «Конечно, дело поправимое, но обидно, да и не порядок, — собственный, можно сказать, орган и производит этакую революцию...» Не мешало бы ему эти слова отнести к себе, как собственному сыну своей родины, производящему по отношению коей такие же болезненные потрясения.

Среди арестованных, содержащихся в Труб[ецком] баст[ионе] по делу приготовления к цареубийству, находился неизвестный, задержанный с паспортом на имя мещанина Кита Пуркина*, который на суде в августе 1907 года открыл свое настоящее звание: студ[ент] 2 курса естественного факультета СПб. университета Борис Степанович Синявский. Арестованный этот выделялся среди других своим умом, красотой и изящными манерами, что так не гармонировало с принятым им на себя вымышленным званием и именем, которого нет даже в Святцах. Пуркин знал, какая участь его ожидает, и несмотря на это усиленно пломбирова[л] и берег свои хорошие зубы. Он мне высказывал, что его повесят, а когда я задал ему вопрос: «Так для чего же вы пломбируете ваши зубы?», ответил: «Все ж таки лучше повесить с зубами, чем без зубов».

---

* Прибыл 31 марта, убыл в СПб. дом предв[арительного] заключения.

Пуркин относился с крайним недоверием ко всем распоряжениям правительственных лиц...

/.../

---

28 июня 1907 г. была доставлена в крепость для содержания Людмила Емельянова⁶⁰, оказавшаяся беременной. Просидела она до 24 января 1908 г. В этот день я объявил ей, что ее сегодня переведут в СПб. женскую тюрьму по случаю ее положения. На это заявление она ответила улыбаясь: «Ой, как скоро! Не хочется уезжать!» Ей не в чем было переехать: верхняя одежда была вся летняя, и я дал ей одеяло, чтобы она закуталась, как пледом. Замечательна психика некоторых людей: посидят в крепости уж кажется в тяжелых условиях, привыкнут и уж не хотят уходить!

Из наставлений Н.В. Чайковского сыну Петру Чайковскому: «Помни, что во всяком человеке есть кусочек гения, и человек обязан найти в себе этот кусочек и развить его. Развитие кусочка гения будет призванием этого человека, будет его настоящей дорогой, настоящим трудом, для которого он и создан. Труд, выбранный без призвания, никогда не удовлетворит человека».

Ввиду того, что сын Чайковского взял на себя место воспитателя 2-х русс[ких] мальчиков в имении помещика в Центральной России, Ч[айковский]-отец советует ему завести строгую дисциплину в воспитании по-английски, распределить строго часы для занятий, отдыха, игр и спорта и не производить спорт и игры в виде бесконечного препровождения времени, как принято у русских помещиков, а непременно с целью воспитания характера и укрепления здоровья. Советует, между прочим, играть в шахматы, крокет и футбол. Общественная (или общая) игра — это мирная война, которая шлифует характер; капризные дети выталкиваются другими детьми из игры и приучаются быть более сдержанными. Общая игра имеет большое воспитательное значение.

Из письма княгини Ксении Мышецкой⁶¹ к матери от 28 января 1908 г., княгине Екатерине Адамов[не] Мышецкой: «Спрашиваете, как я живу. Да ничего себе. Больше читаю. Философию совсем теперь бросила. Или хожу. Двадцать шагов туда, двадцать обратно; хожу и думаю или считаю шаги. Если сделать 84 полных оборота, выйдет верста. Вот и все. Прогулка не так уж

коротка. Еда хорошая, кормят, как говорится, на убой. Впрочем, при плохой пище здесь долго не просидишь...»

Из письма Аполлона Кругликова, осужденного на длительную каторгу, к матери от 28 января 1908 г.

«...Также продолжаю сидеть в той же дыре, именуемой... (не велено сказывать!)⁶². По временам одолевает свирепая люто-сть мойм милым сердцем, недавно в таком состоянии совершил свой первый террористический акт, — уничтожил муху, которая, преисполнившись дерзостных намерений, съела у меня почти полкуса сахару... А жаль ее потом стало, последняя была в камере, да я теперь уверен, что она экспортировала мой сахар на какие-нибудь идейные нужды, жаль, говорю, муху! Есть ли у вас мухи или еще нет? Напишите, пожалуйста, и я по этому буду судить, есть ли у вас сахар, или вы сидите без него?!»

/.../

Из письма Старынкевича Сергея (Малоросса), присяжного поверенного Московской суд[ебной] палаты, к сестре Елиз[авете] Лидовой от 4 февр[аля] 1908 г. Замечат[ельный] юморист: «...Но теперь все прошло (он в морозы в дек[абре] очень зяб), я чувствую себя хорошо и только безумно хочется говорить: поставьте меня на кафедру, побью рекорд доктора Лехера, и если сие "дело" неожиданно примет судебный оборот, буду говорить, пока не обольют водой из брандспоя. — Рад ужасно за батьку. Не говорите ему пока ничего. Он всегда думал (без основания), что я могу стать тамбур-мажором, а из меня вышел "отставной козы барабанщик", как это и провидел мой старый учитель Квач, говоривший: "Способный ты малый, и только через характер будешь ты, негодная детинушка, отставной козы барабанщик..."»

Из письма прост[ого] рабочего Кишкеля Александра⁶³ от 4 февраля 1908 г. к Петру Кишкелю в м[естечко] Крынки Гроднен[ской] губ[ернии] и уезда: «...Я живу ни хорошо, ни дурно, а что-то среднее между хорошим и дурным, дело в том, что слишком много однообразия...» Жажда внешних впечатлений так велика, что просит писать «Что на улице творится в Крынках»... «Мне интересно знать, как там свиньи гуляют, так ли как и прежде или иначе».

Из письма Ник[олая] Вас[ильевича] Чайковского к дочери в г. Харро-он-де-Хилл, в Англию, от 4 февраля 1908 г. По словам Чайковского, он 34 года скучал по России, страстно хотел вернуться, легализоваться, наконец он возвратился самовольно и был арестован. По этому поводу он писал дочери: «Свидания с мамой меня окончательно успокоили и убедили в том, что при существующих обстоятельствах я и не мог сделать ничего лучше, как легализоваться здесь, хотя бы даже и в тюрьме: житье за границей теперь было бы для меня, вероятно, необыкновенно тяжелой пыткой, — и моральной, да и физической. А тут, как-никак, я буду до конца исполнять ту роль, которая мне выпала в русских общественных делах, и чувствовать свою живую связь с ними. Придет время, я, вероятно, сумею и вас всех связать с русской жизнью».

9 февраля 1908 г. была допущена к свиданию с эмигрантом Никол[аем] Чайковским его родная сестра Анна Вас[ильевна] Ивановская, вдова дейс[твительного] ст[атского] сов[етника]. Не виделись 34 года. Расстались молодыми людьми и встретились стариками.

/.../

Чайковский на свидании сказал, что он хотя и не был патриотом, но его всегда тянуло в Россию, в особенности теперь, когда часть русс[кого] общ[ества] сидит по тюрьмам, и что ему неудобно было не разделить ту же участь, что таким путем он легализовался, что лучше в России умереть; заграничные люди хороши только при мимолетных встречах, только между прочим.

Первая институтка — бомбистка, революционерка Лидия Стуре⁶⁴, попавшая при мне в крепость; обвиняется в покушении на убийство Вел[ико]го Кн[язя] Никол[ая] Никол[аевича]⁶⁵ и Мин[истра] Юсти[ции] Щегловитова⁶⁶. Высокая, худенькая, слабого сложения девушка, с бледным лицом.

Из письма ее к матери от 11 февраля 1908 г.: «Мамочка, милая, ты, наверное, уже знаешь о моем аресте и если так — уже в Петербурге. Пусть это письмо порадует и успокоит папу и бабушку. Я сижу в крепости, это слово наводит на вас ужас, не бойтесь — крепостной режим гораздо лучше тюремного. Кормят довольно хорошо, не хуже чем в институте, где провела целых 7 лет. Прогулки раз в день 10 минут. Камера большая, почти совсем пустая: посреди стоит кровать, привинченная к стене, около нее стол, также неподвижно укрепленный, около двери направо от кровати туалетный уголок. Окно маленькое под потолок, выходит на каменную стену, и только в верхний ряд стекла виден кло-

чок серого неба. Часто вспоминаю лучезарную Италию, голубое небо Венеции. Такой переход — летом в Италии, зимой — за решеткой отразился несколько на мне. Мой здоровый аппетит исчез. Надо ко всему привыкать, быть может, долго придется сидеть...»

Окончила Елизаветинский институт в СПб., 24 лет. Затем училась на Бестужевских курсах (на Васильев[ском] остр[ове], откуда и вышла революционеркой)*.

Приговоренная к смертной казни Анна Распутина⁶⁷ мне заявила 15 февраля 1908 г., что обвинитель военный прокурор (помощник) воен[ного] прокурора Пет[ербургского] воен[но]-о[круж]ного суда полковник Шавров), характеризуя их группу, напал на верную мысль, только неточно ее выразил; он сказал, что «в этих людях убит инстинкт жизни и поэтому они не дорожат жизнью других». Это не так: «у нас убит инстинкт смерти, подобно тому, как убит он у храброго офицера, идущего в бой».

14 февраля 1908 г. судились в Трубец[ком] бастионе 10 чел[овек], из которых 7 чел[овек] приговорены к смертной казни через повешение и 3 чел[овека] в катор[жные] работы (двое на 15 лет и одна, Янчевская⁶⁸, на 5 лет).

В числе приговоренных к казни 3 женщины, в том числе Лидия Стуре. Из всех заключенных была наиболее «экзальтированная» Лидия Стуре, как выразилась про нее Распутина.

/.../

14 февраля 1908 г. в Труб[ецком] бастионе, в моей служеб[ной] квар[тире], в 16 ч. утра [так! — *Публ.*], было назначено засе[дание] Петербургского военно-о[круж]ного суда, по делу 10 чел[овек] политич[еских] арестованных, принадлежащих к «боевой дружине северной области партии соц[иалистов]-рев[олюционеров], по обвинению их в принадлежности к этой партии и покушении на жизнь Вел[икого] Кн[язя] Никол[ая] Никол[аевича] и Министра Юстиции Щегловитова, по поводу исполнения ими своих обязанностей, чтобы путем убийства высших представителей власти добиться ниспровержения сущ[ествующего] гос[ударственного] строя и учреждения демократической республики». Приговором суда все 10 чел[овек] признаны виновными в принадлежности к партии, а 7 чел[овек] из них в покушении на убийство указ[анных] выше лиц, а потому приговорены к смертной казни через повешение: Лев Синегуб⁶⁹, Марио Кальвино⁷⁰ (по паспорту итальянский подданный), Сергей Баранов⁷¹, Александр Смирнов⁷², Анна Распу-

---

* Кажется, на 3-м курсе.

тина, неизвестная под кличками «Казанская» и «Кися»⁷³ и Лидия Стуре, и 3 чел[овека] в каторжные работы: студент 4 курса СПб. универ[ситета] (естеств[енник]) Афанасий Николаев⁷⁴ и Константинов⁷⁵ (мастеровой) к 15 годам и Янчевская — на 10 лет, которой по конфирмации наказание смягчено на 5 лет (ей только исполнилось 17 лет, дошла до 5 кл[асса] гимназии и вышла из нее).

15 февраля в 3 часа дня воен[ным] судьей ген[ерал]-лейт[енантом] Никифоровым, председательствовавшим в суде, был объявлен в моей кварт[ире] всем подсудимым, в присутствии их защитников, приговор в окончательной форме, который они выслушали совершенно спокойно, с улыбающимися лицами, на которых не было никакого озлобления, точно им прочли радостное известие. Защитник Лидии Стуре обратил на это мое внимание: «Вы видите, что смертная казнь не достигает своей цели, — их лица веселые и радостные!»

Защитники и осужденные выразили желание подать кассацию, и председатель дал на это времени 2 часа (до 5 час[ов] вечера).

Хотя защитники и составили кассац[ионные] жалобы, но эти два часа были заняты тем, что осужденные с некоторыми защитниками уселись в тесный кружок и оживленно между собой беседовали; раздавался от времени до времени смех, лица оживились, раздумянились, по-видимому, рассказывались подробн[ости] покушения (секретарь суда Раевский слышал, как Распутина выкрикнула: «Посудите сами: я должна была с половины второго до пяти часов таскать в муфте этакую тяжесть (а бомба в 8 фунтов)»).

В 5 часов мною прекращено было совещание и приказано осужденных отвести в их камеры. Все они начали целоваться друг с другом и с защитниками и прощаться.

После этого они стали в круг, крепко охватили друг друга за талию, присоединили к себе защитника Лидии Стуре и начали выдавать по одному для отвода осужденных. Сначала отпустили каторжан, затем по одному других, кольцо все суживалось, и наконец последнюю ушла Стуре, крепко и любовно расцеловавшись со своим защитником, который все время изображал из себя влюбленного в нее человека, хотя на руке было обручальное кольцо.

Во время обсуждения осужденными кассационной жалобы или вернее /.../ — последней беседы между собою, мною получена была от ген[ерала] Душкевича⁷⁶ записка, что Деп[артаментом] Пол[иции] разрешено иметь свидание подполковнику Стуре и его жене Елизавете Николаевне с их дочерью Лидией Стуре: просили допустить и оказать возможное содействие.

Я сообщил об этом Лидии Стуре и сам отправился в свидальную комнату.

Там я встретил двух несчастных старичков, старенького небольшого роста отставн[ого] подполковника и худенькую с длинным личиком старушку мать. Горе старичков не поддается никакому описанию. Они умоляли меня допустить их к свиданию не порознь, а вместе; я разрешил.

В это время за дверью приемн[ой] раздался нервный крик дочери, узнавшей голос матери: «Мама, мама, что же ты не идешь?»

Наконец я впустил старичков; их отделяли от дочери две решетки, между которыми находился я. Отец зашатался; я приказал подать ему стул; мать устояла на ногах. Мать и дочь очутились друг против друга у маленьких окошечек для головы. «Вот я, видите, какая счастливая и довольная, — воскликнула дочь, — вот, папа, и я военная»*. При этом глаза ее горели, лицо разругнлось (в обыкн[овенное] время бледное, больное), она вся была какая-то экзальтированная. Отец со стоном опустился на стул и глухо, беспомощно произнес: «В чем же твое счастье?» Она начала упрекать отца, какой же он военный, если со слезами не может справиться, матери запретила плакать, погрозила, что если будут слезы, то прекратит свидание. Мать крепилась. Но какое было у нее лицо! Дочь сказала: «Счастье мое состоит в том, что я хотела, то и сделала, хотя и ничего не успела сделать». Старички простонали: «Какое же тут счастье!» Мать спрашивала, почему она не приехала на Рождество, тогда бы этого не случилось. Дочь ответила: «Я знала, что от вас не скоро вырваться, и потому не поехала. И зачем вам тосковать; ведь я давно уже от вас отстала; ведь я семь лет провела вдали от вас в институте, семь лет, как потеряла с вами связь и очень этому рада; по крайней мере, я научилась быть самостоятельной, не была порабощена семьей. Пора вам уже от меня отвыкнуть». «Разбила ты нашу жизнь, Лида, окончательно разбила», — простонал отец. «Да что ее разбивать! Вы уже старенькие, пора вам и умирать»**. Мать сказала дочери: «Да, скоро, скоро и я уйду за тобой». — «Ну, вот и хорошо, мы с тобою и встретимся». «Да как же мы встретимся? Я верующая, а ты нет». — «Ну все равно, — ответила дочь. — Вы еще будете... пусть вам будет утешением племянник (сын второй замужней дочери Миша, болеющий чахоткой), вы находите его феноменом. Таким же феноменом, каким находили и меня. Знаете, — сказала она неожиданно, — я пробовала руками кожу на своей шее и

---

* Отец глухо застонал: «Ну, какая ты военная?»

** Какая жестокость!

связки; такая она тоненькая и нежная; затянут веревкой, хрустнут связки, и конец». Из всех этих слов видно, что не было у нее серьезной любви к родителям; была любовь, но какая-то странная, эгоистическая. Свидание кончилось, на него я дал времени полчаса и разрешил поцеловать в окно в решетке. (Свидание от 3 ч. 35 м. дня до 4 ч. 5 м.).

В этот же день получил свидание Синегуб со своей теткой, дочерью священника В.В.Чемодановой. Свидание было самое спокойное, точно не перед смертью.

Лидия Стуре распор[ядилась] насчет своих вещей и просила отца, не может ли он в течение 3-х лет вносить каждый месяц по 10 руб[лей] в кассу взаимопомощи высших жен[ских] курсов. Отец отказал. Сказалось легкомыслие институтки! Отец получал пенсию 60 р. — и у него просит 10 р. взносов.

Свидание старичкам с Лидией Стуре дано и на другой день, 16 февраля, от 4 ч. 40 м. до 5 ч. 5 м. Вышла на свидание Стуре уже не та, а утомленная и с упавшим голосом. Родители мне потом сказали: «Мы говорили вам, что все это напускное». Стуре делала последнее распоряжение о своих вещах и книгах*.

Свидания старичков с дочерью меня нервно разбили и измучили. Замечательно, что все осужденные очень заботились о поддержании бодрости друг в друге. Распутина мне сказала 15 февраля: «Кажется, все наши держатся бодро; из всех нас наиболее экзальтированная — это Стуре, но и она держится хорошо».

Из всех приговор[енных] к казни Стуре наиболее одаренная натура, с тонкой психикой, наиболее, если можно так выразиться, одухотворенная, талантливая⁷⁷. Жаль, что при таких способностях она свою жизнь не вложила во что-нибудь дельное, полезное. Как много она могла бы принести пользы. (Рассказ родит[елей], что в инстит[уте] она училась первой, что она отлично рисовала, что она замечательно правдивая, честная, прямая).

Жаль, что эта девушка пошла по ложной дороге, но еще невыразимее жаль бедных старичков, которые, болея душою, растили свое дитя, из последнего скудного жалованья офицера тянулись, чтобы воспитать в ней человека, и вырастили в конце концов революционера!

---

* «Как мне ужасно хочется шоколаду, но мне не на что купить».

«И другу и недругу закажу, — вскричала мать после свидания, — не отдавайте своих детей в институт, не отрывайте их от семьи, а то получите такое возмездие, что мы получили. Там на свидание ходят люди в овечьей шкуре, там студенты, родственники других детей, забрасывают институт разными прокламациями, книжками, и все это остается неизвестным институтскому начальству». Вот такая драма в душе происходит у родителей. Это свидание с родителями было последним.

16 февраля, накануне казни, все осужденные вымылись в бане⁷⁸. Замечательно, что никто не отказался. Был день субботний, и баня была вообще для всех арестованных. В ночь с 16 на 17 февраля, с субботы на воскресенье, мною были выданы подполковнику Собещанскому⁷⁹ 7 чел[овек] осужденных, которые им были отвезены под конвоем жан[дармских] ун[тер-офицеров] на Лисий Нос. От крепости в каретах (каждого в отдельной карете), а от Новой Деревни по Приморской жел[езной] дор[оге].

В поезде все они болтали, смеялись и перекликались, как будто ехали на пикник. Казнили попарно. Пары быстро прощались друг с дружкой и целовались: «Прощай, Михаил, прощай, Анна»⁸⁰.

15 фев[раля] 1908 г., когда я зашел в камеру Марио Кальвино, он от имени всех приговоренных начал меня благодарить за вполне корректное и гуманное к ним отношение.

Выдача осужденных началась в 1 час. ночи и окончилась в 2¹/₄ час[а] ночи.

После выдачи на душе осталось такое впечатление, как будто из дома вынесли покойника.

Мужчины были отправлены в ножных и ручных кандалах, а женщины только в ручных, причем у Стуре такие были маленькие руки, что кандалы свалились.

При выходе через решетку для посадки в кареты со мною простились, поклонились, Синегуб, Баранов, Казанская (Кися) и Стуре. Ее вывели последнюю. Унтер-офицеры, одевая ей наручники, для чего-то обманули ее и сказали, что ее переводят в дом [предварительного] заключения, но у решетки она догадалась. 17 февраля она ждала на свидание родителей, а потому перед каретой сказала мне: «Придут мои старички, скажите им, что бодро и радостно встречаю смерть». А у самой в углах глаз блестели слезы. Слезы у Стуре в углах глаз блестели и при переезде с Собещанским в карете, когда она разговаривала с ним.

Во всем этом меня интересует психологическая сторона осужденных к смертной казни. Со стороны осужденных я не видел

озлобления к исполнителям правосудия и заметил поразительную бодрость духа.

Казанская (Кися) была доставлена в крепость только в одном платье и без шляпы. Ее не в чем было отправлять на казнь, а был морозец. Я разрешил ей выдать на голову полотенце, из которого она сделала повязку, и постовой летний длинный халат, в который она и закуталась. Казнили ее без халата.

До суда, 11 февраля, она написала письмо к родным, которое просила отправить им, когда узнают ее имя. В письмо она вложила записочку следующего содержания (записка уничтожена, т.к. по содер[ж]анию не подлежала пересылке):

1908. Петропавловская крепость.

Дорогие черти, я уверена, что меня казнят и потому могу сказать «*finita la comedia*», вам же от всей души желаю «жить и веселиться, полной чашей радость пить».

Последний привет всем моим знакомым. Вот я так и сложила свою буйную головушку.

(без подписи)

После ее увоза в камере ее (№39) найдена выцарапанная ею надпись: «14/II 08 смертный приговор 7-ми членам северного боевого отряда партии соц[иалистов-]рев[олюционеров]. Ида, Лида, Якутенко»*. На другой стене «Котенок».

Замечательно, что вся судившаяся компания была на «ты» (исключая Николаева и Константинова), все целовались друг с другом без различия пола (за исключением этих двух лиц).

В креп[ости] 7 месяцев сидела Эмма Резовская⁸², молодая 20 лет девица. 17 февраля 1908 г. я объявил ей, что по распор[яжению] начальства она будет из крепости переведена в СПб. дом предв[арительного] заключения. Я думал увидеть на лице ее радость. Но каково было мое изумление, когда на глазах ее я увидел слезы и когда услышал просьбу, мольбу не переводить ее туда из крепости, потому что там худо, что она была там до крепости и ей все там страшно не понравилось. На вопрос, что же собств[енно] там худо, она отвечала уклончиво, и из отрывочных слов я мог понять, что там грязно, что там грязные постельные принадлежности, худо кормят, что она не любит общества арестованных. «Я буду плакать, — сказала она. — Я подам коменданту прошение

---

* Установлено показ[аниями] Трауберга «Карла»⁸⁷, что она — Лебедева, родом из Якутска, вот почему она подписалась: «Якутенко». То же сказал Константинов.

об оставлении в крепости». И действительно подала прошение с мольбой об оставлении в крепости. Помощ[ник] коменданта прошение это, как характерное, оставил у себя и мне прислал ответ для объявления Резовской, что, несмотря на крайнее желание, он исполнить ее просьбу не может, т.к. она не входит в круг его компетенций. Факт замечательный в связи с другими бывшими случаями. /.../

Из разговора по этому вопросу со следующими людьми можно вывести заключение, что все тюрьмы и дом предварительного заключения, помимо всего прочего (недостатка гуманного обхождения, чистоты, хорошей пищи), действуют развращающим образом в революционном смысле на те натуры, которые попали в революционеры случайно, благодаря стечению обстоятельств или по легкомыслию, в тюрьмах и домах заключения революционеры их окончательно обрабатывают и совершенно сбивают с истинного пути. Ничего подобного при строгой изоляции заключенных в крепости: тут каким человек в нее вошел, таким же и выйдет; дальнейшего развития в революционном духе он не получит, наоборот, некоторых крепость заставит одуматься, безусловно заставит сделать переоценку всех своих действий и выпустит из своих стен или убежденного революционера, каким он был и до крепости, или одумавшегося гражданина. Примеры одумавшихся арестованных: Вера Педькова, Константин Эмме⁸³, Михаил Феодосьев, студент Электрот[ехнического] инст[итута] Иванов⁸⁴ (знакомый подполковника Собошанского).

Вот почему мать Влад[имира] Лихтенштадта радуется, что сын ее все время содержится в крепости. Она мне заявила, что [он] поддался и поддается дурным влияниям товарищей, тогда как по натуре он философ, литератор, мирный работник, что она очень рада, что он сидит в крепости под моим начальством, так как здесь в дурную сторону на него никто влияний не окажет, и он будет вполне сбережен.

/.../

27 февраля 1908

Заболела на днях Екат[ерина] Брешко-Брешковская⁸⁵. Я обратил на нее внимание, пригласил два раза врача, разрешил молочную пищу и заходил справиться раза три о здоровье. Это, видимо, ее тронуло; она лежит и дрожит, голов[ная] боль и ломота во всем теле. 27 февр[аля] пригласил стар[шего] врача

---

* Мамаша русской революции, как выразился о ней офицер СПб. охр[анного отделения] (ей 64 года).

Зибольда⁸⁶. Он прописал хину и успокоил ее. Она обратилась ко мне с просьбой дать ей селедку и разрешить другую слабую пищу. При этом доктор Зибольд сказал: «Вы не смотрите на него, что он с виду кажется сердитым; он человек добрый и все, что разрешается правилами о заключении, сделает и исполнит». На это она ответила: «Я много видела начальников тюрем и только первый раз в лице г[осподи]на полковника встречаю такого начальника. Я благодарю Бога, что попала сюда под его начало».

/.../

28 фев[р]аля 1908

Из допроса и разговора с Альбертом Траубергом и Масокиным (Столяровым⁸⁷) обнаружено судеб[ным] следователем Глустовским (суд[ебный] след[ователь] по особо важным делам СПб. окр[ужного] суда) и тов[арищами] прок[урора] Корсак и Константиновичем, что революционеры при совершении террористического акта стали применять в своих «летучих отрядах»* «резерв», назначение которого состоит в том, чтобы нанести окончательный удар «врагу» после произведенного террористического акта. Такая организация была задумана Траубергом при убийстве Рогозинниковой⁸⁸ нач[альника] Глав[ного] тюр[емного] упр[авления] Максимова⁸⁹. Максимовский служит только прологом массового истребления многих высокопоставленных лиц. Адский план истребления был составлен следующий: Рогозинникова, снабженная револьверами и бомбою, идет убивать Максимова; когда она его убьет, то должна выбросить револьвер в окно, разбить им стекло и таким образом дать условный «сигнал». Одновременно с Рогозинниковой отправляется к дому, где находится Максимовский, ее сообщник для принятия «сигнала», и на квартире какой-то Зои на Мойке собирается «резерв», состоящий из нескольких революционеров, где имелся телефон. Среди «резерва» находился один злоумышленник, одетый в мундир прокурора Судебной палаты, с портфелем, в котором помещалась 12-ти фунтов[ая] бомба громадной разрушительной силы. «Сигнальщик», услышав звон разбитых выброшенным револьвером стекол (следовательно, получив точное известие об убийстве Максимова), идет на ближайший телефон и передает «резерву» сообщение об исполненном Рогозинниковой поручении: «билеты взяты».

Одновременно с этим чиновники Главного Тюремного Упр[авления] дают знать по телефону о происшедшем убийстве всем высшим правительственным лицам и, по предположению рево-

* У них имеются кроме того «боевые отряды».

люционеро́в, на место происшествия в Главное Тюремное Упр[авление] съедутся власти: министр юстиции Шегловитов, Прокурор СПб. судебной палаты Камышанский⁹⁰, Директор Департамента полиции Трусевич⁹¹, градоначальник, ген[ерал-]майор Драчевский⁹² и др[угие].

При таких крупных потрясениях обыкновенно в квартиру может проникнуть всякий (психология до тонкости изучена!). Члены «резерва» по получении известия по телефону также выезжают к месту происшествия со своим «прокурором». Мнимый «прокурор», и притом в форме, беспрепятственно входит в Главное Тюрем[ное] Управление, находит здесь в сборе всех высших правительственных лиц и... бросает бомбу. Не нужно дополнять словами, что при этом бы произошло!! План поистине адский! Но этот план не удался только благодаря тому, что Rogozinnikova не выполнила в точности данной ей преступной организацией инструкции: после убийства Максимовского она прошла по направлению к выходу одну или две комнаты, подбежала к окну и была схвачена сзади за руки. Тогда она, не будучи в силах бросить в окно револьвер, сделала в стеклах круглые отверстия, а шестой выстрел сделала в стену рядом с окном. «Сигнальщик», не получив установленного сигнала, т.е. не видя разбитого окна, не передал сигнал по телефону, и весь адский план революционеро́в не осуществился: «резерв» не прибыл на место происшествия.

Об этом плане порознь дали совершенно одинаковые показания Трауберг и Масокин, большой мерзавец, тот самый, который на похоронах Максимовского выслеживал на кладбище высокопоставленных лиц и которого там арестовали с револьвером. Масокин сначала несколько дней содержался в крепости, затем его взяли на допрос в СПб. охр[анное] отделение, откуда и не возвратили... Он начал давать показания и раскрывать деятельность всей организации, во главе которой стоял Трауберг и которая была арестована одновременно с Масокиным. Про его показания Трауберг выразился так: «в них $\frac{7}{8}$ ч[астей] правды и только скрыто то, что касается деятельн[ости] самого Масокина».

Масокин беглый нестроевой старшего разряда из какой-то артиллерийской бригады, кажется, в Туркестане, где он украл 6 пулеметов и бежал, кажется, в 1906 году⁹³.

Разоблачение организации этого плана чрезвычайно важно для правительства, разоблачение указало: 1) что при убийстве или другом террористическом акте не следует выезжать к месту происшествия самим министрам, прокурору, Директору Д[епартамента] п[олиции], градоначальнику, а посылать своих товарищей или помощников; 2) что не нужно самим делать приемы проси-

телей и 3) что революционеры-террористы стали прибегать к убийству таких высокопоставленных лиц, которые по своему добродушному характеру не делали никому ровно никакого вреда⁹⁴, но должны послужить средством для убийства других ненавистных революционерам лиц, — это уже переходит всякие границы человечности...

3 марта 1908

Замечено следователями, что женщины революционерки фанатичнее мужчин, отличаются большей стойкостью и не подвергают себя самоанализу; что раз они усвоили, того держатся до конца.

4 марта 1908

У производящих следствие по Траубергскому делу (суд[ебный] след[ователь] Глустовский и два тов[арища] прок[урора] Корсак и Константинович) составилось убеждение, основанное на глубоком изучении дела и словесных не запис[анных] разговорах, что революционеры Столыпина в конце концов убьют⁹⁵, что если не удастся сделать это «летучкам» («летучим отрядам»), то убьют боевые отряды (убеждение Корсака). Ужасное убеждение!

Трауберг сказал, что Столыпин поразительно стойкий и необыкновенно спокойный и храбрый человек.

14 марта 1908

Вечером объявили Аполлону Кругликову, что 15-го марта он будет взят из крепости для передачи по месту назначения. Кругликов благодарил меня за корректность во время содержания его в крепости и пожелал, чтобы я и впредь в своих действиях был также корректен. 15 марта он был взят в СПб. губ[ернское] жанд[армское] упр[авление], откуда отправлен в Шлиссельбург.

23 марта слышал от това[рища] прокур[ора] Константиновича, что Кругликов и несколько арестантов учинили в Шлиссельбурге какой-то беспорядок. Для разбора был командирован какой-то тов[арищ] прокурора, которого Кругликов и еще двое арестантов оскорбили словами; за это нач[альник] Глав[ного] тюр[емного] упр[авления] Курлов⁹⁶ приказал выдрать 3-х арестантов: Кругликову дать 50 розог и двоим другим по 25-ти⁹⁷.

Март 1908

Николай Чайковский придумал оригинальный способ для лечения анемии мозга и против бессонницы. (Анемия мозга — это

потеря памяти, быстрое утомление при умственной работе, сонливость при чтении).

Средство это состоит в том, что он стал делать на быстром ходу до 30 глубоких выдыханий (натошак). Бодрости у него после таких упражнений стало хватать на целый день и не потребовалось принимать веронал (для сна ночью).

27 марта 1908

Зашел в камеру № 50 навестить Николая Пумпянского и узнать о состоянии его здоровья. Пумпянский, между прочим, мне сказал, что когда повесилась Надежда Дорофеева⁹⁸, то в революционной литературе было объявлено, что ее в крепости пытали и называли меня виновником пыток и ее смерти. «По данному мне поручению я производил расследование этого факта и собирал об вас самые подробные справки, я узнал, что вы ранее служили адъютантом у генерала Эллиса, затем были назначены на эту должность; я добыл о вас вполне благоприятные сведения, после этого факт вашей виновности был революционерами отвергнут. Теперь вы несете эту должность год девять месяцев; до вас заведовал долгое время полковник Веревкин».

Оказалось, что он поразительно точно знает время моего заведования; действительно, в 1906 году я заведовал летом за Веревкина 4 месяца, затем принял должность на законном основании с 1 декабря 1906 года, заведовал весь 1907 год и 3 месяца в 1908 году (по 27 марта), получается всего 1 год 8 месяцев. Таким образом, мой «следователь», попавши по воле судьбы под мое начало, ошибся только на один месяц. /.../

26 апреля 1908

Сегодня дано свидание арестованной Марии Павловне Ивановой⁹⁹ с ее гражданским мужем Евангуловым (армянского типа). Мария Иванова содержалась месяца 4-5 в крепости, заболела и была отправлена для лечения в СПб. женскую тюрьму (Литовский замок), а затем после поправки здоровья, за неделю до свидания, была переведена обратно в крепость. На вопрос Евангулова, где ей лучше, там или здесь, Иванова ответила: «Там я жила в общей камере, где было 10 человек; там я гуляла на свежем воздухе три часа, а здесь гуляю полчаса и сижу в одиночной камере, но как можно сравнивать здешние порядки с тамошними: там всякий из администрации делает, как хочет, все зависит от усмотрения, а здесь если что нельзя, то и нельзя, здесь есть порядок, которого точно придерживаются. Я хотела бы быть или на свободе или в крепости».

Материнская любовь

Вместе с Марией Ивановой содержатся в Трубецком бастионе по одному с нею делу и двое ее детей Николай Иванов¹⁰⁰ 20 лет и Елена Иванова¹⁰¹ 24 лет. М.Ивановой стало известно, что ее дети в крепости, после того, когда она побывала в СПб. женской тюрьме (Литовский замок). Мария Иванова, подлечившись, была вновь переведена в Труб[ецкой] баст[ион]. Конечно, вылечить ее не вылечили, у нее болезнь легких... и вот, чтобы поддержать ее здоровье, я увеличил ей прогулку до получаса. Сегодня она обратилась ко мне с просьбой, нельзя ли лично ей прогулку давать только 10 мин[ут], а остальное время — 20 минут — разделить поровну и передать детям. Ей, конечно, в этом было отказано и предоставлено самой гулять полчаса. /.../

11 мая 1908

6 мая перевели на время суда из крепости в СПб. дом предва[рительного] заключ[ения] для сужд[ения] 7 мая Петер[бургским] воен[но]-окр[ужным] судом, в здании Петер[бургского] окр[ужного] суда, 9 чел[овек] полит[ических] арест[ованных], членов «летучего боевого отряда» северной партии социалистов-революционеров: Альберта Трауберга («Карл») 27 л.; куристку Выс[ших] жен[ских] кур[сов] Елену Иванову 24 лет, быв[шего] рядов[ого] пулем[етной] роты Федора Масокина 25 л.; инженер[а]-электрика Анатолия Белоцерковца¹⁰² 27 л.; Николая Иванова (брат Е.Ивановой) 20 л.; Альвину Шенберг¹⁰³ 24 л.; крест[ьянина] Д.Ветлугина¹⁰⁴ 27 л.; студ[ента] СПб. унив[ерситета] Вячеслава Бурьгина¹⁰⁵ 28 л. и Марию Павловну Иванову (мать Ник. и Ел.Ивановых). Суд над ними окончился 11 мая, которым приговорены: четверо первых к смертной казни через повешение, Ник. Иванов и Шенберг в каторжные работы на 15 лет. Ветл[угина] к каторге на 10 лет, Бурьгин на поселение в Сибирь, а Мария Иванова оправдана и тут же в суде освобождена. Кроме этих 9 лиц судились еще: Эмма Резовская на 10 лет в каторгу и жена врача, (б[ывшего]) деп[утата] Г[осударственной] Д[умы] Матрена Корнильева¹⁰⁶ (любов[ница] Бурьгина) 38 л. — на посел[ение] в Сибирь. Мария Иванова после освобождения в здании суда была сейчас же арестована в порядке охраны¹⁰⁷. 11 мая после прочтения приговора суда в окончательной форме все 8 чел[овек], взятых из креп[ости], не считая Марии Ивановой, были доставлены обратно в креп[ость] (приговоренные к смертной казни в кандалах), последняя партия прибыла около 12 час[ов] ночи. Все они были возбуждены, но при выходе из кареты все со мной поздоровались, не исключая Трауберга. Бурьгин просил зайти к нему; зашел сейчас же. Просил раз-

решение дать ему бумагу на случай, если ему вздумается подать кассацию. Я разрешил (это было в 12-м часу ночи) и хотел уйти, но Бурьгин предупредил мой выход неожиданной для меня благодарностью от имени 9-ти арестованных за гуманное к ним отношение. Очевидно, в суде арестованные возложили на него эту миссию, как на лицо, меньше всех виновное, а потому могущее говорить со мною в надежде быть выслушанным. «Позвольте, г.Заведующий, от имени девяти товарищей поблагодарить вас за гуманное, человеколюбивое к нам отношение. Нас прибыло в крепость девять человек и все в один голос вас благодарят. Трауберг сидел в четырех тюрьмах, я в трех, другие тоже сидели в нескольких тюрьмах, но мы первый раз встречаем начальника, который соединяет в себе принципы законности с справедливостью и доброжелательным отношением к заключенным». Я ответил, что исполняю в точности данную мне инструкцию и, сверх нее, не делаю никаких ни послаблений, ни притеснений.

При конфирмации помощником Главногоком[андующего] ген[ералом] от инф[антерии] Газенкампом приговора суда смертная казнь Белоцерковцу и Елене Ивановой заменена ссылкой в каторж[ные] работы без срока, а каторга Н.Иванову и Эмме Резовской уменьшена на 5 лет каждому. В остальных частях приговор утвержден без изменения. Из осужденных на смертную казнь, по крепости духа, обращают на себя внимание двое: Трауберг и Елена Иванова. Первый удивительно спокоен, вполне владеет собою и читает книги, как ни в чем не бывало, вторая прибыла из суда какая-то восторженная, довольная и также хорошо владеет собой. Справлялась у меня, когда ее «повезут вешать». Такою же спокойною и довольною она была 12 мая; о Трауберге и говорить нечего; он только осведомился у меня 13 мая днем, в котором часу вечера вывозят и стоит ли ему раздеваться и ложиться спать. Что касается Белоцерковца и Масокина, то они очень упали духом, в особенности последний. Трауберг по прибытии из суда заботился не о себе, а жалел обоих Ивановых и боялся за Белоцерковца, что он упадет духом в последний момент. «Я наблюдал за ним в суде, он выслушал приговор, по-видимому, совершенно спокойно, но тогда и теперь он не сознает еще, что такое смерть, а это сознание может к нему вернуться, в последний момент, перед казнью, и тогда будет скверно. Я больше всего за него беспокоюсь и опасаюсь за его самообладание».

13 мая, во вторник, было дано свидание Евангулову* с его сыном (незаконным) Ник[олаем] и Еленой Ивановой, дочь его

---

*По убеждениям, кажется, — кадет.

гражданской жены М.П. Ивановой, и Белоцерковцу с двоюродной сестрой, слушат[ельницей] IV кур[са] женс[кого] медиц[инского] института Белоцерковец.

С разр[ешения] помощ[ника] ком[енданта] [я сообщил] о гуманной конфирмации Газенкампфа. Н.Иванов и Белоцерковец выслушали известие об этом с большой радостью, что же касается Елены Ивановой, то она осталась дарованием жизни очень недовольна, что и высказала отцу. Отец не ожидал этого и был поражен. Перед свиданием я ему, между прочим, сказал, что его дочь очень довольна приговором и находится в восторженном состоянии, а потому известием о помиловании останется недовольна. После свидания он мне ответил: «Вы были правы». Евангулов* (60 л.) служит на Закавказской жел[езной] дороге и сегодня, 13 мая, должен уезжать, срок отпуска ему кончился, потому свидание с детьми было последнее и дано было на общем основании через решетку. Прощаясь со мною, он обнял меня и несколько раз расцеловал. Благодарен за все, хотя я не знаю, за что собственно. Сделал он это при слушательнице жен[ского] медиц[инского] инст[итута] Белоцерковец, которая также, пожимая руку, благодарил за брата. Такова радость родных за дарование жизни близким им людям: они переносят свою благодарность даже на тех лиц, которые должны казаться им ненавистными, как содержащие дорогих им существ в неволе и строгом режиме.

После свиданий я обходил камеры и зашел к Елене Ивановой. Я спросил ее, что это — рисовка, или она действительно недовольна, что ей даровали жизнь. Она твердо заявила мне, что она действительно недовольна таким исходом. Но почему же? Что это: боязнь каторжных работ или что-нибудь другое? «Никакой боязни нет. Я работала в "партии" вместе с Траубергом, хотя я и не такая крупная фигура, но мы делали с ним одно дело, он более продолжительное время, я меньше, и мы должны понести одинаковое наказание, мы должны вместе умереть». Ее начали душить горловые слезы, которые закапали и из глаз: «Я с этой мыслью вполне свыклась за три месяца заключения...»

Смертная казнь Белоцерковцу и Елене Ивановой заменена пожизненной каторгой, а казнены 16 мая только Альберт Трауберг, по кличке «Карл», и Федор Масокин. Замечательно, что Трауберг, просидевший в крепости около 5 мес[яцев], вел себя безукоризненно и исполнял в точности все установленные в Тру-

* Человек вполне образованный и владеет даром слова.

б[еэком] баэтионе правила (совершенная противоположность Носарю¹⁰⁸).

После суда и до выдачи на казнь он просидел в крепости четыре дня, был совершенно спокоен и читал все время книги, даже в день объявления приговора 11 мая, когда его доставили в крепость около 11 ч вечера, он сел и читал книгу часов до 12 ночи, тогда как все остальные были сильно возбуждены и взволнованы и не могли придти в себя несколько дней. При выдаче на казнь он был также спокоен и твердо расписался в денежной книге и на описи вещей, а Масокин дрожал, перо прыгало по бумаге и еле расписался.

Трауберг, садясь в карету, протянул руки с цепями к фуражке и сказал, обращаясь ко мне: «Прощайте». Елена Иванова в письме к матери 14 мая пишет: «...Может быть, я не права, написав (эти) последние слова, но, право, мне кажется, что вы все окончательно не понимаете нас, иначе бы не сделали со мной того, что сделали» (т.е. не хлопотали бы, чтобы смертная казнь ей была заменена каторгой). 17 мая 1908 г. пять человек арестованных, сидевших подряд в смежных камерах, а именно: Ел[ена] Иванова, Шенберг, Бурыгин, Ник[олай] Иванов и Ветлугин (в №№68-72) отказались от пищи, чая и прогулок в знак траура по казненным товарищам. Инициатором голодовки оказалась Ел[ена] Иванова; Масокин сидел рядом с нею в №67, она не спала в час ночи 16 мая и слышала, как его повели в это время из камеры; 16 мая она через перестукивание сообщила соседке, а та далее, и таким образом предложение было принято. 17 мая я рассадил их по другим камерам, а 18-го голодовка прекратилась.

/.../

Как действует весна на психику арестованных
Трубец[кого] баэтиона, или Как встречают весну
в Трубеэком баэтионе

Из письма рабоч[его] Якова Крупенина¹⁰⁹ (25 л.) от 19 мая 1908 г.: «...Но еще хуже сидеть летом или весной, когда вся природа оживает, когда прибывает столько человеческих страстей и кажется, как будто все мертвое ожило или стремится ожить. Гуляю 15 минут, но и прогулка тоже одинокая...»

Из письма Никол[ая] Чайковского (58 л.) от 19 мая 1908 г. к дочери в Англию:

«...Просыпаюсь утром обыкновенно довольно рано и смотрю на южный край оконной амбразуры: если утро ясное, там в 6 часов появляется золотая полоска, — значит пора вставать. Куст бузины, выросший каким-то образом наверху стены, против моего окошка, в это время также залит ярким солнечным светом¹¹⁰. При виде всего этого и на сердце становится радостно, светло, чего-то ждешь, что-то интересное есть в том дне, который так начинается. А если золотой полоски нет, станет как-то тоскливо, серо, точно кто-то обещал придти к тебе на свидание и обманул... Прогулка бывает в разное время — иногда утром, иногда после обеда. Теперь садик из 20 деревьев и кустов с каменной дорожкой вокруг только что одевается свежей майской зеленью и выглядит очень ярко и свежо. Там тебя ждет стая голубей, тоже сизых, которым заранее приготавлиешь все крошки от остающегося хлеба».

Из письма Николая Иванова (20 л.) к отцу Александру Евангулову от 19 мая 1908 г.:

«...Погода стоит дивная. До суда (до 7 мая) деревья на прогулочном дворике стояли еще голые, а теперь уже покрылись молодой зеленью. Так что дворик принял весьма милый вид: различные деревья и кусты зазеленели, причем оттенки листьев удивительно мягкие; не знаю, кажется мне только или на самом деле, но я еще никогда с таким наслаждением не встречал весны. Окно целый день открыто, и воркование голубей, чирикание воробьев и других птичек так обаятельно действует на меня, что я временами забываю, где я сижу. Вообще по части звуков теперь большое разнообразие: кроме птиц, постоянно слышны завывания котов, лай собак, иногда крик каких-то ребятишек. Свистки пароходиков на Неве, свистки паровозов, главным образом, с Финляндской железной дороги, заводские гудки и звонки конки так явственно напоминают волю. Несколько раз слышал даже военный оркестр, вероятно, где-нибудь в крепости играет...»

Из письма Николая Пумпянского (24 л.) к жене Елене Пумпянской от 19 мая 1908 г.: «...В саду у нас весна восхитительная. Даже сирень есть, и так как нет обычного на тюремных дворах мусора, помойных ям и т.д., то создается очень приятная иллюзия домашнего садика, — так и ждешь, что откуда-нибудь вынырнет Афросинья с самоваром...»

Несмотря на мое вполне корректное предупреждение и внимательное отношение, в пределах закона, к заточенным в Екат[ерининской] курт[ине]¹¹¹ дворянам Григорьеву¹¹², Небогатову¹¹³, Лишину¹¹⁴ и Стесселю¹¹⁵, 14 мая 1908 г. вечером Григорьев устроил мне неприятную сцену в саду Екатерининской куртины, в присутствии Небогатова и Лишина. Дело в том, что каждому заточенному назначены: один день в неделю для свидания с родственниками и знакомыми и по воскресеньям для свидания с семейством.

Продолжительность свиданий установлена от 1 до 3 часов полудни, причем, для Григорьева предоставлен понедельник, для Небогатова — среда, для Стесселя — пятница и для Лишина — четверг.

Григорьев в последнее время каждый раз обращается с прошением об удлинении ему срока свидания до 5 час[ов], на что каждый раз и давал свое согласие подписью ген[ерал] Душкевич. Кроме этого, жена Григорьева явилась еще с просьбою к ген. Душкевичу о разрешении ей свидания в неурочные дни. И это давалось, но прописывалось, до которого часа должно быть свидание. Наконец 14 мая, в среду, после получения свидания в понедельник, m-me Григорьева с матерью мужа поймала ген. Душкевича где-то на улице и просила разрешения на свидание. Ген. Душкевич написал на записке: «Разрешаю допустить на свид[ание] 14 мая», но до которого часу не проставил. Григорьев через Карзенкова обращается ко мне разрешить ему свидание до 5 час[ов]. В силу общего правила о свиданиях я ответил, что разрешить свидание до 5 часов не могу, т.к. в записке не значится, что разрешается свидание до 5 часов, а потому свидание должно быть окончено в три часа. При этом надо добавить, что мне приказано содержать заточенных во всем согласно установл[енных] правил, ничуть не отступая от указаний закона.

Вечером 14 мая я пришел в сад Екат[ерининской] курт[ины] и разговаривал с Небогатовым и Стесселем. Вскоре показался на аллее Григорьев. Я пошел к нему навстречу и, поздоровавшись, сказал: «Извините, Серг[ей] Григ[орьевич], что я не мог вам дать разрешение на свидание до 5 час[ов] вечера, т.к. в записке ген. Душкевича этого проставлено не было». На это Григорьев грубо ответил: «Ну да, конечно, ген. Душкевич был так любезен, что на улице подошел к разносчику, спросил ключок бумаги и написал разрешение, но вам такое разрешение не угодно исполнять». А потом отвел в сторону, к грядам, а оттуда грубо заключил: «Вы

здесь царь и бог, а ген.Душкевич у вас прапорщик... Это буквo-едство... мы не уголовные преступники, чтобы нас так содержать, как вы содержите. Завтра жена отправится к ген.Душкевичу и там поговорит об этом случае».

Меня это крайне поразило; поразило то, что моряк, прослуживший 33 года на военно-морской службе и кажется бы научившийся исполнять законы, относится крайне враждебно к тем лицам, которые стоят на законной почве, которые точно исполняют закон. Немудрено, что он сдал свой корабль неприятелю!

О случае этом я доложил утр[ом] 15 мая ген.Душкевичу.

15 мая m-те Григорьева приехала к ген.Душкевичу с мат[ерью] мужа и опять просила свидания. Ген.Душкевич, по своей доброте, дал разрешение, но выбранил ее, как он мне сказал, за постоянные просьбы. А следовало не давать.

/.../

Посадка кустов в саду Трубец[кого] бастиона

Чтобы придать саду Трубецкого бастиона вполне благоустроенный, приветливый вид, 14, 15, 16 и 17 июня 1908 г. собственноручно, с помощью унтер-офицера Грищенко, насадили в саду 25 штук кустов разных хороших пород из своего садика. Сад оживился и в будущем году будет очень хорошенький. Посадил между прочим несколько кустов жасмина и шиповника. До этого в саду единственными были три куста сирени. Почистил ветки на деревьях, а распластавшуюся безобразную иву срубил. Осенью пересадил две пихты и одну липку.

18 мая захожу к Пумпянскому, чтобы объявить о допуске к нему защитника. Он заметил посадку кустов и сказал: «У вас я заметил реформаторские наклонности: завели чайники, а теперь насадили сад».

/.../

23 июня 1908 г.

Временно перевели в СПб. дом предварительн[ого] заключ[ения] 6 человек арестов[анных]: Александру Маркову¹¹⁶, княжну Ксению Мышецкую, Николая Пумпянского, Александра Кишкеля, Никиту Лебедева¹¹⁷ и Владимира Алексева¹¹⁸ (последние два так себя именуют, — личности их не установлены), а 24 июня над ними назначено заседание СПб. воен[но]-окр[ужного] суда, вместе с другими, переведенными в СПб. дом предв[арительного] закл[ючения], всего в числе 44 чел[овек]. Все эти лица принадлежат к членам боевой организации партии социал-революционеров мак-

сималистов, которые направили свою деятельность на активную террористическую борьбу с представителями власти. Так, обвиняемым инкриминируется взрыв дачи министра П.А. Столыпина на Аптекарском острове, причем пострадало более 100 чел[овек], и вооруженное нападение 12 октября 1906 г.¹¹⁹ в Фонарном пер[еулке] на помощника казначея СПб. Портовой таможни, когда было похищено казенных денег около 400000 руб[лей].

2 июля 1908

Пригласил врача Зибольда к арестованному Александру Ческому¹²⁰; он всю ночь не спал, все что-то разговаривал, заявил, что ему в голову пускают электрический ток, не стал принимать пищи. Зашли вдвоем. Ничем не могли убедить, что в камере никакого электрического тока нет. Говорит по-видимому совершенно здраво; глаза сознательные, но жалуется на боли в затылке и верхней части хребта. На мои слова: «бросьте думать о токе; в крепости никаких токов и пыток нет», — ответил: «вас считаю человеком честным, зачем же вы говорите неправду? Ток пущен Деп[артаментом] полиции для того, чтобы я наговорил на себя даже то, чего не было в действительности». Перевел в другую камеру, чтоб он мог убедиться, что элект[рического] тока нет. По призванию он химик.

/.../

29 сентября 1908

Чайковский в письме от 29-го числа к дочери, «Алюшке», в Англию пишет по поводу желанья сына Илика заняться земледелием, жениться и заняться своим делом: «...Никоим образом не следует связывать себя законными и денежными узами с делом, к которому у тебя душа не лежит и в котором ты не видишь своего призвания. Это все равно, что жениться на нелюбимой женщине и всю жизнь иметь подле себя живой укор своей внутренней лживости и неудачничества. Нужно быть верным своему призванию во что бы то ни стало, а если его не сознаешь ясно, то искать всеми силами души и тела, искать его, как самую дорогую святыню в жизни, как путеводную звезду, без которой жизнь одна dragery¹²¹. А до тех пор сохранять свою свободу и в законном и в денежном отношении. Земледелию почему не учиться? Но не для того, чтобы при его помощи похоронить себя в самодельной тюрьме, а для того, чтобы через него найти свое призвание и быть полезным не только семье, но и миру».

Из этого виден старый идеалист, мечтатель, ищущий чего-то «мирового», отвлекающий детей от скромного непосредственного

труда, забывающий, что не все люди созданы талантами и что такими советами можно наплодить неудачников, мечтателей, лишних, неприспособленных к жизни людей.

Освобождение Николая Чайковского под залог

Нико[лай] Вас[ильевич] Чайковский переведен из крепости в СПб. тюрьму¹²² [3 октября 1908 г.], а оттуда до суда освобожден под залог 50 тыс[яч].

25 окт[ября] мне доложил деж[урный] ун[тер]-оф[ицер] по двору Труб[ецкого] баст[иона], что к калитке подошел с женою бывший арестованный Чайковский и сказал, что желает меня видеть. Я вышел за ворота. Оба супруга поздоровались со мною без всякой неприязни, как старые знакомые. Мы несколько раз прошлись по панели. Чайковский сообщил цель своего визита, а именно: может ли он получить обратно присланные на его имя за время сидения в крепости письма и к кому следует обратиться по этому вопросу с просьбою. Я ответил, что к Дир[ектору] Де[парта]мента пол[иции]. Прощаясь со мною, он сказал приблизительно следующее: «Я должен сказать вам комплимент по поводу гигиенического состояния Трубецкого бастиона; таких условий в других тюрьмах нет. У вас кубическое содержание воздуха в камере 2000 футов, а в СПб. тюрьме всего 700, у вас ватерклозеты, а там параши. Обед и ужин я там брал из кухмистерской, а до казенного стола не дотрагивался».

Корректный поступок Марии Ивановой

При временном переводе из крепости 6 мая 1908 г. в СПб. дом предварит[ельного] заключения 9 чел[овек] политических арестов[анных] для сужд[ения] воен[но]-окр[ужным] судом, в зал Петербургского Окр[ужного] Суда, я объявил Марии Ивановой, чтобы она после суда сдала мне обратно свой обвинительный акт, т.к. на нем она сделала заметки, касающиеся ее защиты, а заметки, по правилам крепости, на руки переводимым арестованным не выдаются. Затем ее перевели в числе других, судили и суд торжественно ее оправдал, на смену этого дела стали другие дела, другие вопросы. Только 11 июля 1908 г. мне докладывает деж[урный] ун[тер]-оф[ицер], что Мария Иванова, бывшая арестованная, хочет сдать мне личный обвинительный акт и что я приказал ей это сделать. Я к ней вышел. Она поздоровалась со мной, как со старым знакомым, повторила мои слова, сказанные ей при переводе, сказала, что я взял с нее слово, что она сдаст мне обви-

нительный акт, а потому все время тревожилась, не зная, как это сделать, и наконец решилась сама отправиться в крепость и сдать мне эту бумагу. При этом она вручила мне свой обвинительный акт и поблагодарила за вполне корректное, человеческое отношение к себе и детям.

Затишье в Трубецком бастионе

Лето и конец 1908 года отмечались замечательным затишьем: политические крупные преступления совершенно утихли и прекратились, экспроприации уменьшились. По всем признакам можно считать, что Россия, или вернее — ее революционные элементы окончательно разбиты и усмирены. Все это отразилось и на жизни Трубецкого бастиона: в нем царит застой и тишина. Летом в нем содержалось до 20 чел[овек], а к концу года дошло до 12 чел[овек] полит[ических] арестованных.

/.../

29 декабря 1908

Психика заключенной, привычной к заключению

В крепости содержится с 6-го окт[ября] 1907 г. «Бабушка русской революции» Екат[ерина] Конст[антиновна] Брешко-Брешковская, ныне крестьянка, бывшая дворянка. У нее есть сын, журналист, дворянин Ник[олай] Ник[олаевич] Брешко-Брешковский¹²³, проживающий в Петербурге, и братья, [которые] живут в другом месте. Ей теперь 65 лет, причем она отбыла в каторге, кажется, 20 лет¹²⁴. В письме от 29 де[кабря] 1908 г. к сыну Николаю Николаевичу она просит его написать ей «о наших дорогих маме и папе». Очевидно, папа — это ее бывший муж, женившийся после ссылки ее в каторгу на другой, а Никол[ай] Никол[аевич] его сын от первого брака. В этом же письме она описывает свой внутренний духовный мир и свое житье в крепости: «Год и три месяца, что я сидела в абсолютном одиночестве, провела я главным образом за чтением, затем за размышлением, а с месяц имею тетрадь, куда вношу впечатления от прочитанного. Когда она испишется, попрошу, чтобы тебе ее передали. Несколько прекрасных книг доставили мне большое наслаждение, но есть и столь мало содержательные, что не всегда дочитаешь. Хорошо, что есть книги на иностранных языках, это очень разнообразит чтение, ибо не только характеры языка различны сами по себе, но и способы выражений и характер национальный сказывается сильно, особенно в оригиналах. Можно сказать: начиталась. Много работала голова

и самостоятельно, много передумала, представляла — (не разобрано), воображала; жила, одним словом, иногда приятно и хорошо, нередко с великой болью в сердце. Но так я весь свой век жила, и потому ничто для меня не составляет неожиданного, сюрприза, и впредь навряд ли что удивит. Чего действительность не давала, то переживалось в воображении и в самых прекрасных, и в самых страшных видах. Дух мой всегда работал. Благодарю родителей моих, благодарю среду свою, благодарю человечество за все данное мне. Вот что я тебе скажу и ты обрати на это внимание, дорогой мой Коля. Хотя сама, лично я, всегда витала в облаках, это нисколько не мешает мне любить и интересоваться всем земным, кроме скверны. А потому пиши мне обо всем, что в голову придет, без малейшего стеснения, и с уверенностью, что это доставит мне удовольствие. Может быть, тебе дали бы свидание со мной? Обнимаю тебя и от души благословляю. Пойми, друг мой, что серьезность не есть черствость и что все большое содержит в себе и все меньшее.

Твоя мать Кат[ерина] Брешковская»*

Весьма характерное прошение заключенного, обрисовывающее режим Трубецкого бастиона и его воздействие на психологию арестованного в зависимости от свойств его характера

Прошение это написано 5 января 1909 года Начальнику СПб. губернского жандармского управления полит[ическим] арестованным Архангельской губ[ернии] 17-летним юношей Василием Мининым¹²⁵, хорошо грамотным, сидящим в крепости около 2-х мес[яцев]. Суть его в следующем: «Честь имею просить Вас, Господин Начальник, будьте добры, сделайте что-нибудь со мною поскорее. Поймите, что все-таки как бы ни было здесь хорошо, но все-таки лучше бы где-нибудь не здесь, но самое лучшее, это получить свободу, конечно. Представьте себе, что посидеть тринадцать месяцев в одиночном заключении (он был переведен в крепость из одиночной тюрьмы) вполне достаточно и вполне также сделало меня из здорового больным, из живого мертвым. Здесь образец порядка во всем; с одной стороны это хорошо, но это слишком тяжелый порядок и он, ей Богу, образцовым** образом действует на человека, уверяю Вас. Кругом порядок, — в этом

* Она за все время не получила ни одного письма.

** Вероятно, хотел выразить мысль, что «угнетающий».

порядке скучища ужаснейшая, чтобы не сказать более, этой скучищей обладает человек, если можно меня причислить к нему, конечно. Верно, когда я сразу здесь очутился, кажется, в рай попал, ну, думаю, отлично здесь я заживу себе на славу. А когда пожил, то оказывается, рай-то земной, да еще с образцовым страданием. Будьте добры, сделайте что-нибудь поскорее. Вы поймите, что все-таки я еще в сущности мальчик, не более. Прибавлю к этому, что здесь страшная скука — тоска. Да к тому же куранты каждый день повторяют: "Скука здесь, скука здесь". Я извиняюсь за некорректность».

5 января 1909

Психический мир заключенной «бабушки»

Письмо заключенной Екатерины Брешко-Брешковской к брату Васил[ию] Констан[тиновичу] Вериге и сестре Вере Иосифовне в г.Новозыбков, Черниговской губернии от 5 января 1909 г.: «Вчера ваши письма получила, оба зараз, мои добрейшие и дорогие сестра и брат, Василий Константинович и Вера Иосифовна. И обрадована и благодарна и за вашу ласку и за сообщение о других родных. Я была уверена в вашей доброте и ко мне. И в терпении вашем была уверена, но самой было тяжело напоминать о себе. Но уходить из мира, не простившись с вами, мне тоже [тяжело]. Сейчас я поправилась, только головные боли преследуют сильно, может быть, благодаря вечно пасмурной погоде...» Далее пишет о получении денег перед Р[ожеством] Х[ристовым] от сына Коли и от других. «Значит, денег у меня довольно, а если нужда застанет, я вам напишу... Твое сообщение о нем [о сыне Коле], Верочка, меня очень обрадовало; больше всего люблю я добрых людей, зная, что на почве любви к ближнему создается все лучшее, что в силах человека... Всем близким, помнящим меня, вы скажите, что я их помню (я всех помню) и желаю благополучия: молодым успехов, старикам бодрой и спокойной жизни. Я думаю, что я себе такую обрела. Ибо единственное, что меня всегда страшило: быть виноватой перед другими. Если и случалось со мною, то никогда умышленно, и кроме того, настолько всегда заставляло страдать меня самое (я радуюсь громко, но страдаю всегда молча), что не могли эти страдания не искупить этих вин моей личной жизни*. Высшая Справедливость требует искренности сознания и исправи-

---

* Старушка эта своим философским складом ума, своим терпением, незлобностью к окружающим ее лицам и отсутствием каких-либо претензий — представляет из себя «Диогена в юбке». Она всегда приветлива, вежлива и всем довольна.

мости; я не лишена была ни того, ни другого. Что же касается всего прочего, то пусть История судит, как это она всегда и делает над прошлым. Много читаю; особенно здесь хорош подбор русских книг, затем английских; последние все более от начала века, и классики есть. Некоторые книги прямо-таки увлекают и дают обильную пищу для созерцания или для размышления. Боже мой! Сколько умов работало над изучением жизни и над познанием самого себя! С каким трудом доставались человеку малейшие крохи уяснения действительности. Простодушные люди говорят: что человек? Вот наука! Искусство! Изобретения! Это прекрасные вещи! А кто же додумался до всех этих вещей? Нет, человек интереснейшее и прекраснейшее существо, но он еще плохо воспитан и до многого не додумался, в массе. Во время прошлых моих скитаний покойная мама молилась обо мне и навсегда я чувствую близость ее любви и забот; теперь я знаю, Верочка возьмет на себя эту заботу и сия душа будет всегда чувствовать присутствие ее любви и покровительства. Обнимаю вас, дорогие мои, сердечные; вы для меня много, много сделали своей лаской. Кто любит людей, тот дорожит и их любовью...» Дальше идут приветствия и расспросы о разных родных. Подпись: «Ваша сестра и друг Кат. Брешковская».

/.../

23 января 1909

В крепости содержится второй год подследственный политический арестованный Каютенко-Каютин¹²⁶. Сегодня ночью в 4 часа он встал с постели, сбросил с себя рубашку и начал плясать вприсядку, а после этого стал ходить кверху ногами на руках, вдоль стен камеры. Сегодня утром зашел к нему спросить, не нужно ли ему доктора и здоров ли он. Он приподнялся с кровати с обвязанною полотенцем головою и грубо мне ответил: «У меня язык есть! Оставьте меня в покое!» Я вышел.

Из письма 22 января [1909 г.] к сыну
Николаю Брешко-Брешковскому

Замечательно, что «бабушка революции», пробывши в каторге 20 лет и перенеся много разных невзгод, сохранила полную незлобивость к окружающим ее людям и другие душевные качества. В письме к сыну она между прочим пишет: «...Береги свою душу от всего низменного и скверного, т.е. пусть в твои действия входят лишь честные и благородные побуждения. Хорошие побуждения крадут всего человека и придают лицу его хорошее

выражение... Знаешь что? Я никогда не могла читать описание чего-нибудь противного душе моей, особливо мерзостей, которые люди низкие устраивают другим. Теперь же я совсем не выношу скверностей, даже не оставляющих роковых последствий. На что Диккенс невинен, как агнец, а я и в его книгах пропускаю целые страницы. Не могу! Читая историю, часто говорю себе: ведь это тысячу лет назад было, теперь этого нет... и все-таки не могу читать описаний ужасов. Знаешь, что меня привело в положительный восторг? — «Ивангоэ» Вальтер Скотта. Это роман всем романам. Если б так писались все исторические романы, одно было бы загляденье. Хотя я и в нем четыре главы пропустила (о насилиях в замке). Классическая книга!.. Богатейшее чтение для юношества и наслаждение для взрослых».

Как далека эта «бабушка» от всех нынешних! /.../

Улучшение содержания арестованных политических

За два года заведования (1907-1908 гг.) мне удалось: 1) Значительно улучшить пищу, — испрошено Высочайшее соизволение на отпуск кормовых денег, вместо 30 — 40 коп[еек]; 2) Ввести чайное довольствие и завести казенную фарфоровую чайную посуду (чай три раза в день); 3) Насадить в саду Трубецкого бастиона без расхода для казны цветущие кусты; 4) устроить в саду Трубецкого бастиона мостки для унтер-офицеров, назначаемых на прогулку, во избежание промачивания ног и простуды и 5) отремонтировать заново половину камер верхнего этажа Трубецкого бастиона.

Шлиссельбургская тюрьма для политических до ее упразднения. 30 октября 1907 г.

Подполковник СПб. губ[ернского] жанд[армского] упр[авления] Матвей Николаевич Собошанский, бывший ранее, до упразднения, в Шлиссельбургской тюрьме помощником начальника тюрьмы, мне сказал, что в Шлиссельбурге было всего 40 камер для заключения, размерами $4 \times 2 = 10$ кв. аршин, как и во всех тюрьмах. Из сравнения с Трубецким бастионом видно, что в последнем камеры в четыре с половиною раза больше: 9×5 ар. = 45 кв. ар.¹²⁷
/.../

28 февраля 1909

Слава Богу! Затишье полное: «делов нет», как говорят подрядчики и купцы; с 25 ноября 1908 г. в крепость не прибыло ни одного нового арестованного, и к 1 марта 1909 года содержится

всего 8 чел[овек] политических и 4 чел[овека] в Екатерин[инской] куртине (Стессель, Небогатов, Григорьев и Гатовский¹²⁸). Число арестованных почти равно числу их, содержавшихся, кажется, в ноябре 1905 г., после частичной амнистии, когда в Трубецком бастиионе содержалось 6 человек.

В феврале встретил на сообщении в Обществе Ревнителее Военных Знаний, в Офиц[ерском] Собр[ании] Армии и Флота¹²⁹ председ[ателя] Петербургского воен[но]-окр[ужного] суда ген[ерал]-лейт[енанта] Мухина, он тоже сказал, что настало затишье в суде, — дела все прикончены, новые не поступают. Наконец мы, кажется, умиротворились... Пора за работу на пользу России и ее духовного и материального обогащения, а не на разорение.

/.../

Вскрытие могилы Цесаревича Константина Павловича

При Дворе решено постепенно очистить Петропавловский собор от гробниц Вел[иких] князей и Великих княгинь, перенести их прах в Великокняжескую усыпальницу¹³⁰, а в соборе оставить могилы только коронованных Особ. В феврале 1909 г. перенесен прах младенца Александра Владимировича¹³¹ и разрыта для переноса могила царевича Конст[антина] Павловича¹³². Как известно, Конст[антин] Павлович умер от холеры в 1831 г. в Витебске, а потому к переносу его могилы было приступлено с большими предосторожностями. 11 марта 1909 г. в Петр[опавловский] собор прибыла целая комиссия, в которой принимал участие Нач[альник] Двор[цового] Упр[авления] генерал-майор свиты Е. В. Сперанский, представители от Мин[истерства] Имп[ераторского] Двора, придворный архитектор Стуколкин¹³³, назначенный от Двора врач, особый дезинфектор, гробовщики от Шумилова¹³⁴ и присутствовали Норбеков и Балкашин. Комиссии было дано поручение исследовать, в каком положении находится могила. Комиссия нашла могилу в следующем виде: тело Цесаревича было положено в металлический гроб, который вставлен в деревянный дубовый гроб; деревянный гроб обернут брезентом и последний засмолен; после засмоления брезент оштукатурен по форме гроба какой-то мастикою. В таком виде тело Цесаревича везли на лошадях из Витебска в Петербург. Здесь вложили все это сооружение в деревянный гроб, обитый снаружи черным бархатом, и затем тело предали погребению. При исследовании могилы доктор трусил больше всех: подходя к могиле, он одевал толст[ые] резиновые перчатки и затем отходил назад дальше всех. А рабочие от Шумилова работали без всяких предосторожностей, сверлили,

рассматривали составные части гроба и нисколько не боялись холеры. Комиссия решила о результате исследования могилы Цесаревича доложить Государю и представить на особое Его усмотрение решение вопроса, следует ли переносить в Усыпальницу тело Константина Павловича.

Между прочим, рассказывают, что о смерти Цесаревича сложилась легенда, что Константин Павлович умер не от холеры, а был отравлен, что в 1831 г. в Витебске не было ни одного смертного случая от холеры и что Коменд[ант] ген[ерал] Комаров¹³⁵, будучи в Витебске лет семь спустя после смерти Цесаревича, сам слышал от губернатора, что в Витебске холеры в 1831 г. не было, причем губернатор рассказывал ему и легенду, ходившую в Витебске¹³⁶.

Свидание с сыном Никол[ае]м Брешко-Брешковским арест[ованной] мат[ери] Екат[ерины] Бр[ешко]-Брешковской

31 марта 1909 г. дано было арестованной Ек[атерине] Бр[ешко]-Брешковской (урожденной дворянке Черниговской губернии Вериге) с сыном Николаем Брешко-Брешковским. Он — сотрудник газ[еты] «Биржев[ые] Ведом[ости]» и второстепенн[ый] незнач[ительный] писатель. Свидание было интересно в том отношении, что мать Брешковская дала удивительную характеристику больших русских городов. Началось с того, что она советовала ему уехать из Петербурга и поселиться жить в провинции, получить то место, где он избрет оседлость, и оттуда посылать свои корреспонденции. Он говорил, что ему нужна близость редакции. «Петербург, — говорила она, — город монотонный, скучный, город 20-го числа¹³⁷. Это какой-то угол, куда стягиваются все богатства России, он даже мало посещаемый город; если не считать студентов, куда их гонят высшие учебные заведения; погода в нем убийственная, где жить положительно вредно...»

«Одесса — малообразованный город, малопросвещенный; в нем развита только показная бульварная культура. В нем нет национального — это международная гостиница, куда собирается всякая международная "накипь" и только для того, чтобы нажиться; городской музей, показатель культуры, ниже всякой критики, — это что-то невозможно жалкое.

Киев — крайне интересный город, весьма колоритный, и замечателен кроме того тем, что стоит на границе трех народностей. Вот где хорошо жить!

Гельсингфорс по чистоте выше всех городов в Европе. Когда я приехала из него в Петербург, то подумала, что же это такое?

Грязь невозможная. Финляндия вообще интересная страна: там весь народ культурен. Я путешествовала по деревням Финляндии с образованными поляками; мы заходили в избы крестьян и были поражены чистотой. Поляки сказали, что такой чистоты нет даже в домах польских помещиков, а о крестьянах и говорить нечего. Я подтвердила, что и в домах русских помещиков такой чистоты нет. В доме крестьянина-собственника можно встретить библиотечку, пианино. И знаете, кому обязана Финляндия своей культурой? — Женщине. Нигде в мире нет такой женщины, как финляндка! И знаешь, чему она обязана своей самостоятельностью, что сделало ее такой? Тому, что мужа уходят на разные заработки в мореплавание, а она остается одна и все хозяйство сама правит...»

2 апреля 1909

Из письма Е.Брешко-Брешковской к сыну Николаю Брешко-Брешковскому от апреля 1909 г.:

«...Ты насмешил меня вопросом: слежу ли я за новостями? Друг мой! Ведь я буквально на положении тех сказочных похищенных существ, которые жили в таких местах, куда и ворон не залетал, и волк не забегал. Кроме своих четырех стен я ничего не вижу, кроме звона на колокольне ничего не слышу. Тебе известно, что мое прошлое не скудно всевозможными ограничениями, но подобного одиночества я еще ни разу не переживала. Хорошо, что под старость, когда у человека образовался запас впечатлений и наблюдений. Мне вся прошлая жизнь представляется громаднейшей школой, которую я проходила из класса в класс. Сколько еще осталось непройденных классов, Бог его знает. Великая учительница жизнь для того, кто хочет учиться всему и кому посчастливилось выбиться на дорогу учения. А так ведь можно прожить долгий век, ничему не научась, ничего не продумав... Так и живет большинство и никто ему помочь не хочет. А кто сам знает, кот[орому] интересно и приятно знать, тот обязан и других учить...»

О новом применении к жизни
практического труда культурных женщин

Из письма Екатерины Брешко-Брешковской к сестре Наталье Константиновне Лишиной, в г.Новоалександровск, Ковенской губернии, от 7 сентября 1909 г.:

«...Чем больше ты знакомишь со своей дочерью, тем интереснее и милее она становится для меня. Ее талантливость и ее

трудолюбие — это такие ценные вещи, какие редко встречаются вместе. Думается мне, что ей нельзя оставить эти данные про себя только. Она легко могла бы открыть мастерскую и обучать многих столь нужным работам, как шитье обуви, платья, вязанье всякое. От вас недалеко от Варшавы. Верочка могла бы пробыть там несколько месяцев, чтобы изучить перчат[оч]ное или зонтичное ремесло и усовершенствовать башмачное. Скольких девушек она обучила бы, поставив дело "на деловую" ногу. А кроме того, каждое производство новое оживляет деятельность местную: и на материал, и ознакомление публики с новыми товарами, и стремление научиться новому искусству, всегда пригодному в жизни. Верочка могла бы найти и одну-двух компаньонов для открытия и ведения такого предприятия. Сначала своими силами попробовали бы работать, расширяя мало-помалу свою деятельность. И ваш край кажется таким подходящим для такой цели. У вас уже нет, кажется, "мужичек", а все "паненки", потребляющие все принадлежности городского одеяния. — И какой бы это благодарный был пример для наших образованных и культурных женщин... Если они воображают, что мастерские должны открываться необразованными и некультурными, то это очень грубая ошибка с их стороны. Такое дело, как обучение людей (чему бы то ни было и постоянные с ними сношения), — требует от нас наибольшего умственного развития и нравственного воспитания. И Ниночка от ранних лет росла бы в трудовой и общественной обстановке. Как хорошо! Ведь вся основа счастья человека и состоит в том, чтобы внести в окружающую нас жизнь что-либо свое, т.е. свой труд, свою мысль и т.п. Чтобы наша жизнь, наша деятельность оставила истинный след в дальнейшей жизни общества, если даже он и не заметен, как отдельная струя. А нашим русским женщинам давно пора брать на себя почин как рационального воспитания молодых поколений, так и внесения в обиход народной жизни той культуры, которая уже давно украшает повседневную жизнь людей на западе, — кто что знает из приложимых практических работ, пусть тот и обучает свою округу. Ах, как я была бы рада, узнав, что у нашей Верочки есть своя мастерская, что вполне образованный человек дает пример благому началу. А то ведь наши "образованные" дамы тянутся в конторы, банки, за прилавок и т.п. заработок! Чистый срам! однако мой лист кончается, до свидания, родная сестра Наташечка!.. О милая моя сестра! Зачем ты сделалась Шопенгауэркой и ворчишь на жизнь? Нельзя же прожить весь век без забот и горя, и то и другое многому нас учат и двигают нас вперед. Детство — для забав; юность — для мечтаний; молодость — для серьезных восприя-

тий; возмужалость — для полезной работы; старость — для разумных указаний. А смерть есть начало дальнейшей жизни».

О старости

Из писем Брешко-Брешковской к брату Вас[илию] Конст[антиновичу] Вериге от 29 октября 1909 г.

Говоря о своей глуховатой, старой замужней сестре, она говорит: «Ужасно, право, обидно положение стариков, вырастивших детей и оставшихся одинокими. Надо, чтобы человек до конца своей жизни имел свои самостоятельные умственные и духовные интересы, только тогда он не будет страдать в старости от одиночества...»

/.../

Взгляд на игру в карты «бабушки»

В письме Брешко-Брешковской к сестре Наталье Константиновне Лишиной от 2 ноября 1909 г.: «...Голубушка моя, ты напрасно упрекаешь себя за свой невинный "преферанс по маленькой". Ничем он не хуже всякого другого развлечения для того, кто не танцует и не прыгает в обществе. Игра в карты, как и всякая игра, может быть осуждаема не сама по себе, а тогда, когда она есть выражение корысти или страстной привычки, поглощающей способности человека. А если старый человек, всю свою жизнь работавший на долг и на совесть, захочет хоть каждый вечер провести час-другой за шахматами, картами, ребусами, бильярдками и т.п., то нет в этом ровно ничего предосудительного. Ведь если и читать с целью развлечения и заполнения времени только, не то ли самое выходит? А тот, кто не может принимать участие в общем разговоре, тем больше имеет право отдаваться занятиям, могущим заинтересовать его, хоть сколько-нибудь!»

/.../

Прис[яжный] повер[енный] Зарудный

9 дек[абря] 1909 г. от Брешко-Брешковской имел свидание наедине, как ее защитник, присяжный поверенный Зарудный в моей служебной квартире. Сидел часа два с половиной. Прощаясь со мной в прихожей, он сказал: «Мне всегда бывает приятно слышать, когда арестованные говорят о вас хорошо, когда они отзываются о вашем гуманном обращении с ними». Я ответил, что я исполняю только свой долг, делаю только то, что требуется инструкцией для содержания арестованных; никаких им послаблений не делаю, но и не ухудшаю их положения больше, чем то

требуется инструкцией. Интересно сопоставить это заявление Зарудного с тем временем (1905 г.), когда он с другими хотел взять Трубецкой бастион приступом и имел обратное мнение¹³⁸.

/.../

Чем питаться старикам

Из письма Ек[атерины] Брешко-Брешковской от 15 февр[аля] 1910 г. к Вере Иосиф[овне] Вериге:

«...Режим свой антимамясной соблюдаю все время и буду впредь соблюдать, насколько возможно будет, потому что значительную пользу вижу в нем для своего организма. Между тем, я знаю, многие старики воображают, что им, как могущим мало поглощать пищи (по объему) — необходимо кушать бифштексы и т.п. мясные эссенции, ради поддержания сил. Они не знают того, что "говядина" болезненно усваивается старым желудком и вместо того, чтобы обращаться в здоровые кровяные шарики — обращается в жиры и лимфатические соединения. И то и другое отягощает организм, но не питает его. Булки, яйца, геркулес, молоко, кто может его потреблять, и немного овощей, если они не производят отягощения (что при сидящей жизни и бывает) — насыщают достаточно, даже не в большом количестве. Я замечаю, что мой организм обходится все меньшим объемом пищи».

/.../

Благодарность Екатерины Брешко-Брешковской

3-го января 1910 года я обходил камеры Трубецкого бастиона и зашел также к «бабушке» Брешко-Брешковской. Когда я хотел уже уходить, она задержала меня и сказала: «Про[ст]ите, что я позволяю себе высказать вам прямо в глаза. Я никогда не надеюсь на будущее, а потому позвольте в настоящее время выразить вам раз и навсегда мою глубочайшую благодарность за то внимание, которое вы мне оказывали. Я никогда его не забуду. Я осознаю, что если я еще уцелела, то только благодаря вашим обо мне заботам и вашему вниманию. Я навсегда сохраню об вас память, как об самом лучшем заведующем, которого я когда-либо в жизни своей встретила (она отбыла 20 лет каторги). В канун нового года я вспоминала вас». Я ответил, что мне приятно слышать от заключенной такие слова, потому что заключенные вообще склонны относиться враждебно к тем лицам, которые их охраняют; я же исполняю обязанности, как велит мне долг, и не делаю никому послаблений.

/.../

В моих записных книжках записи идут иногда не в хронологическом порядке, произошло это оттого, что я не всегда имел при себе записную книжку, заносил записи на четвертушки бумаги и потом переписывал в записн[ую] книжку.

Выдающаяся любовь к матери

Сидит в Труб[ецком] бас[тионе] Таисия Хитрово¹³⁹, студентка 4-го курса Политехничес[кого] Инст[итута] Императ[ора] Петра I, лет 26-27. Отец и мать ее — москвичи, типичные хорошие рус[ские] люди. Он стат[ский] сов[етник] в отставке. Мне редко приходилось видеть такую нежную глубокую любовь к матери, какую имеет Таисия Хитрово. Все ее письма к матери проникнуты этой любовью. Для характеристики вот отрывок из письма 1 марта 1910 года: «...Мамочка, зоренька моя, как хорошо бы посидеть с тобой на солнышке в твоей комнате... Уткнуть голову в колени к тебе, слушать Танин смех, Левочкино щебетанье. Пусть бы меня судили и осудили и делали со мной, что угодно, только дали бы побыть дома перед тем, ну хоть немножечко. Я знаю, что у меня характер тяжелый и жить со мной трудно, я никогда ведь не оставляла себя надолго дома. Но сейчас так хочется домой хоть на минутку*».

В детстве я обещала тебе, что когда вырасту, посажу тебя в качалку, буду кормить цыплятами, манной кашей и клубничным вареньем, дам шкаф книг и т.д. — режим, который представлялся мне идеалом благополучия. А вот теперь приходится выматывать твои силы и нервы. И может быть, еще долго».

В другом письме 4 марта пишет: «Надламывается жизнь и не знаю, как будет дальше и не вижу за поворотом ничего. Когда нестерпима становится боль и не хочется жить больше, — я вижу тебя. И значит можно и нужно тянуть дальше. Это время я много людей вижу и слышу, чего не слыхала раньше, но только с тобой могу уходить отсюда и снова жить... Родненькие, любимые мои, вот пройдет этот нелепо кошмарный период. Но как же дальше? Пусть не я, пусть из-за меня только, но я не могу примириться с мыслью о всем, что свалилось на вас за это время. Ведь это же останется навсегда: или можно забыть?»

* Напоминает письмами нашу Верочку, после определения в институт.

Мамочка, родненькая, береги себя: ты ведь для нас всех была вроде священного огня для огнепоклонников. И пусть мной был разрушен, осквернен жертвенник, но ты должна гореть, чтобы можно было жить дальше...»

Процесс Брешко-Брешковской и Чайковского Николая

24 февраля 1910

Сегодня СПб. суд[ебная] палата вынесла приговор Чайковскому и Брешко-Брешковской. Судились только двое. Следствие тянулось больше двух лет. Оба старики: ей 66 лет, ему 56 лет. Он совсем седой и выглядит совершенным стариком. Чайковского совершенно оправдали, а Брешковская приговорена, уже в третий раз в ее жизни, на поселение за пропаганду. Приговор на поселение был для нее неожидан, — она ожидала, судя по обвинительному акту, как заявила мне, что сошлют в третий раз на каторгу. Суд принял во внимание большие года.

Первый раз ее судили (вероятно, в 70-х годах прош[лого] стол[етия]) в процессе о 300 чел[овеках], из которых погибло в тюрьмах около 130 человек. Следствие тянулось около 3,5 лет. 300 чел[овек] были выделены из 2000 чел[овек]¹⁴⁰. Суд приговорил ее к 5 годам каторги с зачетом предварительного заключения около 3,5 лет. По отбытии в Сибири каторги, где не было еще в то время каторжной женской тюрьмы и Брешко-Брешковская, по ее словам, была первая женщина-каторжанка, ее водворили на поселение в какие-то дебри, в тайгу¹⁴¹ и давали на пропитание 3 руб[ля] в месяц. Дебри были ужасны, и Брешковская вместе с несколькими поселенцами решили бежать с поселения¹⁴², т.к. в тайге все равно погибли бы. Ее поймали. Судили второй раз дореформенным сибирским судом за уход с поселения и приговорили к 4 годам каторги и к наказанию 40 плетьюми. «Я, — сказала Брешковская, — сидела в Сибирской тюрьме и готовилась принять плети. Я в своей жизни вообще никогда не отказывалась и не уклонялась ни от какой кары. Но дни проходили, а меня почему-то все не наказывали. Наконец приходит ко мне доктор и заявляет, что я нездорова, а потому не в состоянии буду перенести 40 плетей, и что ему нужно исполнить одну формальность, освидетельствовать меня и написать протокол. Но я отказала доктору в освидетельствовании и твердо заявила, что совершенно здорова и могу вполне перенести наказание плетьюми. Доктор убеждал, но я осталась при своем убеждении; он пожал плечами и вышел из камеры. Жду наказания, не наказывают. Через несколько дней прибыли кон-

войные казаки для препровождения меня этапным порядком на каторгу в жен[скую] катор[жную] тюрьму¹⁴³, тогда она уже была выстроена. Думаю, там накажут. В руках у меня находилась дорожная сумочка. Дорогою конвойный солдатик (казак) обращается ко мне и говорит: положи к себе в мешочек этот пакет с бумагою, у тебя будет сохраннее, а там я у тебя возьму. Конверт был не запечатан, я вынула при солдатах бумагу и вижу, что это мой статейный список. В нем я прочла, что плети как наказание позорное и унижительное для женщин отменены губернатором. Я отбыла каторгу, отбыла и поселение. Лет 12-ть тому назад я получила право вернуться в Европейскую Россию и все эти годы, за исключением сидения здесь, принуждена была странствовать по России. Молодежь меня встречала с особым уважением и уже тогда меня прозвали "бабушкой". Все это заставляло полицию относиться ко мне подозрительно, и потому я не смогла долго быть на месте. В родных местах я побывала, но узнавши, что чуть ли не по всем волостям разослали мои карточки, я вскоре от них уехала, чтобы не подвергать их напрасной неприятности. И вот теперь снова осуждена».

Удивительная старуха по бодрости духа: ее судили и осудили, а она держит себя так, как будто с нею ничего не произошло*, так она пишет в письмах к своему брату Вериге и к сестре Литиной, она их еще бодрит, хотя ходит на «трех ногах» — с палочкой, тихо и с трудом подымается на лестницу, во второй этаж.

Афанасий Каютенко-Каютин

4 марта 1910

Сидит в Труб[ецком] баст[ионе] третий из политич[еских] арестов[анных] Афанасий Каютенко-Каютин, штурман. Обвиняется за провоз оружия по Черному морю из-за границы, в 1907 или в 1906 году, будучи капит[аном] судна. Следствие тянется уже почти три года. Сапоги износил вдребезги. Купил ему из экономии высокие сапоги в 2 рубля... Раньше был он страшно дерзок и питал непримиримую злобу ко мне и всей охране. В конце

---

* На третьем процес[се] защищал ее прис[яжный] пов[еренный] Зарудный и кн[язь] Сидомонов-Эристов¹⁴⁴. Последнему заявила, что она защищаться не будет, и ему советовала молчать. «Я помолчу и вы помолчите. Мне приятно, что вы посидите рядом со мной. В чем я буду защищаться? Ведь не буду же я на старости лет отречься от своих сочинений, подписанных мною. Что ж из того, что в обвинительном акте есть ошибки, положим, написано, что в Полтаве я была, между тем, как я там не жила, зато я была в Херсоне, но не все ли равно».

февр[аля] голодал пять дней и на мой вопрос, зачем он это делает, заявил, что ему все надоело. Нервность ужасная. Мне и доктору стоило громадных усилий, чтобы на пятый день к вечеру уговорить его есть. Сдался только тогда, когда узнал, что комендант сделал запрос, в каком положении находится его дело. Дерзости прежней нет, но недоверчивость осталась. Вид ужасный, похож на Иоанна Антон[овича]¹⁴⁵ в Шлиссельбургской крепости.

/.../

Таисия Хитрово

20 марта 1910 г. дворянка Курской губ[ернии] Таисия Львовна Хитрово переведена из крепости в СПб. дом предварительного заключения. При объявлении ей об этом заявила, что здесь ей сидеть лучше, там шум, гам, базар, темно, бегают мыши, визжат надзирательницы, а здесь просторно, чисто и спокойно. Затем высказала предположение, а вдруг это облегчение, и ее выпустят отсюда на поруки. При этой мысли лицо ее вдруг преобразилось, глаза засветились радостью, лицо сделалось настолько привлекательно, что с него, казалось, исчезли все дефекты, причиненные бывшею когда-то оспою, и только выступали большие сияющие радостью глаза. Увязывая чемоданы, она воскликнула: «Господин полковник, я знаю, что писать вам мне нельзя, но если окончательно выяснится, в чем я виновата, то мне хочется вам и доктору как-нибудь дать знать, что я не сделала ничего подлого, и я выкину какую-нибудь штуку». В карету садилась такая же довольная и радостная.

/.../

Убийца полковника Карпова¹⁴⁶

Убийца — агент СПб. охран[ного] отдел[ения] Александр Петров¹⁴⁷, бывший сельский учитель. Судили его 9 января 1910, ровно через месяц после совершения убийства, военно-окружным судом, в моей квартире, и суд приговорил к смертной казни. На суде присутствовали все высшие представители судебн[ых] установл[ений] военн[ого] ведом[ства], Департ[амента] полиции, СПб. охр[анного] отдел[ения] (от СПб. суд[ебной] пал[аты] прокур[ор] Корсак и товарищ [прокурора] Камышанский, от воен[ного] ведом[ства] помощник Главн[окомандующего] генерал Газенкампф, от СПб. охранного отделения начальник — полковник фон Котен¹⁴⁸, от Деп[артамента] пол[иции] — вице-директор Виссарионов¹⁴⁹). Петров на суде заявил, что он заметил две борющиеся за власть правительственные партии: генер[ал] Гераси-

мов¹⁵⁰ и его сотрудник Доброскок¹⁵¹ действовали против Курлова (товар[ищ] мин[истра] внут[ренних] дел и шеф отдел[ьного] корп[уса] жандармов) и начальника СПб. охран[ного] отдел[ения] полков[ника] Карпова. Первые двое заманивали его, Петрова, в свой лагерь, между тем как он, оставаясь верным революции, приехал из Парижа для сотрудничества с Карповым. Герасимов намекал Петрову, что Карпова следовало уничтожить, сделать так, чтобы его как бы не было. Вся интрига этих лиц ему стала противна, и он решил заманить всех четырех в квартиру и там их взорвать. Выяснилось, что Петров потерял доверие центр[ального] революц[ионного] комит[ета] (Бурцева¹⁵² в Париже) и, чтобы заслужить вновь это доверие, решил [нрзб.] в охран[ном] отдел[ении] устроить адский террористический акт, взорвать указанных лиц и самому с ними погибнуть. Но план не удался: на совещание явился только доверчивый Карпов, и Петров, по его словам, глубоко любя этого человека как друга, взорвал его, т.к. иначе все его приспособление для взрыва на утро могло быть замечено и обнаружено... Между судом и казнью прошло три дня. Петрову страшно хотелось жить, он все надеялся, что казнь заменят ему каторгой, просил Виссарионова, чтобы он приехал к нему, и проч. Все время плакал. На другой день после суда он пришел к заключению, что его казнят и потому начал готовиться к казни изнурением тела: три дня не ел и не пил. Вышло хуже: не мог стоять, просил перед эшафотом покончить с ним скорее. На казнь ночью 13 января повел его подполк[овник] Собещанский. Ночь была морозная, лунная. Принял священника, а другой преступник какой-то отказался. Казнили в Спб. одиноч[ной] тюрьме на дворе. Умер он глубоко разочарованный, что своею жизнью он не принес никакой пользы ни себе, ни людям, что и высказал в письме к матери. В крепости после суда его мучили кошмары, мучило лицо убитого Карпова. Он призывал меня, просил передать, что просит прощения у жены и детей Карпова. Подполк[овник] Собещанский мне передал, что Петров, стоя перед виселицей, обратился к Собещанскому и просил передать мне поклон и благодарность за гуманное с ним обращение. (Когда Петрова привезли после убийства Карпова в крепость, то он обратился ко мне с такою просьбою: «Когда будут брать меня на казнь, я покорнейше прошу вас, чтобы на меня не набрасывались, не душили, не волокли на двор в одном белье, как было в Херсонской тюрьме. Я пойду сам, не окажу никакого сопротивления, я не буду кричать». Я тогда уверил его, что в крепости подобного не делается, что если его суд приговорит к казни, то казнят не в крепости, а вне ее стен¹⁵³. Процесс Петрова интересен тем, что он выяснил крайне

некрасивые, чтобы не сказать более, действия генерала Герасимова. На бывшем 21 января 1910 г. обеде в Штабе Округа генерал Газенкамф спрашивал мнение барона Сталь¹⁵⁴ о Герасимове и затем сообщил, что доложит Вел[ико]му Князю Главнокомандующему¹⁵⁵, что ген[ерал] Герасимова нужно предать суду. Великий Князь вполне с этим согласился и доложил об этом Государю. Но при этом было найдено, что по внутреннему и внешнему состоянию России сделать это в настоящее время нельзя, а потому Государь приказал почистить жандармов...

...Когда ночью перед казнью я вошел в камеру к Петрову и приказал ему одеваться, что за ним приехали, Петров дрожащим от волнения голосом мне сказал: «Я не могу вас теперь ничем отблагодарить за все то добро, которое вы для меня сделали, но за добро вы получите добро».

/.../

Шутка Екатерины Брешко-Брешковской

24 февраля 1910 г. мною дано было Брешко-Брешковской свидание с сыном Николаем Николаевичем Брешко-Брешковским, во время которого она в шуточной форме передала ему свое впечатление по поводу заседания суда: «Суд мне представился так: я и Чайковский — товар, который привезли на базар продавать. Защитники — продавцы, привезшие товар для продажи. Судьи — покупатели. Прокурор — оценщик. Продавцы торговались и хотели взять за товар подороже. И вот когда оценщик назначил нам слишком низкую цену, такую, что даже покупатели удивились, продавцы возмутились: "Помилуйте! такой добротный, вылежавшийся товар, и вы так дешево цените"». После этого уже нам дали цену настоящую».

/.../

Влад[имир] Костенко¹⁵⁶

Кончил гимназию и, имея сильное влечение к морю, поступил в Морское Техническое Училище в Кронштадт, кончил его до войны¹⁵⁷ корабельным инженером, был в плавании и в бою в эскадре адмирала Рождественского¹⁵⁸, взят в плен, отбыл его (около 9 месяцев). После войны Костенко числился в Морс[ком] ведом[стве] выдающ[имся] кораб[ельным] инженером, присматривал в Англии за постр[ойкой] русс[кого] корабля, читал лекции, привлекался в комиссии, готовился в Морскую Академию и вдруг в апреле 1910 г. был арестован за принадлежность к какому-то политическому делу, а вскоре за этим и уволен от службы. Он штабс-

капитан по Адмиралтейству. Говорит, что арестован за хранение литературы, которую один человек просил на время подержать.

Находясь в Труб[ецком] бастионе, Костенко усиленно занимается высшей математикой, механикой, философией и проч., чередуя науки с чтением книг на английском и французском языке. В месяц прочел 3000 страниц. Умен, скромн и хорошо дисциплинирован; хороший сын.

/.../

22 мая 1910

В субботу, 22 мая 1910 г. Екатерина Брешко-Брешковская переведена в СПб. пересыльную тюрьму для высылки на поселение.

Первое впечатление ни разу не сидевшей в крепости

26 июня 1910 г. посажена в крепость (кам[ера] №55) молодая девушка Любовь Остроумова¹⁵⁹, и вот как она описывает место заключения своей матери в своем первом письме от 28 июня: «Мама родная! Ну вот меня можно опять с новосельем поздравить: после нескольких дней в Доме предвар[ительного] заключ[ения] я переведена в крепость. Здесь уже не потеряюсь, мама, в этом можешь быть уверена, никто не обидит и не украдет, — бояться не надо. Камера большая, светлая, я чуть не закричала от радости, увидев такой простор и свет после стольких клеточек. Глаза отдыхают. Оставшись одна, я даже прошлась мазуркой, столько места, но все же взять удалого размаха, какого требует мазурка, нельзя, ровно посередине стоит кровать. Но теперь кажется, что плясать здесь кошунство, и я не могу больше. Тихо, тихо и спокойно, иногда слышны свистки пароходов или далекая музыка урывками, разливаемая в воздухе, звон колоколов, я люблю его слушать, вспоминается что-то хорошее и становится спокойно на душе. То и дело мягкая музыка часов да чириканье птичек. Иногда они заглядывают в окно, сидя на решетке, или прямо прыгают на подоконник из форточки. Попрыгают, попрыгают, поклюют хлеб, который им кидаю, и выпрыгнут в другую форточку: путь знакомый, видно. Сон у меня хороший и кормят здесь хорошо. /.../ Здесь я почиваю на лаврах, отдыхая от дел. Библиотека хорошая, буду читать, чтобы пополнить свой умишко, на воле это не удавалось. С книгами жить можно, и можно совершенно забыть свое одиночество. Там в предварилке оно больше чувствовалось, так как кругом жило столько людей, чувствовалось столько молодых хороших жизней и страшно хотелось говорить с кем-нибудь. Здесь этого искушения нет. Здесь я вполне изолирована от

всего мира, полный покой, нервы здесь вполне отдохнут. Буду ждать дальнейшего...»

Юмор арестов[анного]

Из письма Льва Либермана¹⁶⁰ к брату М.А. Либерману, от 4 ноября 1910 г. Либерман — еврей. Находился в Сибири в административной ссылке, оттуда бежал в Париж, где прожил 4 года, крайне соскучился по родине, возвратился в Россию, вероятно, под чужим паспортом, и здесь был арестован. Подлежит высылке административной на прежнее место в Сибирь. Сидит в Труб[ецком] уже с полгода.

«...О себе, собственно, писать нечего... Сiju и живу помаленьку. Кроме меня в моей комнате по сей день живут две мухи и один комар, — вот и вся компания. Это, между прочим, показывает, что у меня тепло. Еще два комара на днях "помре" от скуки, когда я им попытался читать вслух французский роман безвестного автора, изданный, кажется, в 1828 году (или 30-м). Готов прозакладывать голову, что в Париже не найти 10 человек, его читавших. Что же касается меня, то я за это время познакомился с такими глубинами французской беллетристики, что беда... Проживи я еще 15 лет к 4-м прожитым в Париже, — и тогда едва ли выкопал бы что-либо аналогичное. Это вроде ихтиозавров, плезиозавров и прочих фигур, вымерших за много тысячелетий, коих можно сыскать лишь скелеты. Да и то лишь специально этим занявшись»*.

10-го октября 1910 г., в воскресенье было 25-летие моей службы в офицерских чинах. Прошло незаметно и мною из-за безделья не справлялось.

Содержание арестованных в Труб[ецком] бастионе

Из письма Владимира Костенко (уволенный инженер-мех[аник] флота) к своей невесте Валерии Николаевне Соловьевой. «...О финансах моих не беспокойся. Отец внес для меня 25 р[ублей], и мне теперь хватит месяца на три-четыре. Здесь деньги некуда расходовать, т.к. все необходимое полагается. Остается придумывать специальные расходы. Недавно имел удовольствие отпробовать яблоч урожая этого года. Но больше всего у меня уходит денег на пастилу, которой потребляю 1 ф[унт] каждую неделю, и на чернила. Последних исписываю пузырек в месяц...

* Вероятно, это книги, оставшиеся еще от декабристов.

Досадно, что нельзя видеть самого себя. Единственным средством заменить зеркало остается собственная тень на стене, когда лампочка зажжена. Пробовал смотреть в кружку с чаем, но видел только один собственный нос...»

Комната свиданий в Труб[ецком] баст[ионе]

Это комната слез, комната бесконечного горя отцов, матерей, жен, оплакивавших своих преступных детей, мужей. Решетки в комнате особенно удручающе действуют на проходящих на свидания, они бьют по нервам. В общем свидания сильно расстраивают нервы лица, дающего свидания, а это накапливается постепенно, незаметно, после нескольких лет, в связи с всем прочим по заведованию Труб[ецким] бастионом. Замечаешь, что начала трястись голова, дрожат руки, голос стал тоже дрожащим, хриплым, прерывистым, является бессонница, апатия... Да, безусловно нужно чаще отдыхать, брать отпуск. Я же, прозаведовавши с лишком четыре с половиной года, притом самых тяжелых, ни разу не отдыхал...

/.../

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА №5

1917 г.

Великая Русская Революция

23 фев[р]аля

Началась забастовка рабочих на заводах в Петрогр[аде]. Народ вышел на улицу и стал требовать хлеба.

26, 27 и 28 февраля решительные дни. Напряжение рабочих и войск достигло наивысшего предела. Переход войск на сторону народа.

Положение крепости:

26 февраля ко мне позвонил комен[дант] креп[ости] генерал Никитин¹⁶¹ и сообщил, что сейчас к нему позвонил Командующ[ий] войсками округа Ген[ерал] Хабалов¹⁶⁹ и передал приказание именем Государя, чтобы он принял в Труб[ецкой] бастион для заключ[ения] 800 чел. Павловск[ого] полка и что эти лица будут доставлены этой ночью¹⁶³.

В ночь с 26 на 27 февраля в 5 1/2 час. утра были доставлены под сильным конвоем преображенцев только 19 чел. Павловского полка, а остальн[ых] обещали доставить дополнительно.

Ночью 27 февраля около 2 час. ночи раздался звонок в Трубецкой бастион. Звонил генер[ал]-майор Перцов¹⁶⁴ и спрашивал, можем ли мы принять в Труб[ецкой] бастион еще 1500 чел. арестов[анных]. Я ответил положительным отказом¹⁶⁵.

Утром 27 февраля ген[ерал] Перцов позвонил в Трубецкой баст[ион] и передал, что павловцы присланы не будут и что для них найдены два вполне просторных барака, где они и будут размещены. 27 февраля критическое полож[ение] креп[ости]. Кругом стрельба, хотя и не по крепости. Рота запасного батальона 3-го стрелкового Его Велич[ества] полка в качестве защитников на крепости. Прапорщик и стрелки на стене Петровск[ой] куртины.

Десятник Алекс. Иванов и втаскивание какого-то орудия на стенку.

Тревожный день, разговоры, окончательное совещание у Коменданта. Решено выдать арестованных.

Тревожная ночь с 27 на 28 февраля. Перевод 19 чел. арестов[анных] павловцев из Трубецкого бастиона на артиллерийскую гауптвахту в манеж¹⁶⁶. Это было около 3 1/2-4 ч. ночи.

28 февраля

/.../ Утром ровно в 10 ч. все защитники крепости с красным флагом подошли толпою к гауптвахте и освободили 19 чел. павловцев.

Ровно в 10 ч. толпа и солдаты вошли в Кронверк[ский] арсенал¹⁶⁷ и начали его грабить. Защитники оставили арсенал.

/.../ Утром в 9 час. у Никитина был член Г[осударственной] Думы Шульгин¹⁶⁸, которому Никитин заявил, что сдаст крепость со всем гарнизоном.

/.../ Шульгин /.../ получил разрешение на освобождение 19 чел. арестов[анных] ниж[них] чинов л.-гв. Павловского полка. Из своего окна я видел, как с красным флагом в 10 ч. утра подошла к гауптвахте громадная толпа солдат (стрелки), освободила арестованных и при криках «ура» начала их качать.

/.../ В крепости полное безначалие. Целый день, с 10 ч. утра и до 5 ч. вечера, шли непрерывно толпы солдат и вольных людей в крепость, в Кронверк[ский] арсенал и грабили оружие. Выносили ружья, револьверы, шашки, даже части ружей, вроде ствола или штыка. Всякий хватает то, что может урвать. Солдаты, в том числе и крепостные (мест[ная] ком[анда], стрелки, роты артил-

лерии, команда склада), тоже не зевали и некоторые захватили по 2-4 револьвера, которые в крепости перепродавали. С болью в сердце мы целый день наблюдали из окон выносимое из арсенала оружие. Состояние у всех было такое, точно все освободились от своих обязанностей. В крепость то и дело въезжали легковые и грузовые автомобили, наполнен[ные] солдатами, вооруженными ружьями, и воен[ные] товарищи.

/.../ Днем ко мне на семей[ную] квартиру явился подпол[ковник] Васильев¹⁶⁹ в сопровождении 2-х членов Государ[ственной] Думы Скобелева¹⁷⁰ и Волкова¹⁷¹, которые подали мне следующее отношение новой власти, адресованное на имя старой, рухнувшей власти:

Бланк: «Председ[атель] Госуд[арственной] Думы»

Содержание (написано рукою Шульгина):

«Коменданту Петропавловской крепости.

Временный комитет Государственной Думы просит Ваше Высокопревосходительство дать возможность предьявителям сего членам Государственной Думы Матвею Ивановичу Скобелеву и Николаю Константиновичу Волкову осмотреть камеры для заключенных с целью убедить волнующуюся публику, что действительно в камерах ни политических заключенных, ни арестованных солдат не имеется.

За председателя

В. Шульгин»

На этом замечательном документе имеется резолюция старой власти (последняя):

«Допустить. Генерал Никитин».

Наконец, в полдень прибыли в крепость несколько автомобилей с членами Госуд. Думы с товарищами. Два члена Думы посетили Коменданта и затем вышли и держали речь к народу. Уехали. После этого прибыл автомобиль с подьесаулом Берсом и присяжным поверенным Соколовым¹⁷² и остановился перед офиц[ерским] собранием]. В это время я, барон Сталь и два члена Государст[венной] Думы после осмотра Трубецкого бастиона подошли к толпе, окружившей автомобиль.

Указанные выше члены Думы осматривали Труб[ецкой] ба-ст[ион], чтобы убедиться, не осталось ли там политических заключенных. Я им показывал. Мне сопутствовали барон Сталь и подпол[ковник] Васильев.

Ко мне подошел прис[яжный] повер[енный] Соколов и по-здоровался. В это время какой-то человек (оказался ратник[ом] Овчинниковым) в кожаной черной куртке без погон с ружьем (без штыка) за спиною протянул руку по направлению к высокому

челов[еку] в черкесской форме (Берс, Татарская дивизия) и зычным голосом, глядя на барона Сталь и меня, завопил: «Вот вам назначен сюда в крепость комендант! Это ваш комендант приехал». Подпол[ковник] Васильев сказал мне: «Это уже хуже» и отозвал меня в сторону. Толпа товар[ищей] и солдат вела себя сдержанно.

Вечером 28 февраля подьесаул Берс потребовал, чтобы в 9 ч. вечера явились в Офицер[ское] Собр[ание] все офицеры гарнизона крепости. /.../ Кроме офицеров гарнизона там были какие-то думские прапорщики. Берс держал к ним речь о том, что он назначен охранять крепость от всех на нее покушений извне. До этого ко мне заходил Васильев, и мы пошли к ген[ералу] Никитину, куда прибыл и Берс.

1 марта

Утром в крепость прибыл назначенный Временным Правительством¹⁷³ Комендант крепости шт[абс]-кап[итан] Кравцов¹⁷⁴ (адъютант Михайл[овского] Артил[лерийского] учил[ища]).

Ему дана была Врем[енным] Правит[ельством] громадная власть, чуть ли не командующего армией. Он начал с того, что явился к Ген[ералу] Никитину и отрешил его от должности, то же самое сделал он и с бароном Сталь, а затем в сопровождении Васильева прибыл ко мне в Трубецкой бастион. Они стояли у решетки, я спустился из своей служебной квартиры. Кравцов взял под козырек, отрекомендовался и заявил, что он назначен комендантом и что сейчас он сместил Никитина и Сталя. На мое замечание: «Вы явились, значит, сместить и меня», шт[абс]-кап[итан] Кравцов заявил: «Боже меня сохрани! Наоборот, — я явился просить вас сохранить вашу должность и поэтому хотел бы с вами переговорить в теплом помещении». Мы поднялись на квартиру, и здесь произошел разговор с предложением исполнять свою должность по-прежнему и о доверии ко мне.

1 марта поздно вечером были доставлены на автомобилях первая партия в 11 чел[овек] арестов[анных] министров и сановников¹⁷⁵, которых принимал совместно с новым Комендантом (Берс остался у него помощником).

2 марта

Вечером Кравцов в офицерском собрании отозвал меня (при Васильеве) в бил[ьярдную] комнату и сказал, что Мини[стр] Юстиции Керенский¹⁷⁶ меня хотя и знает, но как к старой власти не может относиться с полным доверием, а потому меня освобождает от должности и что я не должен отлучаться из кварти-

ры; для заведывания же должностью будет назначен прапорщик, которому я утром и должен сдать должность.

Я изъявил полную готовность устранился, но Коменд[ант] Кравцов сказал, что это распоряжение ему крайне не нравится, что он находит, что этим наносится ни за что ни про что обида отличному служаке и поэтому утром он будет говорить обо мне с Керенским, а меня просит пока исполнять свои обязанности и до его приказа должности никому не сдавать. На другой день я все время ждал себе смены, но вместо этого явился Кравцов и мне заявил, что я остаюсь на должности.

9 марта

В 10 час[ов] утра в Труб[ецкой] басти[он] прибыл в первый раз Мин[истр] Юст[иции] А.Ф. Керенский и обошел Екатерининскую куртину и Труб[ецкой] бастион, а затем сидел в моем кабинете, где я имел с ним продолжительный разговор о разладе между солдат[ами] и офицерами, о падении дисциплины и о том, что нужно эту дисцип[лину] всемерно укрепить.

Я застал Керенского в №2 Екатерининской куртины, где он разговаривал с Горемыкиным¹⁷⁷. Здесь я представился Министру. Он сказал, что меня он знает и помнит¹⁷⁸. Я ответил ему тем же и затем через квартиру провел его в Труб[ецкой] бастион. Керенский просил, чтобы к нему были выведены все 34 чел[овека] арестованных и что он хочет сделать им некоторое объявление. Я ответил, что это удобнее сделать в три очереди, по-коридорно, — что и было сделано. Заключенным сановникам Керенский объяснил, что относительно некоторой части заключенных будет изменена мера пресечения, что избрано Времен[ное] Правит[ельство], которое признано законным всеми учреждениями России и союзн[ыми] государствами, что для расследования их проступков против народа учреждена Чрезвычайная Следствен[ная] Комиссия¹⁷⁹, что разнообразные суды отменены, что он признает только суд присяжных, который их и будет судить, что он вошел с законопроектом об отмене смертной казни, что он уважает права каждого гражданина и поэтому даст и им льготы против инструкции о содерж[ании] в Трубецком бастионе, «о чем вам может сейчас же засвидетельствовать полковник Иванишин». Я сейчас же засвидетельствовал, что им разрешено в изъятие из правил:

1. Находиться в собственной одежде.
2. Иметь собственное белье и постельн[ые] принадлежности.
3. Получать обед и ужин из офиц[ерского] собрания.
4. Иметь в камере тетрадь, чернила и перо для занятий.

5. Иметь свидания не через решетку, а в комнате, в присутствии товар[ища] прокурора и завед[ующего] арестантскими пом[ещениями].

6. Получать из дому в день свиданий:

а) сахар и чай, б) хлеб, сухари и печенье и в) масло и сыр.

После Труб[ецкого] баст[иона] Министру представлен был перед Коменд[антской] штаб-квартирой весь гарнизон крепости при ружьях. Керенский держал к ним речь, говорил о декабристах (тогда начали офицеры, но солдаты не поддержали, потому что были рабы, и офицеры погибли, теперь через 100 лет начали солдаты, и офицеры их поддержали, а потому офицеры их друзья, их товарищи и их надо слушать и любить). В заключ[ение] благодарил за службу и спросил, может ли он передать Думе, что между солдатами и офицерами достигнуто полное единение. Получивши от солдат утвердительный ответ, Керенский при криках «ура» отбыл в автомобиле из крепости.

12 марта

Второй раз Мин[истр] Юстиции Керенский прибыл в крепость 12 марта, около 2-х ч[асов] дня, в мою служебную квартиру и заявил, что он освобождает Кульчицкого¹⁸⁰ (быв[шего] Министра Нар[одного] Просв[ещения]) и Начальн[ика] Главного Военно-Судн[ого] Управления генерал-лейтенанта Макаренка¹⁸¹, а затем желает опросить: Протопопова¹⁸², Белецкого¹⁸³ и Васильева¹⁸⁴. Помощн[ик] Коменданта штаб-ротм[истр] Берс объявил им (Кульчицкому и Макаренку) в моем присутствии, что они по прик[азанию] Мин[истра] Юстиции Керенского освобождаются, а я после этого выводил к Керенскому по очереди Протопопова, Белецкого и Васильева (они очень волновались), с которыми он беседовал наедине. По окончании допроса были введены к Керенскому Кульчицкий и Макаренко, которых он поздравил с освобождением, а Макаренку сказал, что он просит его принять свой прежний пост, но для этого придется выждать несколько дней, чтобы это принятие было не сразу после крепости.

Макаренко мне и шт[абс]-кап[итану] Кравцову сказал, что 28 февр[аля] председ[атель] Совета Мин[истров] кн[язь] Голицын¹⁸⁵ по телефону ему предложил немедленно принять должность Мин[истра] Внутр[енних] Дел и просил немедленно прибыть на засед[ание] Совета Министров. Макаренко прибыл и отказался, т.к. дело было окончат[ельно] безнадежно; при этом указал, что такие предложения делаются Государ[ем], а не председ[ателем] Сов[ета] Министров. Из этого видно, что у Совета Ми-

н[истров] была полная паника и растерянность и что позиции их были окончательно проиграны.

13 марта

В крепость прибыл Президиум Чрезвычайной Следств[енной] Комиссии по расслед[ованию] преступлений против народа бывших министров и других сановников, в лице председателя — московс[кого] присяжн[ого] поверенного Н.К. Муравьева^{186*}, членов-сенаторов С.В. Завадского¹⁸⁷ и С.В. Иванова¹⁸⁸. Муравьев предъявил бумагу за подписью Керенского, в которой указывалось, что Комиссии поручено освободить четырех лиц: Горемыкина, Крашенинникова¹⁸⁹, кн[язя] Голицына и Куколь-Яснопольского¹⁹⁰.

Президиум был допущен в камеры и лично каждому объявил об их освобождении, при этом оказалось, что Крашенинникова Муравьев лично знает и очень хвалил его как выдающегося цивилиста. Все четыре лица были в тот же день освобождены.

Чрезвычайная Следств[енная] Комиссия заседает в старом Сенате, тел. № 613-74.

15 марта

Во время обхода камер арестованных ген[ерал]-майор Воейков¹⁹¹ мне сообщил, что его арестовали в Смоленске (помнится, так и сказал) и что в Ставке** Государь ему сказал: «Вы можете ехать куда угодно; вы мне больше не нужны!» И это после 38-летней службы!

17 марта

Привели в крепость 15 чел. арестов[анных] полковников и подполковников, среди них один генерал. Это снята вся дворцовая охрана в Царском Селе. Всех поместили на главной гауптвахте 2 отделения¹⁹³. Между ними начальн[ик] Царск[осельского] Дворц[ового] Упр[авления] кн[язь] Путятин¹⁹⁴, подполк[овник] фон Таль и друг[ие].

Кто снял охрану — неизвестно. По чьему распоряжению доставлены они в крепость, тоже неизвестно. Но дело было так: 15 марта было телефонное требование якобы Штаба Округа принять в крепость 15 офицеров. 17 числа они доставлены, но не при-

* В 1907 г. защищал студента Бориса Степановича Синявского по делу о покушении на цареубийство.

** Это было перед отъездом Государя из Ставки в Царское Село, кажется, это было 27 или 28 февраля¹⁹².

няты в Труб[ейской] баст[ион]. 18-го же марта по телефону из Штаба Округа спрашивали, по чьему распоряжению арестованы эти офицеры, остается предположить, что арест этот произведен не законною властью, а неизвестными лицами.

19 марта

В крепость, штаб-квартиру Коменданта приезжал прокурор Петроградской Судебной палаты П.Переверзев^{195*}.

Вызвали меня, чтобы ознакомить его с инструк[цией] для содержания арестованных. Шт[абс]-капитан Кравцов меня представил. Переверзев сказал, что он меня знает и со мною знаком. Он произвел на меня, на комен[данта] и его помощ[ника] Берса прекрасное впечатление. Прочел инструкцию и сказал, что она составлена очень хорошо и гуманно, при этом повторил слова, приведенные в п.11 инструкции, где между прочим указано, что обязанности завед[ующего] арест[антскими] помещениями заключаются «в кротком, терпеливом, вежливом обращении с арестованными и входить в их нужды»... Я заявил, что я принимал участие в составлении этой инструкции. Он записал, откуда получали сумму на содержание политических арестованных, откуда мы, офицеры, получали жалование. Затем говорил, что несмотря на расшатанность дисциплины, он глубоко верит в силу духа русского человека и что в критическую минуту, когда немец начнет сильно давить, дух этот проснется и отразит врага. Так было в 1915 году, когда мы, благодаря предат[ельству] Сухомлинова¹⁹⁶, остались без орудий и снарядов. Говорил еще о том, что нам в настоящее время каждому нужно быть политиком, чтобы не попасть в лапы внутр[еннего] врага. Берс предложил осуществить идею: из всех арестован[ных] городских сформировать полк, назначить его командиром и послать на войну.

«И я ручаюсь, что это будет самый лучший боевой полк».

20 марта

Стрелки Запасного батал[ьона] 3 Гвард[ейского] Стрелк[ового] полка¹⁹⁷ вызвали коменданта шт[абс]-капитана Кравцова, вынесли из камер арестованных все съедобное, их собственную лишнюю одежду, тюфяки и одеяла, зачислили на довольствие на сол-

---

* Прокурором Петроградской Судебной Палаты назначен присяжный поверенный П.Переверзев, мой знакомый по защите лиц, сидевших в Трубецком бастионе.

датскую кухню, поставили своих дневальных и переписали всех арестованных для рассылки во все запасные полки. Переговоры Кравцова и Берса с этой командой о незаконных их действиях. Вечером Кравцов уехал с докладом об этом в Совет Министров и, в частности, к Керенскому. Оттуда привез известие, что жандармская команда упраздняется, что нужно заключенных содержать на режиме подследственного солдата и что довольствие производить им из солдатского котла и только большим давать улучшенную слабую порцию по рецепту врача. На мой вопрос, обращенный к шт[абс]-кап[итану] Кравцову, удовлетворяю ли я своему назначению, заслуживаю ли я доверия и, если не заслуживаю, то могу удалиться, Кравцов ответил, что об этом не может быть разговора, «разве вы не хотите быть с нами?» — спросил он и наконец заявил, что просит служить и заведовать по-прежнему.

Вечером 20 марта в кварт[иру] Норбекова¹⁹⁸ прибыл от Совета рабочих депутатов подпоручик с университетским значком, чтобы произвести расследование о случае со стрелками. Опрашивал меня. Порядок службы просил изложить письменно.

21 марта

В 2 ч[аса] дня в крепости были им собраны делегаты от всех частей войск гарнизона креп[ости], где собирались сведения об удаленных офицерах и об освобождении их квартир, а затем были отобраны мнения (аттестации) об офицерах, оставленных в крепости и вновь назначенных Времен[ным] Правительством. Обо мне Пронин, Попеня и делегат от мест[ной] команды дали отзыв: это один из лучших офицеров у нас в крепости. «Желателен» и «оставлен». Такой же отзыв дали о подполковнике Васильеве. Делегат-подпоручик сказал, что о подполковнике Иванишине имеет уже точные сведения. Хороший отзыв дали о Перегородском и Черновском.

Потребовали, чтобы скорей очистили квартиры ген[ерал] Никитин, барон Сталь, Сербулов, Жарин и Асмус, т.е. все отрешенные.

...Часа в 3 явились в Трубецкой бастион вместе с ш[табс]-капитаном Кравцовым делегаты от всех полков, расположенных в Петрограде и окрестностях, для осмотра арестованных и Труб[ецкого] бастиона. Просили показать им Протопопова и Воейкова и входили к ним в камеры. К Сухомлинову не пустили, а дали посмотреть в щель.

Значит, с 21 марта все 28 чел[овек] арестованных посажены на солдатский котел в Стрелковой роте. Был вторник, скромный

день. И удивительное дело: все арестованные, кроме Дубровина¹⁹⁹, съели солдатские щи и кашу без остатка.

Сегодня же около 12 час. дня в Труб[ецкой] бастион и крепость прибыл Главноком[андующий] генерал Корнилов²⁰⁰. Обошел Труб[ецкой] баст[ион], пробовал пищу арест[ованных] (солдатскую), затем обошел арестованных на глав[ной] гауптвахте 2 отделения. После этого говорил речь учебной команде Стрел[кового] полка, а затем собранному Стрел[ковому] полку. Разъяснил, что воинская часть не может самоуправничать, не может заниматься самосудом, а тем более употреблять насилие, для этого есть суды, которые покарают по закону. Приказывал подчиняться своим офицерам и исполнять приказания коменданта. Кричали «ура» и проч.

22 марта

В Труб[ецкой] бастион прибыли Министр Юстиции Керенский и прокурор Петрогр[адской] Суд[ебной] палаты Переверзев. Керенский остался недоволен, что ворвавшиеся в Труб[ецкой] баст[ион] стрелки нашли у трех арестованных деньги, «выходит, что они действ[ительн]о восстанов[или] порядок». Приказал Переверзеву расследовать, каким образом могли остаться у арест[ованных] деньги, и произвести мне допрос.

Затем спустился в Караульн[ый] дом к стрелкам, куда потребовал собраться и тех солдат, которые ворвались в Трубецк[ой] баст[ион]. Здесь в обращении к солдатам он произнес замечательно твердую, гневную речь. «Никто из вас не призван заниматься самоуправством; вы обязаны поддерживать порядок, а не нарушать его. Я представитель социал-демократии, я представ[итель] Совета рабоч[их] и солд[атских] деп[утатов], я законный Министр Юстиции, и вы позволили себе дискредитировать меня перед всей Европой, вы выставили меня в смешном виде. Вышло так, что мы, восставшие против беспорядков старого режима, сами поступаем хуже старого режима. Мы допускаем насилия и избияния арестованных лиц. Я велел произвести расследование, и всех виновных в этом беспорядке, как начальствующих лиц, так и вас, я отдам под суд. Слушайте вашего коменданта, завед[ующего] арестантскими помещениями и друг[их] начальств[ующих] лиц».

Вместе с Керенским 22 марта прибыл в статской форме бывший прапорщ[ик] Кузьмин, отбывший каторгу за провозглашение в 1905 году Нерчинской республики, которого Керенский рекомендовал своим самым лучшим другом и которого просил на-

вести порядки в крепости, как законоведа-практика, испытавшего старый режим на своей шее.

При допросе меня 22 марта прокур[ором] Переверзевым, он задал вопрос: так как часть арестованных не оправдала предоставленное им вами доверие, то что вы намерены предпринять, и уверен ли я, что у них не остались еще деньги. Я ответил, что намерен сделать поголовный обыск с раздеванием догола. Он это записал и согласился с этим. И вот я вместе с бывшим прапор[щиком] Кузьминым производили обыск целых два дня, — 22 и 23 марта, и в эти дни одели на них еще халаты. Таким образом, ввели в Труб[ецком] бастионе режим почти каторжной тюрьмы:

- 1) посадили всех на солдатский котел;
- 2) вместо двух дали по одному матрасу, по одной простыне, по одному полот[енцу];
- 3) отняли письмен[ные] принадлежности, всю бумагу, туфли и закуски;
- 4) одели на них халаты, как на арестантов;
- 5) передали ключи от всех камер начальнику караула, с тем, чтобы без него положительно никто не смел входить в камеры и чтобы за побег арестованного отвечал начальник караула. Это очень дельное предложение сделано Кузьминым, и я вполне его одобрил и принял.

Кроме того, Кузьмин просил, чтобы смена была в 12 час[ов] дня и чтобы арестованных обходили при смене: старый и новый караульный начальник и я; приемка должна быть по счету, а не по фамилиям и чтобы для этого камеры не открывались.

23 марта

Вечером в жизни вновь присланных от всех частей войск солдат для внутренней службы в Трубецк[ом] бастионе произошло значительное событие: я предложил им собраться, пригласить на заседание унт[ер]-офицеров Наблюд[ательной] команды²⁰¹, организовать в одну команду из 36 человек и из своей среды выбрать 1 фельдфебеля, 1 заведующего библиотекою и кухней и 1 заведующего бельем. Они сразу приняли к исполнению мое предложение, организовали команду, выбрали этих должностных лиц и приняли в свой состав прежнюю Наблюд[ательную] команду, что для судьбы этой команды было чрезвычайно важно, т.к. не далее как в этот же день утром шт[абс]-кап[итан] Крав-

цов мне объявил, что он уничтожает и Наблюдательную команду. Солдаты все это оформили постановлением.

24 марта

День был для этой команды очень важным: созван был хозяйст[венный] комитет команды из 5-6 чел. (в том числе 3 должност[ных]), прибыл комендант, затем я, и здесь была установлена окончательная организация команды: 1) состав — 36 чел[овек], 2) названы Наблюдательной командой, 3) меня признали заведующим этой командой на правах командира полка («нам невозможно быть без начальника, у нас будет свой командир полка, — полковник»), 4) жалованье просили дать, как старой Наблюдательной команде, 5) согласились, чтобы команда была постоянная и служить до конца войны и т.д.

Из разговоров выяснилось, что для командирования в крепость их выбрали в своих частях товарищи, как надежных людей и своих представителей.

25 марта

Около 3 ч[асов] Комендант Кравцов пригласил меня к себе и показал мне клочок бумажки, на которой стрелок-часовой написал на меня клевету, что будто бы я 24 марта приказал открыть дверь в камеру Вырубовой²⁰², вошел к ней, подал ей руку и поцеловал ей руку.

После того, как я заявил, что это ложь и клевета и что я просил оградить меня от подобных выпадов единич[ных] солдат, Кравцов позвал поруч[ика] Чкония²⁰³ и приказал произвести ему расследование*.

Мой допрос.

26 марта

Кравцов пришел в Труб[ежкой] бастион, там были я и Се-ребрянников²⁰⁴. Пригласил его в служеб[ную] квартиру «поболтать». Тот «поболтал». Когда я пришел в квартиру, Кравцов заявил, что он принужден отстранить меня от должности, так как я систематически стараюсь облегчать тяжесть заключения арестованным, выразившееся в том, что на вопрос председателя Чрезвычайной Следств[енной] Комиссии Муравьева: кто у вас из заключенных наиболее слаб здоровьем? вы сказали, что Дубровин и Беляев²⁰⁵, стало быть, просили за них. Я ответил Кравцову, что это моя обязанность знать, кто здоров и кто болен, и

---

* Чкония сидел и поджидал мою должность.

что об освобождении меня от обязанности заведующ[его] арестант[скими] помещ[ениями] крепости я сам хотел просить у вас. После этого я немедленно сдал арестованных поручику Чко-ния.

27 марта

День прошел в сдаче ценных вещей. С утра зачем-то пришли Кравцов и Берс. Кравцов был возбужден и уехал в штаб округа по вызову его Главнокомандующим.

Вечером ко мне явился с необычным визитом писарь Попеня и предложил мне несколько вопросов: «так как по поводу вашего отращения от должности мы завтра собираем ротный комитет и предъявим запрос Коменданту крепости, на каком основании он позволил себе отстранить от должности нашего выборного глубокоуваж[аемого] офицера без согласия на это комитета».

28 марта

Состоялся комитет.

Утром депутат от Наблюдат[ельной] команды унтер-офицер Бронин, в присутствии Попени, предъявил Кравцову письменное постановление ротн[ого] комит[ета]. Вр[еменно] и[сполняющий] должность Коменданта Кравцов прочел и страшно рассердился. Обещал дать ответ, но сначала посоветуется с прокурором, который приехал в Трубец[кой] бастион. Днем Кравцов был в кабинете в Труб[ецком] бастионе, сидел в кресле, усиленно тер лоб и нервничал. Он что-то, как я заметил, обдумывал, говорил в другой комнате с Берсом, наконец вскочил и убежал.

Никакой прокурор в Трубецкой бастион не приезжал.

Вечером Кравцов дал ответ, что он отстранил меня вот почему: во-первых, что будто бы я поцеловал руку Вырубовой. На это Бронин возразил, что один стрелок дал показание, что поцеловал, а другой, что этого не было, значит, минус сокращается плюсом и вопроса не существует.

Во-вторых, заявил председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии, что Дубровин болен, в-третьих — не отобрал вовремя деньги у одного арестованного и не исполнял его приказаний. Но ротный коми[тет] этим не вполне удовлетворился.

30 марта

В Труб[ецкой] бастион приезжал Керенский.

31 марта

Шт[абс]-кап[итан] Кравцов, придя в Труб[ецкой] баст[ион], обратился ко мне с просьбой*, не смогу ли я взять на себя труд составить табель постам караула в Трубецком бастионе и инструкцию начальнику этого караула, согласованными с Инструкцией для Трубецк[ого] бастиона, утвержденной Керенским. Я согласился, и он дал мне подлинн[ую] инструкцию. Табель и инструк[цию] я составил в тот же день, она была напечатана, утверждена Кравцовым и 31 же марта введена в действие.

1 апреля

Кравцов в Труб[ецком] бастионе и дважды меня благодарил, говоря, что теперь все в порядке. Я предложил еще немедленно написать всем солдатам Наблюд[ательной] команды пропуска, и тогда будет все сделано.

1 апреля я в первый раз вышел в город, в котором не был с 26 февраля за недостатком времени, — в Гв[ардейское] Эк[ономическое] общ[ество]²⁰⁶ и к парикмахеру.

10 апреля

Я был в Трубец[ком] бастионе, в кабинете пор[учика] Чкония. Явился и[сполняющий] д[олжность] фельдфебеля ефрейтор Дикий, чтобы испросить деньги на выписку табаку, чая и сахара для арестованных. Не успел Чкония сделать распоряжение, как в комнату вошли, как всегда без доклада, 3-го Гвар[дейского] Стрел[кового] полка еф[рейтор] Каракулев и ряд[овой] Куликов и заявили, что они не дозволят делать такие покупки для арестованных, что они, солдаты, сидели раньше под арестом без табаку, что доктор слишком многих подводит под категорию больных, выписывает им яйца, молоко, и что они, стрелки, на это не согласны, они признают больным только старика Дубровина, а остальные все здоровы.

Растерянность пор[учика] Чкония и стойкий резкий отпор, данный фельд[фебелем] Диким: «Это дело не вашей компетенции». «Вы за собой-то не можете присмотреть, а туда же лезете с своими законами...» «Я как действовал, так и впредь буду действовать, никогда вас спрашивать ни о чем не буду». «Вы вечно

---

* Кравцов завлял хвостом, как виноватая собака.

вмешиваетесь не в свое дело и опрокидываете установленный порядок...» «Если вы будете и впредь так поступать, то я призыву свой полк и мы вас, стрелков, живо приведем к порядку». Поднялся шум. Чкония вызвал по телефону штабс-ротм[истра] Берса и все вместе (с солдатами) начали обсуждать происшедший инцидент. Я ушел из Трубецкого бастиона.

Список заключенных в Трубецком бастионе²⁰⁷

В марте было доставлено всего 37 ч[еловек].

1-я партия в 11 ч[еловек] доставлена в ночь с 1 на 2 марта.

2-я партия в 11 ч[еловек] в ночь с 2 на 3 марта.

3-я партия в 10 ч[еловек] 4 марта около 11 ч. вечера.

Ген[ерал] Спиридович²⁰⁸ отдельно — /.../ марта.

Сухомлинова²⁰⁹ и Выруб[ова] — 22 марта.

Кн. Андрон[ников]²¹⁰ — 24 марта.

Ген[ерал] Сухомлинов.

Трубецкой бастион

№№
камер

38. Член Государ[ственного] Совета Маклаков²¹¹.
39. Генерал Курлов²¹².
40. Бывший Военн[ый] Мин[истр] генерал Беляев, перев[еден] в №56.
41. Бывш[ий] Главн[окомандующий] войс[ками] П[етроградского] в[оенного] ок[руга] ген[ерал]-лейт[енант] Хабалов.
42. Член Государ[ственного] Совета Штюмер²¹³.
43. Бывш[ий] Мин[истр] Вн[утренних] Дел] Протопопов.
44. Дейст[вительный] статск[ий] совет[ник] Васильев.
45. Председ[атель] Госуд[арственного] Сов[ета] Щегловитов²¹⁴.
46. Член Госуд[арственного] Совет[а] Макаров²¹⁵.
47. Ялтинский Градоначальник — ген[ерал]-м[айор] Спиридович*. Освоб[ожден] 31 марта по распор[яжению] прок[урора] Суд[ебной] палаты Переверзева. Ген[ерал] Спиридович вновь арестован Керенским 4 апреля 1917 г.
48. Ген[ерал]-м[айор] Климович²¹⁶. Освоб[ожден] 1 апреля.

* Сдано 915 р. 10 к.

49. Бывший Мин[истр] Юст[иции] Добровольский²¹⁷.
  50. Д[ействительный] статс[кий] совет[ник] Кафафов²¹⁸.
  51. Сенат[ор] Чаплинский²¹⁹. Освоб[ожден] 1 апр[еля].
  52. Сенат[ор] Белецкий.
  53. Прокур[ор] Воен[ного] Суда ген[ерал] Макаренко. Освобожден 12 марта.
  54. Ген[ерал]-м[айор] Секретов²²⁰.
  55. Генер[ал] Сухомлинов.
  56. Сенат[ор] Крашенинников*. Освобожден 13 марта. Бывш[ий] Воен[ный] Мин[истр] ген[ерал] Беляев.
  57. Сенатор Стишинский²²¹.
  58. Ген[ерал]-м[айор] Комиссаров²²².
  59. Дубровин.
  60. Бывший Пред[седатель] Совета Мин[истров] кн[язь] Голицын. Освоб[ожден] 13 марта.
  61. Бывш[ий] Мин[истр] Нар[одного] Прос[вещения] Кульчицкий. Освобожден 12 марта.
  62. Бывш[ий] Тов[ариш] Пр[едседателя] Гос[ударственно-го] Сов[ета] Дейтрих²²³. Переведен в №60. Освобожден 1 апреля.
  63. Бывш[ий] Ген[ерал]-Губер[натор] Финл[яндии] ген[ерал]-лейт[енант] Зейн²²⁴.
  64. Тайн[ый] советник Боровитинов²²⁵.
  66. Член Госуд[арственного] Сов[ета] Куколь-Яснопольский. Освоб[ожден] 13 марта. Кн[язь] Андронников.
  67. Сенат[ор] Трусевич²²⁶.
  68. Ген[ерал] Ренненкамф²²⁷.
  69. Манасевич-Мануйлов²²⁸.
  70. Вырубова.
  71. Сухомлинова.
  72. Ген[ерал]-майор Воейков.
  3. Полк[овник] Собещанский²²⁹.
- Сухомлинов в первый раз сидел с 20 апреля по 11-ое октября 1916 г.

/.../

Екатерининская картина

1. Прапор[щик] Теплов.
2. Член Госуд[арственного] Совета Горемыкин.
3. Прап[орщик] Засорин.
4. Заур.-прап[орщик] по Мор[ской] Ч[асти] Кузьмин²³⁰.

* Лучший криминалист.

Список унт[ер]-офицеров Наблюдательной команды

1. Иван Берегаль. 21²³¹.
2. Денис Чечерин. 12.
3. Семен Лютиков. 19.
4. Иван Поляков. 15.
5. Демид Малахов. 6.
6. Семен Юрченко. 16.
7. Роман Никифоров. 2.
8. Владим[ир] Шамардин. 20.
9. Иван Волков. 10.
10. Михаил Бронин. 3.
11. Василий Бурда. 7.
12. Андрей Модин. 25.

Список жандармс[ких] унт[ер]-офиц[еров]

1. Сергей Соболев. 18
  2. Алексей Григорьев. 17.
  3. Кондрат Пискунов. 14.
  4. Петр Трофименко. 13.
  5. Иван Осипов. 8.
  6. Герас[им] Волковыцкий. 22.
  7. Осип Кузьмин. 4.
  8. Тимофей Руденко. 9.
  9. Григор[ий] Сорокин. 5.
  10. Тихон Фоменко. 23.
  11. Ефрем Комисаренко. 1.
  12. Степанов. 24.
- /.../

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Георгий Александрович* (1871-1899), вел. кн., второй сын Александра III. После смерти отца и восшествия на престол Николая II являлся наследником цесаревичем. Скончался от туберкулеза легких в имении Абас-Туман на Кавказе.

² Александр Вениаминович Эллис (1825-1907), генерал от инфантерии, комендант Петропавловской крепости (1896-1907).

³ Михаил Александрович (1878-1918), вел. кн., младший сын Александра III. С 1899 по 1904 (после смерти брата Георгия и до рождения сына Николая II) являлся наследником цесаревичем.

⁴ *Мария Федоровна* (1847-1928) — императрица, жена Александра III, мать Николая II.

⁵ Александра Федоровна (1872-1918) — императрица, жена Николая II.

⁶ *Михаил Николаевич* (1832-1909) — вел. кн., сын Николая I, генерал-фельдмаршал, председатель Государственного Совета.

⁷ *Николай Михайлович* (1859-1919) — вел.кн., сын вел. кн. Михаила Николаевича, генерал-адъютант, историк.

⁸ *Александр Михайлович* («Сандро») (1866-1933) — вел. кн., сын вел. кн. Михаила Николаевича.

⁹ Сергей Юльевич *Витте* (1849-1915), граф (с 1905) — министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892-1903), председатель Комитета министров (1903-1905), председатель Совета министров (1905-1906), член Государственного Совета и председатель Комитета финансов (1906-1915).

¹⁰ Имеется в виду Комендантская пристань у Невских ворот Петропавловской крепости.

¹¹ Николай II оказался запертым Октябрьской стачкой в своей летней резиденции в Петергофе. Столичный генерал-губернатор Д.Ф. Трепов не мог обеспечить железнодорожное движение между Петербургом и Петергофом даже с помощью войск. Министры были вынуждены ездить в Петергоф к царю на пароходе «Нева», отправлявшемся каждый день от пристани недалеко от Елагина дворца. Назначенный 12 октября председателем Совета министров С.Ю. Витте ездил на совещания к Николаю II таким же образом. Возвращения его в Петербург 15 и 17 октября через Петропавловку можно объяснить близостью к крепости особняка Витте, который находился в самом начале Каменноостровского проспекта (дом 5). (См.: Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 тт. Т.3. М., 1960. С.12-22).

¹² Невский пр., 31.

¹³ В пьесе «Манифест 17-го октября в "Петропавловке"…» Иванишин вкладывает в уста коменданта крепости распоряжение, данное 20 октября, «чтобы ни один звук, ни одно слово в манифесте не долетели до слуха арестованных, чтобы им не было известно ничего, что творится вне стен Трубецкого бастиона» (Иванишин Г.А. // Краеведческие записки. Указ. изд. С.41).

¹⁴ Дмитрий Федорович *Трепов* (1855-1906) — генерал-майор, московский обер-полицейстер (1896-1905), петербургский генерал-губернатор и товарищ министра внутренних дел в 1905.

¹⁵ Речь идет о восстании в Кронштадте 26-27 октября 1905.

¹⁶ Сергей Сергеевич *Веревкин* (1858-1906), подполковник, заведующий арестантскими помещениями Петропавловской крепости (1898-1906).

¹⁷ Квартира заведующего арестантскими помещениями Петропавловской крепости располагалась на втором этаже тюрьмы Трубецкого бастиона. В 1906-1908 в этой квартире проходили заседания военно-полевого

и военно-окружного судов. В 1984 здесь открыта документальная экспозиция «Царизм в борьбе с революцией 1905-1907 годов».

¹⁸ *Нухим-Меер* Линович *Гальперин* (Ф.Г. Гойхбарг) — социал-демократ, студент Киевского университета, член боевой дружины РСДРП.

¹⁹ *Хана* Шмуylовна *Лувицук* — член боевой дружины РСДРП.

²⁰ *Софья* Леонтьевна *Виленкина* — член боевой дружины РСДРП.

²¹ *Мария* Александровна *Смирнова* (М.И. Янчарук) — член боевой дружины РСДРП. Все четверо освобожденных 22 октября узника находились в Петропавловской крепости с 5 июня 1905.

²² Согласно документам, отложившимся в фонде Комендантского управления Петропавловской крепости, узников было не 24, а 23. Помимо С.Л. Виленкиной, Н.-М.Л. Гальперина, Х.Ш. Лувицук и М.А. Смирновой, в тюрьме Трубецкого бастиона на 22 октября 1905 содержались социал-демократы В.Ф. Андрушевский, Р.И. Аудер, Н.Я. Коган (Вольдемар Моссек); социалисты-революционеры С.И. Барыков, С.И. Басов (Иван Дормидонтов), Б.К. Борیشانский (Подновский), К.М. Бродская (Александра Измайллович), В.К. Вольский, Я.Г. Загородный, Б.Д. Марков (Захаренко), Б.Н. Моисеенко (А.А. Никольский), А.Надеждина, Б.В. Подвицкий (Г.Ф. Запольский), Е.А. Трофимов (И.П. Сидоренко), Б.Цванцигер, В.И. Шиллеров (И.И. Жемайтис); анархист О.Таратута; ветераны революции — шлуссельбуржец Н.П. Стародворский (см. прим. 27) и член Исполнительного Комитета «Народной воли» А.В. Якимова-Диковская, арестованная под именем С.П. Милорадович за побег из ссылки (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.928-930, 939, 947, 959, 1134).

²³ Союз союзов — политическое объединение профессиональных групп интеллигенции, образовавшееся в мае 1905 (Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. М., 1981. С.219-245). Союз союзов играл видную роль в деятельности политического «Красного Креста».

²⁴ Александр Сергеевич *Зарудный* (1863-1934) — адвокат, защитник на политических процессах (Совета рабочих депутатов, П.П. Шмидта и др.), министр юстиции Временного правительства (23.07—25.09.1917). В 1920-х — член Коллегии адвокатов в Ленинграде.

²⁵ В пьесе «Манифест 17-го октября в "Петропавловке"...» Зарудный, обращаясь к освобожденным из тюрьмы Трубецкого бастиона, говорит: «Мы, представители Союза союзов, командированы в крепость, чтобы приветствовать вас и заявить, что вас ждут друзья: нанята уютная квартира, в ней для освобожденных имеются спальни, обед и ужин, и все это бесплатно. Вот вам адрес (дает карточку). На нашей обязанности снабдить неимущих товарищей деньгами и одеждой, оказать медицинскую помощь» (Иванишин Г.А. Указ. соч. С.63-64).

²⁶ Унтер-офицеры, из которых состояла внутренняя охрана тюрьмы Трубецкого бастиона, жили с семьями на казенных квартирах в Васильевской куртине Петропавловской крепости.

²⁷ Николай Петрович *Стародворский* (1863-1918) — народоволец, участник покушения на Г.П. Судейкина, приговорен в 1887 к смертной казни, замененной вечной каторгой. После 18 лет одиночного заключения в Шлиссельбурге, в августе 1905 подал прошение о помиловании, переведен в Петропавловскую крепость и 22 октября находился в тюрьме Трубецкого бастиона. Вскоре освобожден и с этого времени был секретным агентом Петербургского охранного отделения (Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 тт. Т.3. М., 1961. С.280; Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928. С.158-220).

²⁸ Петр Иванович *Рачковский* (1853-1911) — заведующий заграничной агентурой Департамента полиции (1885-1902), руководитель политической части ДП (1905-1906).

²⁹ См. прим. 17.

³⁰ Речь идет о группе членов Боевого отряда при ЦК ПСР, созданного в октябре 1906 Л.И. Зильбербергом. После его ареста Боевой отряд возглавил Б.Н. Никитенко, который начал подготовку покушения на Николая II. Выданный Е.Ф. Азефом, отряд был разгромлен в результате арестов в ночь на 31 марта 1907 (см.: Маркелов К. Покушение на царское убийство в 1907 году: Процесс Никитенко, Синявского, Наумова, Прокофьевой и др. // Былое. 1925. №3. С.133-176; Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 тт. Т.4. М., 1962. С.132-136; Николаевский Б.И. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М., 1991. С.223-235).

³¹ Мария Алексеевна *Прокофьева* (1883-1913) — член Боевого отряда при ЦК ПСР (далее — БО ЦК ПСР). Арестована 31 марта 1907. Находилась в заключении в тюрьме Трубецкого бастиона (далее — ТТБ) с 1.04 по 7.08.1907. Приговорена военно-окружным судом к ссылке на поселение.

³² Вера Александровна *Педькова* (1885-?) — слушательница Бестужевских курсов, член БО ЦК ПСР, арестована 31.03.1907. В ТТБ — с 31.03 по 7.08.1907. Приговорена военно-окружным судом к ссылке на поселение.

³³ Михаил Евгеньевич *Феодосьев* (Федосьев) (1875-?) — адвокат, член БО ЦК ПСР. В ТТБ с 1.04 по 7.08.1907. Оправдан военно-окружным судом.

³⁴ *Кит Пуркин* (наст. имя — Борис Степанович Синявский, 1880-1907) — студент С.-Петербургского университета, член БО ЦК ПСР. Арестован 31.03.1907. Содержался в ТТБ до 7.08.1907. Военно-окружным судом приговорен к смертной казни и повешен 21.08.1907 в Лисьем Носу.

³⁵ *Николай Николаевич Пумпянский* (1879-?) — студент С.-Петербургского университета, член Боевой организации ПСР (максималистов), участник экспроприации в Фонарном переулке 14 октября 1906. В ТТБ с 7 по 26 июля 1908. Приговорен к 12 годам каторжных работ.

³⁶ Дом предварительного заключения (Шпалерная ул., 25) — следственная тюрьма. Построена в 1875 (архит. К.Я. Маевский). Узники содер-

жались в ДПЗ в период следствия и в ходе судебных процессов, которые проходили в здании С.-Петербургского окружного суда (Литейный пр., 4, не сохр.), соединенном с тюрьмой коридором.

³⁷ *Борис Николаевич Никитенко* (1885-1907) — отставной лейтенант Черноморского флота, руководитель БО ЦК ПСР с начала февраля 1907. Арестован 31.03.1907. Содержался в ТТБ до 7.08. Военно-окружным судом приговорен к смертной казни. Повешен в Лисьем Носу 21.08.1907.

³⁸ *Владимир Александрович Наумов* (1881-1907) — сын начальника дворцовой телеграфной конторы в Новом Петергофе, член БО ЦК ПСР. Арестован 31.03.1907. Содержался в ТТБ до 7.08. Во время следствия дал откровенные показания. Приговорен военно-окружным судом к смертной казни. Повешен в Лисьем Носу 21.08.1907.

³⁹ *Владимир Осипович Лихтенштадт* (1882-1919) — студент С.-Петербургского университета, «техник» Боевой организации ПСР (максималистов), готовил снаряды для взрыва дачи П.А. Столыпина. Арестован 14.10.1906. Содержался в ТТБ с 1.11.1906 по 29.03.1908. Военно-окружным судом приговорен 21.08.1907 к смертной казни, замененной по конфирмации бессрочной каторгой (См. сб.: Узники Шлиссельбургской крепости. Л., 1978. С.288-302).

⁴⁰ *Марина Львовна Лихтенштадт* (1852-1937) — мать В.О.Лихтенштадта. Арестована 14.10.1906 и заключена в Литовский замок, но вскоре освобождена. В 1907-1917 работала в «Группе помощи политзаключенным Шлиссельбургской каторжной тюрьмы».

⁴¹ *Мария Михайловна Лихтенштадт* — с.-р. (максималист), жена В.О. Лихтенштадта. Содержалась в ТТБ с 6.01 по 15.03.1907. Освобождена «за недостаточностью улик».

⁴² *Зинаида Васильевна Конопляникова* (1879-1906) — сельская учительница, член Летучего боевого отряда Северной области ПСР (далее — ЛБО СО ПСР). 13.08.1906 застрелила Г.А. Мина. По приговору военно-окружного суда, который заседал в служебной квартире смотрителя ТТБ, повешена 29.08.1906 в Шлиссельбургской крепости.

⁴³ *Георгий Александрович Мин* (1855-1906) — генерал-майор, командир лейб-гвардии Семеновского полка. Руководил карательной экспедицией в Москве в декабре 1905. Убит по приговору ЦК ПСР.

⁴⁴ *Штифтарь Владимир Федорович* (наст. имя — Лев Иванович Зильберберг, 1880-1907) — студент Московского университета, руководитель БО ЦК ПСР с осени 1906. Арестован 9.02.1907. В ТТБ с 11.02 по 16.07.1907. Казнен как «неизвестный, именующий себя Штифтарем» 29.07.1907 в Лисьем Носу.

⁴⁵ *В.Ф. фон дер Лауниц (?-1906)* — петербургский градоначальник в 1906. До назначения в столицу был губернатором в Тамбове и отличился беспощадной жестокостью при усмирении крестьянских волнений. Убит 20.12.1906 по приговору ЦК ПСР членом БО ЦК ПСР Е.Кудрявцевым

(«Адмиралом») (См.: Попова В. Динамитные мастерские 1906-1907 г. и провокатор Азеф // Каторга и ссылка. 1927. №4-6).

⁴⁶ 18° по шкале Реомюра соответствуют 22°С.

⁴⁷ Михаил Александрович *Газенкамф* (1843-1913) — генерал-лейтенант, помощник командующего войсками гвардии и С.-Петербургского военного округа.

⁴⁸ На месте взрыва 12 августа 1908 был открыт памятник с именами погибших (архит. Р.Р. Марфельд, инж. В.К. Терлецкий).

⁴⁹ ...*передвинуты из 4-го фаса и размещены в трех фасах...* — см. экспликацию к плану тюрьмы Трубецкого бастиона (на вклейке).

⁵⁰ *Комендантский дом* — до 1917 резиденция коменданта Петропавловской крепости. Сооружен в 1743-1746 к югу от Петропавловского собора И. де Колонгом.

⁵¹ *Капитан* Гавриил Гаврилович *Сербулов*, служивший в Комендантском управлении Петропавловской крепости, занимал казенную квартиру в т.н. плац-майорском доме, который находится к западу от Комендантского дома.

⁵² *Аполлон* Николаевич *Кругликов* (1885-1922) (псевд. — Сперанский Валентин Иванович, Николаев), — студент Московского университета, с.-р. (максималист). В ТТБ с 19.10.1907 по 15.03.1908. Приговорен к 8 годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге. Член Всероссийского Учредительного собрания. Арестован советскими властями во Владивостоке в 1922 и умер в тюрьме.

⁵³ *Николай* Александрович *Морозов* (1854-1946) — революционер-народник, член кружка «чайковцев», «Земли и Воли», ИК «Народной воли». В 1882 приговорен к бессрочной каторге, которую отбывал в Алексеевском равелине и в Шлиссельбурге. Освобожден по амнистии 1905. Накануне освобождения (с 28.10 по 8.11.1905) содержался в ТТБ. (См.: Морозов Н.А. Повести моей жизни: В 2-х тт. М., 1965; Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983).

⁵⁴ Изложение лекции «Апокалипсис с астрономической точки зрения» опубликовано в журнале «Мир» (1908. №3-5).

⁵⁵ Николай Васильевич *Чайковский* (1850-1926), выдающийся деятель революционного движения. Студентом естественного факультета С.-Петербургского университета вступил в 1869 в революционный кружок М.А. Натансона — В.М. Александрова, названный позднее кружком «чайковцев» (Большое общество пропаганды). В 1874 стал последователем учения А.К. Маликова о «богочеловечестве» и уехал в Америку, затем жил в Париже. С 1880 поселился в Лондоне, где принимал участие в организации «Фонда Вольной русской прессы». С 1904 член ПСР. В 1907 вернулся в Россию и вскоре был арестован под именем Никанора Никанорова (См.: Николай Васильевич Чайковский / Под общ. ред. А.А. Титова. Париж, 1929).

⁵⁶ *Наталья Сергеевна Климова* (1885-1918) — слушательница курсов Лохвицкой-Скалон, член Исполнительного комитета Боевой организации ПСР (максималистов). Арестована 30.11.1906 за участие в подготовке взрыва дачи П.А. Столыпина. Содержалась в ТТБ с 4.12.1906 по 28.03.1907. Приговорена военно-окружным судом к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Из крепости переведена в ДПЗ, затем за подготовку побега возвращена в ТТБ, где находилась с 19.07.1907 по 29.03.1908. Каторгу отбывала в Новинской тюрьме в Москве, откуда совершила побег 1.07.1909. В эмиграции — член Боевой организации ПСР, возглавляемой Б.В. Савинковым. Умерла в октябре 1918 в Париже (См.: Былое. 1917. №5-6 (27-28). С.212-227).

⁵⁷ *Предварилка* — Дом предварительного заключения (см. прим. 36).

⁵⁸ *Куно Фишер* (1824-1907) — немецкий историк философии. В фундаментальной «Истории новой философии» (тт. 1-8) изложил воззрения крупнейших западноевропейских философов, в том числе — И.Канта.

⁵⁹ *Сергей Сазонтович Старынкевич* (Стыранкевич) — адвокат, член военной организации ПСР. Содержался в ТТБ с 1.12.1907 по 15.02.1908. Приговорен к ссылке на поселение.

⁶⁰ *Людмила Сергеевна Емельянова* — с.-р. (максималист), участница подготовки взрыва дачи П.А. Столыпина.

⁶¹ *Ксения Александровна Мышецкая* (1884-?) — княжна, с.-р. (максималист), участница экспроприации в Фонарном переулке. В ТТБ с 28.06.1907 по 31.07.1908. Приговорена военно-окружным судом к 15 годам каторги, которую отбывала в С.-Петербургской женской тюрьме.

⁶² В «Инструкции для заведования арестованными, арестантскими помещениями С.-Петербургской крепости и наблюдательною командою» 1898 г., которая действовала вплоть до 1917, сказано: «В письмах своих арестанты не должны касаться правительственных распоряжений и тех дел, по которым они содержатся под стражей» (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.817. Л.10).

⁶³ *Александр Константинович Кишкель* (1885-?) — с.-р. (максималист), участник экспроприации в Фонарном переулке. Содержался в ТТБ с 20.12.1906 по 7.04.1907. Приговорен к 12 годам каторжных работ.

⁶⁴ *Лидия Августовна (Петровна) Стуре* (1884-1908) — слушательница Бестужевских курсов, член ЛБО СО ПСР. Участвовала в подготовке покушения на министра юстиции И.Г. Щегловитова и вел. кн. Николая Николаевича. Арестована 7.02.1908. В ТТБ содержалась с 8.02 по 17.02.1908. Военно-окружным судом приговорена к смертной казни и в ночь на 18.02.1908 повешена в Лисьем Носу (См.: Идельсон М.В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведческие записки... Указ. изд. С.7-22).

⁶⁵ *Николай Николаевич* (младший) (1856-1929) — вел. кн., внук Николая I, генерал-адъютант и генерал от кавалерии. Главнокомандующий

войсками гвардии и С.-Петербургского военного округа (1905-1914), Верховный главнокомандующий (1914-1915).

⁶⁶ Иван Григорьевич *Щегловитов* (1861-1918) — статс-секретарь, министр юстиции (1906-1915), председатель Государственного Совета накануне Февральской революции.

⁶⁷ Анна Михайловна *Распутина* (Шулятикова) (1876-1908) — впервые была заключена в Петропавловскую крепость в 1896 по делу Лахтинской типографии как активный член «Группы народовольцев». С 1907 — член ЛБО СО ПСР. Арестована 7.02.1908. В ТТБ — с 8 по 17.02.1908. По приговору военно-окружного суда казнена в ночь на 18.02 в Лисьем Носу.

⁶⁸ Вера Леонидовна *Янчевская* (1891-?) — член ЛБО СО ПСР. В ТТБ с 8.02 по 13.03.1908. Осуждена на 5 лет каторги.

⁶⁹ Лев Сергеевич *Синегуб* (1887-1908) — сын революционеров-народников С.С. Синегуба и Л.В. Чемодановой, член ЛБО СО ПСР. В ТТБ с 8 по 17.02.1908. Казнен по приговору военно-окружного суда в ночь на 18.02. в Лисьем Носу.

⁷⁰ *Марио Кальвино* (наст. имя — Всеволод Владимирович Лебединцев, 1881-1908) — астроном, участник, а затем руководитель ЛБО СО ПСР. Два года жил в Италии под именем Марио Кальвино. С паспортом на это имя вернулся в Россию и возглавил подготовку несостоявшихся покушений на вел. кн. Николая Николаевича и И.Г. Щегловитова. Арестован 7.02.1908 вместе с другими членами своего отряда. В ТТБ с 8 по 17.02.1908. Казнен по приговору военно-окружного суда в Лисьем Носу. Послужил прототипом Вернера — героя «Рассказа о семи повешенных» Леонида Андреева (см.: Семенова М. В.В. Лебединцев // Былое. 1909. №11-12. С.3-17).

⁷¹ *Сергей* Гаврилович *Баранов* (1885-1908) — член ЛБО СО ПСР. Арестован 7.02.1908. В ТТБ с 8 по 17.02. Казнен по приговору военно-окружного суда в ночь на 18.02 в Лисьем Носу.

⁷² *Александр* Филиппович *Смирнов* (наст. имя неизвестно) (1886-1908) — член ЛБО СО ПСР. При аресте 7.02.1908 оказал вооруженное сопротивление, ранил агента Охранного отделения. В ТТБ с 8 по 17.02.1908. Казнен по приговору военно-окружного суда в ночь на 18.02 в Лисьем Носу.

⁷³ «*Казанская*» (наст. имя Елизавета Николаевна Лебедева, ?-1908) — член ЛБО СО ПСР. При аресте 7.02.1908 ранила городского. В ТТБ — с 8 по 17.02.1908. По приговору военно-окружного суда казнена в ночь на 18.02 в Лисьем Носу.

⁷⁴ *Афанасий* Иванович *Николаев* (1885-1908) — студент С.-Петербургского университета, член ЛБО СО ПСР. Арестован 7.02.1908. В ТТБ — с 8.02 по 13.03.1908. Военно-окружным судом приговорен к смертной казни, замененной по конфирмации 15 годами каторги.

⁷⁵ *Петр Константинович Константинов* (1885-?) — «техник» ЛБО СО ПСР. В ТТБ с 8.02 по 13.03.1908. Смертная казнь заменена 15 годами каторги.

⁷⁶ Александр Александрович *Душкевич* (1853-?) — генерал-майор, помощник коменданта Петропавловской крепости. В 1908 исполнял обязанности коменданта.

⁷⁷ Лидия Стуре производила яркое впечатление на всех, кто ее знал. Н.А. Морозов: «...стройная девушка, полная дивной одухотворенной красоты» (Повести моей жизни: Мемуары: В 2-х тт. Изд. 2-е. Т. II. М., 1965. С.520-521); В.Н. Фигнер: «Прелестная, изящная Лидия Стуре заходила на несколько минут ко мне. В шубке и меховой шапочке, еще осыпанной снегом, высокая, стройная, с тонким, правильным личиком, она была восхитительна» (Фигнер В.Н. Полн. собр. соч.: В 7 тт. Изд. 2-е. Т. III. М., 1932. С.244); П.С. Ивановская-Волошенко: «Нежная, хрупкая, совершенное дитя, смотревшая мечтательно своими большими синими глазами, обрамленными длинными ресницами; вся худенькая, еще не сложившаяся, гибкая, с узкими острыми плечами, вытянутой шейкой и длинными-преддлинными двумя косами...» (Ивановская-Волошенко П.С. В боевой организации. М., 1929. С.159-161).

⁷⁸ Одноэтажное здание бани расположено в центре внутреннего двора тюрьмы Трубецкого бастиона.

⁷⁹ Матвей Николаевич *Собещанский* (1855-?) — жандармский штаб-офицер, руководивший приведением в исполнение смертных приговоров в С.-Петербурге.

⁸⁰ О последних минутах приговоренных к повешению участников боевого отряда Лебединцева упоминает в своих мемуарах начальник С.-Петербургского охранного отделения генерал Герасимов: «...мне говорил прокурор, официально по своей должности присутствовавший на казни террористов: "Как эти люди умирали... Ни вдоха, ни сомнения, никаких признаков слабости... С улыбкой на устах они шли на казнь. Это были настоящие герои!"» (Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С.122).

⁸¹ Альберт Давидович *Трауберг* (1880-1908) — член Латышского социал-демократического союза, с лета 1906 — создатель и первый руководитель ЛБО СО ПСР, организатор нескольких террористических актов. Арестован 6.07.1907, но сумел скрыться. Вторично арестован 22.11.1907 по доносу Азефа. Содержался в ТТБ с 7.12.1907 по 16.05.1908. Казнен по приговору военно-окружного суда в Лисьем Носу. (См.: Былое. 1909. №9-10. С.88-105; Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992. С.32; Идельсон М.В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведческие записки... Указ. изд. С.7-22).

⁸² *Эмма-Матильда Резовская* (1888-?) — член ЛБО СО ПСР. Арестована 13.07.1907 на явочной квартире вместе с А.Д. Траубергом, которому в тот же день удалось бежать. Содержалась в ТТБ с 13.07.1907 по 18.02.1908. Военно-окружным судом приговорена к 5 годам каторги.

⁸³ *Константин* Густавович *Эмме* (1878-?) — воспитатель Александровского лицея, член ПСР. По приговору военно-окружного суда в июле 1907 сослан на поселение в Сибирь.

⁸⁴ Возможно, что *Иванишин* имеет в виду *Владимира Андреевича Иванова*, находившегося в заключении в ТТБ в 1907.

⁸⁵ *Екатерина* Константиновна *Брешко-Брешковская* (урожд. *Вериги*, 1844-1934) — участница «хождения в народ», впервые арестована в 1874, осуждена на каторгу в 1878 на процессе «193-х». До 1896 находилась в тюрьмах, на каторге и поселении. Участвовала в создании ПСР, выдана Азефом и арестована 22.09.1907. Дважды была узницей ТТБ: с 4.10.1876 по 12.10.1877 и с 6.10.1907 по 22.05.1910. По приговору суда сослана в 1910 на поселение в Иркутскую губернию (См.: *Брешко-Брешковская Е.К.* Автобиография. Ревель, 1917; *Политические деятели России*. 1917. М., 1993).

⁸⁶ *Владимир Федорович Зибольд* (1858-?) — старший врач Петропавловской крепости с 1897.

⁸⁷ *Федор Самуилович Масокин* (псевд. — *Федор Столяр*) (1883-1908) — член ЛБО СО ПСР. Находился в заключении в ТТБ с 14 по 26.11.1907, а затем с 15.03 по 16.05.1908. По приговору военно-окружного суда казнен 16.05 в Лисьем Носу.

⁸⁸ *Евстолия Павловна Рогозинникова* (*Рагозинникова*, 1886-1907) — слушательница С.-Петербургской консерватории по классу фортепьяно, член ЛБО СО ПСР. 13.10.1907 убила начальника Главного тюремного управления А.М. Максимовского. Приговорена С.-Петербургским военно-окружным судом к смертной казни. Повешена 18.10.1907 в Лисьем Носу (См.: *Фридберг А. Е.* *Рогозинникова // Каторга и ссылка*. 1929. №1. С.154-177).

⁸⁹ *Александр Михайлович Максимовский* (1861-1907) — начальник Главного тюремного управления (1905-1907). Убит Е.П. Рогозинниковой 13.10.1907.

⁹⁰ *Петр Константинович Камышанский* (1862-1910) — действительный статский советник, прокурор С.-Петербургской судебной палаты (1905-1910).

⁹¹ *Максимилиан Иванович Трусевич* (1873-?) — директор Департамента полиции (1906-1909).

⁹² *Даниил Васильевич Драчевский* (1858-1918) — генерал-майор, С.-Петербургский градоначальник (1907-1914).

⁹³ В 1906 *Масокин* служил унтер-офицером в 1-й Ташкентской пулеметной роте, участвовал в краже винтовок и дезертировал. Вскоре он познакомился с *Траубергом* и вступил в ЛБО СО ПСР. На допросах *Масокин* дал откровенные показания, признал себя виновным и полностью раскаялся (См.: ГА РФ. Ф.102. Оп.7. Д.5260. Обвинительный акт).

⁹⁴ ЦК ПСР считал Максимовского ответственным за истязания политзаключенных во «временных каторжных тюрьмах», созданных Главным тюремным управлением в годы Первой русской революции.

⁹⁵ Петр Аркадьевич *Столыпин* был убит в Киеве 1 сентября 1911 Д.Г. Богровым.

⁹⁶ Павел Григорьевич *Курлов* (1860-1923) — генерал-лейтенант, вице-директор Департамента полиции (1907), начальник Главного тюремного управления (1907-1909), товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией (1909-1911).

⁹⁷ Иванишин ошибается: Кругликов не был высечен. За участие в тюремном протесте во время посещения Шлиссельбургского централа начальником Главного тюремного управления Курловым были в марте 1908 наказаны розгами политкаторжане Б.Ф. Сперанский и Я.С. Аронович (См.: На каторжном острове: Дневники, письма и воспоминания политкаторжан «нового Шлиссельбурга» (1907-1917 гг.). Л., 1967. С.102-103, 233).

⁹⁸ *Дорофеева* Надежда (наст. имя — Лидия Михайловна Сороко, 1887-1907), член Боевой организации ПСР (максималистов), участница подготовки экспроприации в Фонарном переулке. Заключена в Петропавловскую крепость 8.12.1906. Покончила жизнь самоубийством в одиночке ТТБ 22.03.1907.

⁹⁹ *Мария Павловна Иванова* (1858-?) — член ЛБО СО ПСР. В ТТБ содержалась с 13.12.1907 по 4.03.1908 и с 18.04 по 11.05.1908. Оправдана военно-окружным судом.

¹⁰⁰ *Николай* Николаевич *Иванов* (1888-?) — член ЛБО СО ПСР. В ТТБ с 13.12.1907 по 12.06.1908. Военно-окружным судом приговорен к 15 годам каторги (по конфирмации — 10 лет). После 1917 член ЦК ПСР, на процессе 1922 г. приговорен к смертной казни (См.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.7. М., 1992. С.193-195, 205-206).

¹⁰¹ *Елена* Александровна *Иванова* (1884-?) — слушательница Бестужевских курсов, член ЛБО СО ПСР. Арестована 22.11.1907. В ТТБ с 5.12.1907 по 12.06.1908. Военно-окружным судом приговорена к смертной казни, замененной по конфирмации бессрочной каторгой.

¹⁰² *Анатолий* Петрович *Белоцерковец* (1881-?) — инженер путей сообщения, член ЛБО СО ПСР. В ТТБ с 13.07.1907 по 12.06.1908. Военно-окружным судом приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

¹⁰³ *Альвина* Яковлевна *Шенберг* (1884-?) — член ЛБО СО ПСР. Арестована 22.11.1907. В ТТБ с 5.12.1907 по 12.06.1908. Военно-окружным судом приговорена к 15 годам каторги (по конфирмации — 10 лет).

¹⁰⁴ *Даниил* *Ветлугин* (1881-?) — член ЛБО СО ПСР. Содержался в ТТБ с 11.01 по 12.05.1908. Военно-окружным судом приговорен к 10 годам каторги.

¹⁰⁵ *Вячеслав Бурьгин* (1880-?) — член ЛБО СО ПСР. В ТТБ с 22.01 по 12.06.1908. Военно-окружным судом приговорен к ссылке на поселение.

¹⁰⁶ *Матрена Корнильева* (1870-?) — член ЛБО СО ПСР. В Петропавловской крепости не содержалась. Военно-окружным судом приговорена к ссылке на поселение.

¹⁰⁷ Речь идет о «Положении о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» от 14 августа 1881, которое действовало вплоть до крушения царизма. В городах и губерниях, объявленных на положении усиленной или чрезвычайной охраны, полицейские власти наделялись правом арестовывать и без суда высылать «в определенную местность без права выезда оттуда» (См.: Марголис А.Д. Законодательство об административной политической ссылке в России конца XIX века // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С.50-61).

¹⁰⁸ *Георгий Степанович Носарь* (наст. имя — Петр Алексеевич Хрусталев, 1877-1918) — адвокат, первый председатель С.-Петербургского совета рабочих депутатов в 1905. В ТТБ содержался дважды: с 26.07 по 2.09.1905 и с 26.11.1905 по 3.06.1906.

¹⁰⁹ *Яков Терентьевич Крупенин* — крестьянин Себежского уезда Витебской губернии, анархист-коммунист. Арестован за участие в экспроприациях. В ТТБ с 14.11.1907 по 31.10.1908.

¹¹⁰ В мае 1908 Чайковский сидел в камере №55 на втором этаже ТТБ.

¹¹¹ Часть Екатерининской куртины Петропавловской крепости, непосредственно примыкающая к Трубечкому бастиону, с 1870-х входила в состав единого тюремного комплекса. Здесь находились помещения для допросов, а также комната свиданий. Несколько казематов Екатерининской куртины были переоборудованы в тюремные камеры. Сюда переводили узников ТТБ, которых надо было особо изолировать от других арестантов. В верхнем этаже куртины содержались военнослужащие, нарушившие присягу или совершившие иные должностные преступления. Режим здесь был много мягче, чем в ТТБ.

¹¹² *Сергей Иванович Григорьев* — капитан I ранга, командир броненосца береговой охраны «Адмирал Сенявин». Во время русско-японской войны сдал свой корабль без боя неприятелю. Военно-морским судом Кронштадтского порта приговорен к смертной казни, замененной заключением в крепость на 10 лет. Содержался в Екатерининской куртине с 5.04.1907 по 29.03.1909. Освобожден по амнистии.

¹¹³ *Николай Иванович Небогатов* (1849-1922) — контр-адмирал, командующий 3-й Тихоокеанской эскадрой после Цусимского сражения. Сдался неприятелю без боя 15 мая 1905. После возвращения из плена предан военно-морскому суду и приговорен к смертной казни, замененной заключением в крепость на 10 лет. Помилован Николаем II 1.05.1909.

¹¹⁴ *Николай Григорьевич Лишин* — капитан I ранга, командир броненосца береговой охраны «Генерал-адмирал Апраксин». 15 мая 1905 сдал

свой корабль неприятелю без боя. Военно-морским судом приговорен к смертной казни, замененной заключением в крепость на 10 лет. Содежался в Екатерининской куртине с 7.04.1907 по 1.03.1909.

¹¹⁵ Анатолий Михайлович *Стессель* (1848-1915) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант, начальник Квантунского укрепленного района во время русско-японской войны. В декабре 1904 сдал крепость Порт-Артур неприятелю. Верховным военно-уголовным судом приговорен к смертной казни, замененной заключением в крепость на 10 лет. Содежался в Екатерининской куртине с 7.03.1908 по 6.05.1909. Помилowan (См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 тт. Т.4. М., 1962. С.264-268).

¹¹⁶ Речь идет об участниках процесса с.-р. (максималистов), который проходил в закрытом заседании С.-Петербургского окружного суда с 24 июня по 10 июля 1908 года (См.: Нестроев Г. Из дневника максималиста. Париж, 1910; Былое. 1917. №5-6. С.212-227).

Александра Михайловна Маркова (1887-?) — с.-р. (максималист). В ТТБ с 20.12.1906 по 23.06.1908. Приговорена к 10 годам каторги.

¹¹⁷ *Никита* Анисимович *Лебедев* (наст. имя — Иван Семенович Черняев; 1888-?) — крестьянин Курской губернии, с.-р. (максималист). В ТТБ с 15.10.1906 по 24.12.1908. Приговорен к 8 годам каторги.

¹¹⁸ *Владимир* Васильевич *Алексеев* (наст. имя — Иван Васильевич Аристов) — с.-р. (максималист). В ТТБ с 3.11.1906 по 7.01.1909. Приговорен к 6 годам каторги.

¹¹⁹ Ошибка Иванишина: экспроприация в Фонарном переулке произошла не 12, а 14 октября 1906.

¹²⁰ *Александр* Федорович *Чесский* (1885-1909) — студент Московского университета, член военной и боевой организации петербургских большевиков. Возглавлял школу-лабораторию взрывчатых веществ в пос. Хаапала (Финляндия). В ТТБ с 14.06 по 18.10.1908. Умер в больнице «Крестов» (См.: Мошкова Л. Рядовой революционного подполья // Белые ночи. Л., 1974. С.158-175).

¹²¹ dragey — тягота, обуза (англ.).

¹²² С.-Петербургская одиночная тюрьма «Кресты» (Арсенальная наб., 5) построена в 1893 (архит. А.О. Томишко). Два 5-этажных крестообразных в плане (отсюда название) корпуса рассчитаны на 1150 заключенных.

¹²³ *Николай Николаевич Брешко-Брешковский* (1874-1943) — писатель и художественный критик.

¹²⁴ Брешко-Брешковская была приговорена к каторге дважды: в 1878 — на 5 лет и в 1881 (после побега из ссылки) — на 4 года. Находилась в заключении в Карийской каторжной тюрьме в 1882-1884 гг.

¹²⁵ *Василий* Николаевич *Минин* (1892-?) содежался в ТТБ с 28.11.1908 по 8.05.1909.

¹²⁶ Афанасий Степанович *Каютенко-Каютин* (1880 - после 1941) — капитан болгарской яхты «Зора», на которой в декабре 1906 была сделана

попытка вывезти из Варны в Россию оружие, закупленное социал-демократами в Македонии. Арестован в Одессе в мае 1907. В ТТБ содержался с 17.11.1907 по 17.04.1910. Освобожден (См.: Каютенко А.С. Воспоминания о погибшей яхте «Зора» // Кандальный звон. 1925. №3. С.138-160; №5. С.110-131; Шейнис З. Судьба капитана «Зоры» // Наука и жизнь. 1975. №12).

¹²⁷ Площадь одиночных камер в т.н. «Новой тюрьме» Шлиссельбургской крепости составляла 8,4 кв.м. Камера имела 2,4 м в ширину и 3,5 м в длину. Свод потолка поднимался на 2,8 м (См.: Игнатъева Г.П. Новая тюрьма Шлиссельбургской крепости // Краеведческие записки... Указ. изд. С.68-75).

¹²⁸ Николай Феофилович *Гатовский* — ротмистр, арестован за растрату. Содержался в Екатерининской куртине с 29.09.1908 по 29.04.1909.

¹²⁹ *Офицерское собрание армии и флота* (Литейный пр., 20). Здание построено в 1895-1898 по проекту военных инженеров В.К. Гаугера и А.Д. Донченко.

¹³⁰ *Великокняжеская усыпальница* построена в 1896-1908 (архит. Д.И. Гримм, при участии архит. А.О. Томишко, Л.Н. Бенуа) как место погребения членов императорской семьи — великих князей и княгинь. Соединена закрытой галереей с Петропавловским собором (См.: Крупова Р.Е., Лурье Л.Я. Петропавловский собор — императорская усыпальница // Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С.223-226).

¹³¹ *Александр Владимирович* (1875-1877) — вел. кн., сын вел. кн. Владимира Александровича, внук Александра II.

¹³² *Константин Павлович* (1779-1831) — вел. кн., второй сын Павла I. В царствование Александра I был наследником-цесаревичем. Его прах так и не был перенесен из Петропавловского собора в Великокняжескую усыпальницу.

¹³³ Николай Тимофеевич *Стуколкин* (1863-?) — архитектор.

¹³⁴ Николай Николаевич *Шумилов* — подпоручик Комендантского управления Петропавловской крепости.

¹³⁵ Константин Виссарионович *Комаров* (1832-1912) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, комендант Петропавловской крепости (1908-1912).

¹³⁶ Эта версия не согласуется с известными историческими фактами.

¹³⁷ «Люди 20-го числа» — чиновники, получавшие жалованье 20 числа каждого месяца. В данном случае Брешко-Брешковская подчеркивает, что Петербург — город чиновников.

¹³⁸ См. записную книжку №1 (22 октября 1905).

¹³⁹ *Таисия Львовна Хитрово* (1883-?) — студентка Политехнического института. Содержалась в ТТБ с 26.11.1909 по 20.03.1910.

¹⁴⁰ Речь идет о «процессе 193-х», который проходил в Особом присутствии Правительствующего Сената с 18.10.1877 по 23.01.1878.

¹⁴¹ В 1879 Брешко-Брешковская была поселена в г.Баргузине Забайкальской области.

¹⁴² Брешко-Брешковская бежала из ссылки весной 1881 вместе с Тютчевым, Линевым и Шамариным, вскоре была арестована и приговорена за побег к 4 годам каторги.

¹⁴³ Речь идет о Карийской политической каторжной тюрьме (См. сб.: Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги. М., 1927).

¹⁴⁴ Георгий Дмитриевич *Сидамонов-Эристов* (Сидамон) — кн., адвокат, защитник Е.К. Брешко-Брешковской на процессе 1910.

¹⁴⁵ *Иоанн Антонович* (Иван VI, 1740-1764) — российский император (1740-1741), сын принца Антона Ульриха Брауншвейгского и Анны Леопольдовны. С 1756 содержался в Шлиссельбургской крепости, где был убит при попытке В.Я. Мировича освободить его из заключения.

¹⁴⁶ Сергей Георгиевич *Карпов* (1864-1909) — полковник, начальник С.-Петербургского охранного отделения. 9 декабря 1909 убит эсером А.А. Петровым.

¹⁴⁷ *Александр Алексеевич Петров* (?-1910) — член ПСР. В ТТБ содержался с 9.12.1909 по 13.01.1910. Казнен (См.: Записки А.А. Петрова: К истории взрыва на Астраханской улице. Париж, 1910; Былое. 1910. №13. С.82-138).

¹⁴⁸ М.Ф. *фон Котен* (Коттен, ?-1917) — полковник, начальник С.-Петербургского охранного отделения (1909-1912).

¹⁴⁹ Сергей Евлампиевич *Виссарионов* (1867-1918) — вице-директор Департамента полиции.

¹⁵⁰ Александр Васильевич *Герасимов* (1861-?) — генерал-майор, начальник С.-Петербургского охранного отделения (1905-1909).

¹⁵¹ *Доброскок* — Иван Васильевич Доброскок-Добровольский — секретный агент политической полиции, с 1905 — чиновник С.-Петербургского охранного отделения (См.: Секретные сотрудники и провокаторы. М.; Л., 1927. С.70-95; Былое. 1926. №1. С.81-105).

¹⁵² Владимир Львович *Бурцев* (1862-1942) — публицист, издатель журнала «Былое», газет «Будущее», «Общее дело»; разоблачил многих провокаторов.

¹⁵³ Казни узников ТТБ в начале XX в. производились в Шлиссельбургской крепости (до октября 1906), на одном из фортов Кронштадта (в конце 1906), в местности Лисий Нос на берегу Финского залива (в 1907-1908). А.А. Петров был казнен 13.01.1910 во дворе «Крестов» (См.: Ущерович С.С. Смертные казни в России. Изд. 2-е. Харьков, 1933; Венедиктов Д. «Лисий Нос» — лобное место российской революции. М., 1929).

¹⁵⁴ Владимир Иванович *Сталь* фон Гольштейн (1853-?) — генерал-лейтенант, помощник коменданта Петропавловской крепости (1908-1917).

¹⁵⁵ Вел. кн. Николай Николаевич (младший). См. прим. 65.

¹⁵⁶ Владимир Полиевктович *Костенко* (1881-1956) — штабс-капитан, член ПСР. Вел революционную пропаганду на Тихоокеанском флоте, участвовал в подготовке покушения на Николая II. Содержался в ТТБ с 22.04.1910 по 31.05.1911 и с 23.06 по 20.12.1911.

¹⁵⁷ Речь идет о русско-японской войне 1904-1905.

¹⁵⁸ Зиновий Петрович *Рождественский* (1848-1909) — адмирал.

¹⁵⁹ Любовь Андреевна *Остроумова* содержалась в ТТБ с 26.06.1910 по 29.04.1911.

¹⁶⁰ Лев Аронович *Либерман* — член ПСР. В ТТБ с 12.02 по 25.11.1910.

¹⁶¹ Владимир Николаевич *Никитин* (1848-?) — генерал от артиллерии, комендант Петропавловской крепости (1912 — февраль 1917).

¹⁶² Сергей Семенович *Хабалов* (1858-1924) — генерал-лейтенант, командующий Петроградским военным округом. Содержался в ТТБ с 1.03 по 20.07.1917 (камера №41). Эмигрировал в 1919.

¹⁶³ 4-я рота лейб-гвардии Павловского полка 26 февраля 1917 перешла на сторону восстания. Вернувшиеся в казармы на Конюшенной площади солдаты-павловцы были арестованы, а 19 «зачинщиков» доставлены в ТТБ и размещены по девять человек в камеры №38 и 39. Рядовой Т.Т. Абитов помещен отдельно от своих товарищей в камеру №40. (См.: Лукаш И. Павловцы. Пг., 1917).

¹⁶⁴ Сергей Николаевич *Перцов* (1867-?) — генерал-майор, в феврале 1917 — старший адъютант Штаба войск гвардии и Петроградского военного округа.

¹⁶⁵ В ТТБ 72 одиночные камеры и 2 карцера.

¹⁶⁶ *Артиллерийская гауптвахта в манеже* — здание Артиллерийского цейхгауза на главной аллее Петропавловской крепости, построенное в 1801-1802.

¹⁶⁷ В здании *Кронверкского арсенала* (1849-1860, архит. П.И. Таманский) в настоящее время располагается Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Александровский парк, 7).

¹⁶⁸ Василий Витальевич *Шульгин* (1878-1976) — член Временного Комитета Государственной думы в феврале — начале марта 1917 (См.: Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С.206-210).

¹⁶⁹ Дмитрий Васильевич *Васильев* — подполковник, начальник канцелярии Комендантского управления Петропавловской крепости, с июля по 26.10.1917 — комендант крепости.

¹⁷⁰ Матвей Иванович *Скобелев* (1885-1938) — член 4-й Гос. думы, один из лидеров меньшевиков. В дни Февральской революции — товарищ председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

¹⁷¹ Николай Константинович *Волков* (1875-?) — член 3-й и 4-й Гос. думы, к.-д. В дни Февральской революции — комиссар Комитета Гос. думы в военном и морском министерствах.

¹⁷² Николай Дмитриевич *Соколов* (1870-1928) — адвокат, меньшевик. В дни Февральской революции — член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

¹⁷³ Временное правительство сформировалось только 2 марта 1917. Комендант Никитин был смещен Временным комитетом членов Гос. думы (См.: Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980).

¹⁷⁴ Федор Евгеньевич *Кравцов* — штабс-капитан Михайловского артиллерийского училища, комендант Петропавловской крепости с 1.03 по 1.06.1917.

¹⁷⁵ Вечером 1 марта 1917 были доставлены из Гос. думы в Петропавловскую крепость арестованные царские министры и другие деятели павшего режима: М.А. Беляев, И.Л. Горемыкин, П.Г. Курлов, А.А. Макаров, Н.А. Маклаков, А.Д. Протопопов, В.А. Сухомлинов, С.С. Хабалов, Б.В. Штюрмер и И.Г. Щегловитов (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.1114. Л.16, 44).

¹⁷⁶ Александр Федорович *Керенский* (1881-1970) — адвокат, лидер фракции трудовиков в 4-й Гос. думе. В марте 1917 — товарищ председателя Петроградского совета и министр юстиции Временного правительства.

¹⁷⁷ Иван Логгинович *Горемыкин* (1839-1917) — министр внутренних дел (1895-1899), председатель Совета министров (1906, 1914-1916), член Гос. Совета (1916 — февраль 1917). Из-за преклонного возраста и слабого здоровья не был помещен в отведенную ему камеру на втором этаже ТТБ, а содержался вплоть до освобождения 13.03.1917 в Екатерининской куртине. Убит в своем имении близ Сочи.

¹⁷⁸ А.Ф. Керенский, в частности, был защитником узницы ТТБ Елены Ивановой в 1908 (см. прим. 101).

¹⁷⁹ «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других должностных лиц» (ЧСК) была учреждена Временным правительством 5-12 марта 1917 при министерстве юстиции и действовала до 31 октября 1917 (См.: Падение царского режима. Материалы ЧСК: В 7 тт. Л.; М., 1924-1927).

¹⁸⁰ Николай Константинович *Кульчицкий* (1856-1925) — министр народного просвещения (декабрь 1916 — февраль 1917). Содержался в ТТБ с 4 по 12.03.1917 (камера №61). Впоследствии эмигрировал в Англию.

¹⁸¹ Александр Сергеевич *Макаренко* (1861-?) — генерал-лейтенант, начальник Главного военно-судного управления. В ТТБ с 3 по 12.03.1917 (камера №53).

¹⁸² Александр Дмитриевич *Протопопов* (1866-1918) — октябрист, член 3-й и 4-й Гос. думы, министр внутренних дел (декабрь 1916 — февраль 1917). В ТТБ с 1.03 по 15.09.1917 (камеры №43, 70, 57). Расстрелян ВЧК в Москве в сентябре 1918.

¹⁸³ Степан Петрович *Белецкий* (1873-1918) — директор Департамента полиции (1911-1914) — товарищ министра внутренних дел (1915-1916). В ТТБ с 3.03 по 25.11.1917 (камера №52). Расстрелян в Москве 5 сентября 1918.

¹⁸⁴ Алексей Тихонович *Васильев* (1869-?) — директор Департамента полиции (октябрь 1916 — февраль 1917). В ТТБ с 4.03 по 6.09.1917 (камера №44).

¹⁸⁵ Николай Дмитриевич *Голицын* (1850-1925) — кн., председатель Совета министров (27 декабря 1916 — 27 февраля 1917). В ТТБ с 4 по 13.03.1917 (камера №60).

¹⁸⁶ Николай Константинович *Муравьев* — адвокат, председатель ЧСК Временного правительства.

¹⁸⁷ Сергей Владиславович *Завадский* (1871-?) — тайный советник, сенатор, член ЧСК с 11.03 по 16.05.1917.

¹⁸⁸ Сергей Валентинович *Иванов* (1852-1925) — тайный советник, сенатор, товарищ председателя ЧСК.

¹⁸⁹ Николай Сергеевич *Крашенинников* (1857-1918) — старший председатель Петербургской судебной палаты, затем председатель Верховного уголовного суда, сенатор, член Гос. Совета. В ТТБ с 3 по 13.03.1917 (камера №56). Убит красноармейцами в Пятигорске.

¹⁹⁰ Степан Александрович *Куколь-Яснопольский* (1859-?) — товарищ министра внутренних дел, член Гос. Совета. В ТТБ с 4 по 13.03.1917 (камера № 66).

¹⁹¹ Владимир Николаевич *Воейков* (1868-1947) — генерал-майор, дворцовый комендант. В ТТБ с 9.03 по 17.09.1917 (камеры №72 и 60). (См.: Воейков В.Н. С царем и без царя. Б.м., 1936).

¹⁹² Николай II выехал из Ставки в Царское Село в 5 часов утра 28 февраля 1917.

¹⁹³ *Главная гауптвахта 2-го отделения* — гауптвахта правобережной части столицы, которая размещалась в Петропавловской крепости. Ныне в этом здании (д.3) находится дирекция Государственного музея истории С.-Петербурга.

¹⁹⁴ Михаил Сергеевич *Путятин* (1861-1938) — кн., генерал-майор, начальник Царскосельского дворцового управления.

¹⁹⁵ Павел Николаевич *Переверзев* — адвокат, член ПСР. После Февральской революции назначен прокурором Петроградской судебной палаты, а с апреля по июль 1917 был министром юстиции Временного правительства.

¹⁹⁶ Владимир Александрович *Сухомлинов* (1848-1926) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, военный министр (1909-1915). Впервые содержался в ТТБ с 20.04 по 11.10.1916 (камеры №45 и 55), а затем — с 1.03.1917 по 16.02.1918 (камера №55). (См.: Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926).

¹⁹⁷ Запасной батальон 3-го гвардейского Стрелкового полка нес караульную службу в составе гарнизона Петропавловской крепости. В июле 1917 выступил на стороне большевиков, после чего был выведен из крепости.

¹⁹⁸ Гавриил Александрович *Норбеков* — капитан, секретарь Комендантского управления Петропавловской крепости.

¹⁹⁹ Александр Иванович *Дубровин* (1855-1921) — врач, статский советник, основатель и руководитель Союза русского народа. Содержался в ТТБ с 3.03 по 20.06.1917. Расстрелян ВЧК.

²⁰⁰ Лавр Георгиевич *Корнилов* (1870-1918) — генерал-лейтенант, в марте 1917 главнокомандующий войсками Петроградского военного округа.

²⁰¹ Наблюдательная команда несла охрану ТТБ и была наиболее привилегированным подразделением гарнизона Петропавловской крепости. Команда состояла из 12 унтер-офицеров сверхсрочной службы и 12 унтер-офицеров Отдельного корпуса жандармов. 20 марта 1917 вместо удаленных жандармов в Наблюдательную команду были командированы 24 представителя различных частей Петроградского гарнизона.

²⁰² Анна Александровна *Вырубова* (урожд. Танеева, 1884-1964) — фрейлина императрицы Александры Федоровны. В ТТБ с 22.03 по 16.06.1917 (камера №70). (См.: Дневники и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1991).

²⁰³ Поручик *Чкония* занимал должность заведующего арестантскими помещениями Петропавловской крепости после смещения Г.А. Иванишина до 15 июля 1917.

²⁰⁴ Сергей Александрович *Серебрянников* — врач тюрьмы Трубецкого бастиона.

²⁰⁵ Михаил Александрович *Беллев* (1863-1918) — военный министр (3.01-27.02.1917). Содержался в ТТБ с 1.03 по 6.06.1917 (камера №40)

²⁰⁶ Гвардейское экономическое общество (Б.Конюшенная ул., 21-23, 1908-1909, архит. Э.Ф. Виррих; малый зал пристроен в 1912-1913 инж. И.Л. Балбашевским). Ныне универмаг ДЛТ.

²⁰⁷ Списки заключенных и унтер-офицеров Наблюдательной команды, составленные Иванишиным, находятся в отдельном блокноте, шитом в записную книжку №5.

²⁰⁸ Александр Иванович *Спиридович* (1873-1952) — жандармский генерал-майор. В ТТБ со 2 по 31.03 и с 4.04 по 12.08.1917 (камера №47).

²⁰⁹ Екатерина Викторовна *Сухомлинова* (?-1918) — жена В.А. Сухомлинова, обвинялась в причастности к немецкому шпионажу. В ТТБ с 22.03 по 10.09.1917 (камера №71). Расстреляна ВЧК в Москве.

²¹⁰ Михаил Михайлович *Андронников* (1875-1919) — кн., чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, входил в окружение Г.Е. Распутина. В ТТБ с 23.03 по 11.07.1917 (камера №66). Расстрелян ВЧК.

²¹¹ Николай Алексеевич *Маклаков* (1871-1918) — гофмейстер, министр внутренних дел (1912-1915), член Гос. Совета. В ТТБ с 1.03 по 11.10.1917 (камера №38). Расстрелян ВЧК в Москве.

²¹² П.Г. Курлов (см. прим. 96) содержался в ТТБ с 1.03 по 2.08.1917 (камеры №39 и 50). (См.: Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991. С.246-251).

²¹³ Борис Владимирович *Штюрмер* (1848-1917) — обер-камергер, председатель Совета министров (1916). В ТТБ с 1.03 по 21.07.1917 (камера №42). Умер в тюремной больнице.

²¹⁴ И.Г. Щегловитов (см. прим. 66) содержался в ТТБ с 1.03.1917 по 26.02.1918 (камеры №45 и 62). Расстрелян ВЧК в Москве в сентябре 1918.

²¹⁵ Александр Александрович *Макаров* (1857-1919) — министр внутренних дел (1911-1912), министр юстиции (1916). В ТТБ с 1.03 по 31.07.1917 (камеры №46 и 53). Расстрелян ВЧК.

²¹⁶ Евгений Константинович *Климович* (1871-?) — генерал-майор, директор Департамента полиции (1916). В ТТБ с 3.03 по 6.09.1917 (камера №48).

²¹⁷ Николай Александрович *Добровольский* (1854-1918) — министр юстиции (декабрь 1916 — февраль 1917). В ТТБ с 3.03 по 4.04.1917 (камера №49). Убит красноармейцами в Пятигорске.

²¹⁸ Константин Дмитриевич *Каффов* (1863-?) — директор Департамента полиции (1915-1916). В ТТБ с 3.03 по 24.05.1917 (камера №50).

²¹⁹ Георгий Гаврилович *Чаплинский* (1865-?), прокурор Киевской судебной палаты, сенатор. В ТТБ с 3.03 по 1.04.1917.

²²⁰ Петр Иванович *Секретов* (Секретев) (1877-?) — генерал-майор, начальник Военно-автомобильной школы в Петрограде. В ТТБ с 3.03 по 31.10.1917 (камера №54).

²²¹ Александр Семенович *Стишинский* (1857-?) — тайный советник, член Гос. Совета. В ТТБ с 3.03 по 11.04.1917 (камера №57).

²²² Михаил Степанович *Комиссаров* (1870-1933) — жандармский генерал-майор, начальник личной охраны Г.Е. Распутина. В ТТБ с 3.03 по 6.06.1917 (камера №58). После Октябрьской революции служил в ВЧК.

²²³ Владимир Федорович *Дейтрих* (1850-?) — товарищ председателя Гос. Совета. В ТТБ с 4.03 по 1.04.1917 (камеры №62 и 60).

²²⁴ Франц-Альберт Александрович *Зейн* (1862-1918) — генерал-лейтенант, финляндский генерал-губернатор (1909-1917). В ТТБ с 4.03 по 21.04.1917 (камера №63).

²²⁵ Николай Михайлович *Боровитинов* — тайный советник. В ТТБ с 3.03 по 21.04.1917 (камера №64).

²²⁶ М.И. *Трусевич* (см. прим. 91) содержался в ТТБ с 4.03 по 10.08.1917 (камера №67).

²²⁷ Павел-Георг Карлович *Ренненкампф* фон Эдлер (1854-1919) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В ТТБ с 4.03 по 15.09.1917 (камеры №68 и 64). Расстрелян ВЧК в Тамбове.

²²⁸ Иван Федорович *Манасевич-Мануйлов* (1869-1918) — журналист, секретный сотрудник Департамента полиции. В ТТБ с 4.03 по 20.05.1917 (камера №69).

²²⁹ Матвей Николаевич *Собежанский* (см. прим. 79) содержался в ТТБ с 4.03 по 9.08.1917 (камеры №3 и 51).

²³⁰ Прапорщики Владимир *Теплов*, Михаил *Засорин* и Дмитрий *Кузьмин* отбывали заключение в крепости по приговорам военных судов (РГИА. Ф.1280. Оп.1. Д.1369. Л.11; Д.1133. Л.9).

²³¹ Цифры напротив фамилий унтер-офицеров Наблюдательной команды означают срок их службы в охране тюрьмы Трубецкого бастиона.

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абакумов В.С. 170
Абашидзе И.В. 365
Абитов Т.Т. 567
Аввакум Петрович 295, 296
Аверченко А.Т. 173, 174, 176
*Адалис (Ефрон) А.Е. 298, 300-302
*Адмирал см. Кудрявцев Е.
Азадовский К.М. 225
Азеф Е.Ф. 555, 557, 560, 561
Акимов В.А. 435, 436, 443, 469
Аккерман, укр. чиновник 47
Аксаков И.С. 251, 258
Аксаков С.Т. 258
Аксенов И.А. 190, 201
Аксенов Л.Д. 425
*Алданов М.А. 8
Александр II, имп. 481
Александр III, имп. 481, 552
Александр Владимирович, вел. кн. 522, 565
Александр Михайлович, вел. кн. 481, 553
Александра Федоровна, имп. 481, 553
Александров В.М. 557
Александров Г.Ф. 158
Алексеев А.Г. 197
*Алексеев В.А. см. Аристов И.В.
Алексеев М.В. 68, 113
Алексий, еп. (Симанский С.В.) 415, 416, 440-448, 451, 452, 454-456, 459, 460, 469, 472
Алигер М.И. 160, 170
Алперс Б.В. 204
Андерс В.П. 337
Андерсен Х.К. 134, 331
Андерсы, семья 334, 335, 339, 342
Андреас Ф.К. 225
Андреас-Саломэ Л.Г. 210, 224-226, 243, 272-274, 276-279
Андреев, кап. 481
Андреев Л.Н. 139, 559
Андреев М.Л. 123
Андреева Т.М. 123, 124, 129, 130, 157-159, 163
Андреевский С.А. 264, 265
Андронников М.М. 550, 551, 571
Андрушевский В.Ф. 554
Анисимов А.И. 309
Анна Леопольдовна, имп. 566
Анненский-Кривич В.И. 230
Антон Ульрих Брауншвейгский, принц 566
Антоний, митр. (Вадковский А.В.) 415, 418-424, 469
Антоний, митр. (Храповицкий А.П.) 41, 43, 44
Антонин, еп. (Грановский А.А.) 421, 469
Антонов В.В. 411-473
Антонов Н.Р. 421
*Анчутка см. Кораго А.А.
*Аполлинер Г. 141
Ардов В.Е. 171-173, 173-205
Ардова И.К. 183-203
Аренс Л.А. 313, 314, 320, 321, 332, 335
Аристов И.В. 514, 564
Аркас, полк. 102
Аронович Я.С. 562
Артемий, еп. (Ильинский А.М.) 425, 428, 469
Асеев Н.Н. 181
Асмус, офицер 544

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Аткинсон Х. см. Брайант Х.
 Аудер Р.И. 554
 Афанасьев, мин. иностр. дел 88
 *Ахматова А.А. 118, 159, 170,
 171, 173
- Бабанова М.И. 199
 Бабель И.Э. 378, 379
 Багaley Д.И. 66, 113
 Бажанов, ген. 86
 Байрон Дж.Н.Г. 402, 403
 Бакаев И.П. 441, 442
 *Бакст Л.С. 268, 270, 271
 Балбачан (Балбочан), полк. 95,
 107
 Балбашевский И.Л. 570
 Балкашин, адъютант 482, 522
 Балцвиник М.А. 117
 Бальмонт К.Д. 293
 Барабанова А.И. 480
 Баранов С.Г. 497, 501, 559
 Барнз К. 358-408
 Барсамов Н.С. 340, 341
 Барыков С.И. 554
 Барятинская Л.Б. см. *Явор-
 ская Л.Б.
 Басов С.И. 554
 Басс И.М. 318, 319
 Бачинский А.И. 323
 Башкирцева М.К. 213, 224, 236,
 250, 255, 259
 *Бедный Д. 185, 189
 *Безродная Ю.И. 249, 254
 Белецкий С.П. 541, 551, 569
 Белоцерковец А.П. 508-510, 562
 *Белый А. 308
 Беляев М.А. 547, 550, 551, 568, 570
 Бенау А.Н. 267, 270, 271, 299, 302
 Бенау Л.Н. 565
 Бергхейм, нем. дипломат 77, 92
 Бердяев Н.А. 235
 Бердяев С.А. 235
 Бердяева Е.Г. 210, 229, 235, 236,
 275
 Берегаль И. 552
 Березина А.Г. 225
 Берия Л.П. 195, 205
- Бернар С. 268, 271
 Бернарден де Сен-Пьер Ж.А.
 356, 357
 Бернштейн И.И. см. *Ионов И.И.
 Берс, штаб-ротмистр 538, 539,
 541, 543, 544, 548, 550
 Бескин О.М. 197
 Бетто ди Бьяджо Б. ди см. *Пин-
 туриккё
 Бехер И. 402, 403
 *Билоусенко см. Лотоцкий А.И.
 *Бим 189
 Блаватская Е.П. 235, 236
 Благая, врач 166
 Блейк У. 402, 403
 Блок А.А. 139, 171, 227, 230
 Блюмкин Я.Г. 151, 168, 187
 Богаевский К.Ф. 121, 166, 304,
 305, 329-331, 335, 336, 338, 355
 Богословская Е. 308
 Богоявленский Л.К. 431, 432, 469
 Богров Д.Г. 562
 Бодлер Ш. 319
 Бокаччо Дж. 247
 *Бом 189
 Борис Годунов 297
 Боришанский Б.К. 554
 Боровитинов Н.М. 551, 572
 Бочковский, ген. 34, 95
 Боярский А.И. 435, 469
 Браз О.Э. 298, 301, 304
 Брайант Х. 399
 Брант В.Д. 307, 330
 Браудо Е.М. 258
 Брауэр (Броувер) А. 244, 247
 Брешко-Брешковская (ур. Вериг-
 го) Е.К. 503, 504, 517-521, 523-
 527, 529, 530, 533, 534, 561, 564-
 566
 Брешко-Брешковский Н.Н. 517,
 519-521, 523, 524, 533, 564
 Брик Л.Ю. 177-184
 Брик О.М. 177-184
 Бродская К.М. 554
 Бронин М. 544, 548, 552
 Брюсов В.Я. 164, 175, 181, 293,
 297, 298, 301, 305, 340

- Булгаков М.А. 371, 373, 374, 387, 389, 393, 395
 Булгакова Е.С. 393, 395
 Бунин И.А. 237
 Бурда В. 552
 Бурджалов Э.Н. 479
 Бурже П.Ш.Ж. 356, 357
 Бурцев В.Л. 532, 555, 566
 Бурыгин В. 508, 509, 511, 563
 Бурьян, мин. иностр. дел 88
 Бусло, укр. чиновник 47
 Бутенко Б. 21, 94, 109
 Бутчер П. 358-408
 Бухарин Н.И. 362
 Быков В.В. 120
 Бычков А.Ф. 296
 Бюлов Г.Г. фон 279
 Бюлов К. фон 273, 279
- Вагнер Р. 279
 Вагнер Ю. 21, 93, 109
 *Важа Пшавела 363-365
 Ванин В.В. 205
 Варламов К.А. 194
 *Варлыго А. см. Сергеев А.А.
 Василевский И.М. 176
 Василенко Н.П. 8, 20-22, 44, 59, 61, 63, 64, 66, 108
 Василий, еп. (Богдашевский Д.) 446
 Васильев, пом. прокурора 484-486
 Васильев А.Т. 541, 550, 569
 Васильев Д.В. 538, 539, 544, 567
 Вахтангов Е.Б. 395
 Введенский А.И. 416, 441, 442
 Вейнберг П.И. 257
 Великанов М.А. 341
 Великанова А.А. 340, 341
 Венгеров С.А. 228, 281, 290
 Венедикт, еп. (Плотников В.В.) 415, 427-432, 434-436, 441, 442, 470
 Венедиктов Д. 566
 Вениамин, митр. (Казанский В.П.) 412, 416, 423, 424, 432, 440-443
 Вервиццотти А.П. см. *Ленский А.П.
 Вережкин С.С. 477, 482, 484, 507, 553
 *Вересаев В.В. 142, 144, 145, 166, 298, 302, 332, 367, 371, 373, 374, 387, 393
 Вериго В.И. 519, 520, 527
 Вериго В.К. 519, 526, 530
 Верлен П. 141, 402, 403
 Вернадский В.И. 66, 113
 Верхарн Э. 196
 Верховский В.Н. 320, 321, 324, 325, 330, 332, 333
 Верюжский В.М. 418, 443, 447, 459, 462, 463, 465, 470
 Веселовский А.Н. 178
 Ветлугин Д. 508, 511, 562
 Виардо П. 181
 Вийон Ф. 131, 163, 316
 Виленкина С.Л. 484, 554
 Виленкина Ю.И. см. *Безродная Ю.И.
 Вильгельм, эрцгерцог 48, 69-71
 Вильгельм II, имп. 114, 314, 315
 Винавер М.Л. 298, 302
 Винкворт Г.М. 406, 407
 Винниченко В.К. 17, 27, 28, 80, 92, 94, 95, 102, 103, 107, 111, 115
 Виноградов В.К. 309
 Виноградов-Волжинский И.А. 321, 322, 325, 332
 Виррих Э.Ф. 570
 Виссарионов С.Е. 531, 532, 566
 Витте С.Ю. 482, 483, 485, 553
 Витфельд, промышленник 77
 Вишневский Н.И. 22, 56, 57
 Владимир, митр. (Богоявленский В.) 40, 53, 464
 Владимир, митр. (Шимкович В.) 43
 Власов А.А. 169
 Воейков В.Н. 542, 544, 551, 569
 Волков И. 552
 Волков Н.Д. 200, 201
 Волков Н.К. 479, 538, 568
 Волковыцкий Г. 552

- Волошин М.А. 121, 123, 128, 131, 134, 137, 138, 140-148, 154, 163, 164, 166, 167, 293, 294-357
 Волошина (ур. Заболоцкая) М.С. 294, 295, 297, 303-306, 307-311, 313, 314, 316, 318-321, 324, 328-330, 332-338, 341-343, 346, 347, 348, 349, 351, 354-357
 Волошина-Кириенко Е.О. 140-142, 146, 147, 154, 165, 167, 293
 Волховский, ген. 104, 107
 *Волынский А.Л. 209-243, 243-253, 254-260, 260-269, 269-271, 272-276, 277-280, 281-290, 291-293
 Вольпин В.И. 181
 Вольский В.К. 554
 Воробьева-Стебельская М.Б. 163
 Врачинская К.А. 350
 Вырубова (ур. Танеева) А.А. 547, 548, 550, 551, 570
 Вязлов А.Г. 94-96, 114

 Габричевская (ур. Северцова) Н.А. 301, 313, 314
 Габричевские, семья 297, 313, 323, 340
 Габричевский А.Г. 301, 325, 329
 Гавриил, архиеп. (Воеводин Г.Д.) 415, 417, 449-453, 456, 459, 461, 462, 466, 467, 470
 Газенкамф М.А. 489, 509, 510, 531, 533, 557
 Галабутский Ю.А. 311, 316
 Галеви Д. 224, 277
 Гальбе М. см. Хальбе М.
 Гальперин М.П. 182
 Гальперин Н.-М.Л. 484, 485, 554
 Ганф Ю.А. 177
 Ганшин В.Н. 205
 Гаприндашвили В.И. 365
 Гарин Э.П. 202
 Гаршфельд, нем. писатель 226
 Гассе, майор 83
 Гаст П. 277
 Гатовский Н.Ф. 522, 565

 Гаугер В.К. 565
 Гауптман Г. 60, 225, 226
 Геббель К.Ф. см. Хеббель К.Ф.
 Георгий Александрович, вел. кн. 480, 481, 552
 Герасимов А.В. 531-533, 560, 566
 Герасимова Н.К. 477-572
 Гербель С.Н. 70, 89, 94
 Герман П. 202
 Гермоген, еп. (Долганов Г.Е.) 464
 Гернет М.Н. 555, 564
 Герцен А.И. 316
 Гижицкий, госсекретарь 22, 32, 46, 57
 Гийом (Гильом) IX 316
 Гинцбург М.И. 146, 166
 Гинцбург Р.М. 144, 166
 Гинцбурги, семья 144
 Гиппиус З.Н. 210, 211, 216-218, 228, 252, 257, 260-265, 273, 278, 279, 287
 Гирицкий Л.И. 311, 316, 322, 327, 335, 337, 338
 *Гитлер А. 10
 Гладков А.К. 121
 Гладстон У.Ю. 289, 292
 Глебов А. 270
 Глинский Б.Б. 257
 Гоголь Н.В. 65, 197, 226
 Гойхбарг Ф.Г. см. Гальперин Н.-М.Л.
 Голейзовский К.Я. (К.К.) 184
 Голицын Н.Д. 541, 542, 551, 569
 Голлербах Е.В. 313, 316, 319, 320, 322, 327
 Голлербах Э.Ф. 293, 311-313, 315, 316, 319, 320, 322, 327, 331, 333, 334, 349
 Головин А.Я. 270, 349
 Головин Н.Н. 59
 Голубкина А.С. 190
 Голубович В.А. 35, 111, 115
 Гольдберг С.И. см. Златого-ров С.И.
 Гольштейн А.В. 113

- Горемыкин И.Л. 540, 542, 551, 568
 Горленко В.П. 11, 108
 *Горький А.М. 127, 230, 298
 Грабарь И.С. 331
 Греков И.И. 229, 275
 Греков К.Ф. 20
 Грекова Е.А. 210, 229-231, 275
 Греннер В. 22, 23, 29, 35, 36, 69, 70, 72, 75, 89, 110, 111
 Грибоедов А.С. 148, 202
 Грибоедова (ур. Чавчавадзе) Н.А. 148
 Григорий, еп. (Лебедев А.А.) 415-417, 428-430, 436-441, 444, 446-449, 451-454, 456, 461, 462, 466, 467, 470
 Григорьев А. 552
 Григорьев А.А. 230
 Григорьев С.И. 513, 514, 522, 563
 Григорьев С.П. 351
 Гримм Д.И. 565
 Грин Г. 140, 166
 Гриффит (Гриффиц) Г. 370, 374, 375, 382, 388, 389
 Гриффит Д.У. 388
 Гришавили И.Г. 365
 Грищенко, унтер-офицер 514
 Гродская Е.Г. см. Бердяева Е.Г.
 Гроссман В.С. 170
 Грушевский М.С. 66, 113
 Гудериан Х.В. 160
 Гульбрансон О. 176
 Гумилев Н.С. 167
 Гунчак П. 7
 Гурвич Е. 331
 Гуревич В. 139, 165
 Гуревич Л.Я. 209-217, 232, 249-253, 255-260, 264, 273, 281
 Гуревич Я.Г. 212, 253
 Гуревичи, семья 139
 Гурий, еп. (Егоров В.М.) 437
 Гусев К.В. 560
 Гутман Д.Г. 183
 Гутник С. 22, 38, 39, 89, 109
 Гюббенет Л.Б. см. *Яворская
 Гюго В. 289, 292
 Давид Ж.Л. 270
 Давыдов В.Н. 192-195, 270
 Давыдов К.Ю. 249, 251, 254-256
 Давыдова А.А. 240, 250, 251, 255, 256, 286, 287
 Давыдова Л.К. 250, 256
 Давыдовы, семья 287
 Даниэль Ю.М. 171
 *Д'Аннунцио Г. 268, 271
 Дантон Ж.Ж. 283, 291
 Дарвин Ч.Р. 211, 289, 292
 Дашкевич-Горбацкий, дипломат 100
 Дейтрих В.Ф. 551, 572
 *Дейша-Сионицкая М.А. 348, 349
 Демонзи, сенатор 175
 Деникин А.И. 8, 27, 28, 34, 68, 97, 98, 109
 Детердинг Г. 182
 Дзержинский Ф.Э. 168, 187
 Дикий, ефрейтор 549
 Диккенс Ч. 521
 Димитрий, архиеп. (Любимов Д.Г.) 415, 418, 438, 439, 444, 446, 447, 451, 453, 454, 461, 462, 465-467, 470, 471
 Дмитриев С. 431, 432
 Добровольская В. 383, 384
 Добровольская (ур. Ломоносова М.Ю.) 384
 Добровольский Н.А. 551, 571
 Добровольский О. 383, 384
 Добролюбов А.М. 227, 228, 280
 Добролюбов М.А. 227
 Добролюбова М.М. 210, 227, 228, 274, 275, 279, 282
 Доброскок-Добровольский И.В. 532, 566
 Добужинский М.В. 270
 Довнар-Запольский Всеволод М. 136, 140, 165
 Довнар-Запольский Вячеслав М. 136, 140
 Довнар-Запольский М.В. 136
 Домрачев В.П. 307
 Домрачев Л.П. 307
 Домрачев П.Ф. 307

- Домрачева А.Л. 306, 307, 347
 Домрачева И.П. 307
 Домрачева Н.П. 307
 Домрачевы, семья 306, 307, 338
 Донской Б.М. 111
 Донцов, директор пресс-бюро 56
 Донченко А.Д. 565
 Дормидонтов И. см. Басов С.И.
 *Дорофеева Н. см. Сороко Л.М.
 Дорошенко Д.И. 10, 11, 22, 86, 87, 95, 100, 110
 Дорошенко П.Я. 22, 59-61, 64, 79, 108
 Достоевский Ф.М. 119, 130, 226, 247, 262, 282, 288, 291
 Дражевська Л. 113
 Драчевский Д.В. 505, 561
 Дресслер, адъютант 75
 Дружинин В.Г. 295, 296
 Дубова Н.К. 477, 478
 Дубровин А.И. 545, 547-549, 551, 570
 Дувакин В.Д. 171-173
 Дункан А. 191
 Дурылин С.Н. 337, 338
 Душкевич А.А. 498, 513, 514, 560
 *Дымов О. 227, 274, 280
 Дэвис Р. 358-408
 Дювернуа Н.Л. 249, 254
 Дягилев С.П. 271, 292
- Евангулов А. 507, 509, 510, 512
 Евклид 178
 Евлогий, митр. (Георгиевский В.) 43
 Евреинова А.М. 251, 257, 287
 Евстигнеева А.Л. 209-293, 302
 Екатерина II, имп. 180
 Елисеев Г.Г. 292
 Емельянова Л.С. 494, 558
 Есенин С.А. 151, 155, 171, 173, 175, 181, 185-193
 Есенина С.А. см. Сухотина С.А.
 Ефимов, свящ. 445
 Ефимов Е.П. 248
 Ефимов И.С. 190
- Жарин, офицер 544
 Жарков П.И. 450, 451, 471
 Жаров М.И. 192
 Жемайтис И.И. см. Шиллеров В.И.
 Жибер М.А. см. Лохвицкая М.А.
 Жирмунский В.М. 177
 Жуковский В.А. 365
- Заборовский И. 442
 Завадский С.В. 57, 112, 542, 569
 Загородный Я.Г. 554
 Закушняк А.Я. 195
 *Залка М. 191
 Зарудный А.С. 485, 486, 526, 527, 530, 554
 Запольский Г.Ф. см. Подвицкий Б.В.
 Засодимский П.В. 247, 248
 Засорин М. 551, 572
 Захава Б.Е. 202
 Захаренко см. Марков Б.Д.
 Зданевич И.М. 149, 168
 Зданевич К.М. 168
 Зейн Ф.-А.А. 551, 572
 Зеленая Р.В. 192
 Зелинский И.В. 317, 319
 Зенгер Т.Г. 391
 Зеньковский (Зиньковский) В.В. 22, 43, 44, 110
 Зибольд В.Ф. 504, 515, 531, 561
 Зильберберг Л.И. 489, 555, 556
 Златовратский Н.Н. 247, 248
 Златогоров С.И. 338, 340
 Златогорова Т.Р. 338, 340
 Зон И.С. 195
 Зошенко М.М. 188
 Зуммер В.М. 327
- Ибсен Г. 60
 Иван IV Грозный 297
 Иван VI см. Иоанн Антонович
 Иванишин Г.А. 477-480, 480-552, 552-572
 Иванишина В.Г. 528
 Иванов А. 537
 Иванов В.А. 503, 561

- Иванов Вяч.И. 277
 Иванов Н.Н. 508-512, 562
 Иванов С.В. 542, 569
 Иванова Е.А. 508-511, 562
 Иванова М.П. 507, 508, 510, 511, 516, 517, 562
 Ивановская (ур. Чайковская) А.В. 496
 Ивановская-Волошенко П.С. 560
 Ивашкевич Я. 165
 Игнатьева Г.П. 565
 Идельсон М.В. 480, 558, 560
 Измайлович А.А. см. Бродская К.М.
 Иксуль фон Гильдебранд В.И. 240, 285, 286, 291, 292
 Ильинский И.В. 192, 195, 198, 200-205
 Иннокентий, еп. (Тихонов Б.Д.) 435, 436, 437, 442, 471
 Иоанн, митр. (Снычев И.М.) 415
 Иоанн Антонович, имп. 531, 566
 *Ионов И.И. 316, 317
 Иосиф, архим. 424
 Иосиф, митр. (Петровых И.С.) 414-418, 446, 448-453, 457-466, 468, 470, 471, 473

 Каган Л.Ю. см. Брик Л.Ю.
 Казаков Э. 140
 *Казанская см. Лебедева Е.Н.
 Каладзе К.Р. 365
 *Кальвино М. см. Лебединцев В.В.
 *Каменев Л.Б. 353
 Камышанский П.К. 505, 531, 561
 Камю А. 119
 Кандауров К.В. 304, 305, 331
 Кант И. 256, 492, 493, 558
 Капнист И.И. 21
 Карабчевский Н.П. 258
 Каракулев, ефрейтор 549
 Карзенков, офицер 513
 *Карл см. Трауберг А.Д.
 Карл Великий, имп. 246
 Карпов С.Г. 531, 532, 566

 Катаев В.П. 120
 Катулл Г.В. 316
 Кафафов К.Д. 551, 571
 Каютенко-Каютин А.С. 520, 530, 564, 565
 Квач, учитель 495
 Кедринский П.А. 443, 444, 471
 Керенский А.Ф. 74, 539-542, 544, 545, 549, 550, 568
 Кирпичев, ген. 97
 Кирсанов С.И. 181, 184
 Кислов, полк. 68
 Кистяковский И.А. 32, 49, 56, 57, 78, 79, 93, 95, 111
 *Кися, см. Лебедева Е.Н.
 Китс Дж. 402, 403
 Кишкель А.К. 495, 514, 558
 Кишкель П.К. 495
 Клейбер И. 249, 255
 Климова Н.С. 491, 492, 558
 Климович Е.К. 550, 571
 *Клычков С.А. 191
 Ковалевская С.В. 236
 Коган Н.Я. 554
 Козинцев Г.М. 119, 136, 157, 165
 Козинцева-Эренбург Л.М. 116, 118, 121, 125, 129, 133, 134, 136, 138, 140-149, 151, 152, 154, 157-160, 162, 163, 165, 166, 169
 Козинцевы, семья 133-136
 Козлов П.К. 300, 302
 Колесова Е.В. см. Голлербах Е.В.
 Колли Л.П. 348, 349
 Колокольцев В. 23, 45, 46, 110
 Колонг И. де 557
 Колпакчи Л. 193
 Колчак А.В. 27
 Комаров К.В. 523, 565
 Комиссаренко Е. 552
 Комиссаров М.С. 551, 571
 Коммиссаржевская В.Ф. 195, 199, 219, 227, 248, 265, 269-271, 274, 280, 287, 375
 Коммиссаржевский Ф.Ф. 195, 374, 375
 Кон Ф.Я. 350, 351
 Кондратенко Г.П. 295, 296

- Коновалец Е. 24, 111
 Коноплянникова З.В. 488, 489, 556
 *Конрад Дж. 399, 400
 Константин Павлович, вел. кн. 522, 523, 565
 Константинов П.К. 498, 502, 560
 Константинович, тов. прокурора 504, 506
 Коонен А.Г. 151, 205
 Кораго А.А. 307, 308
 *Коржавин Н.М. 120
 Корниенко, ген. 31, 32
 Корнилов Л.Г. 68, 545, 570
 Корнильев С.М. 508
 Корнильева М. 508, 563
 Корнфельд Г.К. 176
 Корнфельд М.Г. 176
 Короленко В.Г. 127, 229, 257
 Коростовец И.Я. 100
 Корсак, тов. прокурора 504, 506, 531
 Костенко П. 535
 Костенко В.П. 533-536, 567
 Костенко К.Е. 300, 302, 305, 307, 314, 318, 325, 330
 Котен (Коттен) М.Ф. фон 531, 566
 Котляревский С.А. 340, 341
 Кочубей В.В. 84
 *Кошевский А.Д. 194
 Кравец Ф.П. 294
 Кравцов Ф.Е. 479, 539-541, 543, 544, 546-549, 568
 *Крайний А. см. Гиппиус З.Н.
 Краснов П.Н. 27, 50, 97, 105
 Краснощеков А.М. 180
 Крашенинников Н.С. 542, 551, 569
 Крига, поручик 73
 Кричевский А.М. 162
 Кроммелинк Ф. 190, 198
 Кругликов А.Н. 490, 495, 506, 557, 562
 Кругликова А. 490, 495
 Кругликова Е.С. 300, 302, 305, 318, 321, 325, 330, 333
 Кругликова С.Н. 490
 Крупенин Я.Т. 511, 563
 Крупова Р.Е. 565
 Крупп А. 77
 Крученых А.Е. 168
 Кручинин В.Я. 202
 Кубасов И.А. 344, 345
 Кудашев С. 154
 Кудашева М.П. 125, 140, 141, 145, 154, 165
 Кудрявцев Е. 556, 557
 Кузмин М.А. 241, 280, 287, 288, 292, 319, 320
 Кузьмин Д. 551, 572
 Кузьмин Н.Н. 545, 546
 Кузьмин О. 552
 Куколь-Яснопольский С.А. 542, 551, 569
 *Кукрыниксы 202
 Куликов, солдат 549
 Кульженко Н.Н. 210, 229, 239, 240, 275
 Кульчицкий Н.К. 541, 551, 568
 Куприн А.И. 139
 Купченко В.П. 166
 Курбас Л. 112
 Курилло, тов. министра 33
 Курлов П.Г. 479, 506, 532, 550, 562, 568, 571
 Кустодиев Б.М. 294, 295, 300, 302, 305, 307
 Лавров А.В. 319
 Ладыгин Н.Г. 445, 471
 Ламанский В.И. 251, 258
 *Ланн Е.Л. 316, 317
 Ларошфуко Ф. де 320
 Лауниц В.Ф. фон дер 489, 556
 Лашилин (Лошилин) Л.А. 193
 *Лебедев Н.А. см. Черняев И.С.
 Лебедев С.В. 294, 295, 304, 306-310, 314, 318, 321, 324, 325, 330, 331, 333, 337-342, 344, 355
 Лебедева Е.Н. 498, 501, 502, 559
 Лебедева С.Д. 392, 393, 396, 397
 Лебединцев В.В. 497, 501, 559, 560

- Лев, архим. (Егоров Л.М.) 437
- *Левенко В. см. Леонтович В.
- Левидов М.Ю. 179
- Левин Ф. 126, 162
- *Лежнев И.Г. 312, 313
- Лейберов И.П. 479
- Лейкина-Свирская В.Р. 554
- Лекаш Д. см. Монробер Д.
- *Ленин В.И. 127, 169, 370
- *Ленский А.П. 219, 266, 270
- Леонардо да Винчи 210, 211, 231, 233, 234, 242, 252, 259, 273, 277-279, 282
- Леонидзе Г.Н. 365
- Леонов Л.М. 123, 160
- Леонтович В. 94, 114
- Леопольд Баварский, принц 101
- Лепаж Б. 250, 255
- Лермонтов М.Ю. 163, 188, 238
- Лесевич В.В. 251, 257
- Леткова-Султанова Е.П. 281, 290
- Лехер, врач 495
- Либерман Л.А. 535, 567
- Либерман М.А. 535
- Лившиц Б.К. 117, 118
- Лившиц Е.К. 117, 118, 121
- Лигнау (Лигнав) А. 22, 31, 107
- Лидин В.Г. 162
- Лидова Е. 493, 495
- Лизогуб Ф.А. 22, 23, 46, 47, 55, 56, 82, 84, 85, 93-95, 110
- Лилиен Э.М. 285, 291
- Линев И.Л. 566
- Липинский В. 9, 20, 70, 86, 108
- Липовский Н.С. 181
- Лисицкий Л.М.(Э.) 169
- Лист Ф. 279
- Литвиненко А.М. 316
- Литина М.К. см. Лишина Н.К.
- Лихтенштадт В.О. 488-490, 492, 493, 503, 556
- Лихтенштадт М.,Л. 488, 503, 556
- Лихтенштадт М.М. 488-490, 556
- Лишин Н.Г. 513, 563, 564
- Лишина В. 524, 525
- Лишина (ур. Вериго) Н.К. 524, 526, 530
- Лодий З.П. 340, 341, 350
- Лож Ф. де см. *Вийон Ф.
- Лозман Е.Л. см. *Ланн Е.Л.
- Ломоносов А.В. 383, 384
- Ломоносов В.Ю. 384
- Ломоносов Н.Ю. 406
- Ломоносов Ю.В. 359, 360, 367, 368, 370, 374, 375, 377, 378, 382-384, 386, 388-391, 395, 396, 401, 403-406
- Ломоносов Ю.Ю., старший 359, 360, 374, 377-379, 381, 382, 386, 388, 389, 395, 396, 401, 403, 405, 407
- Ломоносов Ю.Ю., младший 406
- Ломоносова Г.М. см. Винк-ворт Г.М.
- Ломоносова М. 384
- Ломоносова О.В. 367
- Ломоносова Р.Н. 358-368, 369, 370, 371-373, 374, 375, 376, 377, 378, 379-381, 382, 383, 384-390, 391, 392-408
- Ломоносова (ур. Антонович) С.А. 384
- Ломоносовы, семья 366, 379, 400
- Лопе де Вега 165
- Лосский, посол 87
- Лотоцкий А.И. 94, 115
- Лохвицкая М.А. 210, 229, 237-239, 275
- Лувишук Х.Ш. 484, 554
- Лукаш И. 567
- Лукашевич, посол 86
- Лукашевич К.В. 143, 166
- Луначарский А.В. 191, 195-198, 242, 243, 350
- Лурье Л.Я. 565
- Льюис Л.К. 379
- Льюисы, семья 379
- Любинский Ю. 21, 95, 109
- Люком Е.М. 240, 287, 292
- Лютиков С. 552

- Лясковский Д.В. 401
 Лященко (Лященко) М.Я. 357
- Маевский К.Я. 555
 Мазепа И.С. 92
 Макаренко А. 108
 Макаренко А.С. 541, 551, 569
 Макаров А.А. 550, 568, 571
 Маккавейский В.Н. 131, 164
 Маклаков Н.А. 550, 568, 571
 Маколей Т. 399, 400
 Максимов Н.Л. 22, 23, 94
 Максимов С.В. 357
 Максимовский А.М. 504, 505, 561, 562
 Малахов Д. 552
 Маликов А.К. 572
- *Малоросс см. Старынкевич С.С.
 Мамулаишвили И.Г. см. Гришашвили И.Г.
 Манасевич-Мануйлов И.Ф. 551, 572
 Манасеина Н.И. 348
 Мандельштам А.Э. 137, 140, 141, 151, 152, 166
 Мандельштам Н.Я. 131, 159, 163, 164, 167, 168, 191
 Мандельштам О.Э. 118, 123, 125, 131, 132, 134, 137, 139-141, 146-148, 151, 152, 159, 163-166, 168, 170, 191
 Мандельштамы, семья 139, 147
 Манн Т. 119
 Мануил, еп. (Лемешевский В.В.) 415, 424-429, 471
 Манухина Н.Л. см. Шенгели Н.Л.
 Марат Ж.П. 283, 291
 Марголис А.Д. 477-572
 Марджанов К.А. 165
- *Маревна см. Воробьева-Стебельская М.Б.
 Мариенгоф А.Б. 175, 185, 188, 190
 Мария Федоровна, имп. 480, 481, 552
 Маркелов К. 555
 Марков Б.Д. 554
- Маркова А.М. 514, 564
 Марфельд Р.Р. 557
 Масокин Ф.С. 504, 505, 508-511, 561
 Масс В.З. 200
 Матусис Я.А. 205
 Маяковский В.В. 156, 168, 171-185, 188, 192, 193, 195, 202, 203
 Медведев П.М. 231
 Мейерхольд В.Э. 168, 190, 193-205, 269
 Мельхior И.П. 77
 Менделеев Д.И. 491
 Мердер Н.И. см. *Северин Н.
 Мережковский Д.С. 211, 249, 250, 252, 254, 257, 260, 262-265, 271, 274, 277, 278
 Меринг С. 39, 94, 114
 Метерлинк М. 248
 Меткалф Г.Э. 359, 360, 366, 369
 Миклашевская А.Л. 193
 Миллер О.Ф. 254
 Милль Дж.С. 249, 254
 Милорадович С.П. см. Якимова-Диковская А.В.
 Мин Г.А. 489, 556
 Миндлин Э.Л. 167
 Минин В.Н. 518, 519, 564
 *Минский Н.М. 216, 249, 252, 254, 257, 258
 Минц И.И. 479
 Мирбах В. фон 73, 113, 187
 Мирович В.Я. 566
 Мироносицкий П.П. 445
 Митроцкий М.В. 443
 Михаил, архим. (Семенов) 420, 425
 Михаил Александрович, вел. кн. 480, 552
 Михаил Николаевич, вел. кн. 481, 482, 553
 Михайловский, врач 375
 Михайловский Н.К. 229, 240, 249-251, 254-258, 286, 287, 291
 Михновский М. 20, 108
 Мицишвили Н.И. 365
 Мишель А. 295, 296

- Мишле Ж. 295, 296, 399, 400
 Могилянский Н.М. 7
 Модзалевский Б.Л. 361, 396
 Модзалевский Л.Б. 391, 396
 Модильяни А. 131, 164
 Модин А. 552
 Моисеенко Б.Н. 554
 Молдавская Е.Д. 129, 130, 162
 Молоствов Н.Г. 229
 Монкорбье Ф. см. *Вийон Ф.
 Монробер Д. 156, 169
 *Моор Д.С. 176
 Мопассан Г. де 286, 291
 Морозов В.С. 433
 Морозов Н.А. 491, 557, 560
 Моссек В. см. Коган Н.Я.
 Моцарт В.А. 194
 Мошкова Л. 564
 Муйжель В.В. 247, 248
 Мумм фон Шварценштайн А.
 23, 70, 76, 77, 89, 92, 111
 Муравьев Н.К. 542, 547, 569
 Мусина-Озаровская Д.М. 265,
 266, 270, 275
 Мусина-Пушкина Д.М. см. Муси-
 на-Озаровская Д.М.
 Мухин, ген. 487, 522
 Мышецкая Е.А. 494
 Мышецкая К.А. 494, 514, 558
 Мюссе А. 319
- Надеждина А. 554
 Надирадзе К. 365
 Надсон С.Я. 281, 290
 Назаревская Г.А. 307, 308
 Наполеон I, имп. 17, 46
 Наппельбаум М.С. 285, 291
 Натансон М.А. 557
 Натиев, ген. 33, 34, 67, 69, 95,
 111
 Наумов В.А. 488, 555, 556
 Небогатов Н.И. 513, 522, 563
 *Незнамов П. 181
 Нейгауз Г.Г. 401
 Некрасов Н.А. 179, 183
 Немирович-Данченко Вл.И. 204,
 220, 393, 395
- Нерадовский П.И. 280, 333
 Неруда П. 119
 Нестроев Г. 564
 *Никаноров см. Чайковский Н.В.
 Никитенко Б.Н. 488, 555, 556
 Никитин В.Н. 479, 536-539, 544,
 567, 568
 Никитин И.Г. 462, 471
 Никифоров, судья 498
 Никифоров Р. 552
 Никовский А. 20, 109
 Никодим, митр. 40
 *Николаев см. Кругликов А.Н.
 Николаев А.И. 498, 502, 559
 Николаевский Б.И. 555
 Николай I, имп. 481, 553, 558
 Николай II, имп. 419, 480-483, 488,
 523, 533, 536, 541, 542, 552, 553,
 555, 563, 567, 569
 Николай, еп. (Клементьев Н.Ф.)
 430, 471, 472
 Николай, еп. (Ярушевич Б.Д.)
 415-417, 439, 440, 442, 443, 446-
 449, 451-458, 460-463, 465-468, 472
 Николай Михайлович, вел. кн.
 481, 553
 Николай Николаевич, вел. кн.
 22, 496, 497, 533, 558, 559
 Никольский А.А. см. Моисеен-
 ко Б.Н.
 Никулин Л.В. 175
 Ницше Ф.В. 224, 225, 243, 247,
 259, 272-274, 276-278
 Нич А.М. 311
 Новицкий А.П. 327
 Новицкий И.П. 11, 108
 Новицкий Я.П. 11, 108
 Норбеков Г.А. 522, 544, 570
 *Носарь Г.С. см. Хрусталеv П.А.
- Обакевич Р.М. 340, 341
 Овчинников, ратник 538, 539
 Озаровский Ю.Э. (Г.Э.) 219-221,
 265-267, 270
 Омон М. 195
 Онегин А.Ф. 328
 Осинский, ген. 37

- Осипов И. 552
Остаде А. ван 244, 247
Островский А.Н. 201
Острой О.С. 316
Остроумова Л.А. 534, 535, 567
Остроумова-Лебедева А.П. 293-295, 297-301, 303-310, 313, 314, 317, 318, 320, 321, 324, 325, 328-344, 354-356
Отто А.Ф. см. Онегин А.Ф.
- *Павленко С. см. Шелухин С.П.
Павлов И.П. 375
Палтов, министр 84, 87, 100, 102, 104
Панаев И.И. 179, 352
Папакін Г.В. 7, 9
Парис Г. 295, 296
Пассовер А.А. 251, 258, 272
Пастернак Б.Е. 407
Пастернак Б.Л. 119, 132, 164, 171, 178, 187, 358-362, 362-367, 368, 369, 370-372, 373-376, 377, 378, 379-381, 382, 383, 384, 385, 386-393, 393-395, 396-398, 398-404, 408
Пастернак Е.Б. 358-361, 366, 369, 372, 382, 383, 387-392, 394-396, 398, 401, 406-408
Пастернак Ев.В. 358-362, 363, 366, 368, 369, 372, 373, 374-376, 381-383, 385, 386-392, 394, 395, 396-398, 399, 401, 402, 404, 406
Пастернак (ур. Вальтер) Ел.В. 407, 408
Пастернак Е.Е. 407, 408
Пастернак Ж.Л. 369
Пастернак З.Н. 378, 379, 381-386, 390, 394, 396, 400, 401, 403, 404
Пастернак Л.Б. 400-402
Пастернак Л.О. 392, 393, 400, 401, 405, 406
Пастернак Р.И. 359, 360, 392, 393, 405, 406
Пастернак П.Е. 407
Пастернак-Слэйтер Л.Л. 391, 393, 394, 403-406, 408
- Пастернаки, семья 404
Педькова В.А. 487, 503, 555
Переверзев П.Н. 543, 545, 546, 550, 570
Перегородский, офицер Петропавл. крепости 544
Перельман И.И. см. *Дымов О.
Перцов С.Н. 537, 567
Петефи Ш. 154, 169
Петлюра С.В. 27-29, 104, 107, 111, 112, 115
Петр, митр. (Полянский П.Ф.) 468
Петр I, имп. 326, 360, 361, 481
Петренко Ю.А. 10
Петров, госконтролер 94
Петров А.А. 531-533, 566
Петров Г.С. 419, 420
Петрова А.М. 293
Петровский, свящ. 435
Петровский И.Г. 172
Пешкова (ур. Волжина) Е.П. 298, 302, 304
Пикассо П. 131, 163
Пиндар 316
*Пинтуриккье 273, 278
Пискунов К. 552
Платонов К.И. 328, 330
Платонов М.С. 326, 328
Платонов Н.Ф. 435, 472
Платонов С.Ф. 293, 295-297, 326-328, 332, 333, 343-346
Плевако Ф.Н. 196
Плетнев П.А. 302
Плещеев А.Н. 257
Победоносцев К.П. 419
Подвицкий Б.В. 554
Подновский см. Боришанский Б.К.
Поливанов К.М. 301, 313, 314
Поливанова (ур. Шпет) М.Г. 301
Поливанова О.В. 301
Поливановы, семья 298
Полонская В.В. 181, 182
Полонская (ур. Мовшенсон) Е.Г. 116, 117, 131, 163
Полоньска-Василенко Н. 7, 8

- Польшина Т.Л. см. Щепкина-Ку-
 перник Т.Л.
 Польский М. 413
 Поляков И. 552
 Помирчий Р. 305
 Попеня, писарь 544, 548
 Попов В. 122
 Попова В. 557
 Попова Л.С. 198
 Придворов Е.А. см. *Бедный Д.
 Примаков В.М. 180, 183
 Прозоров В.А. 463-465, 472
 Прокофьев С.С. 159
 Прокофьева М.А. 487, 555
 Пронин см. Бронин М.
 Проплер С.М. 230
 Протопопов А.Д. 541, 544, 550,
 568, 569
 Прудон П.П. 270
 Пуатье Г. де см. Гийом IX
 Пумпянская Е. 512
 Пумпянский Н.Н. 487, 488, 507,
 512, 514, 555
 Пуришкевич В.М. 190
 *Пуркин К. см. Синявский Б.С.
 Путятин М.С. 542, 569
 Пушкарева Н.К. 218, 302
 Пушкин А.С. 65, 119, 127, 188,
 300, 302, 359-363, 367, 369, 371,
 373-376, 387, 389, 391, 393, 396,
 398
 Пыпин А.Н. 251, 258
 Пырьев И.А. 196
 *Пяст В.А. 265
 Пятницкий К.П. 234

 Рабинович И.М. 137, 148, 165,
 167
 Рагозинникова Е.П. см. Рогозин-
 никова Е.П.
 Радаков А.А. 173, 174, 176
 *Радек К.Б. 187
 Радунский И.С. см. *Бим
 Раевский, секр. суда 498
 Разикашвили Л.П. см. *Важа
 Пшавела
 Райх З.Н. 196, 197, 199

 Раковский Х.Г. 47, 53, 101, 112
 Рапаньетта Г. см. Д'Аннуцио Г.
 *Распутин Г.Е. 571
 Распутина А.Г. 497, 498, 500,
 501, 559
 Раутон А. 406, 407
 Раух, ген. 70, 71, 74
 Рафаэль Санти 221
 Рачинский Г.А. 79
 Рачковский П.И. 486, 555
 *Ре-Ми см. Ремизов Н.В.
 Резовская Э.-М. 502, 503, 508,
 509
 Рейнбот В.Е. 94, 95, 114
 Рембо А. 141
 Рембрандт Х. ван Р. 221, 242,
 285, 291
 Ремизов Н.В. 176
 Ренненкампф фон Эдлер П.-Г.К.
 551, 572
 Репин И.Е. 286, 291, 292
 Рерих Н.К. 270
 Ржепецкий А.К. 22, 56, 84, 94,
 109, 111, 112
 Ривера Д. 163
 Рикман Дж. 378-382, 385, 395
 Рикман Л. 407
 Рильке Р.М. 225, 273, 278, 279
 Робакидзе Г.Т. 149, 168
 Рогоза (Рагоза) А.Ф. 30-32, 69,
 94, 111
 Рогозинникова Е.П. 504, 505,
 561
 Роден О. 225
 Родченко А.М. 202
 Рождественский В.А. 121, 322,
 327, 340
 Рождественский З.П. 533, 567
 Розанов В.В. 240, 284, 287, 288,
 291
 Розанов М.Н. 345, 346, 350, 351
 Розенберг Л.С. см. *Бакст Л.С.
 Ройзман Д. 175
 Ройзман М.Д. 175
 Роллан Р. 140
 Ромашов Б.С. 180
 Ронсар П. де 316

- Российский Д.М. 332
 Рубакин А.Н. 122
 Рубенс П.П. 244, 247
 Рубинштейн А.Г. 249, 254
 Рубинштейн И.Л. 210, 211, 218-224, 265-271, 276
 Руденко Т. 552
 Руманов А.В. 227
 Руставели Ш. 363, 365
 Рэ П. 273, 277
 *Рэм Р. 177
- Сабашникова М.В. 293
 Савина М.Г. 265, 270, 275, 281
 Савинков Б.В. 163, 164, 558
 *Садовский М.К. см. Тобилевич М.К.
 Садовский М.П. 270
 Сакс Г. 316, 402, 403
 *Саксаганский П.К. см. Тобилевич П.К.
 Саламонский А. см. Соломонский Салливан Э. 395
 Салуцкий А.С. 323
 Самсонов Б.Г. 196
 *Санин А.А. 267, 271
 Саранчин М.М. 345, 346
 Саркизов-Серазини И.М. 293, 322, 323, 325, 326, 332, 346-354, 356, 357
 Саркизова-Серазини С.А. 323, 326, 332, 347-351, 353, 354, 357
 Сахаров А., прот. 459
 Сахаров А.Д. 120
 *Северин Н. 169
 *Северянин И.В. 125, 162
 Секретов (Секретев) П.И. 551, 571
 Селивановский А.П. 140, 165
 *Селивачев см. Татищев Б.А.
 Сельвинский И.Л. 159, 170, 202
 Семенов, ген. 71
 Семенов-Тянь-Шанский Л.Д. 228, 280
 Семенов-Тянь-Шанский П.П. 228
 Семенова М. 559
 Сент-Олер де, дипломат 100
- Серафим, еп. (Протопопов А.А.) 415, 428-430, 436, 453-455, 461, 462, 467, 472
 Серафим, митр. (Чичагов Л.М.) 460, 472
 Сербулов Г.Г. 490, 544, 557
 Сергеев А.А. 7-113, 293-357
 Сергей, еп. (Дружинин И.П.) 415, 418, 432-434, 438, 439, 446, 447, 453-455, 459, 461, 462, 467, 472
 Сергей, еп. (Зинкевич С.И.) 454, 455, 462, 472
 Сергей, митр. (Страгородский И.Н.) 413, 414, 416-418, 438, 440, 441, 443, 445, 446, 452, 454-468, 470, 472, 473
 Серебрякова (ур. Лансере) З.Е. 299, 302
 Серебрянников С.А. 547, 570
 Сидамонов-Эристов Г.Д. 530, 566
 Сидоренко И.П. см. Трофимов Е.А.
 Сидоров, свящ. 454
 Сидоров А.А. 316, 330
 Симонов К.М. 160
 Синайская В.Д. см. Финкельштейн В.Д.
 Синегуб Л.С. 497, 500, 501, 559
 Синегуб С.С. 559
 Синявский А.Д. 171
 Синявский Б.С. 487, 488, 493, 494, 542, 555
 Сирбиладзе Н.И. см. Мицишвили Н.И.
 Сиротинин В.Н. 375
 Ситковецкая М.М. 269
 Скабичевский А.М. 257
 Скаллаграмссон Э. 316
 Скобелев М.И. 479, 538, 568
 Скоропадский Павел Павлович 74
 Скоропадский Павел Петрович 7-10, 10-107, 108-115
 Скотт В. 521
 Скриб Э. 168

- Славинский М.И. 94, 114
 Славлюбов М.С. 342, 354
 Сливинский, полк. 22
 Слудский А.Ф. 323
 Слэйтер М. 405, 406
 Слэйтер Н. 405, 406
 Смидович М.Г. 143, 144
 Смирнов А.Ф. 497, 559
 Смирнов Н.И. 331
 Смирнов-Сокольский М.П. 183-185
 Смирнова А.О. 259
 Смирнова М.А. 484, 554
 Смирновы, семья 330
 *Смуток П. см. Стебницкий П.Я.
 Собещанский М.Н. 501, 503, 521, 532, 551, 560, 572
 Собинов Л.В. 182
 Соболев С. 552
 *Соболь А. 325, 326
 Соколов И.В. 186
 Соколов Н.Д. 538, 568
 Соколовский Ю. 22, 89, 109
 Солженицын А.И. 119
 Соловьев Вл.С. 291
 Соловьева В.Н. 535
 *Сологуб Ф.К. 240, 252, 259, 287, 288
 Соломонский А. 189
 Sommer А.И. 118, 152, 156, 169
 Sommer И. 118
 Sommer Я.-Е.И. 116-124, 124-161, 162-170
 Сомов А.А. 340
 Сорин С.А. 211, 280-285, 290
 Сорокин Г. 552
 Сорокин Т.И. 131, 154, 163, 169, 323
 Сорокина Е.О. см. Шмидт Е.О.
 Сороко Л.М. 507, 562
 Спасович В.Д. 258
 Сперанский Б.Ф. 562
 *Сперанский В.И. см. Кругликов А.Н.
 Сперанский Е.В. 522
 Спенсер Г. 249, 254
 Спенсер Э. 402, 403
 Спесивцева О.А. 240, 286, 287, 292
 Спиноза Б. 215, 251, 256, 257
 Спиридович А.И. 550, 571
 *Сталин И.В. 170, 178, 182, 183
 Сталь фон Гольштейн В.И. 533, 538, 539, 544, 567
 Станевский М.А. см. *Бом
 *Станиславский К.С. 203, 204, 383, 393
 Старицкая-Черняховская Л.М. 53, 112
 Стародворский Н.П. 486, 554, 555
 Старцев В.И. 479, 568
 *Старый Энтузиаст см. *Волынский А.Л.
 Старынкевич С.С. 493, 558
 Стаценко Е.М. 359, 360
 Стебницкий П.Я. 94, 114, 115
 *Стеклов Ю.М. 196
 Степанов, свящ. 454
 Степанов, унтер-офицер 552
 Степун Ф.А. 131, 164
 Стессель А.М. 513, 522, 564
 Стефан, еп. (Бех) 415
 Стишинский А.С. 551, 571
 Столыпин П.А. 489, 506, 515, 556, 558, 562
 *Столяров Ф. см. Масокин Ф.С.
 Стрельников Н.Н. 443, 473
 Струве П.Б. 253, 259
 Стуколкин Н.Т. 522, 565
 Стуре А.(П.) 498-500
 Стуре Е.Н. 496, 498-501
 Стуре Л.А.(П.) 496-501, 558, 560
 Стыранкевич см. Старынкевич С.С.
 Судейкин Г.П. 555
 Суковкин М. 86, 114
 Сулькевич, ген. 82
 Суриков В.И. 325, 326, 331
 Сутин Х. 131, 164
 Сухово-Кобылин А.В. 195, 198
 Сухомлинов В.А. 543, 544, 550, 551, 568, 570, 571
 Сухомлинова Е.В. 550, 551, 571
 Сухотина С.А. 298, 302, 321

- Табидзе Т.Ю. 149, 364, 365
 Таиров А.Я. 168, 200, 205
 Таль фон, подполк. 542
 Таль Б.М. 353
 Таманский П.И. 567
 Тангейзер 316
 Таратута О. 554
 Татищев Б.А. 83, 84, 113
 Твардовская В.А. 557
 Твардовский А.Т. 153, 168
 *Твен М. 383, 384
 Тейдер В.Ф. 171-205
 Теплов В. 551, 572
 Терентьев И.Г. 168
 Терлецкий В.К. 557
 *Терц А. см. Синявский А.Д.
 Тескова А.А. 119
 Тиль (Тилле), дипломат 77, 92
 Титов А.А. 557
 Тихомиров С.А. 456, 473
 Тихон, патр. (Белавин В.И.) 41-43, 415, 425, 427, 428, 431, 434, 441
 Тихонов Н.С. 365
 Тихонова Н.С. 477-572
 Тиц Д.Л. 313
 Тиц М.А. 313, 328, 329
 Глустовский, следователь 487, 488, 504, 506
 Тобилевич М.К. 60, 112
 Тобилевич П.К. 60, 112
 Толстая (ур. Дитерихс) О.К. 298, 302, 304
 Толстая С.А. см. Сухотина С.А.
 Толстой А.Н. 131, 163, 184, 230, 293, 360, 361, 378, 379
 Толстой Л.Н. 119, 127, 139, 169, 190, 211, 225, 226, 247, 277, 289, 291
 Томишко А.О. 564, 565
 Трауберг А.Д. 502, 504-506, 508-511, 560
 Трахман М. 162
 Трепов Д.Ф. 483, 553
 Тройницкие, семья 300
 Тройницкий С.Н. 302
 Трофименко П. 552
 Трофимов Е.А. 554
 *Троцкий Л.Д. 164, 187, 197, 414
 Трошенко Е.Д. 140, 153, 165
 Трусевич М.И. 505, 551, 561, 572
 Туган-Барановская Л.К. см. Давыдова Л.К.
 Туган-Барановский М.И. 253, 256, 259
 Тургенев И.С. 181, 247
 Тучков Е.А. 414, 426, 457
 Тынянов Ю.Н. 178, 374-376, 387, 389
 Тюрин А.Н. 293-357
 Тютчев Н.С. 566
 Тютчев Ф.И. 188
 Уайльд О. 224
 *Уоллер см. Брайант Х.
 Уордроп М. 363, 365
 Уордроп О. 365
 Успенская Н.В. 301
 Успенские, семья 297, 317
 Успенский В.А. 301
 Успенский Г.И. 249, 254, 256, 257
 Устимович Н.Н. 20, 21, 108
 Ушерович С.С. 566
 Файко А.М. 199, 200
 Федин К.А. 395
 Федосьев М.Е. см. Феодосьев
 Федотова Г.Н. 270
 Фельденкрайз Б. 138, 140
 Феодосьев М.Е. 487, 503, 555
 Ферстер-Ницше Э. 277
 Фигнер В.Н. 560
 Филарет, митр. (Дроздов В.М.) 289, 292
 Филипп, еп. 460
 Финкельштейн В.Д. 307, 308
 Фишер К. 493, 558
 Фишман Ф. 157, 160, 169, 170
 Флейшман, австр. майор 24, 34, 35, 69
 Флейшман Л.С. 362, 365, 378, 386
 Флексер Х.Л. см. *Волынский А.Л.

- Фокин М.М. 224, 267, 268, 270,
 271, 292
 Фоменко Т. 552
 Форгач фон Гимес-Гачес Я. 48,
 70, 71, 88, 89, 112
 *Франс А. 319
 Фрезинский Б.Я. 116-170
 Фрейд З. 225
 Фридберг А. 561
 Фурцева Е.А. 182
 Фюрстенберг, австр. дипломат
 48, 72

 Хабалов С.С. 536, 550, 567, 568
 Хазина Н.Я. см. Мандельштам
 Халатов А.Б. 182
 Хальбе М. 226
 Ханенко, помощник гетмана 73
 Хеббель К.Ф. 248
 Хервальт П.Р. фон 23, 48
 Херсонский Х.Н. 196
 Хижинская Т.И. 316, 317, 319,
 320, 322, 327, 349
 Хижинский Л.С. 317
 Хитрово Л., отец 528
 Хитрово Л.Л. 528
 Хитрово Таисия Л. 528, 529, 531,
 565
 Хитрово Татьяна Л. 528
 Хлебников В.В. 131, 164
 Хлопин Н.Г. 310, 318, 320, 321,
 324, 325, 330, 332, 333, 338
 Ходовецкий Д.Н. 288, 292
 Ходотов Н.Н. 149, 168, 265, 270
 Хрусталеv П.А. 511, 563
 Хрущев Н.С. 124, 125

 Цванцигер Б. 554
 Цветаева А.И. 121, 144, 146, 154,
 166, 169
 Цветаева М.И. 119, 132, 154,
 169, 164, 166, 171, 400
 Цемах Т.Д. 140, 165
 Цезарь Г.Ю. 212
 Цетлин М.О. 163, 164
 Цетлина М.С. 163, 164

 Цолингер К.Н. 433
 Цявловский М.А. 393

 Чайковская А.Н. 496, 512, 515
 Чайковская В.А. 491-493, 496, 516
 Чайковский Н.В. 491-494, 496,
 506, 507, 512, 515, 516, 529, 533,
 557, 563
 Чайковский И.Н. 515
 Чайковский П.Н. 494
 Чаплинский Г.Г. 551, 571
 Чарская Л.А. 143, 166
 Чельцов М.П. 411-418, 418-468
 Чельцов Г.М. 413
 Чемоданова В.В. 500
 Чемоданова Л.В. 559
 Чепурин Н.В. 411, 435, 443, 473
 Червячукин, ген. 84
 Черновский, офицер 544
 *Черный А.М. 174
 Черняев И.С. 514, 564
 Чертков Л.Н. 225
 Чесский А.Ф. 515, 564
 Честертон Г.К. 200
 Чехов А.П. 375
 Чечерин Д. 552
 Чиковани С.И. 365, 402
 Чкония, поручик 547-550, 570
 Чубинский, инж. 55
 Чубинский М.П. 21, 109
 Чуков Н.К. 411, 416, 435, 436,
 443, 444, 446, 451, 455, 456, 473
 *Чуковский К.И. 144, 152, 166,
 241, 287, 288, 292

 Шавров, полк. 497
 Шагал М.З. 131, 164
 Шайкевич А.Г. 224
 Шаляпин Ф.И. 188
 Шамардин В. 552
 Шамарин К.Я. 566
 Шанталь К. 131, 163
 Шатов А.Ф. 195
 Швец Ф.П. 91, 107, 114
 Шебеко Н.Н. 59
 Шевченко Т.Г. 12, 65
 Шейдеман Ф. 93, 94, 114

- Шейнис З.С. 465
 Шекспир У. 60, 185, 190, 244, 316, 404
 Шелгунов Н.В. 249, 254
 Шеллинг Ф.В. 23
 Шелухин С.П. 20, 53, 108
 Шенберг А.А. см. *Санин А.А.
 Шенберг А.Я. 508, 511, 562
 Шенгели Г.А. 316, 317
 Шенгели Н.Л. 313, 314, 317
 Шептицкий А. 43, 112
 Шервинская Е.В. 301
 Шервинские, семья 298, 314
 Шервинский В.Д. 301, 340
 Шервинский С.В. 297, 300, 301, 316, 329, 332, 340
 Шиллеров В.И. 554
 Шиль С.Н. 225
 Шинкарь Н. 29, 111
 Шапская (ур. Андреевская) М.М. 300, 302, 318, 319
 Шкловский В.Б. 177, 178
 Шкляревский, укр. чиновник 47
 Школьник М.М. 397
 Шмидт Е.О. 131, 154, 163, 307, 308, 313, 323
 Шмидт П.П. 554
 Шнейдер И.И. 191
 *Шолом-Алейхем 187
 Шолохов М.А. 159, 160
 Шопенгауэр А. 492
 Шоррокс Л. 358-408
 Шостакович Д.Д. 393, 395
 Шперк Ф.Э. 283, 291
 Штейн Е.В. фон см. Голлербах
 Штейнгель (Штайнгайль) Ф.Р. 86, 87, 102, 114
 *Штифтарь В.Ф. см. Зильберберг Л.И.
 Штольценберг Ф. фон 35
 Штюрмер Б.В. 550, 568, 571
 Шульгин А.Я. 86, 114
 Шульгин В.В. 68, 113, 135, 165, 479, 537, 538, 567
 Шулятикова А.Г. см. Распутина А.Г.
 Шумилов Н.Н. 522, 565
 Щегловитов И.Г. 496, 497, 505, 550, 558, 559, 568, 571
 Щеголев П.Е. 359, 371
 Щепкин М.С. 232
 Щепкина-Куперник Т.Л. 210, 211, 229, 232-234, 248, 275
 Эйзенштейн С.М. 196
 Эйнштейн А. 178
 Эйхгорн Г. фон 23, 36, 44, 60, 74, 75, 111, 113
 Экстер А.А. 151, 168
 Эллис А.В. 477, 480-486, 488, 490, 507, 552
 *Эль Греко Д. 163
 Эмме К.Г. 503, 561
 Энгр Д. 270
 Энно, дипломат 103
 Эплин Х. 370
 Эренбург Е.О. см. Шмидт Е.О.
 Эренбург И.Г. 116-170, 307
 Эренбург И.И. 131, 157, 160, 163
 Эрлих В.И. 191
 Эфрон А.Е. см. *Адалис
 Эфрон А.С. 121
 Эфрон С.Я. 145, 146, 166
 Южаков С.Н. 251, 256, 257
 Юнге, семья 314
 Юнге (ур. Фрам) О.А. 339, 341
 Юнге Ф.Э. 339, 341
 Юнгмейстер Д.А. 347, 349, 350
 Юниверг Л.И. 316
 Юрченко С. 552
 Юткевич С.И. 196
 *Яворская Л.Б. 281, 290, 291
 Якимова-Диковская А.В. 554
 Якобсон Р.О. 177
 Яковлев А.Е. 182
 Яковлева Т.А. 182
 Яковлева Ю.И. см. *Безродная
 Якубчик А.О. 300, 302, 304, 305, 307, 309, 310, 314, 318, 320, 321, 324, 330, 332
 Якулов Г.Б. 191, 192
 *Якутенко см. Лебедева Е.Н.

Янчарук М.И. см. Смирнова М.А.
Янчевская В.Л. 497, 498, 559
Ярмагаев В.Е. 477
Яроцкий А.И. 340, 341
Яррос В. 397
Яррос Г. 397
Ярхо Б.И. 316
Яценко, свящ. 445

Яшвили П.Д. 149, 150, 167, 364,
365

Gorer G. 379

Marzaduri M. 168

Rickman J. см. Рикман Дж.

Walker, знакомая Пастернаков
403

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

П.П. Скоропадский. «УКРАИНА БУДЕТ!..» Из воспоминаний.
Публ. А. Варлыго.

Последний гетман Украины повествует о своем пребывании у власти: живое изображение механизма правления; обзор проделанного в международной политике, в финансовой и культурной сферах; острые характеристики министров и военных; раздумья о национальных и социальных проблемах; анализ собственных промахов. В примечаниях — краткие справки об упоминаемых лицах. 3 + 98 + 8 с.

Ядвига Sommer. ЗАПИСКИ. Публ. Б.Я. Фрезинского.

Близкий друг И.Г. Эренбурга рассказывает о совместном бегстве из Киева в Крым в 1919, жизни в Коктебеле и последующих встречах с писателем в Москве. Предпринята попытка скорректировать устоявшиеся представления о политической эволюции Эренбурга. В комментариях — подробные справки о малоизвестных персонажах литературно-художественной среды Киева и обитателях волошинского дома в 1919-1921. 8 + 38 + 9 с.

В.Е. Ардов. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ. Публ. В.Ф. Тейдер.

Устные мемуары известного писателя-сатирика, записанные на пленку в 1960-1970-е литературоведом В.Д. Дувакиным. Представлены встречи автора с Маяковским, Есениным, Мейерхольдом; московский литературный и театральный быт 1920-х; смешные и страшные легенды на тему «культура и власть»... 2 + 33 с.

И з и с т о р и и л и т е р а т у р н о й ж и з н и

А.Л. Волынский. РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ. Публикация А.Л. Евстигнеевой.

В цикле мемуарно-исследовательских статей блестящий критик и искусствовед пытается обосновать «научную классификацию» женских типов России. Среди его героинь: Л.Я. Гуревич, З.Н. Гиппиус, Лу Саломэ, Ида Рубинштейн, Мария Добролюбова, Мирра Лохвицкая и др. В предисловии и комментариях — обширный материал о российских деятельницах культуры конца XIX — начала XX вв. 35 + 32 + 16 с.

«ДОМ ПОЭТА» МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА.

Публ. А.Сергеева и А.Тюрина.

Письма М.А. Волошина последних лет его жизни (1924-1932) к художнице А.П. Остроумовой-Лебедевой, историку С.Ф. Платонову, искусствоведу Э.Ф. Голлербаху, врачу И.М. Саркизову-Серезини содержат размышления о творчестве и эпохе, выразительные картины кокетельского быта, зарисовки характеров окружавших поэта людей. В примечаниях — сведения об упоминаемых лицах. 1 + 64 с.

«НЕОЦЕНИМЫЙ ПОДАРОК»: Переписка Пастернаков и Ломоносовых (1925-1970). Публ. К.Барнза и Р.Дэвиса. Подг. текста П.Бутчер, Р.Дэвиса и Л.Шоррокс.

Окончание переписки поэта с Р.Н. Ломоносовой — женой крупного железнодорожного специалиста, жившей в Англии и содействовавшей знакомству Запада с советской литературой. Семейная драма Пастернака, творческие и бытовые коллизии его жизни, новый материал об отношениях поэта с эпохой и современниками. В комментариях — дополнительные сведения об упоминаемых текстах и лицах. 51 с.

У церковных стен

Прот. М.Чельцов. В ЧЕМ ПРИЧИНА ЦЕРКОВНОЙ РАЗРУХИ В 1920-1930 гг. Публ. В.Антонова.

Записки видного церковного деятеля 1920-х повествуют о закулисной стороне жизни Православной Церкви в трудные для нее годы: усиливающееся давление власти, сложные отношения между иерархами, идейная сумятица в среде духовенства — все это живо представлено в тексте записок, непосредственно откликающихся на события. В комментарии к публикации — подробный биографический указатель упомянутых лиц. 8 + 50 + 5 с.

Дневники, записные книжки, маргиналии

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ПОЛКОВНИКА Г.А. ИВАНИШИНА.

Публ. А.Д. Марголиса, Н.К. Герасимовой, Н.С. Тихоновой.

Автор — гвардейский офицер, заведовавший арестантскими помещениями Петропавловской крепости с 1906 по 1917. Среди его подопечных — эсеры-террористы; моряки, сдавшие неприятелю свои суда; в 1917... министры царского правительства. В записях: наблюдения над заключенными, выписки из их писем, яркие характеристики Е.К. Брешко-Брешковской, Н.В. Чайковского, драматические сцены свиданий с близкими перед казнью, события двух революций в крепости и... неизбежность тюремного быта. 3 + 73 + 20 с.

Annex

ABSTRACTS

M e m o i r s

P.P. Skoropadsky. «THE UKRAINE WILL REMAIN!...» Fragments from Skoropadsky's reminiscences. Publication by A.Varlygo.

This is an account by the last Hetman of the Ukraine of the time when he was in power in the country. It reveals the machinery of the Skoropadsky rule and surveys his achievements in foreign policy as well as in the financial and cultural spheres. One will also find here the sharp character sketches of the Hetman's ministers and military figures, his reflections on the national and social problems and the analyses of his own blunders. The notes include brief references to the persons mentioned. 3 + 89 + 8 pp.

Yadвига Sommer. THE MEMOIRS. Publication by B.Ya. Frezinsky.

A close friend of I.G. Erenburg relates a story of their flight from Kiev to the Crimea in 1919, their life in Coctebel and subsequent meetings in Moscow. An attempt is made by the author to reassess the generally accepted views of Erenburg's political evolution. The commentary provides detailed information on the little known persons from the literary and artistic circles of Kiev as well as the occupants of the Voloshin House in Coctebel in 1919-1921. 8 + 38 + 9 pp.

V.E. Ardov. EXCERPTS FROM THE MEMOIRS. Publication by V.F. Teider.

This is the transcript of oral recollections by the well-known satirical writer, V.E. Ardov, originally recorded on tape by a literary critic V.D. Duvakin in 1960s-1970s. The author describes his meetings with Mayakovsky, Esenin, Meyerhold and others, recalls the literary and theatre life of the 1920s, and relates some funny and ugly tales dealing with the subject of «culture and power»... 2 + 33 pp.

F r o m t h e H i s t o r y o f L i t e r a r y L i f e

A.L. Volynsky. THE RUSSIAN WOMEN. Publication by A.L. Evstigneeva

A brilliant art critic A.L. Volynsky makes an attempt to substantiate the «scientific classification» of Russia's women types in a series of sketches. Among those portrayed are L.Ya. Gurevich, Z.N. Hippius, Lue Salome, Mirra Likh-

vitskaya, Ida Rubinstein, Maria Dobrolyubova and others. In the preface and commentary one will find abundant information on the Russian female figures who left their mark in the sphere of culture in late XIXth - early XXth. 35 + 32 + 16 pp.

«THE HOUSE OF A POET» OF MAXIMILIAN VOLOSHIN. Publication by A.Sergeev and A.Tyurin.

M.A. Voloshin's letters from the last period of his life (1924-1932) addressed to a number of persons such as A.P. Ostroumova-Lebedeva (a painter), S.F. Platonov (a historian), E.F. Gollerbach (an art critic), I.M.Sarkizov-Serazini (a physician) are filled with his reflections on his creative work and his time, the lively description of everyday life in Cocetebel, as well as character sketches of people from the poet's entourage. The notes provide data on the persons mentioned. 1 + 64 pp.

«AN INESTIMABLE GIFT»: Correspondence between the families of Pasternak and Lomonosov. Preface by Ch.Barnes and R.Davies; edited by P.Butcher, R.Davies and L.Shorroks.

This concludes the publication of correspondence between the poet and R.N.Lomonosova, the wife of a prominent rail-road expert who lived in England and contributed to the introduction of Soviet literature to Western public. The letters shed light on the family drama of the poet, the conflicts in his creation work and life, and provide new material on the poet's attitude to his epoch and contemporaries. The commentary contains additional data on the poems and persons mentioned. 51 p.

From the History of Church

Archpr. M.P.Chel'tsov. WHAT MADE THE ORTHODOX CHURCH DECLINE IN 1920-1930s. Publication by V.Antonov.

The memoirs of an eminent ecclesiastic figure of the 1920s, Archpriest M.P. Chel'tsov, dwell on the hidden aspect of life of the Russian Orthodox Church in its most dramatic period characterised by the increasing pressure of the authorities on the clerics, tense relations between their hierarchs and the ideological dissent among the clergy. These features are described in a very lively manner by the author who personally witnessed the events he is recounting. 8 + 50 + 5 pp.

Diaries, notebooks and marginalia

THE NOTEBOOKS OF COLONEL G.A. IVANISHIN. Publication by A.D. Margolis, N.K.Gerasimova, N.S. Tikhonova.

The author of the Notes is an officer in the Guards who was in charge of the prison in the Peter and Paul Fortress between 1906 and 1917. Among those impri-

soned there were socialist revolutionaries, terrorists, sailors who surrendered their ships to the enemy and... the ministers of the tsarist government. One will find in the notes the author's observations on the convicts, excerpts from their letters, vivid portraits of E.K. Breshko-Breshkovskaya and N.V.Tchaikovsky, moving details of the farewell meetings of those condemned to death with their relatives on the eve of the execution, the story of the two revolutions in the Fortress... and of unchanged prison conditions. 3 + 73 + 20 pp.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

П.П. Скоропадский. «УКРАИНА БУДЕТ!..» Из воспоминаний. Публикация А.Варлыго	7
Ядвига Соммер. ЗАПИСКИ. Публикация, предисловие и примечания Б.Я. Фрезинского	116
В.Е. Ардов. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Публикация В.Ф. Тейлер	171

Из истории литературной жизни

А.Л. Волынский. РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ. Предисловие, комментарий, публикация А.Л. Евстигнеевой	209
«ДОМ ПОЭТА» МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА. Публикация А. Сергеева и А. Тюрина	293
«НЕОЦЕНИМЫЙ ПОДАРОК»: Переписка Пастернаков и Ломоносовых (1925-1970). Публикация К.Барнза и Р.Дэвиса. Подготовка текста П.Бутчер, Р.Дэвиса и Л.Шоррокс	358

У церковных стен

Прот. М.П. Чельцов. В ЧЕМ ПРИЧИНА ЦЕРКОВНОЙ РАЗРУХИ В 1920-1930 гг. Публикация В.Антонова	411
---	-----

Дневники, записные книжки, маргиналии

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ПОЛКОВНИКА Г.А. ИВАНИШИНА. Публикация А.Д. Марголиса, Н.К. Герасимовой, Н.С. Тихоновой	477
--	-----

Annex	575
-----------------	-----

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

НЕВСКИЙ АРХИВ

Историко-краеведческий сборник

Вып.2

Архивные и малоизвестные материалы
по истории Петербурга-Петрограда-Ленинграда

Редакторы-составители А.И. Добкин и А.В. Кобак

Среди публикаций:

Петербургские певчие XVIII в.

Как возник Екатерингофский парк

Письма к Г.Шлиману от его жены

Ярославцы в Петербурге: этносоциологическое исследование

Училищный дом имени Петра Великого — Нахимовское училище

Салон Маковского

Петербургский архитектор Н.А. Марков — строитель Тегерана

Конкуренция между немецким и советскими архитекторами в 1920-е

Иностранцы о городе: питерское детство финского писателя Т.Коллиандера; визит французского философа и романиста Селина в Ленинград в 1936

Крестовский остров в 1920-1940-е

и другие материалы.

Все публикуемые тексты тщательно откомментированы.

Редкие неизданные фотографии.

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

IN MEMORIAM

**Сборник статей и публикаций
памяти Ф.Ф. Перченка**

Основное содержание книги — история отечественной интеллигенции и науки в советское время, ряд сюжетов посвящен истории общественной мысли конца XIX — начала XX в. Рассматриваются механизмы репрессий, адаптации, влияния власти на науку и обратный процесс.

Среди публикаций:

Домашнее окружение С.Г. Нечаева
Дискуссия об античном антисемитизме в 1915
Кадеты и украинский вопрос
Еще раз о гибели Н.С. Гумилева
Документы ОГПУ о «Деле Академии наук» 1929-1931
Детство в Забайкалье: 1920-е
Воспоминания Н.С. Штакельберг о «кружке историков»
Разгром почвоведения: 1937
Судьба гебраиста М.Н. Соколова
На заре кампании против космополитизма
Исповедь Н.И. Конрада
Биографический словарь репрессированных академиков
Как организовать независимое научное сообщество
Программа работы с документами КГБ

Учредители АО «Издательство "Феникс"»

Издательство «Atheneum», Париж;
Российский институт искусствознания;
Школа-студия (вуз) им. Вл.И. Немировича-Данченко
при МХАТ им. А.П. Чехова;
Союз театральных деятелей России;
Международная конфедерация театральных союзов

МИНУВШЕЕ
Исторический альманах
17

ATHENEUM • ФЕНИКС

Редактор Т.Б. Притыкина
Корректор Е.В. Русакова
Наборщик И.М. Курдина

Оригинал-макет выполнен при содействии Международного
благотворительного фонда спасения Петербурга-Ленинграда

ЛР №090022 от 10.X.1991

Подписано в печать 20.03.1995 Формат 60 x 88 1/16. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,0 + 1,0 усл. печ.л. вклеек.
Тираж 3000 экз. Заказ №3335

Издательство «Феникс»: 103009, Москва, Тверская ул., 6, стр. 7.

Санкт-Петербургская типография №1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.